

Владимир Зиновьевич Санников, доктор филологических наук. Родился в 1931 году в Воткинске, в семье рабочих (бывших крестьян Пермской губернии, сбежавших от коллективизации в город). После окончания Пермского университета — аспирант Института языкознания АН СССР, затем — сотрудник Института русского языка, специалист по истории русского и других славянских языков. Волею судеб (вернее, волею партийных органов) был вынужден в 1975 году уйти из Академии наук в НИИ «Информэлектро». Вернулся в Академию только через 10 лет, в Институт проблем передачи информации, где работает и в настоящее время в должности ведущего научного сотрудника.

Автор книг «Русские сочинительные конструкции», «Русский язык в зеркале языковой игры», «Русская языковая шутка», а также многочисленных статей по истории славянских языков, лингвостатистике, автоматической обработке текстов. Однако основной круг интересов автора — синтаксис современного русского языка. Данная книга — итог многолетних поисков в этой области.

Автор книг «Русские сочинительные конструкции», «Русский язык в зеркале языковой игры», «Русская языковая шутка», а также многочисленных статей по истории славянских языков, лингвостатистике, автоматической обработке текстов. Однако основной круг интересов автора — синтаксис современного русского языка. Данная книга — итог многолетних поисков в этой области.

В. З. Санников Русский синтаксис

В. З. Санников

РУССКИЙ СИНТАКСИС
*в семантико-прагматическом
пространстве*

STUDIA PHILOLOGICA

В. З. САННИКОВ

РУССКИЙ СИНТАКСИС
*в семантико-прагматическом
пространстве*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 81.2Рус-3

С 18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 07-04-16129

Санников В. З.

С 18 Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. —
М.: Языки славянских культур, 2008. — 624 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0236-8

В книге рассматриваются в семантико-прагматическом аспекте некоторые сложные общие вопросы русского синтаксиса. Основное место занимает анализ русских сочинительных и подчинительных конструкций, а также «промежуточных» — сравнительных конструкций — в их взаимосвязи с этими двумя основными типами русских синтаксических конструкций. Рассматриваются и другие важные нерешенные проблемы — чередования в синтаксисе, иллюкативное употребление языковых единиц и т. д. В заключение рассматривается использование синтаксических единиц в языковой игре и делаются лингвистические наблюдения, из этого использования вытекающие.

Книга рассчитана на специалистов-лингвистов и студентов филологических факультетов.

ББК 81.2Рус-3

*В оформлении переплета использована фотография из книги
В. Черепанова «Деревянное кружево Красноярья» (Красноярск, 1986)*

Владимир Зиновьевич Санников

РУССКИЙ СИНТАКСИС
В СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Е. Сметанникова

Оригинал-макет и художественное оформление переплета А. Санникова

Подписано в печать 20.03.2008. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.

Усл. печ. л. 41. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур». № госрегистрации 1037789030641.

Тел.: 607-86-93. E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

© Санников В. З., 2008

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2008

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	15
Введение	19
Часть первая	
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РУССКОГО СИНТАКСИСА	29
Глава 1. Об интроспекции и эксперименте в лингвистических исследованиях.	31
§ 1. Об интроспекции.	31
§ 2. О лингвистическом эксперименте	32
§ 3. Языковая игра как лингвистический эксперимент	35
Глава 2. Конъюнкция, дизъюнкция, импликация в логике и в естественном языке	39
§ 1. Число элементов высказывания	41
§ 2. Неравноценность элементов высказывания, его смысловое богатство	42
§ 3. Размытость границ между конъюнктивными, дизъюнктивными и импликативными конструкциями	43

§ 4.	Размытость границ между конъюнктивными и дизъюнктивными конструкциями и между другими конструкциями языка	44
§ 5.	«Чисто конъюнктивный» союз <i>и</i> , «чисто дизъюнктивный» союз <i>или</i> и «чисто имплицативный» союз <i>если</i> в их соотношении с логическими связками	45
5.1.	<i>И</i> и логическая связка &	45
5.2.	<i>Или</i> и логическая связка $\vee$	46
5.3.	«Истина» в логике и «правда» в сочинительных конструкциях языка	48
5.4.	<i>Если</i> и логическая связка $\neg$	50
Глава 3. Иллокутивные употребления и синтаксический эллипсис. 53		
§ 1.	Объем и границы иллокутивных употреблений	57
§ 2.	«Кандидаты» в иллокутивные употребления	59
	I тип. «Собственно» иллокутивные употребления	59
	II тип. Конструкции «предупредительного поведения»	61
	III тип. Конструкции обоснования	63
	IV тип. Спорные случаи	65
§ 3.	Некоторые итоги. Иллокутивные употребления или синтаксический эллипсис?	66
Глава 4. О чередованиях в синтаксисе (к проблеме альтернологии) 71		
§ 1.	«Основные» и «дополнительные» синтаксические средства	72
§ 2.	Чередования в морфологии и синтаксисе.	73
§ 3.	Примеры синтаксических чередований. Чередования «комбинаторные» и «исторические»	74
§ 4.	Чередования в морфологии и синтаксисе: различия между ними	78
§ 5.	Какие из морфологических характеристик могут подвергаться чередованиям?	81
§ 6.	Альтернология и понятия «управление» и «согласование»	83

§ 7. Об отображении синтаксических чередований в формальных моделях русского языка	84
§ 8. О соотношении понятий «чередование», «морфонология», «синтморфология».	86
§ 9. О списке русских синтаксических чередований	87
§ 10. Краткие итоги	88

Глава 5. Конструкции пролептические

и смежные с ними	89
§ 1. Обособленно-атрибутивные конструкции	90
§ 2. Собственно пролептические конструкции	94
§ 3. Спорные случаи	98
Идентифицирующие конструкции с частицей <i>это</i>	99
Конструкции с частицей <i>вот</i>	100

Часть вторая

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ 103

Глава 1. Синтаксис сочинительных конструкций . . . . .

§ 1. Типы однородности сочиненных членов	110
1.1. Два значения термина «однородность»	110
1.2. Типы однородности сочиненных членов	111
1.3. Лексико-семантическая однородность	111
1.4. Коммуникативная однородность	119
1.5. Прочие типы однородности	122
1.6. Типы сочинительных конструкций.	123
§ 2. Об основной структурной особенности сочинительных конструкций	123
§ 3. Правила сочетаемости сочиненных членов	126
3.1. Три вида сочинения: сочинение предложений, сочинение членов предложения, сочинение предложения и члена предложения	126
3.2. Правила сочетаемости членов предложения	132
§ 4. Согласование сказуемого с сочиненными подлежащими	148

4.1. Факторы, определяющие согласование сказуемого с сочиненными подлежащими по числу и роду	151
4.2. Согласование сказуемого с сочиненными подлежащими по лицу	160
4.3. Правила чередования характеристик рода, числа и лица сказуемого при сочиненных подлежащих	162
§ 5. Расположение сочиненных членов во фразе и их взаиморасположение	165
5.1. Иконичный порядок сочиненных членов	167
5.2. Конвенциональный порядок сочиненных членов	169
Глава 2. Общая характеристика семантики сочинительных конструкций	173
Глава 3. Значение разделительных союзов	185
§ 1. Семантика разделительных союзов	186
1.1. Разделительные союзы в утверждениях.	186
Союз <i>или</i> и «наивная картина мира»	191
«Конъюнктивное <i>или</i> » и « <i>или</i> приблизительного количества».	196
1.2. Некоторые особенности семантики и функционирования разделительных союзов в вопросах, побуждениях и обещаниях	226
§ 2. Прагматика разделительных союзов	230
2.1. Утверждения	231
2.2. Вопросы	238
2.3. Обещания и побуждения	240
Глава 4. Значение соединительных союзов	243
§ 1. Семантика соединительных союзов	244
1.1. «Противительные» союзы и частицы <i>но</i> (стр. 244); <i>а</i> (стр. 265); <i>да-1</i> (стр. 276); <i>же</i> (стр. 278); <i>только</i> (стр. 278); <i>и то-1</i> (стр. 280); <i>а то</i> (<i>а так</i>) (стр. 282); <i>так</i> (стр. 283)	244

1.2. «Собственно соединительные» союзы и (стр. 284); а также (стр. 290)	284
1.3. Союз «компенсации» зато	291
1.4. Союз со значением «неожиданности» да и-1	294
1.5. Союзы, указывающие на отклонение от нормы по количеству и... и (стр. 297); ни... ни (стр. 300); как... так и (стр. 302); да-2 (стр. 303); и то-2 (стр. 307)	297
1.6. «Градационные» союзы не столько... сколько (стр. 309); скорее... чем (стр. 310); не то чтобы... но <a> (стр. 312); не только... но и (стр. 314); не то что... (а), (а) не то что (стр. 315); да и-2 (стр. 316)	309
§ 2. Замечания о прагматике соединительных союзов	318
2.1. Вопросы	319
2.2. Побуждения	320
2.3. Обещания	321
§ 3. Сочинение разнородных речевых актов	321
Глава 5. Значение заместительных союзов	329
§ 1. Семантика заместительных союзов.	329
§ 2. Прагматика заместительных союзов	334
Глава 6. Значение бессоюзных сочинительных конструкций	337
§ 1. Семантика бессоюзных сочинительных конструкций	341
§ 2. Прагматика бессоюзных сочинительных конструкций	345
2.1. Разделительные отношения в вопросах.	345
2.2. Разделительные отношения в побуждениях.	346
Глава 7. Обзор основных элементов значения сочинительных конструкций	349
Глава 8. Конструкции с тождественными словоформами (КТС)	361

§ 1. Редупликация — морфология? словообразование? синтаксис?	363
§ 2. Основные синтаксические характеристики КТС	364
§ 3. Основные семантические группы КТС	365
3.1. <i>Весело, весело было</i>	366
3.2. <i>Весело-весело было</i>	370
3.3. <i>Он рос и рос</i>	373
3.4. <i>Снег да снег кругом</i>	375
3.5. <i>Я верил и не верил.</i>	375
3.6. <i>Бывают аварии и аварии</i>	376
3.7. <i>Ну, медведь и медведь</i>	377
3.8. <i>(Ну), упал и упал</i>	378
3.9. Повторы вопросительных местоимений	378

Часть третья

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ 383

Глава 1. Синтаксические и прагматические особенности сравнительных конструкций	389
§ 1. Типы однородности сравниваемых членов: функциональная и лексико-семантическая	389
§ 2. О смысловой близости сочинительных и сравнительных конструкций.	391
§ 3. О правилах сочетаемости сравниваемых членов	393
§ 4. О структурной близости сочинительных и сравнительных союзов	394
§ 5. Структурное различие между сочинительными и сравнительными конструкциями.	395
Глава 2. Формальное представление сочинительных и сравнительных конструкций	397
§ 1. Существующие способы представления сочинительных конструкций	397
§ 2. Предлагаемый способ представления сочинительных и сравнительных конструкций	399

Часть четвертая
ПОДЧИНТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
(условные и уступительные) 405

Глава 1. Конструкции с союзом <i>если</i>	407
§ 1. Основные употребления союза <i>если</i> . Уточнение темы исследования	408
§ 2. Статус союза <i>если</i>	409
§ 3. «Условное» <i>если</i>	410
§ 4. «Сопоставительное» <i>если</i>	425
§ 5. Употребления, промежуточные между «условным» <i>если</i> и «сопоставительным» <i>если</i>	429
§ 6. <i>Если</i> «уступительное» — особое значение союза?	431
Глава 2. Конструкции с союзом <i>раз</i>	435
§ 1. О возможных путях возникновения союза <i>раз</i>	437
§ 2. Толкование союза <i>раз</i>	439
Глава 3. Конструкции с союзом <i>пускай / пусть</i>	445

Часть пятая
РУССКИЙ СИНТАКСИС
В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ 455

Глава 1. Синтаксис простого предложения	459
§ 1. Темо-рематическая структура	459
§ 2. Номинативные, предикативные и автонимные употребления	460
§ 3. Ложная связь между событиями.	462
§ 4. Подлежащее	463
§ 5. Сказуемое	464
§ 6. Модели управления.	465
§ 7. Симметричные предикаты	469
§ 8. Комитативные конструкции.	470
§ 9. Определительные и атрибутивные конструкции	471
§ 10. Обстоятельство	477
§ 11. Обращение	483
§ 12. Приложение	486

§ 13.	Синтаксическая омонимия	487
§ 14.	Синтаксическая компрессия	495
§ 15.	Согласование	498
15.1.	Согласование по лицу и роду	499
15.2.	Семантическое согласование элементов фразы	504
15.3.	Согласование в случае «несобственных значений» морфологических форм	512
§ 16.	Вопросительные конструкции	528
16.1.	Общие, альтернативные и специальные вопросы	528
16.2.	Псевдовопросы	530
16.3.	Экзаменационные вопросы	534
16.4.	Пушкин-вопрос	534
§ 17.	Анафорическое отношение	535
§ 18.	Повторы	540
§ 19.	Порядок слов	543
§ 20.	Парцелляция	545
§ 21.	Вкрапление чужеродных элементов.	545
§ 22.	Синтаксические мелочи	548
Глава 2.	Синтаксис сложного предложения	555
§ 1.	Сочинительные конструкции	555
§ 2.	Сравнительные конструкции	567
§ 3.	Конструкции, включающие метафору или метонимию	573
§ 4.	Подчинительные конструкции (условные и уступительные).	578

Приложение

МЕСТО РАСПРОСТРАНЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОПРЕДЕЛЯЕМОМУ СЛОВУ В РУССКОЙ ФРАЗЕ

585

§ 1.	Факторы, влияющие на выбор места распространённого определения.	587
------	---	-----

§ 2. Соотношение между факторами. Способы определения места распространенного определения.	593
Указатель рассматриваемых союзов и частиц	599
Литература	601

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эту книгу включены некоторые из моих работ — работы, описывающие синтаксис современного русского языка. Почти все они были опубликованы, но, судя по частой цитируемости, видимо, не утратили своей актуальности. Между тем они помещены зачастую в малодоступных (в том числе западных) изданиях. Поэтому представлялось целесообразным собрать их в одной публикации.

Естественно, я не включил в книгу работы по морфологии и словообразованию современного русского языка, а из работ, описывающих специфическое, «игровое» использование языковых единиц, взяты лишь разделы, посвященные синтаксису. Причина — стремление избежать пестроты содержания.

По этой же причине книга (за двумя исключениями) включает лишь работы последних десятилетий. Чтобы это объяснить, придется коснуться моей научной биографии. Дело в том, что предыдущие двадцать лет (с 1955 по 1975-й год) я специализировался по истории русского и других восточнославянских языков и работал в Секторе сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков Института русского языка АН СССР. Однако после подписания писем протеста против политических преследований в СССР и отказа выразить «чистосердечное раскаяние» Ф. П. Филин, Л. И. Скворцов и их соратники-коммунисты решили, что «вредна история русского языка для меня», и я был вынужден пе-

реквалифицироваться, перейдя из Института русского языка АН СССР в Институт «Информэлектро» Министерства электротехнической промышленности. Здесь сведения об аористе, плюсквам-перфекте, древнерусском синтаксисе не были предметом первой необходимости. Терпели (со скрипом) исследования по машинному переводу и современному русскому языку. Не буду лукавить: кардинальная смена направления исследований не стала для меня трагедией, загадки современного языка интересовали меня и раньше (две ранних статьи на эту тему помещены и в этой книге).

Приводимый в книге иллюстративный материал собран в 1976–2006 гг., преимущественно из текстов русской художественной литературы. В соответствии с имеющимся пониманием современного русского литературного языка (см., напр., Панов 1981: 11), я описываю русский язык XX в., но привожу также и примеры, относящиеся к более раннему периоду, — если они не противоречат резко нормам языка II половины XX и начала XXI века. Все примеры, взятые из грамматик, картотек, а также из трудов других исследователей, специально оговариваются.

Я, естественно, не мог, да и не хотел вносить в ранее опубликованные работы мнения (зачастую интересные и справедливые) других, более поздних исследователей — тем более, что многие из них ссылаются на мои работы или полемизируют с ними. Моя полемика с этими исследователями приводила бы к замкнутому кругу.

Изменения в моих ранее опубликованных работах, как правило, заключаются в исправлении явных ошибок, опечаток, стилистической правке, композиционных изменениях и в сокращениях. Одно из сокращений имеет принципиальный характер, и на нем необходимо остановиться подробнее. Поскольку данная работа задумана как теоретическая, резко сокращена по сравнению с предыдущими публикациями «формальная», «прикладная» часть, которая в предшествующий период развития нашей лингвистики считалась равноценной (если не преобладающей) в исследовании современного языка. Любое теоретическое положение о строении современного языка должно было быть формализовано или хотя бы формализуемо. Этот подход отразился в некоторых моих ранних работах, и, отдавая дань прошлому, в Приложении я полностью, без изменений,

я привожу одну из этих работ — «Место распространенного определения по отношению к определяемому слову в русской фразе» (ВЯ, 1963, № 1). Впрочем, другим (наверное, более веским) основанием для ее помещения в этой книге является то обстоятельство, что она включала некоторые лингвистически содержательные наблюдения, да и в плане общетеоретическом, видимо, небезынтересна.

Книга состоит из пяти частей.

В I части рассматриваются некоторые сложные общие вопросы русского синтаксиса — синтаксические чередования, иллокутивное употребление языковых единиц и т. д.

Во II части, самой большой по объему, детально анализируются сочинительные конструкции.

В III части рассматриваются «промежуточные» — сравнительные — конструкции в их взаимосвязи с двумя основными типами русских синтаксических конструкций — конструкциями сочинительными и подчинительными.

IV часть посвящена рассмотрению некоторых подчинительных конструкций (условных и уступительных).

В V части рассматривается «игровое» использование языковых единиц — там, где оно синтаксически значимо и нередко позволяет обнаружить синтаксические явления, которые могли бы остаться незамеченными.

Приложение посвящено одному частному вопросу — месту распространенного определения в русской фразе.

Поскольку отдельные части работы публиковались в разное время, в разных издательствах, возможен некоторый разнобой в технических способах подачи материала.

* * *

На протяжении долгих лет я пользовался дружеской критикой и советами моих близких и моих коллег, которые приняли активное участие в обсуждении работы или отдельных ее частей. Это Н. Д. Арутюнова, В. А. Белошапкина, Анджей Богуславский, И. М. Богуславский, Т. В. Булыгина, М. В. Всеволодова, Л. Л. Иомдин, Е. В. Красильникова, Л. П. Крысин, С. М. Кузьмина, А. В. Лазурский, Е. В. Падучева, О. В. Санникова, И. Фужерон, Е. Н. Ши-

ряев и многие, многие другие. Автор приносит им глубокую благодарность. Особенно многим я обязан Ю. Д. Апресяну, чьей дружеской поддержкой и советами я пользовался на всех стадиях работы над книгой, а также моему сыну Андрею Санникову, который сыграл исключительную роль при подготовке книги к печати и сверстал ее.

* * *

Некоторые части работы были выполнены при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 94-06-19655, 04-04-00263а) и РФФИ (проект № 04-07-90179). Издание книги «Русский язык в зеркале языковой игры» (М., 1999), отдельные разделы которой я здесь помещаю, осуществлено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 98-06-87086).

ВВЕДЕНИЕ

1. Тематика книги заставляет, хотя бы бегло, коснуться моего понимания соотношения синтаксиса, семантики и прагматики языковых единиц. Это понимание было изложено в книге, посвященной синтаксису русских сочинительных конструкций [Санников 1989], и с незначительными изменениями приводится ниже.

После работы Чарлза Морриса [Morris 1938] получает все большее распространение и в настоящее время может считаться общепринятым трехчастное деление семиотики (и, в частности, лингвистики) на «синтактику» («синтаксис»), «семантику» и «прагматику». Моррис отмечает, что характеристика языка (L) учитывает три измерения по простой формуле: $L = L_{\text{син.}} + L_{\text{сем.}} + L_{\text{прагм.}}$ [Моррис 1983: 46]. *Синтактика* изучает «формальные отношения знаков друг к другу», *семантика* — «отношения знаков к их объектам», *прагматика* — «отношения знаков к их интерпретаторам», то есть действующим лицам процесса речи [Там же: 42].

В качестве примера попытаемся применить моррисовское трехчастное деление к нашему языковому материалу. Рассмотрим, например, сочинительную конструкцию с союзом *или*:

Он подарил Коле книгу *или* журнал.

— В прагматическом описании, учитывающем говорящего и слушающего, их отношение к сообщаемому и друг к другу, мы отметим, что: говорящий признается, что он не знает полной правды об описываемой ситуации, но считает, что и эта неопределен-

ная информация полезна для слушающего, поскольку в условиях общения нет источника более точной информации.

— В семантическом описании «мы отвлекаемся от тех, кто пользуется языком, и анализируем только выражения и их десигнаты» [Карнар 1974: 17]. Мы отметим, в частности, что в рассматриваемом примере каждый из компонентов возможен (возможно, он подарил книгу, возможно, он подарил журнал).

Указанные сведения семантического и прагматического характера индуцированы именно сочинительным союзом *или* и должны быть включены в его толкование. Об этом свидетельствует тот факт, что при замене в обсуждаемом примере союза *или* на союз *и* (*Он подарил Коле книгу и журнал*) перечисленные семантические и прагматические компоненты значения утрачиваются.

— В синтаксическом описании, «отвлекаясь» как от говорящих, так и от объектов, к которым относятся знаки, мы исследуем формальные отношения знаков друг к другу, то есть, в частности, отметим, что: сочиненные члены однофункциональны (и то, и другое — «прямое дополнение»); они согласованы по части речи (S) и по падежу (вин. пад.); один из них (книгу) располагается перед сочинительным союзом, другой — после него; отметим, что за отдельными исключениями, которые должны быть оговорены особо, сочиненные члены не могут разделяться другими словами (ср.: ³Он подарил книгу Коле или журнал¹). И т. д.

Разумеется, сведения, приведенные выше при разборе данного примера, крайне приблизительны и упрощены, вопрос о границе между синтаксисом, семантикой и прагматикой остается спорным, однако само это разделение вряд ли может вызывать сомнения. В работе, посвященной развитию прагмалингвистики в странах Восточной Европы, Й. Пруха отмечает, что коммуникативно-прагматический компонент уже включен лингвистами ГДР в описание системы современного немецкого языка; среди чехословацких лингвистов широко распространена убежденность в необходимости изучения прагматических аспектов языковой системы и комплексного рассмотрения синтаксических, семантических и прагматических компонентов (см. Prucha 1983; цит. по: РЖ. сер. 6, 1985, № 6, с. 21–22).

¹ Грамматически неправильные фразы обозначаются звездочкой слева вверху, а сомнительные — одним или двумя вопросительными знаками.

Что касается русского языка, то можно утверждать, что в целом синтаксис языковых единиц изучен лучше, чем их семантика, а семантика — лучше, чем их прагматика. Данная работа имеет предварительный характер и не закрывает эту брешь, однако мы надеемся, что она будет способствовать решению проблемы, поскольку принципиальная установка нашей работы — рассмотрение русских языковых единиц (союзов и синтаксических конструкций) во всех трех аспектах: синтаксическом, семантическом и прагматическом¹.

2. Еще недавно место семантики, ее границы рисовались достаточно неопределенными. Так, Дж. Катц и Дж. Фодор определяли семантику следующим образом: «Семантика — это лингвистическое описание минус грамматика» [Katz, Fodor 1963: 172; цит. по: НЗЛ, х: 236]. Дж. Д. МакКоли отмечал, что этот тезис означает, по существу, что «семантика понимается прямо-таки как бесформенное крошево» [МакКоли 1981: 236]. По мере разработки семантики ее задачи и ее границы становились достаточно определенными, роль своеобразной «свалки» перешла к новой области лингвистики — прагматике².

Вслед за Б. Ханссоном [Hansson 1974] и некоторыми другими исследователями мы будем использовать достаточно широкое понимание прагматики, включающее как прагматику «высшего уровня» (теория речевых актов), так и прагматику «низшего уровня» (изучение прагматических элементов значения языковых единиц). Неправомерность широко распространенного сведения прагматики к теории речевых актов осознается многими исследователями

¹ В последнее время особый интерес вызывает лингвистика текста — новая область, характеризующаяся стремительным развитием, граничащим с «атмосферой некоторого „бума“» [Николаева 1978: 5]. Поскольку текст — это множество предложений (или высказываний), то для его изучения необходим, казалось бы, выход за пределы одного предложения (или высказывания), а это расширение традиционных рамок лингвистического анализа связано с большими трудностями, это — путешествие в terra incognita. Поэтому правомерна (по крайней мере, на современном этапе) попытка исследования закономерностей текста на материале одного (главным образом, сложного) предложения [Katz, Fodor 1963]. На материале русского сложного предложения этот подход развивается в обстоятельном исследовании М. В. Ляпон [1986], основной задачей которого является изучение «текстовых свойств сложного предложения». «Выступая, с одной стороны, как знак отношения, сложное предложение, с другой стороны, заключает в себе своего рода «контекстуальный квант», ограниченный собственными рамками» [Ляпон 1986: 9].

² Ср. призыв Бар-Хиллела «соблюдать осторожность в обращении с прагматической мусорной корзиной» [Bar-Hillel 1971; цит. по: НЗЛ, xvi: 394].

(по преимуществу лингвистами). Т. В. Булыгина отмечает, что «существует огромное количество языковых единиц, в содержание которых наряду с семантическими элементами инкорпорированы прагматические..., а некоторые (даже, -то и др. — *Даже Иван пришел, Иван-то пришел*) имеют исключительно прагматическую природу» [Булыгина 1981: 340]. Русские союзы (и подчинительные, и сочинительные) относятся к числу языковых единиц, в содержание которых «инкорпорированы» прагматические элементы.

В связи с этим в данной работе, как и во многих других, семантика и прагматика языковых единиц зачастую объединяются под термином «значение».

На нашем понимании значения языковых единиц, способах его определения и описания остановимся несколько подробнее.

Наиболее яркое (хотя, по-моему, сильно преувеличенное) представление о сложности проблемы — высказывание Л. Витгенштейна:

Мы должны описать крайние тонкости, которые мы <...> абсолютно не в состоянии описать нашими средствами. Мы чувствуем себя так, будто мы должны своими пальцами привести в порядок разорванную паутину.

Попробуем все-таки это сделать.

3. Широко распространено ошибочное представление о смысловой «дефектности» союзов (и других «служебных» слов), об отсутствии у служебных слов лексического значения или о «простоте», «элементарности» этого значения. Отсюда неточность, «обобщенность» многих имеющихся в русистике толкований союзов. Зачастую эти толкования представляют собой либо общие классифицирующие характеристики типа «условный союз», «разделительный союз», «условно-разделительный союз», либо указания синонимичных союзов или выражений. Эти указания нередко недостаточно точны (так, союз *а то и* определяется в [БАС] как синоним союза *или, или же*, что явно не так — ср.: Он вернется *через 5, а то и 6 дней* — Он вернется *через 5 или 6 дней*); толкующие выражения (такие, например, как «иначе», «а на самом деле», приводимые в [БАС] в качестве толкований союзов *а то, не то, а не то*) сами подчас имеют сложное значение и нуждаются в толковании.

Представление об элементарности значения союзов широко распространено и в теоретической семантике 60–80-х гг. Некото-

рые союзы объявляются элементарными единицами, вообще не нуждающимися в толковании¹. Так, Х. С. Серенсен полагает, что союзы (*и, если... то, или... или* и т. д.) характеризуются «весьма большой семантической простотой» [Sørensen H. S. *Word-classes in Modern English*. Copenhagen, 1958; цит. по: Семиотика: 236]. Анна Вежбицка сомневается в справедливости этого мнения [Вежбицка 1983: 236—237]. Анализ русских союзов убеждает в том, что эти союзы (даже так называемые «основные» — *если, и, или*) имеют достаточно богатое значение и, бесспорно, нуждаются в толковании.

4. Анализ описываемых ситуаций, учет истинностных значений может облегчить нахождение правильных толкований, однако результаты этого анализа требуют чрезвычайно осторожного обращения. Прямое отображение ситуаций в толкование может привести к ошибке. Ведь фраза *Думаю, здесь близко река или озеро* истинно и в том случае, если поблизости есть два озера (ср. ответную реплику: *Да, здесь два озера*), а просьба *Принеси бутылку водки* будет, очевидно, выполнена и в том случае, если принесены две бутылки водки. Не будем же мы на этом основании включать в толкование фраз *Здесь близко река или озеро; Принеси бутылку водки* указание на возможную множественность предметов (рек, бутылок)!

Разумеется, анализ ситуаций действительности может обогатить семантическое исследование, его ни в коем случае нельзя квалифицировать как опасного врага, однако безоговорочно записывать его в друзья, которым можно слепо доверять, тоже не следует. Р. Джекендофф прав, когда он пишет: «Естественный язык непосредственно связан именно с проецируемым, а не реальным миром. В связи с этим «истинность» и «референция» в традиционном понимании не могут считаться центральными понятиями семантики естественного языка» [Jackendoff 1983; цит. по: РЖ, сер. 6, № 5, М., 1985, с. 45].

5. Чрезвычайно интересен вопрос о взаимодействии значений единиц, составляющих предложение, особенно «правила

---

¹ «Стремление определить слишком многое — не меньший грех, чем недостаточные определения, ибо и то и другое ведет к неясности, которой мы как раз и хотели избежать» (Arnauld A. et Nicole P. *La Logique ou l'art de penser*. P., 1965, p. 90–91; цит. по: Семиотика: 229).

сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [Щерба 1931: 68].

Изучение взаимодействия значений только еще начинается. Одним из первых шагов в этом направлении была разработка понятия, обозначаемого обычно терминами «семантическое согласование (или согласованность) элементов значения предложения» [Так 1971; Булыгина 1980: 343; Степанов 1981: 250 и сл.] или «семантическая связность текста» [Апресян 1974: 13 и сл.]. «Текст семантически связан, если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты; если ни для одной пары связанных друг с другом слов это правило не соблюдено, текст семантически не связан» [Апресян 1974: 14–15].

Понятие семантической связности текста Ю. Д. Апресян иллюстрирует примером *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*, который (в силу многозначности входящих в него слов) имеет 72 принципиально возможных прочтения. Лишь одно из них является оптимальным и естественным, и оно с легкостью выбирается всяким человеком, владеющим русским языком, — именно на основании закона, диктующего выбор такого осмысления данного предложения, при котором «повторяемость семантических элементов достигает максимума» [Апресян 1974: 14].

На примере морфологических значений Т. В. Булыгина показывает, что «понятие семантической согласованности элементов существенно и для грамматических значений ... — по-видимому, даже в большей степени, чем для лексических» [Булыгина 1980: 344]. Это замечание справедливо и по отношению к значениям синтаксическим. Естественно, далее, что в тексте должны быть согласованы значения лексические с значениями грамматическими (морфологическими и синтаксическими). Примером такого согласования могут служить сочинительные конструкции типа *Она красивая, но глупая*, где желательность одного компонента и нежелательность другого передается и лексическими значениями этих компонентов, и союзом *но*.

Нарушение семантического согласования ведет к языковой неправомерности. В качестве иллюстрации рассмотрим союз *и то*, в значение которого входит компонент 'меньше нормы':

- (1) Вино подают за обедом, *и то по рюмке* [= 'редко и в малых количествах'].

Рассмотрим теперь две модификации фразы (1):

(2) *Вино подают за обедом, *и то по большой рюмке.*

(3) Вино подают за обедом, *и то по стакану.*

Фраза (2) неправильна, поскольку смысл союза *и то* (указание на малое количество) не согласуется со смыслом прилагательного *большой*.

Любопытно, что фраза (3) правильна, поскольку «все формальности здесь соблюдены» (эксплицитного указания на большое количество нет), — хотя по существу эта фраза более противоречива, чем (2) (стакан больше, чем рюмка, даже большая).

Смысл, содержащийся в (2) можно передать и с помощью союза *и то*, но эксплицитно указав на имеющееся смысловое противоречие:

(4) Вино подают за обедом, *и то по рюмке, правда, большой.*

Однако взаимодействие значений не сводится к семантической согласованности элементов. Н. Н. Леонтьева [1965; 1967] отметила, что, кроме тенденции к дублированию смысла, создающей избыточность, в языке действует противоположно направленная тенденция к сокращению повторяющейся части смысла, в частности, семантическая компрессия: *банка, сделанная из меди* → *банка из меди*. Ю. Д. Апресян [1974] использует при описании сходных явлений термин «семантическая гаплогология». Это хорошо согласуется с интересными наблюдениями А. М. Пешковского: «Язык не применяет одновременно всех своих средств, ... т. е. тут действует закон эконо м и и с и л ...»; и далее: «когда вопросительное понимание гарантировано специальными вопросительными словами, интонация вопроса опускается как излишняя. Напротив, когда она одна создает вопрос, она, естественно, применяется в максимальной степени» [Пешковский 1956: 49].

Приведем еще один пример (с конкретизатором *все-таки*), где бóльшая полнота согласованности достигалась бы естественной для противопоставления постановкой союза *но*:

(6) ...в старом Кельне тоже есть собор,

Неконченный *и все-таки* прекрасный.

(О. Мандельштам. Реймс и Кельн).

Противопоставленность компонентов обозначена в (6) дважды: 1) лексическим составом компонентов (противопоставление универсально нежелательного — *неконченный* и универсально желатель-

ного — *прекрасный*); 2) лексемой *все-таки*. Дополнительное дублирование этого смысла (например, употреблением вместо союза *и* союза *но*) выглядело бы здесь несколько назойливым: бессмысленно укреплять контрфорсами здание, и без того имеющее большой запас прочности.

6. В качестве метода описания значения языковых единиц мы используем их толкование (см. Апресян 1974; Падучева 1974; Падучева 1985; Вежбицка 1983). Язык толкований называют обычно семантическим языком. Поскольку, однако, этот термин не учитывает другую важную сторону языкового знака — его прагматику, предпочтительнее, видимо, говорить о «языке толкований», или о «прагмасемантическом языке», или о «языке значений».

При такой постановке вопроса вид языка толкований имеет первостепенное значение. Большинство логиков и часть лингвистов считают, что языком толкований должен быть *формальный язык*, использующий символику языков логики. Некоторые лингвисты (см. в особенности Wierzbicka 1980) и логики (ср. Витгенштейн 1985) считают (и мы полностью разделяем их мнение), что языком толкований должен быть *естественный язык*. Если язык — «окно в мышление» [Парти 1983: 302], «если семантика ... призвана воспроизвести структуру человеческого сознания, то она не может использовать аппарат, чуждый таковому сознанию» [Вежбицка 1983: 225].

Итак, языком толкования должен быть естественный язык. Однако, для того, чтобы он мог выполнить свою задачу, он должен быть «упорядочен» (ср. Апресян 1974: 70–77; Вежбицка 1983: 226; Падучева 1985: 18–19). Словарь языка толкований «во-первых, ... значительно меньше по объему; во-вторых, в нем нет ... синонимии и омонимии имен значений — явлений, которые богато представлены в естественных языках» [Апресян 1974: 76].

Насколько далеко можно идти при сокращении объема словаря при выработке языка толкований? Анна Вежбицка считает, что здесь нельзя останавливаться на полпути, что необходимо «довести минимизацию (*reduction*) до конца, до тех пор, пока она не дойдет до таких составляющих человеческих высказываний, которые уже просто не могут быть подвергнуты дальнейшему разложению» [Вежбицка 1983: 226]. По мнению А. Богуславского, эти неопределимые элементы как раз и должны представлять собой те «предель-

ные составляющие мира», те «элементы человеческой мысли», которые уже более трех веков ищут философы¹. Лингвисты включились в поиски элементарных семантических единиц лишь в XX в., однако именно они внесли решающий вклад в решение этой проблемы. Анна Вежбицка в фундаментальном труде, специально посвященном рассматриваемому вопросу [Wierzbicka 1972], впервые дала пусть небесспорный, пусть предварительный, но полный и тщательно продуманный список элементарных смыслов (включающий 14 единиц), доказав практическую осуществимость этого грандиозного предприятия, значение которого для лингвистики невозможно переоценить.

Однако толкования, строящиеся из столь ограниченного числа элементов, неизбежно становятся достаточно громоздкими. Поэтому на практике, при толковании единиц языка, исследователи (в том числе и сама Анна Вежбицка²) пользуются единицами, которые не являются семантически элементарными. Мы также в данной работе будем использовать при построении толкований не мельчайшие «кирпичики» — элементарные единицы, а гораздо более крупные блоки.

В данной работе принимается понимание толкования, разработанное Ю. Д. Апресяном: «мы будем понимать под толкованием единицы X предложение на ограниченном и стандартизованном языке, построенное с соблюдением следующих требований: (а) оно должно быть в точности синонимично толкуемой единице X; (б) оно должно сводить толкуемый смысл к более простым смыслам...; (в) эти более простые смыслы должны быть настолько крупными, насколько это возможно без нарушения требования (б): последнее условие значит, что толкуемую единицу X следует сводить к ее «непосредственным семантическим составляющим», а не к мельчайшим неопределяемым словам — смыслам» [Апресян 1980: 20].

Еще один важный вопрос связан с мерой полноты толкования языковой единицы: должно ли оно включать лишь те признаки, которые отличают ее от всех остальных единиц языка

---

¹ Ср.: «Алфавит человеческих мыслей» Г. В. Лейбница, представляющий собой «каталог тех [понятий], которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинации которых возникают остальные наши идеи» (цит. по: Вежбицка 1983: 229).

² См., напр., Wierzbicka 1979: 315 и др.

(принцип «минимального толкования» Е. Бендикса — см.: НЗЛ, XIV, с. 27)¹, или же в толкование должны входить не только дифференциальные семантические признаки, но все признаки, в частности «интегральные» [Толстой 1968; Шмелев 1969: 15], «ассоциативные», или «потенциальные» [Шмелев 1969: 26; Гак 1971: 382], а также «факкультативные» [Апресян 1974: 124–125, 148].

Некоторые исследователи семантики русских языковых единиц вводят в толкование лишь дифференциальные признаки [Левин 1970]. В данной работе предпринимается попытка дать максимально богатое и детальное описание семантики и прагматики широкого круга русских союзов (около 50 союзов). В случаях колебаний мы предпочитали включать спорные элементы, чтобы избежать риска упустить важные компоненты значения того или иного сочинительного союза.

7. Положение, что толкуемой единицей должно быть не отдельно взятое слово (р), но слово в словосочетании или в предложении (хру) (см., напр., Апресян 1974: 97–99), по отношению к союзам представляется бесспорным (недаром в толковых словарях русского языка толкование союзов включает указание на «связываемые предложения или члены предложения» и на «отношения» между ними).

Предлагаемые нами толкования не формальны. «Пока не разработана полная семантическая модель естественного языка, пока делается радикальная попытка разрешить загадку семантической системы, любая попытка формализации только затемнила бы картину и затруднила бы, если не сделала невозможным, понимание» [Вежбицка 1983: 246]. Наши толкования — это скорее материал для формальных толкований.

Что касается методов анализа материала, то основными из них являются интроспекция и лингвистический эксперимент, о роли которых мы будем подробно говорить в главе 1 первой части.

---

¹ Данная точка зрения восходит, видимо, к концепции Аристотеля, согласно которой «каждый объект должен распознаваться через множество его существенных свойств (различительных признаков), а случайные свойства объекта (избыточные признаки), вносящие незначительный вклад в наше знание об объекте или не вносящие ничего, могут без всякого ущерба игнорироваться» (НЗЛ, XIV: 134).

Часть первая

ОБЩИЕ
ВОПРОСЫ
РУССКОГО
СИНТАКСИСА

Глава 1

ОБ ИНТРОСПЕКЦИИ И ЭКСПЕРИМЕНТЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В отличие от других глав, данная глава не содержит лингвистически содержательных наблюдений, она касается методики исследования. Впрочем, и в плане методическом она не содержит ничего принципиально нового. Причина ее помещения здесь — прояснить мою позицию, проводимую через все разделы книги. К тому же она не совпадает с позицией, господствующей в современной русистике: истины, ставшие, казалось бы, избитыми, с трудом входят в жизнь, все (или почти все) лингвисты их признают, но мало кто им следует.

§ 1. ОБ ИНТРОСПЕКЦИИ

При описании современного языка первостепенное значение имеет моделирование собственной лингвистической интуиции исследователя. Отстаивая правомерность (точнее — необходимость) такого подхода, Анна Вежбицка пишет: «Во-первых, исследователь имеет непосредственный доступ только к собственной интуиции, и лишь на этой основе он может изучать интуицию других людей. И, во-вторых, я полагаю, что интуиции разных носителей языка

---

¹ Разделы из книг [Санников 1989; Санников 1999].

практически совпадают... Природа интуиции такова, что методом ее исследования неизбежно может быть только интроспекция. Однако следует подчеркнуть, что интроспекция означает не какое-то случайное «мне кажется», а систематическое, упорное проникновение в глубины своего языкового сознания» [Вежбицка 1983: 245]. Подобный подход (давно и в достаточно категоричной форме) предлагался и в русистике: «С весьма распространенной боязнью, что при таком методе (методе «самонаблюдения». — В. С.) будет исследоваться «индивидуальная речевая система», а не языковая система, надо покончить раз навсегда. Ведь индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследование первой для познания второй вполне законно» [Щерба 1974: 34].

§ 2. О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

1. Давно известны способы, обеспечивающие бóльшую точность описания значения языковых единиц и позволяющие «очистить» значения слова от семантических компонентов, принадлежащих другим словам (например, очистить значение сочинительного союза от значений, возникающих в предложении за счет других слов — компонентов сочинительной конструкции). Основной из этих способов — лингвистический эксперимент.

Известно, что в XX в. в различных областях науки и искусства (в математике, биологии, философии, филологии, живописи, архитектуре и т. д.) многие ценные идеи и начинания российских ученых и деятелей культуры заглохли в душной атмосфере советского тоталитаризма, но получили признание и развитие на Западе и через десятилетия снова возвращаются в Россию. Это в значительной степени относится и к методу лингвистического эксперимента, громадную роль которого настойчиво подчеркивали в 20-х годах А. М. Пешковский и особенно Л. В. Щерба. «Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило <...> В возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество — с теоретической точки зрения — изучения живых языков» [Щерба 1974: 32].

На словах необходимость экспериментирования в синхронических исследованиях признаётся, по-видимому, всеми российскими лингвистами, на деле, однако, возможности этого метода до сих пор используются недостаточно. Зарубежные исследования по грамматике, семантике, прагматике — это, как правило, серия экспериментов над несколькими, тщательно подобранными примерами и интерпретация полученных результатов. В России работы по современному языку в рассматриваемом отношении мало отличаются от работ по истории языка: и в тех, и в других приводятся большие списки примеров из обследованных текстов, и сама величина списка расценивается как доказательство правильности развиваемого положения. При этом игнорируется то обстоятельство, что в реальных текстах анализируемое явление нередко искажено воздействием добавочных факторов. Мы забываем предостережение А. М. Пешковского, который отмечал, что было бы ошибкой видеть, например, в союзе *и* выразителя распространительных, причинно-следственных, условно-следственных, противительных и т. п. отношений; это означало бы, что «в значение союза просто сваливается все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений». Исследователь языка попадает при этом в положение химика, который для химического анализа какого-то металла брал бы куски его руды разного минерального состава и приписывал наблюдаемые различия самому металлу. Очевидно, химик возьмет для своего опыта чистый металл, лишенный примесей. Мы также должны оперировать тщательно подобранными примерами, по возможности, исключаящими воздействие добавочных факторов, и экспериментировать с этими примерами (например, заменять слово его синонимом, изменять тип речевого акта, расширять фразу за счет диагностирующего контекста и т. п.).

2. Приведем пример, иллюстрирующий задачи и способы экспериментирования при изучении значения языковых единиц.

Пусть мы изучаем значение союза *и... и*. Мы могли бы привести громадное количество примеров употребления союза *и... и* (благо он достаточно распространен), однако это мало приблизило бы нас к решению задачи. Важную роль здесь может сыграть серия лингвистических экспериментов, например:

- 1) выбор достаточно простого примера, исключаящего, по воз-

можности, воздействие добавочных факторов, которые могут исказить картину;

2) попытки заменить союз *и... и* на союз *и*, близкий по значению, и наблюдения над различием в их значении — ср. (1) и (2);

3) результатом этих наблюдений является гипотеза о том, что в смысл союза *и... и* входит компонент 'много', которого нет в смысле союза *и*;

4) для проверки гипотезы пытаемся расширять фразы (1) и (2), подставляя в них наречия *много* и *мало*. Союз *и* может сочетаться с обоими наречиями — см. (3) и (4), а союз *и... и* не может сочетаться с наречием *мало*, и этот «отрицательный языковой материал» свидетельствует в пользу правильности нашей гипотезы о том, что, в отличие от союза *и*, в значение союза *и... и* входит смысловой компонент 'много' (*Он принес и вино, и фрукты* = 'Он принес вино и фрукты, и это — много'). В (6) этот компонент вступает в противоречие со смыслом наречия *мало*, что и приводит к неправильности.

- (1) Он принес *и* вино, *и* фрукты.
- (2) Он принес вино *и* фрукты.
- (3) Он принес *много* — вино *и* фрукты.
- (4) Он принес *мало* — вино *и* фрукты.
- (5) Он принес *много* — *и* вино, *и* фрукты.
- (6) *Он принес *мало* — *и* вино, *и* фрукты.

3. Сказанное выше отнюдь не означает, что автор — противник сбора текстового материала. В исследованиях по диахронии, по стилистике и т. д. он необходим. Да и при изучении современного языка примеры из текста — это полезная отправная точка и ценный иллюстративный материал. Однако сбор текстового материала не должен стать самоцелью. Это не лишенное приятности занятие дает не так уж много, по Маяковскому, «в грамм добыча, в год труды». При изучении живого языка упор должен быть сделан на лингвистическом экспериментировании. Мы сэкономим время и добьемся лучших результатов. Об этом хорошо сказал Ю. Д. Апресян: «Можно десятилетиями собирать факты и ни разу не заметить семантического секрета слова, который оно мгновенно отдает в условиях острого эксперимента» [Апресян 1971: 34].

4. Многие лингвисты (Ш. Балли, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба,

Э. Г. Бендикс, Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева, Анна Вежбицка и др.) подчеркивают также роль «отрицательного языкового материала», т. е. различных неправильностей и ошибок речи — извлеченных из текстов или полученных экспериментально. «Нарушая правила семантической «грамматики», отрицательный языковой материал делает эти правила явными» [Вежбицка 1983: 249].

Наблюдения над «отрицательным языковым материалом» — аномалиями (высказываниями, противоречащими языковой интуиции) — являются важным видом эксперимента. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают (со ссылкой на Т. Куна), что в науке нередко открытие начинается с осознания аномалии [Булыгина, Шмелев 1997: 438]. «...игра в нарушение семантических и прагматических канонов имеет своей целью проникнуть в природу самого канона, а через него и в природу вещей» [Арутюнова 1988: 303]. Разумеется, необходима осторожность при интерпретации результатов. Результаты, которые резко противоречат существующим представлениям («ни в какие ворота не лезут»), требуют тщательной проверки. Не исключено, что мы имеем дело с ошибкой эксперимента. Как заметил Э. Даль, «если мой градусник показывает, что у меня температура 43°С, то я заключу отсюда не то, что прежние теории относительно возможных колебаний человеческого тела не верны, а то, что мне следует купить новый градусник» (цит. по: [Булыгина, Шмелев 1997: 437]).

5. Эксперимент должен стать для лингвиста, исследующего современный язык, столь же обычным рабочим приемом, каким он является, например, для химика. Впрочем, то, что он занимает скромное место в лингвистических исследованиях, отнюдь не случайно. Эксперимент требует определенных навыков и немалых усилий. Поэтому, нам кажется, особенно важно использовать экспериментальный материал, который уже имеется, «лежит под ногами». Мы имеем в виду языковую игру.

§ 3. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

1. Какой интерес может представлять для лингвиста отражение языка в зеркале языковой игры — зеркале заведомо кривом? Ведь языковая игра, как и комическое в целом, — это отступление от нормы, нечто необычное (даже, по Аристотелю, нечто безобразное). Дело, однако, в том, что, по справедливому замечанию Тома-

са Манна, патологическое, пожалуй, ясней всего поучает норме («Лотта в Веймаре»). Это в полной мере приложимо и к патологическому в речи: языковая игра позволяет четче определить норму и отметить многие особенности русского языка, которые могли бы остаться незамеченными.

2. Парадоксальный факт — лингвистический эксперимент гораздо шире, чем лингвисты, применяют (уже многие столетия, если не тысячелетия) сами говорящие, — когда они играют с формой речи.

В качестве примера можно привести серию экспериментов О. Мандельштама с местоимением *такой*, указывающим на высокую степень качества (напр., *он такой сильный*). Вот строки из юношеского стихотворения 1909 г.:

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим.

Здесь несколько необычно сочетание местоимения *такой* с прилагательным *единый* и особенно с местоимением *мой*. Сочетание *таким моим* представляется допустимым, поскольку по смыслу оно близко к «вполне нормальным» сочетаниям типа *таким родным*. Однако Мандельштам сам отчетливо ощущал необычность этого сочетания и неоднократно использовал его в юмористических стихах, в своего рода автопародиях:

Мне дан желудок, что мне делать с ним,
Таким голодным и таким моим? (1917 г.)

[Комический эффект создается за счет сужения и снижения самой темы, сведения ее к проблемам желудка]

или:

Не унывай,
Садись в трамвай,
Такой пустой,
Такой восьмой... (ок. 1915 г.)

Комический эффект вызван сочетанием местоимения *такой* с числительным *восьмой*, которое трудно осмыслить как качественное прилагательное. Словосочетание *такой восьмой* аномально, но не бессмысленно: в результате игры возникает новый смысл. Дело в том, что в отличие от первых, «престижных», выделенных числительных (ср. *первая красавица, первый парень на деревне, первым делом*), числительное *восьмой* — невыделенное, «заурядное», и тем

самым сочетание *такой восьмой* приобретает смысл 'такой обычный, заурядный'.

Но тут уже, собственно говоря, начинается новая серия лингвистических экспериментов О. Мандельштама — эксперименты с числительными, с делением их на «престижные» и «непрестижные». Вот его шутка, использующая образ «путника», наивного и незнакомого с новейшими достижениями науки, такими как электричество (упоминаемый им Шилейко — известный ассиролог, муж Анны Ахматовой, на время поселившийся в чужой роскошной квартире):

Путник, откуда идешь? Я был в гостях у Шилейки.
Дивно живет человек, смотришь — не веришь очам.
В бархатном кресле сидит, за обедом кушает гуся.
Кнопки коснется рукой — сам зажигается свет.
Если такие живут на *Четвертой* Рождественской люди,
Путник, молю, расскажи, кто же живет на *Второй*?

Стихи содержат шутовское представление, что на Второй Рождественской должны жить еще роскошнее, чем на Четвертой (подобно тому, как второе место в состязаниях почетнее четвертого).

3. В русистике языковая игра исследуется давно и успешно — в работах В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, А. И. Ефимова, Е. А. Земской, Е. П. Ходаковой, А. А. Щербины и др. Из более поздних работ следует отметить работы Ю. И. Левина [1980], Е. В. Падучевой [1982б], Э. М. Береговской [1984], Б. Ю. Нормана [1987], С. И. Походни [1989], Т. А. Гридиной [1996], Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [1997] и др.

Лингвисты описывают главным образом арсенал языковых средств, используемых в языковой игре. Сами эти средства предполагаются заранее известными. Однако, по моему мнению, не меньшего (может быть, большего) внимания заслуживает другой аспект — извлечение из языковой игры лингвистически содержательных выводов. Языковая игра — это уже проведенный (и успешный!) лингвистический эксперимент (пусть проводился он с другими целями — для усиления выразительности речи, для создания комического эффекта и т. д.). Лингвисту остается дать этому чужому эксперименту лингвистическую интерпретацию. Мы не хотим утверждать, что этот аспект не затрагивался ранее. В некоторых из перечисленных работ (особен-

но в работах последнего времени) есть очень интересные наблюдения на эту тему. И все-таки можно утверждать, что лингвисты недооценивают роль языковой игры для исследования русского языка. Е. В. Падучева отмечала, что языковая игра — «источник полезных и убедительных иллюстраций» к некоторым положениям лингвистики [Падучева 1982б: 76]. Не менее важно, на наш взгляд, другое: изучение этого «несерьезного» материала может толкнуть лингвиста на серьезные размышления, на новые нетривиальные наблюдения и обобщения при изучении самых разных уровней языка. И об этом убедительно свидетельствуют исследования самой Е. В. Падучевой (я имею в виду, в частности, работу 1982 г. о сказках Льюиса Кэрролла).

Подчеркну, что многие лингвистически содержательные замечания, приводимые в работе, добыты в результате упорного лингвистического экспериментирования, а также наблюдения над чужими экспериментами, в особенности — над языковой игрой.

Глава 2

КОНЪЮНКЦИЯ, ДИЗЪЮНКЦИЯ, ИМПЛИКАЦИЯ

В ЛОГИКЕ И В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Союзы (и подчинительные, и сочинительные) привлекли особое внимание логиков. Взаимоотношения между логическими связками и естественно-языковыми союзами (в частности, теми, которые мы здесь рассматриваем) чрезвычайно интересны и показательны. Ведь большинство логических связей (не все ли?) вытекают из наблюдений логиков над естественным языком. Так, в символической логике импликация определяется, собственно говоря, через естественный язык: это «связка, обычно интерпретируемая как оборот «если... то»» [ФЭС: 205]. Логика не могла без уточнения (и упрощения!) использовать в качестве логических связей те значения союзов, которые они имеют в языке. Это естественно. Странно другое – многие лингвисты, особенно сторонники формальных методов описания языка, попытались втиснуть живой язык в эти столь привлекательные своей сжатостью, точностью, но чрезвычайно упрощенные логические схемы!

Интерес логиков к естественному языку явился важным стимулом к углубленному, ориентированному на точность исследованию некоторых языковых явлений. Однако вместе с тем возникла реальная опасность вольного или невольного навязывания языку

чуждых ему свойств. Предостережения против слепого следования рецептам логиков высказывались неоднократно как в отечественной лингвистике [Щерба 1974: 281; Золотова 1973: 6; Гладкий 1979: 196; Падучева 1985: 18 и многие другие], так и в лингвистике зарубежной (см., напр., МакКоли 1982: 178–179; Пельц 1983). «Теперь, когда в своих исследованиях лингвисты в значительной степени пользуются методами и достижениями современной математической логики, а логики в своих исследованиях занимаются проблемами естественного языка... мы вправе выразить шутовское опасение по поводу возможного обмена ролями между лингвистами и логиками, что означало бы возврат к нежелательному положению вещей» [Пельц 1983: 138].

«Задача лексикографа, если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть <...> наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить ее в системе толкований» [Апресян 1974: 58].

Исследователи неоднократно отмечали, что «наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира» [Апресян 1974: 57]. Л. В. Щерба подчеркивал, что не надо «навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны» [Щерба 1974: 281].

Есть, однако, группа слов, где, по общему мнению, эти различия сглаживаются и где языковые значения тождественны (или очень близки) научным, логическим. Это так называемые «логические слова», к числу которых относятся и основные союзы — *и*, *или*, *если*. Уже сам термин («логические слова») подчеркивает их особую природу, их «надязыковую» сущность. Между тем предостережения против слепого следования рецептам логиков, которые высказывались неоднократно и лингвистами, и самими логиками, справедливы и по отношению к «логическим словам». Г. П. Грайс указывал: «...имеет право на существование неупрощенная, и потому более или менее несистематическая, логика естественных языковых аналогов формальных символов; упрощенная формальная логика может подкреплять и направлять эту логику, но ни в коем случае не вытеснять и не подменять ее. На самом деле эти две логики не просто отличаются друг от друга — они могут и противоречить друг другу» [Грайс 1985].

Ниже рассматриваются существенные различия между значениями логических связок (или логических союзов) «конъюнкция», «дизъюнкция», «импликация» и значениями соответствующих союзов — конъюнктивных (соединительных), дизъюнктивных (разделительных), имплицативных (условных) — в естественном (русском) языке.

Отличие естественно-языковых высказываний от соответствующих логических высказываний прослеживается по многим линиям. Некоторые из существующих различий между ними будут рассмотрены ниже. Это: 1) число элементов высказывания; 2) неравноценность элементов высказывания, его смысловое богатство; 3) размытость границ между конъюнкцией, дизъюнкцией и импликацией; 4) размытость границ между конъюнктивными, дизъюнктивными и имплицативными высказываниями и некоторыми другими естественно-языковыми высказываниями.

Следует подчеркнуть, что многие из перечисленных особенностей являются следствием одного (самого важного) различия между конъюнктивными, дизъюнктивными и имплицативными связями в логике и в естественном языке: само понимание этих связей существенно различно. Мы попытаемся показать это в завершающем пункте 5 данной главы.

И, наконец, — одна чрезвычайно важная оговорка. Говоря о значении союзов в естественном языке, я «опережаю события», поскольку союзы эти будут рассматриваться ниже, в частях II и III. Чтобы избежать повторов, я вынужден ограничиваться здесь лишь краткими замечаниями, а иногда и приведением некомментируемых примеров. Богатый материал и детальная аргументация развиваемых положений даются во II и III частях работы.

§ 1. ЧИСЛО ЭЛЕМЕНТОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В каждом из логических высказываний $A \& B$ (конъюнкция), $A \vee B$ (дизъюнкция), $A \rightarrow B$ (импликация) мы имеем дело с двумя элементами (A , B) — и только с ними. Между тем языковые высказывания (конъюнктивные и дизъюнктивные) могут, кроме эксплицитно перечисленных элементов, содержать указание и на другие элементы. И это индуцируется самим сочинительным союзом. Сюда можно отнести, в первую очередь, «иллюстративное» употребление сою-

зов и и ли... ли (ли... или <л>), где из длинного ряда элементов говорящий указывает лишь несколько, ср.: *В Москве живут русские и белорусы, армяне и латыши, татары и греки.*

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

(А. Пушкин. Брожу ли я вдоль улиц шумных).

[Пушкин перечисляет условия, менее всего располагающие к мечтательности, из чего читатель понимает, что в других условиях (например, наедине с собой) лирический герой уж тем более предастся своим мечтам]. Сходную картину мы находим в бессоюзных конструкциях типа *Ко мне пришли Миша, Петя, Катя* (указаны участники, первыми вспомнившиеся говорящему, возможно, не все).

§ 2. НЕРАВНОЦЕННОСТЬ ЭЛЕМЕНТОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, ЕГО СМЫСЛОВОЕ БОГАТСТВО

1. Обычной для сочинительных конструкций является *н е р а в н о ц е н н о с т ь* элементов. В логике высказывания $A \& B$ и $A \vee B$ тождественны высказываниям $B \& A$ и $B \vee A$. В естественном (русском) языке есть, кажется, только одна группа сочинительных союзов, где компоненты равноценны (причем эта равноценность подчеркивается) и обратимы. Это дизъюнктивные союзы *ли... ли* (*ли... или*); *что... что*; *хоть... хоть*; *будь то... или*. Ср.: *Что о печь головой, что головой о печь* (В. Даль).

Как правило, члены конъюнктивных и дизъюнктивных высказываний *н е р а в н о ц е н н ы* и вследствие этого *н е о б р а т и м ы*. Ср. два следующих высказывания, где изменение порядка дизъюнктивных членов резко меняет смысл высказывания: *Он вернется в пятницу, а то и в четверг* [= «вернется скоро»]. *Он вернется в четверг, а то и в пятницу* [= «вернется нескоро»].

Даже те конструкции, где союз не указывает на неравноценность членов и которые признаются «обратимыми», «симметричными», оказываются в действительности «асимметричными»: изменение порядка членов и здесь приводит к существенному изменению смысла (ср.: *Он сказал и сел* vs. *Он сел и сказал*).

Члены условных конструкций также необратимы. Ср.: *Если начался дождь, он раскрывал зонт* ≠ *Если он раскрывал зонт, начался дождь*.

2. Соединительные, разделительные, условные высказывания русского языка поражают смысловым богатством. Многие союзы включают (в отличие от «основных» союзов — *и, или*) добавочные семантические компоненты, такие, как «компенсация» (*В раю климат, зато в аду — общество*); «усугубление», «антикомпенсация» (*Мясо дают редко, и то по 2 кг на человека*); «неожиданность второго элемента» (*Взял он письмо, да и вскрыл его*); «ненормальный ход событий» (*День был дождливый, но Коля не взял зонт*); «неравноценность событий или признаков по их удельному весу» (*Он не столько умный, сколько хитрый* [= хитрости — много, ума — значительно меньше]); «частое чередование во времени» (*Ветер шевелил сучья дерев, то открывая, то закрывая звезды* (Л. Толстой. Хаджи-Мурат)); «демагогические отрицания, угрозы» (*Если он поэт, то я папа римский!*; *Приходи, если тебе жизнь не дорога!*)

§ 3. РАЗМЫТОСТЬ ГРАНИЦ МЕЖДУ КОНЪЮНКТИВНЫМИ, ДИЗЪЮНКТИВНЫМИ И ИМПЛИКАТИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

1. Она проявляется, во-первых, в том, что конъюнктивные союзы могут иногда выступать в функции дизъюнктивных (ср.: *Он возвращается в 2 и в 3 часа ночи*), а дизъюнктивный союз *или* — в функции конъюнктивного союза, ср.: *Конечно, Ч. не был инженером или там техником. Он специального образования не имел* (М. Зощенко. Поучительная история) [Компоненты соединены союзом *или*, хотя Ч. не был ни инженером, ни техником. И т. д.].

2. Еще более интересны конструкции, занимающие по смыслу промежуточное положение между соединительными и разделительными.

Сюда следует отнести, в первую очередь, конструкции с союзом *то... то*. Ср.: *Во время болезни меня навещали то Миша, то Коля*. В каждый отдельно взятый момент говорящего навещал кто-то один — либо Миша, либо Коля (дизъюнкция), однако в целом за весь описываемый период говорящего навестили оба — и Миша, и Коля (конъюнкция). Тем самым, конструкция с *то... то* могла бы быть определена как «соединительно-разделительная» (или «конъюнктивно-дизъюнктивная»).

Другой интересный «гибрид» соединительных и разделительных конструкций — конструкции с союзами *а то и; а может (быть) и*. Ср.: *Они прогуляются до реки, а то и выкупаются*. Здесь первый компонент (прогулка) действительно будет иметь место (как в случае конъюнктивных отношений), а второй (купание) — возможен (как в случае дизъюнктивных отношений).

3. И наконец, укажем самое яркое проявление «размытости» границ между конъюнктивными, дизъюнктивными и имплицативными конструкциями в естественном языке. В логике импликация — особая связка, одна из основных. В языке соответствующие подчинительные конструкции с союзом *если... то* также отделяются от других, в частности сочинительных. Однако «имплицативный, условный» союз *если* нередок и в конструкциях, по смыслу близких к сочинительным.

Ср.: *Если вчера была отличная погода, то сегодня весь день льет дождь; Если мы и победили фашистов, то ценой неисчислимых потерь (= Мы победили фашистов, но ценой неисчислимых потерь)*.

§ 4. РАЗМЫТОСТЬ ГРАНИЦ МЕЖДУ КОНЪЮНКТИВНЫМИ И ДИЗЪЮНКТИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ И МЕЖДУ ДРУГИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ ЯЗЫКА

Некоторые конструкции, конъюнктивные или дизъюнктивные по форме, видимо, не являются таковыми по смыслу. Укажем некоторые из них.

1. Конструкции с тождественными словоформами, типа: *Девочка, девочка упала!* ≠ [«две девочки»]; *Мужик здоровый. Ну, медведь и медведь* [≠ «два медведя»]; *Сашку Ермолаева обидели. Ну, обидели и обидели — случается* (В. Шукшин. Обида) [≠ «дважды обидели»].

2. Конструкции типа: *Давление падает: 100, 85, 70 атм; Ему предлагали за машину и 100, и 200 тысяч. Он отказывался* [≠ «300 тысяч»]; *Мертвец спокоен, он может ждать еще две недели и три. Он подождет* (Ю. Тынянов. Кюхля).

3. Конструкции типа: *Я люблю кашу, но гречневую* [синтаксически и по смыслу близки определительным конструкциям: *Я люблю гречневую кашу*].

§ 5. «ЧИСТО КОНЪЮНКТИВНЫЙ» СОЮЗ *И*, «ЧИСТО ДИЗЪЮНКТИВНЫЙ» СОЮЗ *ИЛИ* И «ЧИСТО ИМПЛИКАТИВНЫЙ» СОЮЗ *ЕСЛИ* В ИХ СООТНОШЕНИИ С ЛОГИЧЕСКИМИ СВЯЗКАМИ

Отвлечемся теперь от сложных промежуточных случаев, от рассмотрения многочисленных «неосновных» конъюнктивных, дизъюнктивных, условных союзов, а также и от рассмотрения «периферийных» значений союзов *и*, *или*, *если*. Рассмотрим только эти «основные» языковые союзы (*и*, *или*, *если*) и только в их основных значениях — «чистая соединительность (конъюнкция)», «чистая разделительность (дизъюнкция)», «чистая условность (импликация)» — и попытаемся показать, что и здесь союзы языка отличаются по значению от соответствующих логических связок — «конъюнкция», «дизъюнкция», «импликация». Это различие идет по трем основным линиям: 1) значение высказывания; 2) наличие/отсутствие связи между частями высказывания; 3) истинность/ложность высказывания в связи с истинностью/ложностью каждой из двух его частей.

5.1. *И* и логическая связка &

В меньшей степени сказанное относится к союзу *и*, который по значению близок к конъюнкции в логике. Правда, словари и грамматики русского языка отмечают, что значение конъюнкции осложнено множеством добавочных значений — «последовательности» (*Первая звезда блеснула надо мной и упала в тучи*. И. Бабель. Кон-армия), «противительности» (*Я все ищу добра — и нахожу лишь зло*. А. Фет) и т. д., однако они, по нашему мнению, индуцированы контекстом и не входят в значение союза *и*. И все-таки есть одно исключение — причинно-следственная зависимость. Сравним три примера:

- (1) Коля вернулся, а Петя остался в школе.
- (2) Коля вернулся, Петя остался в школе.
- (3) Коля вернулся, и Петя остался в школе.

В (1) и (2) события (возвращение Коли и пребывание Пети в школе) описываются как независимые (Петя мог вообще не знать о возвращении Коли); напротив, в (3) действия зависимы: Петя наверняка знал о возвращении Коли, и пребывание Пети в школе связано с возвращением Коли, является нормальной реакцией на это возвращение. И приписать это значение нормального следствия

можно лишь союзу *и* — поскольку все остальные компоненты во фразах (1) – (3) совпадают.

Тем самым мы должны признать, что, в отличие от логической связки «конъюнкция», конструкции естественного языка могут содержать слабой, факультативный компонент — указание на то, что вторая часть — нормальное следствие первой. Впрочем, во многих других случаях (ср.: *Коля вернулся, и Петя был дома; Пришли Миша и Петя*) этот компонент отсутствует, и тут мы действительно имеем дело с «чистой конъюнкцией».

Специфическим в естественно-языковых конъюнктивных высказываниях является и распределение элементов внутри некоего множества. Рассмотрим следующий пример: *На столе стояли пять коробок с карандашами и ручками*. Во фразах такого типа распределение компонентов внутри множества (т. е. распределение карандашей и ручек по коробкам) никак не задается. Поэтому данная фраза может описывать множество ситуаций действительности (в каждой коробке — и карандаши, и ручки; в одной коробке — карандаши, в четырех — ручки; в двух — карандаши, в двух — ручки, в одной — и то и другое; и т. д. и т. п.)

5.2. Или и логическая связка $\vee$

Известно, что в математической логике различаются два вида дизъюнкции: 1) разделительная (строгая, исключаяющая), где высказывание $A \vee B$ означает: «либо А, либо В» и 2) неразделительная (нестрогая, неисключаяющая), где высказывание $A \vee B$ означает: «либо А, либо В, либо то и другое вместе».

Какое же значение имеет союз *или* в естественном (русском) языке? Этим вопросом много занимались и лингвисты, и логики (подробно об этом см. часть II, гл. 2). Считается общепризнанным, что в значение конструкции *X или Y* входят компоненты: «либо X», «либо Y». Разница в понимании касается третьего, «объединительного» компонента: «либо X и Y вместе». Есть он, этот компонент, или нет? Иными словами, имеем ли мы дело в естественном языке со «взаимоисключением» (термин классической русистики), то есть с разделительной (строгой) дизъюнкцией (термин логики), или же с неразделительной (нестрогой) дизъюнкцией? Как сторонники первой точки зрения, имеющей в русистике давнюю традицию, так и сторонники второй, противоположной точки зрения не могли не

испытывать некоторого неудобства, ощущая, что выбранная для языка одежда «не вполне ему по фигуре»: одна («взаимоисключение», разделительная дизъюнкция) — узковата, другая (неразделительная дизъюнкция) — слишком широка. Проиллюстрируем это двумя примерами с союзом *или*, уже обсуждавшимися в литературе; подробнее см. ч. II, гл. 2.

(1) В 10 часов вечера я буду уже в Москве или в Ленинграде.

(2) Если завтра у меня заболит горло или повысится температура, то я не поеду кататься на лыжах.

Первая точка зрения, согласно которой *или* указывает на «взаимоисключение» (разделительная дизъюнкция), пригодна для толкования фразы (1), но фраза (2) получает неестественную интерпретацию: «Если завтра у меня либо заболит горло, либо повысится температура, но не то и другое вместе, — я не поеду кататься на лыжах».

Вторая точка зрения, согласно которой $X \text{ или } Y = \langle \text{либо } X, \text{ либо } Y, \text{ либо и то и другое вместе} \rangle$, наоборот, удовлетворительна в случае фразы (2), но приводит к неестественной интерпретации фразы (1): «В 10 часов вечера я буду либо в Москве, либо в Ленинграде, либо и в Москве, и в Ленинграде (одновременно)».

Существует способ справиться с возникающими трудностями — признать, что в конструкциях с *или* объединительный компонент в одних случаях есть (и тогда можно говорить о неразделительной дизъюнкции) — ср. пример (2), а в других случаях его нет (разделительная дизъюнкция) — ср. пример (1). Этому мнению придерживаются логики и многие лингвисты, как советские, так и зарубежные (см., напр., Мендельсон 1971; Падучева 1964; Перетрухин 1979; Hurford 1974).

Данная точка зрения не приводит к столь резкому противоречию с языковыми фактами, как точки зрения, рассмотренные выше. Однако достигается это дорогой ценой. Мы вынуждены признать два разных значения союза *или* (разделительное и неразделительное), что явно противоречит интуиции: ведь союз *или*, по справедливому замечанию Е. В. Падучевой, «во всех случаях его употребления воспринимается носителями русского языка как одно и то же слово» [Падучева 1964: 145–146]. Эта точка зрения также не соответствует языковой интуиции.

Несмотря на все различия, существующие точки зрения на значение союза *или* в языке строятся на одной принципиальной ос-

нове — на эксплицитном указании точного места объединительного компонента («либо X и Y вместе»). Как и в логике, этот компонент либо запрещается («взаимоисключение», разделительная дизъюнкция), либо признается третьим, «равноправным» компонентом значения («объединительное значение», неразделительная дизъюнкция). Между тем разгадка, видимо, в том, что в наивной картине мира, которая отражена в языке, совмещение компонентов X и Y в о б щ е не учтено: оно не разрешено и не запрещено. Говорящий вообще о нем не думает. А если это все-таки происходит, говорящий использует не конструкцию с *или*, а более сложные конструкции, включающие специальные дополнительные средства, эксплицитно указывающие на возможность или невозможность совмещения компонентов X и Y. Первое передается сочетанием *или то и другое (вместе)*, второе — сочетанием *но не то и другое (вместе)*. Ср.: *У Коли есть свитер или джемпер, или и то и другое (вместе)* vs. *У Коли есть свитер или джемпер, но не то и другое (вместе)*.

Математическая логика, естественно, не могла без уточнения использовать в качестве связки то значение *или*, какое этот союз имеет в языке. Это уточнение могло пойти (и действительно пошло) по двум противоположным направлениям: 1) усилить объединительный компонент, «слабо мерцающий» в предложениях с *или*, до полноценной третьей альтернативы — неразделительная дизъюнкция; 2) «стереть» слабый объединительный компонент, оставив две альтернативы, — разделительная дизъюнкция. Что же касается значения союза *или* в естественном языке, то оно не сводимо ни к разделительной, ни к неразделительной дизъюнкции. Естественный язык указывает на две возможности, «отвлекаясь» от их совмещения (подробнее см. часть II, гл. 2).

5.3. «Истина» в логике и «правда» в сочинительных конструкциях языка

В логике высказывания «могут принимать лишь два „истинностных значения“: „истину“ и „ложь“» [БСЭ 1973]. При этом в случае ложности одного из двух членов конъюнкция резко отличается от дизъюнкции: если ложен один из членов конъюнктивного высказывания $A \& B$, то высказывание ложно; напротив, если ложен один из членов дизъюнктивного высказывания $A \vee B$, то высказы-

вание истинно (см. БСЭ 1973; Мендельсон 1971). В языке конъюнктивные и дизъюнктивные высказывания с одним ложным членом в истинностном отношении не отличаются резко друг от друга: Ср. конъюнктивное высказывание (1) и дизъюнктивное высказывание (2)¹:

(1) В Каспийское море впадают *Волга и Днепр*.

(2) В Каспийское море впадает *Волга или Днепр*.

С точки зрения логики высказывание (1) ложно, а высказывание (2) истинно (поскольку истинен один из дизъюнктивных членов). Однако как квалифицировать эти высказывания с точки зрения языковой интуиции — правда это или неправда? Видимо, здесь можно говорить о неполном соответствии правде, о «полуправде». Понятие правды, бесспорно, занимает важное место в сознании говорящих и в духовной жизни народа, оно отражается в языке не только в самом слове *правда*, но и в некоторых других единицах, например, представление о правде есть, видимо, в значении глагола *знать* [Wierzbicka 1969]. Не только конъюнктивные высказывания с ложным членом типа (1), но и высказывания с разделительными союзами типа (2) не соответствуют (или, во всяком случае, не вполне соответствуют) тому представлению о правде, вечной и неизменной, которое находит отражение в языке. Ведь они по самой своей природе допускают уточнения или даже требуют их. Утверждение (3а) может перейти после соответствующих уточнений в (3б):

(3) а. Стекло разбил *Коля или Петя* ⇒

(3) б. Стекло разбил *Коля*.

Если (3б) — правда, то что же такое (3а), описывающее ту же самую ситуацию? Его, видимо, можно квалифицировать как «полуправду» или «неполную правду».

Показательно в этом отношении сравнение утверждений с разделительными союзами и так называемых альтернативных вопросов:

(4) Стекло разбил Коля || или Пётя?

(5) Стекло разбил Коля или Петя.

В случае (4), как и в случае любого другого вопроса, говорящий не

¹ В приводимых высказываниях союзы соединяют не предложения, а члены предложения, но это не имеет существенного значения, поскольку каждое из предложений (3)–(4) — результат естественного сокращения двух предложений («сочинительное сокращение»).

знает правды, не знает ответа (ср. Падучева 1985: 25). Но ведь говорящий (5) знает ровно столько же и к правде он не ближе, чем говорящий (4)! Разным в (4) и (5) является не объем знаний о внешнем мире и не соответствие действительности, а представление говорящего о знаниях собеседника: если говорящий подозревает, что его собеседник знает о ситуации больше, чем он сам, — он спрашивает; если же он подозревает, что собеседник знает еще меньше, — он делает утверждение.

Таким образом, если в логике высказывание может быть либо истинным, либо ложным, то в сочинительных конструкциях мы, скорее, имеем дело со шкалой, где правда и неправда — крайние точки, между которыми находится множество промежуточных, таких, как точка, обозначаемая словом «полуправда». К числу промежуточных относятся, видимо, и те точки, которые обозначаются разделительными конструкциями, а также соединительными (конъюнктивными) конструкциями с одним ложным членом.

5.4. Если и логическая связка $\neg$

Союз *если* представляет собой, пожалуй, самый яркий пример расхождений между формальной логикой и логикой естественно-языковой. И дело здесь не только в многозначности союза *если*: даже в основном своем «условном» значении конструкция с *если* существенно отличается по значению от импликации в логике, хотя в символической логике импликация определяется, собственно говоря, через естественный язык, как «связка, обычно интерпретируемая как оборот «если... то» [ФЭС: 205]! Основное отличие — характер отношений между частями.

Известно, что логики игнорировали связь между содержанием частей условной конструкции. Лингвисты же всегда ощущали смысловую связь между частями условного сложного предложения, хотя и затруднялись в ее определении.

Именно это определяет в значительной степени резкие различия между логиками и лингвистами в определении истинностного значения высказывания в случае импликации.

В имплицативном высказывании логики выделяют *антецедент* (часть, вводимая словом *если*) и *консеквент* (часть, вводимая словом *то*). Высказывание истинно во всех случаях, кроме одного: когда ложен консеквент. Тем самым, высказывание *Если*

Париж — столица Франции, то дважды два — пять ложно (поскольку ложна вторая часть — консеквент). Между тем высказывание *Если Париж — столица Франции, то дважды два — четыре* истинно (поскольку каждая из двух частей истинна). Но как оценивать это высказывание с позиций естественного языка? Это и не ложь, и не правда, и не полуправда. Это бессмыслица (или шутка: *Если в огороде бузина, то в Киеве дядька*). Из приведенных примеров видно, в чем коренное отличие естественно-языкового выражения (если А, то В), которое всегда предполагает наличие реальной связи между А и В, от логической связки-импликации (А→В), где эта связь не имеет значения (см. ФЭС: 205). Отсюда признание «логической безупречности» предложения *If Paris is the capital of France, two is an even number* 'Если Париж столица Франции, то два — четное число' (см. Храковский 1998: 27).

Когда же, в случае так. наз. «материальной импликации», ее понимают как формальный аналог логического следования, то «из ложного высказывания следует любое высказывание» [ФЭС: 205]. То есть верно, логически безупречно утверждение *Если Москва — столица Франции, то дважды два — четыре!*

Нигде, пожалуй, учет логического языка при исследовании языка естественного не признаётся столь оправданным, как при изучении значения союзов (ведь такие союзы, как *и*; *или*; *если*, связаны по значению со связками математической логики), и нигде, пожалуй, это сближение не привело к столь существенным искажениям в описании значения языковых единиц. Применяя термины «конъюнкция», «дизъюнкция», «импликация» по отношению к естественному языку, не следует забывать, что они здесь имеют иной смысл, отличный от того, который закреплен за ними в математической логике. А еще лучше — вернуться к традиционным терминам «разделительность», «разделительные союзы», «соединительные союзы», «условные союзы» — к терминам, но не к существующим толкованиям, которые не могут быть приняты без существенных уточнений. Но об этом — ниже, в II и III частях исследования.

Глава 3

ИЛЛОКУТИВНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ ЭЛЛИПСИС

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Начинается, как это нередко бывает в русистике, с Виктора Владимировича Виноградова. В трудах этого замечательного исследователя встречается, кроме детально и глубоко разработанных вопросов, множество отдельных наблюдений, «сделанных мимоходом», иногда даже отдельных примеров, которые со временем замечаются нами и служат отправной точкой для важных теоретических обобщений. К их числу относится следующий пример из статьи «Основные вопросы синтаксиса предложения»:

— Ветерок в аллее? — Да, *потому что листья дрожат* [Виноградов 1975: 267].

Эту особенность данного класса сложных предложений, на которую лингвисты обратили внимание лишь в XX в., обыгрывал еще Гоголь — в «Мертвых душах»:

...он [чубарый конь] положивши свою морду на шею своего нового приятеля, казалось, что-то нашептывал ему в самое ухо, *вероятно, чепуху страшную, потому что приезжий беспрестанно встряхивал ушами.*

Дрожание листьев не может быть причиной в е т р а (как раз наоборот!). Точно так гоголевский Чубарый нашептывает чепуху не

потому, что приезжий конь встряхивает ушами. В обоих примерах сложное предложение (точнее — союз) объединяет не два факта, а нечто иное. Что же именно? М. В. Ляпон и некоторые другие русисты интерпретировали эти конструкции как «несобственно-причинные (причинно-аргументирующие)», имеющие характер обратной обусловленности, «связанные с перераспределением функций между главной и придаточной частью» [Грамматика 1980: 578, 580]. Другими исследователями была принята интерпретация, предлагаемая в работах Е. В. Падучевой [Падучева 1985] и Л. Н. Иорданской [Иорданская 1988]: подчинительный союз объединяет ф а к т (пропозицию) и р е ч е в о й а к т или иллокутивный показатель речевого акта (утверждение, вопрос, побуждение и т. д.)¹.

Интерпретация Падучевой и Иорданской достаточно убедительна, ее на материале сочинительных конструкций принял и я [Санников 1989]. Однако анализ примеров, содержащихся в моих работах и работах других исследователей (в первую очередь — в интересной статье [Иорданская 1988]), доказал чрезвычайную сложность объекта исследования и целесообразность его дальнейшего рассмотрения.

В работе Л. Н. Иорданской приводится широкий, может быть, даже слишком широкий, круг иллокутивных конструкций (некоторые из них она заимствует из работ Е. В. Падучевой и других исследователей).

- (1) Ну, раз ты хочешь знать правду, отец уехал навсегда.
- (2) А так как ты всё знаешь, какой город — столица Южной Дакоты?
- (3) Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо (пример Дж. Остина).
- (4) Ветерок в аллее, потому что листья дрожат.
- (5) Видно, Петю это задело, раз <так как, поскольку, потому что, если> он так много говорит об этом.
- (6) Раз <поскольку, если> холодно, надень пальто.
- (7) Раз на улице дождь, буду работать дома.
- (8) Зачем ты пойдешь в университет, раз <если> там никого нет?
- (9) Раз <если> занавес закрылся, почему публика не расходится?
- (10) Где Иван, а то им начальство интересовалось.

1 Вслед за Ш. Балли некоторые исследователи в этом или сходном значении говорят о д и к т у м е (пропозиции) и м о д у с е, или модальности.

По мнению Л. Н. Иорданской, многие русские подчинительные союзы имеют, кроме значений, выделяемых словарями, параллельные, иллокутивные значения. Так, союз *раз* (основной объект работы Иорданской) толкуется следующим образом (с. 264):

Раз 1 $Y, X =$ Говорящий считает, что в ситуации Y , которая имеет место, совершенно естественно то, что имеет место ситуация X [Y — пресуппозиция, данное, не может быть ремой].

Раз 2 $Y, X =$ Говорящий считает, что в ситуации Y , которая имеет место, совершенно естественно то, что говорящий делает высказывание « X » [Y — пресуппозиция, данное или квазиданное, не может быть ремой].

Обращает на себя внимание «неэкономность» этого решения, «раздвоение» значения многих союзов (и, как мы увидим, не только подчинительных!). Достаточно ли это решение оправданно?

Главное наше возражение состоит, однако, даже не в этом.

При рассмотрении приводимых исследователями примеров иллокутивного употребления обращает на себя внимание крайняя их неоднородность (см. выше примеры (1)–(10)).

Л. Н. Иорданская связывает эту неоднородность с различиями в типе речевого акта (побудительные, вопросительные, повествовательные фразы), или с интонационными характеристиками (восклицательные фразы). Эти признаки, на мой взгляд, второстепенные, она считает решающими при определении круга иллокутивных конструкций и при их классификации. При этом она, очевидно, исходит из предпосылки о несовместимости разных типов речевых актов в пределах одного сложного предложения. Этой же точки зрения придерживается, видимо, Е. В. Падучева, отмечающая как необычные случаи объединения разных типов речевых актов в пределах одного сложного предложения. Однако такое объединение вполне обычно — не только в пределах сложно-подчиненного, но и в пределах сложносочиненного предложения, ср.: *Я туда не пойду, и ты не ходи <а ты сходи>; Я туда не пойду, а ты пойдешь?*

По нашему мнению, первостепенное значение имеет характер семантической связи между двумя частями сложного предложения, точнее — между двумя пропозициями: пропозицией главного и пропозицией придаточного предложений. И тогда отчетливо

проявляются существеннейшие различия между приведенными выше примерами. Основное различие — в наличии/отсутствии смысловой связи между частями сложного предложения (между их пропозициями) и в характере этой связи: в (5)–(10) связь, бесспорно, есть; в (1)–(2) ее, бесспорно, нет (желание знать правду не связано с отъездом отца, эрудированность собеседника — с наименованием столицы Южной Дакоты). В (3)–(4) связь, бесспорно, есть, но она крайне необычна: ветерок в аллее не потому, что листья дрожат, а как раз наоборот; наличие мяса в холодильнике — реальность, не обусловленная аппетитом собеседника (хотя и здесь налицо смысловая связь, пусть далекая от обычной условной, выражаемой союзом *если*).

Причина сложностей и «несогласий», видимо, в том, что нет четкого определения иллокутивных употреблений.

На первый взгляд, предлагаемые исследователями определения иллокутивных употреблений достаточно близки. Е. В. Падучева: «союз в этих случаях выражает соответствующее отношение между пропозициональным смыслом одного предложения и иллокутивной функцией другого» [Падучева 1985: 46]. Л. Н. Иорданская: «Под иллокутивным употреблением союза мы подразумеваем такое употребление, когда союз выражает отношение между смыслом придаточного предложения и актом речи, соответствующим главному предложению (напр., во фразе *А так как ты все знаешь, какой город — столица Южной Дакоты?* придаточное выражает обоснование того, что говорящий задает вопрос, составляющий главное предложение <...>; в ситуации ‘тебе холодно’ естественно сделать высказывание *надень пальто*» [Иорданская 1988: 239–243].

Остается непроясненным один вопрос (по-моему, главный). О чем же все-таки идет речь: 1) об отношении между смыслом одного предложения и иллокутивной функцией другого или же 2) об отношении между смыслом одного предложения, иллокутивной функцией другого + сам смысл другого предложения? Это, понятное дело, разные вещи. Ср. фразы (11а), где части неразрывны, тесно связаны по смыслу причинно-следственной зависимостью, и (11б), где смысл главного не связан со смыслом придаточного и может быть заменен другим:

(11) а. Раз холодно, надень пальто.

- (11) б. А так как ты все знаешь, какой город — столица Южной Дакоты? <какой город — столица Дагестана?; в какое море впадает Темза?; когда Маша и Коля поженятся? и т. д.>.

Рассмотрим перечень «кандидатов» в иллокутивные употребления, отметим черты сходства и различия между этими «кандидатами». На основании этого попытаемся уточнить понятие иллокутивного употребления и показать, что, с одной стороны, к иллокутивным могут быть отнесены некоторые употребления, не включаемые ранее в класс иллокутивных, а с другой — показать, что не все «кандидаты», выдвигаемые другими исследователями, соответствуют этому понятию. При этом возникают два важных вопроса, касающиеся самой природы явления: 1) не имеем ли мы дело в обсуждаемых конструкциях или в части из них с хорошо известным явлением синтаксического эллипсиса? и 2) как соотносятся эти два разных (хотя и тесно связанных) понятия — иллокутивное употребление и синтаксический эллипсис?

Решение задачи затруднительно без определения (хотя бы предварительного) границ и внутренней структуры явления.

§ 1. ОБЪЕМ И ГРАНИЦЫ ИЛЛОКУТИВНЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ

1. В работах Е. В. Падучевой и Л. Н. Иорданской вопрос исследуется на материале сложноподчиненных предложений с союзами. Между тем, это более широкое явление. В другой работе [Санников 1989: 220] я отмечал, что иллокутивные употребления можно было бы видеть в некоторых сочинительных конструкциях, ср.:

- (1) Вы меня извините, но вы ничего не понимаете в женщинах (Л. Толстой).

Говорящий извиняется, разумеется, не за то, что его собеседник ничего не понимает в женщинах, а за свое заведомо неприятное для слушателя высказывание. Сходную природу имеют, видимо, и примеры типа (2):

- (2) Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал (Л. Толстой. Война и мир).

В (2) противопоставляются не молчание говорящего и дурное поведение слушающего, фраза имеет более сложный смысл: 'Я не ут-

верждала, но могла бы утверждать и утверждаю сейчас: *Ты дурно с ней поступал*.

В приведенных сочинительных конструкциях мы имеем дело с явлением, которое в подчинительных конструкциях интерпретируется обычно как иллокутивное употребление. Здесь в первой части сложносочиненного предложения — некоторые оговорки, извинения и т. п., и она без нарушения общего смысла высказывания могла бы быть опущена. Раз так, мы должны приписать иллокутивные значения также союзу *но* (а может, и многим другим сочинительным союзам).

2. Иллокутивное употребление связывается обычно с *с о ю з о м* (подчинительным) и *с о ю з у* приписывается. Между тем почти все приводимые Л. Н. Иорданской примеры допускают опущение союза или оформление частей сложного предложения как отдельных предложений — без резкого изменения смысла и без существенных изменений в соотношении их частей. Ср. приведенные во Введении союзные конструкции (1)–(10) с примерами (1а)–(10а):

- (1а) Ты хочешь знать правду — отец уехал навсегда.
- (2а) Ты всё знаешь: какой город — столица Южной Дакоты?
- (3а) Захочешь есть, в холодильнике есть мясо.
- (4а) Ветерок в аллее — листья дрожат.
- (5а) Видно, Петю это задело — он так много говорит об этом.
- (6а) Холодно, надень пальто.
- (7а) На улице дождь, буду работать дома.
- (8а) Зачем ты пойдешь в университет? Там никого нет!
- (9а) Занавес закрылся, почему публика не расходится?
- (10а) Где Иван? Им начальство интересовалось.

Видимо, иллокутивные употребления возможны не только в сложноподчиненных предложениях (и союзных, и бессоюзных), но и в сложносочиненных предложениях и даже в сочетаниях независимых (синтаксически независимых) предложений.

Для удобства полемики сознательно пойдем на повторы: будем приводить преимущественно не собственный собранный материал, а внимательно рассмотрим приведенные выше примеры других исследователей (в основном, это примеры Л. Н. Иорданской). По соображениям, которые будут ясны из дальнейшего изложения, мы рассматриваем их лишь как «кандидатов» на иллокутивное употребление и делим на четыре группы.

§ 2. «КАНДИДАТЫ» В ИЛЛОКУТИВНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

I тип. «Собственно» иллокутивные употребления

- (1) Ну, раз ты хочешь знать правду, отец уехал навсегда.
- (2) Пока не забыл, Вика передает тебе привет.
- (3) Если верить преданиям, прадед наш, человек богатый, только под старость переселился из-под Курска в Суходол (И. Бунин).
- (4) Ну, раз ты любишь пословицы, не в свои сани не садись!
- (5) А так как ты всё знаешь, какой город — столица Южной Дакоты?
- (6) Пока ты не спишь, куда ты положила словарь?
- (7) Чтобы не спутать, в котором часу завтра собрание?
- (8) Пока ты не забыл, что было в Институте?
- (9) Если ты помнишь, в каком году Андрей окончил Университет?
- (10) Пока я не забыл, подмети-ка пол.
- (11) Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал (Л. Толстой. Война и мир).

В приведенных примерах содержание второй части не связано по смыслу с содержанием первой. Так, в (6) местонахождение словаря никак не связано с бодрствованием собеседников, смысл фразы: ‘поскольку ты еще не спишь и в состоянии дать нужную информацию, скажи...’. Поэтому содержание второй части может быть самым разным, иногда прямо противоположным. Ср. приведенные примеры со следующими: *Ну, раз ты хочешь знать правду, отец завтра вернется*; *Ну, раз ты любишь пословицы, семеро одного не ждут* и т. д.

Конструкции ощущаются как неполные, «что-то пропущено», и именно к этому «пропущенному» относится придаточное:

- (1а) Ну, раз ты хочешь знать правду, [сообщаю правду:] отец уехал навсегда.
- (2а) Пока не забыл, [скажу:] Вика передает тебе привет.
- (3а) Если верить преданиям, [можно утверждать:] прадед наш, человек богатый, только под старость переселился из-под Курска в Суходол (И. Бунин).
- (4а) Ну, раз ты любишь пословицы, [я сообщаю пословицу или: облакаю свое высказывание в форму пословицы:] не в свои сани не садись!

- (5а) А так как ты всё знаешь, [стоит обратиться с вопросом именно к тебе:] какой город — столица Южной Дакоты?
 (6а) Пока ты не спишь, [спрошу:] куда ты положила словарь?
 (7а) Чтобы не спутать, [спрошу:] в котором часу завтра собрание?
 (8а) Пока ты не забыл, [скажи:] что было в Институте?
 (9а) Если ты помнишь, [скажи:] в каком году Андрей окончил Университет?
 (10а) Пока я не забыл, [попрошу:] подмети-ка пол.
 (11а) Я тебе не говорила, но [скажу сейчас:] ты дурно с ней поступал (Л. Толстой. Война и мир).

В первой части содержится обоснование типа речевого акта, обоснование того, почему в (1а)–(3а) и (11а) говорящий делает утверждение, в (4) облакает его в форму пословицы, в (5)–(9) обращается с вопросом, а в (10) — с просьбой.

Конструкции этого типа, обычно бессоюзные, характерны и для разговорной речи. Ср. *Забуду я телефон / дай ручку* (пример из РРР 1981).

Обращаю внимание на два существенных обстоятельства: 1) среди приведенных примеров есть высказывания разного типа: утверждения, вопросы, побуждения; 2) «пропущенные звенья» — это не обязательно модус, иллокутивный показатель речевого акта (*сообщаю, скажи* и т. д.) — ср. примеры (1а), (4а), (5а), (11а).

Приведенные фразы с восстановленными смысловыми звеньями становятся «обычными», неиллокутивными конструкциями с прямой речью (ср. также «обычную» целевую конструкцию *Чтобы не спутать, я спросил: «В котором часу завтра собрание?»*)

Парадоксальным образом эти эллиптические конструкции в другом аспекте могут квалифицироваться как избыточные. Ведь здесь придаточное относится к опущенному элементу — который сам избыточен (не грамматически — информационно)! Тем самым и само придаточное тоже избыточно, можно было его не давать, а просто сообщить, спросить, попросить: *Отец уехал навсегда; Какой город — столица Южной Дакоты?; Куда ты положила словарь?; Подмети-ка пол.*

Это почти внутренний диалог, «мысли вслух» («Спрошу-ка у него, пока он не уснул <пока я не забыл>!»).

Особенно интересны фразы с придаточным типа *Пока я не за-*

был... В сущности, это — универсальное обоснование любого высказывания. Придаточное *Пока я не забыл* можно поставить, видимо, перед любым утверждением, вопросом, побуждением, а может и перед другими речевыми актами, ср.: *Пока я не забыл, вчера приходил Петя <куда ты положила словарь?; сходи-ка за хлебом>*.

Здесь говорящий сознаёт, что он способен сделать высказывание, но эта способность может быть утрачена, поэтому он обращается именно сейчас.

В ряде случаев конструкция приобретает дополнительные компоненты значения. Ср.:

— *Зачем ты вчера разбил стекло в классе?*

— *Если хочешь знать <если на то пошло>, я вообще вчера в школе не был.*

Здесь придаточное (точнее, конструкция в целом) выражает досаду говорящего, нечто типа: 'Твое высказывание вызывает во мне чувство досады, оно не оправдано, поскольку имеет место ситуация 'Я вообще вчера в школе не был' (ср. Иорданская 1988).

II тип. Конструкции «предупредительного поведения»

(12) Если вам <ему> нужно позвонить, то телефон в соседней комнате.

(13) Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо (пример Дж. Остина).

(14) Если захочешь поговорить, я дома до 10 часов.

В отличие от конструкций I типа, где содержание, пропозиции обеих частей не связаны по смыслу, в конструкциях данного типа смысловая связь, несомненно, присутствует: желание позвонить и наличие телефона; желание поесть и содержимое холодильника. Части соединены союзом *если*, но это не обычная условная связь: ведь наличие телефона или мяса в холодильнике — **р е а л ь н о с т ь**, никак не обусловленная желаниями слушающего. Эти конструкции называются в лингвистической литературе условными конструкциями «предупредительного поведения» или же конструкциями «каузации знания» относительно реально существующего положения дел [Колосова 1980].

Смысл фраз этого типа примерно такой: 'Если ты захочешь есть, то [учти, что...]'.

Казалось бы, в конструкциях этого типа есть еще

дополнительный смысл: 'к этому нет препятствий' (см. приведенные примеры). Ср. также странность фраз типа: **Если ты захочешь есть, холодильник пустой* (лучше: *учти, что...*)

Это, однако, не всегда так. Ср. (15а) и (15б), где противоположные смыслы главной части вполне допустимы:

(15) а. Если в поле их застанет дождь, там стогов полно стоит.

б. Если в поле их застанет дождь, там кругом ни деревца.

В первой части описывается потенциально возможная ситуация. Смысл второй части во фразах (15а) и (15б): 'естественно спрятаться; этому естественному следствию способствует (или препятствует) Y'.

Ср. также следующие фразы, где трудно видеть компонент смысла 'к этому нет препятствий':

(16) Если пойдешь на рынок, у нас там вор на воре (предостережение, предупреждение).

(17) Если ты бежишь в Мексику, все дороги туда перекрыты (бегство не исключено, но затруднено и требует особых мер предосторожности).

(18) Если на меня нападут хулиганы, я недаром мастер спорта по боксу [= '... то это не страшно'].

Близки по значению некоторые уступительные конструкции, а также сочинительные конструкции с союзом *но*, однако они могут описывать ситуации, относящиеся не только к настоящему или будущему, но и к прошедшему. Ср.: *Хотя в поле их застанет <застал> дождь, но там стогов полно стоит*; *В поле их застанет <застал> дождь, но там стогов полно стоит*.

Недопустимы здесь также и другие условные союзы кроме союза *если*, даже близкий по значению союз *раз*. Ср.: **Поскольку <раз> он захочет позвонить, телефон в соседней комнате*.

Отметим еще один структурный признак, отличающий рассматриваемые конструкции от «обычных» условных: придаточное как правило препозитивно (ср. странную фразу *Телефон в соседней комнате, если вам <ему> нужно позвонить*).

В. С. Храковский утверждает, что в этих конструкциях субъектом положения дел, называемого в зависимой части, вводимой союзом *если*, является слушающий [Храковский 1998]. С этим вряд ли можно согласиться, ср.:

(19) Если я захочу позвонить, телефон в соседней комнате.

- (20) Если *захочешь* позвонить, телефон в соседней комнате.
 (21) Если *ему* нужно будет позвонить, телефон в соседней комнате.
 (22) Если *придут* гости, гастроном пока открыт.

Конструкции этого типа возможны не только в утверждениях, но и в речевых актах другого типа, чаще всего — в вопросах:

- (23) Если мне <ему> нужно будет поговорить, ты вечером дома?
 (24) Если мне <ему> нужно будет позвонить, телефон в соседней комнате?
 (25) Если мне <ему> нужно будет позвонить, где телефон?

Смысл: 'Возможно X (например, желание позвонить); на тот случай, если X, говорящий спрашивает собеседника об осуществимости (или неосуществимости) события X или о способах его осуществления'.

Вероятно, к этому типу сложных предложений относятся и отдельные сочинительные конструкции, те, которые также воспринимаются как неполные, допускают вставку компонента [*учти, что...*]:

- (26) Приходи, но меня не будет дома.

III тип. Конструкции обоснования

- (27) Ветерок в аллее, потому что <раз>листья дрожат.
 (28) Коля вчера уехал, потому что в окнах свету нет.
 (29) Если в окнах нет свету, Коля вчера уехал.
 (30) Видно, Петю это задело, раз <так как, поскольку, потому что, если> он так много говорит об этом.
 (31) Дело казалось необыкновенной важности, ибо при городничем была даже новая шпага (Н. Гоголь. Повесть о том, как поссорились...).
 (32) — Беспокойна, насмешлива, двуязычна, вскидчива... — Двуязычна и вскидчива? — Вскидчива; ибо вmale не вцепилась мне прошлый раз в волосы за один разговор... (Ф. Достоевский).

Эти конструкции мы склонны считать эллиптическими, поскольку в них нет эксплицитного указания на обоснование, вывод и они допускают расширение, ср.: [*Думаю/считаю/вижу*] *ветерок в аллее, потому что листья дрожат*. Этим они принципиально отличаются от соответствующих «полных», неэллиптических конструкций с аргументирующим значением, где есть «специализированный коррелят» (термин М. В. Ляпон): *значит, следовательно, выходит, стало быть, зная* (см. Грамматика 1980: 573).

Показательно, что многие из приведенных эллиптических конструкций (27)–(32) синонимичны конструкциям с коррелятами. Ср.:

<Если> в окнах нет свету, *значит*, Коля вчера уехал;

При городничем была даже новая шпага, *значит* <стало быть>, дело казалось необыкновенной важности.

Если приехал, то, *значит*, сама судьба велит тебе спасать меня (А. Чехов. Попрыгунья).

Значит, была башка на плечах, если из нищего, едва умевшего читать мальчишки вышел не Тишка, а Тихон Ильич...

(И. Бунин).

Конструкции со словом *значит* и другими коррелятами не раз привлекали внимание исследователей. Богатый материал приводится М. В. Ляпон в «Русской грамматике» (т. II, 572–575; 578–583).

Рассматривая пример *Если температура воздуха упадет ниже нуля, то, значит, циклон переместился на запад*, В. С. Храковский отмечает, что здесь следствие предшествует условию, и объясняет это следующим образом: «... слово *значит* является маркером специфического речевого акта, представляющего одно из возможных риторических действий говорящего <...> положение дел, выражаемое в условии, в случае его осуществления служит говорящему основанием для того, чтобы он сделал речевой акт логического вывода (ср. Разлогова 1988; Рахилина 1989; Иорданская 1992)».

Вернемся к эллиптическим конструкциям типа (27)–(32). Между пропозициями существует отчетливая причинно-следственная зависимость, но «обратная»: содержание главного предложения является причиной содержания придаточного. Так, в примере (27), наблюдая следствие (*листья дрожат*), можно делать умозаключение о причине, о наличии ветра. Поэтому ни здесь, ни в любом другом примере этого типа недопустимо принципиально иное содержание главного или придаточного предложения, в частности, постановка в одном из них отрицания, ср.: **Нет ветерка в аллее, потому что листья дрожат*; **Ветерок в аллее, потому что листья не дрожат*.

Значение этих конструкций можно описать следующим образом:

Раз <так как, поскольку, если, потому что> X, (то) Y =

‘Имеет место непосредственно наблюдаемое X;

известно, что обычно X бывает вызвано Y-ом и следует

по времени за Y-ом; поэтому естественно умозаключение

(и высказывание):

Имеет место непосредственно не наблюдаемое Y'.

Показательно, что близкие по значению конструкции с расчленением союза (*потому, что*) допускают только «обычное», «прямое» причинное осмысление. Ср. правильную фразу *Листья дрожат потому, что ветерок в аллее* и недопустимую: **Ветерок в аллее потому, что листья дрожат*.

Вероятно, к этому типу (конструкциям обоснования) можно отнести некоторые метаязыковые конструкции:

Пальцы тискают селедку...

Водка капает с усов,

И сосед соседям кротко

Отпускает «подлецов».

(Те дают ему по морде,

Так как лиц у пьяных нет)

И летят в одном аккорде

Люди, рюмки и обед.

(Саша Черный. Русское)

Придаточное причины указывает здесь не на причину события (начавшейся драки) и не на обоснование ее внешних проявлений (*Те дают ему по морде*), оно содержит обоснование самой формы высказывания, указывает на причину того, почему автор употребляет не слово *лицо*, а бранно-просторечный синоним — *морда*.

Еще пример этого типа:

[Жених — невесте, давшей в газете объявление об их помолвке] ... *зачем трубить на весь свет, что ты помолвлена со мной, если только возможно трубить в письменной форме?* (Пэлем Г. Вудхауз. Держим удар, Дживс!, в пер. И. Шевченко).

IV тип. Спорные случаи

(33) Раз <поскольку, если> холодно, надень пальто.

(34) Раз <так как, поскольку, если> она не любит грустные рассказы, напиши <напишу> веселый.

(35) Раз <если> занавес закрылся, почему публика не расходится? Конструкции этого типа (уже неоднократно упоминавшиеся выше) я, безусловно, не включал бы в число иллокутивных и рас-

сматриваю здесь только потому, что их относят к иллокутивным некоторые авторитетные исследователи. На мой взгляд, в каждой из фраз (33)–(35) необычность заключается лишь в отнесенности частей сложного предложения к разным типам речевого акта (утверждение + обещание; утверждение + пожелание и т. д.). Что же касается смысловой связи между частями, между их пропозициями, то она не только существует — она полностью совпадает с соответствующими «обычными» сложными предложениями (типа *Раз <поскольку> было холодно, я надел пальто; Раз <поскольку> занавес закрылся, публика разошлась*). Л. Н. Иорданская, отводящая главную роль типу речевого акта (побудительные, вопросительные, повествовательные, восклицательные фразы), во фразе *Раз на улице дождь, работай <буду работать> дома* видит иллокутивное употребление, а во фразе *Раз <поскольку, так как> на улице был дождь, я работал дома* — неиллокутивное, «обычное». Это противопоставление утверждений другим типам речевых актов представляется недостаточно оправданным. Не вижу оснований для того, чтобы в (36а) видеть иллокутивное употребление, в (36б), а возможно и в (36в) — неиллокутивное, а фразе (36г) давать двойную интерпретацию:

- (36) а. Раз холодно, надень пальто.
 б. Раз холодно, я надену пальто.
 в. Раз <поскольку, если> холодно, наденем-ка пальто.
 г. Если на улице будет холодно, ты наденешь пальто.

Показательна в этой связи возможность свободного объединения вторых частей, относящихся к разным типам речевых актов:

- (37) а. Раз холодно, надень пальто, и я надену.
 б. Раз холодно, надену пальто, и ты надень.

Настораживает также то обстоятельство, что многие утверждения получают двойную интерпретацию — иллокутивную и неиллокутивную. Причина, видимо, в том, что, как мы уже отмечали, нет четкого определения иллокутивных конструкций.

§ 3. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ. ИЛЛОКУТИВНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИЛИ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ЭЛЛИПСИС?

В описываемых нами синтаксических конструкциях части сложного предложения непосредственно не связаны между собой, в конструкции что-то пропущено (исключение составляет часть кон-

струкций вывода-обоснования, те из них, где есть специальные показатели обоснования — «корреляты»: *значит, следовательно* и т. д. и где заведомо нельзя говорить об эллипсисе).

Это «что-то пропущенное» может иметь принципиально разную природу. Существенно, однако, что фразы, относящиеся к каждому из четырех рассмотренных типов (кроме, может быть, спорных конструкций IV типа), допускают расширение и тем самым могут интерпретироваться как эллиптические. Ср. ниже фразы (а) и (б):

- (1) а. Пока ты не спишь, куда ты положила словарь?
б. Пока ты не спишь, [скажи/спрошу:] куда ты положила словарь?
- (2) а. Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо.
б. Если ты захочешь есть, [учти, что] в холодильнике есть мясо.
- (3) а. Ветерок в аллее, потому что листья дрожат.
б. [Думаю/считаю/вижу, что] ветерок в аллее, потому что листья дрожат.
- (4) а. День был дождливый, но Коля взял зонт
б. День был дождливый, но [это неважно, поскольку] Коля взял зонт.

Разумеется «полные» фразы (1б)–(4б) менее естественны, но ведь и другие, бесспорно, эллиптические сложные предложения, тоже выглядят естественнее своих «родителей» — полных конструкций.

Ср.:

- (5) а. Я купил белую рубашку, а он голубую.
б. Я купил белую рубашку, а он купил голубую рубашку.

По нашему мнению, мы имеем здесь дело с общим явлением, с которым постоянно сталкиваются лингвисты на материале разных уровней, хотя называют его по-разному: эллипсис, редукция, сокращение, неполнота. Единицы (реально существующие в языке!) редуцируются — иногда до неузнаваемости — на разных языковых уровнях, в том числе на низшем — фонетическом, ср. примеры Г. А. Бариновой: *пчу* (почему), *чек* (человек), *Я мот к те выду* (вм. *Я, может, к тебе выйду* — пример Г. К. Комяковой) [Баринова 1973]. Это явление «путает все карты, портит всю игру». Его описание и представление (особенно формальное) связано с большими трудностями. Не будем же мы в словарные статьи слов *почему, человек, мочь* включать *пчу, чек, мот* как произносительные варианты!

Наиболее детально, на богатом материале русской разговорной речи, с привлечением обширной литературы, вопрос о синтаксическом эллипсисе рассматривается Е. Н. Ширяевым (см. РРР 1973; РРР 1981). Впрочем, он и другие авторы РРР считают термин эллипсис «скомпрометированным» (см. РРР 1973: 289) и предпочитают говорить о «незамещенной синтаксической позиции». Выделяются три основных типа этих конструкций: а) обусловленные контекстом: *Ему он рассказывает одно / а мне совсем другое*; б) предопределенные ситуацией (термин Е. А. Земской): «*Два // у билетной кассы означает 'дайте (продайте) мне два билета'*; при обращении к хозяйке семьи, раскладывающей блинчики на тарелки — *'положи мне два блинчика'* и т. п.» (РРР 1981: 197); в) системно обусловленные, такие, которые понятны говорящему (читающему) вне контекста и вне знания ситуации: *Татьяна в лес; медведь за нею*. Это разделение представляется вполне оправданным. Все рассматриваемые нами конструкции относятся к третьему типу: они системно обусловлены и понятны вне контекста и без знания ситуации.

К классу эллиптических относятся, видимо, также и некоторые другие сложные предложения, в частности, некоторые условные и уступительные конструкции, где первая часть связана уступительной связью не со второй частью, а с неким «пропущенным» звеном:

- (6) И если это был шифр, то все равно ключа я не знал (В. Набоков. *Соглядатай*).
- (7) Хотя высоко окно в Маргаритин приют,
У насмешника лестница есть (Н. Гумилев. *Маргарита*).

Пропущенное звено в обоих примерах: *'это не имеет значения'*, вторая же часть не связана с первой условной или уступительной связью, а указывает лишь на причину, обоснование смысла этого пропущенного звена.

Еще один интересный пример:

- (8) Если послушать здешнего интеллигента, штатского или военного, то с женой он замучился, с домом замучился, с имением замучился, с лошадьми замучился (А. Чехов. *Три сестры*). Пропущенное звено: *'(то) услышишь, что...'*

Из сказанного следует, что рассмотренные конструкции (кроме, пожалуй, конструкций IV типа: *Раз <поскольку, если> холодно, надень пальто*), интерпретируемые многими авторами как иллокутивные, бесспорно, относятся к классу эллиптических конструкций. Значит ли это, что мы отказываемся от понятия «иллокутивное употребление» и сводим дискуссию до уровня споров о терминологии (которые всегда представлялись мне достаточно бесплодными)? Отнюдь нет. Термин «иллокутивное употребление» и соответствующее понятие вполне оправданы, однако нуждаются в более точном определении.

Дело в том, что, как мы уже видели, рассматриваемые эллиптические конструкции крайне неоднородны по составу. Напомним об основных различиях между конструкциями, входящими в эти группы.

Во фразах I типа (*Пока не забыл, Вика передает тебе привет; Ну, раз ты любишь пословицы, не в свои сани не садись! Пока ты не спишь, куда ты положила словарь? Чтобы не спутать, в котором часу завтра собрание?*) события, описанные в главном и придаточном, никак не связаны: забывчивость говорящего не связана с любезностью Вики, любовь к пословицам — с запретом садиться в чужие сани, рассеянность — с местонахождением словаря или временем будущего собрания.

Во фразах II типа (*Если захочешь есть, в холодильнике есть мясо*) содержание главного и придаточного гораздо теснее между собой связаны: чувство голода и наличие продуктов. Но это связь опосредованная, существенно отличающаяся от связи частей «обычной» условной конструкции: мясо в холодильнике — реальность, оно есть, независимо от желаний гостя (ср. с «обычной» условной конструкцией: *Если захочешь есть, пошарь в холодильнике*).

Во фразах III типа (*Ветерок в аллее, потому что листья дрожат; Если в окнах нет свету, Коля вчера уехал*) содержание главного и придаточного также тесно связаны, что выражается постановкой причинного или условного союза. Но здесь главное и придаточное как бы меняются местами. Как справедливо отмечают исследователи, дрожание листьев не может быть причиной ветра (как раз наоборот!), но этот факт может быть причиной умозаключения о том, что есть ветер, и делает уместным соответствующее утверждение.

Мне кажется, иллокутивные конструкции — это частный вид эллиптических конструкций, это те из них, где нет смысловой связи между частями сложного предложения (между их пропозициями). К иллокутивным следует относить такие, где содержание второй части полностью абстрагировано от содержания первой и обуславливает лишь сам тип речевого акта, объясняет, почему (или при каких условиях) вторая часть оформлена как побуждение (а не, например, как вопрос или утверждение) и наоборот. Другими словами: к иллокутивным мы склонны относить лишь конструкции I типа: *<Раз> ты всё знаешь, какой город — столица Южной Dakоты?; Ну, раз хочешь знать правду, отец уехал навсегда* (напомню, что эти примеры, как и многие другие — из работы Л. Н. Иорданской). Глубокие познания собеседника или его правдолюбие обусловили обращение к собеседнику, но не само содержание высказывания.

Это резкое ограничение сферы иллокутивных употреблений может показаться слишком строгим и недостаточно оправданным. Но ведь в противном случае само понятие становится слишком неопределенным, а его границы — слишком размытыми!

К иллокутивным следует относить, по моему мнению, также и некоторые сочинительные и бессоюзные конструкции, такие, как *Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал* (Л. Толстой. Война и мир); *Ты всё знаешь: какой город — столица Южной Dakоты?*

Тем самым, если строго придерживаться критерия иллокутивности, то, парадоксальным образом, мы вынуждены исключить из числа иллокутивных даже «классические» иллокутивные конструкции II и III типа (*Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо; Ветерок в аллее, потому что листья дрожат*), с которых, собственно, и началось исследование данного явления!

Впрочем, не следует преувеличивать различие подходов: вполне допустимо понимание всех рассматриваемых конструкций (кроме, все-таки конструкций IV типа и конструкций с коррелятами типа *значит*) как иллокутивных. Но необходимо при этом учитывать различия между отдельными группами этих конструкций и резкое отличие конструкций I типа, «собственно иллокутивных», от всех остальных, пусть даже мы тоже признаём их иллокутивными.

Глава 4 О ЧЕРЕДОВАНИЯХ В СИНТАКСИСЕ (К ПРОБЛЕМЕ АЛЬТЕРНОЛОГИИ)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В конце 70-х годов мое внимание привлекли работы Александра Александровича Реформатского, посвященные проблеме чередований и морфонологии. Меня увлекли сложность и важность проблемы, и не в меньшей степени — юношеская страстность и эстетическая красота в освещении Александром Александровичем этой проблемы современного русского языка, до того мне, специалисту по историческому синтаксису, известной «по слухам». Естественно возникла мысль: «А нет ли сходных явлений в единицах более высокого уровня, в частности, в синтаксисе?» Результатом этих размышлений явились статьи начала 80-х годов, посвященные данной проблеме [Санников 1980; Санников 1981]. Они остались незамеченными. Возможно, какую-то роль сыграло то обстоятельство, что обе статьи вышли в малодоступных изданиях, ничтожным тиражом, но основная причина заключалась, вероятно, в недостаточной продуманности общей концепции и неточностях в ее приложении к фактам русского языка. Прошедшие десятилетия убедили меня не только в теоретической оправданности развиваемого подхода, но и целесообразности применения его в системах автоматической обработки русских текстов. Более того — он был применен, правда, не в полном объеме, в системе ЭТАП, разрабатываемой во ВНИИ «Информэлектро», а затем в Институте про-

блем передачи информации РАН. Данная статья в основном воспроизводит текст работы 1981 года [Санников 1981], однако в него внесены некоторые уточнения, в том числе одно принципиальное: оно касается соотношения понятия «чередование» с понятиями «морфонология» и «синтморфонология».

§ 1. «ОСНОВНЫЕ» И «ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ» СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

В русском синтаксисе используются следующие типы средств выражения: морфологические характеристики (вырабатываемые по принципу управления или согласования); служебные слова; порядок слов; интонация (в письменной речи — знаки препинания). В данной работе рассматривается лишь одно из этих средств — морфологические характеристики, или граммы.

Граммемы, сопровождающие ту или иную лексему, образуют цепочку граммем. Так, лексемы существительных сопровождаются цепочками граммем — *им, ед* (= именительный падеж, единственное число); *род, ед*; ...; *им, мн...* и т. д.

Средством выражения синтаксической функции подлежащего в русском языке являются, например, цепочки граммем, включающие грамму «именительный падеж»: *Дождь* [им, ед] *будет*. Известно, однако, что в определенных синтаксических условиях подлежащее может оформляться также и другими падежами, в частности, родительным: *Дождя* [род, ед] *не будет*.

Одно из перечисленных средств выражения функции подлежащего можно считать «главным», «основным» (это, бесспорно, цепочка граммем, включающая именительный падеж), другое — «второстепенным», «дополнительным» (цепочка *род, ед*).

Деление синтаксических средств (в частности, цепочек граммем) на основные и дополнительные интуитивно оправдано и согласуется с лингвистической традицией — ср. нередкие в работах по русскому синтаксису формулировки типа: «Имя существительное в именительном падеже является наиболее типичной формой выражения подлежащего» [Грамматика 1960: 368]; ср. также существующую лексикографическую практику, где переходные глаголы снабжаются указанием на сочетаемость с вин. падежом (напр.: *ИМЕТЬ кого-что*), но не указывается возможный в случае отрицания род. падеж (ср. *Не иметь денег*). Однако четкого осознания

принципов этого разделения, а также описания способов их формального представления в русистике нет.

В синтаксическом описании дополнительные цепочки граммем естественно получать из основных с помощью особых правил, которые могут быть названы правилами синтаксических преобразований, модификациями и т. д. Однако необходимости во введении нового термина, видимо, нет, поскольку сходные явления (правда, относящиеся к другим языковым уровням — фонологии и морфологии) давно известны в лингвистике под термином «чередование».

Ниже будут рассмотрены некоторые черты сходства и различия между изучаемыми синтаксическими явлениями и явлениями морфологическими.

§ 2. ЧЕРЕДОВАНИЯ В МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСЕ

Известно, что некоторые важные лингвистические понятия (такие, как «нейтрализация», «нулевой знак») были выработаны для низших уровней языка (фонологического, морфологического), но оказались приложимыми и к высшим уровням. Ср., например, интересную попытку М. В. Панова распространить существующее в фонетике понятие позиции на грамматику [Панов 1963: 3]. В этой связи большой интерес представляет, по нашему мнению, понятие чередования.

Естественно возникает вопрос, являются ли чередования «индивидуальной особенностью» низших уровней (фонологического и морфологического) или же они присущи и другим уровням языка, в частности, синтаксическому? Нам кажется, что правильно второе. Рассмотрение русского синтаксиса позволяет выделить большую совокупность явлений, которые близки по своей природе чередованиям в фонологии и морфологии.

Сравним два ряда примеров — (1) и (2):

- (1) а. *молод-ой* [морфа *молод*].
б. *молож-е* [морфа *молож*].
- (2) а. Доклад имел *успех* [УСПЕХ,вин,ед].
б. Доклад не имел *успеха* [УСПЕХ,род,ед].

Известно, что в (1) мы имеем дело с одной морфемой {МОЛОД}, которая представлена двумя морфемами, или алломорфами — *молод*

и *молож*. Одна из них (это, бесспорно, морфа *молод*) является основной, «представляющей» (именно она должна быть помещена в словарь основ), а вторая является результатом применения правила <д>/<ж>, которое называется морфемным или морфонологическим, поскольку это — операция над фонемным составом морф в зависимости от тех или иных фонологических или морфологических условий (в нашем примере — от того, какая морфа следует за основой, ср.: *молодой* — *молож-е*, но: *седой* — *сед-ее*).

Очевидно, в (2) мы имеем дело с аналогичным явлением, хотя и относящимся к другому уровню. Здесь представлена в (2а) и (2б) одна и та же функция (так наз. «прямое дополнение»), которую выполняют лексемы, отличающиеся одной из морфологических характеристик — граммемой падежа: в (2а) это винительный, в (2б) — родительный. Одна из цепочек граммем (это, бесспорно, цепочка «вин,ед») может рассматриваться как основная, «типичная», «представляющая» для данной синтаксической функции, а другая («род,ед») может рассматриваться как результат применения к цепочке «вин,ед» правила «вин. падеж» ⇒ «род. падеж». По аналогии с морфологическими правилами, это правило и правила, ему подобные, мы предлагаем называть правилами синтаксического чередования, поскольку это — операция над характеристикой синтаксической единицы в зависимости от некоторых условий (в нашем примере — в зависимости от наличия при глаголе отрицания НЕ).

Итак, по нашему мнению, не только в морфологии, но и в синтаксисе наблюдается явление чередования: преобразование единиц в единицы того же уровня — в зависимости от контекстных условий.

Приведем еще несколько примеров русских синтаксических чередований. Цель нашей работы — обратить внимание исследователей на наличие в русском синтаксисе явлений, аналогичных тем, которые в фонологии и морфологии интерпретируются как чередования. Поэтому при описании фактического материала мы не в состоянии обсуждать все имеющиеся точки зрения и обосновывать в каждом конкретном случае преимущества развиваемого подхода.

§ 3. ПРИМЕРЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ.

ЧЕРЕДОВАНИЯ «КОМБИНАТОРНЫЕ» И «ИСТОРИЧЕСКИЕ»

Как известно, сказуемое согласуется с подлежащим в числе и ино-

гда в роде. Однако в ряде случаев это согласование нарушается.

Пример нарушения согласования по роду:

начальство [ср] *едет пьяненький* [муж]

в казенной машине / и в дамской компанийке (В. Маяковский).

Нарушение согласования по числу наблюдается, во-первых, в случае, если подлежащее — лексема типа РЯД, БОЛЬШИНСТВО, ЧАСТЬ, ТРЕТЬ, ... Ср.:

На заводе произошел [ед,муж] ряд [ед,муж] аварий, но:

Ряд [ед,муж] *сотрудников выступили* [мн] (не **выступил!*)

в прениях.

Сюда относятся и не вполне нормативные примеры типа:

Пролетели [мн], *улетели* [мн]

Стая [ед] *легких времирей* (В. Хлебников).

Это наблюдается, далее, в случае, если подлежащее входит в комитативную или в сочинительную конструкцию — бессоюзную или включающую соединительный союз. Ср.

Маша [ед,жен] *красива* [ед], но:

Маша [ед,жен] и *Сеня красивы* [мн]; *Маша* [ед,жен] с *Сеней красивы* [мн].

Интересно, что данное чередование имеет место и в некоторых других конструкциях, в частности:

а) в так наз. копредикативных конструкциях, ср.: *Маша* [жен,ед] *вернется усталой* [жен,ед], *Сеня* [муж,ед] *вернется усталым* [муж,ед], но: *Маша* [жен,ед] и *Сеня* *вернутся усталыми* [мн]; *Маша* [жен,ед] с *Сеней* *вернутся усталыми* [мн];

б) в конструкциях с так наз. «косвенным дополнением», требующим согласования актантов, ср.: *Я считаю Машу умной*; *Я считаю Сеню умным*, но: *Я считаю Машу* [ед,жен] и *Сеню умными* [мн];

в) в некоторых предложных конструкциях, ср.: *Матрос* [ед] *за матросом поднимались* [мн] *на борт*.

Таким образом, чередование *ед* $\Rightarrow$ *мн* (как и многие другие чередования) можно использовать как общее правило, имеющее силу для нескольких конструкций.

Чередование *ед* $\Rightarrow$ *мн*, обусловленное лексическими свойствами существительного (вхождение в ряд БОЛЬШИНСТВО, ЧАСТЬ, ТРЕТЬ, ...) или синтаксическим окружением (вхождение этого существительного в комитативную или сочинительную конструк-

цию), — пример того, что в морфологии называют «регулярными», «системно обусловленными», «комбинаторными» чередованиями (в морфологии это чередования типа <в>/<в'>: *здоровый/здоровее*).

Известно, что в морфологии бывает и второй тип чередований — чередования «традиционные» (или «исторические»), «не обусловленные причинно данным состоянием языка», такие, «причины которых не даны в синхронии языка, а скрыты в его истории» [Реформатский 1955: 108–109], ср., например, чередования <в>/<вл'> (*дешевый/дешевле*), <ск>/<щ> (*искать/ищут*) и т. д.

В синтаксисе к числу «исторических» могут быть отнесены чередования в количественных конструкциях. Основным, типичным синтаксическим средством выражения количественного отношения является согласование числительного с существительным в числе, падеже и (для нескольких числительных) в роде и одушевленности, ср.: *одна копейка — один рубль — одного рубля — одному рублю...*; *двух <пяти, пятидесяти> рублей — двум <пяти, пятидесяти> рублям...*

Однако в определенных синтаксических условиях согласование существительного и числительного нарушается и происходят следующие чередования граммем:

- им,мн ⇒ род,ед Ср.: Стоят *столы* [им,мн], но:
Стоят два <полтора, три, четыре> *стола*
[род,ед].
- вин,мн ⇒ род,ед Ср.: Вижу *столы* [вин,мн], но:
Вижу два <полтора, три, четыре> *стола*
[род,ед].
- им,мн ⇒ род,мн Ср.: Стоят *столы* [им,мн], но:
Стоят пять *столов* [род,мн].
- вин,мн ⇒ род,мн Ср.: Вижу *столы* [вин,мн], но:
Вижу пять *столов* [род,мн],
- дат ⇒ род Ср.: к пяти *рублям* [дат], по 21 *рублю* [дат], но:
получили по *пяти рублей* (не *рублям.)
[рубль_{род}]. (Об этой конструкции
см. Виноградов 1972: 239).
- мн ⇒ ед Ср.: к двадцати *бойцам* [мн], с 30 *бойцами* [мн], но:
к двадцати одному *бойцу* [ед], с 31 *бойцом* [ед].

Чередования *им,мн* $\Rightarrow$ *род,ед* и *вин,мн* $\Rightarrow$ *род,ед* объясняются в конструкциях с числительным ДВА утратой двойственного числа, в результате чего форма *стола* [им-вин. двойств. числа] переосмыслилась как форма род. падежа ед. числа и согласование с числительным (когда-то имевшее в этих случаях место!) нарушилось. Труднее объяснить это чередование в конструкциях с числительными ТРИ, ЧЕТЫРЕ. В. В. Виноградов (вслед за А. А. Шахматовым [1941]) видит здесь «грамматические идиомы, неразложимые грамматические обороты» [Виноградов 1972: 238].

Чередования *им,мн* $\Rightarrow$ *род,мн*; *вин,мн* $\Rightarrow$ *род,мн*; *дат* $\Rightarrow$ *род* — реликты эпохи, когда слова ПЯТЬ, ШЕСТЬ и т. п. были еще счетными существительными, подобными существительным ПЯТОК, ШЕСТЕРКА, ..., и не согласовывались с существительным, а управляли существительным в форме родительного падежа (*шесть столов* [род] — как *шестерка столов* [род]).

Приведенные выше примеры синтаксических чередований могут показаться не очень убедительными. Так, можно не соглашаться с наличием чередования *ед* $\Rightarrow$ *мн* в случаях типа (3):

- (3) а. *Пришел* [муж,ед] отец,
 б. *Пришли* [мн] отец с матерью,
 в. *Пришли* [мн] отец и мать,

мотивируя это несогласие следующим образом:

«в (3б) и (3в) в качестве подлежащего выступает комитативная и сочинительная группа, с которой и согласуется глагол-сказуемое».

Ясно, однако, что речь здесь может идти не о сомнительности или неубедительности наших примеров, а лишь о наличии других интерпретаций. Эти интерпретации более привычны, чем наша, но это не значит, что содержательно они более оправданы.

Меню именительного, винительного, дательного падежей на родительный можно объяснить вхождением существительного в количественные группы (так наз. стандартные поддеревья Δ NUMP). Это, однако, просто другой способ (достаточно громоздкий) описать появление родительного падежа существительного вместо именительного, винительного или дательного (Стоят *деревья* [им]; Вижу *деревья* [вин], но: Стоят <вижу> *три дерева* [род]; Стоят <вижу> *пять деревьев* [род]). Никаких других содержательных оснований для выделения количественных групп, видимо, нет. Если бы существительное и числительное в именительном и винительном

падежах согласовывались, как это имеет место в других падежах (*трех деревьев, трем деревьям, тремя деревьями,...*), то количественные группы, видимо, не выделялись бы, подобно тому, как не выделяются «количественно-порядковые группы» для конструкций типа *третье дерево, третьего дерева, третьему дереву* и т. п.

Еще менее удачной представляется широко распространенная точка зрения, согласно которой числительное в форме именительного или винительного падежа управляет существительным в родительном падеже (*два → стола*). Во-первых, этимологически здесь не управление, а согласование числительного и существительного в форме именительного (или винительного) падежа двойственного числа, которая лишь «по внешнему облику» совпала с формой родительного падежа, да и то не всегда, ср.: *два (три, четыре) рядá (часá, шагá)* при родительном (*нет*) *рядá, часá, шагá* (см. Виноградов 1972: 244–245; Зализняк 1967: 47). Во-вторых, при таком подходе следовало бы, видимо, признать, что в сочетаниях типа *два стола* числительное управляет не только падежом, но и числом существительного. На «странность» такого управления справедливо указывали еще А. М. Пешковский [1956: 438] и А. А. Шахматов [1941].

§ 4. ЧЕРЕДОВАНИЯ В МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСЕ: РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ НИМИ

1. Известно, что в морфологии, кроме незначащих чередований (типа *рук-а — рук'-е*), выделяются чередования так наз. «значащие», ср. глагольные пары *со-бир-а-ть* и *со-бр-а-ть*, *избег-а-л* и *избеж-а-л*, где чередования в основе указывают на вид глагола.

Видимо, в синтаксисе также можно выделять чередования значащие и незначащие. Примеры незначащих чередований приводились выше. Примером значащих чередований являются в синтаксисе фразы типа *Сторож не оказался на месте/Сторожа не оказалось на месте; Пришли десять человек/Пришло десять человек*, которые «не вполне синонимичны: они различаются референтностью/нереферентностью, определенностью/неопределенностью группы подлежащего и т. д.» [Иомдин 1980б].

Значащих чередований в русском синтаксисе много. Можно даже высказать предположение, что в отношении чередований существенное различие между морфологией и синтаксисом заключается в частности в том, что в русской морфологии значащие че-

редования имеют меньший удельный вес, чем незначащие, а в синтаксисе они распространены столь же (если не более) широко, как и незначащие чередования.

2. В синтаксисе чередование лишь в редких случаях не связано с приращением синтаксического контекста (один из них — употребление мн. числа глагола при подлежащих — существительных ед. числа: *Часть* [ед] приехавших *были* [мн] (не **была!*) опытными туристами. Обычно чередование в синтаксисе связано с приращением синтаксического контекста, обычно альтернант — дополнительная цепочка граммем, получаемая из основной с помощью того или иного чередования, — используется в случае усложнения синтаксической структуры (Ср.: *Имею выговор* [вин,ед] ⇒ *Не имею выговора* [род,ед]; *Вижу деревья* [вин,мн] ⇒ *Вижу пять деревьев* [род,мн]).

В морфологии — скорее наоборот: чередование также может быть связано с приращением контекста (ср. чередование <к>/<к'> в случае появления суффикса -к-: *рук-а/руч-к-а*), однако зачастую в морфологии никакого приращения морфологического контекста нет (ср. чередование <к>/<к'> в случаях типа *рук-а/рук'-и*).

Поэтому само разделение единиц на «основные» и «дополнительные» в синтаксисе более содержательно оправданно и более определено, чем подобное разделение в морфологии, где оно связано иногда со значительными трудностями. Какая морфа является основной — *рук* (*рук-а, рук-у, рук-ой,...*) или *рук'* (*рук'-и, рук'-е,...*); *им'* (*им'-я*), *имен* (*имен-а, имен-ами,...*) или *имен'* (*имен'-и, имен'-ем,...*)? Поэтому определить направление чередования в морфологии гораздо труднее, чем в синтаксисе.

3. В синтаксисе бросается в глаза многоступенчатость преобразований во фразе, включающей чередующуюся единицу. Так, чередование *мн* ⇒ *ед* в цепочке граммем существительного КНИГА: *Вижу книги* [мн], но: *Вижу 21 книгу* [ед] вызывает целую цепь чередований в словах, зависимых от этого существительного: *Вижу 21 новую* [ед], *интересную* [ед], *прекрасно изданную* [ед] *книгу* [ед].

4. В особом рассмотрении нуждается сопоставление продуктивности морфологических и синтаксических чередований.

Как известно, морфологические чередования в общем случае имеют силу для многих морф. Так, чередование беглой гласной с

нулем (*сон — сна, станок — станка*) применимо ко многим сотням (тысячам?) основ.

Синтаксические чередования производят во многих случаях впечатление уникальных. Так, чередованию *вин* $\Rightarrow$ *род* подвергаются, казалось бы, всего две цепочки граммем — «вин,ед» и «вин,мн» (ср.: Он имел этот *недостаток* [вин,ед] — Он не имел этого *недостатка* [род,ед]; Он имел *недостатки* [вин,мн] — Он не имел *недостатков* [род,мн]). Это, однако, не так. Данному чередованию могут подвергаться также и многочисленные цепочки граммем при прилагательных в положительной и превосходной степени, ср.: Не имею *лучшей* [жен,род,ед] из черт советских людей; Не имел *лучшего* [ср,род,ед] из достоинств; Не имел *отвратительнейшего* [прев,муж,род,ед] из недостатков и т. п.

К тому же продуктивность синтаксических чередований следует оценивать не столько по количеству цепочек граммем, к которым это чередование приложимо, сколько по количеству конструкций, в которых эти цепочки встречаются. Так, цепочки граммем существительных, подвергающихся чередованию *вин* $\Rightarrow$ *род*, встречаются в целом ряде конструкций — комплетивных, длительных, обстоятельственных, предложных и др., ср.:

Купил ^{1-е компл.} $\rightarrow$ *книгу* [вин], но: Купил пять *книг* [род]

Работал ^{длит.} $\rightarrow$ *месяц* [вин], но: Работал пять *месяцев* [род]

Приходил ^{обстоят.} *один* $\rightarrow$ *раз* [вин], но: Приходил пять *раз* [род]

на ^{предл.} $\rightarrow$ *книгу* [вин], но: на пять *книг* [род]

5. Указанные различия между чередованиями в синтаксисе и чередованиями в морфологии (к ним, возможно, должны быть добавлены и некоторые другие) связаны с различиями в самой языковой материи и представляются менее существенными, чем отмеченные ранее черты сходства между соответствующими синтаксическими и морфологическими явлениями.

Впрочем, не следует преувеличивать роль сопоставления интересующих нас синтаксических явлений с морфологическими явлениями: наличие чередований в морфологии не может расцениваться как доказательство наличия чередований в синтаксисе; и наобо-

рот: даже в случае отсутствия в морфологии понятия чередования, это понятие все равно следовало бы ввести для синтаксиса. Если в работе сопоставлению морфологии и синтаксиса отводится значительное место, то делается это по двум причинам:

1) мы хотели пояснить новое синтаксическое понятие с помощью понятия, давно известного в морфологии;

2) подобное сопоставление позволяет сделать некоторые интересные, на наш взгляд, обобщения, касающиеся изоморфизма в языковых уровнях (ср. Панов 1963).

§ 5. КАКИЕ ИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК МОГУТ ПОДВЕРГАТЬСЯ ЧЕРЕДОВАНИЯМ?

1. Известно, что словоизменительные характеристики делятся на два типа: «синтаксические» и «несинтаксические» [Пешковский 1956: 31].

«К первым относятся род, число и падеж прилагательного, падеж существительного и число, род и лицо глагола. Род, число и падеж прилагательного, например, не передают никакой самостоятельной семантической информации, а значат лишь то, что данное прилагательное синтаксически зависит от существительного с теми же значениями категории рода, числа и падежа.

Ко вторым относятся число существительного, время, вид, залог и наклонение глагола, степени сравнения прилагательного. Значение этих категорий определяется тем, какой смысл необходимо выразить, и не зависит от синтаксического контекста, в котором выступает данное слово» [Апресян, Иомдин, Перцов 1978: 271]. Небольшое уточнение: в случае эллипсиса «синтаксические» характеристики становятся «несинтаксическими», семантически значимыми. Ср.: *Я купил голубую рубашку, а он — розовую <розовые>* (характеристика числа прилагательного, обычно чисто согласовательная, здесь семантически значима).

2. Синтаксическим чередованиям, естественно, подвергаются в первую очередь синтаксически обусловленные, но не семантически содержательные характеристики. Исключение составляют те случаи (довольно немногочисленные), когда семантически содержательные словоизменительные характеристики «десемантизуются», становятся чисто синтаксическими (об этих случаях см. Иомдин 1980а). Оказалось, что такие «десемантизованные» характеристики также

могут подвергаться чередованиям. Так, число существительного (обычно семантическая информация!) становится в ряде случаев чисто согласовательным и допускает чередование множественного числа с единственным. Это происходит, в частности:

а) при наличии однородных определений, ср.: *У него есть как рабочий, так и домашний телефон* [ед] / *телефоны* [мн];

б) в количественных конструкциях, ср.: *пять мальчиков* [мн], но: *четыре мальчика* [ед]; *к 20 девочкам* [мн], но: *к 21 девочке* [ед].

3. Вероятно, следовало бы расширить понятие, допустив возможность чередования в синтаксисе не только морфологических характеристик, но и некоторых классифицирующих (словарных) признаков лексем, таких, как одушевленность/неодушевленность существительных.

Так, отмеченные Е. В. Урысон [Урысон 1981] конструкции типа *Вижу человека-ящичка* (не: **человека-ящик!*) можно интерпретировать как результат замены словарного признака «неодушевленность» у лексемы ЯЩИК признаком «одушевленность».

С обратным случаем мы имеем дело в аппозитивных конструкциях типа *Вижу город-герой* (не: *город-героя), которые можно рассматривать как результат чередования *одуш* $\Rightarrow$ *неодуш*.

Сложные случаи, давно привлекавшие внимание исследователей (см., напр., Зализняк 1967: 50–52), типа *пойти в солдаты, зачислить в преподаватели*, «*Не рвусь я грудью в капитаны и не ползу в ассессора*» (А. Пушкин — пример заимствован из работы [Кузнецов 1959: 106]), также можно интерпретировать как конструкции с вин. падежом одушевленного существительного, претерпевшего в определенных синтаксических условиях чередование *одуш* $\Rightarrow$ *неодуш*. Эта интерпретация представляется достаточно естественной и этимологически оправданной: как известно, конструкция *пойти в солдаты* — реликт той эпохи, когда русские существительные не имели категории одушевленности.

Описанные случаи мены классифицирующих признаков лексем происходят в зависимости от синтаксических условий (таких, например, как вхождение в аппозитивную конструкцию), и не исключено, что они могут интерпретироваться как синтаксические чередования.

§ 6. АЛЬТЕРНОЛОГИЯ И ПОНЯТИЯ «УПРАВЛЕНИЕ» И «СОГЛАСОВАНИЕ»

Выделение учения о чередованиях — альтернологии — позволяет предложить более четкую лингвистическую интерпретацию некоторых синтаксических явлений, сложным образом «переплетающихся» с явлениями управления и согласования и «затемняющих» эти явления. Тем самым уточняются и сами понятия управления и согласования. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Фраза *Имею выговор*, бесспорно, удовлетворяет всем критериям управления (см. о них Апресян 1979б: 202): глагольная лексема ИМЕТЬ имеет семантическую валентность объекта; эта валентность насыщается лексемой ВЫГОВОР, имеющей определенное морфологическое оформление — «вин. падеж»; выбор этого морфологического оформления определяется лексическими свойствами управляющего слова — глагола ИМЕТЬ.

Если же взять фразу *Не имею выговора*, то она удовлетворяет, видимо, не всем критериям управления, а именно: морфологическое оформление зависимого слова («род. падеж») формально не определяется лексическими свойствами главного слова — глагола ИМЕТЬ (и не предусмотрено моделью управления этого глагола). При существующем подходе статус этого явления остается не совсем ясным.

Еще сложнее обстоит дело с понятием согласования. В русских грамматиках отмечается:

«Согласованием обычно называется такой вид синтаксической связи, когда формы сочетающихся слов объединены общими однозначными или однотипными морфологическими категориями рода, числа, а для имен — также падежа, для глаголов — лица, причем определяющее слово всегда уподобляется в этом отношении определяемому» [Грамматика 1960: 22].

Однако тщательное изучение согласования в русском языке выявляет множество фактов, не укладывающихся в имеющиеся определения. «В более сложных случаях происходит не уподобление, а соотнесение формы главного и зависимого компонентов» [Белошапкина 1977: 32]. Описание большого числа подобных случаев содержится в [Иомдин 1980б]. Так, если в словосочетании *к двум толстым книгам* мы, бесспорно, имеем дело с согласованием — числительного с существительным (в падеже) и прилагательного с существительным (в числе и падеже), то можно ли говорить

о согласовании во фразе *Вижу две большие сосны?* Ведь здесь существительное имеет форму род. падежа, а «согласующееся» с ним числительное и прилагательное — форму вин. падежа; существительное имеет форму ед. числа, а «согласующееся» с ним прилагательное — форму мн. числа. Л. Л. Иомдин справедливо отмечает, что «иной раз соответствие морфологических и синтаксических характеристик бывает настолько запутанным, что от согласования в узком смысле этого слова — совпадения значений одноименных грамматических категорий согласуемых слов — не остается и следа» [Иомдин 1980б].

По нашему мнению, «искажение», «затемнение» природы управления и согласования объясняется неоправданным включением в их сферу явлений другой природы — альтернативных явлений. Выведя эти явления в автономную область синтаксиса, мы тем самым не только определяем их лингвистический статус, но и «очищаем» понятия управления и согласования от явлений, искажающих (иногда «до неузнаваемости») их природу. В результате эти понятия получают достаточно точный и ясный смысл.

Согласование — это грамматический способ выражения того или иного синтаксического отношения, заключающийся в уподоблении морфологических характеристик согласуемой лексемы морфологическим характеристикам согласующей лексемы и/или ее классифицирующим признакам. Так, в словосочетании *большую реку* способом выражения определительного отношения является согласование, заключающееся в уподоблении морфологических характеристик прилагательного: а) классифицирующему признаку существительного («жен. род») и б) морфологическим характеристикам существительного, обусловленным синтаксически («вин. падеж») или семантически («ед. число»).

В понимании управления мы присоединяемся к Ю. Д. Апресяну [Апресян 1979б: 202] (см. перечисленные выше критерии).

Отступления от этого понимания управления и согласования — отдельная область синтаксиса, часть общей альтернологии.

§ 7. ОБ ОТОБРАЖЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ В ФОРМАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учет синтаксических чередований в действующих моделях языка способствовал бы большей адекватности и экономичности этих моделей.

В данном разделе изложение будет вестись в терминах системы ЭТАП, в течение многих лет разрабатываемой во ВНИИ «Информэлектро», а затем в Институте проблем передачи информации РАН. Приводимые соображения в равной мере касаются и анализа, и синтеза. Для удобства изложения мы ориентируемся на синтез.

В первой версии системы ЭТАП морфологические и синтаксические чередования не учитывались.

В морфологии чередующиеся основы рассматривались как «равноправные», не выводимые одна из другой (то есть примерно так, как рассматриваются супплетивные морфы типа *человек* — *люди*). Так, представление прилагательного КРЕПКИЙ включало три морфологических статьи: *крепок*, *крепч* и *крепк*. Естественно, парадигма этого прилагательного также делилась на три части: 1) форма *кр,муж*; 2) формы сравнит. и прев. степени; 3) остальные формы. Учет чередований позволил объединить три статьи в одну и сделать это громоздкое описание предельно экономным и более содержательно оправданным:

КРЕПКИЙ осн:креп(ок|ч|к) чер:б|11 т:217

(Блок осн задает три чередующихся основы; блок чер указывает на их распределение: *крепок* — *кр,муж*, *крепч* — формы сравнит. и прев. степени; *крепк* — остальные формы; трафарет — т:217 «отвлекается» от чередований и задает парадигму прилагательного, общую со многими другими прилагательными, в том числе и не имеющими чередований в основе.)

В синтаксисе переход от фрагмента русской поверхностно-синтаксической структуры (ПСС) — одной ветви дерева зависимостей — к фрагменту глубинно-морфологического представления (ГМП), то есть к паре лексем, снабженных всеми морфологическими характеристиками, происходил первоначально с помощью специальных правил — синтагм — также без учета чередований, в один шаг; это — один этап, и, естественно, этап чрезвычайно сложный и громоздкий. В дальнейшем было признано целесообразным осуществлять переход от ПСС к ГМП фразы в два этапа. На первом этапе по общим (достаточно простым) правилам вырабатываются основные характеристики лексем, на втором — они корректируются (разумеется, только при необходимости произвести те или иные чередования).

Пример — синтез «каверзной» фразы *Возьмем два новых журнала* (см. Лингвистический процессор 1989: 203–204).

На первом этапе с помощью простых правил каждой лексеме приписывается «основная» характеристика. После завершения этого этапа представление фразы имеет следующий вид:

ВЗЯТЬ,изъяв,непрош,1-л,мн + ДВА,муж,вин +
 НОВЫЙ,вин,мн + ЖУРНАЛ,вин. мн.

На следующем этапе результат работы первого этапа корректируется с помощью правил синтаксических чередований. Эта корректировка коснется двух лексем:

НОВЫЙ,вин,мн (*новые*) → НОВЫЙ,род,мн (*новых*)
 ЖУРНАЛ, вин,мн (*журналы*) → ЖУРНАЛ,род,ед (*журнала*)

Что касается «простых» фраз типа *Возьмем один новый журнал* или *Анализ двух новых журналов*, то эти фразы уже на первом этапе получают правильное синтаксическое представление и не нуждаются в преобразованиях. (Напомним, что при подходе, принятом ранее, эти «простые» фразы должны «прогоняться» через ту же совокупность сложных правил, что и «каверзные» фразы).

В целом применение чередований в действующих моделях языка, а именно: выбор одного из способов выражения той или иной синтаксической функции в качестве основного, и «особая обработка» редких отступлений «каверзных случаев» (и только их!) способствует содержательной адекватности модели, «прозрачности» ее структуры и эффективности ее работы. Использование понятия чередования в морфологии и синтаксисе представляется полезным техническим сокращением — даже независимо от содержательной лингвистической стороны дела.

§ 8. О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЧЕРЕДОВАНИЕ», «МОРФОНОЛОГИЯ», «СИНТМОРФОЛОГИЯ»

Понятие чередования сложным образом соотносится с понятием морфонологии. Настораживает слишком разное понимание морфонологии и ее задач. Согласно широкому пониманию, морфонология изучает фонологическую структуру любых морфем, согласно узкому — структуру лишь тех морфем, которые характеризуются чередованием составляющих их единиц (при этом, по су-

ти дела, ставится знак равенства между понятиями чередования и морфонологии). Но наибольшее распространение получило в русистике еще более узкое понимание сущности морфонологии как «связующего звена» [Трубецкой 1967: 116] между двумя смежными уровнями языка — фонологией и морфологией. Так, перед морфой сравнительной степени *-е* (но не перед морфой *-ее!*) фонемный состав некоторых основ корректируется правилами чередований. Например: <т>/<ч> (*крутой* — *круче*, но не: *святой* — *свяч-ее*) и т. п.

При этом учитывались лишь чередования фонем, обусловленные морфологически, единицами более высокого уровня (отсюда и само название — морфонология). Между тем, давно известно, что чередования фонем могут быть обусловлены фонологически, единицами того же уровня, ср. чередование заднеязычных, напр. <к>/<к'> в некоторых (чисто фонологических!) условиях: *рука/рук'е*, *рук'и* и т. п. Трудно также квалифицировать как морфонологические чередования беглых гласных. Они обусловлены фонологически (наличием гласного непосредственно после основы): *сон*, но: *сна*, *снами*, и лексически, ср.: *сон* — *сна*, *снами*, но: *сом* — *сома*, *сомами*.

В первом варианте работы [Санников 1980; Санников 1981] я отдал дань общему увлечению морфонологией (в узком понимании) и попытался выделить сходный раздел («синтморфологию») для синтаксиса. Синтморфология понималась как автономный раздел синтаксиса, в задачу которого входит преобразование морфологических характеристик лексем в зависимости от синтаксических условий.

Поскольку и в морфологии, и в синтаксисе чередования могут быть обусловлены единицами не только соседнего (более высокого) уровня, но и единицами того же, своего уровня, а также и «несмежного» уровня, необходимость в терминах «морфонология» и «синтморфология» для нас не очевидна. Если их использовать, то необходимо понимать, что речь идет лишь об одном из видов чередований — о чередованиях, обусловленных единицами соседнего (более высокого) уровня.

§ 9. О СПИСКЕ РУССКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ

Минимум синтаксических явлений, которые, по нашему мнению, должны быть отражены в русской альтернологии, мы зафиксирова-

ли в предварительном списке русских синтаксических чередований. Список, включающий 15 чередований (только незначащих), приводится в [Санников 1980; 1981], и мы отсылаем заинтересованного читателя к этой работе.

§ 10. КРАТКИЕ ИТОГИ

1. В одном отношении современное положение в синтаксисе напоминает то, которое существовало в морфологии в начале XIX века: в синтаксис, как когда-то в морфологию, включается и «распыляется» в нем некоторая автономная область, аналогичная морфологическим чередованиям. Эту область синтаксиса мы предлагаем интерпретировать как синтаксические чередования.

Синтаксические чередования — это мена синтаксической единицы на единицу того же уровня, обусловленная либо единицами синтаксического уровня, либо единицами других уровней — в первую очередь лексического и поверхностно-семантического.

2. Тем самым, следует говорить об общей теории чередований (альтернологии), изучающей мену той или иной языковой единицы на единицу того же уровня, обусловленную единицами того же или другого уровня (не обязательного смежного).

3. Введение понятия «чередование» в синтаксисе позволило бы:

— отделить в синтаксисе «основные» средства от «дополнительных», «регулярные» от «аномальных» и описать отношения между ними;

— очистить основополагающие понятия управления и согласования от явлений, искажающих их природу;

— дать более экономное представление синтаксических явлений в действующих моделях языка;

— проследить изоморфизм в разных языковых уровнях, в частности — в морфологии и в синтаксисе.

4. Возможно, развиваемый подход применим к описанию и формальному представлению не только русского, но и некоторых других языков.

Глава 5

КОНСТРУКЦИИ ПРОЛЕПТИЧЕСКИЕ И СМЕЖНЫЕ С НИМИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В русистике термин *пролептические конструкции*, насколько мне известно, не используется¹. Однако примеры конструкций, которые мы называем пролептическими, встречаются — в частности, в общих курсах и в академических грамматиках: *Квартальный поручик, он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту* (Гог.); *эта романтическая литература начала XIX века в Германии, она влияла...* [Пешковский 2001]; *Слезы унижения, они были едки* (Фед. Необыкн. лето) [Грамматика 1960]; *Мама, она на работу ушла; Ребята, они народ хитрый; Какое оно, счастье? Он не мог не начаться, умный, открытый разговор* [Грамматика 1970]; *Русский старинный фарфор / он сейчас вот ценится; Воробьи / они ведь никуда не улетают; Управдом / она вам ничего не скажет* [PPP 1973].

Наиболее подробно вопрос рассматривается в большом, богато иллюстрируемом разделе об обособлении Грамматики 1980, написанном И. А. Ицковичем. Правда, и здесь, как и в других работах, пролептические конструкции «растворены» среди конструкций с обособлением. Это и неудивительно: в пролептических конструкциях налицо интонационное (и пунктуационное) обособление в пределах фразы. Более того. Некоторые фразы письменного текста

¹ В работе Е. В. Падучевой используется термин *пролеписис*, но в другом значении: «явное нарушение хронологии», «временной сдвиг» [Падучева 1996: 382, 397].

омонимичны, допускают двоякое понимание и стилистическое использование. Ср.: *Потомственные аристократы, они любили простой народ*: 1) Потомственным аристократам было свойственно любить простой народ; 2) Хотя описываемые конкретные лица были потомственными аристократами, они любили простой народ.

В разделе 1 дается краткая характеристика обособленно-атрибутивных конструкций, близких к пролептическим, в разделе 2 рассматриваются собственно пролептические конструкции и их отличие от обособленно-атрибутивных и, наконец, в разделе 3 анализируются некоторые промежуточные конструкции, отнесение которых к пролептическим остается спорным.

§ 1. ОБОСОБЛЕННО-АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

1. Русские конструкции с обособлением не обойдены вниманием исследователей, однако эта проблема нуждается в дальнейшем изучении. В данном разделе я сделаю несколько кратких замечаний лишь об одном виде конструкций с обособлением, тех, которые наиболее близки конструкциям пролептическим.

В Грамматике 1980 выделяются поясняющие обособленные обороты (они «имеют уточняющий, конкретизирующий характер» [Грамматика 1980: 181]: *Возле стены, в нише, удобный лежак* (Шукш.); *У нас, у довоенных мальчишек, <...>, война отняла ласковую школьную романтику* (М. Анчаров); полупредикативные обороты («Они содержат дополнительное сообщение, сопутствующее сообщению, содержащемуся в распространенной части предложения, и характеризуются относительной информационной самостоятельностью» [Грамматика 1980: 181]. В Грамматике 1980 полупредикативный оборот (и обособление в целом) — понятия очень широкие, включающие и субстантивные обороты, и деепричастные и причастные обороты, и адъективные обороты: *Вернувшись в каюту, он долго не мог заснуть* (Собол.); *Улицы, созданные пешеходами, перешли во власть автомобилистов* (Ильф и Петр.); *Малообщительный по натуре, он после смерти жены стал еще замкнутее и нелюдимее* (Грин).

2. Из выделяемых В. А. Ицковичем групп с обособлением для нас наибольший интерес представляют «субстантивные обороты» (с. 184–185), куда без особых оговорок включены и пролептические конструкции. Отмечается, что в конструкциях этого типа

«препозитивный субстантивный оборот, относящийся к личному местоимению, имеет обстоятельственно-характеризующее значение — (а) причинное или (б) уступительное:

(а) Человек партии, я признаю только суд моей партии (Горьк.)

(б) Человек до революции консервативных взглядов, он изменился в революции (Шкл.)» [Грамматика 1980: 184].

Видимо, материал, обилие примеров именно с местоимениями способствовало введению этого ограничения (указание на местоименность), явно ошибочного. Ведь во всех приводимых примерах этого типа (и в двух приведенных выше) вполне допустима без изменения смысла постановка существительных: *Человек партии, Иванов признавал только суд его партии; Человек до революции консервативных взглядов, отец изменился в революции.*

3. В примерах, приводимых в Грамматике 1980, указания на причинность или уступительность, бесспорно, есть, но создаются они не самим оборотом, предшествующим местоимению или существительному, а второй частью, последующим контекстом.

Об этом свидетельствует тот факт, что каждый из приводимых в Грамматике 1980 примеров допускает прямо противоположное продолжение: (а) — уступительное, а (б) — причинное:

Человек партии, я не признаю суда моей партии.

Человек до революции консервативных взглядов, он не изменился в революции.

Если же последующий контекст не свидетельствует однозначно, с чем мы имеем дело - с указанием причины или же уступки, то мы «теряемся в догадках»:

Потомственный дворянин, он поступил в Нижегородскую гимназию (=Так как...?, =Хотя...?).

Только знание реалий или расширение контекста может нам помочь, и только в этом случае мы «можем определиться»:

Потомственный дворянин, он поступил в лучшую Нижегородскую гимназию (причина).

Потомственный дворянин, он поступил в захудалую Нижегородскую гимназию (уступка).

С изменением ситуации может меняться и понимание соответствующих высказываний, ср. ниже (1) и (2):

(1) Потомственный дворянин, он не покинул Россию.

(2) Потомственный дворянин, он покинул Россию.

По отношению к дореволюционному времени (1) содержит причинное значение (= так как), а (2) — уступительное (=хотя). После революции конструкции «меняются значениями»; в (1) — уступительное, а в (2) — причинное (потомственным дворянам было необходимо покинуть родину).

4. Следует ли из этого, что в описываемых конструкциях нет ни того, ни другого смысла? Видимо, нет. Ведь мы понимаем, что в (1) и (2) есть связь между частями — причинная или уступительная, пусть мы затрудняемся ее определить.

Эта возможность двоякого понимания есть всегда, даже в самых «безнадежных ситуациях». Один пример: *Раб, он ненавидел рабство*. Существительное *раб* индуцирует здесь причинную связь, да другой, казалось бы, и быть не может. Это не так: вполне допустимо высказывание, содержащее уступку: *Раб, он оправдывал рабство*.

Итак, в конструкциях этого типа одно из значений (причинное или уступительное) есть, хотя оно зачастую эксплицитно не выражено. И этим конструкции с обособлением (1) и (2) отличаются от «обычных», где нет указания ни на причинную, ни на уступительную зависимость:

Потомственный дворянин поступил в Нижегородскую гимназию.

Сын крестьянина поступил в Нижегородскую гимназию.

5. В грамматиках справедливо отмечается, что обособленные субстантивные обороты соотносимы с придаточными предложениями, вводимыми союзами *так как, хотя*, с оборотом с *будучи*. Ср.:

Так как <поскольку> я человек партии, я признаю суд моей партии.

Хотя я человек партии, я не признаю суда моей партии.

Будучи опытным специалистом, он быстро нашел работу.

Необходимо одно уточнение. Конструкции с деепричастием *будучи*, в отличие от конструкций с обособлением допустимы при выражении лишь причинной, но не уступительной зависимости. Ср. (3) и (4):

(3) а. Опытный специалист, он быстро нашел работу (причина).

б. Опытный специалист, он никак не мог найти работу (уступка).

(4) а. Будучи опытным специалистом, он быстро нашел работу (причина); но не:

б. *Будучи опытным специалистом, он никак не мог найти работу (уступка).

6. Обособленные обороты такого типа могут быть и препозитивными, и постпозитивными, и существенного смыслового различия между ними я не вижу. Ср.:

(5) Опытный специалист, он быстро нашел работу.

(6) Он, опытный специалист, быстро нашел работу.

Возможно, в случае препозиции (5) дополнительное причинное значение более ощутимо при привлечении более широкого контекста. Ср.: *Умный человек, он сделал блестящую карьеру*. Фраза допускает дальнейшее обсуждение причины: *Однако главной причиной его успехов был не ум, а связи в высшем обществе*.

Между тем выражение *Он, умный человек, сделал блестящую карьеру. Однако главной причиной его успехов был не ум, а связи в высшем обществе* представляется несколько менее естественным.

7. Отметим еще один тип конструкций с обособлением. Они близки рассмотренным выше, но не содержат ни причинного, ни уступительного значения. Это конструкции с атрибутивным (обычно атрибутивно-оценочным) значением. Они допускают разный порядок элементов:

Он, негодяй, погубил своего отца.

Негодяй, он погубил своего отца.

В этих случаях допустимо местоимение любого лица — 1-го, 2-го, 3-го обоих чисел: ср.:

Я, негодяй, погубил своего отца.

Ты, негодяй, погубил своего отца.

Мы, негодяи, отравили ему жизнь.

Негодяи, мы отравили ему жизнь.

Однако в случае 2-го лица трудно отделить характеризующее обособление от обращения. Это очень тонко подметил А. М. Пешковский [2001: 408]: *Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид; приветствую тебя, пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья* [Пушк.]. Что здесь — обособленное определение (атрибут) или обращение?

Как и в рассмотренных выше конструкциях с причинным или уступительным значением, «хозяином» здесь может быть не толь-

ко личное местоимение, но и существительное:

Ученики, негодяи, отравили ему жизнь.

Коля, негодяй, погубил своего отца.

Обращение *ты* или *вы* используется редко, ср. странность *Иди сюда, ты!* (или *Вы, не перебивайте меня!*) при обычном *Иди сюда, Коля!* Однако эти необычные конструкции с обращениями *ты* или *вы* становятся допустимыми, если местоимение сопровождается обособленным атрибутивным зависимым, обычно грубым:

Иди сюда, ты, негодяй!

Вы, лентяи, не перебивайте меня!

§ 2. СОБСТВЕННО ПРОЛЕПТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Перейдем к рассмотрению собственно пролептических конструкций и их отличия от рассмотренных выше обособленно-атрибутивных конструкций.

1. Вопрос о пролептических конструкциях неоднократно всплывал на рабочих обсуждениях проблем русского синтаксиса в Лаборатории структурной и прикладной лингвистики ИППИ РАН. Тем самым, данная статья — это, во многом, продукт коллективного творчества. Однако в ней немало и «отсебятины», за которую мои коллеги не должны нести ответственности. Есть у меня и несогласия с общими решениями.

Особое внимание на наших обсуждениях уделялось способам формального представления описываемых конструкций. Для конструкций типа *сомнения, они должны быть* было решено ввести особую пролептическую связь — аналогично с интерпретацией французских конструкций типа *Lui, il est malade*. Она соединяет семантически неполнозначное слово, занимающее нормальную позицию в конструкции (напр., предикативную), со словом, вынесенным вовне. Для предложения *Сомнения, они должны быть* подлежащее — местоимение *они*, пролептическое зависимое - существительное *сомнения*.

2. На первый взгляд пролептические конструкции мало отличаются от рассмотренных выше конструкций с обособлением (недаром же в грамматиках примеры пролептических конструкций созданы среди субстантивных обособленных оборотов).

Стоит, однако, изменить референциальный статус существительного (из конкретно-референтного в родовой), как меняется

тип конструкции — от обособленно-атрибутивной (1) переходим к пролептической (2), которая является основным предметом нашего рассмотрения.

- (1) *Опытный специалист, он быстро найдет работу* (о конкретном лице).
 (2) *Опытный специалист, он быстро найдет работу* (общее высказывание, о классе лиц).

Данные примеры (на первый взгляд тождественные) существенно различаются и интонационно, и по значению, и по синтаксическим (в частности сочетаемым) свойствам, и по стилистическим характеристикам.

Причинная связь, достаточно ощутимая в (1), в (2) менее ощутима; (1) допускает замену предложением с уступкой, а (2) — нет. Ср.:

- (1) *Опытный специалист, он <Иванов> нигде не найдет работу* (о конкретном человеке); *Хотя он <Иванов> опытный специалист, он нигде не найдет работу*.
 (2) *??Опытный специалист, он нигде не найдет работу; ??Хотя он опытный специалист, он нигде не найдет работу* (общее высказывание, о классе лиц).

В других, «более чистых» пролептических конструкциях явно отсутствует и причинная, и условная связь. Ср.:

Весна, она кого хочешь с ума сведет.

Денежки, они счет любят.

Последний бой, он трудный самый (М. Ножкин).

3. В пролептических конструкциях именная группа (*опытный специалист; весна; денежки* и т. д.) — пролептическое зависимое, а главным словом, бесспорно, является личное местоимение 3-го лица. Интонационно оно входит именно в основную часть предложения. Показательно, что местоимение не обязательно выполняет роль подлежащего и не обязательно имеет форму именительного падежа, ср.:

Этот стол, пусть его поставят в передней (пример А. М. Пешковского).

Пирожные / от них только толстеешь; Вот соседи наши / у них уже огурцы цветут; Песок / нету его совсем (примеры из РРР 1973).

Что же касается пролептического зависимого, то, по мнению Пешковского и других исследователей, оно имеет форму именительно-

го падежа, и сами конструкции именуются «конструкциями с именительным». Это не совсем точно: при обычном именительном пролептическое зависимое может быть иногда согласовано с «хозяином»-местоимением и стоять в форме косвенного падежа:

Дураку, ему закон не писан.

Лентяев-то, их надо гнать из института.

Как правильно замечено в Грамматике 1970 (с. 646), «обособленное имя <...> выполняет собственно информативную функцию, а местоимение — функцию вводящей, «подготавливающей» или собственно акцентирующей словоформы». А. М. Пешковский писал о значении этих конструкций: «Мысль преподносится <...> как бы в два приема: сперва выставляется напоказ изолированный предмет, и слушателям известно только, что про этот предмет сейчас будет что-то сказано и что пока этот предмет надо наблюдать; в следующий момент высказывается самая мысль» [Пешковский 2001: 405]. С наибольшей яркостью это проявляется в одной, почти парадоксальной конструкции, где сталкиваются разные характеристики лица местоимения: *Вот он, я! Вот они, мы!* Информативны здесь, разумеется, пролептические зависимые *я, мы*.

4. В пролептических конструкциях местоимение функционально сближается с частицей *то*. Ср.:

Коля, он непременно придет.

Коля-то непременно придет.

Естественно, что пролептические конструкции допускают употребление частицы *то*, причем как при местоимении, так и при существительном или его определении:

Наш Коля, он-то непременно придет.

Наш Коля-то, он непременно придет.

Наш-то Коля, он непременно придет.

Напротив, в обособленно-атрибутивных конструкциях вход для частицы *то* запрещен. Ср. странные фразы (о конкретном лице):

**Опытный-то специалист, отец нигде не нашел работу.*

**Опытный специалист-то, отец нигде не нашел работу.*

**Опытный специалист, отец-то нигде не нашел работу.*

Еще отчетливее обособленность пролептического зависимого от основной части предложения ощущается во фразах типа: *Андрей, да что он в этом понимает?*; *Сапоги — ну куда от них денешься?* (Б. Окуджава).

Весьма показательно, что это зависимое может получить (при интонационном усилении) «высокий статус» отдельного предложения:

Андрей? Да что он в этом понимает?

5. Пролептические конструкции существеннейшим образом отличаются от обособленно-атрибутивных также и по правилам стилистического использования: они характеризуют разговорную речь (*Коля, он скоро придет*). Вряд ли допустима даже в научно-популярной литературе фраза: *Исаак Ньютон, он открыл закон всемирного тяготения*. Впрочем, А. М. Пешковский, отмечая, что эти конструкции особенно распространены в разговорной речи, пишет, что лично ему чаще всего приходилось слышать подобные фразы в лекционные часы с университетской кафедры: *вот это постепенное обеднение римского крестьянина времен республики, оно привело к тому...; эта романтическая литература начала XIX века в Германии, она влияла...* и т. д. Ср. также приводимый им пример: *Эти бессонные ночи, ... проведенные за станком, сколько жизни, сколько радости приносили они нам...* («Железнодорожник», 1927, № 1) (см. Пешковский 2001: 405).

Обособленно-атрибутивные конструкции, напротив, обычны в книжной речи и в речи разговорной выглядят несколько странно, ср.: *Я встретил вчера Ивана Петровича. Потомственный дворянин, он вступил недавно в КПРФ*. Интересно, что при изменении порядка слов фраза становится более приемлемой: *Я встретил вчера Ивана Петровича. Он, потомственный дворянин, вступил недавно в КПРФ*.

К пролептическим относятся не только конструкции с личным местоимением в 3-м лице, но и конструкции с указательными местоимениями *тот, этот*. Ср. (3) и (4):

(3) Коля, он непременно придет.

(4) Коля, (и) тот <этот> непременно придет.

Как и в случае личных местоимений 3-го лица, здесь также возможно как согласование по падежу между местоимением и существительным — (5), так и рассогласование — (6):

(5) Черного хлеба, и того не хватало.

(6) Черный хлеб, и того не хватало.

Кажется, частица *и* в некоторых условиях недопустима, но этот вопрос требует особого рассмотрения.

6. Пролептические конструкции (как и другие конструкции, отнесение которых к пролептическим остается спорным, — см. ниже) делятся на два, существенно различающихся типа - в зависимости от референциального статуса существительного: конкретно-референтный (*Коля, он быстро найдет работу*) и родовой (*Матери, они любят своих детей*).

Конструкция нередко используется в иронических высказываниях. Напр.: *Он, неутомимый труженик, опять отлынивает от работы*. Интересно, что изменение порядка компонентов вряд ли допустимо: *?Неутомимый труженик, он опять отлынивает от работы*.

7. Подведем некоторые итоги, касающиеся синтаксической и семантической специфики пролептических конструкций и оправдывающие введение в синтаксическое описание особой пролептической связи.

— Главное слово в пролептической конструкции — личное местоимение 3-го лица (*он, она, оно, они*) или же одно из указательных местоимений *тот, этот*; зависимое — именная группа.

— По смыслу (информационно) главное - именная группа, хотя синтаксически это зависимый член словосочетания (ср.: *Коля и Петья, они непременно придут*).

— Каждый из членов пролептической конструкции допускает сочетание с частицей *-то*.

— Между частями конструкции нет ни причинной, ни условной, ни атрибутивной связи. Налицо лишь тематическое усиление (*Коля, он непременно придет*).

— Пролептические конструкции характеризуют по преимуществу разговорную речь.

Подчеркнем, что многие из указанных признаков для рассмотренных выше, в разд. 1, обособленно-атрибутивных конструкций нехарактерны или даже недопустимы.

§ 3. СПОРНЫЕ СЛУЧАИ

Рассмотрим теперь конструкции, отнесение которых к пролептическим не бесспорно и требует дополнительного обоснования. Это два типа конструкций. Они рассматриваются в пунктах 1 и 2.

1. Оживленную дискуссию на одном из наших рабочих совещаний вызвали конструкции типа *Все знали, что оно будет, реши-*

тельное наступление. Решили условно считать эту конструкцию, а также, возможно, и конструкции типа *А ты его, этого Петю, знаешь?* обстоятельством-аппозитивными, хотя они имеют некоторые черты пролептических. Основание: нечто, семантически главное вынесено вправо, а не предваряет предложение, как в «классических» пролептических конструкциях. Здесь же местоимение предваряет именную группу, затем правее дается расшифровка или уточнение его смысла. Конструкции такого рода имеют просодические и семантические особенности (указание на тождество).

Мне это решение представляется недостаточно обоснованным. Не следует, по моему мнению, придавать столь большое значение месту пролептического зависимого в предложении. Мне кажется, что как предложения (1), так и предложения (2) при всех (существенных) различиях включают пролептическую связь:

- (1) Коля(-то), он непременно придет.
Поручик(-то), он один идет в ногу.
- (2) Он непременно придет, Коля(-то).
Он один идет в ногу, поручик(-то).

Ср. также:

Он положился на боцмана, О'Нирн, и он проморгал, капитан (И. Бабель. Ты проморгал, капитан!); — *Ты слышал ли, кто он такой был-то? Шалыпин-то?* (С. Зальгин. Комиссия); *Они, разбойники-то, в лесах скрывались; Они в лесах скрывались, разбойники-то.*

2. Пролептические конструкции с частицами *это* и *вот*

Сложнее обстоит дело с *это-* и *вот-*конструкциями. Большинство участников наших рабочих встреч склонялось к включению их в класс пролептических, несмотря на специфические особенности этих конструкций. Остановимся на них несколько подробнее.

Идентифицирующие конструкции с частицей это

Институт — это наш дом. Фраза допускает два интонационных рисунка и, в соответствии с этим, две разных интерпретации: **1)** «Институт (тема) является для нас домом»; **2)** «Дом (тема) является для нас Институтом» (усиленная, «удвоенная» рема). Мы считаем, что в обоих случаях подлежащее — *это*, а *школа* — его пролептическое зависимое. Аргументом в пользу того, что подлежащее — именно *это*, служат предложения с глаголом-сказуемым. Ср.: *Авария*

<аварии> — это случалось чуть не каждый день (не: случалась, не: случались). Ясно, что подлежащее — не существительное авария <аварии>. Еще примеры: Внезапная атака — это представлялось единственным выходом. Внезапная атака — это было правильно.

Конструкции с частицей *вот*

Институт — *вот наш дом*. При всех отличиях эта конструкция близка конструкциям с *это* (*Институт* — *это наш дом*) и также может быть отнесена к пролептическим. Естественно, разбор таких предложений аналогичен таковому в предложениях с *это*: подлежащее — *вот*, пролептическое зависимое — существительное *институт*.

Ю. Д. Апресян отмечал, что *вот*, в отличие от *вон*, может выступать в пролептической конструкции, поскольку обозначает ближний дейксис. Ср. неправильность конструкций с частицей *вон*: *Институт — *вон наш дом*. Это различие между *вот* и *вон* Ю. Д. Апресян [Апресян 1995] формулирует следующим образом:

«*Вот* X ≈ Творящий указывает слушающему на (референтный) объект X; X находится в пределах пространства, которое говорящий мыслит как непосредственно примыкающее к себе»;

Вон X ≈ Творящий указывает слушающему на (референтный) объект X; X находится за пределами пространства, которое говорящий мыслит как непосредственно примыкающее к себе' [Апресян 1995: т. II, 615].

На недопустимость частицы *вон* в конструкциях этого типа указывает также Т. М. Николаева, иллюстрируя это убедительными (и красивыми) примерами: *Государство* — *это я*; *Ученость* — *вот чума*, но не: *Ученость — *вон чума*; *Государство — *вон я* [Николаева 2000: 325].

В отличие от конструкций с *это*, конструкции с *вот* не допускают употребления связки. Ср.: *Институт* — *это был наш дом*; но не: ?*Институт* — *вот был наш дом*.

Любопытно, что в интересных и не раз обсуждавшихся тавтологических конструкциях типа *X есть X* (*Иванов есть Иванов*) (см., напр., Падучева 1985; Wierzbicka 1987); возможна (с существенным изменением значения, анализируемом в работе [Булыгина, Шмелев 1997: 504–509]) частица *это*, но не другая пролептическая частица — *вот*. Ср.: *Иванов* — *это Иванов*, но не: *Иванов — *вот Иванов*.

Укажем одно существеннейшее отличие конструкций с частицей *вот* от конструкций с *это* и от рассмотренных ранее конструкций с личным местоимением *он, она, оно, они*. В конструкциях с *это* пролептическая группа равно допустима, как мы видели, и в теме, и в реме. В конструкциях с личным местоимением пролептическая группа — это, как правило, усиленная, «удвоенная» тема (*Институт, он наш дом*), а в конструкциях с *вот*, напротив — пролептическая группа это всегда усиленная, «удвоенная» рема (*Институт — вот наш дом*). Естественно, что *вот*-конструкции в отличие от других пролептических конструкций «неодобрительно относятся» к частице *-то* (ср.: *Институт-то — он <это> наш дом*, но не: ?*Институт-то — вот наш дом*).

*   *
*

В заключение этого раздела отмечу, что сложные рассматриваемые конструкции с частицами *это* и *вот* допускают и другую, отличную от нашей, синтаксическую интерпретацию.

БАС отмечает конструкции типа: [Фамусов:] *Ученье - вот чума, ученость вот причина, что нынче...* [БАС, 2-е изд.: т. II: 511] и определяет *вот* как связку при именном сказуемом. Т. М. Николаева в интересной статье, посвященной частицам *вот, вон, это*, детально, в разных аспектах их рассматривает. Среди анализируемых ею конструкций есть и те, которые нас интересуют: *Любовь — это сон упоительный; Любовь — вот сон упоительный*. Николаева разделяет идею Гено [Genaust 1975] о глагольно-связочной функции французских *voici, voila* и полагает, что русские частицы *это* и *вот* также являются связками [Николаева 2000: 326]). Тем самым Т. М. Николаева практически солидаризуется с пониманием этих конструкций, предлагаемым в [БАС, изд. 2-е: т. II: 511].

Интерпретация этих частиц в рассматриваемых конструкциях как связок интуитивно менее оправдана, чем предлагаемое нашей лабораторией понимание их как подлежащих. В частности потому, что, кроме связочного, они привносят в эти конструкции дополнительные значения. К тому же понимание этих частиц как связок вызывает сложности при интерпретации конструкций, где употребляются одновременно обе «связки» или даже добавляется еще и третья — *есть*. Какова синтаксическая структура этих предложений и сколько же здесь связок? Ср.:

Октябрьский переворот — вот это <это вот> его звездный час.

Октябрьский переворот — вот это был его звездный час.

Октябрьский переворот — вот это и есть его звездный час.

По нашему мнению, подлежащим является в приведенных примерах *это*, частица *вот* — зависимое от него слово (функционально близкое здесь единицам типа *именно*), *октябрьский переворот* — пролептическое зависимое частицы *это*.

Исследование русских пролептических конструкций намечает способы формального представления этих конструкций в действующих системах автоматической обработки текстов, в частности в системе ЭТАП, разрабатываемой в Лаборатории структурной и прикладной лингвистики ИППИ РАН (см. Лингвистический процессор 1992).

1. Главное слово в пролептической конструкции — либо личное местоимение 3-го лица (*он, она, оно, они*), либо одно из указательных местоимений *тот, этот*, либо одна из частиц *это, вот*. Зависимое — именная группа.

2. Зависимое обычно располагается перед главным, реже — непосредственно после него или же в конце предложения.

3. Между главным и зависимым обязателен знак препинания — запятая или (реже) тире.

4. Зависимое всегда согласовано с главным (существительным или прилагательным) в роде и числе. Что касается падежа, то, наряду с согласованием, здесь возможно и рассогласование, когда зависимое имеет форму именительного падежа, главное — форму одного из косвенных падежей.

Несколько примеров фраз с пролептическими конструкциями:

Коля, он непременно придет. Он непременно придет, Коля-то.

Черного хлеба, и того не хватало. Черный хлеб, и того не хватало.

Это случалось часто, крупные аварии. Институт — вот наш дом.

Часть вторая
СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ¹

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Термином сочинительные конструкции (СК) мы обозначаем как сочинение членов предложения — *И вся дубрава задрожит широколиственно и шумно* (Ф. Тютчев), так и сочинение предложений — *А в Угличе играют дети в бабки, и пахнет хлеб, оставленный в печи* (О. Мандельштам).

Подобное объединение вряд ли нуждается в детальном обосновании: замечания о близости этих двух видов конструкций (зачастую в излишне категоричной форме) широко распространены и в отечественной лингвистике, и в лингвистике зарубежной (ср. теорию сочинительного сокращения (*conjunction reduction*)). Напомним лишь о трех следующих проявлениях близости между конструкциями с сочиненными (или «однородными») членами предложения и сложносочиненными предложениями:

— смысловая близость, в результате которой абсолютное большинство конструкций с сочиненными членами может быть сведено (без заметного изменения смысла, хотя и с некоторыми стилистическими сдвигами) к сложносочиненным предложениям

---

¹ Главы из книги [Санников 1989] с некоторыми уточнениями и исправлениями. Текст главы 8 («Конструкции с тождественными словоформами») ранее не публиковался.

(ср.: *Я приглашу Мишу и Петю* $\Rightarrow$ *Я приглашу Мишу и я приглашу Петю*);

— инвентарь сочинительных союзов (за редкими исключениями, он является общим для конструкций с сочиненными членами и для сложносочиненных предложений¹);

— наличие промежуточных случаев, когда сочиняются предложение и член предложения. Ср.: *Прятался, но не от стыда, а чтобы не помешали* (Л. Андреев. Сашка Жегулев).

2. СК — важный компонент любого языка². Естественно, что изучение русских СК началось одновременно с изучением русского языка и проделало большой путь. Литература вопроса огромна, ее изучение и описание могло бы составить предмет отдельной монографии. Поэтому мы сочли нецелесообразным останавливаться на этом вопросе во введении к работе. Основные имеющиеся в той или иной области идеи и результаты излагаются в соответствующих разделах работы. При этом мы не имели возможности останавливаться на тех «точках зрения», которые Ю. Д. Апресян [1974] удачно определил как различные терминологические версии одних и тех же представлений, лишь внешне конфликтующие между собой. Здесь, во введении, мы ограничимся самой общей характеристикой, поскольку она сказалась на выборе аспекта данного исследования и определении основных его направлений.

3. В задачу данной части исследования входит рассмотрение некоторых вопросов синтаксиса русских сочинительных конструкций (т. е. конструкций с сочиненными членами и сложносочиненных предложений), а также семантики и прагматики этих конструкций.

¹ Ср. справедливое замечание В. А. Белошапковой: «основное содержание сочинительных союзов одинаково или, по крайней мере, однотипно в простом и в сложном предложении» [Белошапкова 1967: 93]. Это обстоятельство вызывало (и вызывает) трудности при подаче материала в общих курсах русского языка. Поскольку сочиненные («однородные») члены и сложносочиненные предложения рассматриваются в разных разделах (первые в разделе «Синтаксис простого предложения», вторые — в разделе «Синтаксис сложного предложения»), происходит дублирование материала: одни и те же толкования сочинительных союзов, как правило, повторяются дважды.

² В работе [Gazdar и др. 1985: 169, 179] отмечается, что сочинительные конструкции используют все языки, даже те, где специальных сочинительных союзов типа англ. *and* либо нет вообще (дьербал), либо они могут соединять лишь именные группы, но не предложения (хауса).

В главе 1 дается описание некоторых синтаксических особенностей русских сочинительных конструкций.

В главе 2 описывается значение русских сочинительных союзов, т. е. их семантика и прагматика.

Основные причины слабой изученности значения единиц русского языка известны давно. В. В. Виноградов отмечал, что наиболее слабыми местами толковых словарей современного русского литературного языка являются «расплывчатость и нечеткость семантических характеристик, частое смешение значений самого слова и образуемых с его участием словосочетаний» [Виноградов 1969: 5–6]. Все эти недостатки в полной мере (даже, мы бы сказали, с особой силой) проявляются в анализе русских сочинительных конструкций. Поэтому В. А. Белошапкина права, когда она призывает к «отвлечению от лексического состава сложного предложения и концентрации внимания на союзных средствах» [Белошапкина 1977: 208].

4. Вводную часть закончим краткими замечаниями, касающимися определения границ области, подлежащей рассмотрению, — границ русских сочинительных конструкций. Не имея возможности предложить аргументированное решение этого вопроса, мы не могли также обойти его и вынуждены были принять какие-то решения, пусть предварительные и субъективные.

1) Конструкции композитные (*весенне-летний сезон*), кратные (*монтаж-демонтаж оборудования*), пояснительные (*Получил ответственное назначение, а именно — главным инженером*), а также конструкции со значением приблизительности (*15–20 страниц; строк 5–6*) относят иногда к сочинительным (см., напр., Грамматика 1970: 640–641; Грамматика 1980, т. II: 173 и сл.).

Однако по своим синтаксическим свойствам они существенно отличаются от «обычных» сочинительных. В частности, они: а) «непроницаемы», не допускают включения других членов (ср.: *весенний и даже летний сезон*, но не **весенне- и даже летний сезон*); б) подчиняются другим правилам морфологического согласования с зависимыми или подчиняющимися словами. В связи с этим мы не относим перечисленные конструкции к сочинительным.

2) Конструкции с тождественными словоформами. Это очень интересные, характеризующиеся богатыми и разнообразными значениями конструкции типа:

Девочка, девочка упала!

Воображаю: *тихий-тихий, темный-темный* сад (А. Чехов. Студент).

Все *снег да снег*, — терпи и точка (Б. Пастернак).

Бывают *аварии и аварии*.

Мужик здоровый. Ну, *медведь и медведь*;

Данные конструкции существенно отличаются от сочинительных конструкций по значению: конъюнкции элементов в приведенных примерах, собственно говоря, нет (*Девочка, девочка упала* ≠ две девочки; *Ну, медведь и медведь* ≠ два медведя). Тем не менее по ряду других признаков они сближаются с сочинительными конструкциями и будут рассмотрены в конце данной части.

3) Присоединительные конструкции и конструкции с парцелляцией. Мы принимаем точку зрения тех исследователей, которые считают, что присоединение не может рассматриваться в одном ряду с сочинением и подчинением, что это — явление другого порядка.

Ю. В. Ванников справедливо отмечает, что «всякого рода дополнительные непреднамеренные элементы связываются с уже высказываемым предложением как в форме сочинения, так и в форме подчинения» [Ванников 1979: 72]. Проведенные наблюдения над употреблением сочинительных союзов убеждают в том, что сочинительные союзы могут употребляться как при наличии присоединения, так и при его отсутствии, и (что особенно важно для нас) их значение при этом не меняется. В связи со сказанным мы не видели достаточных оснований для исключения конструкций с присоединением из числа сочинительных.

Аналогичным образом мы подходим и к явлению парцелляции — явлению, родственному присоединению (и зачастую включаемому в присоединение). При парцелляции изолированная группа оформлена как отдельное предложение, ср.: *Это уже отрадная новость. И многозначительная* (П. Нилин. Жестокость; пример из работы [Ванников 1979]). Ю. В. Ванников полагает, что «парцеллированное сложносочиненное предложение является коммуникативным (речевым) вариантом предложения непарцеллированного» [Там же].

Глава 1
СИНТАКСИС
СОЧИНИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ

...в настоящее время этот вопрос совершенно ясен, что говорит о его слабой изученности.

(Д. Гранин. Зубр)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В синтаксическом аспекте русские сочинительные конструкции исследуются давно. Насчитывается громадное количество исследований по частным вопросам, содержащих ценные наблюдения и богатый фактический материал (некоторые из этих исследований обсуждаются в соответствующих разделах данной работы и приведены в списке литературы, прилагаемом к книге).

Весьма активно исследовались также многие общие вопросы синтаксиса русских сочинительных конструкций, такие как:

— СК с точки зрения общей теории словосочетания и предложения: однородные члены — это словосочетание или нет?; части сложносочиненного предложения — это предложения или нечто иное?

— критерии отграничения сочинительных конструкций от подчинительных: функциональная тождественность и обратимость членов сочинительной конструкции; способность сочинительных

союзов соединять не только предложения, но и члены предложения; способность сочинительных союзов образовывать не только закрытые, но и открытые ряды;

— место СК в системе русского синтаксиса и, в частности, в системе синтаксиса сложного предложения; место бессоюзных сложных предложений в этой системе; классификация сложного предложения;

— основные виды СК: сочинение членов предложения и сочинение предложений; критерии разграничения этих двух видов;

— способы выражения сочинительных отношений; союзы и их «аналоги», интонация, порядок слов и т. д.; классификация союзов;

— количество компонентов СК и их структура; открытые и закрытые ряды.

Попытка дать полное систематическое описание синтаксиса русских СК неизбежно привела бы к обсуждению вопросов, достаточно хорошо изученных. Поэтому мы, жертвуя полнотой и стройностью описания, отказываемся от рассмотрения некоторых важных вопросов синтаксиса русских СК (в том числе многих вопросов, перечисленных в предыдущем абзаце). В данной главе будут рассмотрены следующие вопросы: 1. Типы однородности членов в русской фразе; 2. Принципы сочетаемости сочиненных членов; 3. Согласование сказуемого с сочиненными подлежащими; 4. Расположение сочиненных членов во фразе и их взаиморасположение.

§ 1. ТИПЫ ОДНОРОДНОСТИ СОЧИНЕННЫХ ЧЛЕНОВ

1.1. Два значения термина «однородность»

Термины «однородность», «однородные члены» используются в русистике в двух разных значениях: 1) для указания на определенную близость, сходство; 2) для указания на вхождение в сочинительную конструкцию («однородные члены» = «члены сочинительной конструкции»). Ср. примеры, где эти термины употреблены в двух разных значениях в пределах одной фразы: «Однородные члены предложения — одно из проявлений структурно-семантической категории синтаксиса — однородности» [Бабайцева 1979: 152] и «В связи с вопросом об однородности (— о вхождении в сочинительную конструкцию. — В. С.) логически неоднородных членов

предложения...» [Гвоздев 1973: 135]. Мы употребляем термины «однородность», «однородные члены» в соответствии с их внутренней формой, то есть в первом значении (для указания на близость, сходство); второе значение передаем терминами «сочинение», «члены сочинительной конструкции» (или «сочиненные члены»).

1.2. Типы однородности сочиненных членов

Обычно под однородностью (как сходством) понимают тождество синтаксических функций сочиненных членов и — как следствие этого тождества — совпадение их морфологических характеристик, ср.:

- (1) *Ни зноя, ни гама, ни плеска, Но роща свежа и темна*
(И. Анненский. Просвет).

Правильнее, однако, говорить здесь не о тождестве, а об однотипности синтаксических функций. Так, для русского языка однотипными (и допускающими сочинение) являются атрибутивная и определительная функция, ср.:

- (2) *Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста*
(А. Пушкин. Капитанская дочка).

Данное понимание однородности нуждается в существенном уточнении — по крайней мере, в двух отношениях (см. ниже разделы 1.3 и 1.4).

1.3. Лексико-семантическая однородность

Есть множество примеров, где члены функционально разнотипны, но воспринимаются, тем не менее, как однородные. Ср. ниже фразы (3)–(4), где сочиняются подлежащее и дополнение, и (5), где сочиняются дополнение и обстоятельство:

- (3) *Кто и что говорил?*
(4) *В этой стране все и всем недовольны.*
(5) *Кирпич ни с того, ни с сего... никому и никогда на голову не свалится* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Некоторые исследователи не считают члены этих конструкций однородными, а сами конструкции — сочинительными. Так, М. В. Панов квалифицирует данные конструкции не как сочинительные, а как конструкции с «присоединительным союзом *и* (= *и притом*): ... *Кто и когда взял эту книгу?* (= *Кто взял... и притом когда?*)» [Панов 1966: 105]. Сходную позицию занимает В. Н. Перетрухин, кото-

рый считает, что в конструкции *никто и нигде не ждет* «рядоположенные словоформы *никто* и *нигде* являются мнимосочинительными: если вторую из них вместе с *и* переставить в начало, то смысл конструкции сохранится, ср.: *И нигде никто не ждет меня*. Следовательно, и здесь не соединительный союз, а выделительно-усилительная частица» [Перетрухин 1979: 17].

Другие исследователи [Попов 1964; Гудиева 1974; Белошапкина 1977] интерпретируют описываемые конструкции как сочинительные, и эта интерпретация представляется нам более убедительной. В ее пользу свидетельствует возможность употребления, кроме *и*, также и других союзов — таких, которые явно выступают как сочинительные союзы, а не присоединительные союзы или выделительно-усилительные частицы, ср.:

(6) Ты кандидат в фельдмаршалы — *не тебе, а тебя* бояться приличествует (М. Салтыков-Щедрин. Круглый год. Первое января); Он говорит *не с ним, а о нем* (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского).

(7) Читать *то нечего, то некогда*¹.

Еще один аргумент. Если конструкции с однофункциональными членами (типа *никто и ничто*) признавать сочинительными, а конструкции с разнофункциональными членами (типа *ничто и никогда*) — не признавать, то как же квалифицировать случаи совмещения конструкций этих двух типов, видимо, допустимые, ср.: *Никто, ничто и никогда* нас не сломит? Очевидно, все три компонента (и однофункциональные, и разнофункциональные) ощущаются здесь как компоненты одной сочинительной конструкции с «общим» завершающим союзом *и*.

В. А. Белошапкина считает, что сочинение разнофункциональных членов в русском языке «имеет место в предложениях с вопросительными, отрицательными и обобщающими местоимениями» [Белошапкина 1977: 23–24].

Р. К. Гудиева значительно расширяет круг разнофункциональных членов, допускающих сочинение, однако и она считает, что «способность разнофункциональных компонентов объединяться

¹ Фразы типа (6)–(7), включающие так называемые противительные и разделительные союзы, свидетельствуют об ошибочности вывода Р. К. Гудиевой о том, что «разнофункциональность сочиненных компонентов препятствует возникновению между компонентами каких-либо других сочинительных отношений, кроме соединительных» [Гудиева 1974: 16].

сочинительной связью непосредственно связана с природой местоименности» [Гудиева 1974: 12]. С этим утверждением трудно согласиться. Видимо, сочинение разнофункциональных членов нельзя рассматривать как синтаксическое свойство местоимений или некоторых из их разрядов. Это достаточно широкое явление, охватывающее три группы слов:

1. **Вопросительные слова** (вопросительные местоимения, числительное *сколько* и частица *ли*), ср.:

(8) *Когда, и как, и кем, и много ли*

Целованы твои уста.

(М. Цветаева. Ты запрокидываешь голову).

2. **Кванторные слова**¹ (так называемые отрицательные, неопределенные и определительные местоимения, а также сочетания *кто бы (ни), что бы (ни), куда бы (ни)...*, *ни один* и т. д.), ср.:

(9) *Никогда и никому не завидуй.*

(10) Мы все учились понемногу *Чему-нибудь и как-нибудь*
(А. Пушкин. Евгений Онегин).

(11) *Прощай всё и навсегда* (И. Тургенев. Дневник лишнего человека).

(12) *Кто бы и что бы* ни говорил, я не изменю своего мнения.

3. «**Обычные**» (не вопросительные и не кванторные) слова, ср.:

(13) Я командирован *не Институтом геологии, а в Институт геологии*; И за нею монолитная твердь тайги, сплавленной *веками и на века* (В. Астафьев. Царь-рыба); Э. В. Слинина проанализировала некоторые высказывания *Хлебникова и о Хлебникове* (В. Григорьев. Грамматика идиостиля).

Конструкции с разнофункциональными членами, коренным образом отличаясь от «типичных» сочинительных конструкций, принадлежат, видимо, к сочинительным. Формальным основанием для включения этих конструкций в сочинительные является наличие сочинительного союза *и/или* интонации перечисления или противопоставления. Кроме того, члены этих конструкций, несмотря на то, что они выполняют разные синтаксические функции, явно ощущаются как однородные — но однородные в другом отношении, не в том, в каком являются однородными члены «типичных» сочинительных конструкций.

¹ О кванторных словах в русском языке см., напр., [Падучева 1974: 78 и сл.]

Какова природа этой однородности? Ответить на этот вопрос довольно трудно. Между членами этих конструкций существует определенная семантическая близость. Для приведенных выше фраз (3)–(13) семантические признаки, общие для сочиняющихся разнофункциональных членов, мы (крайне приблизительно!) определили бы так: ‘вопросительность’ — для фраз (3), (8); ‘всеобщность’ — (4), (11); ‘отрицательность’ — (5), (7) и (9); ‘неопределенность’ — (10); ‘отношение к одному и тому же классу предметов’ — (6), (13).

Кроме того, сочиненные члены должны удовлетворять достаточно жестким ограничениям лексического характера, а именно:

1. «Обычные» (не вопросительные и не кванторные) слова или их зависимые должны быть равнолексемны, ср.:

(14) Я говорю с лингвистом и о лингвисте <с тобой и о тебе>; Старец отвечал, что благословляют только *добрых и на доброе* (Н. Карамзин. История гос-ва Российского); Слово «штушествовать» не Пушкиным, но при Пушкине употреблялось в том самом значении, о котором <...> говорит Достоевский (А. Батюто. Примечания к «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского); Я под всякими предлогами внушал ей одно: живи только *для меня и мной* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева); Оба они жили в *одно* время и на *одной* и той же улице (М. Зощенко. Аполлон и Тамара).

2. Вопросительные и кванторные слова (или их зависимые) должны принадлежать к одному и тому же разряду (отрицательные, неопределенные и т. д.) и оформляться с помощью одного и того же префикса или постфикса, т. е. вопросительные слова сочиняются только с вопросительными словами — ср. ниже (15); определительные местоимения — с определительными местоимениями — (16); отрицательные местоимения на *не-* и *ни-* с отрицательными местоимениями на *не-* и *ни-* соответственно, ср. (17)–(18); неопределенные местоимения на *кое-*, *-либо*, *-нибудь*, *-то* с неопределенными местоимениями на *кое-*, *-либо*, *-нибудь*, *-то* соответственно, ср. (19)–(21); кванторные сочетания типа *кто бы (ни)*, *кто угодно* и т. д. с подобными же кванторными сочетаниями — (22).

- (15) Ветер — пение. *Кого и о чем?* (В. Хлебников); *Наяву ль и тебя ль безумно И бездумно Я любил в томных тенях мая?* (И. Анненский. *Tratimerei*); Вы отгадываете, *откуда и каким* ветром дует (М. Салтыков-Щедрин. *Круглый год*. Первое февраля); ...ее лицо сказала: «*Ах, что и за что* вы это со мной сделали?» (Л. Толстой. *Война и мир*); Мне непонятно, *кому и для чего* нужна эта инквизиция (А. Чехов. *Страх*); Вверх шла неизвестно *кем и когда* мощенная короткая дорога (Ю. Казаков. *Осень в дубовых лесах*); ...но ему все еще интересно, *как и что* сейчас будет (С. Залыгин. *Комиссия*).
- (16) Прощайте, прощайте! *Прощай всё и навсегда!* (И. Тургенев. *Дневник лишнего человека*); Он всегда держался на виду у взрослых, со всеми ласковый, готовый *всем и всячески* услужить (М. Горький. *Детство*); Я знаю, бабушка простила бы меня. Она *всегда и все* мне прощала (В. Астафьев. *Прощальный поклон*).
- (17) Нравиться тут *некому и не для чего* (А. Чехов. *Дуэль*); Да на ком искать нам? *Не на ком и не с кого* нам (Б. Пастернак. *Елене*); ...товарищей не осталось, ехать *не к кому и некуда* (Ю. Трифонов. *Старик*).
- (18) И деревьям что-то мнится, То, что людям не приснится, *никому и никогда* (К. Бальмонт. *Фантазия*); *Замолчи! Ни о чем, никогда, никому* (О. Мандельштам); Но нас *никто и никогда* Не примирит и не рассудит (И. Анненский. *На пороге*); — Не беспокойся. Я теперь *ничего и никогда* не забуду (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*).
- (19) Мы желали бы, чтоб не пропала ни одна строка Пушкина и чтоб люди, которых он называл друзьями или <...> у которых в изданиях *когда-либо и что-либо* помещал, — объявили о каждой строке, каждом слове, ему принадлежащем (В. Белинский. *Сочинения А. Пушкина*).
- (20) Я учился в школе понемногу *Не чему-нибудь, но как-нибудь* (В. Жигунов. *Знакомый путь* (пародия на В. Гончарова)).
- (21) И всем <...> сообщал с тихим восторгом *где-то и когда-то* услышанную им новость (Л. Андреев. *Иностранец*); В родове нашей *кто-то и когда-то*, по поверью, разорил гнездо ласточки (В. Астафьев. *Последний поклон*).
- (22) *Кто бы и что бы* ему не сказал, он всему верит; — А я, милое

дятся, могу употреблять еду *какую угодно, где угодно и чем угодно* (В. Астафьев. Последний поклон).

Нарушение этого условия, то есть сочинение лексически неоднородных членов (даже синонимичных!) или местоимений с разными префиксами и постфиксами (даже если эти префиксы и постфиксы синонимичны), дает грамматически неправильные фразы. Ср. ниже фразы (23)–(25):

(23) *Я говорю *с лингвистом и о художнике*.

(24) *Я говорю *с лингвистом и о языкеводе*¹.

(25) *Учились *чему-либо и как-нибудь*.

Этот запрет касается именно сочинительных конструкций; в соответствующих подчинительных конструкциях он снимается, фразы (26)–(27), видимо, допустимы:

(26) Я говорю *с лингвистом об языкеводе*.

(27) И пусть меня повесят в тропическом лесу на лиане, если *на каком-нибудь балу когда-либо* играл такой оркестр! (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Если однородные члены имеют зависимые, то эти зависимые — равнолексемны, ср.:

(28) Я говорю *с талантливым ученым и о талантливом ученом*.

Нарушение условия дает неправильные фразы:

(29) *Я говорю *с талантливым ученым и о бездарном ученом* <*с талантливым ученым и об ученом>; **Кто-то из сотрудников и где-то в коридоре* уже рассказывал мне об этом.

В ряде случаев сочиняющиеся разнофункциональные члены или их зависимые — это разные (хотя и однокоренные) лексемы, ср.:

(30) Я говорю *с лингвистом и о лингвистике*²; ...покраснеет, если только услышит это или прочтет *по-русски и у русского* (Ф. Достоевский. Дневник писателя, 1877, ноябрь).

Однако иногда отсутствует даже этот формальный показатель лексической однородности, ср.:

(31) Он уехал *далеко и надолго*; ...страдал от сырости и бессонницы, а читал *как попало и бог знает что* (М. Булгаков).

¹ Фразы (23) и (24) могут быть осмыслены как правильные, но это уже будет не сочинительная конструкция, а омонимичная ей конструкция с усилительной частицей *и*, отличающаяся от рассматриваемых сочинительных конструкций также и интонационно (ср.: Я говорю *и о художнике*).

² На это явление внимание автора обратила Л. Н. Булатова.

Театральный роман); Я развалился на диване и <...> продумал *долго и о многом* (Ф. Достоевский. Подросток); На-лим попадался *редко и мелкий* (В. Астафьев. Царь-рыба); Все кончилось *однажды и разом* (В. Астафьев. Царь-рыба); *В Москве и без дела* он уже жить не может (С. А. Толстая).

В (31) нет лексической однородности, но семантическая близость налицо. В связи с этим точнее было бы квалифицировать рассматриваемый тип однородности членов русской фразы как семантическую однородность. Мы, однако, говорим здесь о лексико-семантической однородности, поскольку, как уже было сказано, в громадном большинстве случаев сочиненные члены подвергаются достаточно жестким ограничениям лексического характера.

Между конструкциями с функциональной однородностью членов и конструкциями с лексико-семантической однородностью существуют, кроме типа однородности, также и другие различия. Укажем некоторые из них.

1. В конструкциях с функциональной однородностью с одной функцией соотносятся несколько лексем, ср.:

(32) *Победили не москвичи, а ленинградцы* [одна функция (субъект) — две лексемы (*москвич, ленинградец*)].

В конструкциях с лексико-семантической однородностью как раз наоборот — с одной лексемой соотносится несколько синтаксических функций, ср.:

(33) *Победили не москвичи, а москвичей* [одна лексема (*москвич*) — две функции (субъект, объект действия)].

Здесь мы, в сущности, имеем дело с сочинением (соединением или противопоставлением) функций. И это справедливо не только для конструкций с равнолексемными членами, но в значительной степени и для конструкций с вопросительными и кванторными словами, где также обычно имеет место сочинение функций, ср.:

(34) *Меня интересует не кто, а куда пошел* [= 'Меня интересует не субъект, а место действия']; *Я учился в школе понемногу* *Не чему-нибудь, но как-нибудь* [= '...неопределен не объект, а способ действия'] (В. Жигунов).

2. В отличие от функциональной однородности, лексическая однородность подчеркивается говорящим. Если подчеркивания нет, то нет и сочинительной конструкции, ср. ниже фразы (35а)–(35б):

(35) а. *Я говорю с поэтом и о поэте.*

б. *Я говорю с поэтом о поэте.*

Фраза с подчеркиванием лексической однородности — (35а) — имеет приблизительно такое значение: ‘Я разговариваю, причем и предметом обсуждения и собеседником одинаково является поэт’.

Подчеркивание лексико-семантической однородности членов совсем не означает, что эти члены могут располагаться только в реме, — они могут быть и тематическими. Ср.: *Поэт живет с народом и для народа* vs. *С народом и для народа живут поэты, а не политики.*

Необходимо отметить, что тождественность денотатов здесь возможна, но отнюдь не обязательна, ср. (36) и (37):

(36) *Я говорю с поэтом и о поэте — с Вознесенским о Вознесенском.*

(37) *Я говорю с поэтом и о поэте — с Вознесенским об Окуджаве.*

3. Для конструкций с лексико-семантической однородностью обычной является ненасыщенность обязательных валентностей, ср.:

(38) Я знаю, [←]когда, → кто, → кого, → куда → и → на какой срок командировал.

В приведенной фразе (полной по смыслу!) формально оказываются ненасыщенными все обязательные валентности слова *командировал*, поскольку слова *кто, кого, куда, на какой срок* входят в сочинительную цепочку и не подчиняются слову *командировал*.

В конструкциях с функциональной однородностью такой тип ненасыщенности обязательных валентностей невозможен: ненасыщенность валентностей слова допустима только в том случае, если это слово само входит в сочинительную цепочку, ср.: *покупка → и → продажа → книг* [у слова *покупка* не насыщена валентность — покупка чего?].

4. В отличие от конструкций с функциональной однородностью, в конструкциях с лексической однородностью отсутствует морфологическое согласование сочиняющихся членов; ср. ниже (39) с (40):

(39) *Этого Коля и Маша не простят* [два имен. падежа];

Этого Коле и Маше не простят [два дат. падежа].

(40) *Этого никто и никому не простит* [имен. и дат. падежи].

5. Два рассматриваемых типа конструкций характеризуются разными правилами морфологического согласования сочинительной цепочки со словом, подчиняющим эту цепочку. Ср.:

Говорят [мн. число] *учитель и школьник*, но: *Говорит* [ед. число] *учитель и об учителе*.

1.4. Коммуникативная однородность

Итак, мы попытались показать, что, вопреки традиционному представлению, в русском языке существует не один, а несколько типов однородности (функциональная, лексико-семантическая). Однако мы не утверждаем, что этих типов именно два. Вероятно, их больше. Так, некоторые факты свидетельствуют о существовании особого вида однородности, который мы назвали бы коммуникативной однородностью. Приведем примеры этих конструкций (соединяющиеся члены разделены двойной вертикальной чертой):

(41) —...*верно ли, что ты явился в Ершалаим через Сузские ворота верхом на осле, сопровождаемый толпою черни...* — *Пришел я в Ершалаим точно через Сузские ворота, но пешком, || в сопровождении одного Левия Матвея...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(42) *Действительно, Коля, || но не купил, а продал, || и не машину, а корову.*

Члены этих конструкций соединяются сочинительными союзами и ощущаются как однородные. Однако эта однородность особого типа — не функциональная (члены разнофункциональны) и не лексико-семантическая (члены лексически и семантически неоднородны), а коммуникативная. Во фразах (41) и (42) союз *и* (или соответствующая интонация) соединяет уточняемые части высказывания, а союз *но* противопоставляет эти уточняемые части первой части, истинной и неуточняемой.

Видимо, как частный случай коммуникативных могут рассматриваться также и конструкции типа:

(43) Ты помнишь лик *светила, но инога* (И. Анненский. Ледяная тюрьма).

Конструкции этого типа, являясь сочинительными, примыкают, с другой стороны, к конструкциям с обособлением, ср.:

(44) Мне подарили книгу, *и по искусству*.

(45) Мне подарили книгу, *но по искусству*.

(46) Мне подарили книгу, *по искусству*.

В последней фразе нет сочинения, это «чистое» обособление, выделение. Напротив, фразы (44) и (45), видимо, следует интерпретиро-

вать как коммуникативно-сочинительные: в них, в отличие от (46), указывается коммуникативная связь обособляемой части с «основной» частью фразы.

А. Ф. Прияткина, много и успешно занимавшаяся проблемами вторичной союзной связи, отмечает, что «вводимая союзом непредикативная словоформа обладает в высказывании «особым смысловым весом» — актуализирована» [Прияткина 1983: 87]. В. Т. Леонтьева справедливо считает, что в этих конструкциях объединяются две ремы [Леонтьева 1981: 109].

Сравним три следующих высказывания:

(47) Мне подарили книгу *по искусству*.

(48) Мне подарили книгу, *и по искусству*.

(49) Мне подарили книгу, *но по искусству*.

В (47) одна рема (*книгу по искусству*), а в (48) и (49) — по две ремы (*книгу; по искусству*). Как (48), так и (49) объединяют два утверждения и по смыслу очень близки (если не тождественны) соответствующим сложным предложениям:

(48) а. Мне подарили книгу, *и это — книга по искусству*.

(49) б. Мне подарили книгу, *но это — книга по искусству*.

В (48) и (49) вторая часть, вводимая сочинительным союзом, не менее важна, чем первая. Более того, в случае союза *но* решающее воздействие на описываемую ситуацию оказывает именно сообщаемое во второй части¹. Ср.: *Он работает, но плохо*, где второе утверждение, в сущности, сводит на нет первое (поэтому можно сказать: *Он работает, но плохо. Задание он не выполнит*, но нельзя сказать: *Он работает, но плохо. Задание он выполнит*).

Некоторые синтаксические особенности коммуникативно-сочинительных конструкций:

1. Синтаксическая функция зависимого члена конструкции может быть самая разная: подлежащее (*Пришел, но Петя*), обстоятельство (*Пришел, но поздно вечером*), дополнение (*Принес, но книгу (а не журнал)*), определение (*Принес книгу, но неинтересную*). Единственный запрет, который мы можем указать, касается некоторых атрибутивных сочетаний с обязательным определением при существительном, ср.:

(50) **Пришла девушка с глазами, но голубыми*.

**Вагоны типа, но другого*.

¹ См. о значении союза *но* во 2-й части работы, гл. 2, § 2.

2. В описываемой конструкции невозможны: разделительные союзы (*Люблю фильмы, или английские), градационные соединительные (*Люблю не только фильмы, но и английские), заместительные союзы (*Люблю не фильмы, а английские; *Люблю не английские, а фильмы).

3. А. Ф. Прияткина [1971: 44–50] показала, что в «конструкциях со вторичной союзной связью» зависимый компонент может располагаться как в постпозиции по отношению к «господствующему слову», так и в препозиции, ср.:

(51) а. Уехал, но ненадолго.

б. Ненадолго, но уехал.

Любопытно, однако (это обстоятельство также замечено А. Ф. Прияткиной), что в случае союза *и* препозиция невозможна; ср.:

(52) а. Уехал, и надолго.

б. *Надолго, и уехал.

Возможно, это различие в употреблении союзов *но* и *и* связано с тем, что в конструкциях с *но* порядок компонентов имеет смысловоразличительное значение — (51а) и (51б) различаются по значению, тогда как в конструкциях с *и* порядок компонентов не имеет смысловоразличительного значения, поэтому здесь принимается жесткий порядок следования компонентов).

В завершение этого краткого описания конструкций с коммуникативной однородностью приведем еще несколько примеров:

(53) Были у него слабости, но невинные (А. Чехов. Рассказ старшего садовника); Но и в книгах кавалеры *Влюблены, да не в меня* (Н. Гумилев. Старая дева); У мадам Анжу еще до сих пор пахнет духами. *Нежно и слабо, но пахнет* (М. Булгаков. Белая гвардия); У этой двери также была очередь, но не чрезмерная, человек в полтора года (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Пощупал пульс — тихо, но работает (М. Зощенко. Четыре дня); Я люблю вас, но живого, а не мумию (В. Маяковский. Юбилейное); *Мигая, моргая, но снят где-то сладко* (Б. Пастернак); У Керенского осталось всего 700 чел., и то дезорганизованных (Листовка, окт. 1917); *Суровая, но правда* в любом случае лучше, чем ласкающие умолчания (Известия, 4 нояб. 1987).

Ср. также беспощадно злое стихотворение И. Анненского «К портрету А. А. Блока», где серия коммуникативно-сочинительных кон-

струкций мастерски используется в качестве основного конструктивного элемента:

Под беломраморным обличем андрогина
Он стал бы *радостью, но чьих-то давних грез.*
Стихи его *горят* — на солнце георгина,
Горят, но холодом невыстраданных слез.

В коммуникативно-сочинительных конструкциях типа (55) сочиненные члены разнофункциональны — как и в конструкциях с лексико-семантической однородностью типа (54):

(54) *Никогда и никому не завидуй.*

(55) *Мне подарили книгу, и по искусству.*

Различие между ними заключается в том, что члены, однородные лексико-семантически, соподчинены одному «хозяину» — слову *завидуй*, между тем как коммуникативно однородные члены сами связаны между собой подчинительными отношениями. Так, в (55) второй сочиненный член (*по искусству*) является атрибутивным зависимым первого члена (*книгу*).

Отметим и еще один вид коммуникативно-сочинительных конструкций:

(56) Он *уехал, и куда!* <и с кем!>; Мне подарили *книгу, и какую!* <но какую!>; Катя скоро *вернулась, но в каком виде!*; Мы точно с ним [Пугачевым] *увиделись, но в каких обстоятельствах!* (А. Пушкин).

В (56) зависимая часть (непременно постпозитивная!) включает вопросительное местоимение, она не содержит конкретных сведений об участнике или признаке описываемой ситуации (эти сведения содержатся в последующем тексте) и приводится говорящим с целью подготовить слушающего к восприятию информации, совершенно ненормальной для описываемой ситуации.

1.5. Прочие типы однородности

Не исключено, что, кроме трех выделенных выше типов однородности, в русском языке существуют и другие, в частности, модальная или же эмфатическая однородность. Ср. следующие примеры:

(57) *Придет, вероятно, Коля и, вероятно, вечером;* Пахло и здесь *тоже крепко и тоже навозом* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева); Так кто же это видел меня вчера в городе? Вернее, *якобы в городе и якобы меня?* (А. Вампилов. Утиная охота).

Я пока включаю конструкции этого типа в число конструкций с лексико-семантической однородностью.

Итак, первое уточнение понятия однородности заключается в расширении этого понятия за счет выделения, кроме функциональной однородности, также и других типов однородности — лексико-семантической и коммуникативной.

Другое, не менее существенное расширение понятия однородности заключается в распространении этого понятия также и на члены сравнительной конструкции — компараты (см. Часть III).

1.6. Типы сочинительных конструкций

Сказанное в разделах 1.3–1.5 показывает, что однородность членов в русской фразе весьма «неоднородна»: она включает минимум три различных структурных типа.

В соответствии с несколькими типами однородности мы выделяем следующие синтаксические типы русских сочинительных конструкций: 1) конструкции с функциональной однородностью членов, или функционально-сочинительные (*Вижу Олю и Сенью*); 2) конструкции с лексико-семантической однородностью, или семантико-сочинительные (*Я говорю с поэтами и о поэтах*); 3) конструкции с коммуникативной однородностью, или коммуникативно-сочинительные (*Люблю комедии, но французские*).

§ 2. ОБ ОСНОВНОЙ СТРУКТУРНОЙ ОСОБЕННОСТИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Рассмотрим важный структурный признак, отличающий русские сочинительные конструкции от подчинительных. Сочинительные связи, как правило, не употребляются самостоятельно, а «накладываются» на подчинительные связи.

Подобным образом (как результат наложения сочинительных связей на подчинительные) квалифицировал сочинение еще А. М. Пешковский¹: «сочинение всегда тесно переплетается с подчинением»; «мы имеем, собственно, <...> явление соподчинения с той только

¹ По отношению к русским сравнительным конструкциям аналогичный подход намечается в работах А. Ф. Прияткиной: «Позиция союза в такой конструкции двузначна: союз выражает отношение сразу по двум линиям — по линии параллельных членов (аналог сочинения) и по линии общего члена (подчинение)» [Прияткина 1977б: 27].

разницей, что соподчиненные элементы здесь, кроме того, еще сочинены между собой»; «сочинение внутри предложения — лишь эпизод на фоне подчинения» [Пешковский 1956: 59–60].

Однако преобладающим остается до сих пор понимание сочинения и подчинения как двух основных и, так сказать, «равноправных», «независимых» типов связи между членами простого предложения (ср. Русский язык 1979: 322).

Нам кажется, что живучесть представления о сочинении как одном из двух основных и «равноправных» типов синтаксической связи в простом предложении базируется на несколько упрощенном представлении о составе сочинительных конструкций. А именно: сочинительные конструкции до недавнего времени понимались (как в русской, так и в зарубежной лингвистике) как нечто однородное по своему синтаксическому составу. Ср.:

«...все те слова, которые связаны между собой сочинительной связью, служат в предложении одним и тем же членом»

[Аванесов 1936: 59];

«...если два или несколько членов соединены по способу сочинения в одном предложении (например, в форме перечисления или противопоставления), то они считаются за один член»

[Балли 1955: 116].

Отсюда замечания о «возможности опущения» любого из сочиненных членов без уменьшения числа синтаксических позиций и без нарушения грамматической правильности фразы. Так, при опущении одного из сочиненных членов фразы *Мы собирали грибы и ягоды* → *Мы собирали грибы* / *Мы собирали ягоды* сохраняется грамматическая правильность фразы и общее число синтаксических позиций (три позиции: подлежащее—сказуемое—прямое дополнение).

На наш взгляд, существующее представление об однородности синтаксического и морфологического состава русских сочинительных конструкций слишком огрубляет языковую действительность.

Особенно резко противоречат существующему представлению о русских сочинительных конструкциях такие конструкции, где члены разнофункциональны, ср.:

- (1) *Все и всем* недовольны; Я люблю *комедии*, но *французские* (большое число конструкций такого типа приведено выше).

Сочинительные конструкции с разнофункциональными членами показывают, что в общем случае функция одного сочиненного члена еще не предсказывает функцию других членов сочинительной конструкции. Совпадение функций — лишь частный (хотя и самый частый) случай соотношения функций сочиненных членов, который ошибочно был возведен в ранг необходимого структурного признака сочинительных конструкций.

В связи с этим известный критерий опущения любого из сочиненных членов (без нарушения грамматической правильности фразы и без уменьшения общего числа синтаксических позиций) оказывается приложимым лишь к части сочинительных конструкций. В самом деле, в конструкциях с лексико-семантической однородностью опущение любого из членов приводит к уменьшению числа синтаксических позиций, ср. (2а) и (2б):

(2) а. *Все и всем* недовольны [три позиции: подлежащее — сказуемое — дополнение].

б. *Все* недовольны [две позиции: подлежащее — сказуемое].

Кроме того, опущение сочиненного члена приводит иногда к синтаксической неправильности, ср. (3а) и (3б):

(3) а. *Кто и где* в это время находился?

б. *Кто в это время находился?

Конструкции с лексико-семантической однородностью членов (типа: *Никогда и никому* не завидуй) и коммуникативно-сочинительные конструкции (типа: *Люблю комедии, но французские*) очень интересны для понимания самой сущности сочинительных конструкций. В них с полной отчетливостью проявляется то, что в «обычных» сочинительных конструкциях выступает в несколько затушеванном виде. Мы имеем в виду следующую структурную особенность.

Сочиненные члены имеют двоякий статус: отчетливо ощущается сочинительная связь между членами конструкции и одновременно — подчинительная связь каждого из сочиненных членов с главным словом или подчинительная связь между самими сочиненными членами:

Люблю -----> комедии, ^{опред.} -----> но ^{соч.} -----> французские.

Связи сочинительные и связи подчинительные «накладываются» друг на друга.

Эта структурная особенность сочинительных конструкций должна быть отражена и при формальном их представлении. Мы,

однако, не будем здесь останавливаться на этом вопросе. Дело в том, что эта структурная особенность («наложение» связей) в полной мере свойственно не только сочинительным, но и сравнительным конструкциям, рассматриваемым в части III, и для обоих этих типов русских синтаксических конструкций я предлагаю сходный способ формального их представления (см. Часть III, гл. 2).

§ 3. ПРАВИЛА СОЧЕТАЕМОСТИ СОЧИНЕННЫХ ЧЛЕНОВ

Однородность членов сочинительных конструкций — это необходимое условие правильности этих конструкций, необходимое, но не достаточное. Дело в том, что иногда однородные члены (например, члены, являющиеся вариантами выражения одной и той же синтаксической функции) не могут, тем не менее, сочетаться в пределах одной конструкции.

В данном разделе работы рассматриваются следующие вопросы:

1. Три вида сочинения: сочинение предложений, сочинение членов предложения, сочинение предложения и члена предложения;
2. Правила сочетаемости сочиненных членов предложения.

3.1. Три вида сочинения: сочинение предложений, сочинение членов предложения, сочинение предложения и члена предложения

1. Традиционно и в отечественной, и в зарубежной лингвистике выделяются два вида сочинения: 1) сочинение членов предложения («конструкции с однородными членами»); 2) сочинение предложений («сложносочиненные предложения»). Само это разделение можно считать общепринятым. Дискутируется (уже многие десятилетия, и очень оживленно) лишь вопрос об отношении между этими двумя видами. Это один из тех (немногих) вопросов, которые с одинаковой интенсивностью разрабатывались и отечественными, и зарубежными исследователями. Правда, аспекты этого изучения были существенно различны.

В русистике этот вопрос рассматривался (и рассматривается) под углом зрения общей классификации предложений, деления их на простые и сложные и получил такую форму: конструкции с однородными членами — простое предложение или сложное? В. А. Белашапкина [1977: 167–171] и другие исследователи справедливо отмечали необходимость дифференцированного подхода к разным группам однородных членов. С особой остротой стоит

вопрос о конструкциях с однородными сказуемыми (или «одно-субъектных», или «моносубъектных конструкциях»), которые одни исследователи относят к простым предложениям (ср. Грамматика 1960, т. II, ч. 1: 605–620; Перетрухин 1979: 82–83), другие — к сложносочиненным [Белошапкина 1977: 170; Грамматика 1980, т. II: 461—462], третьи — к конструкциям, промежуточным между простым и сложным предложением [Бабайцева 1979: 163–166; Ильенко 1982; Валгина 1978: 228–230].

2. Поскольку в данной работе рассматривается как сочинение членов предложения, так и сочинение предложений, для нас вопрос об их разграничении теряет в значительной степени свою остроту. Для нас это разграничение существенно, главным образом, в аспекте морфологического согласования сочиненных членов. В этом отношении однородные сказуемые сближаются с однородными членами предложения: и те и другие характеризуются морфологической согласованностью компонентов, ср.:

(1) Книги он показал *отцу и матери*.

(2) ...а голова та *лежала, тыла и спала*, потому что она была усталая (А. Платонов. Усомнившийся Макар)

— в отличие от сложносочиненных предложений, где глаголы морфологически не согласованы, ср.:

(3) ...солнце *погасло*, и *исчезла* аллея — *стукнул* дятел, лист *проплыл*, и *исчезло* все (Л. Андреев. Губернатор).

В связи с этим мы считаем возможным придерживаться традиции и относить конструкции с однородными сказуемыми (и, тем более, конструкции с однородными подлежащими и с однородными «второстепенными членами») к простым предложениям. Это — сочинение не предложений, а членов предложения.

3. К особому промежуточному виду сочинения относится сочинение члена предложения с предложением. Эти конструкции редки и почти всегда производят впечатление не совсем обычных, но они довольно разнообразны. Многие легко «сводимы к обычным». Ср.:

(4) Ну входит сама, и *то ли от самовара, то ли волновалась сильно*, только — розовая и в ногах *неспокойная* (Л. Борисов. *Ход конем*)¹; Я думал *о матери и что так и не подошел к ней* (Ф. Достоевский. *Подросток*); *Ни тебя не поймет, ни меня, ни что ветер*

¹ Пример заимствован из картотеки БАС.

поет нам звеня (А. Блок. О чем поет ветер); *Ездоки поездного состава неизвестного назначения проснулись на заре — от холода и потому, что прекратились сновидения* (А. Платонов. Сокровенный человек); *Оживляется деревня только по праздникам да если какая-нибудь бригада привезет богатый улов сельди или семги* (Ю. Казаков. Поморка).

Приведенные высказывания сводимы к обычным постановкой указательных местоимений типа *тот, тогда* и т. п. (Ну входит сама, и *то ли от самовара, то ли от того, что волновалась сильно*, только — розовая и в ногах беспокойная).

А вот другой тип рассматриваемых конструкций.

- (5) *Въехав в середину аула, Хаджи-Мурат поехал не по улице, ведшей к площади, а повернул влево, в узенький проулочек* (Л. Толстой. Хаджи-Мурат); *Проснувшись ночью, я почувствовал, что у меня зябнет не одна спина, а весь я озяб* (И. Гончаров. Фрегат Паллада); *Жил он не в ауле, а приходил из-под горы* (Л. Толстой. Кавказский пленник); ...по сторонам виднелись *то стога сена, то копейки льна, то светлело неубранное поле ржи* (Ю. Казаков. Некрасивая).

В приведенных примерах первая часть многоместного сочинительного союза вводит член предложения, а завершающая часть развернута в целое предложение. Так, в первом из приведенных примеров первый сочиненный член (*не по улице*) настраивает нас на продолжения типа: *а по переулку; а огородами* и т. п., однако второй сочиненный член оформлен как предикативно-глагольное словосочетание: *а повернул влево, в узенький проулочек*¹. Легко заметить, что эта фраза без труда сводится к каноническим СК двумя способами: а) сокращение второй части конструкции (Хаджи-Мурат поехал *не по улице*, ведшей к площади, *а влево, по узенькому проулочку*); б) смещение первой части сочинительного союза (Хаджи-Мурат *не поехал по улице*, ведшей к площади, *а повернул влево, в узенький проулочек*).

Остальные приведенные примеры также могут быть сведены к каноническим СК одним из двух указанных способов. В связи

¹ Иногда асимметричность СК может быть результатом смещения первой части союза не вправо (от главного слова к зависимому), а влево — к главному слову. Ср.: В фигуре доброго капитана *было не только мало воинственного, но и красивого* (Л. Толстой. Набег) вместо: ...*было мало не только воинственного, но и красивого*.

с этим В. А. Ицкович, кажется, первый обративший внимание на рассматриваемые конструкции, расценивает их как некоторую небрежность, неприемлемую в письменной форме литературного языка, хотя и не противоречащую языковой норме [Ицкович 1982: 158]. Эта характеристика представляется нам правильной. Впрочем, И. М. Богуславский, посвятивший данным конструкциям большую статью, отмечает случаи, когда они предстают как не и з б е ж н о е з л о, используются «как легализованное аварийное средство»: говорящий начинает конструкцию как симметричную, но сталкивается с препятствиями (семантического, синтаксического, сочетаемостного или коммуникативного характера) и не доводит свой замысел до конца (см. Богуславский 1988: 70–123). Приведем пример подобного типа:

У нас нет *ни машин, ни рабочего скота хорошего, ни управления настоящего, ни считать мы не умеем* (Л. Толстой. Анна Каренина). Данная структура представляется наименьшим (и допустимым) злом, поскольку сведение ее к каноническим СК затруднительно. Думаю, это все-таки не неизбежное зло: Толстой мог бы его избежать, выделив последнюю часть высказывания в отдельное предложение: *У нас нет ни машин, ни рабочего скота хорошего, ни управления настоящего. Да и считать мы не умеем.*

Более сложна структура некоторых других предложений. Вот они-то с трудом поддаются сведению к каноническим:

(5) *Неласков был мне родины привет; Так смотрит друг, любивший нас когда-то, но в ком давно уж прежней веры нет* (Н. Некрасов. Возвращение); — *Василий Дмитрич, я благодарю вас за честь, — сказала графиня смущенным голосом, но который казался строгим Денисову* (Л. Толстой. Война и мир); Другой раз бывают такие малосмешные темы, взятые из жизни. *Там какая-нибудь драка, мордобой или имуществво свистнули* (М. Зощенко. Рассказ про даму с цветами).

4. Большая часть зарубежных, а также некоторые советские исследователи вопрос об отношении между сочинением предложений и сочинением членов предложения рассматривают с позиций трансформационной грамматики, как вопрос о сводимости предложения с однородными членами к сложносочиненному: простое предложение рассматривается как «результат применения (однократного или многократного) к сложносочинен-

ному предложению трансформации сочинительного сокращения. Например:

- (6) Волки жадны и свирепы ⇒
- (6') Волки жадны и волки свирепы;
- (7) Автор описывает стиль и темперамент этих художников ⇒
- (7') Автор описывает стиль этих художников и темперамент этих художников ⇒
- (7'') Автор описывает стиль этих художников, и автор описывает темперамент этих художников» (см. Падучева 1974: 161).

Соглашаясь с исследователями [Wierzbicka 1969], указывавшими на стилистическую дефектность участвующих в трансформации сложносочиненных предложений, Е. В. Падучева отмечает, что «в некоторых ситуациях восстановление сокращенной сочинительной группы в более полную оказывается естественной операцией, реально осуществляемой носителями языка. В частности, такое восстановление может стать необходимым при переводе с одного языка на другой...: *Her advice was carefully studied but followed by nobody* — *Ее совет был тщательно изучен, но никто ему <совету> не последовал*» [1974: 161–162].

Е. В. Падучева обстоятельно анализирует условия, при которых предложение с однородными членами не может быть получено из сложносочиненного предложения трансформацией сочинительного сокращения и отмечает, что «предусмотреть заранее все возможные ситуации, когда при сокращении возникает неоднозначность, невозможно» [Падучева 1974: 168].

Хотя Е. В. Падучева является сторонницей теории сочинительного сокращения, однако уже приводимого ею материала достаточно, чтобы усомниться в ее правильности.

К тому же существуют и другие препятствия для сочинительного сокращения. В частности, его допускают не все сочинительные союзы, ср.:

- (8) Он занимается как теоретической лингвистикой, так и ее приложениями ≠ ?Как он занимается теоретической лингвистикой, так он занимается и ее приложениями.

Ряд сочинительных союзов (допускающих сочинительное сокращение) в некоторых из своих употреблений препятствуют этой трансформации. Ср.: *Пушкина или Гоголя читать легко* ≠ *Пушкина читать легко или Гоголя читать легко*.

Трансформация сочинительного сокращения затруднительна в некоторых случаях множественных объектов. Так, *Джон и Гарри любят своих жен* ≠ *Джон любит своих жен и Гарри любит своих жен* (многоженство!) [МакКоли 1981: 287]. Дж. Д. МакКоли справедливо отмечает также, что только на основе неязыковых сведений можно установить, что правильной перифразой для выражения *Струнные квартеты Прокофьева и Равеля* является выражение *Струнные квартеты Прокофьева и струнный квартет Равеля*. Совершенно аналогичное выражение, включающее имена неизвестных композиторов, например: *струнные квартеты Эйеркопфа и Мистхауфена*, не позволяет указать, какая из четырех возможных перифраз является правильной:

квартет Эйеркопфа и квартет Мистхауфена
квартеты Эйеркопфа и квартет Мистхауфена
квартет Эйеркопфа и квартеты Мистхауфена
*квартеты Эйеркопфа и квартеты Мистхауфена*¹.

При наличии в предложении нескольких сочиненных групп количество возможных перифраз настолько увеличивается, что вывести из них это предложение (применяя трансформации сочинительного сокращения) весьма затруднительно (если не невозможно). Не будем приводить «примеры-монстры», наспигованные сочинительными конструкциями. Ограничимся вполне обычным примером:

(9) *Коля и Петя купили в киоске французские, английские, немецкие газеты и журналы.*

Восстанавливать перифразы, допускаемые приведенным предложением, почти так же бессмысленно, как делать это для примера, приводимого Анной Вежицкой: *100 000 солдат Фридриха Великого имели рост не менее 6 футов* [Wierzbicka 1969: 117]². Многие из аргументов против теории сочинительного сокращения известны давно, поскольку критика этой теории началась вскоре после того, как она была выдвинута Хомским в 1957 г. (ср., напр., работы La-koff, Stanley 1966; Hudson 1970; Dougherty 1970).

Около 30 лет продолжается оживленная, полная неожиданных

¹ Возможна, видимо, еще одна, пятая перифраза: *квартеты Эйеркопфа и Мистхауфена* (соавторов).

² «Не можем же мы верить в 100 000 предложений в глубинной структуре!» — справедливо замечает А. Вежицка.

поворотов¹ дискуссия. В ходе дискуссии открыты многие интересные факты, существенно «трансформировалась» сама трансформация сочинительного сокращения, однако основной вопрос о необходимости или ненужности этой трансформации дискутируется до сих пор. Мы разделяем точку зрения А. Вежбицкой, которая еще в 1969 г. объявила трансформацию сочинительного сокращения призраком и высказала пожелание, чтобы «этот призрак перестал нас посещать» [Wierzbicka 1969: 131].

Теории сочинительного сокращения было уделено в данной работе значительное внимание, поскольку решение этого вопроса имеет для нас большое значение — не только теоретическое, но и практическое. Должны ли мы, в частности, при толковании сочинительных союзов в выражениях типа *P (X и Y)*, *Вижу Колю и Петю* трансформировать эти выражения в сложные предложения *PX* и *PY* (*Вижу Колю и вижу Петю*) и толковать именно эти последние? Нам кажется, что нет. Толкования сочинительных союзов, предлагаемые ниже, в гл. 2, мы пытаемся строить так, чтобы они были пригодны как для сложносочиненных предложений, так и для сочиненных членов предложения.

3.2. Правила сочетаемости членов предложения

1. Рассмотрим теперь один из трех видов сочинения, выделенных в разделе 3.1, и попытаемся определить, какие из членов предложения могут сочиняться, а какие — нет, какие здесь есть требования, запреты, предпочтения. Эти достаточно сложные вопросы могут решаться по-разному. В более ранней работе [Санников 1981] мы пошли по пути указания всех сочетаний, допустимых для той или иной синтаксической функции. Так, если СК — именная часть составного сказуемого, и обозначает количество, то в ее состав могут входить: существительное или числительное в им. падеже, количественная группа в им. падеже, группа, указывающая на приблизительное количество, количественное наречие, группа с предлогом *по*, ср.: *Их было не десять и не дюжина, а более ста человек <a от 20 до 30 человек; a около 20 человек; a по 5 че-*

¹ Вспомним хотя бы работу Дж. Д. МакКоли [1981], в тексте которой автор приводит аргументы против трансформации сочинительного сокращения, «наносящие смертельный удар» этой теории (с. 276), в постскрипуме несколько смягчает это утверждение, а в позднейших примечаниях к работе признает, что «трансформация сочинительного сокращения оказывается необходимой» (с. 299).

ловек от отдела>. В остальных случаях в состав именной части составного сказуемого могут входить: существительное в им., род. или твор. падеже, прилагательное в им. или твор. падеже, краткое прилагательное, наречие, предложная группа, ср.: *Дерево было красивое, огромной высоты, с пышной кроной и толщиной в три обхвата; Был он не стар, но с глубокими морщинами на щеках* (Ю. Казаков. Ночь); *Дыхание у нее было тяжелое, взхлеб, с присвистом* (Ф. Абрамов. Пелагея).

При таком способе задаются в се правильные цепочки сочиненных членов, и этот способ предпочтителен (а может быть, и единственно возможен) в существующих формальных моделях языка, использующих для представления синтаксической структуры дерево зависимостей или способ составляющих. Однако этот способ описания сочетаемости сочиненных членов чрезвычайно громоздок. И связано это с тем, что приводимые здесь сведения — это, в основном, дублирование информации, содержащейся в правилах, описывающих подчинительные конструкции. Так, два приведенных выше правила сочетаемости сочиненных членов в функции именной части составного сказуемого полностью дублируют информацию синтаксического правила, указывающего способы выражения именного составного сказуемого. При нашем способе представления сочинительных конструкций, когда каждый сочиненный член связан соответствующим подчинительным отношением со своим хозяином, необходимость в подобном дублировании отпадает: форма не только первого, но и всех последующих сочиненных членов определяется их связью с хозяином, их функцией.

Приведем примеры, дающие представление о разнообразии и вариантов, о разнообразии средств, допускающих сочинение. В приводимых примерах сочиняются: подлежащие — (1), сказуемые (глагольные и именные) — (2), дополнения — (3), определения — (4), обстоятельства — (5)–(8):

- (1) В демонстрации приняли участие директор, два его заместителя, трое из начальников отделов и более ста сотрудников <и от 100 до 150 сотрудников; и 100—150 сотрудников; и по 10 сотрудников от каждого отдела>.
- (2) Я мог бы это сделать, но не хочу <не хотел; не успею>. Он был пьян, Афонька, дик и изрублен (И. Бабель); Погода злая,

мрачная, много хуже, той, китайской (И. Бунин. Сны Чанга); ... румянец в палец толщиною и отваливается, как штукатурка (Н. Гоголь. Мертвые души).

- (3) *Они съели арбуз, две дыни, большие килограмма яблок и по две груши; Васька-денщик ... принес на подносе водки, огурцов и хлеб (А. Толстой. День Петра).*
- (4) *Мы увидели дерево огромной высоты, очень красивое, с пышной кроной и толщиною в два обхвата; А ты стоишь в сирени плачущей, Смеющаяся и босая (Ю. Панкратов. Гроза ночью).*
- (5) *Он приходит то очень редко, то вдруг каждый день <то по пяти раз в день>; Наступление началось не ранней весной и даже не в мае, а лишь десятого июня.*
- (6) *Я шел полем, а потом по опушке леса; Маргарита увидела, что она наедине с летящей над нею и слева луной (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).*
- (7) *Товары продаются не поштучно, а крупными партиями.*
- (8) *Он работал молча, сосредоточенно, в совершенном спокойствии, забыв вчерашние мысли о предстоящей разлуке (Д. Мережковский. Леонардо-да-Винчи); ... им он пел немного небрежно, немного играя и далеко не в полный голос (Ю. Казаков. Трали-вали).*

Следует ли из сказанного, что отпадает необходимость в особых правилах сочетаемости сочиненных членов? Конечно, нет. Дело в том, что бывают случаи, когда две грамматических формы представляют собой варианты выражения одной функции, но либо вообще не могут входить в состав сочинительной конструкции, либо это вхождение оговаривается специальными условиями. Так, можно сказать: *Куришь вредно; Чтение лежа вредно*, но нельзя сказать: **Куришь и чтение лежа вредно*. Можно сказать: *Пришел Коля; Пришли пятеро*, но «объединить» подлежащие в одну сочинительную цепочку можно только в том случае, если числительное имеет зависимое, ср.: *Пришли Коля и еще пятеро <и пятеро из его друзей>* [но не: **Пришли Коля и пятеро*].

Итак, правила сочетаемости сочиненных членов должны включать: а) указание на общий принцип («сочиняются грамматические варианты выражения одной синтаксической функции»); б) перечень отступлений от этого принципа.

Отступления от общего принципа сочетаемости членов СК бывают двух противоположных типов: с одной стороны, могут ино-

гда сочиняться разнофункциональные члены, с другой, — существуют запреты на сочетаемость однофункциональных членов.

2. На сочетаемости разнофункциональных членов типа *Никогда и никому не завидуй; Люблю комедии, но французские; ...* по сторонам виднелись *то стога сена, то копейки льна, то светлело неубранное поле ржи* (Ю. Казаков. Некрасивая) мы не будем здесь останавливаться — они рассматривались выше, в разд. 3.1.

3. Запреты на сочетаемость

В основе существующих в русском литературном языке запретов на сочетаемость однофункциональных сочиненных членов можно выделить некий общий принцип, который мы определили бы, как требование определенного уровня различий (морфологических, синтаксических, семантических) между сочиненными членами. Слишком резкое повышение (или, наоборот, снижение) этого уровня делает сочинение затруднительным или даже невозможным. Приведем несколько фраз, которые являются неправильными, поскольку различия между сочиненными членами слишком сильны — фразы (1)–(5) или, наоборот, сведены к нулю — фразы (6)–(7):

- (1) *Мы получили *трактор и первый*.
- (2) *Он *красивый и умен*.
- (3) *Это был *не я, а кто-то*.
- (4) *Мальчику подарили *собаку и кое-что*.
- (5) *Пойду в *театр и никуда*.
- (6) *Решено уволить *рабочего и рабочего*.
- (7) *Пришли *пятеро и пятеро <и шестеро>*.

Интересно, что в обоих этих противоположных по характеру случаях сочинение становится возможным при выполнении одного и того же контекстного условия. Мы имеем в виду наличие зависимых слов у одного, а иногда у обоих сочиненных членов (ср. правильные фразы (1а)–(7а) с приведенными ранее неправильными фразами (1)–(7):

- (1) а. Мы получили *трактор и первый из трех заказанных комбайнов*.
- (2) а. Он *красивый и очень умен*.
- (3) а. Это был *не я, а кто-то другой*.
- (4) а. Мальчику подарили *собаку и кое-что еще*.

- (5) а. *Пойду в театр и никуда больше.*
 (6) а. *Решено уволить рабочего 3-го цеха и рабочего из лаборатории.*
 (7) а. *Пришли пятеро и еще пятеро.*

Приводимые ниже сведения — это, в сущности, конкретизация выделенного общего принципа сочетаемости членов СК.

Сходство сочиненных членов не должно доходить до полного совпадения, поэтому сочиняющиеся тождественные лексемы должны различаться либо своими морфологическими характеристиками — см. ниже (8), либо зависимыми словами — (9):

- (8) Ну, стало быть, и кстати, что я вас *не пригласил* и *не приглашаю* (Ф. Достоевский. Идиот); *Музыку я любила и люблю* страстно и хоть немного, но добилась бы (И. Бунин. Последнее свидание).
 (9) Рассматриваются отношения между *синхронизируемыми кодами с переменной длиной слова и кодами с плавающей запятой*; *На собрание не пришли двое из учителей и двое из учеников*; *И все-таки в нем не было ничего от Гамлета, ничего от Вертера* (А. Манфред. Наполеон Бонапарт); *Еще через день Макар сделал железное колесо, а затем еще одно колесо* (А. Платонов. Усомнившийся Макар); *Толкнув кого-то и еще кого-то*, на долгое мгновение запутавшись в незнакомых переходах, Саша вылетел к запертой двери (Л. Андреев. Сашка Жегулев).

В силу рассматриваемого ограничения сочинения местоимений *он, она, оно, они* в случае совпадения характеристики рода и числа невозможно (ср.: *Он и он долго говорили со мной; *Они и они долго говорили со мной), а в случае несовпадения — нежелательно ([?]*Он и она* долго говорили со мной; [?]*Мы смеялись над нею и над ним*). Ср., однако: *Жизнь играет, солнце греет, / Но под нею и под ним / Здесь былое чудно веет / Обаянием своим* (Ф. Тютчев).

Отступления от описываемого принципа, т. е. сочинение тождественных словоформ, не имеющих зависимых слов, встречаются редко и в строго определенных случаях: а) в иконичных конструкциях типа (10); б) в просторечных высказываниях — ср. (11) (подробнее о них см. в 8-й главе данной части):

- (10) *Точка, точка, запятая; Удар, удар, звон разбитого стекла; Пойдете ты и ты, возьмете это и это* [фраза произносится с указующими жестами].

(11) *Что да что* нужно, говори! (В. Даль).

Естественно, что синонимы не могут сочиняться (кроме конструкций типа: *бегемот, или гиппопотам*), а сочинение квазисинонимов встречается редко, преимущественно в заместительных конструкциях. Ср.:

(12) Старуха — *неможная и бессильная* — все еще жила (М. Шолохов); *Не лежали, а валялись* (К. Федин)¹; ...и оркестр *не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил*, а именно, по омерзительному выражению кота, *урезал* какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Явление, противоположное описанному в предыдущем разделе, — слишком большое различие между членами предложения — также является препятствием для их сочинения. Эти недопустимо большие различия могут быть грамматическими или семантическими. По степени обязательности запреты на сочетаемость сочиненных членов можно делить на безусловные и условные, т. е. такие, которые при определенных дополнительных условиях снимаются.

Грамматические запреты

Они имеют, как правило, безусловный характер. Выше уже отмечалось, что сочинение разных грамматических вариантов выражения той или иной синтаксической функции, вообще говоря, вполне допустимо. Оно становится недопустимым там, где налицо синонимичность грамматических вариантов. Язык мирится с неизбежным разнообразием грамматических средств, (ср.: *Он приехал не осенью и даже не в начале зимы, а лишь десятого января* [здесь иначе не скажешь!]), но в случае синонимичных средств требует выбора какого-то одного из этих средств и применения его ко всем членам сочинительной цепочки. В связи с этим:

1) В функции подлежащего недопустимо сочинение синонимичных вариантов, в частности, сочинение существительного в имен. падеже и инфинитива; существительного в имен. падеже и словосочетания $S_{\text{имен.}} + \text{за} + S_{\text{твор.}}$:

**Куришь и чтение лежа* вредно [нужно: *Куришь и читать лежа* вредно или: *Курение и чтение лежа вредно/вредны*].

¹ Примеры заимствованы из [Перетрухин 1979].

**Матрос за матросом и солдаты* поднимались на борт судна [нужно: *Матрос за матросом и солдат за солдатом* или: *Матросы и солдаты* (один за другим) поднимались на борт судна].

2) Недопустимо сочинение именительного и творительного предикативного¹, ср.:

*Он был *красивый и умным* [нужно: Он был *красивый и умный* или: Он был *красивым и умным*].

*Он был *лентяй и лоботрясом* [нужно: Он был *лентяй и лоботряс* или: Он был *лентяем и лоботрясом*].

3) Недопустимо сочетание разных вариантов заполнения одной, валентности слова, ср.:

*Дом отошел *племяннику и к брату* [нужно: *к племяннику и к брату* или: *племяннику и брату*].

*Конец *войне и страданий* [нужно: *Конец войне и страданиям* или: *Конец войны и страданий*].

*Письма Пушкина *Вяземскому и к Вольфу* [нужно: *Вяземскому и Вольфу* или: *к Вяземскому и к Вольфу*].

Д. Э. Розенталь признает недопустимым сочетание инфинитива и существительного: «никто не скажет: „Я люблю игру на рояле и петь“» [Розенталь 1974: 294]. Это высказывание представляется излишне категоричным. Данное сочетание в функции комплетива, видимо, допустимо. Ср.:

Он находил моральными качествами хорошего петуха, если он «охотник *петь и до кур*» (А. Герцен. Былое и думы); Этот человек потребовал *вина и есть* (А. Чехов. Без заглавия).

4) Недопустимо сочетание синонимичных видо-временных форм, ср.:

*После обеда я *поеду* в МГУ и *читаю* лекцию на первом курсе [нужно: *...поеду и прочитаю* или: *...еду и читаю*, или: *...где читаю*].

5) Анафорические местоимения *тот* и *другой* должны совпадать по характеристикам рода, одушевленности и числа (ср.: *Та и другая* мне очень нравятся); расхождения в роде, одушевленности или числе выглядят несколько странно ([?]*Та и другие* мне очень нравятся; [?]*Тот и другая* мне очень нравятся). Ср., однако: *Тот и другая* с лаем понесли кольцами хвосты свои в переднюю (Н. Гоголь. Мерт-

¹ В поэтической речи этот запрет (как и многие другие) может нарушаться, ср.: Будешь *инок, купец и вояка, Девой смертной, владыкой иль рыбарь* (В.Хлебников. Медлум и Лейли).

вые души); Болтун подобен маятнику: *того и другой* надо остановить (Козьма Прутков).

Некоторые из грамматических запретов не являются абсолютными и снимаются при наличии определенных дополнительных условий. В частности:

1) Нежелательное сочетание кратких прилагательных и причастий с полными (ср.: ?Он *умный и красив*; ?Он *умен и красивый*) становится допустимым, если второй член СК имеет зависимое. Ср.: Он *умный и очень красив*.

2) Сравнительная степень прилагательных и наречий неохотно сочиняется с положительной, ср.: ?Сегодня он *добрее и веселый*; ?Мы работали *быстрее и долго*; ?Мы работали *долго и быстрее*.

Этот запрет снимается, если прилагательное (или наречие) в сравнительной степени стоит в конце сочинительной цепочки и имеет при себе зависимое. Ср.:

Сегодня он *веселый и еще добрее* <*веселый и добрее, чем вчера*>; Мы работали *долго и все быстрее* <*долго и быстрее, чем вчера*>.

3) С некоторыми ограничениями связано сочинение предложных групп. Как правило, сочиненные группы имеют один и тот же предлог:

О самой нежной, о самой милой Мне пестрокрылый сон приснится (Н. Гумилев. Юг); *За полями, за рекой, за лесными даями* слабо полыхали зарницы (Ю. Казаков. Ночь); Вейся, вейся, русское знамя, Веди *через сушу и через хляби!* (В. Хлебников) ;

Сочинение групп с разными предлогами встречается реже, ср.: Каждое утро она просыпалась *в самом дурном настроении и с мыслью*, что она Рябовского уже не любит (А. Чехов. Попрыгунья); ...большие тени от клубов дыма ползли *по полю и через дорогу* (А. Чехов. Степь); Сквозь серый дым *от края и до края* / Багряный свет (А. Блок); *От вторника и до субботы* / Одна пустыня пролегла (О. Мандельштам); ...и перекидывались радуги *от головы и до плеча* (Б. Ахмадулина); *С утра и до поздней ночи* ...он работает над книгой (Л. Толстой. Война и мир)¹.

Значительное внимание в русистике уделялось (и уделяется) вопросу о соотношении СК с повторением предлога и СК без повторения предлога (*Я приду к Мише и к Пете* vs. *Я приду к Мише и Пете*).

¹ Конструкции с предлогами с (*от*)... *до* могут оформляться и как подчинительные, ср.: *от вторника до субботы*...; с *утра до поздней ночи* и т. д.

А. М. Пешковский указывает (правда, без достаточной аргументации) факторы, влияющие на опущение предлога: «1) число однородных членов (чем длиннее ряд, тем большая потребность в повторении предлогов), 2) отсутствие или присутствие союза (при бессоюзии больше потребности в повторении предлога), 3) значение самого союза (*и*, например, более располагает к опущению предлога, чем *или*), 4) вещественная близость или отдаленность однородных членов (ср. *надписи и в прозе, и в стихах о добродетелях, о службе и чинах*), 5) интонационные условия (чем длиннее пауза, тем большая потребность повторить предлог), 6) книжность или обыденность речи (книжный язык предпочитает опущение предлога, обыденный — повторение), 7) индивидуальный стиль автора (Л. Толстой, например, любящий вообще повторения, повторяет здесь очень часто и предлоги). Каждый отдельный факт результирует на себе все эти воздействия» [Пешковский 1956: 448].

Многие исследователи [Гвоздев 1973; Розенталь 1974; Гаврилова 1979: 149 и др.] подчеркивали смысловые различия, связанные с повторением/неповторением предлога в сочиненных группах. А. Н. Гвоздев отмечал, что «один предлог указывает на более тесное объединение однородных членов. В случае, где имеется такая тесная связь, употребление нескольких предлогов невозможно» [Гвоздев 1973: 151]. В подтверждение этой мысли приведем пример, где отчетливо проявляется связь между степенью смысловой близости сочиненных членов и повторением (или неповторением) предлога:

Когда будете, дети, студентами,
 Не ломайте голов *над* моментами,
Над Гамлетами, Лирами, Кентами.
Над царями и президентами,
Над морями и *над* континентами.

(А. Апухтин)

В приведенном примере многократно повторяется предлог *над*, однако две группы близких по значению слов (*Гамлетами, Лирами, Кентами* и *царями и президентами*) вводятся каждой одним «общим» предлогом.

Г. Ф. Гаврилова справедливо отмечает, что повторяющийся при однородных членах предложения предлог может служить средством «снятия неоднозначности сочинительного союза: „Разговари-

вали с молодыми и с опытными работниками (одни из работников молоды, другие — опытные)“. Но ср.: „Разговаривал с молодыми и опытными работниками“, где налицо двусмысленность союза *и*» [Гаврилова 1979: 149].

В связи с указанным смысловым различием между конструкциями с повторением предлога и конструкциями без повторения предлога, повторение предлогов невозможно в случае денотативного тождества членов; если вы встретились с человеком, который является одновременно писателем и врачом, то вы можете сказать: *Я встретился со знаменитым писателем и врачом*, но не: *Я встретился со знаменитым писателем и с врачом*. Последняя фраза грамматически правильна, но для описания другой ситуации — встречи с двумя людьми.

Остановимся несколько подробнее на двух факторах, влияющих на повторение/неповторение предлога. Первый из них, кажется, не отмечался, второй упоминается в работе А. М. Пешковского [1956: 448].

1) Повторение/неповторение предлога зависит от характера предлога: сложные предлоги (*по отношению к*, *в связи с*, *по направлению к* и др.) должны повторяться перед каждым сочиненным членом. Ср. правильную фразу (а) и неправильную (б):

- (а) *По отношению ко мне и по отношению к нему* допущена несправедливость.
- (б) **По отношению ко мне и ему <нему>* допущена несправедливость.

Должны повторяться также и некоторые так называемые первообразные предлоги, например, предлог *по* в распределительном значении, ср.: *Коля дал им по яблоку и по груше* [плохо: ^{??}*по яблоку и груше*].

Напротив, некоторые предлоги не могут повторяться. Это предлоги *между*, *среди*, *посреди*, а также предлог *из* (в сочетаниях типа *состоять из...*):

**Между рекой и между лесом* тянулось болото [нужно: *Между рекой и лесом...*].

^{??}*Городок расположен среди болот и среди дремучих лесов* [нужно: *...среди болот и дремучих лесов*].

^{??}*Домик состоял из кухни и из комнаты* [нужно: *из кухни*

и комнаты]¹.

2) Важным фактором, определяющим повторение/неповторение предлога, являются структурные особенности сочинительного союза: так наз. двухместные союзы (*как... так и; не столько... сколько; и... и; или... или; то... то; не то... не то; не... а* и т. п.) требуют повторения предлога, ср.:

Эта машина хорошо себя проявила *как на* шоссейных, *так и на* грунтовых дорогах [не: [?]*как на* шоссейных, *так и* грунтовых дорогах]; Коля приезжал *и в* марте, *и в* апреле [не: ^{*}*и в* марте, *и* апреле]; Она приходила *то с* Петей, *то с* Митей [не: ^{*}*то с* Петей, *то* Митей]; Она приходила *не с* Петей, *а с* Митей [не: ^{??}*не с* Петей, *а* Митей].

Семантические запреты

Это запреты на сочетаемость лексем, слишком далеких по своей семантике. Измерять степень семантической близости мы не умеем, поэтому мы не можем дать точные правила, которые были бы приложимы к каждому конкретному случаю, и вынуждены пойти по более простому пути: указать известные нам семантические запреты на сочетаемость сочиненных членов. Их — пять.

1) Не могут сочиняться словоформы, если обозначаемые ими понятия связаны родо-видовыми отношениями, ср.:

*На поляне мы нашли *малину и ягоды*.

*Ловля *судака и рыбы* запрещена.

*О работе *железнодорожного и транспорта*.

Запрет снимается, если один из сочиненных членов имеет зависимость, ср.:

На поляне мы нашли *малину и другие ягоды* <и *какие-то продолговатые черные ягоды*>.

Ловля *судака и прочей рыбы* запрещена; Ловля *рыбы и, в частности, судака* запрещена.

О работе *железнодорожного и других видов транспорта*.

2) Не могут сочетаться указания на постоянный и временный признак; можно сказать: *Он пьяница и уважает друзей*, но нельзя: ^{*}*Он пьян и уважает друзей* (примеры Т. В. Булыгиной). Ср. также неправильную фразу из школьного сочинения: *Хлестаков был очень плохим и голодным* и допустимую: *Хлестаков был очень плохим и постоянно голодным*. В связи с этим во фразе *Леночка*

¹ Примеры с предлогами *между* и др. относятся, видимо, к числу тех, которые искал, но не нашел А. М. Пешковский [1956: 448], — к числу примеров, где повторение предлога «синтаксически недопустимо».

была зла, как черт, и топала ножкой (Ю. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара), первая часть (*Леночка была зла, как черт*) в контексте временного признака (*топала ножкой*) сама обозначает временный признак, минутное настроение, хотя взятая отдельно, в виде особого высказывания она может означать и временный признак, и постоянное свойство Леночки.

В. И. Чернов обратил мое внимание на то, что данный запрет не является абсолютным — фраза *Он молод и погорячился* правильна, хотя в ней сочетаются указания на постоянный и временный признаки. Видимо, подобное сочетание возможно при соблюдении двух строго определенных условий: а) указание на постоянный признак предшествует указанию на временный признак (фраза **Он погорячился и молод* неправильна); б) постоянный и временный признаки связаны причинно-следственными отношениями (поэтому фраза *Он молод и погорячился* правильна, а фраза **Он высок и погорячился* — нет).

В художественной речи данный запрет может иногда нарушаться, ср.: Комната князя Андрея была в среднем этаже; в комнатах над ним тоже жили и не спали (Л. Толстой. Война и мир).

3) Указание на физические действия неохотно сочиняется с указаниями на процессы, психические состояния и т. п. Ср.:

Посох взял, развеселился / И в далекий Рим пошел (О. Мандельштам. Посох).

Мы далеки от мысли упрекать автора в грамматической неправильности фразы. Однако соответствующую фразу деловой или разговорной речи следовало бы признать сомнительной:

??Взял чемодан, развеселился и поехал в командировку.

Неправильность вызвана здесь двумя обстоятельствами:

— указание на кратковременное психическое состояние сочетается с описанием начала долговременных физических действий. При замене долговременных действий кратковременными фраза становится более допустимой: *?Взял портфель, развеселился и пошел на работу.*

— указания на физические действия перемежаются в двух приведенных фразах указанием на психическое состояние. Изменение порядка компонентов делает их допустимыми. Ср.: *Развеселился, взял чемодан и поехал в командировку в Рим; Развеселился, взял портфель и пошел на работу.*

4) Как неоднократно отмечалось в литературе (см., напр., Пешковский 1956; Розенталь 1974), затруднено сочинение семантически разнородных прилагательных. Ср.: **мой и перочинный нож* (пример А. М. Пешковского); ?*Я купил большой и синий шар*; ?*непрочные и металлические стержни*; ?*такие и металлические стержни*; ?*эти и зимние шапки*.

5) В силу семантической специфики отрицательных, вопросительных и неопределенных местоимений их вхождение в сочинительную цепочку затруднительно и оговаривается целым рядом дополнительных, достаточно жестких условий.

Отрицательные местоимения делятся на две группы, резко различающиеся по синтаксическим свойствам: местоимения на *не-* (*некого, некогда* и т. п.) и местоимения на *ни-* (*никто, никогда* и т. п.).

а) Местоимения на *не-* могут сочиняться только:

— с самими же местоимениями на *не-*: Мне бояться и стыдиться *некого и нечего* (И. Гончаров. Обрыв).

— так называемыми предикативами (*время, жаль, жалко, лень, можно, (не) надо, (не) нужно, недосуг, нельзя, неохота* и т. д.):

наказывать его *некогда и жаль* <*лень; совестно; не нужно*>; Ходить ему сейчас было *жарко и незачем* (А. Платонов. Июльская гроза); Поправлять прическу *лень и некогда* (А. Чехов. Скучная история); рвался вскочить и мчаться хоть на рассвете, но раньше десяти было *незачем и опасно* (Ю. Трифонов. Нетерпение).

б) Отрицательные местоимения на *ни-* гораздо свободнее входят в СК. Они могут сочиняться со словами двух классов:

— с местоимениями на *ни-*: *Никто и ничто* его не сломит.

— с «обычными» S, A, ADV и предложными группами:

Нет, *ни ему и никому другому* в мире про Женю Эгмонт я не расскажу (Л. Андреев. Сашка Жегулев); — У нас только *сад, сад, сад* — и больше ничего (А. Чехов. Черный монах); — Что за человек! Все *о немцах* думает — и больше *ни о чем!* (Э. Казакевич. Звезда); Он не имел *ни военного, ни, впрочем, никакого иного* образования (А. Манфред. Наполеон Бонапарт).

Это сочинение оговаривается целым рядом дополнительных условий:

— члены СК должны относиться к одной и той же части речи и морфологически согласованы;

— местоимение на *ни-* может быть только вторым, но не первым членом СК (*директор и никто больше*, но не **никто (больше) и директор*);

— местоимение на *ни-* должно иметь зависимые (*директор и никто другой <никто больше>*, но не: **директор и никто*); однако если СК включает разделительный союз, то наличие зависимых не является обязательным:

Скажу *Пете или никому* [не: **Пете и никому*]; ...есть души, лозунг которых — *все или ничего* (В. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова); Это верная дорога, Мир *иль наши, или ничей* (Н. Гумилев. Сказка о королях); Это вопрос просто так. *Себе или никому* (Ю. Трифонов. Старик).

Вопросительные местоимения¹ характеризуются крайне жесткими условиями вхождения в СК — даже более жесткими, чем рассмотренные ранее отрицательные местоимения. Они могут сочиняться только с вопросительными же местоимениями, ср. фразу (а) и неправильную фразу (б):

(а) *Кто и что* мешает тебе работать?

(б) **Директор и что* мешает тебе работать?

Сочиняющиеся не определенные местоимения должны иметь в своем составе одну и ту же частицу (*кое-, -либо, -нибудь, -то*). Ср. неправильную СК *чему-нибудь и кому-либо*. Неопределенные местоимения могут сочиняться также и с «обычными» S, A, ADV или предложными группами — ср. ниже фразы. При этом:

1) если неопределенное местоимение является субстантивом или определением, то оно имеет зависимые:

...ей казалось, что это *не она, а кто-то другой* стоит на стогу в ожидании близкого счастья (В. Белов. Деревня Бердяйка); ...только священники да *кое-кто из дворян* заметили тяжесть шестимиллионной контрибуции (А. Манфред. Наполеон Бонапарт); ...он увидел далеко наверху слабые *огоньки и что-то еле белеющее в темноте* (Ю. Казаков. История одного медведя); *От яда или еще от чего-то* Пухов весь запаршивел, оброс шерстью (А. Платонов. Сокровенный человек); Поступили *елочные и какие-то еще* игрушки.

Ср., однако, у Ф. М. Достоевского фразу без зависимых: Мне ужасно бы, ужасно бы хотелось, чтобы *вы или кто-нибудь* это нарисовал (Идиот).

¹ В число вопросительных включены и так называемые относительные местоимения, а также предложные группы типа *с кем*.

2) если неопределенное местоимение является обстоятельством, то зависимые слова возможны, но не обязательны. Ср.:

Вглядываясь в Радилова, я никак не мог себе представить его счастливым *ни теперь, ни когда-нибудь* (И. Тургенев. Мой сосед Радилов) [возможно: ...*ни теперь, ни когда-нибудь еще*]; От Адама уходила Ева, и это должно было случиться *не когда-нибудь, а сейчас* (Ю. Казаков. Адам и Ева); И бледных образов черты, Забытых меж *нигде и где-то* (М. Лохвицкая. Сумерки).

Как уже отмечалось, многие из указанных запретов не являются абсолютными и под воздействием некоторых дополнительных факторов могут сниматься.

Перечислим основные факторы, влияющие на сочетаемость сочиненных членов.

1) Вид сочинительного союза. Одно и то же сочетание сочиненных членов допустимо при одном сочинительном союзе и недопустимо при другом. Выделить здесь более «либеральные» и более «жесткие» союзы затруднительно: для разных сочетаний картина оказывается различной. Так, например:

— сочетание так называемого качественного и относительного прилагательных (типа *металлический + непрочный*) вряд ли допустимо при союзах *и, или, а не* ([?]*металлический и непрочный стержень*; ^{??}*металлический или непрочный стержень*; ^{??}*не металлический, а непрочный стержень*) и вполне допустимо при союзе *но* (*металлический, но непрочный стержень*);

— сочетание полных синонимов типа *гиппотам + бегемот* допустимо (если не считать метаязыка лингвистики) только при союзе *или*, и только в одном из его значений. Ср.: Мы увидели *гиппотамы, или бегемота* [не: **гиппотамы и бегемота*; **гиппотамы, а не бегемота*; и даже не: *гиппотамы или бегемота*];

— одни сочетания квазисинонимов (типа *пунктуально + точно*) допустимы только при союзе *и*, ср.: Они будут *пунктуально и точно* выполнять условия соглашения (Известия, 4 марта 1973) [не: **пунктуально, но точно*; **пунктуально или точно*; **пунктуально, а не точно*], другие допустимы, видимо, только при заместительном союзе *а не* (*не... а*). Ср.: *Не воняет, а пахнет*, — обижался Михаил, — это наш заводской дух (Песков, 1)¹ [не: **воняет и пахнет*; **воняет или пахнет*; **воняет, но пахнет*];

¹ Примеры заимствованы из [Перетрухин 1979].

— антонимы соединяются, как правило, союзом *а не* (*не... а*), ср.: Он *не умный, а глупый* или (обычно в вопросах или при описании узуальных событий) разделительными союзами, ср.: Он *умный или глупый?*; Она *приходит то рано, то поздно*. Впрочем, здесь возможен и союз *и*, ср.:

Муж *верил и не верил* (А. Чехов. Дама с собачкой); Прохлада *вчера и дышит, и не дышит* (А. Фет);

— этикетные выражения типа *пожалуйста, прошу вас, ради бога* и наречия, указывающие на неуверенность (*вероятно, кажется* и т. п.), могут повторяться, видимо, только при союзе *и*, ср.:

Пожалуйста, закройте дверь и (пожалуйста) включите обогреватель [не: **Пожалуйста, закройте дверь или, пожалуйста, включите обогреватель*]¹.

Коля, *видимо, сделает доклад и, видимо, напишет статью* [не: **видимо, сделает доклад или, видимо, напишет статью*; **видимо, делает доклад, а не, видимо, напишет статью*].

2) Синтаксическая функция СК. Воздействие синтаксической функции на сочетаемость членов СК можно проиллюстрировать примером, который уже приводился выше: сочетание инфинитива и существительного, недопустимое в случае, если СК играет роль подлежащего (**Вино и есть приятно*), видимо, возможно в комплетиве (*Попросил вина и есть*).

Как уже отмечалось (см., напр., Грамматика 1960, т. II, ч. 1: 644–645), в случае обособления могут сочиняться обстоятельство образа действия и определение («слуги двух разных господ» — подлежащего и сказуемого!). Ср.:

Степан Аркадьич, *вымытый, расчесанный и сияя улыбкой*, выходил из своей двери (Л. Толстой. Анна Каренина); *Опечаленный этим известием и припоминая вчерашний скандал*, я вышел на двор (А. Чехов. Тайный советник); Румянцева вышла через несколько минут, *красная, потрепанная, поправляя платье, похожая на потоптанную курицу* (Б. Пильняк. Его величество Кнееп Piter Komandor); ...*сгоряча и нервно настроенные*, мы наговорили друг другу кучу самых архиобидных слов (М. Зощенко. Спи скорей); *Поезд подошел с трудом, весь в снегу, промерзлый, визжа, скрипя, ноя* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

¹ Пример доказывает, что мнение Т. ван Дейка [1978: 284] — «сферой действия please „пожалуйста“ может являться только одна просьба» — нуждается в уточнении в случае союза *or* «или», но не в случае *and* «и».

3) Наличие контекста. Наличие добавочных слов «отвлекает внимание» слушающего и делает его более снисходительным к сочинению достаточно разнородных членов. Так, краткие прилагательные и причастия охотнее сочиняются с полными; прилагательные и наречия в сравнительной степени с прилагательными и наречиями в так называемой положительной степени; существительные с числительными или прилагательными и т. д., если второй сочиненный член имеет зависимые. Ср. ниже примеры, где в рубрике (а) — неправильные или сомнительные фразы, а в рубрике (б) — допустимые:

- (1) а. [?]Он умный и красив.
 б. Он умный и очень красив.
- (2) а. *Мы работали долго и быстрее.
 б. Мы работали долго и еще быстрее <и все быстрее; и быстрее, чем раньше>.
- (3) а. *Пришли Иванов, Семенов и пятеро.
 б. Пришли Иванов, Семенов и еще пятеро.
- (4) а. [?]Он умница и красив.
 б. Он умница и очень красив <и к тому же красив, как бог>.

И чем пространнее контекст, тем свободнее сочетаемость сочиненных членов.

§ 4. СОГЛАСОВАНИЕ СКАЗУЕМОГО С СОЧИНЕННЫМИ ПОДЛЕЖАЩИМИ

Известно, что одним из главных средств выражения предикативных отношений (отношений между подлежащим и сказуемым) является согласование сказуемого с подлежащим¹, т. е. уподобление характеристик рода, числа и лица глагола соответствующим морфологическим характеристикам или классифицирующим признакам подлежащего.

Однако в случае, если подлежащее представляет собой сочиненную группу, вместо этих правил согласования сказуемого с подлежащим действуют другие, достаточно сложные правила. Так, в первой из четырех приводимых ниже фраз (1)–(4) (близких по лексическому составу и синтаксической структуре!) сказуемое имеет форму мн. ч., во второй — ед. ч. жен р., в третьей — ед. ч. муж. р. и, наконец, в четвертой допускается вариативность форм ед. и мн. ч.:

¹ В некоторых исследованиях говорится о координации главных членов предложения (ср. Грамматика 1980, т. II: 94–95).

- (1) Мальчик и девочка *остались*.
- (2) Не мальчик, а девочка *осталась*.
- (3) Не только мальчик *остался*, но и девочка.
- (4) *Остался/остались* мальчик и девочка.

А. М. Пешковский указывает на основной фактор, определяющий число сказуемого: сказуемое при нескольких подлежащих стоит во множественном числе, если «все подлежащие берутся мыслью <...> как своего рода слитное подлежащее» [Пешковский 1956: 450]. С этим общим принципом автор увязывает конкретные синтаксические условия, способствующие выбору одного из двух способов согласования: а) согласование с ближайшим из подлежащих; б) согласование со всей совокупностью подлежащих, «с вещественным содержанием подлежащего»: «когда сказуемое стоит перед подлежащим, оно склонно согласоваться с ближайшим из них, когда же оно стоит после подлежащих, оно предпочитает объединить собой всех их. Причина этого различия очень проста: объединение в мысли того, что еще только последует, труднее для говорящего... Наоборот, объединить мыслью то, что уже сказано,— дело совершенно естественное» [Пешковский 1956: 451]. Совершенно справедливо отмечается при этом, что данная связь способа согласования с порядком слов наиболее отчетливо проявляется в разговорной речи; для книжной речи характерна «предусмотрительность», «продуманность фразы до конца» и, естественно, книжная речь чаще, чем разговорная, прибегает к постановке препозитивного сказуемого во множественном числе [Пешковский 1956: 451].

В дальнейшем изучение проблемы согласования сказуемого с сочиненными подлежащими приняло несколько иное направление. Основные усилия были направлены на детальное описание условий (в первую очередь, синтаксических), влияющих на выработку согласовательных характеристик сказуемого. К числу этих условий относят характеристики рода и числа подлежащих, их взаиморасположение, характер сочинительных отношений, открытость/закрытость сочиненного ряда и т. д.

Не сомневаясь в плодотворности этих разработок, мы хотели бы подчеркнуть, что по сути дела они представляют собой либо «конкретизацию», «детализацию» общих положений, выдвинутых А. М. Пешковским, либо описание исключений, отступлений от этих положений.

Основной принцип согласования сказуемого с сочиненными подлежащими мы определили бы как согласование по смыслу: сказуемое имеет форму множественного числа, если в реальной ситуации участвуют несколько объектов; в противном случае сказуемое согласуется с ближайшим из подлежащих. Поэтому в (5) сказуемое имеет форму мн. ч., а в (6) — форму ед. ч.:

(5)	<i>Приходили</i> Миша и Коля	}	[приходили двое]
	<i>Приходили</i> то Миша, то Коля		
(6)	<i>Приходил</i> не Миша, а Коля	}	[приходил один]
	<i>Приходил</i> Миша или Коля		

В ряде случаев число сказуемого (признаваемое исследователями синтаксически обусловленной характеристикой) оказывается единственным средством передачи соответствующего смысла и, бесспорно, является семантически содержательной характеристикой, ср.:

(7) Здесь *работает* знаменитый писатель и врач [одно лицо].

(8) Здесь *работают* знаменитый писатель и врач [два лица]¹.

Л. Л. Иомдин на большом материале показал, что противопоставление «синтаксически обусловленная — семантически наполненная морфологическая характеристика» оказывается далеко не абсолютным и что при некоторых условиях синтаксические характеристики могут переходить в семантические [Иомдин 1979: 34–47]. Число сказуемого во фразах с сочиненными подлежащими — еще один пример подобного перехода синтаксических характеристик в семантические.

Известны, однако, многочисленные отступления от указанного выше основного принципа согласования сказуемого с сочиненными подлежащими. Так, в (9) сказуемое имеет форму ед. ч., хотя участников ситуации — несколько; в (10), наоборот, сказуемое имеет форму мн. ч., хотя участник ситуации — один.

(9) *Не только отец, но и мать осталась;*

На меня *нацелилась* груша да черемуха (О. Мандельштам).

(10) *Мать или отец помогли* ему подготовиться к экзамену.

В абсолютном большинстве случаев отступление от основного «семантического» принципа согласования сказуемого с сочиненными подлежащими объясняется вмешательством другой тенден-

¹ Примеры заимствованы из работы [Иомдин 1979: 17].

ции — тенденции согласовывать сказуемое с ближайшим из подлежащих. Во избежание недоразумения следует оговорить, что под тенденцией мы понимаем стремление, склонность, а отнюдь не проявление новой, возникающей закономерности. В согласовании с ближайшим подлежащим скорее уж можно видеть архаичную черту: известно, что в древнерусской письменности такое согласование использовалось гораздо чаще, чем оно используется в современном русском литературном языке. Согласование с ближайшим из подлежащих возможно было даже в случае постпозиции сказуемого при указании лиц, ср.: «Ловець да чернець и по ночамъ мало спить» (Пословицы XVII–XVIII вв.). В случае же препозиции сказуемого согласование с ближайшим подлежащим было вполне обычным [Глинкина 1978: 35–38]. Неустойчивость древней нормы была унаследована и современным русским языком в его литературной и диалектной форме [Скобликова 1971: 197].

Мало, однако, указать на то, что согласование сказуемого с сочиненными подлежащими может быть либо семантическим (зависящим от числа объектов, реально участвующих в ситуации), либо грамматическим (согласование с ближайшим подлежащим). Необходимо также указать условия, определяющие выбор одного из этих двух способов.

В трех следующих разделах работы предпринимается попытка: 1) рассмотреть факторы, оказывающие влияние на выбор способа согласования сказуемого с сочиненными подлежащими по числу и роду; 2) рассмотреть способы согласования сказуемого с сочиненными подлежащими по лицу; 3) с учетом факторов, описываемых в разделах 1 и 2, предложить (в разделе 3) формальные правила согласования (при этом используется разработанное автором [Санников 1980б] понятие синтаксического чередования).

4.1. Факторы, определяющие согласование сказуемого с сочиненными подлежащими по числу и роду

Абсолютное большинство описываемых ниже факторов уже известны в русистике: они указываются (обычно без достаточных обоснований) в грамматиках русского языка и в специальных исследованиях [Грамматика 1960; Грамматика 1970; Грамматика 1980; Земский и др. 1980; Гвоздев 1973; Розенталь 1974; Скобликова 1971 и др.]. Особенно обстоятельно данный вопрос рассматривается в работе

В. Н. Перетрухина [1979: 163–189]. Наша задача заключалась в основном в систематизации, экспериментальной проверке и уточнении, а также в формализации имеющихся наблюдений.

Следует с самого начала оговорить одно важное обстоятельство: особые правила согласования сказуемого с сочиненными подлежащими необходимы там, и только там, где ближайшее к сказуемому подлежащее имеет форму единственного числа, ср. подлежащие, выделенные курсивом, в следующих примерах: Пришли *Коля и Петя*; *Коля и Петя* пришли; Не *Коля* пришел, а *Катя* (в последнем примере — в случае интерпозиции — ближайшим, индуцирующим согласовательные характеристики сказуемого, является левое из сочиненных подлежащих).

Если же ближайшее к сказуемому подлежащее имеет форму множественного числа, то «конфликтная ситуация» не возникает: и ближайшее подлежащее, и вся группа сочиненных подлежащих одинаково требуют постановки сказуемого в форме множественного числа.

Факторы, определяющие согласование сказуемого с сочиненными подлежащими, мы будем делить на сильные и слабые.

Любой сильный фактор однозначно (независимо от наличия или отсутствия всех прочих факторов) задает способ согласования сказуемого. Ни один из слабых факторов не дает однозначного решения — решение вопроса о способе согласования представляет собой «равнодействующую» многих (зачастую противоборствующих) факторов.

Сильные факторы. Их пять. Четыре первых требуют согласования сказуемого с ближайшим подлежащим, имеющим форму ед. числа, последний, пятый фактор, требует постановки сказуемого в форме мн. числа (независимо от числовой характеристики первого из сочиненных членов).

1) Если подлежащие кореферентны (соотносятся с одним и тем же объектом действительности), то сказуемое согласуется с ближайшим из них. Ср. примеры (а) и (б):

- (а) *Выступил известный музыкант и композитор* [существительные кореферентны]; Что я слышу?! Неужели мой учитель и благодетель гонит меня?! (М. Булгаков. Театральный роман).
- (б) *Выступили известный музыкант и композитор* [существи-

тельные некорреферентны].

2) Сказуемое согласуется с ближайшим из подлежащих, если каждое из подлежащих — это либо одно из местоимений: *кто, никто, что, ничто, всё, другое*, либо субстантивированное причастие или прилагательное среднего рода (*рассказанное, случившееся, принесенное, сделанное, хорошее* и т. п.):

Кто и что мешает [не: *мешают] тебе работать?

Никто и ничто не переубедит меня [не: *переубедят].

Все, что случилось вчера, и все, что случилось сегодня, убедило [не: *убедили] меня в этом.

Случившееся вчера и случившееся сегодня убедило меня в этом [не: *убедили]; *Принесенное Колей и принесенное Машей сложено* [не: *сложены] в одну кучу.

Хорошее и плохое смешалось в памяти [не: *смешались].

3) Интерпозитивное сказуемое согласуется с ближайшим (левым) подлежащим (ср. Перетрухин 1979: 164–189):

Не только *Маша пришла*, но и все ее друзья; Лишь *кожица осталась* и тлелые семечки в клопом смятой ягоде (В. Астафьев. Уха на Боганиде).

4) Использование союза *а не* (*не... а*) требует согласования сказуемого с ближайшим подлежащим [Земский и др. 1980: 85; Грамматика 1980, т. II: 168]. Ср.:

Не он, а она смутилась [не: *смутились] (Л. Толстой. Анна Каренина); *Не я, мой друг, а божий мир богат* [не: *богаты] (А. Фет). Я считаю, что *нужен товар, а не упаковка* [не: *нужны] (PPP: 262); В Петрополе прозрачном мы умрем, / *Где царствуешь не ты, а Прозерпина* (О. Мандельштам).

Некоторые исследователи [Розенталь 1974: 239; Перетрухин 1979: 174] полагают, что в случае союза *а не* (*не... а*) постпозитивное сказуемое согласуется (в отличие от препозитивного) не с ближайшим подлежащим, а «с тем подлежащим, которое обозначает реальный, фактически действующий субъект ...*Мать, а не отец сказала* мне об этом — *Отец, а не мать сказал* мне об этом» [Перетрухин 1979: 174].

Однако нам обе приводимые В. Н. Перетрухиным фразы представляются не совсем правильными. «Меньшим злом» представляется, все-таки, согласование сказуемого с ближайшим подлежащим: [?]*Мать, а не отец сказал* мне об этом — [?]*Отец, а не мать*

сказала мне об этом. Видимо, мы имеем здесь дело с одной из «тупиковых ситуаций», которая вызвана столкновением требований семантического согласования и грамматического согласования: по смыслу сказуемое во фразе *Отец, а не мать сказал мне об этом* относится к первому подлежащему (*отец*), однако согласование сказуемого с этим подлежащим противоречит общему принципу согласования сказуемого с сочиненными подлежащими, который гласит: сказуемое согласуется либо со всей группой подлежащих (мн. ч.), либо с ближайшим из них.

Подобных ситуаций говорящие (а тем более пишущие) избегают¹. Говорящий, видимо, перестроит фразу (*Мать сказала мне об этом, а не отец* или: *Не отец, а мать сказала мне об этом*).

5) Наличие между сказуемым и ближайшим подлежащим определения в форме мн. ч. требует постановки сказуемого в форме мн. ч. (ср. [Грамматика 1970: 554; Грамматика 1980, т. II: 244; Перетрухин 1979: 167] и др.):

Вошли/вошел высокий мужчина и женщина.

Вошли [не: *вошел] *высокие* мужчина и женщина.

Его доброта, ум, отзывчивость, *покорившие всех, снискали* [не: *снискала] ему любовь и уважение².

Слабые факторы

1) Препозиция сказуемого способствует согласованию его с ближайшим из подлежащих, *п о с т п о з и ц и я* — согласованию со всей сочиненной группой (т. е. постановке сказуемого в форме множественного числа). Этот факт отмечен А. М. Пешковским и получает у него убедительное объяснение. Некоторые из последующих исследователей игнорируют это условие (ср., напр., Земский и др. 1980: 84–85). Мы разделяем мнение ученых, отводящих порядку слов важное место в правилах согласования сказуемого с сочиненными подлежащими [Грамматика 1960, т. II, ч. 1: 495–498; Грамматика 1970: 554–555; Перетрухин 1979 и др.].

¹ Показательно замечание В. Н. Перетрухина: «Паспортизованных примеров такого рода нет ни в нашей картотеке, ни в одном из учебных пособий и толковых словарей» [Перетрухин 1979: 174]. Нам встретилась одна фраза такого типа, однако она представляется нам не совсем правильной: «Ведь далеких потомков *будет интересовать не ты со своими страданиями, а твое время* (А. И. Немировский. Книга для чтения по истории древнего мира).

² Пример заимствован из Грамматики 1970.

Несколько иллюстраций. *Пришел отец и мать*, видимо, допустимо (хотя предпочтительнее здесь форма мн. числа сказуемого), а **Отец и мать пришла* — неправильно; *Куплен мяч и ракетка* лучше, чем *?Мяч и ракетка куплена* [необходимо: *куплены*].

Ср. также два близких по смыслу примера из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», в которых характеристика числа сказуемого скоррелирована с его местом во фразе: препозитивное сказуемое имеет форму ед. числа, постпозитивное — мн. ч.:

Пилат двинулся дальше, устремляясь к воротам дворцового сада, а за ним двинулся *легат, секретарь и конвой*.

И когда *секретарь и конвой вернулись* [не: **вернулся*] на свои места, Пилат объявил, что утверждает смертный приговор...

2) Тип отношений между сочиненными подлежащими [Грамматика 1960, т. II, ч. 1: 495–498; Грамматика 1970: 554–555; Грамматика 1980, т. II: 243–244; Земский и др. 1980: 84–85; Гвоздев 1973: 146; Перетрухин 1979: 166–189]: соединительные отношения индусируют форму мн. ч., разделительные — ед. ч. Ср.:

(а) *Пришли* Миша и Петя.

(б) *Пришел* Миша или Петя.

Этот общий принцип несколько огрубляет действительное положение вещей и нуждается, по крайней мере, в трех существенных уточнениях (см. ниже пункты а, б и в).

а) Наличие соединительного союза, указывающего на неравноценность компонентов (*не только... но и; не столько... сколько*), способствует согласованию сказуемого с ближайшим подлежащим. Так, в (а), включающем союз *и*, ед. ч. в сказуемом недопустимо, а в (б), включающем союз *не только... но и*, оно даже предпочтительно:

(а) **Миша и Петя придет* [нужно: *придут*].

(б) *Не только* Миша, *но и* Петя *придет*; *Пришла не только* Маша, *но и* Петя; *...не только* гнедой и Заседатель, *но и* сам чубарый *был* не в духе (Н. Гоголь. Мертвые души); *...при такой жилке не только* хариус, *но и* крокодил *...едва ли* *клюнул бы* (В. Астафьев. Царь-рыба. Капля).

б) Наличие повторяющегося союза (*и... и; ни... ни*) способствует, по мнению А. Н. Гвоздева [1973], употреблению ед. ч. сказуемого. Грамматика 1970 и Грамматика 1980 обобщают это наблюдение, распространяя его на открытый ряд в целом (причем не только

союзный, но и бессоюзный) [Грамматика 1980, т. II: 244].

Определить различие между открытыми и закрытыми рядами попытаемся на примере, приводимом в обеих этих Грамматиках:

(1) К берегу бежал Ваня и Коля¹.

Заменим в (1) закрытый ряд открытым:

(2) К берегу бежал и Ваня, и Коля.

(3) К берегу бежал Ваня, Коля.

Если описываемая точка зрения правильна, тогда в (2) и (3) ед. ч. более уместно, чем в (1), где постановка ед. ч. находится на грани допустимого. Мы, однако, существенной разницы между закрытым рядом (1) и открытым рядом (2) не ощущаем². Мы скорее видим некоторое различие между союзными конструкциями (1)–(2) и бессоюзной (3). Возможно, бессоюзие является фактором (довольно, впрочем, слабым), способствующим употреблению ед. числа сказуемого.

в) В Грамматике 1980 [т. II: 244] наличие разделительных отношений между подлежащими расценивается как сильный фактор, допускающий только форму ед. числа сказуемого. Это не совсем точно: разделительные конструкции допускают постановку сказуемого в форме мн. ч., а иногда множественное число даже обязательно. Основной принцип согласования здесь все тот же: ед. или мн. ч. сказуемого семантически мотивировано и зависит от числа объектов реальной действительности. Поэтому:

— конструкции с союзами *не то... не то; то ли... то ли* индуцируют ед. ч., ср.:

Видят — маленькая точка Показалась вдалеке: *То ли чурка, то ли бочка Проплывает по реке?* (А. Твардовский. Василий Теркин) [предмет — один, естественно, что он — «проплывает»];

— в случае союза *то... то*, напротив, реально в ситуации участвуют несколько субъектов; сказуемое имеет форму мн. числа:

В глазах его *мерещились то талия, то ножка, то локон Лизы* (И. Гончаров. Обыкновенная история); Год тяжелый пришел. *То весна, то зима брали верх* (Н. Гарин-Михайловский. Дере-

¹ Здесь возможна (и предпочтительна) форма мн. числа (*бежали*), но мы пока намеренно отвлекаемся от этого факта.

² Весьма показательно, что, в противоположность А. Н. Гвоздеву, Д. Э. Розенталя в примерах с союзом *и... и* видит подчеркивание множественности субъектов, способствующее выработке мн. числа сказуемого: *На столе уже стояли и сало, и копченая колбаса, и вяленая рыба* (А. Н. Толстой) [Розенталя 1974: 239].

венские панорамы)¹; ... весь перегон их *разделяли то вода, то лед* (В. Конецкий. Завтрашние заботы);

— в случае других разделительных союзов обычна форма ед. ч. (*Придет Миша или Петя*; *Что телеграфировал из Ялты какой-то самозванец или сумасшедший*, в этом сомнений не было (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); но иногда (в основном при описании визуальных ситуаций) предпочтительнее форма мн. ч.:

... за всяким зеркалом *заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок* (Н. Гоголь. Мертвые души); *Голоса на деревне или скрип ворот раздаются* по студеной заре необыкновенно ясно (И. Бунин. Антоновские яблоки).

3) На выбор способа согласования сказуемого с сочиненными подлежащими может оказывать влияние семантика подлежащих [Пешковский 1956; Грамматика 1960, т. II, ч. 1: 497; Грамматика 1970: 554; Земский и др. 1980: 84; Гвоздев 1973: 146; Перетрухин 1979: 166–189].

При этом существенна не только семантика самих существительных, играющих роль подлежащего, но и те дополнительные значения, которые эти существительные получают в высказывании.

Ед. ч. в сказуемом предпочтительно, если в значение подлежащих входит в высказывании компонент 'всеобщность', обычно индуцируемый определениями *каждый, всякий, любой, никакой, ни один*, но возможный и без этих определений [Перетрухин 1979: 176–189]. Роль этого фактора можно проиллюстрировать следующими примерами:

- (а) *Каждый техник (и) каждый рабочий относится* к своим обязанностям добросовестно.
- (б) *Техник и рабочий направились* [не: *направился] к выходу.
- (а) *Швед, русский, колет, рубит, режет* (А. Пушкин. Полтава).
- (б) *Швед и русский подскакали* [не: *подскакал] к реке.

По нарастанию способности индуцировать форму мн. ч. сказуемого существительные-подлежащие выстраиваются в следующий ряд: обозначения абстрактных понятий — обозначения конкретных предметов — обозначения существ. Ср. три следующих примера:

Во всем *был виден точный расчет и удивительная целеустремленность* [мн. ч. – видны – нежелательно].

Отсюда мне *виден дом и опушка леса* [мн. ч. – видны – допустимо].

¹ Пример заимствован из картотеки [БАС].

Отсюда мне *виден Коля и Маша* [мн. ч. — *видны* — предпочтительно].

Фактор, индуцирующий форму мн. ч., — очень слабый, недаром в Грамматике 1980 он вообще не учитывается.

4) Совпадение характеристик рода и числа у всех сочиненных подлежащих [Розенталь 1974: 240; Перетрухин 1979: 166–189], естественно, облегчает возможность согласования сказуемого с ближайшим из подлежащих, поскольку это сказуемое оказывается потенциально согласующимся (совпадающим по формам рода и числа) с каждым из сочиненных подлежащих, ср.:

(1) *Белена и крапива росла* прямо под окнами.

В случае же, если сочиненные подлежащие различаются характеристиками рода и/или числа, при употреблении ед. ч. возникает некоторая дополнительная «шероховатость». Поэтому (2) и (3), видимо, хуже, чем (1):

(2) [?]*Бурьян и крапива росла* прямо под окнами.

(3) [?]*Лопухи и крапива росла* прямо под окнами.

Фактор, видимо, действующий, но очень слабый. В случае препозиции сказуемого он вообще не проявляется: вполне естественными выглядят как фразы со сказуемым в форме мн. ч. — (а), так и фразы, где сказуемое согласуется с ближайшим подлежащим и имеет форму ед. ч. — (б):

(а) *Печальны лес и дол завялый* (А. Пушкин); На ее [тучи] фоне *белели наш дом и церковь* (А. Чехов. Рассказ госпожи NN); *Ерошат крылья ужас и отвага, / И я сражаюсь с призраками сов* (Н. Гумилев. Попугай); *Уж больно баломутны / Их сурик и сурьма* (А. Вознесенский. Мастера).

(б) ...вслед за ними *побежала ворча мохнатая Адель и высокий Попури* на тоненьких ножках (Н. Гоголь. Мертвые души); Все *исчезает: остается Пространство, звезды и певец!* (О. Мандельштам); ...за низкими окнами в саду *рос бурьян, крапива, лопухи, белена* (Б. Пильняк. Человеческий ветер); В степном дыму *блеснет святое знамя / И ханской сабли сталь* (А. Блок. На поле Куликовом); Здесь *лежала его треуголка / И расстрепанный том Парни* (А. Ахматова. Смуглый отрок...).

5) Семантика сказуемого [Пешковский 1956: 451; Земский и др. 1980: 84; Грамматика 1980, т. II: 244; Перетрухин 1979: 163–189].

Указание на множественность субъектов, содержащееся либо в значении самого глагола-сказуемого (*скапливаться, целоваться, собираться, сходитьсь, обмениваться* и т. п.), либо в значении его зависимых (*друг друга, дружно, взаимно*), способствует выработке у сказуемого формы множественного числа. Ср. (1), допускающий оба варианта, и (2), где обязательна форма множественного числа:

(1) Оттуда *видны/виден* Коля и его невеста.

(2) Там *целуются* [не: **целуется!*] Коля и его невеста.

Данный фактор оказывает существенное воздействие на характер согласования сказуемого с сочиненными подлежащими. Однако форма множественного числа все-таки не является здесь обязательной, как полагают многие исследователи (ср., напр., Грамматика 1980, т. II: 244). При столкновении с другими, противоположно нап равленными факторами рассматриваемый фактор может быть нейтрализован. Поэтому мы и не включаем его в число сильных факторов.

Приведем несколько примеров, где, несмотря на наличие в семантике глагола указания на множественность субъектов, сказуемое имеет форму ед. числа:

(3) *Собрался* [не: **собрались!*] простой народ и даже кое-кто из господ; Здесь быстро *скапливается* [[?]*скапливаются*] грязь и пыль; Часто *дерется* [не: *дерутся] не только Миша, но и Петя.

Кроме рассмотренной семантической особенности некоторые исследователи считают необходимым учитывать еще «неактивный характер семантики сказуемого», способствующий постановке ед. ч. в сказуемом. В. Н. Перетрухин относит к «неактивным»: «глаголы бытия и существования», «обнаружения и восприятия» (*блестеть, виднеться, доноситься, нравиться* и т. д.), глаголы (в т. ч. и краткие причастия) страдательного залога (*возделываться, умножаться, упоминаться, введен, закрыт, виден* и т. н.) [Перетрухин 1979: 180].

Целесообразность выделения этого фактора представляется сомнительной. В отношении выработки согласовательных характеристик «неактивные» и «активные» сказуемые, видимо, не имеют существенных различий. Ср. ниже пары (4)–(7), где в пункте (а) дается сказуемое с «неактивной» семантикой, а в пункте (б) — с «активной». Легко убедиться, что:

— (4а) столь же сомнительно, как и (4б):

(4) а. ??Там *оказался* Миша и Петя; ??Мне очень *нужен* Миша и Петя; ??Мне очень *нравится* Миша и Петя.

б. ??Ко мне *пришел* Миша и Петя.

— (5а) столь же неправильно, как и (5б):

(5) а. *Миша и Петя хорошо *виден* отсюда,

б. *Миша и Петя *ушел* отсюда.

— (6а) и (7а) также допускают вариативность, как и (6б) и (7б):

(6) а. Внизу *лежали/лежал* обломок скалы и крупные камни.

б. Вниз *катился/катились* обломок скалы и крупные камни.

(7) а. *Слышались/слышался* детский плач и женские крики.

б. *Резали/резал* слух детский плач и женские крики.

б) Морфологические особенности сказуемого.

Отсутствие у сказуемого характеристики рода способствует согласованию сказуемого с ближайшим подлежащим [Перетрухин 1979: 183].

Данный фактор оказывается существенным в случае, если существительные-подлежащие отличаются по роду, ср.:

(8) а. Прямо у крыльца *росла* большая сосна и дуб.

б. Прямо у крыльца *растет* большая сосна и дуб.

(8а), видимо, хуже, чем (8б), поскольку здесь характеристика рода в сказуемом (*росла*) противоречит характеристике рода одного из подлежащих (*дуб*).

4.2. Согласование сказуемого с сочиненными подлежащими по лицу

В предыдущем разделе мы говорили лишь о двух согласовательных категориях сказуемого — число и род, поскольку третья категория — лицо — определяется факторами, которые целесообразно описывать отдельно.

Основной фактор, определяющий согласование по лицу, — принцип приоритета 1-го лица перед 2-м и 3-м и 2-го лица перед 3-м лицом. Согласование связано с представлением об относительной важности участников речевого акта: привилегированное положение занимает имя с характеристикой 1 л., указывающее на говорящего (говорящих); его наличие требует постановки сказуемого в форме 1 л. Ср.:

Остаемся ты и я <вы и я; ты и мы>.

Я и ты <она и я; они и мы> остаемся.

И век последний, ужасней всех *Увидим* и вы и я (А. Блок. Голос из хора).

Приоритет 2-го лица над третьим можно проиллюстрировать следующими примерами:

Там *блестите* ты и он (В. Хлебников. Медлун и Лейли).

Он и ты *остаесться* <они и ты>.

Эти принципы согласования (чрезвычайно простые) отражены в грамматиках и исследованиях (см., напр., Грамматика 1970: 554—555; Грамматика 1980, т. II: 244). Они, однако, нуждаются в пояснениях и уточнениях.

1) Указанный принцип согласования сказуемого с сочиненными подлежащими, включающими местоимение 1 л. и/или 2 л., нарушается при столкновении с сильными факторами, требующими согласования сказуемого с ближайшим подлежащим, в частности: — при интерпозиции сказуемого, ср.:

И Коля *остаесться*, и я <и ты>;

— в случае союза *а не* (*не... а*) или в случае соединительного союза, указывающего на неравноценность компонентов (*не только... но и*; *не столько... сколько*; *скорее... чем*), ср.:

Остаесться не только Коля, но и я [не: *остаесться].

Не только ты, но и Коля *остаесться* [не: *остаесться].

Бесспорно, имеются и другие случаи нарушения общего принципа согласования сказуемого с сочиненными подлежащими по лицу, ср.:

(1) ...да, ради Христа, прозу-то не забывай; *ты да Карамзин* одни *владеют* ею (А. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому, 6 февр. 1823); Пою. Мне *внемлет он и ты* [= внемлют Байрон и Н. Н. Раевский, которому посвящено стихотворение] (А. Пушкин. Андрей Шенье); Мне ужасно бы, ужасно бы хотелось, чтобы *вы или кто-нибудь* это *нарисовал!* (Ф. Достоевский. Идиот).

Пусть даже мы признаем фразы типа (1) неправильными — само наличие этих неправильностей говорит о том, что существующие принципы не так уж строги. К тому же мы можем привести и другие примеры отступления от этих принципов: Ср. (2), где 3-е лицо в сказуемом допустимо, и (3)–(4), где оно даже обязательно:

(2) *Остаются учителя* старших классов *и ты* <и я>.

(3) Его *погубит* [не: *погубите] *любовь к выпивке и ты*.

(4) *Могут* [не: *можете] уходить *учителя* старших классов и *ты*. Вопрос о характере подобных отступлений требует особого рассмотрения. Здесь мы вынуждены ограничиться самыми предварительными замечаниями.

В (3) подлежащие «слишком разнородны» — лицо (*ты*) и свойство (*любовь к выпивке*) — и не допускают объединения в одном множестве, множестве «вы».

В (2) и (4) оба сочиненных подлежащих обозначают лиц, но местоимение (*ты* или *я*) отделено от сказуемого целой именной группой, обозначающей другое подлежащее (*учителя старших классов*), и именно эта группа определяет согласовательные характеристики глагола-сказуемого.

4.3. Правила чередования характеристик рода, числа и лица сказуемого при сочиненных подлежащих

В предыдущих разделах было показано, что согласование сказуемого с сочиненными подлежащими определяется сложным комплексом факторов, различающихся по направленности и по силе.

Задача данного раздела — разработка правил согласования сказуемого с сочиненными подлежащими в русской фразе.

Приводимые ниже правила являются предварительными и ни в коей мере не претендуют на статус нормативных. Это, скорее, наглядный способ описать (пусть огрубленно) взаимоотношение и взаимодействие тех факторов, которые анализировались в предшествующих разделах работы. Кроме того, данные правила могут быть использованы в системах автоматической обработки русского текста.

В соответствии с развиваемым подходом один из способов согласования сказуемого с сочиненными подлежащими выбирается в качестве основного (это согласование с ближайшим подлежащим), а другой рассматривается как дополнительный, получаемый из основного с помощью особых правил чередования (о понятии синтаксического чередования см. Часть I, гл. 3). Первое правило обеспечивает замену выработанного ранее единственного числа сказуемого на множественное (разумеется, в строго определенных условиях). Второе правило имеет более частный характер и определяет выработку 1 л. или 2 л. сказуемого в случае, если среди однородных подлежащих есть местоимение 1 л. (Я, МЫ) и/или 2 л. (ТЫ, ВЫ).

Чередование характеристик числа и рода сказуемого

$V_{g,ед} \rightarrow V_{mn}$, где обозначения: V — сказуемое; g — род (мужской, женский или средний); S_1, S_2 — сочиненные подлежащие (два или больше).

Таблица 1. Степень обязательности чередования $V_{ед} \rightarrow V_{mn}$

Тип отношений	Степень обязательности чередования		
	допустимо	желательно	обязательно
Соединительные	1. S_1, S_2 — не «человек» и не «животное» и: 2. V препозитивно и: 3. <u>либо</u> S_1, S_2 не различаются хар-ками рода, <u>либо</u> V не имеет хар-ки рода и: 4. S_1, S_2 не различаются хар-ками числа	1. S_1, S_2 — не «человек» и не «животное» и: 2. <u>либо</u> V постпозитивно; <u>либо</u> S_1, S_2 различаются хар-ками рода и V имеет хар-ку рода; <u>либо</u> S_1, S_2 различаются хар-ками числа	<u>либо</u> : 1. S_1, S_2 — «человек» или «животное»; <u>либо</u> : 2. V и / или его зависимые указывают на множество субъектов; <u>либо</u> : 3. при S_1 имеется определение в форме мн. ч.
Разделительные (кроме <i>то... то</i> и союзов, указанных в 1.5)	1. V постпозитивно и: 2. <u>либо</u> S_1, S_2 не различаются хар-ками рода, <u>либо</u> V не имеет хар-ки рода и: 3. S_1, S_2 не различаются хар-ками числа	1. V постпозитивно и: 2. <u>либо</u> S_1, S_2 различаются хар-ками рода и V имеет хар-ку рода; <u>либо</u> S_1, S_2 различаются хар-ками числа	—
<i>то... то</i>	—	1. <u>либо</u> S_1, S_2 не различаются хар-ками рода, <u>либо</u> V не имеет хар-ки рода и: 2. S_1, S_2 не различаются хар-ками числа	<u>либо</u> : 1. S_1, S_2 различаются хар-ками рода и V имеет хар-ку рода; <u>либо</u> : 2. S_1, S_2 различаются хар-ками числа

Чередование невозможно, если соблюдено хотя бы одно из следующих условий:

1. S_1, S_2 — кореферентны (условие запрещает фразы типа **Это сделали мой муж, а ваш брат* [нужно: *сделал*] (см. выше сильный фактор 1)).

2. S_1, S_2 включают компонент ‘всеобщность’ (условие запрещает фразы типа **Каждый техник и каждый рабочий относятся к своим обязанностям добросовестно* (слабый фактор 3)).

3. S_1, S_2 — слова типа *кто, никто, что, ничто, то, всё, другое,*

субст. причастие ср. р. — *рассказанное* и т. п. (условие запрещает фразы типа **Кто и что мешают тебе работать?* (сильный фактор 2)).

4. V интерпозитивно (условие запрещает фразы типа **Миша пришли и его мать* (см. сильный фактор 3)).

5. S₁, S₂ соединяются одним из след. союзов: *а не (не... а); не столько... сколько; не только... но и; скорее... чем; а то и; а может (быть) и; не то... не то; то ли... то ли* (условие запрещает фразы типа **Пришли Миша, а не Коля* (сильный фактор 4)).

В остальных случаях чередование возможно, но степень его обязательности различна и зависит от целого ряда факторов (см. выше разделы 1.1 и 1.2 данной главы). Эта зависимость может быть представлена в виде таблицы 1 на предыдущей странице.

Чередование характеристик лица сказуемого в контексте личных местоимений 1 л. или 2 л.

Чередование	Условия применения чередования
1. 3 л., п или 2 л., п ⇒ 1 л., мн.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Одно из подлежащих — местоимение Я или МЫ 2. В СК нет союза, указывающего на неравноценность частей (<i>а не (не... а); не столько... сколько; не только... но и; скорее... чем</i>) 3. V не интерпозитивно 4. S₁, S₂ — обозначают лиц 5. Между V и местоимением Я (или МЫ) нет подлежащего с двумя или больше зависимыми
2. 3 л., п ⇒ 2 л., мн.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Одно из подлежащих — местоимение ТЫ или ВЫ 2. В СК нет союза, указывающего на неравноценность частей (<i>а не (не... а); не столько... сколько; не только... но и; скорее... чем</i> и т. д.) 3. V не интерпозитивно 4. S₁, S₂ — обозначают лиц 5. Между V и местоимением ТЫ (или ВЫ) нет подлежащего с двумя или больше зависимыми

В левом столбце таблицы приведены чередования, в правом — условия их применения (описание и обоснование этих условий давалось выше).

Условные обозначения: 1 л., 2 л., 3 л. — 1-е, 2-е, 3-е лицо глагола-сказуемого; *n* — число глагола-сказуемого (ед. или мн.); S₁, S₂ — сочиненные подлежащие (два или больше).

§ 5. РАСПОЛОЖЕНИЕ СОЧИНЕННЫХ ЧЛЕНОВ ВО ФРАЗЕ
И ИХ ВЗАИМОРАСПОЛОЖЕНИЕ

Как правило, сочиненные члены во фразе контактны и не разделяются другими словами и словосочетаниями.

Наиболее обычным и «безболезненным» разрыв сочиненных членов предстает в случае союзов, указывающих на неравноценность компонентов, — *а не (не... а); не только... но и; не столько... сколько* и др., ср.:

- (1) Над болотами, где спят чирки, / *Не осока* встала, *а штыки* (Э. Багрицкий. Фронт); *Деревенский самогон* им нужен, *а не деревня* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок); Не могла белому дню в глаза посмотреть, *не то что матери* (Ф. Абрамов. Деревянные кони); *Не только Миша* знал об этом, *но и все его товарищи*;

Разрыв членов СК в случае других союзов встречается преимущественно в поэтической речи. Разобщенные сочиненные члены чаще всего выполняют функцию определений — см. (2), но это могут быть и подлежащие — (3), и дополнения — (4), и обстоятельства — (5), и именная часть сказуемого — (6). Ср.:

- (2) Кто ты? Откуда? Как решить, / *Небесный ты или земной?* (Ф. Тютчев. День вечерает); *На полярных морях и на южных, / По изгибам зеленых зыбей, / Меж базальтовых скал и жемчужных / Шелестят паруса кораблей* (Н. Гумилев. Капитаны); *То в одной пивной, то в другой* появлялся толстенький проповедник; <...> появлялся он, случалось, и в *крахмальных манжетах, но грязных* (Ю. Олеша. Зависть).
- (3) Лишь *кожица* осталась и *тлелые семечки* в клопом смятой ягоде (В. Астафьев. Уха на Боганиде).
- (4) И крадучись я подойду к окну, / *На дымный луг* взгляну и на луну (Н. Гумилев. Сомнение); *Сыростью* пахнет и *гадом* / Возле мелеющих рек (Н. Гумилев. Мужик); ... вы *охоты* не любите, *рыбалки*, а ведь это большое чувство! (Ю. Казаков. «Вон бежит собака!»); *Шамана* встреча и *Венеры* / Была так кратка и ясна (В. Хлебников. Шаман и Венера).
- (5) *Ни днем* тебе, *ни ночью* нет от старухи покоя; бурчит и бурчит (А. Ремизов. Серебряные ложки).
- (6) *И пылок* был, и *грозен* день (И. Анненский. Еще один).

Обратимся к обычному случаю, когда сочиненные члены располагаются рядом или разделяются только сочинительным союзом.

Сформулируем сначала одно ограничение. Оно настолько естественно, что вроде бы и не нуждается в упоминании: один сочиненный член не может «вклиниваться» в группу другого сочиненного члена. Можно сказать *Сдашь экзамены и отдохнешь*, но нельзя: **Сдашь и отдохнешь экзамены*.

Оказывается, однако, что этот запрет все-таки не является абсолютным и может нарушаться в поэтической речи (а возможно, и в разговорной). Ср.:

(7) *И увидел конный, И приник к копыю, Голову дракона, хвост и чешую* (Б. Пастернак. Сказка)¹.

Можно было бы квалифицировать (7) как неправильную или неточную фразу и больше на ней не задерживаться, но картина, видимо, сложнее и интереснее. Дело в том, что изменение в (7) порядка слов, «возвращение» зависимых слов (*голову дракона, хвост и чешую*) их «законному хозяину» (глаголу *увидел*) привело бы к стилистическим потерям: исчезла бы динамика фразы, исчезло бы указание на мгновенность реакции всадника (*увидел — и приник*). Ср. (7) и (7а):

(7) а. *И увидел конный голову дракона, хвост и чешую и приник к копыю.*

В последнее время на смену первоначальному представлению о том, что порядок сочиненных членов — свободный, приходит представление о том, что во многих случаях порядок членов СК не случаен и не подлежит изменению.

Основным фактором, влияющим на порядок членов СК, является значение сочинительного союза, точнее, тот элемент значения, который касается равноценности или неравноценности членов СК. Союзы, указывающие на неравноценность компонентов, ими соединяемых (*не только... но и; не столько... сколько; скорее... чем; но; да и; и то; а не (не... а); не то что... а; а то и; а может (быть)* и т. д.), не допускают изменения порядка этих компонентов, поскольку это изменение привело бы к изменению смысла, ср.:

(8) *Их шесть, а то и семь человек.*

¹ Об этом примере мне напомнил Л. Г. Митюшин.

Кроме основного, разделительного значения в смысл фразы (8) входит добавочный смысл — ‘их много’. Изменение порядка компонентов СК изменило бы этот добавочный смысл на обратный: (8а) Их семь, а то и шесть человек [= ‘их мало’].

«Нейтральные» сочинительные союзы (то есть союзы, не указывающие на равноценность или неравноценность компонентов), допускают в принципе перестановку этих компонентов (*Приглашу Мишу и <или> Петю = Приглашу Петю и <или> Мишу*). Однако и здесь порядок компонентов обычно неслучаен и, тем самым, не подлежит изменению. Порядок компонентов соответствует имеющемуся у говорящего представлению о «нормальном» порядке событий или объектов действительности. Этот порядок событий или объектов может быть реальным или же условным, конвенциональным. Два этих принципиально различных фактора, определяющих порядок компонентов СК с «нейтральными» союзами, будут рассмотрены в разделах 5.1 и 5.2.

5.1. Иконичный порядок сочиненных членов

Чаще всего порядок компонентов СК отражает реальную последовательность событий. Как отмечается в аспектологической литературе, реальная последовательность событий может передаваться порядком сочиненных глаголов совершенного вида (ср.: Он сказал и сел VS. Он сел и сказал), а иногда и несовершенного вида, ср.:

(9) И вдруг *подходит* развратной походкой к блюду и *цоп с кремом и жрет* (М. Зощенко. Аристократка).

Этот принцип может нарушаться, особенно в поэтической речи. Ср. известную песню из к/ф «Трактористы», где порядок сочиненных членов прямо противоположен естественной последовательности сельхозработ:

(10) Мы с чудесным конем / Все поля обойдем,
Соберем, и посеем, и вспашем.

Порядок сочиненных членов может указывать на последовательность событий и там, где эти сочиненные члены не являются глаголами. Ср.:

(11) *Удар, удар, звон* разбитого стекла.

Давление скачет: 100, 120, 75 атм; Он шел по квартире: *передняя, кабинет, гостиная, спальня*; На обед был *борщи, котлеты*

и чай; Он надел майку и рубаху [но: Он снял рубаху и майку]; Здесь текли одиночки, и пары, и тройки-четверки, и за котелком котелок: *котелки, перья, фуражки; фуражки, фуражки, перья; треуголка, цилиндр, фуражка; платочек, зонтик, перо* (А. Белый. Петербург).

Изменение порядка компонентов СК в (11) привело бы к существенному изменению смысла (ср.: *Удар, звон разбитого стекла, удар; Давление скачет: 100, 75, 120 атм*) или же к стилистической шероховатости (ср.: *На обед был чай, котлеты и борщи; Он надел рубаху и майку; Он снял майку и рубаху*).

Нигде, пожалуй, иконичность языковой структуры не проявляется так ярко, как в сочинительных конструкциях. «Последовательность глаголов *veni, vidi, vici* сообщает нам о порядке деяний Цезаря прежде всего и главным образом потому, что последовательность сочиненных форм прошедшего времени используется для воспроизведения хода событий. Временной порядок речевых форм имеет тенденцию к зеркальному отражению порядка повествуемых событий во времени...» [Якобсон 1983: 107].

Сравним еще два следующих примера, различающихся только порядком компонентов СК:

(12) Он приходил за этим письмом *в воскресенье и в понедельник*.

(13) Он приходил за этим письмом *в понедельник и в воскресенье*.

В (12)–(13) порядок компонентов является единственным средством выражения тех смысловых различий, которые существуют между этими двумя фразами: согласно (12) за письмом приходили два дня подряд — в воскресенье, а затем в понедельник следующей недели; согласно (13) — дважды на одной неделе (в понедельник и — через несколько дней — в воскресенье).

Нередко порядок сочиненных членов связан с пространственной упорядоченностью объектов действительности (в качестве точки отсчета берется обычно местонахождение говорящего), ср.:

(14) За деревней была река, за рекой поле, а дальше синели бескрайние леса.

Временную упорядоченность можно видеть и в СК, вторая часть которых указывает на следствие (нормальное или ненормальное), поскольку по времени следствие обычно следует за причиной. Ср.:

(15) Мы лягушками нынче объелись, *И у нас животы разболелись* (К. Чуковский. Телефон).

Рассмотрим теперь сложные и интересные случаи, которые описываются в работе [Miller 1970] и, на русском материале, в работах Ю. Д. Апресяна [1967], Т. В. Булыгиной [1982]. В сочинительных конструкциях «статические» глаголы всегда предшествуют «динамическим»: Я часов до трех сидел и считал свои деньги (Достоевский. Кроткая), но не *Я считал свои деньги и сидел; M-lle Blanche между тем сидела на постели и тараторила (Достоевский. Игрок), не *тараторила и сидела; На берегу пустынных волн стоял он дум великих полн и вдаль смотрел (Пушкин. Медный всадник); ср.: *он смотрел вдаль и стоял на берегу [Булыгина 1982: 20]. Вообще говоря, в приведенных примерах можно видеть временную последовательность событий: субъект сначала принимает некое статическое положение (например, останавливается на берегу пустынных волн), а потом совершает действие (смотрит вдаль). Если же мы отвергаем такое понимание как слишком натянутое, нам остается признать, что порядок членов пары «статический глагол» — «динамический глагол» определяется каким-то особым, неизвестным фактором. Ведь принцип: «сначала — о более важном» здесь также не подходит — во всех приведенных примерах более важным является, видимо, не первое, а второе событие.

5.2. Конвенциональный порядок сочиненных членов

Иногда упорядоченность предметов или событий, отраженная в порядке компонентов СК, имеет более или менее условный характер. Сюда относится, например:

— порядок чисел натурального ряда (фразы *Выиграли лотерейные билеты 17 и 18; Он пробудет здесь 6 или 7 дней лучше, чем: Выиграли лотерейные билеты 18 и 17; Он пробудет здесь 7 или 6 дней*);

— утверждаемое — отрицаемое, ср.: *Он придет или не придет? Он об этом знает или не знает?* Обратный порядок компонентов (*Он не придет или придет? Он об этом не знает или знает?*) нежелателен; однако в некоторых условиях, например, при наличии частицы *все-таки* он становится вполне допустимым: *Он не придет или все-таки придет? Он об этом не знает или все-таки знает?*

— нормальное — ненормальное (лучше: *Он работает и днем и ночью, чем: Он работает и ночью, и днем*).

Порядок компонентов СК может определяться требованиями этикета. Разумеется, эти требования условны и, естественно, не совпадают для разных языков и разных периодов в истории одного языка, ср.: *леди и джентльмены! дамы и господа!* но: *рабочие и работницы! колхозники и колхозницы!* (не: *господа и дамы!*; не: *колхозницы и колхозники!*)

Строгий порядок компонентов наблюдается в некоторых устойчивых словосочетаниях, ср.: *далеко и надолго* (нежелательно: *надолго и далеко*); *рано или поздно* (нежелательно: *поздно или рано*).

Но во всех этих случаях речь идет не о запретах, а о предпочтениях; в реальных текстах (особенно поэтических) возможен обратный порядок компонентов СК, ср.:

(16) Погоди, прелестница, *поздно или рано* Шелковую лестницу вынуть из кармана! (Козьма Прутков. Желание быть испанцем).

В интересной работе [Cooper, Ross 1975] порядок сочиненных членов связывается с установкой на позитивную программу; первое место занимает указание на: «ближайшее — *here and there; ...sooner or later...* мужское — *men and women...*, взрослое — *cat and kitten...* позитивное — *plus or minus; all or none...* одушевленное — *men and machines...* активное — *speaker and hearer; cat and mouse...* основательное — *land and sea; Army and navy...* источник энергии — *bow and arrow; gin and tonic...*» (Цит. по: Николаева 1982: 48).

Оказалось, что чрезвычайно близкие принципы словопорядка в СК наблюдаются и в русском языке. М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрик [1981] отмечают, что упорядочивание сочиненных членов основано «на иерархических тезаурусных отношениях, таких, как: человек > не человек (*человек и природа, человек и закон, человек и вселенная, люди и животные*), мужчина > женщина (*муж и жена, отец и мать, юноши и девушки*), старше > младше (*отцы и дети, бабушка и внук, внуки и правнуки*), социальное/общественное положение: более важное > менее важное (*профессора, преподаватели и студенты; рабочие, колхозники и интеллигенция; коммунисты и беспартийные; нации и народности; народ и партия*), активность: большая > меньшая (*врач и пациент, хищник и жертва, молот и наковальня*) и т. д. Общим для всех этих случаев является то, что первая пози-

ция предназначается для более престижного, значимого (с некоторой точки зрения) члена, и изменение порядка приводит или к смысловому диссонансу (*преподаватели, студенты и профессора*), или к переосмыслению сравнительной значимости объектов (*природа и человек, жена и муж*)» [Бергельсон, Кибрик 1981: 353].

Р. Якобсон также отмечал для сочинительных конструкций тенденцию к отражению порядка описываемых событий по степени важности: «Такая последовательность, как „На собрании присутствовали президент и государственный секретарь“, гораздо более обычна, чем обратная, потому что первая позиция в паре однородных членов отражает более высокое официальное положение» [Якобсон 1983: 107].

Говорящие отчетливо ощущают неравноценность позиций в сочинительной конструкции: первое место (как неоднократно отмечалось, ср. Cooper, Ross 1975; Бергельсон, Кибрик 1981; Якобсон 1983: 353; Санников 1989: 78–80), более «престижно», чем последующие. Показательны два отрывка, авторы которых (принадлежащие к разным эпохам и пишущие на разных языках) обыгрывают эту синтаксическую особенность сочинительных конструкций:

- (17) В горах Принс-Чарльз есть хребты *Амоса, Портоса и Арамиса*. Бедный Арамис! Всегда он «и» ... (В. Конецкий. Третий лишний).
- (18) A large map of London would be needed to display the wild and zigzag course of one day's journey undertaken by *an uncle and his nephew* — or, to speak more truly, of *a nephew and his uncle*. For the nephew, a schoolboy on a holiday, was in theory the god in the car, or in the cab, tram, tube, and so on; while his uncle was at most a priest dancing before him and offering sacrifices (G. K. Chesterton).

Порядок сочиненных членов сохраняется и в русском переводе В. Головнева: «Чтобы проследить необычный и запутанный маршрут, проделанный за день *дядей и племянником* (или, точнее говоря, *племянником и дядей*), понадобилась бы большая карта Лондона... Школьник был важен, как юный принц, совершающий путешествие, а его старший родственник оказался в ранге слуги».

Глава 2

ОБЩАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
СЕМАНТИКИ
СОЧИНИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ

В главе 1 были рассмотрены некоторые синтаксические особенности русских СК. Следующие главы (2–8) посвящены рассмотрению семантики и прагматики СК. Их, как мы уже отмечали, объединяют обычно под термином «значение». В отличие от синтаксиса, изучающего формальные отношения знаков друг к другу, семантика и прагматика сочинительных конструкций — это определенная информация о действительности: а) сведения об объектах — вещах, свойствах, действиях, событиях, процессах (семантика); б) сведения об отношении говорящего и слушающего к описываемым объектам и друг к другу (прагматика).

1. В приведенном во Введении высказывании Л. Витгенштейна (может быть, слишком пессимистичном) справедливо подчеркиваются те трудности, с которыми связано исследование значения языковых единиц. Эти трудности, вытекающие из самой природы языка, являются причиной слабой изученности значения языковых единиц и, в частности, сочинительных союзов. Однако исследование значения сочинительных союзов связано и с некоторыми дополнительными трудностями. Укажем основные из них.

При изучении сочинительных союзов отграничение значения самих изучаемых единиц от значения единиц, с ними связанных, особенно затруднительно. Зачастую имеющиеся толкования со-

чинительных союзов — это, в сущности, толкование предложений с сочинительными союзами. По справедливому замечанию А. М. Пешковского, «в значение союза просто сваливается все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений» [Пешковский 1959: 142].

2. Давно замечено, что некоторые частицы по значению и синтаксическому употреблению близки сочинительным союзам (ср. Пешковский 1956: 167; Виноградов 1972: 522–523; Рогожникова 1983: 48 и др.). Эти «аналоги союзов» (Грамматика 1980, т. II) и союзы объединяют иногда в одну группу, которую обозначают терминами «служебные слова», «союзы и их аналоги», «частица-союз», «союз-частица», «частица», «частица речи», «релятив», «форматор», «союзное слово» и т. д.

Подобное объединение представляется достаточно оправданным, однако мы в данной работе используем традиционные для русистики термины «союз» и «частица» и делаем это по следующим соображениям: 1) большинство из перечисленных терминов имеют слишком широкое значение, объединяя, кроме союзов и частиц, также и предлоги, междометия, наречия; 2) союзы и частицы существенно различаются между собой по синтаксическим свойствам.

Не углубляясь в детальное рассмотрение этого вопроса, ограничимся напоминанием двух (достаточно известных) случаев, где союзы и частицы ведут себя по-разному: а) они занимают различное положение в составе сочинительной конструкции, ср.: Скифам приятно вино, *мне же* приятны друзья (О. Мандельштам), но: Скифам приятно вино, *а мне* приятны друзья [не *же мне приятны друзья; не: *мне а приятны друзья]; б) в отличие от союза, частица не требует эксплицитного выражения обоих сочиненных членов, ср.: Пришел *и Миша*; *Коля же* не знал об этом [но не: *Пришел *или Миша*].

3. Значение СК как результат взаимодействия значений союза и других единиц. Как уже отмечалось, за очень редкими исключениями исследователи значения русских сочинительных союзов изучают, по сути дела, значение сочинительных конструкций, включающих этот союз. Это справедливо не только по отношению к исследованиям, где делается установка именно на такой анализ, но и по отношению к исследованиям, цель кото-

рых — изучение значения союзов. Особенно показательны в этом отношении толковые словари (и, в первую очередь, самый полный из них — БАС).

В целом можно констатировать, что значение конструкций, включающих сочинительный союз, изучено гораздо лучше, чем собственно значение сочинительных союзов.

Хотелось бы подчеркнуть, что мы возражаем не против описания значения сочинительных конструкций в целом, но против смешения значения сочинительного союза и значения конструкции и, включающей этот союз. Что же касается значения сочинительной конструкции, то естественным способом его описания нам представляется следующий: а) описание значения отдельных единиц, входящих в состав СК (в первую очередь — сочинительных союзов и их «аналогов», затем так называемых «конкретизаторов» и других единиц); б) описание механизма взаимодействия значения этих единиц, результатом которого и является значение сочинительной конструкции.

Из двух указанных задач мы в данной работе будем заниматься только первой, предмет нашего изучения — значение сочинительных союзов. Что же касается взаимодействия значений единиц, входящих в сочинительную конструкцию, то мы ограничимся лишь несколькими беглыми замечаниями, которые приводятся ниже.

4. Взаимосвязь между грамматической структурой предложения и его лексическим наполнением представляет собой «обширную и увлекательную область значения предложения» [Арутюнова 1976: 5]. Естественно, что в исследованиях по синтаксису русских сочинительных конструкций всё чаще приводятся интересные наблюдения, касающиеся взаимодействия значений единиц, входящих в состав этих конструкций (см., например, работы Крючков Максимов 1969; Грамматика 1970; Холодов 1975; Жилиева 1978; Ильенко 1978; Грамматика 1980; Шувалова 1984; Ляпон 1986 и др.). Приведем несколько примеров, позволяющих понять общее направление этих поисков.

С. Е. Крючков и Л. Ю. Максимов отмечают, что «иногда к союзам с присоединительным значением прибавляются частицы, наречия, местоимения (*и вот, и притом, а потому, и вслед за тем и т. п.*)» [Крючков, Максимов 1969: 23].

Н. Н. Холодов пишет, что при наличии слов *только*, *лишь* в предложениях с союзом *и* «создается значение ограничения»: Уже сильно стемнело, *и только* поле впереди светилось от выпавшего недавно чистого снега [Холодов 1975: I, 69].

С. Г. Ильенко отмечает, в частности, «предложение антицели, где ... лексико-морфологические факторы «подавляют» целевой союз «чтобы»: С самого утра юноша, наскоро позавтракав, убежал на левый берег Сены, в Латинский квартал, *чтобы* возвратиться лишь поздно вечером [Ильенко 1984].

С. А. Шувалова приводит примеры, где лексическое наполнение предложений с союзом *зато* пересиливает «возместительное» значение этого союза: Катер не отапливался, и зимой промерзал насквозь, *зато* летом нагревался так, что хоть зажигай о стены спички (А. Первенцев. Огненная земля) [Шувалова 1984: 47].

5. Большим шагом в исследовании взаимодействия значения единиц внутри сочинительной конструкции явилась теория «вторых союзных элементов», или «конкретизаторов» (см., напр., Белошапкина 1967: 137; 1977: 211 и сл.; Грамматика 1980, т. II; Ляпон 1986). Так называют частицы и наречные группы, которые входят в состав второго компонента конструкции, после сочинительного союза и «конкретизируют» значение сочинительного союза.

Эти слова (*лишь*, *еще*, *притом*, *значит*, *следовательно*, *все же*, *все-таки*, *вместе с тем* и т. п.) «являются важным элементом структуры сложного предложения и во многом определяют его значение» [Белошапкина 1977: 211], и вполне естественно, что они явились вторым (после сочинительных союзов) элементом сочинительных конструкций, привлечшим особое внимание исследователей. Хотелось бы только подчеркнуть в связи с теорией «конкретизаторов» два обстоятельства:

— Нельзя, видимо, преувеличивать роль «конкретизаторов» как структурных элементов сложносочиненного предложения (или в целом сочинительной конструкции): с одной стороны, многие из них могут входить в состав и сложноподчиненного предложения, и простого предложения; с другой стороны, в роли «конкретизаторов» значения сочинительной конструкции могут выступать и другие единицы, входящие в ее состав.

— Если считать, что есть 50 сочинительных союзов и 50 «конкретизаторов» (а и тех, и других никак не меньше), то потенциально

возможны 2500 сочетаний союзов с «конкретизаторами». Разумеется, все они нуждаются в изучении. Однако в самом описании вряд ли целесообразно указывать все возможные в русском языке сочетания союзов с конкретизаторами и описывать значение каждого сочетания. Более плодотворный путь — изучение общих принципов, определяющих сочетаемость союзов с конкретизаторами, тем более, что здесь, вероятно, действуют те же правила взаимодействия значений, которые уже отмечались лексикологами. Видимо, значительная часть сочетаний союзов с конкретизаторами и другими единицами сочинительной конструкции строится по аддитивному закону (когда значение целого равно сумме значений компонентов) и тем самым допускает предельно простое описание.

6. Семантическая классификация русских сочинительных союзов. Мы не склонны преувеличивать роль классификации сочинительных союзов в их описании (основной упор следует, видимо, делать на толковании союзов). Тем не менее, необходимо было принять некую классификацию русских союзов и дать краткое обоснование этой классификации. Это и делается в данном разделе.

В русистике обычно ставится знак равенства между классификацией сочинительных союзов и классификацией сочинительных конструкций. В. А. Белошапкина показала, что столь прямое распространение семантической классификации союзов на классификацию конструкций неправомерно, поскольку при этом игнорируются важные структурные различия, существующие между предложениями, в частности, различие между открытыми и закрытыми структурами. По мнению В. А. Белошапкиной, необходимо «разграничивать предложения открытой и закрытой структуры как разные структурные типы (разрядка автора. — В. С.) сложносочиненного предложения. Деление по семантическому принципу должно проводиться уже внутри двух основных структурных типов сложносочиненного предложения» [Белошапкина 1977: 208].

Что же касается самой классификации по семантическому принципу, то, по мнению одних исследователей, она «в русских синтаксических трудах существенно не менялась» [Белошапкина 1977: 206], в то время как другие исследователи подчеркивают, что «еди-

ной типологии сочинительных отношений в русской грамматике нет», поскольку «весьма разноречива» классификация союзов — основного средства выражения сочинительных отношений [Перетрухин 1979: 102].

Какая из приведенных оценок состояния разработки типологии союзов правильна? Видимо, обе: классификаций русских сочинительных союзов много¹, но, бесспорно, есть неизменное общее ядро, признаваемое всеми русистами. Это ядро составляют соединительные, разделительные и противительные союзы.

Кроме трех указанных семантических классов выделяются иногда и некоторые другие, например, класс градационных союзов, класс присоединительных союзов. Однако выделение этих классов базируется уже на других основаниях, не на тех, которые положены в основу «трехчастного» разделения сочинительных союзов (эти основания обсуждаются ниже). Неудивительно, что выделение градационных, присоединительных и др. «дополнительных» классов союзов вступает в противоречие с общепринятой трехчастной классификацией. В самом деле, градационность может связываться и с соединительными отношениями (*Попадались не только щуки, но и судаки*), и с разделительными (*Попадались щуки, а то и судаки*)²; присоединительность может сочетаться с любым видом сочинительных (и не только сочинительных!) отношений — с соединительными (*Он уехал, и надолго*), «противительными» (*Он уехал, но ненадолго*), разделительными (*Он придет поздно (или вообще не придет)*).

7. Общепринятое трехчастное деление русских сочинительных союзов на соединительные, разделительные и противительные требует существенных уточнений. Они приводятся ниже. — Основной семантический признак, положенный в основу существующих классификаций сочинительных союзов это отношение к реальной действительности, как его понимает говорящий, т. е. реальность/нереальность/возможность описываемых событий. Рассмотрим 5 следующих примеров:

¹ Некоторые из существовавших и многие из существующих классификаций приводятся в работах [Холодов 1975; Перетрухин 1979].

² Ср. работу [Колосова 1980], где союз *а то* и квалифицируется как «градационно-разделительный».

- (1) Плачет *и* поет.   (2) Плачет *или* поет.
 (3) Плачет, *но* поет.   (4) Плачет, *а* поет.
 (5) *Не* плачет, *а* поет.

Соединительный союз в (1) указывает на то, что оба описываемых события (и X и Y) имеют место; разделительный в (2) — на то, что каждое из описываемых событий X и Y возможно.

Остальные союзы — *но; а; не... а* в (3)–(5) — выделяются в русистике в особый третий класс — класс противительных союзов. Легко, однако, заметить, что в отношении рассматриваемого классифицирующего признака (реальность/нереальность/возможность событий) «противительные» союзы *а, но* не отличаются от соединительного союза *и*: в (3)–(4), как и в (1), оба события (и X и Y) действительно имеют место. Выделяя союзы *а, но* в особый класс, мы должны отдавать себе отчет в том, что это выделение базируется уже на иных основаниях (на признаке противопоставленность/непротивопоставленность компонентов) и что это — более дробное деление, проводимое уже внутри соединительных союзов.

— Еще сложнее обстоит дело с конструкциями типа (5). Их обычно также относят к противительным. Однако они принципиально отличаются по значению от противительных союзов и от всех прочих русских сочинительных союзов. В (5), включающем союз *не... а*, второе событие (поет) имеет место, а первое событие (плачет) — нет, между тем как соединительные и противительные союзы указывают на то, что оба события имеют место.

Здесь, однако, необходимо пояснение. Разумеется, отрицание возможно не только в конструкциях типа (5), но и в конструкции с любым сочинительным союзом, ср.:

- (6) Коля *не* спит, *а* читает книгу.
 (7) Коля *не* спит *и* читает книгу.

Почему мы считаем, что в (6) мы имеем дело с одной единицей — двуместным сочинительным союзом *не ... а*, а в (7) — с двумя единицами — частицей *не* и союзом *и*? Семантическое различие, обусловившее различие в понимании фраз (6)–(7) и в понимании единиц, их составляющих, заключается в следующем:

— в (7) говорящий делает два утверждения и отрицание входит в состав одного из них (первого): (7) = 'Коля совершает следующие

действия: 1) не спит; 2) читает книгу’;

— в (6) говорящий делает одно утверждение: (6) = ‘Коля совершает некое действие; неверно, что это действие — сон; это действие — чтение’.

В противопоставительном контексте *не* — это не отрицательная частица, а первая часть двухместного сочинительного союза *не... а*. В пользу данного подхода свидетельствует тот факт, что значение *не... а* не равно сумме значений отрицания *не* и союза *а*.

С одной стороны, «у *а* в составе *а не*, как правило, есть устойчивый перевод на другие языки, иной, чем для союза *а* вне этого контекста, например, *а не* переводится на английский как *but not*, а не как *and not*, хотя отдельно *а* переводится чаще как *and*» [Крейдлин, Падучева 1974а: 37].

С другой стороны, *не* в контексте противопоставления резко отличается по своим свойствам от «обычного» *не*, *не* в «нейтральном контексте».

И. М. Богуславский, в работе которого [Богуславский 1985] содержится тщательный и глубокий анализ конструкций с *не*, указывает 17 различий между отрицанием противопоставительным (*не... а*) и отрицанием нейтральным. Среди них есть различия коммуникативные, семантические, синтаксические, сочетаемостные [Там же: 62–73].

Вот несколько примеров автора. В рубрике (а) — конструкции с нейтральным отрицанием, в рубрике (б) — конструкции с «противопоставительным отрицанием», т. е. конструкции *не... а*, причем допустимое в случае противопоставления недопустимо или сомнительно в случае нейтрального отрицания, и наоборот:

- (8) а. ?Когда он вошел, я *не* обедал.
 б. Когда он вошел, я *не* обедал, *а* читал газету.
- (9) а. ?Иван умеет *не* говорить по-турецки.
 б. Иван умеет *не* говорить по-турецки, *а* читать.
- (10) а. В этих условиях кристаллов *не* образуется.
 б. *В этих условиях кристаллов *не* образуется, *а* распадается [нужно: *кристаллы* не образуются].
- (11) а. *Он *не* читает какие-то газеты.
 б. Он *не* читает какие-то газеты, *а* работает.
- (12) а. Я его совершенно *не* люблю.
 б. *Я его совершенно *не* люблю, *а* ненавижу.

Наше понимание конструкций с *не... а* и их значения близко к тому, которое встречается в работе И. М. Богуславского [1985], и основано в значительной степени на наблюдениях, содержащихся в этой работе. Однако наша интерпретация описываемых явлений существенно отличается от интерпретации И. М. Богуславского, который выдвигает два основных возражения против интерпретации *не... а* как особой единицы — двухместного союза:

а) «*Не... а*» — единица «с весьма необычными свойствами: один ее компонент допускает неограниченное повторение, а другой может вообще отсутствовать» [Богуславский 1985: 75], ср.:

(13) Мы *не* пашем, *не* сеем, *не* строим —

Мы гордимся общественным строем (Э. Рязанов).

(14) *Не* колесо громовое — / Взглядами перекинулись двое. / *Не* Вавилон обрушен — / Силою переведались души (М. Цветаева). Это свое возражение отводит, собственно говоря, сам автор, указывая, что в русском языке имеется составной союз *если... то* (бесспорно, одна лексема!), где, как и в случае *не... а*, не только повторим первый компонент, но и опустим второй: *Если* он не будет занят *и если* вы его очень попросите, (*то*) он согласится [Богуславский 1985: 75].

б) Второй довод касается значения союза *не... а*: «У сочетания *не... а* единой синтаксической функции нет: оно состоит из двух отдельных единиц — частицы и союза, — имеющих отчетливо разные функции» [Богуславский 1985: 75]. Этот довод И. М. Богуславского также вызывает сомнения. Вряд ли можно отрицать, например, что предлог *вместо* имеет определенную синтаксическую функцию. Почему же единице *не... а*, близкой по значению этому предлогу (ср.: *Вместо* Коли придет Петя — Придет *не* Коля, *а* Петя), мы отказываем в возможности иметь единую синтаксическую функцию? Ведь «многместность», «разобщенность» единицы (и с этим И. М. Богуславский, по-видимому, согласен) не является препятствием для того, чтобы считать ее одной лексемой с единым значением.

8. Подведем итог. Мы также делим русские сочинительные союзы на три класса. В их число мы, в соответствии с традицией, включаем класс соединительных и класс разделительных союзов. Что же касается третьего традиционно выделяемого класса — класса противительных союзов, то большую часть союзов этого класса (союзы *а, но* и их «аналоги» — *же, лишь, однако,*

только и др.) мы включаем в класс соединительных, а остальные «противительные» союзы — *не... а (а не)*; *добро бы... а то*; *если бы... а то* и т. д. — выделяем в особый третий класс, который мы предлагаем называть классом заместительных союзов, поскольку по значению они близки конструкциям с предлогом *вместо*, указывающим на «замещение» одного события, признака или участника ситуации другим.

Принимаемая в работе семантическая классификация русских сочинительных союзов не претендует на окончательность. Еще меньше она может претендовать на новизну: многие соображения, положенные в ее основу, высказывались (правда, без достаточных обоснований) неоднократно. Так, Ю. И. Левин [1970] считает, видимо, само собой разумеющимся включение союзов *а, но, хотя, зато* в число конъюнктивных (соединительных). А. А. Шахматов [1941] и, вслед за ним, Н. М. Киселева [1967], А. Ф. Прияткина [1970], Ф. В. Попов [1975], В. Н. Перетрухин [1979], Грамматика 1980, т. 1: 719 и другие исследователи выделяли отдельную целостную лексему *не... а (а не)*.

Хотелось бы отметить еще одно важное обстоятельство. Деление русских сочинительных союзов на соединительные, разделительные и заместительные хорошо согласуется с их синтаксическими свойствами и с их прагматикой.

Как уже отмечалось в ч. II, гл. 1, сочиненные подлежащие с соединительными союзами обычно индуцируют форму мн. числа сказуемого (*Миша и Коля пришли*), подлежащие с заместительными союзами — форму ед. числа (*Не Миша, а Коля пришел*) и, наконец, подлежащие с разделительными союзами допускают, в разных условиях, то единственное, то множественное число сказуемого (*Пришел Миша или Коля; Приходили то Миша, то Коля*).

Что касается прагматики соединительных, разделительных и заместительных союзов, то она, как будет ясно из дальнейшего изложения, резко различна для этих трех классов союзов:

- в случае соединительных союзов говорящий знает правду о ситуации и сообщает ее слушающему, который ее не знает;
- в случае разделительных союзов говорящий признаётся, что он не знает полной правды, но считает, что и эта неопределенная информация полезна для слушающего;
- в случае заместительных союзов говорящий, зная правду, заме-

няет ошибочные представления, которые есть или могут быть у слушающего, другими, правильными представлениями.

В завершение данного (чрезвычайно краткого) описания семантической классификации русских сочинительных союзов сделаем одну существенную оговорку.

Как я уже отмечал в части 1, гл. 2, в естественном языке, в отличие от классической логики, нет резкого разграничения конъюнктивных (соединительных) и дизъюнктивных (разделительных) отношений. Имеются конструкции, занимающие по смыслу промежуточное положение между соединительными и разделительными.

Сюда следует отнести, в первую очередь, конструкции с союзом *то... то*, ср.:

(15) Во время болезни меня навещали *то Миша, то Коля*.

В каждый отдельно взятый момент говорящего навещал кто-то один — либо Миша, либо Коля (дизъюнкция), однако в целом за весь описываемый период говорящего навестили оба — и Миша, и Коля (конъюнкция). Тем самым, конструкция с *то... то* могла бы быть определена как «соединительно-разделительная» (или «конъюнктивно—дизъюнктивная»).

Другой интересный «гибрид» соединительных и разделительных конструкций — конструкции с союзами *а то и; а может (быть) и*. Ср.:

(16) Они прогуляются до реки, *а то и* выкупаются.

Здесь первый компонент (*прогулка*) действительно будет иметь место (как компоненты соединительных конструкций), а второй (*купание*) возможен (как компоненты разделительных конструкций).

9. Мы пытаемся описать значение сочинительных союзов, оценить тот «вклад», который вносят в общее значение СК именно сочинительные союзы (и некоторые их «аналоги»). При нашем подходе многие сочинительные союзы, традиционно признаваемые многозначными, оказываются однозначными союзами. Однако прежде чем описывать значение сочинительного союза (обычно единственного!), в работе, как правило, рассматривается то, что мы условно будем называть «основными употреблениями» или «кандидатами в особые значения» анализируемого союза. Это делается по той простой причине, что вопрос о числе значений того или иного сочинительного союза нельзя считать окончательно решенным и, возможно, то, что мы считаем лишь «забаллотированными

кандидатами» в особые значения, будет все-таки признано особыми значениями данного союза. Если, однако, этого и не произойдет, наблюдения над употреблением союзов, существенно различающимися между собой, бесспорно, представляют определенный интерес.

Подчеркиваем, что приводимые в работе семантические характеристики типа: «*но* противодействия», «иллюстрирующее *ли... или*» и т. п. — это лишь удобные метки, ярлыки; разумеется, ими нельзя заменять толкований, как это нередко делается в русистике.

Мы далеки от мысли, что нам удалось разгадать все (или хотя бы многие) загадки русских сочинительных союзов. В связи с этим предлагаемые толкования союзов не могут считаться окончательными. Это лишь способ зафиксировать одно из возможных пониманий значения того или иного союза, представляющееся в данный момент наиболее приемлемым. Однако и в этом случае иллюстративный и экспериментальный материал, приводимый в соответствующих разделах, может быть полезен для будущих исследований.

Глава 3

ЗНАЧЕНИЕ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

В разделах 1 и 2 будут рассмотрены соответственно семантика разделительных союзов и прагматика разделительных союзов. Внутри разделов материал группируется по типам речевых актов. Мысль о зависимости значения языковых единиц от типа речевых актов (таких, как утверждение, вопрос, побуждение и т. п.) высказывалась неоднократно и иногда в достаточно категоричной форме. Так, В. В. Виноградов отмечал, что «резкая экспрессивная граница» между значениями союзов (в частности, союза *или*) «проходит именно по линии размежевания повествовательных и аффективно-вопросительных предложений» [Виноградов 1972: 560]. Это положение (интенсивно развиваемое в последнее время) оказалось в полной мере применимым к разделительным союзам. Каждый из типов речевых актов имеет свой набор разделительных союзов, в нем используемых, а главное — значение одного и того же союза оказывается различным для разных типов речевых актов.

В связи с этим в обоих разделах главы сначала будет рассмотрено значение разделительных союзов в утверждениях, справедливо признаваемых за основной тип речевых актов, «поднятый»

над прочими коммуникативными «силами» [Арутюнова 1976: 38]; затем приводятся отдельные замечания, касающиеся семантики и прагматики этих союзов в некоторых других типах речевых актов — в вопросах, побуждениях и в обещаниях.

§ 1. СЕМАНТИКА РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

1.1. Разделительные союзы в утверждениях

Число разделительных союзов, используемых в утверждениях, довольно велико: наш (заведомо неполный!) список включает до 30 разделительных союзов. Однако число р а з н ы х з н а ч е н и й существенно меньше — многие союзы синонимичны¹.

Работа строится с учетом этого факта: союзы объединены в 8 групп синонимичных союзов. Ниже дается перечень этих групп и распределение разделительных союзов по группам. Каждой группе присваивается некоторое наименование. Его ни в коем случае нельзя рассматривать как толкование (хотя нередко в русистике так и делается) — это лишь «метка», «намек на значение».

- 1) Союзы со значением «чистой» разделительности — *или; либо; а то; не то; а не то*.
- 2) Союзы со значением обязательности одного из компонентов — *или... или; либо... либо*.
- 3) Союзы со значением равноценности компонентов — *ли... ли; ли... или; хоть... хоть; что... что; будь то... или*.
- 4) Союзы со значением неравноценности компонентов — *а то и; а может (быть) и*.
- 5) Союзы со значением компенсации — *не... так; если не; если не... то*.
- 6) Союзы со значением подчеркнутой неуверенности — *а может (быть); может (быть)... может (быть); может (быть)... а может (быть)*.
- 7) Союзы со значением «внешнего сходства» — *не то... не то; то ли... то ли*.
- 8) Союз со значением чередования во времени — *то... то*.

¹ Здесь и в дальнейшем мы, говоря о синонимии, имеем в виду «полную» или «точную» синонимию, т. е. полное совпадение толкований (см. Апресян 1974: 216 и сл.).

Союзы со значением «чистой» разделительности (*или; либо; а то; не то; а не то*)¹

Или Нет словаря и грамматики русского языка (да нет, пожалуй, и учебника логики), где не описывалось бы значение *или* — основного разделительного (дизъюнктивного) русского союза. В ходе исследований был накоплен богатый материал и сделаны тонкие наблюдения, касающиеся значения и функционирования этого союза. Особую ценность представляют для нас работы Е. В. Падучевой [1964] и А. В. Гладкого [1979], специально посвященные интересующему нас вопросу. Однако уже само наличие разных точек зрения, иногда диаметрально противоположных, показывает, что значение русского союза *или* нуждается в дальнейшем изучении. Что же касается прагматической стороны значения утверждений с *или*, то она пока вообще не подвергалась изучению.

Существующие точки зрения. Обсуждение существующих точек зрения удобно вести на двух примерах, которые уже использовались в литературе [Падучева 1964; Гладкий 1979]:

- (1) Если у меня заболит горло *или* повысится температура, то я не поеду кататься на лыжах.
- (2) Завтра в 10 часов вечера я буду уже в Москве *или* в Ленинграде.

Ни у кого не вызывает сомнения, что в значение разделительной конструкции *X или Y* (в том числе и в значение (1) и (2)) входят компоненты: 'либо X', 'либо Y'.

Камень преткновения — третий компонент: 'либо и X и Y вместе', который мы в дальнейшем будем называть «объединительным компонентом» значения союза *или*. Есть он, этот компонент, или нет, а может быть, в одних случаях — есть, а в других — нет? Каждая из трех теоретически возможных точек зрения имеет своих сторонников.

1. Ряд исследователей [Мушанов 1964; Гладкий 1979; Пеллетье 1986] видит объединительный компонент во всех случаях

¹ У В. Астафьева нам встретился в этом значении союз *або*: Раньше бы меня повесили вместе с собакой на лиственнице *або* утопили обоих — за колдовство, привязавши к одному камню (В. Астафьев. Царь-рыба). Союз диалектный (ср. Фасмер); из толковых словарей русского языка отмечается в словаре В. Даля.

употребления или. А. В. Гладкий считает, что союз *или* «имеет то же значение, что и обычная (неразделительная) дизъюнкция» [Гладкий 1979: 199–200]; X или $Y =$ ‘либо X , либо Y , либо и то и другое вместе’.

Имеются, однако, многочисленные примеры, в которых трудно усмотреть объединительный компонент и которые, казалось бы, противоречат данной точке зрения. Вряд ли, например, слушающий понимает утверждение (2) следующим образом: ‘Завтра в 10 часов вечера я буду либо в Москве, либо в Ленинграде, либо и в Москве, и в Ленинграде (одновременно)’. Однако А. В. Гладкий отводит противоречащие примеры такого типа ссылкой на несовместимость фактов, выражаемых компонентами. По его мнению, в предложениях типа (2) оба компонента «не могут быть истинны одновременно, но не потому, что в этих случаях *или* употреблено в ином значении, а потому, что в этих случаях несовместимы факты, выражаемые компонентами — что не имеет отношения к языку» [Гладкий 1979: 199]. Автор отмечает, что можно вообразить ситуацию (пусть иногда фантастическую), когда компоненты предложения перестанут быть несовместимыми: например, существо, обладающее способностью быть в двух местах сразу, — для предложения (2).

Предполагается, тем самым, что предложения типа (2), как и любые другие предложения с *или*, воспринимаются слушающим как включающие три альтернативы: «‘Завтра в 10 часов вечера я либо буду в Москве, либо буду в Ленинграде, либо буду в Москве и Ленинграде (одновременно)’. Предполагается далее, что слушающий уточняет затем значение утверждения — приблизительно так: ‘либо речь идет о какой-то фантастической ситуации, либо факты, выражаемые компонентами, несовместимы (человек не может находиться в двух местах одновременно)’ и, следовательно, последняя альтернатива должна быть исключена и утверждение (2) сводится к двум альтернативам: ‘Завтра в 10 часов вечера я либо буду уже в Москве, либо буду уже в Ленинграде’».

Нам кажется, что такое понимание антиинтуитивно: вероятно, ни говорящий, ни слушающий даже и не думают в данном случае о третьей альтернативе, т. е. о совмещении/несовмещении фактов, выражаемых компонентами. Более того, даже во фразах типа (1) — *У меня заболит горло или повысится температура* — говорящий

не думает о совмещении фактов, о третьей альтернативе ('либо то и другое вместе'). Естественно, что эта фраза допускает продолжение: «... в *обоих случаях* я не поеду кататься на лыжах» [не: «... *во всех трех случаях* я не поеду кататься на лыжах»!].

2. Другая точка зрения прямо противоположна только что указанной. Она заключается в приписывании союзу *или* разделительного значения (тождественного разделительной, или строгой, или исключающей дизъюнкции в математической логике): $X \text{ или } Y = \text{'либо } X, \text{ либо } Y\text{'}$. Выражение $X \text{ или } Y$ (согласно R. Lakoff) эквивалентно комбинации двух выражений:

1. Если не X , то Y
2. Если X , то не Y [Lakoff 1971: 142].

Эта точка зрения, в отличие от предыдущей, имеет давнюю традицию, именно это значение, значение «взаимоисключения» (или даже «абсолютного взаимоисключения» [Галкина-Федорук и др. 1958: 157]) приписывает союзу *или* классическая русистика: «то, о чем сообщается в первом предложении, исключает возможность того, о чем сообщается во втором и следующих предложениях, и наоборот» [Грамматика 1960: 246]; «Разделительные союзы *или* и *либо* показывают, что из перечисленного однородными членами возможно что-либо одно» [Земский и др. 1948: 47]. Ср. также [Белошапкина 1977; Грамматика 1970; Грамматика 1980; Хейгай 1981; Ожегов; МАС; БАС и др.].

Интересное развитие эта точка зрения получает у А. Вежбицкой, которая толкует разделительный союз через компонент 'часть'. Ср. толкование предложения *Damian is Spanish or Portuguese* (*Дамиан — испанец или португалец*): 'думая о Дамиане, можно сказать часть следующего: «он испанец, он португалец»; я не могу сказать, какую часть' [Wierzbicka 1980: 329].

Точка зрения, согласно которой *или* имеет значение разделительной дизъюнкции, или взаимоисключения, позволяет удовлетворительно объяснить предложения типа (2), но зато вступает в противоречие с другой группой фактов. Так, согласно рассматриваемой точке зрения в (1) одна возможность исключает другую и это предложение имеет следующий смысл: 'завтра у меня заболит горло, но не повысится температура или повысится температура, но не заболит горло'. Но это явно не так!

3. И наконец, существует мнение, что в конструкциях с *или* объединительный компонент в одних случаях есть (и тогда можно говорить о неразделительной дизъюнкции) — ср. пример (1), а в других случаях его нет (разделительная дизъюнкция) — ср. пример (2). Этого мнения придерживаются логики и многие лингвисты как советские, так и зарубежные. См., напр., [Падучева 1964; Мендельсон 1971; Перетрухин 1979; Hurford 1974].

Данная точка зрения не приводит к столь резкому противоречию с языковыми фактами, как точки зрения, рассмотренные выше.

Однако достигается это дорогой ценой. Мы вынуждены либо признать два разных значения союза *или* (разделительное и неразделительное), либо признать одно значение (например, разделительное) основным и считать, что в определенных условиях оно подвергается модификации¹, то есть добавлению объединительного компонента и превращению разделительной дизъюнкции в неразделительную. Оба решения противоречат интуиции: ведь союз *или*, по справедливому замечанию самой Е. В. Падучевой, «во всех случаях его употребления воспринимается носителями русского языка как одно и то же слово» [1964: 145–146].

К тому же мы сталкиваемся в этом случае со сложными правилами распределения значений. Е. В. Падучева отмечает, что неразделительное значение имеет место только в контексте скрытой или явной импликации (условной связи), однако она признает, что «значения разделительной и неразделительной дизъюнкции у союза *или* не всегда различаются достаточно четко» [1964: 148]. К тому же, как справедливо указывает А. В. Гладкий, неразделительное значение союза *или* не связано с импликацией, оно есть в предложении, включающем импликацию:

(3) *Если у меня заболит горло или повысится температура, то я не поеду кататься на лыжах.*

Но это же значение сохраняется и при отсутствии импликации. «Ведь если кто-нибудь скажет: *Завтра у меня заболит горло или повысится температура*, а на другой день с ним произойдет то и другое сразу, все согласятся, что он был прав» [Гладкий 1979: 204–205].

Наконец, целый комплекс сложных проблем возникает в связи с конструкциями с *or*, на которые обратил внимание Дж. Хэрфорд [Hurford 1974] и которые имеют параллели и в русском языке:

¹ Теоретическое обоснование описаний, включающих правила семантической модификации, см. в [Апресян 1980: 86–94].

- (4) Воспитанникам разрешается курить *или* пить.
- (4) а. Воспитанникам разрешается курить *или* пить, *или и то и другое (вместе)*.
- (4) б. Воспитанникам разрешается курить *или* пить, *но не то и другое (вместе)*.

— если видеть в (4) разделительную дизъюнкцию («взаимоисключение»), то в (4а) мы сталкиваемся с противоречием: ‘Воспитанникам разрешается либо курить, либо пить, но не то и другое вместе, либо то и другое вместе’, а в (4б) — с тавтологией: ‘Воспитанникам разрешается либо курить, либо пить, но не то и другое вместе, но не то и другое вместе’;

— если видеть в (4) неразделительную дизъюнкцию, то интерпретация (4а) приводит к тавтологии: ‘Воспитанникам разрешается либо курить, либо пить, либо то и другое вместе, либо то и другое вместе’, а (4б) получает следующий смысл: ‘Воспитанникам разрешается либо курить, либо пить, либо то и другое вместе, но не то и другое вместе’. Снова смысловое противоречие!

Правда, противоречие не всегда приводит к языковой неправомерности [Апресян 1980: 54], но все-таки описание конструкции с *или*, позволяющее избежать такого, несколько странного наложения смыслов, приводящего к противоречию, имело бы определенные преимущества перед имеющимися.

Примеры типа (4) довольно экзотичны и могут поэтому показаться не очень серьезным возражением против обсуждаемых точек зрения. В действительности речь идет об очень большой группе примеров, среди которых много вполне обычных, ср.:

- (5) Принесу масло *или* сыр.
У него есть велосипед *или* мотоцикл.
Она сдала физику *или* химию.
По утрам я пью чай *или* кофе.

Каждое из приведенных в (5) предложений допускает любое из двух продолжений: 1) *или и то и другое (вместе)*; 2) *но не то и другое (вместе)*.

Союз *или и* «наивная картина мира»

Мы попытались показать, что ни одна из рассмотренных точек зрения не в состоянии объяснить всей совокупности фактов, касающихся функционирования разделительных конструкций. Но глав-

ное возражение против существующих точек зрения заключается все-таки не в этом. Ни одна из них не находится в полном соответствии с языковой интуицией.

Известно, что в языке отражается не сама действительность, но представление о ней, причем представление наивное, существенно отличающееся от научного. Выше уже отмечались случаи резкого противоречия существующих точек зрения интуиции. Однако еще важнее то обстоятельство, что даже примеры, приводимые обычно в подтверждение той или иной точки зрения, видимо, понимаются носителями языка несколько иначе.

Признавая в примере (1) неразделительную дизъюнкцию (согласно первой и третьей точкам зрения) или признавая в примере (2) разделительную дизъюнкцию (согласно второй и третьей точкам зрения), мы не вступаем в резкое противоречие с языковой интуицией, но все-таки отражаем ее не совсем адекватно. Ср. получающиеся при этом интерпретации исходных фраз (1) и (2):

- (1) = 'Если у меня либо заболит горло, либо повысится температура, либо заболит горло и повысится температура, то я не поеду кататься на лыжах.'
 (2) = 'Завтра в 10 часов вечера я либо буду уже в Москве, либо буду уже в Ленинграде, но не то и другое вместе.'

Несмотря на все различия, существующие точки зрения на значение союза *или* в языке строятся на одной принципиальной основе — на эксплицитном указании точного места объединительного компонента ('либо X и Y вместе'). Как и в логике, этот компонент либо запрещается («взаимоисключение», разделительная дизъюнкция), либо признается третьим, «равноправным» компонентом значения («объединительное значение», неразделительная дизъюнкция). Между тем разгадка, видимо, в том, что в наивной картине мира, которая отражена в языке, совмещение компонентов X и Y вообще не учтено: оно не разрешено и не запрещено, говорящий вообще о нем не думает¹. Говоря или слушая фразу *У Коли есть велосипед или мотоцикл*, говорящий и слушающий имеют в виду две возможности (наличие велосипеда; наличие мотоцикла) и не задумываются об их совмещении (наличие того и другого вместе).

¹ Формулировки данного абзаца (да и многих других) метафоричны и крайне неопределенны, но это — намеренная неопределенность; она, мы надеемся, отражает в какой-то степени мироощущение носителей языка.

Возможно ли отразить это обстоятельство в самом толковании союза *или*? Нам кажется, это возможно, если эксплицитно отметить в толковании тот факт, что в предложениях с *или* каждый из компонентов возможен, но не обязателен. Для произносящего предложение *Здесь близко река или озеро* каждый из двух указанных водных массивов возможен: возможно, река есть, а может ее и нет; то же самое следует сказать и об озере¹.

Этот важный факт, многое объясняющий в значении и функционировании конструкций с *или*, достаточно очевиден и отмечался исследователями — и логиками, и лингвистами (см., напр., Хегай 1981; Гуревич 1983); он, по нашему мнению, должен быть эксплицитно отражен в основной, ассертивной части толкования союза *или* (прагматическая часть значения *или* и других разделительных союзов будет анализироваться ниже).

X или Y = 'в качестве описываемого:
возможен X ,
возможен Y '.

Комментарии к толкованию:

1. По соображениям, которые обсуждались выше, мы не стремимся к формальным толкованиям, использующим символику логического языка. Для союза *или* (и других разделительных союзов) более формальное толкование могло бы, например, иметь следующий вид:

P (X или Y) = 'PQ & ВОЗМОЖНО (БЫТЬ (Q, X)),
& ВОЗМОЖНО (БЫТЬ (Q, Y))'.

2. 'Описываемое' — это: либо описываемая ситуация (например, *Мы пойдём к Пете или он придет к нам*); либо участник ситуации (адресат в предложении *Он подарит эту книгу Маше или Кате*); либо признак ситуации (время в предложении *Он придет в пятницу или в субботу*).

3. Следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: «объединительный компонент» ('либо и X и Y вместе'), которому было отведено столь большое место в предшествующем изложении, не включается в наше толкование, однако этот компонент и не запрещен. Более того, он может явиться естественным выводом — результатом осуществления обеих указанных в толкова-

¹ Несколько изменив формулировку Ч. С. Пирса [1983: 173], определяем возможность как гипотезу, об истинности которой в момент речи нельзя судить с достоверностью.

нии возможностей: если возможно X и возможно Y, то, тем самым, возможно X и Y вместе. Поэтому союз *или* пригоден для описания как тех ситуаций, где совмещение компонентов возможно, так и тех, где такое совмещение практически невозможно.

Предложения (1) и (2), детально обсуждавшиеся выше, получают, таким образом, следующее толкование:

(1) = 'Если со мной произойдет некое событие, я не поеду кататься на лыжах; в качестве этого события возможно заболевание горла, возможно повышение температуры.'

(2) = 'Завтра в 10 часов вечера я буду уже в некоем городе; в качестве этого города возможна Москва, возможен Ленинград.'

4. Косвенным доказательством того, что предлагаемое понимание союза *или* не чуждо языковому сознанию, является наличие разделительных конструкций, где возможность каждого из компонентов выражена более эксплицитно элементами *может...* (а) *может*; *возможно...* *возможно*; а *может быть* и т. п. (подробнее об них см. ниже). Ср.:

(6) Он придет, *может*, в пятницу, (а) *может*, в субботу.

Может, в Калуге, А *может*, в Рязани, Жил мальчик В простой крестьянской семье, Желтоволосяй, С голубыми глазами (С. Есенин. Черный человек).

5. Казалось бы, в значение конструкций с *или* входит еще один компонент: 'одна из возможностей обязательно имеет место'. Нам кажется, что это не так. В конструкциях с *или* возможность того, что ни одна из альтернатив не имеет места, маловероятна, но все-таки не исключена полностью. Высказывание *Поезд прибывает в 7:16 или 7:17* воспринимается нами как менее достоверное, чем высказывание *Поезд прибывает в 7:16*, не только и не столько потому, что момент прибытия поезда растягивается до двух минут (это, *может быть*, не так уж и важно), — дело в том, что мы начинаем подозревать, что поезд прибывает не в 7:16 и не в 7:17, а в какое-то другое время. Именно отсутствие компонента 'одна из возможностей обязательно имеет место' отличает союз *или* от союза *или... или* (*Поезд прибывает или в 7:16 или в 7:17*), где указание на обязательность одного из компонентов действительно имеет место (см. об этом ниже).

6. Есть еще одно условие, которому должно удовлетворять утверждение с *или*: оно не может включать все существующие в дей-

ствительности альтернативы, или (по терминологии Ч. С. Пирса [1983: 174]) всю совокупность положительно возможных случаев, или универсум возможности. Высказывания *Он получит на экзамене единицу, двойку, тройку, четверку или пятерку; Она придет или не придет; Иванов высокого, низкого или среднего роста* выглядят странно.

Однако это условие не следует учитывать в толковании союза *или*, поскольку оно прямо вытекает из универсальных, свойственных всем языкам коммуникативных постулатов, в частности — постулата информативности. Естественно, это ограничение прагматического характера и отступления от него мы рассмотрим ниже, при рассмотрении прагматики разделительных союзов.

7. В отличие от большинства исследователей союза *или*, полагающих, что носители языка всегда думают о совмещении или несовмещении альтернатив, мы считаем, что носители языка (кроме, может быть, людей, «испорченных» знакомством с математической логикой) вообще не задумываются о подобном совмещении. А если это все-таки происходит, говорящий использует не конструкцию с *или*, а более сложные конструкции, включающие специальные дополнительные средства, эксплицитно указывающие на возможность или невозможность совмещения компонентов X и Y. Первое передается сочетанием *или то и другое (вместе)*, второе — сочетанием *но не то и другое (вместе)*. Ср.:

(7) а. У него есть велосипед или мотоцикл, *но не то и другое (вместе)*;

(7) б. Почтенный старец этот постоянно был сердит или выпивши, *или выпивши и сердит вместе* (А. Герцен. Былое и думы).

Слушающий также иногда (но именно иногда!) может задуматься о возможности совмещения компонентов в утверждениях с *или*. При этом он решит, видимо, что в (1) компоненты совместимы, а в (2) — нет, но это решение основано исключительно на знаниях о мире. Что же касается самих утверждений, то ни в (1), ни в (2), ни в каком-либо ином утверждении с *или* ничего не сказано о возможности совмещения компонентов. Пример Хэрфорда [Hurford 1974] *Воспитанникам разрешается курить или пить* допускает противоположные продолжения — 1) *или то и другое (вместе)*, 2) *но не то и другое (вместе)* — именно потому, что ни того, ни другого смысла нет в исходном предложении.

«Конъюнктивное *или*» и «*или* приблизительного количества»

В заключение рассмотрим два особых употребления союза *или*. Каждое из них нередко считают особым значением союза *или*. По нашему мнению, во всех этих случаях мы имеем дело с одним и тем же значением союза *или*, которое было описано выше, так что предложенное выше толкование союза подходит и для двух рассматриваемых случаев.

1. Первый случай — «*или*, равное по значению союзу *и*» [Падучева 1964]:

- (8) Выемка угля в шахтах производится ручным *или* машинным способом¹; Во время болезни меня навещали Коля *или* Петя; Голоса на деревне *или* скрип ворот раздаются по студеной заре необыкновенно ясно (И. Бунин. Антоновские яблоки); Мы вольно *или* невольно расставляем российских писателей «по рангам» (Н. Эйдельман. Последний летописец); Всё в бедной отчизне Преступно *иль* глупо! (А. Жемчужников); Ей [корове] было некогда долго глядеть в сторону *или* отдыхать, она должна жевать беспрерывно (А. Платонов. Корова). Пожалуй, наиболее отчетливо это «значение конъюнкции» проявляется в конструкциях, содержащих сравнение *или* отрицание:
- (9) Новый дом был печален, он *напоминал* тюрьму *или* больницу (А. Герцен. Былое и думы).
- (10) Третьим в этой компании оказался <...> кот, громадный, как боров, черный, *как сажа или грач* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
- (11) *Невозможно*, например, влюбиться *в статую или в облако* (А. Толстой. Хождение по мукам).

В (9)–(11) компоненты соединяются союзом *или*, хотя в (9) описываемый дом похож *и* на тюрьму. И т. д.²

Ранее [Санников 1985] я также видел в примерах типа (8) особое значение союза *или* и определял его как соединительно-разде-

¹ Пример обсуждался в работах: [Падучева 1964; Гладкий 1979].

² Иногда союз *или* может даже чередоваться с соединительными союзами (*и, ни... ни*) в пределах одного сочиненного ряда, ср.: Ростопчина была стройна и молода — с обнаженными плечами, с узким лицом и серыми большими глазами, которые... одинаково ничего не выражали *ни* при виде замерзшей Невы за окнами, *ни* при виде дворецкого, *или* матери, *или* теток, *или* неслышных старух-приживалок (Ю. Казаков. Звон брегета).

лительное, совмещающее дизъюнктивное и конъюнктивное значения [Там же, 138—139]. Однако правильнее, видимо, выделять лишь одно значение союза *или*, как это делается в [Гладкий 1979]. А. В. Гладкий отмечает, что предложение (8) и соответствующее предложение с союзом *и* — (8а) *Выемка угля в шахтах производится ручным и машинным способом* «синонимичны, но довольно далеки друг от друга по глубинной структуре. Первое из них означает приблизительно «Когда в шахтах производится выемка угля, она производится ручным способом или производится машинным способом», второе — «Способы, которыми производится выемка угля в шахтах — ручной и машинный» [Гладкий 1979: 210].

В том, что в (8)–(12) нет какого-то особого «соединительно-разделительного» значения союза *или*, убеждают многочисленные случаи совмещения двух интерпретаций. Ср.:

(13) По вечерам они читали Бунина *или* Куприна.

Любой из нас без малейшего труда поймет это предложение. Между тем, его можно было бы признать омонимичным, включающим два разных *или* («обычное» и «конъюнктивное») и имеющим в соответствии с этим две интерпретации: 1) все вечера они читали одного и того же писателя (говорящий не знает, какого); 2) часть вечеров они читали Бунина, а другую — Куприна¹.

Однако при беглом прочтении (и слушании) мы не задумываемся обычно над этими возможностями, ограничиваясь пониманием, включающим обе интерпретации:

(13) = 'Какой бы вечер ни взять, они читали (произведения), в качестве которых возможны (произведения) Бунина, возможны (произведения) Куприна.'

Такое понимание допускает в качестве вывода обе интерпретации. Именно оно, видимо, и должно определять толкование союза *или*. Это толкование приводилось выше, и оно в полной мере применимо к примерам типа (8)–(13).

2. «*Или* приблизительно количества». Это любопытное употребление союза *или* (игнорируемое словарями и грамматиками) близко по значению некоторым из так называемых «аппроксимативно-количественных групп». Ср.:

¹ Ср. две интерпретации (specific и non-specific), выделяемые для англ. конструкций типа *John goes every day to the British Museum or the Tate Gallery*, — согласно первой имеется один и только один музей, посещаемый Джоном; согласно другой — Джон посещает разные музеи [Rohrer 1973: 226].

- (14) Длина забора — 30–40 метров.
 (15) Длина забора — 30 или 40 метров.

Фразы (14) и (15) описывают одну и ту же ситуацию и, казалось бы, имеют один смысл (не охватываемый предложенным ранее толкованием союза или). В действительности же смысл анализируемых примеров (14) и (15) не совсем совпадает. Предложение (14), включающее аппроксимативно-количественную группу, содержит эксплицитное указание на наименьшее количество (30 метров), наибольшее количество (40 метров) и интервал между ними, т. е., в сущности, на множество возможностей (30 метров, 31, 32, ... 40 метров); (15) эксплицитно указывает только на две возможности — на наименьшее количество (30 метров) и наибольшее количество (40 метров). Другие возможности здесь не исключены, и они могут быть выведены слушающим, но — чисто логическим путем, в значение конструкций с *или* типа (15) они (в отличие от аппроксимативно-количественных конструкций) не входят. Поэтому (14) допускает последующие уточнения (ср.: *Длина забора 30–40 метров, вернее всего — 35 метров*), а (15) — видимо, нет: *Длина забора 30 или 40 метров, вернее всего — 35 метров*.

В некоторых случаях разница в значении между аппроксимативно-количественными конструкциями и конструкциями с *или* проявляется вполне отчетливо. Ср. (16) и (17), первое из которых указывает на шесть возможностей, а второе — видимо, на две:

- (16) Он приехал 10–15 мая.
 (17) Он приехал 10–20 или 15–20 мая.

Либо Встречается редко. Возможно, поэтому в стилистическом плане оценивается исследователями по-разному: одни считают союз *либо* отличающимся «несколько разговорным характером» [Гвоздев 1973: 143] или даже «яркой окраской разговорности» [Галкина-Федорук и др. 1958: 79], другие — «скорее книжным, чем разговорным» [Перетрухин 1979: 140–141], третьи (и таких большинство) — нейтральным [Ушаков; БАС; МАС; Ожегов; Грамматика 1960, т. II, ч. 2: 246; Грамматика 1980, т. II: 628; Земский и др. 1948: 47; Холодов 1975, ч. 2: 68; и др.]. Мы присоединяемся к оценке В. Н. Перетрухина и считаем союз *либо* (как и союз *либо... либо*) книжным.

В отношении значения союза *либо* существенных расхождений нет: он справедливо признается синонимичным союзу *или*.

Примеры: Красный татарин не любил Жилина. Как увидит, нахмурится и прочь отвернется, *либо* обругает (Л. Толстой. Кавказский пленник); ...он ожидал внезапного вызова *либо* какой-то всеобщей технической аварии, когда он должен мгновенно появиться в середине бедствия (А. Платонов. Фро); ...на работе я начал задумываться — не пора ли мне на покой *либо* на свалку (М. Зощенко. Похвала старости).

Н. Н. Холодов отмечает, что «предложения с союзом *либо* сравнительно с предложениями, использующими *или*, располагают меньшим кругом частных значений» [1975, ч. II: 69] и, в частности, недопустимы в конструкциях типа *Это бегемот, или гиппопотам* (ср.: *?Это бегемот, либо гиппопотам*) [Холодов 1975, ч. II: 69]. Это замечание справедливо также и для других союзов со значением «чистой» разделительности, см. неправильную фразу:

**Это бегемот, не то <а не то> гиппопотам.*

А то-1 Союз многозначный: 1) соединительный — ср.: Перелетает только через реки и моря, *а то* все пешком (А. Чехов. Агафья); 2) подчинительный причинный — ср.: Телеграмму на почту отнес Коля, *а то* я устал; 3) разделительный¹. В данной главе рассматривается лишь разделительное значение союза *а то*, соединительное значение будет рассмотрено в гл. 4.

Разделительное значение союза *а то* фиксирует лишь один из словарей русского языка — БАС, иллюстрируя его двумя примерами: Давайте деньги, *а то* документ (А. Островский. Свои люди — сочтемся); Ну, теперь выкушайте чаю, *а то*, еще лучше, пойдите, отдохните (Л. Толстой. Живой труп). Оба примера (особенно первый) представляются не вполне удовлетворяющими нормам современного литературного языка. Вряд ли можно также признать правильными фразы типа:

^{??}Он придет в пятницу, *а то* в субботу;

^{??}Катя учится на славянском, *а то* русском отделении.

Однако квалификация разделительного союза *а то* как устаревшего [Булаховский 1952: 347] все-таки, видимо, ошибочна: в текстах

¹ Сходные значения выделяют для союза *а то* В. И. Собинникова [1967] и Т. А. Колосова [1980].

он (пусть нечасто) встречается. Б. А. Белошапкина даже считает его «основным замыкающим союзом разделительных отношений» [1967: 55].

Примеры: Ходит по аулу, насвистывает; *а то* сидит, что-нибудь рукодельничает (Л. Толстой. Кавказский пленник); Держит человек бутылку в руках и пальцами по ней щелкает. *А то* к глазу поднесет и глядит на пассажиров через зеленое стекло (М. Зощенко. На живца); ...собирались в укромных местах, в Ботаническом саду, *а то* в Архиерейской роще (Ю. Трифонов. Нетерпение).

По значению, видимо, синонимичен союзу *или*.

Не то; а не то В словарях русского языка [МАС; БАС; Ушаков] даются как синонимы союза *а то*. В разделительном значении встречаются обычно в побуждениях (см. ниже). В утверждениях союзы *не то; а не то* очень редки.

Синонимичны основному разделительному союзу — *или*, ср.:

- (1) ...на тротуарах грязи наворочено, с неба ледяной трухой моросит, *не то* сырым холодом душит (Ю. Трифонов. Нетерпение); Стоял январь *не то* февраль — Какой-то чертовый Зимарь (А. Вознесенский. Осенебри); ...вам помог идиотский случай, *не то* сидели бы вы за решеткой и напрасно ждали бы от меня передачи (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).
- (2) ...в дождь или вьюгу ходил от скуки на деревню, в излюбленные избы, коротал время в семейном кругу за самоваром, *а не то* целыми часами лежал с книгой на диване (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Союзы со значением обязательности одного из компонентов (или... или; либо... либо)

Или... или Союз *или... или* рассматривается обычно как синоним союза *или* (ср. Хегай 1981: 9), а то и вообще не отделяется от союза *или* (ср., напр., МАС; БАС, Ожегов).

Представление о том, что союз *или... или* синонимичен союзу *или*, вряд ли соответствует действительности. В этом легко убедиться, попытавшись заменить союз *или... или* на союз *или* (см. ниже (1)). Эта замена приводит к заметному изменению смысла. А. В. Гладкий считает, что *или... или* имеет то же значение, что *или* и «отличается от последнего лишь своим эмфатическим харак-

тером» [Гладкий 1979: 212]. Сходную позицию занимает Д. Н. Ушаков: «постановка *или* перед каждым членом предложения служит для усиления выразительности».

Другой точки зрения придерживаются Е. В. Падучева [1964], Ю. А. Мушанов [1964], которые видят в примерах с союзом *или...* *или* строгую, или разделительную дизъюнкцию ('либо X либо Y, но не то и другое вместе')¹. Многие примеры употребления рассматриваемого союза, казалось бы, подтверждают такое понимание, ср.:

- (1) Эпиграфа *или* не надо, *или* А. Chénier (А. Пушкин. Письмо Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу 15 марта 1825); Этак, пожалуй, вся Россия должна застрелиться: всякий *или* проигрался, *или* намерен проигратся (Н. Гоголь. Игроки); Соня <...> *или* ничего бы не поняла, *или* ужаснулась бы ее признанию (Л. Толстой. Война и мир); У него *или* тиф, *или* воспаление легких. И он у вас очень плох (М. Зощенко. Рассказ о том, как жена не разрешила мужу умереть).

Однако в ряде случаев «взаимоисключения» компонентов, видимо, нет.

- (2) ...за всяким зеркалом заложены были *или* письмо, *или* старая колода карт, *или* чулок (Н. Гоголь. Мертвые души).

Рассмотрим еще один (очень показательный, на наш взгляд) пример из «Повести о Ходже Насреддине» Л. Соловьева. Насреддин обещает эмиру за двадцать лет научить ишака читать коран, рассуждая при этом так: «за двадцать лет кто-нибудь из нас уж обязательно умрет — *или* я, *или* эмир, *или* этот ишак» (кн. 1, ч. 1, 13). Вряд ли Насреддин хочет сказать, что умрет только один, и исключает возможность того, что могут умереть и два участника ситуации, и даже все три. «Взаимоисключения», строгой дизъюнкции здесь, видимо, нет, как нет его и во многих других случаях (ср., например: У него есть *или* свитер, *или* джемпер).

Примеры такого типа заставляют отклонить и еще одно правдоподобное предположение — предположение что в случае союза *или... или* исключается возможность чего-то третьего, отличного от компонентов X и Y. В самом деле, в примере из Со-

¹ Аналогичное понимание союза *или... или* находим и в некоторых других работах, ср.: «использование повторяющегося *или... или* связано с подчеркиванием того, что говорящий мыслит отражаемые явления именно как исключющие друг друга уже в силу самого их содержания» [Холодов 1975, ч. II: 63].

ловьева, разумеется не исключается возможность того, что за 20 лет, кроме трех перечисленных участников ситуации умрет кто-то еще. Точно так же в примере *На субботник пойдет или Коля, или Петя* не исключается возможность выхода на субботник каких-то других людей, кроме Коли и Пети.

Смысловое отличие союза *или... или* от союза *или* мы видим не в указании на взаимоисключение компонентов X и Y и не в исключении какого-то третьего компонента, отличного от X-а и Y-а, а в указании на **обязательность** хотя бы одного из компонентов X и Y.

Этим различием в значении обсуждаемых союзов объясняются различия в их сочетаемости и в их коммуникативных свойствах. В частности:

1. Союз *или... или* плохо сочетается (в отличие от союза *или*) с модальными словами, выражающими неуверенность (*видимо, возможно, кажется* и т. п.). Ср.:

(3) а. *Возможно, стекло разбил Коля или Петя.*

б. *Возможно, стекло разбил или Коля, или Петя.*

2. Союз *или... или* (в отличие от *или*) плохо сочетается с последующим указанием других возможностей. Ср.:

(4) а. *Стекло разбил Коля или Петя. А может, это сделал Сережа.*

б. *Стекло разбил или Коля, или Петя. А может, это сделал Сережа.*

3. По наблюдению Н. Н. Холодова, союз *или... или* невозможен в уточняющих конструкциях типа *Это бегемот, или гиппопотам*. Ср. неправильную фразу **Это или бегемот, или гиппопотам* [Холодов 1975, ч. II, 66–67]. Любопытно, что в случае восстановления «пропущенных смысловых звеньев» употребление союза *или... или* становится возможным. Ср.: *Это — животное, называемое или бегемотом, или гиппопотамом.*

Аналогичным образом, союз *или... или* не может (в отличие от союза *или*) указывать на приблизительное количество. Так, для описания ситуации «Длина забора — от 30 до 40 метров» можно использовать *или*, но не *или... или*. Ср.:

(5) *Длина забора — 30 или 40 метров.*

(6) *Длина забора — или 30, или 40 метров.*

(Последняя фраза грамматически правильна, но относительно другого смысла; она, в отличие от (5), значит: ‘длина забора, возможно,

равна 30 м.; возможно, равна 40 м.; невозможно, чтобы она не равнялась ни 30, ни 40 метрам' (тем самым, невозможно, чтобы она равнялась, например, 31, 32, ..., 39 метрам)).

4. При описании узуальных ситуаций союз *или* более предпочтителен, а иногда единственно возможен. Ср.:

(7) а. Пушкина *или* Лермонтова читать легко.

б. *Или Пушкина, *или* Лермонтова читать легко.

(8) а. Весной *или* осенью здесь не проедешь.

б. *Или весной, *или* осенью здесь не проедешь.

5. Союз *или... или* гораздо чаще, чем союз *или* используется в побудительных высказываниях, содержащих категоричность, ср.:

(9) [Спор родителей Никиты о продаже лошади]: «*В таком случае, — отец даже расшаркивался, — я прямо заявляю: или эта проклятая кобыла в хозяйстве или я!*» *В конце концов матушка, как и догадывался Никита, предпочла отца*» (А. Толстой. Детство Никиты).

Предлагаемое толкование:

или X, или Y = 'в качестве описываемого:

возможен X,

возможен Y,

невозможно, чтобы не было ни X-а, ни Y-а'

Либо... либо Как и союз *либо*, получает в литературе самые разные стилистические характеристики. По нашему мнению, союз книжный.

Синонимичен союзу *или... или*. В самом деле, в приведенных ранее примерах союз *или... или* может быть заменен союзом *либо... либо*, а в приводимых ниже примерах союз *либо... либо* может быть заменен союзом *или... или* — и то, и другое без заметного изменения смысла.

Примеры: Непонятными остаются только те люди, которые *либо* еще сами не знают, чего хотят, *либо* не стоят того, чтобы их понимали (И. Тургенев. Рудин); Трубецкой на площадь не придет, он *либо* изменник, *либо* трус (Ю. Тынянов. Кюхля); ...так мог стучать посланный *либо* арестовать, *либо* известить о милости бешеного царя (А. Платонов. Епифанские шлюзы); Когда захватывающая группа <...> кидается в немецкую траншею, вообще не до хитростей — тут уж *либо* пан, *либо* пропал (В. Распутин. Живи и помни).

Можем указать только один пример, где по непонятным причинам возможен один из этих союзов (*или... или*) и невозможен другой (*либо... либо*). Ср.:

- (а) Кто-то, *или* Ньютон, *или* Паскаль уже описывал это явление.
 (б) ?Кто-то, *либо* Ньютон, *либо* Паскаль уже описывал это явление.

Союзы со значением равноценности компонентов (*ли... ли; ли... или; что... что; хоть... хоть; будь то... или*)

Ли... ли; ли... или Эти двухместные союзы синонимичны и взаимозаменяемы, хотя замена во второй части *ли* на *или* и наоборот требует изменения порядка слов, ср.:

- (1) Из-за болезни *ли*, просто *ли* по лени, но на занятия Коля не пришел <Из-за болезни *ли*, *или* просто по лени, но на занятия Коля не пришел >.

Никакие другие разделительные союзы здесь невозможны, ср.:

- (2) *Из-за болезни *ли*, *либо* просто по лени, но на занятия Коля не пришел; *Из-за болезни *ли*, *а то (и)* просто по лени, но на занятия Коля не пришел.

Л. А. Булаховский отмечает, что данный союз «несет собой впечатление разговорной, поэтической или вообще оживленной речи» [1952: 348], однако в словарях и в большинстве исследований он приводится как стилистически нейтральный. Ср. следующее определение: «Разделительный союз... Употребляется при перечислении. *Кто же вас гонит: судьбы ли решение? Зависть ли тайная, злоба ль открытая?* Лерм. Тучи. *А уж на работе — просо ли полоть, картошку ли окучивать, подавать ли зерно на веялку — ни одна из девушек соперничать с Самсоновой даже и не пыталась.* Лаптев, Заря» [БАС].

Приводимые в [БАС] примеры существенно различаются между собой по смыслу. Не случайно поэтому Ушаков разграничивает два случая употребления союзов *ли... ли* и *ли... или*: «Разделительный союз: ...не знаю, куда отправить тебе деньги, в Москву *ли*, в Волоколамск *ли*, в Калугу *ли*. Пшкн. Условно-разделительный союз: *Направо ли, налево ли дороги поглядишь, — идут друженьки парочки.* Нкрсв».

Нам кажется, что различие в значении связано с типом речевого акта: то, что в словаре Ушакова определяется как разделительный союз, характерно для вопросов (прямых или косвенных) и бу-

дет рассмотрено в разд. 2, то же, что определяется в этом словаре как условно-разделительный союз, свойственно другим типам речевых актов (в частности, утверждениям) и будет рассмотрено в данном разделе.

Основные употребления союзов *ли... ли; ли... или*

Их, по нашему мнению, два — «иллюстрирующее» и «разделительное».

«Иллюстрирующее» употребление. При указании на всеобщность, касающуюся участника или признака описываемой ситуации, говорящий может вместо обычных в подобных случаях конструкций со словами *все, всегда, везде, в любом случае* и т. п. (или же наряду с этими конструкциями) употребить конструкцию *X ли, Y ли (X ли, или Y)*, где *X* и *Y* — это:

— либо произвольно взятые элементы из множества возможных, ср.:

(3) И услышит *ли* он звяканье ласточек в вечернем небе, взглянет *ли* на стул <...> протянет *ли* руку к хлебу, все вызывает перед ним один и тот же неумирающий образ (Л. Андреев. Губернатор); ...все очужбинилось — дверь *ли*, стена *ль*... (И. Сельвинский. Уляляевщина); Маркиза *ль*, нищая, кокотка *ль*, буржуа, — Но женщина его пленительно свежа, Незримой, изнутри, лазорью осиянна ... (Игорь Северянин. Гюи де-Мопассан); Мы противники тусклого. Мы приучены к шире — самовара *ли* тульского или «ТУ-104» (А. Вознесенский. Репортаж с открытия ГЭС); Современный <...> спорт — лыжи *ли*, коньки, фигурное катанье — требует и соответствующего оснащения (Московская правда, 5 февр. 1985) [Для передачи смысла 'любой вид современного спорта' говорящий произвольно выбирает несколько видов спорта из множества существующих];

— либо те из возможных элементов, которые, казалось бы, меньше всего соответствуют описываемой ситуации, ср.:

(4) Дождь *ли*, зной *ли* несносный, — взбредет царю — иди, шут его знает куда и зачем (А. Толстой. Петр I); Сам Эльпит снимал, в бурю *ли*, в снег *ли*, каракулеву шапку, сталкиваясь с выходящей из зеркальной каретки женщиной в шеншилях (М. Булгаков. Дом № 13).

— либо элементы, противоположные по смыслу (ср. в (5))

пары: в мрачном образе — пронесшись светлым явлением; я полон счастья — я плачу; рано — поздно и т. д.):

- (5) ... все равно, в мрачном *ли* образе, *или* пронесшись светлым явлением, возрадающим мир, — одинаково вызваны они для неведомого человеком блага (Н. Гоголь. Мертвые души); Счастья *ли* полн, Плачу *ли* я, Ты — благодатная тайна моя (А. Фет); И рано *ль*, поздно *ль* пробужденье, / А должен, наконец, проснуться человек (Ф. Тютчев. В разлуке есть высокое значение); А в грозу — днем *ли*, почью *ли* — я всегда боюсь, молния попадет в дом (А. Ремизов. Узлы и закруты).

В трех приведенных группах примеров описывается ряд однотипных ситуаций, которые имеют место при любых условиях, в частности, при наличии X-а или при наличии Y-а. Поэтому данное употребление союзов *ли... ли* и *ли... или* мы определили как иллюстрирующее.

«Разделительное употребление» — это второй основной случай употребления союзов *ли... или*; *ли... ли* в утверждениях. Он касается не ряда однотипных ситуаций, а одиночной ситуации, один из участников (или признаков) которой не известен: возможно, это X, возможно, это Y. Ср.:

- (6) Под Красным *ли*, *или* под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу (Н. Гоголь. Мертвые души); Да, кстати, в это *ли* время, *или* немножко раньше, но только маг <...> исчез со сцены (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В (6) союзы *ли... ли*; *ли... или* существенно отличаются от союза *или* как по значению, так и по синтаксическому употреблению. В частности, союзы *ли... ли*; *ли... или* тяготеют (в отличие от *или* и многих других разделительных союзов) к теме, а не к реме, ср.:

- (7) а. Стекло разбил Коля *или* Петя.
б. *Стекло разбил Коля *ли*, *или* Петя.

Там же, где взаимозамена возможна, она приводит к некоторому изменению смысла. Ср.:

- (8) а. В пятницу *или* в субботу уезжаем.
б. В пятницу *ли*, в субботу *ли* — уезжаем.
(9) а. В два *или* в три часа он вернулся.
б. В два *ли*, в три *ли* часа, (но) он вернулся.

В (8б) и в (9б), видимо, есть дополнительный смысл ('неважно, при каких условиях'), которого нет в соответствующих предложениях

с союзом *или* — (8а) и (9а) — и который сближает рассматриваемое употребление союзов *ли... ли; ли... или* с «иллюстрирующим» употреблением (см. выше примеры (3)–(4)).

Предлагаемое толкование

Таким образом, мы считаем, что во всех случаях употребления союзов *ли... ли; ли... или* мы имеем дело с одним значением. Оно может быть определено следующим образом:

X ли, или Y = 'для описываемой ситуации различие между *X ли, Y ли* X-м и Y-м несущественно, она имеет место при любых условиях, в частности, в качестве условия: возможен X, возможен Y'.

Комментарий к толкованию. Компонент 'для описываемой ситуации различие между X и Y несущественно' подтверждается многочисленными примерами, где этот смысл подчеркивается употреблением словосочетаний типа *все равно, в любом случае* и т. п., ср.:

Пьян *ли* был Бессонов, *или* просто в своеобразном настроении, — *все равно* он волнующий человек (А. Толстой. Хождение по мукам); Ничьи — короткие *ли*, длинные *ли* — в зачет *все равно* не идут (Моск. правда, 18 окт. 1984).

Предлагаемое толкование объясняет одну любопытную особенность конструкций с союзом *ли... или*: часть сложной конструкции, вводимая этим союзом, часто отделяется от последующей части элементами *но, а, только* (примеры см. выше).

Приведем еще один пример такого типа:

Грач *ли* хорошо знал свое дело, машина *ли* была хороша, *но только* вскоре Маргарита, открыв глаза, увидела под собою не лесную тьму, а дрожащее озеро московских огней (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Что... что Разделительный союз *что... что* «указывает на равноправие, одинаковость предметов, явлений, действий, положений и т. п.; соответствует по значению: *ли... ли, хоть... хоть*» [МАС]¹; «соединительный союз... в значении, близком союзу *хоть*» [БАС].

Можно согласиться с определением союза *что... что* как синонима союза *ли... ли* (ср. пример, где сочетаются оба этих союза:

¹ Сходное определение — в словаре Ушакова.

Литва *ли*, Русь *ли*, / *что* гудок, *что* гусли (А. Пушкин. Борис Годунов). Здесь необходимы, однако, три существенных оговорки:

1. *Ли... ли; ли... или* — союзы по преимуществу книжные, *что... что* — разговорный.

2. *Ли... ли; ли... или* могут, как мы видели, описывать как узловые, повторяющиеся ситуации (*Сам Эльпит снимал, в бурю ли, в снег ли, каракулевую шапку перед этой женщиной*), так и однократные ситуации (*Под Красным ли, или под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу* (Н. Гоголь. Мертвые души)). Между тем, союз *что... что* не может описывать единичные события (ср.: **Что под Красным, что под Лейпцигом, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу*).

3. *Ли... ли (ли... или)* может соединять как члены предложения, так и целые предложения; *что... что* не может соединять предложения и однородные сказуемые, ср.:

(а) Живу *ли* я, умру *ли* я, / Я мошка все ж счастливая.

(б) **Что* живу я, *что* умру я, Я мошка все ж счастливая.

Что же касается союза *что... что*, то он всегда допускает замену союзами *ли... ли; ли... или*, ср.:

Ему, небось, *что* женщина, *что* бутылъ с карболкой — все равно! (А. Чехов. Аптекарьша) [= ...женщина *ли*, бутылъ *ли* с карболкой...]; ...для меня *что* роза, *что* резеда — все едино (Ю. Тынянов. Кюхля. Кавказ); Домой идти? Нет, мне *что* домой, *что* в могилу! ...*что* в могилу! (А. Островский. Гроза)¹⁵; ...тебе все равно — *что* жить, *что* не жить (А. Платонов. Неодушевленный враг); То серьезный, то потешный, нипочем, *что* дождь, *что* снег (А. Твардовский. Василий Теркин. От автора); *Что* о печь головой, *что* головой о печь (В. Даль).

Хоть... хоть Некоторые из существующих определений: «для обозначения допущения чего-н., нек-рого согласия на что-н., в знач. *или, пусть, допустим*» [Ушаков]; для указания «на допущение выбора» между членами, «согласие на выбор между ними» [МАС]; для выражения «допущения перечисляемого, согласия на любой из допускаемых членов, в значении: *или, пусть, пусть даже*» [БАС].

Не совсем удачным представляется в предложенных толкованиях компонент 'согласие на любой из допускаемых членов (на вы-

бор между ними)'. Вряд ли можно говорить о чем-либо согласии в примерах типа *Хоть днем, хоть ночью рана все равно болит; Хоть работай, хоть не работай, денег все равно нет*.

По нашему мнению, синонимичен союзам *ли... ли; ли... или* — однако с оговорками, теми же самыми, которые были сделаны при рассмотрении союза *что... что*.

Примеры: *Хоть честный человек, хоть нет, / Для нас равнехонько, про всех готов обед* (А. Грибоедов. Горе от ума)¹; Местность <...> непривлекательна, *хоть зимой, хоть летом* (Решетников. Подлиповцы)²; Спит — *хоть голоден, хоть сыт, / Хоть один, хоть в куче* (А. Твардовский. Василий Теркин); По мне, *хоть Сидора, хоть Карпа* (В. Даль).

Будь то... или Редкий и, видимо, чисто книжный союз, синонимичный союзам *ли... ли; ли... или, ср.:*

...в космос не должно выводиться и размещаться там, *будь то* на пилотируемых или непилотируемых системах, оружие любого рода (Московская правда, 30 июня 1984); В особенности ненавистен мне людской крик, *будь то* крик страдания, ярости или иной какой-нибудь крик (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Как и синонимичные разговорные союзы *что... что; хоть... хоть*; союз *будь то... или*: 1) не может использоваться при описании однократных ситуаций (ср.: **Будь то под Красным, или под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу*); 2) не может соединять предложения и однородные сказуемые (ср.: **Будь то придет Коля, или он не придет, мне все равно*).

Союзы со значением неравноценности компонентов

(а то и; а может (быть) и)

А то и Мало изученный и очень интересный союз. Начать с того, что, как мы уже отмечали, не совсем ясно, является ли он соединительным или разделительным. В одних употреблениях он предстает как, бесспорно, разделительный, ср.: *Он придет в 2 часа, а то и позже*.

В других употреблениях союз *а то и* по значению оказывается промежуточным между соединительными и разделительными, ср.: *Они погуляют по лесу, а то и грибов наберут*. Первый компонент

¹ Пример заимствован из картотеки [БАС].

² Пример заимствован из [МАС].

(они погуляют по лесу) действительно будет иметь место (подобно компонентам соединительных конструкций); второй компонент (грибов наберут) — возможен (подобно компонентам разделительных конструкций).

И, наконец, в третьих употреблениях возможно двоякое осмысление, ср.:

Придет Коля, *а то и* Петя (= 1. 'возможно, придет Коля, возможно, придет Петя'; 2. 'придет Коля и, возможно, придет Петя').

Приведем еще некоторые примеры:

- (1) ... в высоте неслись и мешались ... дымные, свинцовые, *а то и* совсем темные облака (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).
- (2) Это была весьма мучительная смерть, которая наступала на четвертый, *а то и* на пятый день (М. Зощенко. Голубая книга).
- (3) Он не меньше чем министром будет. *А то и* выше подымай — в диктаторы (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).
- (4) Он ходил уже в атаку, Взвод, *а то и* роту вел (А. Твардовский. Василий Теркин. Генерал).
- (5) ... ночи две, *а то и* три ушли на укладку провода (Ю. Трифонов. Нетерпение).

Союз *а то и* фиксируется в [БАС] как разговорный, синонимичный разделительному союзу *или же, или*.

Приведенные примеры не позволяют согласиться, во-первых, с квалификацией союза *а то и* как разговорного и, во-вторых, с утверждением, что этот союз синонимичен союзу *или*. Подставив в приведенные примеры вместо союза *а то и* союз *или* мы заметно изменим смысл. Значение союза *а то и* равно значению союза *или* плюс некоторый дополнительный смысл — отчетливо ощущаемый, хотя и с трудом поддающийся определению. Попробуем определить семантику данного союза.

Начнем с относительно простого случая, чтобы перейти затем к случаям более сложным. Сравним три следующих примера:

- (6) Коля пробегает 100 м за 12 *или* за 13 секунд.
- (7) Коля пробегает 100 м за 12, *а то и* за 13 секунд.
- (8) Коля пробегает 100 м за 13, *а то и* за 12 секунд.

В приведенных примерах описывается одна и та же ситуация: бегун, который пробегает 100 м иногда за 12 секунд, а иногда за 13 секунд. Между тем, (6)–(8) существенно различаются по значению, и различие это заключается в оценке ситуации гово-

ря щ и м: (6) не содержит никакой оценки, говорящий просто констатирует факт, между тем как (7) и (8) содержат оценку ситуации, причем она в этих двух утверждениях прямо противоположна. В (7) говорящий оценивает бег Коли как медленный, а в (8) — напротив, как быстрый. Это различие в значении вытекает из порядка компонентов, соединяемых союзом *а то и*. Если элементы расположены по нарастанию интенсивности соответствующего признака (в нашем случае — скорости), то для описываемой ситуации оба элемента — и X, и Y — обладают, по мнению говорящего, большой степенью признака; если же, наоборот, они расположены по убыванию интенсивности признака (то есть на соответствующей шкале Y расположен ниже, чем X), то для описываемой ситуации оба элемента обладают малой степенью признака. Иногда большая/малая степень признака может дополнительно обозначаться соответствующими качественными прилагательными или наречиями; для (7) это наречие медленно (ср.: *Коля бежит медленно: пробегает 100 м за 12, а то и за 13 секунд*); для (8) — быстро (ср.: *Коля бежит быстро: пробегает 100 м за 13, а то и за 12 секунд*); но не наоборот, ср.:

(9) *Коля бежит быстро: пробегает 100 м за 12, *а то и* за 13 секунд.

(10) *Коля бежит медленно: пробегает 100 м за 13, *а то и* за 12 секунд¹.

Союз *а то и* соединяет, таким образом, указания на большое (X) и большее (Y), малое и меньшее, длинное и еще более длинное, короткое и еще более короткое, быстрое и еще более быстрое и т. д. Ср.:

(11) а. Их шесть, *а то и* семь человек [= 'их много'];

б. Их семь, *а то и* шесть человек [= 'их мало'].

(12) а. Он вернется в субботу, *а то и* в пятницу [= 'вернется скоро'].

б. Он вернется в пятницу, *а то и* в субботу [= 'вернется не скоро'].

(13) Длина досок — 220, *а то и* 230 см. [= 'доски длинные'].

(14) Он уехал на три, *а то и* на четыре дня [= 'уехал надолго'].

¹ Обращаем внимание читателя на то, что союз *или* как показатель «чистой» разделительности (не осложненной дополнительными компонентами смысла) свободно сочетается как с наречием *быстро*, так и с наречием *медленно* (ср.: *Коля бежит быстро <медленно>: пробегает 100 м за 12 или за 13 сек.*)

Естественно задать себе вопрос: как говорящий оценивает разницу между компонентами X и Y, считает ли он эту разницу большой или не очень значительной? Видимо, эта разница никак не оценивается: она может быть и очень большой и совершенно ничтожной, ср.:

(15) а. Мороз 20°, *а то и* намного больше.

б. Мороз 20°, *а то и* чуть больше.

Таким образом, конструкции с союзом *а то и* включают смысл 'большая (или малая) степень соответствующего признака' — подобно так называемым качественным прилагательным и наречиям (большой, маленький, быстрый, много, мало, далеко и т. п.). Известно, однако, что сами эти прилагательные и наречия естественно определять через понятие нормы: большой = 'больше нормы'; мало = 'меньше нормы'; далекий = 'дальше нормы' [Апресян 1974]. Поэтому представляется вполне оправданным включение в толкование союза *а то и* понятия нормы: 'X — отклонение от нормы, Y — еще более сильное отклонение в том же направлении'.

Необходимо подчеркнуть, что в сравнении с прилагательными и наречиями союз *а то и* выражает более субъективные, ситуативные оценки. Кажется, возможны след. фразы:

(16) а. Рост Семеновой — 180, *а то и* 175 см.

б. Рост Ивановой — 150, *а то и* 155 см.

Говорящий (16а) считает, что рост Семеновой — ниже нормы для некоторой ситуации (например, для зачисления в баскетбольную команду), а говорящий (16б) считает, что рост Ивановой — больше нормы (например, для парного катания), хотя объективно дело обстоит как раз наоборот: Семенова — высокого роста, а Иванова — низкого.

Рассмотрим теперь более сложные случаи употребления союза *а то и*, такие, которые, казалось бы, не укладываются в предложенное толкование этого союза.

(17) За смену он делает столько деталей, сколько Петров, *а то и* Сидоров.

(18) Попадались щуки, *а то и* судаки.

(19) Добираются туда на попутных машинах, *а то и* пешком.

(20) Рабочих чуть свет будили барабаном, *а то и* палками (А. Толстой. Петр I).

Пример (17) представляет собой мнимое исключение, поскольку речь здесь идет также о параметре ситуации (много — мало), только вместо точного количественного значения параметра дается сравнение с другими участниками (Петровым и Сидоровым), о качестве работы которых знают и говорящий, и слушающий. Таким образом, значение (17) полностью укладывается в предложенное выше толкование союза *а то и*.

Что же касается примеров (18)–(20), то здесь оцениваются не количественные параметры описываемой ситуации, а нечто иное. Можно предположить, что здесь содержится указание на большую или меньшую неожиданность или необычность. Однако этот смысл индуцируется, видимо, контекстом. В значение союза *а то и* указание на неожиданность или необычность не входит — иначе были бы неправильны фразы типа:

(21) Как все и ожидали <Как обычно > попадались щуки,
а то и судаки.

В случае (18)–(21) следует, по нашему мнению, видеть отклонение от нормы — точно так, как в рассмотренных выше примерах, содержащих количественные оценки (типа: Он пробегает 100 м. за 12, а то и за 13 сек.).

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что во всех случаях употребления союза *а то и* мы имеем дело с одним значением, которое может быть определено следующим образом:

X, а то и Y = 'в качестве описываемого:

либо действительно выступает, либо возможен *X*;
возможен *Y*.

X — отклонение от нормы,

Y — еще более сильное отклонение в том же
направлении.'

Комментарии к толкованию:

1. Обоснование компонента 'либо действительно выступает, либо возможен *X*; возможен *Y*' (см. Вводные замечания к ч. II).

2. В примерах с *а то и* можно заподозрить указание на желательность/нежелательность — см. примеры (18)–(21), а также и примеры, содержащие количественные характеристики описываемой ситуации, ср.:

(22) Хорошо: Коля пробегает 100 м за 13, *а то и* за 12 сек.

(23) Плохо: Коля пробегает 100 м за 12, *а то и* за 13 сек.

Отсюда возникает соблазнительная мысль свести значение утверждений с союзом *а то и* к различиям в степени желательности (или нежелательности) компонентов. Однако эта мысль должна быть отброшена. Во-первых, каждое из утверждений (22)–(23) допускает и противоположную оценку. Так, в случае, если Коля — спортивный соперник говорящего, допустимы предложения:

(24) Плохо: Коля пробегает 100 м за 13, *а то и* за 12 сек.

(25) Хорошо: Коля пробегает 100 м за 12, *а то и* за 13 сек.

Во-вторых (и это главное), имеются бесспорные случаи, где говорящий явно не оценивает ситуацию как положительную или отрицательную. Ср.:

(26) Эти геологические процессы протекали 5, *а то и* 6 миллионов лет назад.

(Утверждение содержит оценку древности этих процессов, но не их желательности или нежелательности).

А может (быть) и Союз *а может быть и* отмечается в [БАС] как соответствующий по смыслу союзам: *или; или же* и иллюстрируется примером: *Мы проживем в Одессе недели две, а может быть и три*. Бел. Письма, III, 133. Фактический материал (в том числе и пример, помещенный в [БАС]) противоречит этому пониманию: по значению союз *а может (быть) и* существенно отличается от союза *или* и синонимичен, по нашему мнению, союзу *а то и*. Ср.:

(а) Он вернется в 2 *или* в 3 часа.

(б) Он вернется в 2, *а может и* в 3 часа.

(в) Он вернется в 2, *а то и* в 3 часа.

Пример с союзом *а может и* можно интерпретировать, как и пример с союзом *а то и*, следующим образом: 'Возможно, он вернется в 2 часа; возможно, он вернется в 3 часа; это — поздно'. Тем самым, толкование союза *а то и*, данное выше, и, в частности, указание на отклонение от нормы, пригодно, видимо, и для толкования союзов *а может (быть) и*.

К конструкциям, включающим союзы *а то и; а может быть и*, близки по значению также и условные конструкции с союзом *если не... (то)* (см. часть IV). Ср.:

Оставлена вакансия поэта: Она опасна, *если не* пуста (Б. Пастернак. Другу).

Тут они оба весело посмеялись и расстались *если и* не дружески, *то*, во всяком случае, без тени вражды (М. Зощенко. Страшная месть).

Союз со значением компенсации — *не... так*

Примеры: *Уменя, что ядерный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик* (Н. Гоголь. Мертвые души); *[Дагестан] так и рвался принять машину Не в лязг кинжалов, так под дождь* (Б. Пастернак. Волны); *Ведь и тебе — то же будет. Не завтра, так послезавтра* (Ю. Трифонов. Нетерпение); *...если нет машин, он киномехаником заделается, не киномехаником, так бурильщиком, не бурильщиком, так коллектором, не коллектором, так стропильщиком, не стропильщиком, так лебедчиком, не лебедчиком, так...* (В. Астафьев. Царь-рыба. Поминки).

Некоторые из существующих определений: «говорящий колеблется утверждать более важное, ограничиваясь утверждением менее важного» [Гвоздев 1973: 141]; «то ли А, то ли, по крайней мере, Б» [Перетрухин 1979: 149].

По нашему мнению, союз *не... так* близок по значению союзу *а то и* и в некоторых употреблениях может быть заменен этим союзом (компоненты X и Y меняются при этом местами). Ср.:

(1) *Мороз не 30, так 25 градусов.*

(2) *Мороз 25, а то и 30 градусов.*

Некоторое изменение в смысле при этой замене все-таки произошло. Попытаемся определить, в чем оно состоит. Для этого рассмотрим три пары примеров с союзами *а то и* и *не... так* (3)–(5). Каждая из этих пар содержит, собственно говоря, весь комплекс различий, существующих в значении этих союзов, но мы будем указывать каждый раз какое-то одно, наиболее ярко иллюстрируемое данной парой.

(3) а. *Он вернется в 3, а то и в 2 часа.*

б. *Он вернется не в 2, так в 3 часа.*

Фраза (3а) содержит оценку ситуации по некоторому признаку: ‘оп вернется рано’; (3б) не содержит подобной оценки или она значительно смягчена.

(4) а. *В нашем кинотеатре идут французские, а то и английские фильмы.*

б. *В нашем кинотеатре идут не английские, так французские фильмы.*

В (4б) есть указание на обязательность одного из компонентов; в (4а) этого указания нет: не исключено, что иногда идут не английские, и не французские фильмы, а какие-то другие (например, советские).

(5) а. *Он сдаст экзамен на 4, а то и на 5.*

б. *Он сдаст экзамен не на 5, так на 4.*

В отличие от (5а), в (5б) есть значение 'У почти полностью компенсирует отсутствие Х-а' (в нашем примере четверка почти полностью компенсирует, по мнению Г., отсутствие пятерки).

С учетом всего сказанного можно предложить следующее толкование союза *не... так*:

не X, так Y = 'в качестве описываемого:
возможен X,
при отсутствии X-а обязателен Y;
Y почти полностью компенсирует
отсутствие X-а.'

Комментарии к толкованию:

1. Как и в конструкциях с союзами *или... или, либо... либо*, в конструкциях с союзом *не... так* можно усмотреть не обязательность одного из компонентов (X или Y), а невозможность какого-то третьего компонента Z, отличного от X и от Y. В том, что это предположение ошибочно, убеждают примеры типа:

(6) *На субботник придет не Иванов, так Сидоров.*

(Говорящий хочет сказать, что один из двух придет обязательно, но он не утверждает, что больше на субботник никто не придет).

Обязательность одного из компонентов обуславливает следующее свойство конструкций с *не... так...*: в отличие от многих других разделительных конструкций, они плохо сочетаются с модальными словами типа *возможно, видимо* и т. п., указывающими на неуверенность. Можно сказать:

(7) *Ему, возможно, поможет отец или мать;*

Ему, возможно, поможет отец, а то и мать,
но вряд ли правильно:

(8) *Ему, возможно, поможет не отец, так мать.*

2. Поскольку Y не полностью, а лишь «почти полностью» компенсирует отсутствие X-а, компоненты X и Y рассматриваются как неравноценные. В конструкциях с *а то и* компоненты, как мы видели, также неравноценны. Следует ли отсюда, что данный компо-

нент смысла является для этих двух союзов общим? Нам кажется, что нет. Различие касается степени, меры неравноценности. Как уже отмечалось, в случае союза *а то* и разница между компонентами никак не ограничивается: она может быть и совершенно ничтожной, и очень большой, ср.:

Мороз 25°, а то и чуть больше.

Мороз 25°, а то и немного больше.

Мороз 25°, а то и намного больше.

В случае союза *не... так* различие между X и Y не может быть, слишком большим. Можно поэтому сказать:

Мороз не 25 градусов, так немногим меньше <ненамного меньше>,

но недопустимо:

*Мороз не 25 градусов, так намного меньше.

Противоречащие примеры

Предлагаемому толкованию противоречат примеры типа *Не четверку, так пятерку получит*. Вряд ли получение пятерки можно рассматривать как частичную компенсацию за отсутствие четверки. Дело, видимо, в том, что утверждения такого типа имеют особое задание. Они делаются в полемическом задоре и приобретают следующий смысл: 'Вы сомневаетесь, что он способен получить четверку, так знайте же, что он способен даже на большее — получить пятерку'.

Союзы со значением подчеркнутой неуверенности (*а может (быть); может... может; может (быть)...; а может (быть)*)

Эти сложные союзы словарями русского языка не фиксируются; в Грамматике 1980 они квалифицируются как сочетания со значением неразличения [т. II: 169].

Примеры: Техников совсем не было, *а может, было человека два* (А. Платонов. Город Градов); Через день или два завернутые в рогожу мины, которым назначено повернуть судьбу России, *а может быть, целого мира*, поедут в вагоне третьего класса в Александровск (Ю. Трифонов. Нетерпение); ...показалось смутно прокуратору, что он чего-то не договорил с осужденным, *а может быть, — чего-то не дослушал* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Я не знаю, где зарыты Опанаса кости: *Может, под кустом ракиты, может, на погосте* (Э. Багрицкий. Дума про Опанаса); Вот опять окно, где опять не спят.

Может — *пьют вино*, *Может* — *так сидят* (М. Цветаева); То было, *может быть, давно*, / *А может быть, совсем недавно* (И. Северянин. Игорь и Ярославна); И проходят, *быть может, мгновенья*, / *А быть может, — столетья* (А. Блок. Ночная фиалка)¹.

Предлагаемое толкование:

<i>Х, а может (быть) Y</i>	= Г подчеркивает, что он не знает
<i>может Х, может Y,</i>	правды, но предполагает,
<i>может (быть) Х,</i>	что в качестве описываемого:
<i>а может (быть) Y</i>	возможен Х, возможен Y,
	возможно нечто, не являющееся
	ни Х-м, ни Y-м'

Комментарии к толкованию: Часть компонентов значения рассматриваемых союзов совпадает с компонентами значения основного разделительного союза — *или*. Это компоненты: 'возможен Х, возможен Y'. Два других компонента являются специфическими для анализируемых союзов. Попытаемся обосновать необходимость учета этих компонентов.

1. Компонент 'Г. подчеркивает, что он не знает правды'. Как будет показано далее, говорящий *или* также не знает правды, однако в случае *или* (и в случае многих других разделительных союзов) это незнание не подчеркивается, не составляет содержание утверждения (и не входит в семантическую часть значения союза). Именно поэтому фраза (1а) правильна, а фраза (1б) — видимо, нет:

(1) а. *Я знаю: стекло разбил Коля или Петя.*

б. *Я знаю: стекло разбил, может, Коля, а может, Петя.*

Цель утверждения с *или* — информирование о ситуации, цель утверждения с союзами типа *может...* (а) *может* — информирование о степени осведомленности говорящего. Поэтому утверждения *Он придет или нет; Он придет или не придет; Ты сказал правду или солгал* выглядят странно — они неинформативны (ср. постулат Г. П. Грайса [Grice 1975]: «Твое высказывание должно быть достаточно информативным»). Те же утверждения при замене союза *или* одним из рассматриваемых союзов становятся правильными и информативными (*Он, может, придет, а может, нет; Может, ты сказал правду, а может, солгал*) — но информируют они не о ситуации, а о степени осведомленности говорящего относительно ситуации.

¹ В последнем примере нарушен обычный порядок элементов, входящих в состав союза.

2. Компонент 'возможно нечто, не являющееся ни X-м, ни Y-м' в толковании анализируемых союзов отражает то обстоятельство, что конструкции с этими союзами характеризуются большей неопределенностью, чем конструкции с союзом *или*. Ср.:

(2) а. *Это произошло в XV или в XVI веке.*

б. *Это произошло, может, в XV, а может, в XVI веке.*

Возможность того, что описываемое событие произошло и не в XV, и не в XVI в., а в какое-то другое время, не исключена, вообще говоря, и в (2а), однако в (2б) эта возможность больше, а неуверенность говорящего сильнее, и этот факт мы попытались отразить в толковании.

Союзы со значением «внешнего сходства» (*не то... не то; то ли... то ли*)¹

Не то... не то* Некоторые из имеющихся толкований: «для выражения неуверенности, сомнения, что из перечисляемого действительно и что мнимое» [Ушаков]; «при перечислении фактов или явлений, когда не ясно, что из перечисляемого является действительным и что мнимым» [БАС]; «союз *не то... не то...* указывает на трудность выделить из двух или из ряда явлений, одно, вследствие неопределенности впечатления от каждого из них» [Земский и др. 1948: 67]; «...взаимоисключение осложнено значением предположительности или указанием на затруднение в выборе точного обозначения ситуации» [Грамматика 1980, т. II: 628]; «повторяющиеся союзы *не то... не то, то ли... то ли...* в отличие от союзов *или* и *либо...* вносят дополнительную информацию о неуверенности, сомнении, колебаниях говорящего в выборе номинанта, идентичного денотату» [Хегай 1981: 9].

Примеры: *...навстречу идет с кем-то Чехов, закрывается газетой, не то от солнца, не то от этого кого-то, идущего рядом с ним* (И. Бунин. О Чехове); *Враг шел стремительно, в больших силах направляясь не то к Петербургу, не то к Москве. Неизвестность была полная* (Ю. Тынянов. Пушкин); *Порошок вообще розовый, мелкий. И душок довольно симпатичный — не то лориган, не*

¹ Иногда (например, в прозе Андрея Белого) встречается другой (не фиксируемый словарями) вариант союза — *не то... а не то*. Ср.: Незнакомец храбрился, продолжая с жаром успокаивать Николая Аполлоновича — *не то насмехаясь, а не то будучи совершеннейшим простаком* (А. Белый. Петербург. Совершенно прокуренное лицо).

то роза (М. Зощенко. Качество продукции); *Максим посмотрел на племянника не то весело, не то насмешливо* (В. Шукшин, Наказ); *...встрепенулся в камешках звук, подбежал к речке и не то попил, не то на себя поглядел в воду* (В. Астафьев. Царь-рыба. Капля); *Пингвины. Они сидят, запрокинув головы и свесив не то руки, не то крылышки, не то лапы* (Ю. Олеша. Мы в центре города); *А на Невке / Не то сирены, не то девки, / Но нет, сирены* (Н. Заболоцкий. Белая ночь).

Предлагаемое толкование:

не то X, не то Y = ‘описываемое имеет некоторые внешние признаки X-а и некоторые внешние признаки Y-а; поэтому в качестве описываемого: возможен X, возможен Y, возможно нечто, не являющееся ни X-м, ни Y-м’.

Комментарии к толкованию:

1. Союз *не то... не то* близок по значению рассмотренным выше союзам «подчеркнутой неуверенности» — *а может (быть); может... может; может (быть)... а может (быть)*. Как и эти последние, союз *не то... не то* включает смысловой компонент ‘возможно, это нечто, не являющееся ни X-м, ни Y-м’, которого нет в значении других разделительных союзов, в частности, основного разделительного союза — *или*. Обоснование введения этого компонента давалось выше. Поэтому ограничимся приведением двух примеров, иллюстрирующих наличие этого смысла в значении союза *не то... не то* и отсутствие его в значении союза *или*:

- (1) а. *Его фамилия — не то Сёмин, не то Сенин.*
- б. *Его фамилия — Сёмин или Сенин.*
- (2) а. *Это произошло не то в XV, не то в XVI веке.*
- б. *Это произошло в XV или XVI веке.*

Естественно, что союз *не то... не то* (как и союзы «подчеркнутой неуверенности»):

— не может употребляться в контексте типа *уверен, наверняка* и т. п. Ср.:

??*Я уверен: стекло разбил не то Коля, не то Петя;*

??*Стекло разбил один из двух — не то Коля, не то Петя.*

— в отличие от *или* может соединять противоположные по смыслу компоненты. Ср.:

- (3) а. *??Он живой или мертвый.*
 б. *Он не то живой, не то мертвый.*
- (4) а. *??Она добрая или злая.*
 б. *Она не то добрая, не то злая.*

2. В отличие от союзов «подчеркнутой неуверенности», союз *не то... не то* выражает смысл 'описываемое имеет некоторые внешние признаки X-а и некоторые внешние признаки Y-а'. Ср.:

- (5) а. *Коля, может, спит, а может, бодрствует.*
 б. *Коля не то спит, не то бодрствует* [по внешним проявлениям состояние Коли похоже и на сон, и на бодрствование].

Этот компонент значения союза *не то... не то* давно замечен исследователями, но определен при этом не совсем точно.

Отмечается, что сочиненные члены здесь «напоминают характеризуемый предмет, представляющийся чем-то средним между ними» [Гвоздев 1965: 293], они имеют значение «полу-А, полу-Б» [Перетрухин 1979: 150—151]¹.

По нашему мнению, там, где можно увидеть значение «полу-А, полу-Б», оно индуцируется лексическим составом компонентов, соединяемых союзом. Что же касается союза *не то... не то*, то у него значения «нечто среднее между X и Y», или «полу-X, полу-Y» — все-таки, видимо, нет.

Постараемся показать, что мнение о синонимичности конструкций *не то X, не то Y* и *полу-X, полу-Y* ошибочно. Для этого попытаемся заменять их друг другом.

Замена конструкции *не то X, не то Y* конструкцией *полу-X, полу-Y* оказывается либо невозможной, либо приводящей к существенному изменению смысла, ср.:

...за равниной тянется черная пашня, над которой нестроят не то грачи, не то галки [≠ полуграчи, полугалки!] (А. Чехов. На реке); *Царица зевнула — не то есть хочется, не то еще чего-то* [не: *полу-есть хочется, полу-еще чего-то] (А. Толстой. Петр I); *...увидали мы в высоких мокрых ржах высокую и престранную фигуру в халате и шлыке, фигуру не то старика, не то старухи* [≠ полустарика, полустарухи!] (И. Бунин. Суходол).

И наоборот: конструкции с *полу-* типа: *Кентавр — это получело-*

¹ В. Н. Перетрухин отмечает, что сходным образом (как «наполовину») определяет значение союза *не то... не то* И. А. Бодуэн де Куртенэ, вынесший его в 3-е издание словаря Даля (см. Перетрухин 1979: 151).

век, полуконь не могут быть заменены (без резкого изменения смысла) конструкцией с союзом *не то... не то*. Ср.: *“Кентавр — это не то человек, не то конь*.

В конструкциях с полу- речь идет о чем-то среднем между X и Y, совмещающем существенные признаки X-а и Y-а, а в конструкциях с *не то... не то* — лишь о чем-то похожем на X и Y, совмещающем внешние, наблюдаемые признаки X-а и Y-а.

То ли... то ли [БАС] отмечает, что союз *то ли... то ли* употребляется в значении *или... или*. Более правильной представляется квалификация этого союза как синонимичного союзу *не то... не то* (см., напр., Ушаков; Гвоздев 1973: 144; Крючков, Максимов 1977: 29; Перетрухин 1979: 146—147). Некоторые авторы [Гвоздев 1973: 144; Крючков, Максимов 1977: 19] квалифицируют *то ли... то ли* как союз разговорный, другие (и таких большинство) — как стилистически нейтральный. В. М. Хегай отмечает «тенденцию к разграничению союзов *не то... не то* и *то ли... то ли* ... Союз *не то... не то* предпочтительнее используется при описании явлений, доступных восприятию, но производящих неоднозначное, неясное впечатление... Союз *то ли... то ли* тяготеет к передаче информации об отсутствии у говорящих полных или достоверных сведений об идентифицируемом объекте» [Хегай 1981: 10]. Мы такой тенденции не замечаем.

Приведем некоторые примеры употребления союза *то ли... то ли*:

Перепугался он страшно и сам хорошенько не знал за кого: то ли за Лицей, то ли за самого себя (Ю. Тынянов. Кюхля); *Губы — то ли от черники, То ль от холода черны* (А. Твардовский. Василий Теркин. Бой в болоте); *Я видел, как <...> бульдозером сгребали в сторону испорченные то ли апельсины, то ли мандарины* (В. Белов. Дважды в году — весна); *... растрогал его синий овал озера <...> да еще большая птица — то ли аист, то ли журавль, — летевшая поперек неба* (И. Грекова. Кафедра); *... мужские блажные голоса то ли пели, то ли орли хором, непонятно* (Ю. Трифионов. Нетерпение); *Что-то там мелькнуло впереди? / То ли тени, то ли партизаны — / В темноте, попробуй, разгляди* (А. Сурков. Севастопольцы); *Вот наш удел еще невидим, в дыму еще неразличим. То ль из*

него живые выйдем, то ль навсегда сольемся с ним (Б. Ахмадулина. Снегурочка).

Союз со значением чередования во времени — *то... то*

Весь вечер Ленский был рассеян, / То молчалив, то весел вновь (А. Пушкин. Евгений Онегин); *Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу* (А. Пушкин. Путешествие в Арзрум); *Наталья не отходила от матери и то задумывалась, то принималась за работу* (И. Тургенев. Рудин); *То телега проедет со скрипом, то раздастся голос какой-нибудь бабы, идущей на рынок* (А. Чехов. Три года); *...нынче царь то со шведами, то с турками воюет и страна от того ветшает* (А. Платонов. Епифанские шлюзы); *Небо то луч, то чайку роняет* (В. Маяковский. Нордерней); *С деревьев падал лист сухой, / То бледно-желтый, то багряный* (Н. Гумилев. Осенняя песня); *Зачем притворяешься ты / То ветром, то камнем, то птицей?* (А. Ахматова); *То она идет... на совет пенсионеров, то она идет в кружок, то она идет в библиотеку ... помогать* (РРР, 61).

Некоторые из имеющихся определений: «союз разделит.-перечислит. Употребляется для соединения предложений или однородных членов предложения при перечислении чередующихся фактов или явлений» [МАС]; «Разделительный союз. Употребляется при перечислении последовательно чередующихся, сменяющих или взаимоисключающих друг друга фактов, явлений и т. п.» [БАС]; обозначает «взаимоисключение как несовместимость в едином временном плане» [Грамматика, 1980, т. II: 628].

Ни одно из приведенных толкований не может полностью удовлетворить, однако они схватывают основное в значении союза *то... то*. В определениях, предложенных в [МАС] и [БАС], справедливо отмечается, что это — разделительный союз, употребляющийся для описания «чередующихся фактов или явлений».

Следует, однако, подчеркнуть два важных обстоятельства:

1. «Чередование», выражаемое союзом *то... то*, это всегда — чередование во времени, компоненты X и Y по времени неоднократно сменяют друг друга (см. приведенные выше примеры). Этому утверждению противоречат, казалось бы, примеры типа:

- (1) *Эти бревна, как фортепианные клавиши, подымались то вверх, то вниз* (Н. Гоголь. Мертвые души).
- (2) *...не очень страшны оказались и учителя во фраках с золотыми пуговицами, то огненно-рыжие, то дегтярно-черные, но одинаково крупные* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).
- (3) *То насыпью, то глубию лога, / То по прямой за поворот / Змечется лентою дорога / Безостановочно вперед* (Б. Пастернак. Дорога).

В (1)–(3) описываемые компоненты *реально* не сменяют друг друга по времени, но относятся к одному времени: часть бревен моста поднята вверх, часть — опущена вниз — (1); часть учителей — огненно-рыжие, другая — дегтярно-черные (2); дорога кое-где располагается на насыпи, кое-где — в логу (3). Однако постановка союза *то... то* устанавливает временную последовательность компонентов: ситуация описывается с точки зрения наблюдателя — путешественника, гимназиста, лирического героя, — который воспринимает эти компоненты не как одновременные, а именно как чередующиеся во времени, сменяющие друг друга.

Кроме того, в значение союза *то... то* входит, как нам кажется, представление о том, что компоненты X и Y сменяют друг друга достаточно часто. Это объясняет, почему конструкции с *или* могут включать как наречия типа часто, так и наречия типа редко, между тем как конструкции с *то... то* — только наречия типа часто, ср.:

- (4) Я часто хожу в кино *или* в театр.
Я редко хожу в кино *или* в театр.
- (5) Я часто хожу *то* в кино, *то* в театр.
*Я редко хожу *то* в кино, *то* в театр.

2. С другой стороны, чередование во времени не передается никакими другими разделительными союзами. В литературе «чередование явлений» отмечается иногда у союза *или*, который в этих случаях признается тождественным союзу *то... то* [Земский и др. 1948: 67; Перетрухин 1979: 143–144 и др.]. В примерах, которые при этом приводятся (ср. Петрович по вечерам набивал патроны *или* возился с удочками (Песков, vi)), если и есть значение чередования во времени, то индуцировано оно контекстом, а не союзом *или*. Попытаемся это доказать, сравнив два близких по смыслу примера — один с союзом *или*, другой — с союзом *то... то*:

(6) *К больному ежедневно приходили Коля или Петя.*

(7) *К больному ежедневно приходили то Коля, то Петя.*

В случае союза *или* описываемые ситуации (приход Коли и приход Пети) могут распределяться по времени самым разным способом (возможно, они чередовались, возможно, несколько дней подряд приходил Коля, а остальные дни — Петя); в случае же союза *то... то* описываемые ситуации обязательно чередовались, многократно сменяли друг друга. Поэтому (6) допускает продолжение *в начале недели приходил Коля, а в конце — Петя*, а (7), видимо, нет.

Различие между союзами *то... то* и *или* можно проиллюстрировать также, вернувшись к классическому примеру «конъюнктивного *или*»:

(8) *Выемка угля в шахтах производится то ручным, то машинным способом.*

(9) *Выемка угля в шахтах производится ручным или машинным способом.*

В (8) — вернее всего, чередование во времени (все шахты чередуют ручной и машинный способы выемки угля); в (9) — нет чередования во времени: часть шахт добывает уголь ручным способом, а другая — машинным.

Предлагаемое толкование:

то X, то Y = ‘в качестве описываемого:

возможен X,

возможен Y;

X и Y часто сменяют друг друга во времени’.

Примечание. Союз *то... то* употребляется при описании повторяющихся и сменяющих друг друга ситуаций. Иногда, однако (особенно при большом числе компонентов), описываемые ситуации или часть их могут представлять собой законченные однократные действия. Ср.:

(10) *То длинный сук ее за шею / Зацепит вдруг, то из ушей / Златые серьги вырвет силой; / То в хрупком снеге с ножки милой / Увязнет мокрый башимачок; / То выронит она платок* (А. Пушкин. Евгений Онегин).

Однако и в (10) действия описываются, видимо, как многократно повторяющиеся; такими их осознают и поэт, и читатель, отвлекаясь от факта, что реально героиня только раз могла потерять серьги и только раз выронить платок.

Некоторые сочетаемостные свойства союза Поскольку ситуации, описываемые конструкциями с *то... то*, многократно сменяют друг друга, глагол в этих конструкциях имеет обычно форму несовершенного вида, ср.:

- (11) *Ребята то читали рассказ, то решали задачу, то писали сочинение.*
- (12) *...тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка* (Гоголь. Мертвые души).
- (13) *У дна Лопеца терпенье лопаается. / То крик, то стон испускает дон* (В. Маяковский. Богомольное).

Во многих случаях, например в (11), речь может идти не только о незаконченных, но и о законченных действиях, в силу чего (11) допускает два принципиально различных продолжения: 1) *но ничего не довели до конца* (действия не закончены); 2) *и всё они сделали быстро и хорошо* (действия закончены). Тем не менее, совершенный вид здесь невозможен, ср.: **Ребята то прочли стихотворение, то решили задачу, то написали сочинение.*

В конструкциях с *то... то* совершенный вид возможен у глаголов лишь в форме будущего времени в так называемом наглядно-примерном значении¹, ср.:

- (14) *Ребята то прочтут стихотворение, то решат задачу, то напишут сочинение; То стан совет, то разовьет* И быстрой ножкой ножку бьет (А. Пушкин. Евгений Онегин); *Красная лампадка нагорела: красное пламя то вспыхнет, то погаснет* (А. Ремизов. Посолонь. Медведюшка); *Что-то чуткое в короне / То померкнет, то блеснет* (И. Анненский. Хризантема).

Однако в (14) речь идет, в отличие от (11), только о законченных действиях.

Изредка встречается сочетание совершенного и несовершенного вида: *Колокольчики запястья / То умолкнут, то звенят* (И. Анненский. Второй мучительный сонет).

1.2. Некоторые особенности семантики и функционирования разделительных союзов в вопросах, побуждениях и обещаниях

Изучение зависимости семантики языковых единиц от типа речевого акта, их использующего, только начинается. Мы ограничимся

¹ См. о нем, напр., [Гловинская 1982: 14].

здесь предварительным описанием тех особенностей, которые отличают семантику и функционирование разделительных союзов в утверждениях от их семантики и функционирования в других типах речевых актов, а именно в вопросах, побуждениях и обещаниях.

Разделительные союзы в вопросах

Как по своей синтаксической структуре, так и по соотношению с ответом, вопросы «делятся на три класса: общие (*Ты решил задачу!*), альтернативные (*Ты решил задачу или списал?*) и специальные, или частные (*Кто решил задачу?*), т. е. вопросы с вопросительным местоимением» [Падучева 1985: 236]. Ответом на общий вопрос является утвердительное предложение (чаще всего — *Да* или *Нет*); ответом на альтернативный вопрос — одна из альтернатив (например: *Списал*); ответом на специальный вопрос — утвердительное предложение, отличающееся от вопроса тем, что на месте вопросительного местоимения стоит невопросительная именная группа, а также интонацией и/или порядком слов (*Задачу решил Иванов*).

Не следует думать, что разделительные союзы встречаются только в альтернативных вопросах: они возможны во всех трех классах вопросов. При этом значение тех или иных разделительных союзов, а также и сама возможность их употребления в вопросе существенно зависят от класса вопроса.

Альтернативные вопросы. Компоненты X и Y выступают в альтернативном вопросе как равноценные. Оценочные характеристики компонентов, нередкие в утверждениях с разделительными союзами, в альтернативных вопросах оказываются лишними. Естественно, что обычно в альтернативных вопросах используется основной разделительный союз *или* имеющий нейтральное значение, не осложненное добавочными смысловыми компонентами. Ср.:

- (1) Кто ты? Откуда? / Как решить, / Небесный ты *или* земной? (Ф. Тютчев. День вечерет...); Ленивец, лодырь *или* лодка, кто я? (В. Хлебников. Слово о Эль); Соглашается он *или* не соглашается с капитаном? (И. Бунин. Сны Чанга); И не все ли равно вам: / Камни там *или* люди? (И. Анненский. Тоска белого камня); Ну а сейчас эти идут спектакли *или* нет? (PPP: 200).

Кроме союза *или* в альтернативных вопросах (обычно косвенных) употребляется иногда сложный союз *ли... или*. Важно отметить, что те дополнительные смысловые компоненты, которые были

включены нами в значение этого союза, в вопросах нивелируются. В результате, союз *ли... или* в альтернативных вопросах синонимичен, видимо, союзу *или*, ср.:

- (2) Кому венец: богине *ль* красоты / *Иль* в зеркале ее изображение? (А. Фет); Ты *ли* глядишь, *иль* старуха — сова? (А. Блок. Сольвейг! О, Сольвейг!).
- (3) На другом берегу показался красный, тусклый огонек, и они от нечего делать решали, костер *ли* это, огонь *ли* в окне, *или* что-нибудь другое (А. Чехов. Поцелуй); Нельзя было разобратъ, плачет *ли* он *или* смеется, и что он кричит (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); В красном *ли* она пальто *или* нет, я, говорю, понятия не имею (PPP: 97).

Другие разделительные союзы в альтернативных вопросах, видимо, невозможны, ср.:

- (4) *Коля спит *либо* бодрствует?; *Коля *или* решил задачу *или* нет?; *Коля, *может*, решил задачу, *а может*, списал?; *Собрание состоится *не то* в пятницу, *не то* в субботу?

(Некоторые из приведенных выше вопросов могут быть осмыслены как правильные, но тогда это будут уже не альтернативные, а общие вопросы, рассчитанные на ответ «да» или «нет» (см. о них ниже)).

В отличие от утверждений, в альтернативных вопросах компоненты могут представлять собой всю совокупность положительно возможных случаев — универсум возможности. Ср. пары, где вопросы — рубрика (б) — правильны, а утверждения — рубрика (а) — видимо, нет:

- (5) а. ?Она *придет или не придет*.
б. Она *придет или не придет*?
- (6) а. ?Техник Беридзе — это *мужчина или женщина*.
б. Техник Беридзе — это *мужчина или женщина*?

Общие вопросы. На письме обычно совпадают с альтернативными, но интонация в этих двух классах вопросов с разделительными союзами различная. Ср.: *Стекло разбил Коля / или Пётя?* (альтернативный вопрос, с паузой между компонентами) vs. *Стекло разбил Коля или Пётя?* (общий вопрос, без паузы между компонентами и без выделения первого компонента восходящей интонацией).

В общих вопросах чаще всего употребляется союз *или*, но возможны также и другие разделительные союзы, ср.:

- (7) Стекло разбил Коля *или* Петя?; Ну, что: *или* грудь в крестах, *или* голова в кустах, так?; Мы вернемся завтра, *а то и* послезавтра?; *Не* мытьем, *так* катаньем хочешь своего добиться?; Каждый вечер вы ходите *то* в кино, *то* в театр?

Исключение составляют союзы «подчеркнутой неуверенности» или «внешнего сходства» (*может (быть)... а может (быть); не то... не то; то ли... то ли*), которые не могут употребляться даже и в общих вопросах. Ср.:

- (8) [?]Коля приехал, *может*, в пятницу, *а может*, в субботу?
[?]Собрание состоится *не то* завтра, *не то* послезавтра?

С п е ц и а л ь н ы е в о п р о с ы. Поскольку разделительные союзы тяготеют к реме, они не характерны для специальных вопросов, где это место уже занято вопросительными словами типа *кто, когда, где* и т. п. Ср.:

- (9) [?]Куда уехал Коля *или* Петя?
 (10) [?]Кто вернется в среду, *а то и* в четверг?

Однако в некоторых специфических условиях разделительные союзы в специальных вопросах все-таки возможны. Это, в частности:

1. П е р е с п р о с ы. Так, каждая из фраз (11–12) может быть понята как правильная, если это — реакция на нерасслышанную реплику, ср.:

- (11) — В Сангасте уехал Коля *или* Петя.
 — Куда уехал Коля *или* Петя?
 (12) — Беридзе вернется в среду, *а то и* в четверг.
 — Кто вернется в среду, *а то и* в четверг?

2. Вхождение предложения с разделительным союзом в более сложную конструкцию, ср.:

- (13) *Кто* сказал, что Коля вернется в среду, *а то и* в четверг?
 (14) *Почему ты думаешь*, что стекло разбил Коля *или* Петя?

3. Конструкции с *или*, описывающие ряд однотипных ситуаций и допускающие замену полными конструкциями с союзом *и*, ср.:

- (15) У кого есть велосипед *или* мотоцикл? ⇒
 У кого есть велосипед *и* у кого есть мотоцикл?

При преобразованиях, происходящих в (15), наблюдается некоторое изменение в смысле, однако для нас важна принципиальная возможность этих преобразований.

Разделительные союзы в побуждениях и обещаниях

Исследование показало, что эти два типа речевых актов близки в отношении семантики и функционирования разделительных союзов. Это связано, видимо, с функциональным сходством рассматриваемых речевых актов: в каждом из них описывается целенаправленное действие в будущем.

Большинство разделительных союзов, отмеченных в утверждениях, употребляется (без существенного изменения в значениях) также в побуждениях и обещаниях. В этом нетрудно убедиться, анализируя соответствующие примеры:

Приходи в 6, а то и в 5 часов <Приду в 6, а то и в 5 часов>; По вечерам ходи то в кино, то в театр, то в гости; ... поверяй расход, / Сердись иль пей, и вечер длинный / Кой-как пройдет (А. Пушкин. Евгений Онегин); Саблей, пулей или пикой / Добудем комбрига (Э. Багрицкий. Дума про Опанаса); Пусть судьба положит — Матерью ли, мачехой ли (Б. Пастернак. Елене); Пусть только князь выручит мою семью... и тогда я или умру, или уничтожу Шамиля (Л. Толстой. Хаджи-Мурат); Хочешь, примус туго накачай, / А не то веревок собери / Завязать корзину до зари (О. Мандельштам).

Различия в функционировании разделительных союзов между утверждениями, с одной стороны, и побуждениями и обещаниями — с другой, не очень существенны. Мы можем указать лишь следующие:

— в побуждениях и обещаниях не могут, видимо, употребляться союзы *не то... не то и то ли... то ли* (фразы ^{??}*Пригласи не то Колю, не то Петю; ^{??}Обещаю принести то ли торт, то ли печенье; ^{??}Позвоню не то Маше, не то Кате* выглядят странно);

— используемые в утверждениях союзы «подчеркнутой неуверенности» (*может (быть)... а может (быть)*) возможны также в обещаниях (ср.: *Приду, может, в пятницу, а может, в субботу*), но неуместны в побуждениях (ср.: ^{??}*Приходи, может, в пятницу, а может, в субботу; ^{??}Приноси, может, пиво, а может, вино*).

§ 2. ПРАГМАТИКА РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Кроме основного значения, которое было рассмотрено выше, конструкции с разделительными союзами содержат некоторый дополнительный смысл, касающийся уже не самой описываемой

ситуации, а говорящего (Г) и слушающего (С), их отношения к сообщаемому (Р) и друг к другу. В данной части работы предлагается описание (неформальное и весьма предварительное) прагматических компонентов значения разделительных союзов.

Если на семантике разделительных союзов тип речевого акта (утверждение, вопрос, побуждение и т. п.) сказывается, как мы видели, не очень существенно, то для их прагматики он имеет первостепенное значение.

Сначала будет рассмотрена прагматика разделительных союзов в утверждениях, затем — их прагматика в вопросах, в побуждениях и обещаниях.

2.1. Утверждения

Прагматические условия, которым должны удовлетворять утверждения (так называемые «условия успешности» утверждений), Е. В. Падучева формулирует, вслед за Сирлем [Searle 1969], следующим образом:

«Предварительные и существенные условия. 1. Г имеет основания считать Р истинным. 2. Для Г не очевидно, что С знает, что Р (и не нуждается в напоминании).

Условия искренности. Г считает, что Р.

Назначение. Данный акт рассматривается как сообщение о действительном положении вещей. (2. Утверждение вводится в общее поле зрения Г и С)» [Падучева 1985: 25].

Нетрудно заметить, что утверждения с разделительными союзами не вполне удовлетворяют перечисленным условиям. Прежде всего, эти утверждения вряд ли можно расценивать как «сообщения о действительном положении вещей».

Рассмотрим следующее утверждение:

(1) *Стекло разбил Коля или Петя.*

В примере (1) действительное положение вещей заключается в том, что стекло разбил кто-то один, и адекватным отражением этого положения вещей были бы утверждения типа *Стекло разбил Коля*. Что же касается (1), то здесь вместо одной ситуации, действительно имеющей место, указываются две возможных: а) *Стекло разбил Коля*; б) *Стекло разбил Петя*. В случаях типа (1) можно было бы говорить о «неполноте отражения действительного положения вещей». Мы, однако, предпочитаем говорить здесь о *неполном*

соответствии правде, о неполной правде. Понятие правды, бесспорно, занимает важное место в сознании говорящих и в духовной жизни народа, оно отражается в языке не только в самом слове правда, но и в некоторых других единицах, например, представление о правде есть, видимо, в значении глагола знать [Wierzbicka 1969]. Утверждения с разделительными союзами не соответствуют (или, во всяком случае, не вполне соответствуют) тому представлению о правде, вечной и неизменной, которое находит отражение в языке¹. Ведь они по самой своей природе допускают уточнения или даже требуют их. Утверждение (1а) может перейти после соответствующих уточнений в (1б):

(1) а. Стекло разбил Коля *или* Петя ⇒

б. Стекло разбил Коля.

Если (1б) — правда, то что же такое (1а), описывающее ту же самую ситуацию? Его, видимо, можно квалифицировать как «полуправду» или «неполную правду».

С точки зрения классической логики утверждение может быть истинным, либо ложным. В языке мы, скорее, имеем дело со шкалой, где правда и неправда — крайние точки, между которыми находится множество промежуточных, таких, как точка, обозначаемая словом «полуправда». К числу промежуточных относятся, видимо, и те точки, которые обозначаются разделительными конструкциями. Утверждение *Волга впадает в Каспийское или Черное море* с точки зрения логики мы должны признать истинным (поскольку истинен один из дизъюнктивных членов), но как квалифицировать это утверждение с точки зрения языковой интуиции — правда это или неправда?

Показательно в этом отношении сравнение утверждений с разделительными союзами и так наз. альтернативных вопросов:

(2) Стекло разбил *Коля / или Петья?*

(3) Стекло разбил Коля *или* Петя.

В случае (2), как и в случае любого другого вопроса, говорящий не знает правды, не знает ответа (ср. Падучева 1985: 25). Но ведь говорящий (3) знает ровно столько же и к правде он не ближе, чем говорящий (2)! Разным в (2) и (3) является не объем знаний о внешнем мире и не соответствие действительности, а представление

¹ Подробнее этот вопрос обсуждается в [Санников 1985: 130—131].

говорящего о знаниях собеседника: если говорящий подозревает, что его собеседник знает о ситуации больше, чем он сам, — он спрашивает; если же он подозревает, что собеседник знает еще меньше, — он делает утверждение.

Кроме того, утверждения с разделительными союзами содержат признание говорящего, что его высказывание — не полная правда, не вполне соответствует действительному положению вещей.

С другой стороны, в прагматику утверждений с разделительными союзами входят компоненты, которых нет в «обычных» утверждениях и которые не включены в приведенные выше условия успешности утверждений. Всё это наталкивает на мысль о необходимости выделить в составе утверждений особый подтип утверждений с разделительными союзами и сформулировать для этого подтипа свои условия успешности. Оказалось далее (см. Санников 1987а), что в этот подтип входят, кроме утверждений с разделительными союзами, также и некоторые другие утверждения. Прагматика разделительных союзов резко отграничивает их от других сочинительных союзов, а с другой стороны, сближает разделительные конструкции с некоторыми конструкциями, не являющимися сочинительными. Это, в первую очередь, конструкции, в состав которых входят: 1) модальные слова со значением неуверенности (*видимо, возможно, кажется, как будто* и т. п.); 2) группы со значением приблизительного количества (*около 5 рублей; пять—шесть рублей; рублей 5; от 10 до 20 рублей; 10 рублей с копейками* и т. п.); 3) неопределенные местоимения (*кто-то; какой-нибудь; кое-что* и т. п.); 4) условные союзы.

Разделительные конструкции сближает с перечисленными выше конструкциями наличие общих черт в их значении, ср.:

(4) Коля принес яблоки *или* груши; Коля принес, *кажется*, яблоки; Коля принес 5–6 яблок; Коля принес *какие-то* фрукты; *Если* Коля пришел, он принес яблоки.

В каждом из предложений (4) содержится некоторая неточность — указывается несколько возможностей, тогда как в действительности имело место что-то одно. Все соответствующие утверждения — будем называть их неопределенными утверждениями (НУ) — содержат эксплицитно выраженное признание говорящего, что его сообщение — не полная правда.

Прагматика НУ (к которым мы относим и все утверждения с разделительными союзами) рассматривается в отдельной работе — [Санников 1987а]. Поэтому мы ограничимся здесь лишь очень кратким описанием прагматики НУ — причем исключительно на материале разделительных конструкций.

С точки зрения причины неопределенности и возможности/невозможности уточнений можно выделить два основных типа НУ — «вынужденно-неопределенные» (или «неуверенные»), где говорящий не может сказать точнее, и «намеренно-неопределенные», где говорящий не хочет сказать точнее. Каждый из этих типов делится, в свою очередь, на две группы, так что в целом можно говорить о четырех группах неопределенных утверждений:

1) «утверждения неосведомленного», ср.: *Зовут ее, кажется, Наденька, или Варенька* (А. Чехов. Из записок вспыльчивого человека);

2) «утверждения о гипотетическом будущем», ср.: *Мы соберемся в пятницу или в субботу*;

3) «утверждения об однотипных ситуациях», ср.: *Вернешься после полуночи из театра или с бала, а уж ты не человек, а дохлятина, хоть брось* (А. Чехов. Трагик поневоле);

4) «утверждения, абстрагированные от несущественных деталей одной ситуации», ср.: *Один мой знакомый советует мне уехать*.

Примечание. Последняя, четвертая группа не иллюстрируется примером, содержащим разделительный союз, и это не случайно: данное значение не свойственно утверждениям, включающим разделительные союзы.

Вид неопределенности имеет первостепенное значение для взаимодействия говорящего и слушающего в речевом акте: именно им определяется для слушающего возможность уточнения полученных сведений и способ этого уточнения. В утверждениях 1-й группы уточнения возможны, но их нельзя получить от говорящего, который признаётся, что он не знает полной правды о ситуации, что его утверждение — лишь «полуправда» или «движение к правде». В случае утверждений 2-й группы («утверждения о гипотетическом будущем») правды не знает никто и уточнения пока невозможны. Произносящий утверждения 3-й и 4-й групп («наме-

ренно-неопределенные утверждения»), возможно, знает полную правду об описываемой ситуации, и поэтому слушающий может обычно получить уточнения тут же, от самого говорящего. Ср. следующий диалог:

- (5) — Все экзамены он сдал *на 4 или на 5*.
 — А как он сдал математику?
 — *На пять*.

«Условия успешности» НУ. Два типа неопределенных утверждений — «вынужденно-неопределенные» («неуверенные») и «намеренно-неопределенные» — настолько сильно различаются между собой по прагматической части их значения, что дать для них общее описание не представлялось возможным: эти два типа будут описываться нами отдельно.

Прагматическая часть значения (или «условия успешности») «неуверенных утверждений»:

Говорящий (Г) не может сказать полной правды, поскольку: либо он недостаточно осведомлен, либо он описывает гипотетическое будущее;

сознавая коммуникативную неполноценность своего сообщения, Г считает его полезным для слушающего (С), поскольку он считает, что:

либо более полная информация не обязательна, либо сообщение облегчает поиск более точной информации;

Г предполагает, что:

С знает о ситуации еще меньше, чем Г; либо в условиях общения нет источника более точной информации, либо такого источника нет вообще.

Комментарии

Два альтернативных компонента ‘либо Г недостаточно осведомлен, либо он описывает гипотетическое будущее’ касаются причины, по которой говорящий делает свое сообщение неопределенным, и могут быть проиллюстрированы двумя следующими примерами: 1) *Коля приехал в четверг или в пятницу* (причина неопределенности — неосведомленность говорящего; сам же Коля (и, может быть, кто-нибудь еще) имеет точные сведения по обсуждаемому вопросу); 2) *Отдыхать я поеду в Крым или на Кавказ* (ситуативная неопределенность: речь идет о гипотетической ситуации, выбор между несколькими возможностями — дело будущего).

И говорящий, и слушающий осознают коммуникативную неполноценность утверждений с *или*. В отличие, например, от соответствующего утверждения, включающего конъюнкцию, утверждение *Стекло разбил Коля или Петя* допускает реплики слушающего: «Это слишком неопределенно!», «А точнее?».

И чем длиннее цепочка дизъюнктивных членов, тем меньше коммуникативная ценность сообщения. Показателен в этом отношении эпизод из повести В. Катаева «Белеет парус одинокий». Агент охраны пытается выведать у Гаврика название шаланды, подобравшей матроса. «Соня!» бодро сообщает тот, но потом начинает нанизывать все новые «или» («или Соня, или Вера», «или Соня, или Вера, или Надя»), и по мере этого нанизывания реакция агента превращается из восторженно-одобрительной («Прекрасно!») в недоверчиво-недовольную («А то смотри у меня!»).

Утверждения с *или*, бесспорно, заслуживают меньшего доверия, чем обычные утверждения. Ср.:

(6) Поезд прибудет в 7:15.

(7) Поезд прибудет в 7:15 *или* 7:20.

Для слушающего сообщение (7) коммуникативно менее ценно, чем (6) не только потому, что момент прибытия поезда растягивается до пяти минут (возможно, это для слушающего не так уж и важно). Дело еще и в том, что (7) вызывает некоторое подозрение, что, возможно, момент прибытия поезда и не укладывается в установленные хронологические рамки — это может быть и нечто другое — например, 7:10 или 7:30.

Говорящий *или* предполагает, что, несмотря на неопределенность, его информация полезна для нас, слушателей, поскольку:

— либо более точная информация не нужна; так, высказывание *Поезд прибывает в 7:15 или в 7:16*, видимо, удовлетворит абсолютное большинство слушающих — даже тех, кто собирается встречать этот поезд;

— либо сообщение облегчает поиск более точной информации; так, (1) сужает круг потенциальных виновников проступка до двух и тем самым облегчает установление истины.

Говорящий предполагает далее, что мы знаем о ситуации еще меньше, чем он сам, а хотим знать по меньшей мере столько же.

Говорящий считает, что в условиях общения нет другого источника, из которого можно было бы почерпнуть более точную

информацию. Вряд ли уместно поэтому на вопрос встречного о времени отвечать: *семь или половина восьмого*, если вы знаете, что рядом находится человек с часами: лучше, очевидно, переадресовать вопрос к нему.

Укажу еще одно условие, которому должно удовлетворять утверждение с *или*: оно не может включать все существующие в действительности альтернативы, или (по терминологии Ч. С. Пирса [1983: 174]) всю совокупность положительно возможных случаев — универсум возможности. Высказывания *Он получит на экзамене единицу, двойку, тройку, четверку или пятерку*; *Она придет или не придет*; *Иванов высокого, низкого или среднего роста* выглядят странно¹.

Это условие не следует, как я уже отмечал, учитывать в толковании союза разделительных союзов, поскольку оно прямо вытекает из универсальных, свойственных всем языкам коммуникативных постулатов, предписаний говорящему. Один из этих постулатов — постулат информативности. Он-то и нарушается в приведенных выше примерах: утверждение *Иванов высокого, низкого или среднего роста* неинформативно.

Прагматическая часть значения (или «условия успешности») «намеренно-неопределенных утверждений»:

Г не сообщает полной правды, намеренно опуская сведения, не представляющие, по его мнению, интереса для С: либо распределение (временное, пространственное и т. п.) нескольких однотипных ситуаций; либо указание некоторого участника или признака одной ситуации².

Комментарии

Из двух указанных альтернатив в значение утверждений с разделительными союзами может входить первая. Так, в утверждении *Каждый день меня навещали Коля или Петя* речь идет о двух однотипных ситуациях (меня навещал Коля; меня навещал Петя), но не указывается распределение этих ситуаций во времени, поскольку Г предполагает, что слушающего интересуют «суммарные» данные.

¹ Сказанное не касается других типов речевых актов, которые допускают подобные сочетания, ср.: *Она придет или не придет?* Не касается это и части утверждений — так называемых общих суждений, ср.: *Люди бывают высокого, низкого или среднего роста.*

Большинство разделительных союзов (союзы со значением: 1) «числотой» разделительности; 2) обязательности одного из компонентов; 3) равноценности компонентов; 4) неравноценности компонентов; 5) компенсации) встречаются во всех трех группах неопределенных утверждений, т. е.:

— в «утверждениях неосведомленного», ср.: Они принесли яблоки *или* груши <*или* яблоки, *или* груши; яблоки, *а то и* груши; *не* груши, *так* яблоки >;

— в «утверждениях о гипотетическом будущем», ср.: Они достанут яблоки *или* груши <*или* яблоки, *или* груши; яблоки, *а то и* груши; *не* груши, *так* яблоки >;

— в «утверждениях об однотипных ситуациях», ср.: Они всегда приносят яблоки *или* груши < *или* яблоки, *или* груши; яблоки, *а то и* груши; *не* груши, *так* яблоки >.

Часть разделительных союзов (со значением: 1) «подчеркнутой неуверенности»; 2) «внешнего сходства»; 3) чередования во времени) возможна — в силу особенностей своей семантики — лишь в некоторых из групп НУ, а именно:

— союзы со значением «подчеркнутой неуверенности» (*а может (быть); может (быть)... может (быть); может (быть)... а может (быть)*) и союзы со значением «внешнего сходства» (*не то... не то; то ли... то ли*) — возможны только в «утверждениях неосведомленного», ср.: Он принес *может* яблоки, *а может*, груши <*то ли* яблоки, *то ли* груши>¹;

— союзы со значением чередования во времени (*то... то*) — естественно, возможны только в утверждениях об однотипных ситуациях, ср.: Он всегда приносит *то* яблоки, *то* груши. Ср.: также неправильные фразы: *Он принес <*принесет*> *то* яблоки, *то* груши.

2.2. Вопросы

Требования, которым должен удовлетворять вопрос (так называемые условия успешности вопроса), Е. В. Падучева формулирует следующим образом:

¹ Ср., например, сомнительную фразу [?]*Он всегда приносит, может, яблоки, а может, груши*. При описании будущего эти союзы возможны, однако они (в отличие от остальных союзов) и здесь указывают исключительно на неосведомленность говорящего, ср.: *Коля принесет то ли яблоки, то ли груши* [возможно, кто-то (например, сам Коля) знает, что именно будет принесено, — этого не знает говорящий].

«Предварительные и существенные условия: 1) Г не знает ответа; 2) Ни для Г, ни для С не очевидно, что С сам сообщит нужную информацию, не будучи спрошен; 3) Г считает, что С знает ответ.

Условие искренности: Г хочет иметь информацию.

Назначение: Данный акт рассматривается как попытка Г получить информацию от С» [Падучева 1985: 25].

Указанные условия релевантны для всех трех классов вопросов (альтернативные, общие, специальные), однако в прагматике этих классов имеются существенные различия.

Альтернативные вопросы. В этих вопросах ответ, который не знает и хочет узнать у слушающего говорящий, заключается в выборе одной из двух альтернатив. Дизъюнкцию альтернатив Е. В. Падучева считает для альтернативного вопроса не только его исходным вероятным предположением, но и презумпцией, нарушение которой она рассматривает как аномалию (см. Падучева 1985: 239). Вряд ли, однако, ответы *Сегодня* или *Никогда* на вопрос *Завтра или послезавтра?* можно рассматривать как аномальные. Вряд ли также дизъюнкцию альтернатив можно считать презумпцией в альтернативных вопросах, указывающих на противоположные части шкалы того или иного признака, ср.:

(8) Она *старая* или *молодая?*

Ответы *Ей двадцать лет;* *Она среднего возраста* не аномальны, хотя они отличаются от обеих альтернатив, указанных в (8).

Значит ли все это, что прав Х. Хиж, который считает, что дизъюнкция в альтернативных вопросах всего лишь задает область [Hiñ 1962]? Едва ли. Ведь тогда мы вынуждены признать синонимичными альтернативные вопросы и соответствующие специальные. Хотя в ряде случаев это, действительно, так (*Она старая или молодая?* = *Какого она возраста?*), однако в общем случае альтернативные и специальные вопросы существенно отличаются по значению, ср.: *Завтра или послезавтра?* ≠ *Когда?* Видимо, альтернативный вопрос задает одновременно и область, и наиболее вероятные элементы этой области. Так, вопрос *Что вам больше нравится* — *запах розы или запах резеды?* задает область (*цветы*) и ее наиболее вероятные элементы (*роза, резеда*). Аномалия возникает не при нарушении этого исходного предположения о вероятных элементах (ответ *Запах фиалки* не аномален), а при нарушении

задаваемой вопросом области (ср. аномальность, обыгрываемую А. С. Пушкиным в письме П. А. Вяземскому: *Что более вам нравится? запах розы или резеды? — Запах селедки*).

Общие вопросы. В случае общих вопросов, включающих разделительную конструкцию, Г, как и в случае других общих вопросов, рассчитывает на ответ «да» или «нет», то есть на подтверждение (или, наоборот, снятие) существующих у него подозрений. Ср.:

(9) А: Стекло разбил Коля или Пётя?

В: Да, кто-то из них (или Нет, это сделал кто-то другой).

Однако получение ответа «да» или «нет» — это, видимо, «программа-минимум»: произносящий общий вопрос с разделительным союзом надеется обычно на более точный ответ. Так, произносящий общий вопрос *Стекло разбил Коля или Пётя?* удовлетворится ответом *Да, кто-то из них* или *Нет, кто-то другой*, однако более желателен ответ, точно указывающий виновника происшествия, например: *Это сделал Петя* или *Нет, это сделал Сережа*. Данное явление нельзя считать свойством именно общих вопросов с разделительными союзами: Е. В. Падучева отмечает и другие вопросы, по форме общие, но фактически нацеленные на ответ, предназначенный для частного вопроса: *Ты далеко собрался?* (≈ 'куда'); *И много тебе там платят?* (≈ 'сколько') [Падучева 1985: 233–234].

Специальные вопросы. Как уже отмечалось, разделительные союзы специальным вопросам не свойственны (ср.: ?Куда пошел Коля или Петя?) и возможны лишь в некоторых специфических условиях.

2.3. Обещания и побуждения

Условия успешности обещания имеют следующий вид: «Предварительные и существенные условия. 1. Г в состоянии совершить Д. (2. Г считает Д полезным для С.) (3. Г и С считают, что Д не относится к числу событий, которые очевидным образом произойдут сами собой.)

Условия искренности. Г собирается совершить Д.

Назначение. Данный акт рассматривается как обязательство со стороны Г совершить Д» [Падучева 1985: 25].

Проиллюстрируем несколькими примерами применимость этих условий к обещаниям, содержащим разделительные союзы, и к другим «неопределенным обещаниям»:

- (10) Принесу красную *или* черную икру <*или* красную, *или* черную икру; красную, *а то и* черную икру; *не* красную, *так* черную икру>; Принесу 2–3 банки икры (*какую-нибудь* икру); *Если* приду, принесу черную икру.

Кроме того, неопределенные обещания несут дополнительный смысл, который можно определить приблизительно так:

‘Г не может указать, какая из альтернатив соответствует действительности, поскольку выбор между ними — дело будущего.’

Таким образом, в рассматриваемом отношении неопределенные обещания близки утверждениям о гипотетическом будущем. И там и тут ни Г, ни кто-то другой не знает пока правды. Поэтому для С бессмысленно добиваться уточнений: Г (если он был искренен, делая неопределенное утверждение или давая обещание) не сможет пока дать этих уточнений.

Побуждение как речевой акт Е. В. Падучева характеризует следующим образом:

«Предварительные и существенные условия. 1. Г считает, что С в состоянии совершить Д. 2. Ни для Г, ни для С не очевидно, что С, при нормальном ходе событий, сам по себе совершит Д. (3. Состояние, которое является результатом Д, не имеет места.)

Условие искренности. Г хочет, чтобы С совершил Д.

Назначение. Данный акт рассматривается как попытка Г добиться того, чтобы С совершил Д» [Падучева 1985: 25].

Все перечисленные условия существенны и для побуждений с разделительными союзами, ср.:

- (11) Приезжай в пятницу *или* в субботу; ...жду тебя — приезжай *хоть* с Прасковьей Александровной, *хоть* с Дельвигом; переговориться нужно непременно (А. Пушкин. Письмо Л. С. Пушкину ок. 20 дек. 1824).

Однако побуждения с разделительными союзами (а также побуждения типа *Принеси какой-нибудь роман Достоевского; Приходи часов в 10–11*), которые по аналогии с неопределенными утверждениями мы будем называть неопределенными побуждениями, имеют некоторый дополнительный смысл. Этот смысл (которого нет в «обычных» побуждениях) можно определить следующим образом:

Г сообщает, что для него указанные альтернативы равноценны и, подозревая, что они неравноценны для С, Г призывает С сделать выбор между альтернативами.

Рассмотренные элементы прагматики обещаний и побуждений, включающих разделительный союз, характеризуют тот или иной тип речевых актов в целом, независимо от вида разделительного союза и от других условий. Однако в некоторых специфических условиях побуждения и обещания, включающие разделительный союз, приобретают некоторый добавочный смысл.

Значение «главной» и «побочной» цели. Это значение возникает в побуждениях и обещаниях, использующих союз *не... так*. Проиллюстрируем эту индивидуальную особенность союза *не... так* следующими примерами:

(12) Принеси *не* красную икру, *так* черную.

(13) Принесу *не* красную икру, *так* черную [Видимо, говорящий постарается достать в первую очередь красную икру и в случае неудачи удовольствуется черной].

Во всех подобных случаях первый компонент (X) конструкции *не X, так Y* указывает на основную цель («программа-максимум»), а второй компонент (Y) — это запасной вариант («программа-минимум»).

Любопытно, что другие разделительные союзы не имеют такого значения — даже близкий по смыслу союз *а то и*. Так, в обещании *Принесу черную, а то и красную икру*, видимо, не выделены — в отличие от (13) — основная и побочная цели.

Большой интерес представляют случаи, когда разделительный союз соединяет разнородные речевые акты: побуждение+утверждение (ср.: *Не задерживай попу, а то он нам, чего доброго, девочку на пол опрокинет* (М. Зощенко. Роза-Мария); утверждение+вопрос (*Он придет завтра, или это уже слишком поздно?*); обещание+вопрос (*Я подарю тебе велосипед, или он у тебя уже есть?*) и т. д.

Поскольку соединение разнородных речевых актов свойственно не только разделительным, но и другим сочинительным союзам, мы рассмотрим это сложное и интересное явление в особом разделе (часть I, глава 3).

Глава 4

ЗНАЧЕНИЕ СОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

В разд. 1 будет рассмотрена семантика русских соединительных союзов, в разд. 2 — их прагматика.

Подобно разделительным, соединительные союзы объединяются в группы. Если, однако, разделительные союзы объединялись в группы союзов полностью синонимичных (т. е. имеющих одно и то же толкование), то в данной главе при рассмотрении значения соединительных союзов мы были вынуждены отказаться от этого принципа группировки материала. Дело в том, что полных синонимов среди соединительных союзов немного. Представлялось более оправданным объединять их в группы союзов, близких по значению. Принимаемая в работе классификация русских соединительных союзов и частиц близка к традиционной:

- 1) «собственно соединительные» союзы — *и; а также*;
- 2) «противительные» союзы и частицы — *но; а; да-1¹; только; и то-1²; а то*;
- 3) союз «компенсации» — *зато*;

---

¹ Примеры, иллюстрирующие различия между *да-1* и *да-2*: *Полюбил бы я зиму, да обуза тяжка [да-1]* (И. Анненский. Снег); *Только стены, да книги, да дни [да-2]* (А. Блок).

² Примеры, иллюстрирующие различия между *и то-1* и *и то-2*: *Умирающая старуха купается, и то он претензию выражает [и то-1]* (М. Зощенко. История болезни); *...у Керенского осталось всего 700 чел., и то дезорганизованных [и то-2]* (Листовка, окт. 1917).

- 4) союз со значением неожиданности — *да и-1*¹;
- 5) союзы со значением отклонения от нормы по количеству — *и... и; ни... ни; как... так и; да-2; и то-2*;
- 6) «градационные» союзы — *не столько... сколько; скорее... чем; не то чтобы... (а); не только... (но и); не то что... а; да и-2*.

Комментарии к списку соединительных союзов

- 1) В значение «противительных» и «градационных» союзов входит, точно так же, как в значение основного соединительного союза *и*, элемент смысла 'оба компонента (и X и Y) имеют место'. Поэтому мы включаем их (как особые подклассы) в класс соединительных союзов (см. об этом Введение).
- 2) Союзы *не... а (а не); не... но (но не); добро бы... а то; если бы... а то; хоть бы... а то* выделены в особый класс — «заместительные союзы» (см. Введение, а также гл. 5).

§ 1. СЕМАНТИКА СОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Ниже рассматривается семантика шести выделенных групп соединительных союзов. Порядок их рассмотрения определяется единственно соображениями удобства изложения.

1.1. «Противительные» союзы и частицы (*но; а; да-1; же; только; и то; а то*)

Но И. В. В. Виноградов считал, что у союза *но* «в сущности, одно основное значение... Все оттенки употребления этого союза... не выходят за пределы его основного противительного значения» [Виноградов 1972: 559]. Сходная точка зрения отражается в работах [Грамматика 1960, т. II, ч. 2: 216–231; Левин 1970: 78–79 и др.]. Однако господствующей (особенно в последнее время) является другая точка зрения, согласно которой *но* — союз многозначный — ср., например, [БАС; МАС]. Так, в [МАС] указывается 7 значений союза *но*. В Грамматике 1980 справедливо подчеркивается роль контекста в примерах с сочинительными союзами [т. 2: 616]. Тем не менее, в некотором противоречии с этим положением, предпринимается попытка «закрепить» соответствующий смысл

¹ Примеры, иллюстрирующие различия между *да и-1* и *да и-2*: *Подшел он к двери, да и открыл ее [да и-1]; Парень в этом роде В каждой роте есть всегда, Да и в каждом взводе [да и-2]* (А. Твардовский. Василий Теркин).

(индуцируемый контекстом!) за сочинительным союзом. Естественно, что союз *но* (как и многие другие сочинительные союзы) оказывается при таком подходе «союзом недифференцирующего типа (неоднозначным)» [Грамматика 1980, т. 2: 616]. Понятно это стремление приписать компоненты смысла, возникающие в предложении, грамматическим словам (в нашем случае — сочинительным союзам), однако желательнее все-таки свести «возмущающее влияние контекста» к минимуму. В. А. Белошапкова права, когда она призывает к отвлечению от лексического состава и концентрации внимания на союзных средствах [Белошапкова 1977: 208–209]. Четко и последовательно такой подход выражается в работе Ю. И. Левина [1970], где (для устранения возмущающего влияния знания слушателем ситуации) в компонентах X и Y, соединяемых сочинительным союзом, описывается некоторая страна, государственное и общественное устройство которой слушателю неизвестно. Вывод автора об однозначности союза *но* представляется правильным (хотя само предлагаемое толкование в силу недостаточной тонкости применяемого формального аппарата не может полностью удовлетворить).

Итак, вслед за В. В. Виноградовым и некоторыми другими исследователями мы считаем, что есть один союз *но*. Однако, прежде чем описать это (единственное!) значение союза, будет рассмотрено то, что мы условно будем называть «основными употреблениями союза *но*» или «кандидатами в особые значения союза *но*». Это делается по той простой причине, что вопрос о числе значений союза *но* нельзя считать окончательно решенным, и, возможно, то, что мы признаём лишь «забаллотированными кандидатами» в особые значения, будет все-таки признано особыми значениями союза *но*. Если, однако, этого и не произойдет, наблюдения над употреблениями союза *но*, существенно различающимися между собой, бесспорно, представляют определенный интерес.

2. Основные употребления *но* — «кандидаты» в особые значения союза. Список «кандидатов» составлялся на основе анализа фактического материала. Их три: «*но* противоположной оценки», «*но* ненормального следствия», «*но* противодействия». Приведенные характеристики союза — чисто условные метки, ярлыки, которые используются нами единственно для удобства изложения.

Но-1

(«но противоположной оценки»)

Примеры: (1) *Он ленивый, но умный; Оде- та она по-прежнему красиво и просто, но небрежно* (А. Чехов. Скучная история); *На свете счастья нет, но есть покой и воля* (А. Пушкин.

Пора, мой друг, пора!); «*Бабье лето*» умерло, но народилась другая земная радость — первая, белая пороша (Б. Пильняк. Смерти); *И мы вышли в ущелье. Оно очень красивое, но такое мрачное* (PPP: 94).

Возможное толкование:

X, но-1 Y = 'X, Y;

они противоположны по своему воздействию на общую оценку ситуации

(или ее признака, или ее участника);

решающим для общей оценки является Y'.

Комментарии к толкованию:

Не очевидна и нуждается в обосновании необходимость элемента толкования 'X и Y противоположны по своему воздействию на общую оценку ситуации (или ее признака, или ее участника)? В приведенных примерах противоположность оценки выразится, казалось бы, не союзом *но*, а единственно их лексическим составом и/или знаниями об окружающем мире (быть ленивым плохо, а умным — хорошо; отсутствие счастья — плохо, а наличие покоя и воли — хорошо и т. д.). Это, однако, не так. Дело в том, что в приведенных примерах желательность одного компонента и нежелательность другого обозначается дважды — во-первых, лексическим составом компонентов, и, во-вторых, союзом *но*. В том, что союз *но* может обозначать противоположность оценки, убеждают другие примеры — такие, где нельзя опереться на лексический состав компонентов и где *но* является единственным средством выражения этого смысла.

Сравним два примера, каждый из которых включает прилагательное *простой*:

- (2) Ларина *проста, но очень милая* старушка (А. Пушкин. Евгений Онегин).
- (3) Он был точно таким же... тот же ровный голос, то же выражение бесхитрости на его *некрасивом, но простом* лице (Л. Толстой. Набег).

Из (2) бесспорно вытекает, что у Пушкина простота оценивается как отрицательное качество (поскольку она противопоставляется

заведомо положительному качеству — «очень милая»). Толстой же, наоборот, оценивает простоту как положительное качество, и эта важная информация передается в приведенных примерах исключительно союзом *но*. При замене союза *но* на союз *и* смысл меняется: в предложении *Ларина проста и очень милая старушка* простота становится нейтральным или даже положительным качеством; в словосочетании *некрасивое и простое лицо* простота становится нейтральным или даже отрицательным качеством, ср.: Когда она ласково вскидывала своими большими светлыми глазами, это *некрасивое и простое* лицо становилось чрезвычайно привлекательным (В. Соловьев).

Еще один показательный пример — из «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Соня говорит о Пьере: «Он *славный, но смешной* очень» и рассказывает анекдоты о рассеянности Пьера. В другом месте той же главы князь Андрей также характеризует Пьера: «Это самый *рассеянный и смешной человек, но самое золотое сердце*» — характеристики, в сущности, те же, но порядок их — обратный, общий смысл положительный и цель сообщения совсем другая (князь Андрей советует в случае нужды обращаться к Пьеру, «ему одному»).

В большинстве случаев (и, в частности, во всех приведенных примерах) X и Y оцениваются с точки зрения желательности / нежелательности. Однако они могут оцениваться и в каком-то другом отношении, например, в отношении величины, ср.:

- (4) Когда-то на этом месте было *узкое, но длинное* озеро
[узость озера позволяет оценивать его как маленькое,
а большая длина — как большое].

Обычно «*но* противоположной оценки» соединяет определения, обстоятельства, сказуемые. При этом компоненты относятся, как правило, к противоположным полюсам разных шкал (*красивая, но глупая* — положительный полюс шкалы *красивый-некрасивый* + отрицательный полюс шкалы *умный-глупый*). Соединение компонентов, относящихся к одному полюсу разных шкал, встречается редко, но может быть осмыслено как правильное, ср.: *Она красивая, но умная* (один из признаков говорящий считает отрицательным).

Соединение компонентов, относящихся к разным полюсам одной шкалы, выглядит странно (°*Он умный, но глупый*), хотя и используется иногда с целью создания художественного эффекта,

ср.: *Подпоручик ничего себе, но — сволочь* (М. Зощенко. Виктория Казимировна).

2. Решающим для описываемой ситуации является *Y*. В русистике преобладание, доминирование второго компонента, вводимого союзом *но*, либо вообще не отмечается (ср., напр., БАС, МАС, Ушаков), ср. также замечания Р. Лаков о симметричности и перестановочности частей аналогичных английских конструкций с *but* [Lakoff 1971: 135–136], либо оно недооценивается. Так, А. М. Пешковский отмечает, что происходящий при перестановке сдвиг «по-видимому, чисто психологический, а не грамматический» [Пешковский 1956: 58]; Ю. И. Левин, признавая, что перестановка «*X*, но *Y*» — «*Y*, но *X*» может иногда «достаточно радикально» менять смысл фразы [Левин 1970: 84], никак не учитывает этого в самом толковании союза *но*. В. Н. Перетрухин указывает, что первый член «чуть менее значим» [1979: 124]. Н. Н. Холодов справедливо указывает, что «содержание второго компонента подается как <...> наиболее существенное при данной ситуации», — но лишь для одного, периферийного класса конструкций с *но* (типа *Трудно поверить, но тут попадаются и обломки горного хрусталя*) [Холодов 1975: 123–124].

На наш взгляд, доминирование второго компонента над первым в конструкции *X*, но *Y* — важный смысловой компонент, который должен быть введен в толкование союза. Недооценка этого элемента смысла объясняется, на наш взгляд, тем, что обычно фразы с союзом *но* рассматриваются изолированно, вне контекста. При таком подходе смысловое различие между фразами *Он лентяй, но умница* и *Он умница, но лентяй* сглаживается. Однако при выходе за пределы изолированной фразы оно достаточно ощутимо и определяет синтаксическое поведение конструкции с союзом *но*. Так, можно сказать:

(5) С заданием он справится — *он лентяй, но умница*.

С заданием он *не справится* — *он умница, но лентяй*.

И, видимо, нельзя сказать:

(6) *С заданием он справится — *он умница, но лентяй*.

*С заданием он не справится — *он лентяй, но умница*.

В связи с этим, из характеристики, которую автор (Игорь Северянин?) дает своему герою: *Сразу видно — нахал, / сразу видно — скотина, / Но — изящный, но — вежливый, / но — никогда чересчур, беспор-*

но, следует, что изящность, вежливость, чувство меры важнее, чем такие свойства, как «нахал», «скотина». Убедиться в этом нетрудно, если попытаться расширить фразу, — (7а) допустимо, а (7б), видимо, нет:

(7) а. Он мне *нравится*: он нахал и скотина, но изящный, вежливый, с чувством меры.

б. *Он мне не нравится*: он нахал и скотина, но изящный, вежливый, с чувством меры.

Итак, употребляя союз *но*, говорящий обязан выбрать один из членов в качестве доминирующего, наиболее важного для описываемой ситуации. А это не всегда просто и не всегда нужно. Интересную попытку обойти это затруднение и как-то уравнивать противопоставляемые члены конструкции находим в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. Французский офицер рассказывает Пьеру о полковнике наполеоновской армии:

(8) Он *немец*; но славный малый, несмотря на это. Но немец.

Вторичное упоминание о национальности полковника (*но немец*) вызвано именно тем, что говорящий, чувствуя, что в его речи получилось доминирование второго компонента (*славный малый*) над первым (*немец*), пытается уравновесить их.

Но-2

(«но ненормально-го следствия»)

Примеры: (9) У меня в руках довольно силы, / Но дверей не смог я отпереть (С. Есенин. В Хороссане есть такие двери); *Кругом весна, но за город нельзя* (Б. Пастернак. Анне Ахматовой); *В подвале было темно и тихо, но никто, наверно, не спал* (В. Быков. Сотников).

В [БАС] примеры такого типа распределены по трем значениям: а) «отношение полного противопоставления»; б) «отношение несоответствия»; в) «отношение несоответствия с оттенком полного или ограничительного противопоставления». Не очень понятно, в чем различие между ними, а примеры плохо проясняют дело; так, первое из указанных значений иллюстрируется, в частности, примером «Швабрин подошел ко мне со своим подносом; но я вторично от него отворотился» (А. Пушкин. Капитанская дочка), а второе - казалось бы, очень близким по смыслу примером: «Он весело закричал что-то генералу Маркову, но тот отвернулся» (А. Н. Толстой. Восемнадцатый год).

В словаре Ожегова значение союза *но* определяется как «противопоставление», а в [МАС] — как «противоречие ожидаемому, должному». Остается непонятным, чем отличается данное значение союза *но* от соответствующего значения союза *а*, которое определяется аналогичным образом — как «несоответствие», «противоречие ожидаемому, должному» [МАС].

Более верное определение данного значения союза *но* содержится в [Холодов 1975], а также в Грамматике 1980 [т. II: 624]: «сообщаемое в предшествующей части выступает как стимул потенциальной ситуации, противоположной той, о которой информирует последующая часть: *Стояла зима, но я гулял в пиджаке* (Шалап.) ('стояла зима, поэтому следовало бы гулять не в пиджаке')» [Грамматика 1980, т. II: 624].

Приведенное определение схватывает основное в значении союза *но* — зависимость второго компонента от первого компонента. Именно это отличает союз *но* от другого противительного союза, союза *а*. Проиллюстрируем это отличие одним примером:

(10) а. День был дождливый, *но* Коля не взял зонт.

б. День был дождливый, *а* Коля не взял зонт.

Приведенные примеры явно отличаются по смыслу: в (10а) действия *з а в и с и м ы*: Коля *з н а л*, что день дождливый, и все-таки не взял зонт; в (10б) действия *н е з а в и с и м ы*: возможно, когда Коля уходил, дождя еще не было или он его не заметил.

Серьезные возражения вызывает получившее широкое распространение в отечественной (и в зарубежной) лингвистике мнение о том, что в конструкциях с *но* (и в конструкциях с *but*) содержание второй части противоречит «ожидаемому» или «обычному» (см., напр. Мушанов 1964: 155; МАС; Левин 1970: 78–79; Lakoff 1971: 133; Ван Дейк 1978: 274–275; Грамматика 1979, т. 2: 810; Ляпон 1986: 164; Усова 1986: 9–15).

Анджей Богуславский убедительно показал, что в значение союза *but* не входит несоответствие чьим-то ожиданиям или представление о малой вероятности событий — иначе неправильны были бы фразы типа

(11) The plane took off, *but*, as everyone expected, he did not worry [Boguslawski 1977: 282].

Это замечание представляется справедливым, и оно в полной мере применимо и к русскому языку, ср. перевод приведенной выше английской фразы:

- (12) Самолет взлетел, *но, как все и ожидали*, он не испытал беспокойства.

Можно, правда, считать, что компонент 'несоответствие ожиданиям' входит в значение союзов *but* и *но* как слабый факультативный компонент (см. о них: Апресян 1974: 124–125; 1979а: 514), который стирается при наличии сочетаний типа *как все и ожидали*. Нам, однако, такое объяснение представляется неубедительным: было бы странно, если бы говорящий, вместо того, чтобы употребить в (11) и (12) «нейтральные» союзы *and*, *и*, употребил союзы *but*, *но*, указывающие на несоответствие ожиданиям (чтобы тут же стереть это указание!).

На наш взгляд, в рассматриваемых конструкциях с союзом *но* следует видеть не неожиданность, малую вероятность или необычность, а несоответствие норме, нарушение нормального хода событий.

Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет не о замене имеющихся терминов новым термином — речь идет о существенном содержательном различии. В чем оно заключается?

1. Если бы конструкция с *но* указывала на неожиданность второго компонента (Y), то она не должна сочетаться с эксплицитным указанием на то, что Y — соответствует ожиданиям. Между тем, подобные сочетания возможны, ср.: *Коля пошел на охоту, но, как все и ожидали* <как он и ожидал; как я и ожидал; как и следовало ожидать> *он вернулся ни с чем*.

2. Когда отмечают «необычность» компонента Y конструкции X но Y (или указывают, что обычно событие X сопровождается событием не-Y (ср. Левин 1970: 67, 78), то, собственно говоря, имеют в виду несоответствие конкретного события Y конкретному событию X или классу событий, к которым относится X. Непонятно при этом, почему конструкции с *но* допускают указания на обычность следствия, содержащегося во второй части высказывания. Ср.:

- (13) Коля пошел на охоту, *но, как обычно* <как всегда>, вернулся ни с чем.
- (14) Коля пошел на охоту, *но, как обычно случается с охотниками*, вернулся ни с чем.

В обеих фразах мы сталкиваемся со смысловым противоречием [= 'Коля пошел на охоту; обычно выходы Коли (или выходы охотников) на охоту приводят к принесению добычи; как обычно (или

всегда), Коля вернулся без добычи' — смысловое противоречие!].

3. Согласно третьей из существующих точек зрения, в значении союза *но* входит понятие долженствования: $X \text{ но } Y = 'X \text{ и потому, вообще говоря, не должно иметь место } Y; \text{ между тем, } Y'$ ¹. Это определение представляется более предпочтительным, чем два других, однако и оно не свободно от недостатков. Термины «долженствование», «должен» и т. п. не очень удобны из-за того императивно-дидактического смысла, который осложняет значение соответствующих слов и который неуместен везде, где не идет речь о сознательном действии. К тому же данное понимание оперирует конкретными событиями. Недостаток такого подхода можно проиллюстрировать следующим примером:

(15) Он изобретал вечный двигатель, *но*, разумеется, ничего не изобрел.

Приведенный пример получает интерпретацию, противоречащую нашим знаниям о мире и содержащую, к тому же, смысловое противоречие: 'Коля изобретал вечный двигатель и потому должен был его изобрести; между тем, Коля, разумеется, не изобрел вечный двигатель'. Заметим, что два других подхода, которые были рассмотрены выше, также приводят здесь к неудовлетворительным интерпретациям: 'Коля изобретал вечный двигатель и потому следовало ожидать, что он его изобретет; разумеется, Коля не изобрел вечный двигатель'; 'Коля изобретал вечный двигатель; обычно (или всегда) это ведет к изобретению вечного двигателя; разумеется, Коля не изобрел вечный двигатель'.

Недостаток всех этих интерпретаций и соответствующих толкований союза *но* заключается в их «конкретности» — они оперируют конкретными ситуациями («попытка Коли изобрести вечный двигатель») или классами конкретных ситуаций («существующие попытки изобрести вечный двигатель»)². Между тем употребление союза *но* абстрагировано от конкретных ситуаций и связано с самыми абстрактными общими принципами, отражающими мироощущение человека.

¹ Данное толкование предлагается Г. Е. Крейдлиным и Е. В. Падучевой [1974а: 35] для одного из значений союза *а*, того, где союз *а* синонимичен союзу *но*. Ср. также толкование, предлагаемое в [МАС].

² Так, Ю. И. Левин [1970: 78] толкует предложение *Его имя Вернер, но он русский* через выражение *Us* (Вернер; не русский), т. е.: 'обычно (или всегда) Вернер — не русский'.

Один из этих принципов утверждает: «Целенаправленное действие приводит к успеху». Союз *но* употребляется там, где происходит нарушение общих принципов устройства мира, в частности, принципа успешности целенаправленного действия. И это — независимо от конкретных ситуаций, даже там, где достижение цели заведомо маловероятно, необычно или даже невозможно (как это имеет место в случае с изобретением вечного двигателя).

При описании соответствия / несоответствия этим общим принципам устройства мира, как они отразились в языке, естественно использовать понятие нормы (соответствия / несоответствия норме) — тем более, что понятие нормы достаточно широко используется при описании значения языковых единиц и уже введено нами в значение некоторых сочинительных союзов.

По нашему мнению, понятие нормы (точнее — несоответствия нормальному ходу событий) входит также и в значение союза *но*¹.

С учетом сказанного значение *но-2* («*но* ненормального следствия») можно определить так:

X, но-2 Y = 'X; при нормальном ходе событий X привел бы к чему-то противоположному Y-у;
имеет место ненормальное Y;
решающим для описываемой ситуации является Y'.

Комментарии к толкованию:

1. Компонент 'решающим для описываемой ситуации является Y' обсуждался выше. Он, бесспорно, входит и в значение союза *но-2* («*но* ненормального следствия»), ср.: *Он пошел за хлебом, но не купил его* [решающим для описываемой ситуации является второй компонент, указывающий на то, что хлеб не куплен].

2. Навязываемая союзом *но* интерпретация второго компонента (Y) как ненормального следствия настолько определена, что она побеждает даже там, где она, казалось бы, вступает в противоречие со здравым смыслом, ср.:

(16) Он заболел, *но* пошел в поликлинику.

Хотя, казалось бы, пойти в поликлинику для заболевшего человека вполне естественно, однако наличие союза *но* диктует иную интерпретацию предложения (16): 'Он заболел и нормальным было бы не ходить в поликлинику, но он пошел туда' (фраза может быть

¹ Некоторые существующие в языке принципы разграничения нормального и ненормального рассматриваются ниже.

употреблена, например, в случае, если заболел врач, работающий в этой поликлинике).

«Но противодействия» — особое значение союза или эллипсис?

Речь идет о конструкциях типа *День был дождливый, но я взял зонт*.

Они довольно распространены.

Примеры:

- (17) *Пожарные были исполнены рвения, но в ближайшем кране не оказалось воды* (И. Бабель. Король); — *Простите, который час? У меня без пяти два, но мои спешат* (РРР: 296); *Было у него потом двое детей, но оба умерли* (Ю. Казаков. Старики).

Подобные конструкции приводятся (обычно без детального анализа) в ряде исследований (см., напр., Грамматика 1960, т. II, ч. 2; Петрухин 1979). В работе Н. Н. Холодова отмечается, что «в этих предложениях содержание второго компонента подается или как нечто препятствующее реализации того, о чем говорится в первом компоненте <...>, или как уточняющее (ограничивающее) содержание первой части» [Холодов 1975: 107–108]. Ю. И. Левин толкует эти конструкции следующим образом: «обычно (или всегда) событие X сопровождается событием Z (или приводит к событию Z); событие Y обычно (или всегда) сопровождается событием не-Z (или приводит к событию не-Z)» [Левин 1970: 67, 78–79]. Так, предложение *Катя пошла за хлебом, но магазин был закрыт* может быть интерпретировано следующим образом: «обычно (или всегда) выход за хлебом приводит к покупке хлеба; закрытие магазина обычно (или всегда) приводит к невозможности купить хлеб».

Эта интерпретация вызывает одно возражение. Противодействующие компоненты признаются равноценными, между тем как в действительности второй компонент (магазин был закрыт) является доминирующим, определяющим для описываемой ситуации. Из толкования Ю. И. Левина не следует, что хлеб не был куплен, а ведь это, без сомнения, входит в смысл приведенной фразы.

В целом же понимание этих конструкций Ю. И. Левиным более правильно, чем то, которое я предложил в своей более ранней работе [Санников 1989]. В этих конструкциях, действительно, есть пропущенное звено (все-таки, видимо, одно), и они, тем самым, являются эллиптическими.

Поясним сказанное примером. Рассмотрим загадочную пару фраз, где одна и та же первая часть (*День был дождливый*) допускает прямо противоположные продолжения:

(18) *День был дождливый, но я не взял зонт.*

(19) *День был дождливый, но я взял зонт.*

В (18) союз *но* вводит указание на ненормальное следствие, между тем (19) вводит не указание на ненормальное следствие (ведь взять зонт в дождливую погоду — вполне естественно), а указание на причину, по которой имеет место некое ненормальное следствие. Само это следствие эксплицитно не выражено. В целом (19) имеет приблизительно такой смысл: 'День был дождливый; воздействие этого обстоятельства на описываемую ситуацию (заключающееся в том, что я мог вымокнуть) устранено или ослаблено тем, что я взял зонт'.

(20) Коля пошел за хлебом, *но не купил его.*

(21) Коля пошел за хлебом, *но магазин был закрыт.*

Фразы (20) и (21) описывают одну и ту же ситуацию, однако в (20) союз вводит указание на ненормальное следствие, а в (21) но вводит лишь указание на причину, вызвавшую это ненормальное следствие, само же следствие эллиптировано, опущено. Интересно, что оно нередко оформляется в виде отдельного высказывания:

(22) Я поехал было за Нижегородским полком, *но лошадь моя хромала. Я отстал* (А. Пушкин. Путешествие в Арзрум).

При изменении порядка слов мы получаем обычную конструкцию с *но-2* («но ненормального следствия»): Я поехал было за Нижегородским полком, *но отстал: лошадь моя хромала.*

Следует отметить, что в ряде случаев «пропущенные смысловые звенья» достаточно расплывчаты и неопределенны. Ср.:

(23) *Берега Невы прекрасны, но я не лягушка и не охотник до болот* (Н. Карамзин); *Ей минул десятый год, когда отец ее умер; но он мало занимался ею* (И. Тургенев. Дворянское гнездо).

Итак, в рассматриваемых необычных употреблении союза *но* мы имеем дело не с особым значением союза, как я, повторяю, ошибочно полагал в книге [Санников 1989], а с *но-2* («но ненормального следствия»), однако само указание на ненормальное следствие опущено, конструкция эллиптическая. Это особый класс синтаксических конструкций, который обсуждался выше в главе, посвященной эллипсису.

Резюмируем сказанное. Остаются лишь два основных употребления союза *но*: «но противоположной оценки» и «*но* ненормального следствия». Сравним их.

3. Два употребления союза *но* — это одно значение?

Два рассмотренных ранее употребления союза *но* кажутся сильно различающимися по смыслу: 1) в случае *но-2* компоненты взаимозависимы, а в случае *но-1* — нет; 2) в случае *но-1* компоненты имеют противоположную оценку, а в случае *но-2* они, видимо, никак не оцениваются. Итак, смысловые различия между разными употреблениями союза *но* довольно значительны. Однако я присоединяюсь к тем (немногим) ученым, которые считают союз *но* однозначным. Можно привести следующие аргументы в пользу этого решения:

1) Наряду с различиями, между разными употреблениями союза *но* отчетливо ощущается большая смысловая близость: а) во всех употреблениях *но* мы имеем дело с конъюнкцией компонентов X и Y; б) решающим для описываемой ситуации является Y.

2) Выделяя несколько значений союза *но*, мы столкнулись бы с труднопреодолимыми сложностями при формулировании правил распределения этих значений. Во многих случаях не формальные показатели, а лишь наши знания о мире (в частности, о конкретной ситуации) позволяют определить, имеем ли мы дело с «*но* противоположной оценки» или «*но* ненормального следствия». Иногда оказывается недостаточно и этого, и тогда фраза допускает разные интерпретации. Мы без особых затруднений понимаем фразы типа *Он умный, но бедный*, хотя они допускают разные интерпретации: ум и бедность могут пониматься как независимые признаки (и тогда мы имеем дело с «но противоположной оценки»: ‘Он умный (это хорошо) и бедный (это плохо)’; однако они могут осознаваться как зависимые признаки (умный человек обычно добивается богатства) — и тогда мы имеем дело с «*но* ненормального следствия»: ‘Он умный, при нормальном положении дел он был бы богатый; это не так — он бедный’. И подобных случаев, когда отнесение к одному из двух значений *но* затруднительно, очень много. Ср., например:

(24) — Евгений Васильев, — отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом (И. Тургенев. Отцы и дети); [*но*

противоположной оценки»? «*но ненормального следствия*»?]; *Все мы четыре желали, но у всех были разные желанья* (М. Кузмин. Александрийские песни); *На блюде киснет одинокий рыжик, / Но водка выпита до капельки вчера* (Саша Черный. Обстановочка).

Вряд ли в случае союза *но* слушающий каждый раз проводит мыслительную операцию отнесения этого союза к одному из нескольких значений. Более вероятно предположение, что он удовлетворяется более общим пониманием, которое может конкретизироваться и уточняться благодаря знаниям об окружающем мире.

4. Толкование союза *но*.

Отвлекаясь от эллиптических конструкций, можно утверждать, что в русском языке имеется один союз *но*, и он может быть истолкован приблизительно так:

X но Y = 'X; воздействие X-а на описываемую ситуацию (или на общую оценку) ослаблено или устранено ненормальным для ситуации наличием Y-а; решающим для описываемой ситуации (или для общей оценки) является Y'.

Комментарии к толкованию:

1. С ситуацией «общей оценки» мы имеем дело в случаях типа *Красивая, но глупая; Длинное, но узкое озеро*.

2. То, что в значение союза *но* входит элемент 'воздействие X-а на описываемую ситуацию (или на общую оценку) ослаблено или устранено наличием Y-а', становится очевидным при сопоставлении этого союза с союзом *и*. Ср.:

(25) а. Он пошел за хлебом *и* скоро вернулся.

б. Он пошел за хлебом, *но* скоро вернулся.

При полном совпадении лексического состава компонентов (25а) и (25б) существенно различаются по смыслу: в случае (25а) хлеб, видимо, куплен, а в случае (25б), вернее всего, не куплен — воздействие первого компонента («пошел за хлебом») на ситуацию приобретения хлеба ослаблено или устранено наличием второго компонента («скоро вернулся»).

3. Указание на ненормальность наличия второго компонента (Y) может показаться излишним. Мы, однако, признаём его важным смысловым элементом толкования, опираясь при этом, в первую очередь, на интуицию — и не только свою: многие исследователи

ощущали какую-то особенность второго компонента конструкции с *но*, хотя предлагаемая ими квалификация этой особенности как «неожиданности» или «необычности» вряд ли может быть принята (см. выше). Мы определили бы эту особенность конструкций с союзом *но* следующим образом: существует общепринятое и закрепленное в языке представление о нормальном ходе событий; в случае союза *но* нормальный ход событий нарушен наличием ненормального Y-а.

Е. М. Вольф так же, как и мы, видит во фразах с *но* «отклонение от нормальной картины мира» [Вольф 1986: 104], считая, однако, что с точки зрения соответствия/несоответствия норме оценивается по отдельности каждый компонент — X и Y: *За зиму я растерял свои немногие знакомства, обносился очень, заболел ревматизмом и немного одичал* [отклонение от нормы, знак —]. *Но* брился ежедневно [соответствие норме, знак +]. *Но* обозначает смену оценочного знака (см. Вольф 1986: 104). Мы понимаем конструкции с *но*, *и*, в частности, пример, приводимый Е. М. Вольф, иначе: несоответствующим норме мы считаем как раз не первый, а второй компонент, причем (и это очень важно) он представляет собой отклонение от нормы не сам по себе, а при наличии первого компонента (при болезни и одичании ежедневное бритье — ненормальность). Наше понимание нормы в значении союза *но* представляется предпочтительным в случаях, где трудно усмотреть смену оценочного знака, ср.: *Он чудовищно толстый, но очень суетливый*. Взятые по отдельности оба компонента представляют собой отклонение от нормы. Союз *но* подчеркивает ненормальность их сочетания.

Представление о нормальном ходе событий для говорящих является, повторяем, общепринятым. Тем самым, речь идет о некоторых общих принципах, с которыми говорящий вынужден считаться, хотя, будучи осознаны, они в применении к конкретной ситуации могут показаться ему странными. Так, ситуация «болезнь» входит в класс ситуаций «нарушение существующего положения», а для этого класса ситуаций нормальным считается дальнейшее развитие в том же направлении (подробнее см. ниже). Поэтому указание на смерть присоединяется союзом *и*, а на выздоровление — союзом *но* (хотя обычным завершением ситуации «болезнь» в наше время является все-таки выздоровление):

(26) Он заболел *и скоро умер* [не: *но скоро умер].

(27) Он заболел, *но скоро выздоровел* [не: **и скоро выздоровел*].

Примеры типа (26)–(27) нельзя расценивать как свидетельство «пессимистичности» языка: при ином повороте событий именно смерть расценивается как ненормальный исход и указание на него вводится союзом *но*: *Утром больному стало лучше, но к вечеру он умер*.

Вопрос о том, что принимается в языке за нормальное (и вводится обычно союзом *и*), а что — за ненормальное (присоединяемое союзом *но*), выходит за рамки комментариев к толкованию союза *но* и будет рассмотрен в следующем разделе работы.

5. О разграничении нормального и ненормального в языке. Итак, союз *но* употребляется там, где нарушено представление (единое для всех говорящих!) о нормальном развитии ситуации или о нормальном положении дел. Выделение существующих в языке принципов разграничения нормального и ненормального важно и интересно для характеристики того способа мышления, который нашел отражение в языке.

Вот некоторые (крайне предварительные!) замечания о существующих тут принципах.

1) Принцип статичности. Мир, окружающий человека, устойчив к изменениям. Исчезновение чего-то имеющегося и/или возникновение чего-то нового — ненормальность (и указание на такое изменение вводится союзом *но*), ср.:

(28) Весь день шел дождь, *но к вечеру он кончился* [не: **и к вечеру он кончился*].

2) Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении (ср.: *Он заболел и скоро умер*); возвращение к исходному положению — ненормальность, и соответствующее указание вводится союзом *но* (*Он заболел, но скоро выздоровел*). Ср. неправильную фразу: **Он заболел, но скоро умер*). Ср. также:

(29) С утра больному стало лучше, *но вечером он умер*.

3) Нормальна высокая степень проявления признаков ситуации. Поэтому характеристики типа *много, долго* и т. п. считаются нормальными и вводятся союзом *и* — см. (30), а характеристики типа *мало, недолго, недалеко, редко, несильно* и т. п. считаются ненормальными и вводятся союзом *но* — см. (31):

- (30) Морозы бывают, *и часто* [не: *но часто].
 (31) Морозы бывают, *но редко* [не: *и редко]; Он получает премии, *но редко*; Он получает выговоры, *но редко*; Она болела, *но недолго*; Они поссорились, *но не всерьез* <не-надолго>; Есть в осени первоначальной Короткая, *но дивная* пора (Ф. Тютчев); Вася увидел, что отец пашет на ихней корове, *но запахал мало* (А. Платонов. Корова).

4) Принцип гармоничности. Нормально, когда признаки того или иного предмета или явления относятся к одному полюсу (оба — к положительному или оба — к отрицательному), ср.: *Она красивая и умная; Она некрасивая и глупая; Озеро было длинное и широкое*. Ненормально (и выражается союзом *но*) сочетание противоположных полюсов, ср.: *Она красивая, но глупая* [положительная часть шкалы красивый/некрасивый и отрицательная — шкалы умный/глупый]; *Она некрасивая, но умная; Озеро было длинное, но узкое*.

5) Нормально, когда утверждения оказываются правдой, а намерения, обещания, угрозы, побуждения, ожидания осуществляются в действительности — ср. (32а)–(33а); ненормально, когда это не так — ср. (32б)–(33б):

- (32) а. Он сказал, что Катя уехала, *и это была правда* [не: **но это была правда*].
 б. Он сказал, что Катя уехала, *но это была неправда* <ложь>.
 (33) а. Он считал, что Катя уехала, *и не ошибся* [не: *но не ошибся]
 б. Он считал, что Катя уехала, *но ошибся*.

6) Оптимистичность языка. Почему указание на истинность неприятного события может вводиться союзом *но*, а указание на истинность приятного события — нет? Ср.:

- (34) а. Приезжает Коля. *Печально, но факт*.
 б. Приезжает Коля. **Прекрасно, но факт*.

Считается, видимо, нормальным, когда происходит нечто хорошее, а плохое расценивается в языке как ненормальность. В силу этой оптимистичности языка указание на истинность неприятного события считается ненормальным и вводится союзом *но*:

- (36) Коля ударил женщину. Это *отвратительно, но это правда*; Эти призраки <...> самым решительным образом влияют на жизнь. Это *ужасно унизительно, но это так* (М. Салтыков-Щедрин. Круглый год. Первое февраля).

Люди охотно верят хорошему и неохотно — плохому, и это находит отражение в языке. Это объясняет, почему можно сказать:

Он умирает. Это *ужасно, но это так* [Г предвидит, что С попытается поставить под сомнение печальное известие, и подчеркивает, что это — правда].

Но, видимо, нельзя сказать:

³Он выздоравливает. Это *замечательно, но это так* [Г знает, что С охотно поверит приятному известию и настаивать на истинности сделанного утверждения бессмысленно].

При рассмотрении тех принципов, которые определяют человеческое поведение, мы могли опереться на большое и интересное исследование Ю. С. Мартемьянова и Г. В. Дорофеева, посвященное описанию «мира тщеславия» на материале «Максим» Ф. де Ларошфуко [Мартемьянов, Дорофеев 1983]. Особый интерес для нас представляла первая часть работы, где формулируются «аксиомы», «принципы поведения» и «общечеловеческие утверждения».

Оказалось (и это вполне естественно), что принципы употребления союза *но* хорошо скоррелированы с теми «принципами поведения» и «общечеловеческими утверждениями», которые на других основаниях и с другой целью выделяют Мартемьянов и Дорофеев: *но* употребляется там, где эти принципы и утверждения нарушены. Привести здесь весь соответствующий материал мы, по понятным причинам, не можем. Ограничимся приведением отдельных примеров, а в конце рассмотрим те «аксиомы» и «общечеловеческие утверждения», которые в нашем материале не находят подтверждения. (Их немного).

6) «Человек желает или стремится воспринимать приятное»; «Человек желает или стремится не воспринимать неприятного» (с. 45) Нарушение этих аксиом расценивается как ненормальность, и указание на нее, естественно, вводится союзом *но*, ср.:

Трудно было очень, но баранку не бросал шофер (Песня);
От подков в лицо летел снег; Настёна жмурилась, но не отвертывалась (В. Распутин. Живи и помни); *Мне было хорошо там, но я (все-таки) уехал*.

7) «Человек из двух зол выбирает меньшее или необязательное, а из двух благ — большее или обязательное» (с. 47). Нарушение этого принципа считается ненормальным и указание на него вводится союзом *но*. Ср. правильное (37) и неправильное (38):

(37) Он мог выбирать из двух зол, *но выбрал большее.*

(38) *Он мог выбирать из двух зол, *но выбрал меньшее.*

8) «П р и н ц и п а к т и в н о с т и. Имея желание или цель, человек стремится их осуществить или узнать средства для этого» (с. 48). Поэтому (39) правильно, а (40) — нет:

(39) Он очень хотел поехать в Крым, *но не поехал <но не купил билеты; но ничего не сделал для этого>.*

(40) *Он очень хотел поехать в Крым, *но поехал.*

9) «Человек отказывается от удовольствия, если оно ведет к каре» (с. 51). Поддаться искушению признается в этом случае ненормальным, ср.:

(41) Самовольная отлучка грозила ему исключением, *но он все-таки уехал.*

10) «Если человек страдает, то это ведет к тому, что он желает страданий другим» (с. 57). Поэтому (42) правильно, а (43) — нет:

(42) Я страдаю, *но не желаю страданий другим.*

(43) *Я страдаю, *но желаю страданий другим.*

11) «Если человек страдает и считает, что в этом виноват определенный другой человек, то это ведет к ненависти первого ко второму» (с. 61). Ср.:

(44) Коле пришлось много страдать из-за нее, *но он ее не возненавидел.*

12) «Если человек, зная, что некто другой располагает тем, что считает благом, сам таким благом не располагает, то это ведет к тому, что первый завидует этому другому в связи с этим благом» (с. 62).

Не завидовать ближнему — ненормальность и указание на нее вводится союзом *но*, ср.:

(45) Он был красив, умен, здоров, *но я не завидовал ему.*

Среди «аксиом» и «общечеловеческих утверждений», выделяемых Ю. С. Мартемьяновым и Г. В. Дорофеевым, есть несколько таких, которые не соответствуют правилам употребления союза *но*.

1) А к с и о м а А-5: «Страдая, человек считает это следствием своего несовершенства» (с. 45–46). Ей противоречат примеры типа:

(46) Он много страдал, *но всегда винил в этом самого себя.*

С другой стороны, фразы типа (47) также правильны:

(47) Он много страдал, *но никогда не винил в этом себя самого <но всегда винил в этом внешние обстоятельства>.*

Судя по употреблению *но*, говорящий исходит из представления о многообразии причин человеческих страданий, причем собственное несовершенство — лишь одна из этих причин.

2) Две группы «общечеловеческих утверждений» («лемм») Ю. С. Мартемьянова и Г. В. Дорофеева касаются «обладания достоинствами или недостатками». Согласно утверждениям первой группы (Л-30, Л-31, Л-34) человек «трезвонит» о своих достоинствах и о чужих недостатках (с. 67–69); согласно утверждениям второй группы (Л-32 и Л-33) человек замалчивает свои недостатки и чужие достоинства (с. 68). Утверждения первой группы находят подтверждение в правилах употребления союза *но* (ср.: *У Коли масса достоинств, но он не кричит об этом*), утверждения же второй группы — нет: им противоречат примеры типа:

(48) Он был очень завистлив, *но* никому не признавался в этом.

(49) Я отлично знаю, что он очень умен, *но* никому не говорю об этом.

Если замалчивать свои недостатки и чужие достоинства — норма, то почему же в (48)–(49) употреблен не союз *и*, а союз *но*, указывающий как раз на отступление от нормы?

Обсуждаемые утверждения Мартемьянова и Дорофеева об обладании достоинствами или недостатками выглядят достаточно естественными, однако в языке действует, по нашему мнению, другой, более общий принцип, абстрагированный от соображений собственной выгоды или невыгоды. Этот принцип можно назвать принципом откровенности: обладая важными сведениями, человек сообщает о них окружающим. Любое умолчание (даже если оно человеку выгодно!) расценивается как ненормальность и указание на нее вводится союзом *но*, ср.:

(50) а. Он знал, что ошибся, *но* никому не сказал об этом.

б. Он знал, что ошибся, *и* всем рассказал об этом [не: *но всем рассказал об этом].

Отсюда правильность фраз (48)–(50), при другом понимании трудно объяснимая.

6. Некоторые загадки употребления союза *но* Смысл некоторых предложений с *но* не соответствует (или не совсем соответствует) предложенному толкованию союза. Возможно, это вызвано воздействием некоторых дополнительных возмущающих факторов (особенности лексического состава компонен-

тов, эллипсис, специфические коммуникативные цели и т. п.). Не исключено, однако, что эти примеры (или некоторые из них) требуют внесения поправок в наше толкование союза *но* или даже выделения некоторых особых значений. Не делая пока этих изменений (их необходимость для нас далеко не очевидна), мы ограничимся приведением всех случаев, интерпретация которых связана с определенными трудностями. Этих «загадочных» случаев три.

1) Почему в конструкциях типа (51), указывающих на большие усилия, одна и та же первая часть допускает (как ненормальные) прямо противоположные продолжения? Ср.:

- (51) а. Он работал всю ночь, *но не выполнил* задание,
б. Он работал всю ночь, *но выполнил* задание.

Мы можем предложить два объяснения этого явления:

а) возможно, в языке действует принцип умеренности предпринимаемых усилий. Успех считается нормальным результатом умеренных усилий (Он копал яму и выкопал ее), и указание на успех не может в этом случае вводиться союзом *но*, ср.:

- (52) *Он копал яму, *но выкопал ее*.

Однако легкий успех расценивается уже как ненормальность и описывается с помощью *но*:

- (53) Он копал яму (*совсем*) *недолго, но выкопал ее*.

Что же касается больших усилий для достижения цели (которые как раз и описываются в «загадочных» примерах (51а)—(51б)), то они, видимо, оцениваются языком скептически: приведут ли к успеху большие усилия — это «бабушка надвое сказала». Видимо, поэтому в (51) и указание на успех, и указание на неуспех одинаково вводятся союзом *но*.

б) возможно и другое объяснение (на наш взгляд, более убедительное): в (51а) и (51б) мы имеем дело с разными дизъюнктивными компонентами толкования союза *но*: (51а) — с ненормальным следствием, а в (51б) — с противоположной оценкой: ‘Он работал всю ночь [это плохо, утомительно]; он выполнил задание [это хорошо]’. Ср. еще следующие примеры:

- (54) Отец со своей неисчерпаемой энергией объездит всю Москву, *но* добьется своего (Т. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне).
- (55) а. Он тренировался день и ночь, *но* выступил слабо,
б. Он тренировался день и ночь, *но* добился победы.

2) Почему в конструкциях типа (56) первая часть допускает противоположные продолжения? Ср.:

(56) а. Пирог стоял в духовке полчаса, *но не испекся*.

б. Пирог стоял в духовке полчаса, *но испекся*.

По-видимому, первая часть (*Пирог стоял в духовке полчаса*) понимается в (56а) и (56б) по-разному: в (56а) *полчаса* ситуативно оценивается как 'долго', а в (56б) как 'недолго', что и приводит к возможности противоположных продолжений. Доказательство: возможность подстановки единиц типа *только, всего, целых* в (56б), но не в (56а):
**Пирог стоял в духовке всего <целых> полчаса, но не испекся*.

3) В каком отношении противопоставлены компоненты конструкций типа (57)?

(57) *Невольно ль иль из доброй воли, / Но взор сей нежность изъявил: / Он сердце Тани оживил* (А. Пушкин. Евгений Онегин);
Не знаю, долог ли был сон, / Но странно было пробужденье (Ф. Тютчев. Еще шумел веселый день);
Не знаю почему, но немножко падаю (М. Зощенко. Глупая история).

Конструкции типа (57) имеют приблизительно такой смысл

X , но Y = 'причина или другая характеристика X ситуации Y неизвестна;
это, по мнению Γ , не имеет существенного значения, поскольку решающим для описываемой ситуации является Y ,
а наличие Y -а не вызывает сомнения'.

А Наиболее полное и точное описание значения союза *а* содержится в работах Г. Е. Крейдлина и Е. В. Падучевой [1974а; 1974б], на которые мы существенно опираемся в данном разделе исследования.

Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева справедливо отмечают, что «союз *а* (в отличие от союзов *и* и *но*) относится к числу лексем, в высокой степени идиосинкразических, и не имеет сколько-нибудь близких семантико-синтаксических параллелей в других языках. Поэтому перевод предложений с этим союзом на другие языки (и наоборот, получение предложений с союзом *а* при переводе на русский) составляет немалую трудность» [1974а: 32]. Так, например, союз *а* следует переводить на английский в одних случаях как *and*, а в других — как *but*.

В соответствии с данными словарей и грамматик русского языка Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева выделяют:

- *a* сопоставления (*Вы аристократ, а я демократ*);
- *a* несоответствия (*Дело к весне, а мороз все жестче*);
- *a* присоединительное (*Ты скучаешь, не находишь себе места, а скука и праздность заразительны; За деревней было поле, а за полем начинался лес*).

Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева считают, что значение союза *a* складывается из собственно значения (общего для всех трех значений союза *a* и вообще для всех соединительных союзов — *и; а; но* — и достаточно «бедного»: 'Имеет место S, и имеет место Q') и ограничений, налагаемых на семантику слов, которые соединяются с помощью союза *a* (авторы определяют их как «селективные», т. е. «переходящие семантические признаки», не настаивая при этом, что имеется четкая граница между селективными признаками союза *a* и его синтаксическими свойствами [Крейдлин, Падучева 1974а]).

Такой подход к описанию значения соединительных союзов представляет несомненный интерес. В данной работе принят, однако, другой подход, при котором значение соединительных союзов не делится на «собственно значение» (общее у всех соединительных союзов) и «селективные признаки» (или «переходящие семантические признаки») соединяемых компонентов. Толкование сочинительных (соединительных) союзов является у нас формой представления всех этих сведений. Такое описание представляется более простым и лучше согласующимся с интуицией — особенно при тождестве соединяемых союзом компонентов. Естественно приписывать различие в смысле предложений *Она простая, но милая* vs. *Она простая и милая; Мать вернулась, а я пошел в кино* vs. *Мать вернулась, и я пошел в кино* именно сочинительному союзу (поскольку остальные компоненты в сопоставляемых парах предложений совпадают).

Впрочем, не следует преувеличивать различие между двумя подходами: Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева справедливо отмечают, что вопрос о распределении смысла между собственно значением слова и селективными ограничениями не имеет однозначного общего решения (см. Крейдлин, Падучева 1974а: 31).

Ниже рассматриваются три выделенных значения союза *a* в следующем порядке: *a* несоответствия; *a* сопоставления; *a* присоеди-

нительное, или обобщающее.

Должен признаться, что в ходе работы мое понимание союза *а* претерпело существенные изменения (ср. Санников 1987в), но я не уверен, что и этот вариант является окончательным.

А-1
(«а несоответствия»)

Примеры: (1) *Отрядом книг оставил полку / Читал, читал, а все без толку* (А. Пушкин. Евгений Онегин); *Здесь у нас, мочи нет скучно: игры нет, а я все-таки проигрываюсь* (А. Пушкин Письмо М. О. Судиенке, 22 янв. 1830); *Народ мертвый, а плати как за живого* (Н. Гоголь. Мертвые души); *Не проехали еще и десяти верст, а он уже думал: «Пора бы отдохнуть!»* (А. Чехов. Степь); *Утро давно, а в глазах у тебя, / Я посмотрю, и не день и не ночь* (А. Фет); *Ночь, темно, а отца все нет* (А. Платонов. Корова); *Малый город, а старинный. Имя ему было Льгов* (Н. Асеев. Путь в поэзию); *Октябрь, а солнце так же жгуче* (Б. Пастернак. Волны).

Отмечают обычно, что в этом значении союз *а* синонимичен союзу *но*. Как мы пытались показать, *но* не выражает «несоответствие ожиданиям» или «необычность». То же самое, очевидно, следует сказать и о союзе *а*. Ср. допустимость фраз типа *День дождливый а Коля, как и следовало ожидать <как обычно; как это обычно бывает>, не взял зонт*. По нашему мнению, в случае союза *а* следует как и в случае союза *но*, говорить о несоответствии и норме. Это не означает, однако, что толкования двух рассматриваемых союзов совпадают. Дело в том, что распространенное мнение о полной синонимичности союзов *а* (*а несоответствия*) и *но*, видимо, ошибочно. Разумеется, во фразах типа (2а) союз *а* близок по значению союзу *но* и может быть заменен этим союзом

- (2) а. День был дождливый, *а* Коля не взял зонт,
б. День был дождливый, *но* Коля не взял зонт.

Однако эта замена связана с существенным изменением смысла которое индуцировано именно союзами *но* и *а* (поскольку остальные компоненты предложений совпадают). Союз *но* указывает на зависимость компонентов *Х* и *У* (Коля знал, что погода дождливая, и все-таки не взял зонт); союз *а* описывает события как независимые (возможно, когда Коля собирался, дождя еще не было). Союз *но* указывает, что второй компонент *У* — ненормальное следствие

(нормальным было бы, зная о дожде, взять зонт); союз *a* указывает на несоответствие событий, мыслящихся как независимые (нормальным было бы в дождливую погоду иметь зонт).

Более того. Там, где события явно зависимы, союз *a* нежелателен, ср.:

(3) ?Он серьезно заболел, *a* через неделю выздоровел [предпочтительнее: *но*].

Болезнь и выздоровление не могут мыслиться как независимые события; отсюда нежелательность фразы (3).

Интересно, что близкая по смыслу фраза (4) правильна, поскольку здесь прямо о выздоровлении не говорится, «формальности соблюдены», события могут мыслиться как независимые:

(4) Он серьезно заболел, *a* через неделю у станка стоял.

Именно независимостью, «равноправностью» компонентов, соединяемых союзом *a*, объясняется возможность перестановки частей фразы (5):

(5) а. День был дождливый, *a* он не взял зонт,

б. Он не взял зонт, *a* день был дождливый,

— между тем как во фразе (6), включающей союз *но*, подобная перестановка невозможна:

(6) а. День был дождливый, *но* он не взял зонт,

б. *Он не взял зонт, *но* день был дождливый.

Ср. также примеры, где замена союза *a* союзом *но* невозможна без изменения порядка компонентов X и Y:

(7) *Во вверенном Шмакову подотделе сидело сорок два человека, a работы было на пятерых* (А. Платонов. Город Градов).

Итак, союз *но* указывает на ненормальный ход событий (Y — ненормальное следствие из X), союз *a* — на ненормальное положение дел, ненормальное сочетание событий, мыслящихся как независимые.

В результате можно предложить следующее толкование союза *a-1* («*a* несоответствия»):

X *a-1* Y = 'в качестве описываемого выступают: X, Y;
сочетание X-а и Y-а — ненормально'.

Комментарии

1) Смысловой элемент 'сочетание X-а и Y-а — ненормально' — выражается именно союзом *a*. При опущении союза этот смысл утрачивается, ср. фразы, явно различающиеся по смыслу:

(8) а. День был жаркий, *а* мы поехали за город.

б. День был жаркий. Мы поехали за город.

2) Некоторые из принципов разграничения нормального и ненормального в языке были рассмотрены при описании союза *но*. Многие из них применимы (иногда в несколько модифицированном виде) к случаям употребления союза *а*. Несколько примеров:

(а) Ненормально, когда нет возможности предотвратить неприятное событие или хотя бы ослабить его воздействие (ср.: *День дождливый, а у меня нет зонта*).

(б) Ненормально, когда целенаправленное действие встречает противодействие (ср.: *Я пришел в гости, а хозяйева в кино ушли*).

A-2

(«а сопоставления»)

Переходим к рассмотрению основного, наиболее частого и вместе с тем наиболее загадочного употребления союза *а*.

Примеры: (9) *Сегодня — трезво торжествую, / А завтра — плачу и пою* (А. Блок. Я коротаю жизнь мою); *Видеть Козу во сне — хорошо, а Козла — неприятность* (А. Ремизов. Посолонь. Змей); *У Демьяна усы наружу, а у кита — внутри* (В. Маяковский. Мелкая философия на глубоких местах); *Я — волк, а Критика — облава!* (И. Северянин. Поза вне абонемента); *Какие теперь магазины! Теперь только очереди, а магазинов нет* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); *Он был Ив. Ив. Соллертинский, а я был абсолютное никто* (И. Андроников); *Вы — умы, а мы — увы!*

(10) *Ценят золото по весу, / А по шалостям — повесу* (Д. Минаев); *Петух пробуждается рано, а злодей еще раньше* (Козьма Прутков).

Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева [1974б, 32 и сл.] считают, что значение данной лексемы не может быть адекватно представлено в виде толкования самого союза, т. е. эксплицитной перефразировкой выражений с союзом *а*. Они пытаются описать значение «а сопоставления» указанием семантических связей между компонентами X и Y, соединяемыми этим союзом. В каждом из компонентов X и Y имеется выделенная (интонационно и семантически) тема (Т) и рема (R); тема компонента X вступает в ассоциативную связь с темой компонента Y, а рема компонента X — с ремой компонента Y. Авторы полагают, что, если описать эти ассоциативные связи, то тем

самым мы опишем данное значение союза *а* и условия осмысленности употребления этого союза. Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева отмечают, что ассоциативные связи могут быть основаны на: антонимии (Он шутил, а я злобствовал), тезаурусной соотнесенности (Хотел я стать моряком, а стал учителем), «перевернутости» (Не место красит человека, а человек место), контекстной соотнесенности имен (Девушки бросились в одну дверь, а камердинер — в другую), соотнесенности по степени проявления признака (Петя любит эту песню, а я ее обожаю). В работе содержится детальное и глубокое описание синтаксических и семантических свойств предложений с сопоставительным *а*. Выделенные авторами ассоциативные связи определяют основные случаи употребления сопоставительного *а* и могут быть учтены, в частности, в системах автоматической обработки русских текстов. Однако описать все случаи, все ассоциативные связи, видимо, в принципе невозможно, поскольку при некоторых предикатах на актанты не накладывается никаких семантических ограничений, ср.:

- (11) Петя думает *о Кате*, а Миша — *о бутылке водки* <*о работе; об отпуске; о Черном море; о человеческой подлости; о повышении производительности труда; о перестройке; о том, чтобы поскорее уйти* и т. д.>.

(Видимо, ни одно из соотношений компонентов в (11) не укладывается в набор ассоциативных связей, выделяемых Г. Е. Крейдлиным и Е. В. Падучевой).

Поэтому попытки подыскать эксплицитную перефразировку выражений с «*а сопоставления*» представляются нам оправданными.

Толковые словари подчеркивают обычно противопоставленность, противоположность компонентов, соединяемых союзом *а* (см., напр., БАС; МАС). В большинстве случаев (и, в частности, в приведенных выше примерах (9)) это действительно так; здесь отчетливо ощущается оценка сочетания компонентов *X* и *Y* как ненормального, ср.: *Ваня работает хорошо, а Коля плохо* (ненормально, когда один работает хорошо, а другой — плохо). Тем самым большинство примеров с сопоставительным *а* вполне соответствуют данному выше толкованию союза *а-1* («*а несоответствия*»).

Сложность, однако, в том, что антонимичность компонентов — лишь один (пусть самый частый) тип связи, существующей

в предложениях с *a* сопоставительным (см. Крейдлин, Падучева 1974б). Ср. (10), а также примеры:

(12) Ваня живет на ул. Маркса, а Коля — на Ленинском проспекте.

(13) Ваня выполнил план на 178%, а Коля на 178,2%.

В (12)–(13) трудно говорить о противопоставлении или несоответствии. Возможно в связи с этим следующее расширение фразы (13):

(14) Работают ребята одинаково хорошо. Ваня выполнил план на 178%, а Коля на 178,2%.

Ср. также два следующих примера:

(15) Коля весит 60 кг, и Ваня почти столько же.

(16) Коля весит 60 кг, а Ваня чуть-чуть меньше.

Фразы (15) и (16) описывают одну ситуацию и очень близки по смыслу. Однако в (15) все-таки эксплицитно выражено сходство (пусть ослабленное наличием частицы почти), а в (16) эксплицитно выражено несходство, несовпадение (пусть практически сведенное почти на нет наличием наречия чуть-чуть).

Противопоставленность компонентов конструкции с союзом *a* ощущается говорящими и обыгрывается иногда в художественной литературе. В романе Б. Пильняка «Голый год» малограмотный человек, читая по складам вывеску «Коммутаторы и аккумуляторы», понимает ее по-своему (*Кому — таторы, а кому — ляторы*) — и возмущается неравноправием.

Разница в значении союзов *и* и *а* особенно ощутима при полном совпадении компонентов X и Y, ср.:

(17) Коля рыжий, и Петя рыжеватый.

(18) Коля рыжий, а Петя рыжеватый.

В (17) подчеркивается сходство рематических компонентов (*рыжий — рыжеватый*), а в (18) — их несовпадение.

Сказанное, казалось бы, склоняет к тому, что «*a* сопоставления» — это не особое значение, а особое употребление, характеризующееся некоторыми синтаксическими и сочетаемостными особенностями (в частности, синтаксическим параллелизмом оформления компонентов). Что касается значения, то оно здесь то же, что и в случае *a-I* («а несоответствия»): ‘в качестве описываемого выступают X, Y; сочетание X-а и Y-а — ненормально’. Можно видеть указание на отступление от нормы во всех случаях сопоставительного *a* (не только в примерах типа *Коля работает хорошо*,

а Ваня — плохо, но и в примерах типа *Коля брюнет, а Ваня — шатен*), — предполагая тем самым, существование в языке некоего принципа одинаковости: нормальным считается полное совпадение (*Миша брюнет, и Коля брюнет*), а несходство (даже малосущественное) расценивается как ненормальность и соответствующее указание вводится с помощью союза *а* (*Миша брюнет, а Коля шатен*).

Если наличие в языке столь «максималистского» требования признать слишком сомнительным, то остается другое решение: выделять в рассматриваемых случаях особое значение союза *а* — «*а сопоставления, или несходства*». Это решение представляется нам более оправданным — уже потому хотя бы, что оно освящено традицией. К тому же при другом подходе трудно объяснить, почему союз *а* возможен в двух противоположных случаях:

(19) а. Он болел, *а* она за ним *не ухаживала*.

б. Он болел, *а* она за ним *ухаживала*.

Естественно видеть в (19а) ненормальное сочетание событий — в полном соответствии со значением *а-1* («*а несоответствия*»), но для (19б) эта интерпретация крайне неестественна. Видимо, мы имеем здесь дело с особым значением союза *а* «*а сопоставления*».

Это значение может быть определено следующим образом:

$X \text{ а-2 } Y =$ 'в качестве описываемого выступают: X, Y ;

Темы *и/или* ремы X и Y не совпадают'.

Комментарии: То, что в значение предложений с *а-2* входит представление о несовпадении тем *и/или* рем компонентов X и Y , подтверждается запретом употреблять союз *а* в случае лексического тождества — здесь обязательен союз *и*, ср.:

(20) а. Маша живет в *Казани*, *и* Катя живет в *Казани*.

б. *Маша живет в *Казани*, *а* Катя живет в *Казани*¹.

Отметим любопытный случай, когда формально рассматриваемое синтаксическое условие не выполняется — одна из двух сопоставляемых пар характеризуется равнолексемностью, ср.:

(21) Шар *наполовину* красный, *а* *наполовину* синий.

Однако (21) — мнимое исключение: за формальным тождеством

¹ В древнерусских текстах союз *а* возможен был (как и союз *и*) в предложениях, включающих тождественные компоненты. Ср.: *а за теля 5 коунь а за свинью 5 коунь* (Правда Русская, по Синодальному I сп.); *а за жеребя 6 ногатъ, а за коровие молоко 6 ногатъ* (Там же).

компонентов кроется смысловое различие (одна половина шара — красная, а другая — синяя). Сходную картину видим также в СК с компонентами: *временами... а временами; порой... а порой; частью... а частью; кое-где... а кое-где* и т. д.

Поскольку в описываемых конструкциях с *а* компоненты сопоставляются друг с другом, в этих конструкциях отчетливо заметен дополнительный смысл, эксплицитно не выраженный. Ср.:

(22) *Коля красивый, а Петя умный.*

Кроме основного смысла ('Коля красивый, Петя умный') предложение (22) несет дополнительный смысл ('Коля не умный, Петя не красивый'). Однако этот имплицитно выраженный смысл нельзя, видимо, приписывать союзу *а*. Он связан с некоторыми общими соглашениями, действующими в языке.

Дополнительный смысл, подобный тому, который отмечался в (22), возможен и в бессоюзных конструкциях, и в последовательностях предложений. Ср.:

(23) *Коля красивый, Петя умный.*

(24) *Коля и Петя учатся в 7-м классе. Петя очень умный*
[= '...Коля не очень умный'].

В заключение укажем один запрет, касающийся сопоставления качественных прилагательных и наречий.

Качественные прилагательные (или наречия), соединяющиеся союзом *а*, могут относиться либо к разным частям одной шкалы (Маша умная, а Катя глупая), либо к одной (верхней или нижней) части разных шкал (Маша умная, а Катя красивая; Маша глупая, а Катя некрасивая). Недопустимо однако, чтобы одно прилагательное (или наречие) относилось к верхней части одной шкалы, а другое — к нижней части другой, ср.:

(25) *Маша красивая, а Катя глупая; *Маша некрасивая, а Катя умная; *Коля бежит красиво, а Петя медленно.

Данный запрет является, видимо, синтаксическим, а не семантическим. В семантике этих качественных прилагательных и наречий нет, видимо, ничего, что препятствовало бы их сочинению, и в других условиях оно становится возможным; в частности, если прилагательные (или наречия) относятся к одному субъекту (Маша красивая, но глупая; Коля бежит красиво, но медленно) или же при перефразировании, ср.: *Основное свойство Маши — красота, а Кати — глупость; В беге Коли поражает красота, а в беге Пети — замедленность.*

А-3

(а «присоединительное, или обобщающее»)

никто, никогда, нигде не любил еще (Шукшин) (пример из: Грамматика 1980); *Он заболел, а болезнь никого не красит.*

Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева не видят здесь ни семантического, ни структурно-синтаксического свойства, которое можно было бы считать необходимым и достаточным для полной характеристики лексемы *а* (см. Крейдлин, Падучева 1974а: 35).

На наш взгляд, эти затруднения связаны с тем, что авторы без достаточных оснований усматривают *а* присоединительное в предложениях типа:

(27) *За деревней было поле, а за полем начинался лес.*

Я считаю более правильным видеть в примерах такого типа *а* с о п о с т а в л е н и я (Коля любит Машу, а Маша — Петю). Правда, конструкции типа (27) необратимы и в них есть дополнительное указание на пространственную или временную последовательность (ср.: *Мы с Ермолаем <...> отправились на охоту, а с охоты домой* (И. Тургенев. Мой сосед Радилов)), однако выражается оно не союзом *а*, а последовательностью компонентов, и это указание сохраняется и при опущении союза, ср.: *Мы с Ермолаем отправились на охоту. С охоты мы отправились домой.* Исключив примеры типа (27), мы получаем класс употреблений союза, характеризующийся значительной общностью значения. В чем она заключается?

Каждое из высказывания (26) содержит два взаимосвязанных утверждения, из которых первое (X) носит более частный характер, а второе (Y) — более общий. Ср.: *заблудился, видно человек* (X) + *плутать сейчас в тайге — гиблое дело* (Y); *Глеб — жесток* (X) + *жестокость никто, никогда, нигде не любил еще* (Y). Разумеется, такое соотношение смыслов компонентов X и Y вытекает из их лексического состава, однако оно дублируется, видимо, союзом *а*. Доказать это утверждение можно одним способом — подыскав нейтральный пример, где именно союз *а* создавал бы смысл «частное — общее». В качестве подобного примера мы можем приве-

¹ Термин «обобщающее *а*» (разумеется, условный, как и все остальные обозначения союза *а*) более определенно указывает на семантику соответствующих конструкций, чем традиционный термин «*а* присоединительное».

ти (28). Для сравнения приводим также соответствующий пример с союзом *и*:

(28) а. На даче Коля много гуляет, *и* это очень полезно.

б. На даче Коля много гуляет, *а* это очень полезно.

С выбором союза (*и* или *а*) связано разное понимание второго компонента конструкции:

(28) а. = 'На даче Коля много гуляет; эти дачные прогулки очень полезны для него'.

(28) б. = 'На даче Коля много гуляет; прогулки (всем) людям очень полезны'.

Перевод в (28б) второго компонента в общую предложение мы можем приписать только союзу *а* (поскольку остальные компоненты в (28а) и (28б) совпадают).

Интересно, что если мы даже сузим значение второго компонента в (28б) эксплицитным указанием участника ситуации, то и тогда этот компонент имеет более общее значение, чем в соответствующей фразе с союзом *и*:

(28) в. На даче Коля много гуляет, *и* это очень полезно для него [= 'дачные Колины прогулки (в данной ситуации!) очень полезны для него'].

(28) г. На даче Коля много гуляет, *а* это очень полезно для него [= '... прогулки (всегда!) очень полезны для него'].

Предлагаемое толкование *а-з* («обобщающее *а*»):

$X \text{ а-з } Y = 'X, \text{ — и это очень важно, поскольку}$

ситуация *X* (или ее участник, или ее признак) относится к классу ситуаций (участников, признаков) *T* (*Y*), о котором можно сказать *R* (*Y*)'.

Комментарии: Конструкции с *а-з* обладают богатой семантикой, включающей как элементы сочинения, так и элементы подчинения (причинная связь). Целью сообщения является, собственно говоря, первый из сочиняющихся элементов — *X*, а второй по содержанию достаточно тривиален и вводится для обоснования важности элемента *X*, ср.: *Она больна, а болезнь никого не красит*.

Наличие семантического элемента, касающегося важности первого компонента (*X*) подтверждают примеры типа: *Петя согласился, а ведь Петя — большой трус*, которые допускают расширения типа *это очень важно* (*Петя согласился, а это очень важно — ведь Петя большой трус*), но не допускают расширений типа *это со-*

вершено неважно (ср.: *Петя согласился, а это совершенно неважно — ведь Петя большой трус).

Противоречащие примеры?

В заключение рассмотрим один периферийный, но очень интересный класс употреблений, не укладывающийся, по-видимому, в предложенное понимание союза *а*:

- (30) *Выхожу я, а он, проклятый, сидит под ветлой и бьет себя лапой по морде* (А. Чехов. Волк).
- (31) *Поздним вечером шел в месячном свете вверх по Тверскому бульвару, а она навстречу* (И. Бунин. Мадрид).
- (32) *Тронул губу, а у меня из-под губы — клык* (В. Маяковский. Вот так я сделался собакой).

По справедливому (устному) замечанию М. В. Всеволодовой, в (30)–(32) можно видеть эллипсис ('Выхожу я и вижу, что...'; 'Тронул губу и почувствовал, что...').

Значение союза *а* во фразах типа (30)–(32) можно определить следующим образом:

X а Y = 'имеет место физическое действие X;
наличие X-а позволяет субъекту обнаружить неожиданное для него Y'.

(Например: 'Я тронул губу; это позволило мне обнаружить неожиданную ситуацию: у меня из-под губы клык').

По значению и синтаксическому употреблению союз *а* в приведенных примерах отличается от других употреблений союза, и, в сущности, только периферийность, малая употребительность этих конструкций препятствует выделению в этих случаях особого значения союза — *а-4* («*а* обнаружения»).

Тем самым встает интересный вопрос о некоем пороге употребительности, который должен быть превышен, чтобы выделение особого значения союза или другой языковой единицы было достаточно оправданным.

Да-1

(«*да* сопоставления»)

Примеры: (1) *Ясен путь, да страшен жребий, / Застывая, онеметь* (И. Анненский. Офорт); *А у самых хором ходит вор и бунтарь; / Не туга мошна — / Да рука мощна!* (А. Вознесенский. Мастера); *Я-то знаю, я-то вижу: / Ты живой, да не жилец* (А. Твардовский. Василий Теркин).

- (2) *Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел* (Л. Толстой. Кавказский пленник); *Полюбил бы я зиму, / Да обуза тяжка* (И. Анненский. Снег); *Штрафовать вас надо, да денег у вас нету!* (А. Платонов. Город Градов).

Мы привели довольно много примеров, поскольку значение сопоставительного союза *да* не совсем для нас ясно.

Наиболее обычным употреблением данного союза является такое, когда в первой части содержится указание на гипотетическое событие, а во второй — на причину, воспрепятствовавшую его осуществлению — см. выше примеры (2). Здесь союз *да* сближается по значению с эллиптическими конструкциями с союзом *но* (см. выше).

Реже встречаются употребления, сближающиеся с *но-1* («но противоположной оценки») — см. примеры (1). Употребления, близкие к *но-2* («но ненормального следствия»), для союза *да* нехарактерны.

Можно, таким образом, лишь с оговорками принять существующую точку зрения о синонимичности противительных союзов *да* и *но* (см., напр., МАС). Союз *да* всегда заменим на союз *но* — см. примеры (1)–(2); обратное, однако, неверно: союз *но* далеко не всегда заменим на союз *да*. Видимо, это связано с различиями в семантике этих двух союзов. В частности: 1) союз *да* неприменим в случае, если *Y* — ненормальное следствие из *X*-а (см. ниже примеры (3)–(4)); 2) в случае, если *X* указывает на общее явление, *Y* — на частное (см. примеры (5) — (6)).

- (3) а. Шел дождь, *но* он не взял зонт,
б. *Шел дождь, *да* он не взял зонт.
- (4) а. Я не знал дороги, *но* быстро шел вперед.
б. *Я не знал дороги, *да* быстро шел вперед.
- (5) а. Простые смертные по ночам не едят, *но* пассажир ест и ночью (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).
б. *Простые смертные по ночам не едят, *да* пассажир ест и ночью.
- (6) а. ...приятно жмутся монашенки-галки, обычно болтливые, *но* теперь очень тихие (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).
б. ?...приятно жмутся монашенки-галки, обычно болтливые, *да* теперь очень тихие.

Же Наряду с частицей *же* словари и грамматики выделяют сочинительный («противительный», «сопоставительный», «сопоставительно-противительный») союз *же*. В Грамматике 1980 [т. II: 626] справедливо подчеркивается при этом его близость с частицей, проявляющаяся, в частности, в том, что союз *же* не может находиться в начале присоединяемой части. Этот союз располагается непосредственно после первой словоформы (или первой предложно-падежной формы) второй части конструкции.

Хотя в словарях и грамматиках союз *же* не снабжается стилистическими пометами, он, видимо, должен быть признан союзом книжным.

Синонимичен союзу *а*. Для *же* могут быть выделены те же три значения, которые выделялись при рассмотрении союза *а*, то есть: «*же* присоединения, или обобщения» — см. (1), «*же* несоответствия» — (2), «*же* сопоставления» — (3).

- (1) *Коля добр, доброта же зачастую беззащитна; ... пекарь уверял, что он окурки всегда бросает в тесто, а не на пол, тесто же не горит, а шипит и гасит огонь* (А. Платонов. Город Градов).
- (2) *Хочется знать, как вы проживаете, от вас же между тем ни единого письма* (А. Чехов. Письмо М. Горькому 17 июля 1902).
- (3) *Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался* (А. Пушкин. Письмо Л. С. Пушкину, 25 авг. 1823); *Только песне нужна красота, / Красоте же и песен не надо* (А. Фет); *Их души жестоки, как грабли, / На сердце же вечно зима* (В. Хлебников. Сегодня Машук...); *Сын Леонида был скуп. Говорил он, гостей принимая: «Скифам любезно вино, мне же любезны друзья»* (О. Мандельштам. Эпиграмма на М. Л. Лозинского); *Что касается пуговиц, — то, говорю, верхняя есть, нижних же не предвидится* (М. Зощенко. Баня); *Мудра, выросла печаль — ей миллионы лет, радость же всегда в детском возрасте* (В. Астафьев. Царь-рыба. Капля).

Только Некоторые из существующих определений: «Союз противит. Однако, но, при условии» [Ожегов]; «Противительный союз. Соединяет предложения, из которых одно выражает несоответствие тому, что говорится в другом, или придает

противопоставлению уступительный характер; соответствует по значению союзам: *но, однако* [МАС]; «указывает на препятствующее ограничение, ограничивающее исключение или вносит корректив, уточнение к предшествующему сообщению [Грамматика 1980, т. II: 631].

Примеры: (1) *Земля, как есть, обильна, / Порядка только нет* (А. Толстой. Русская история от Гостомысла); *...он жил все тою же прежнею жизнью, только в другой обстановке* (Л. Толстой. Война и мир); *Горница была темна и тиха, только где-то постукивали рублевые часы на стене* (И. Бунин. Стена); *Марта гладит любовно полный кошель, / Только... серой несет от него* (Н. Гумилев. Маргарита); *Медведюшка всё понимает, только говорить не может, рычит* (А. Ремизов. Медведюшка).

По значению частица *только* близка (даже, казалось бы, синонимична) союзу *но*, ср.:

(2) Он умница, *но* лентяй.

(3) Он умница, *только* лентяй.

Не следует, однако, преувеличивать семантическую близость *только* и *но*, как это часто делается (ср. приведенные выше толкования). Если в случае союза *но* решающим для описываемой ситуации (или оценки) является второй компонент — Y, то в случае частицы *только* дело обстоит как раз наоборот; более значим первый компонент конструкции — X, именно он определяет сочетаемостные свойства конструкции. Поэтому (2) допускает продолжение *с заданием он не справится*, а (3) — нет; (2) не допускает продолжение *с заданием он справится*, а (3) — допускает. Ср.:

(4) а. Он умница, *но* лентяй — с заданием он не справится,

б. ^{??}Он умница, *только* лентяй — с заданием он не справится.

(5) а. ^{??}Он умница, *но* лентяй — с заданием он справится.

б. Он умница, *только* лентяй — с заданием он справится.

Этим, однако, различие в значении *но* и *только* не ограничивается. В отличие от союза *но* частица *только* может присоединять нежелательное к желательному, но не наоборот. В связи с этим конструкция *с но* допускает (с соответствующим изменением в значении) перестановку частей, а конструкция *с только* — не допускает. Можно сказать: *Он лентяй, но умница*, и, видимо, нельзя сказать: **Он лентяй, только умница*.

Предлагаемое толкование:

X, только Y = 'X; воздействие X-а на описываемую ситуацию (или общую положительную оценку) ослаблено, но незначительно, наличием Y-а'.

И то-1 Можно выделить минимум три значения составной единицы *и то*:

— частица *и то*, видимо, синонимичная частице *даже* (ср.: *Жаль, вкусно ничего нет. Халву и то съели*) и допускающая грамматическое согласование второго элемента с существительным *X*, ср.: *Халву и ту съели*;

— два сочинительных союза, резко отличающихся по значению и по синтаксической сочетаемости: *и то-1* — противительный союз, соединяющий предложения или однородные сказуемые (см. ниже примеры (1)) и *и то-2* — соединительный союз, который может присоединять как предложение, так и член предложения (см. (2)):

- (1) Ну, говорит, у вас прямо двужильный организм <...>; И даже мы вас случайно положили около открытого окна, *и то* вы неожиданно стали поправляться (М. Зощенко. История болезни).
- (2) Переносить меня могут очень немногие, *и то* из жалости (А. Толстой. Хожение по мукам).

Союз *и то-2* будет рассмотрен в особом разделе. Обратимся к описанию значения противительного союза *и то-1*.

Примеры: (3) *Жара здесь страшная. На одной руке ношу пальто, на другой пиджак, — и то жарко* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); ... *у нас тут некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то они терпят* (М. Зощенко. История болезни); *Строение валится, и то вы, дьяволы, с печи не слезете подпереть* (А. Толстой. Петр I).

Рассмотрение примеров приводит к некоторым предварительным соображениям о значении противительного союза *и то*. Для их проверки проведем два лингвистических эксперимента.

1. Сравним союз *и то* с основным противительным союзом — *но*:

- (4) Коля — отличник, *и то* он не решил эту задачу.
- (5) Коля — отличник, *но* он не решил эту задачу.

Приведенные фразы существенно различаются по значению.

Разным является, прежде всего, сам предмет сообщения: если (4) информирует о задаче, о ее трудности (а Коля упоминается лишь затем, чтобы убедить в этом С-щего), то (5) информирует о Коле и ничего не сообщает о задаче — она может быть и трудной, и легкой. В связи со сказанным существительное *задача* в случае союза *но* может сочетаться с прилагательным *легкий* (Коля — отличник, но он не решил эту легкую задачу), а в случае союза *и то* это прилагательное допустимо разве что взятое в кавычки, ср.:

(6) ^{??}Коля — отличник, *и то* он не решил эту *легкую* задачу [нужно: *эту «легкую» задачу*].

2. Сравним теперь противительный союз *и то* с близкой по значению частицей *даже*:

(7) Коля — отличник, *и то* он не решил эту задачу.

(8) *Даже* отличник Коля не решил эту задачу.

В работах [Крейдлин 1975; Богуславский 1985: 121–126] отмечается, что в предложениях с частицей *даже* имеется представление о том, что описываемое свойство принадлежит не только упоминаемому в предложении объекту, но и некоторым другим объектам (т. е. в смысл (8) входит компонент 'другие ученики не решили эту задачу'). Что же касается предложения с *и то*, то оно, по нашему мнению, не содержит этого компонента: в отличие от (8), в (7) ничего не сказано о других учениках. Это наше утверждение может показаться неубедительным и нуждается в дополнительном обосновании. Представим себе ситуацию: учитель подбирает задачу для контрольной работы и, прежде чем предлагать эту задачу классу, опробует ее на Коле. В этой ситуации, видимо, допустима фраза (7), включающая союз *и то*, но не фраза с частицей *даже*.

В целом можно предложить следующее толкование противительного союза *и то*:

$X, \text{ и } \text{то-} Y =$ 'невозможно или маловероятно нечто противоположное $Y=y$;

чтобы убедить в этом С-щего, Г сообщает: имеет место Y , и это совершенно ненормально, поскольку имеет место X .

Обсуждаемая выше фраза (7) *Коля — отличник, и то он не решил эту задачу* получает, таким образом, следующее толкование;

(7) = 'невозможно или маловероятно правильное решение этой задачи; чтобы убедить в этом С-щего, Г сообщает: Коля не

решил эту задачу, и это совершенно ненормально, поскольку Коля — отличник?

А то (а так) Кроме рассмотренного выше, в гл. 3 разделительного значения (*валился на койку, а то, если сил не было, прямо на пол* (Ю. Трифонов. Нетерпение)), союз *а то (а так)* употребляется как противительный, причем, видимо, в двух разных значениях, ср. (8) и (9):

- (8) *Я в Москву только изредка наезжаю, — а то живу себе большей частью в уезде* (В. Соллогуб. Тарантас; по картотеке БАС) [=... *а так живу...*]; *Палец все болит, а то здоров* (Л. Толстой. Дневник, 1900 г.; по картотеке БАС) [= ... *а так здоров*]; *Перелетает только через реки и моря, а то все пешком* (А. Чехов. Агафья); ... *лишь изредка подобие леса, какой-нибудь Заказ, Дубровка, а то все поля, поля, беспредельный океан хлебов* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).
- (9) *Недолго им, кажется, остается на свете пожить. Оттого-то мы здесь и засели, а то <а так> мы ведь в Одессу ехали лечиться* (И. Тургенев. Яков Пасынков); *Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то <а так> бы вы у меня давно полетели* (А. Чехов. Моя жизнь); *Я вот ... смеяться могу и смеюсь, а то бы, верно, плакал* (Ю. Тынянов. Кюхля); ... *вроде только одежда и держала его, да мешок кожи, а то расползлось бы, развалилось тело* (В. Астафьев. Царь-рыба. Рыбак Грохотало); *Хорошо, что легок телом / — Отлетел. А то б — конец* (А. Твардовский. Василий Теркин. Поединок).

В обоих выделенных употреблениях ощутима противопоставленность компонентов X и Y, но она осложнена в каждом из употреблений дополнительными элементами смысла.

В (8) компоненты *независимы, одновременны*, удельный вес первого компонента в описываемой ситуации меньше, чем удельный вес второго. В связи с этим в первой части обычны слова типа *только, изредка*, во второй — слова типа *всё, большей частью, по преимуществу* и т. п. Предложения типа (8) близки предложениям с союзом *только* (см. выше): X а то Y $\approx$ Y только X. Это значение противительных союзов *а то (а так)* может быть названо «ограничивающим» и определено следующим образом:

X, а то-2 Y = 'Y; воздействие Y-а на описываемую ситуацию ослаблено, но незначительно, наличием X-а'.

Предлагаемое толкование союза *а то-2* близко к толкованию союза *только* (см. выше). Различия в толковании связаны с тем, что союз *а то* не может, в отличие от *только*, употребляться в оценочных предложениях типа *Он умный, только ленивый* [не: **Он ленивый, а то умный*].

В (9) действия зависимы (X указывает на причину неосуществления или недоосуществления Y-а). Это значение противительного союза *а то* можно определить как «*а то воспрепятствования*». Предлагаемое толкование:

X а то-3 Y = 'при нормальном ходе событий полностью осуществилось бы событие Y; этому воспрепятствовало X'.

Противоречащий пример?

Несколько ночей прошло, пока научились <...> находить свой овраг, а то плутали (Ю. Трифонов. Нетерпение).

Не совсем ясно, имеем ли мы здесь дело с *а то-3* (некоторая близость в значении очевидна), или же с особым значением союза *а то*.

Так

В словарях и исследованиях [МАС; БАС; Грамматика 1970: 736–739; Знаменская 1980; Чернышева 1983] справедливо отмечается среди значений союза *так* также и противительное значение.

Примеры: *Вам дан был Царь, — так тот был слишком тих: / Вы взбунтовались в вашей луже; / Другой вам дан, — так этот очень лих* (А. Крылов. Лягушки, просящие царя; пример из картотеки БАС); *Тут я два месяца не работал, так не знал, куда деться от грусти* (М. Зощенко. В бане).

Союз *так* близок к союзу *но* в одном из его употреблений («но противодействия») и может быть истолкован следующим образом.

Предлагаемое толкование:

X, так Y = 'X; воздействие X-а на описываемую ситуацию ослаблено или устранено ненормальным наличием Y-а; решающим для описываемой ситуации является Y'.

1.2. «Собственно соединительные» союзы (*и*; *а также*)

И Словари и грамматики русского языка фиксируют многозначность союза *и* (см., напр., БАС; МАС; Грамматика 1960).

Наибольшее количество значений приведено в [БАС]. Кроме отношения «чистой конъюнкции» (куда могут быть включены отношения, называемые в словаре «объединительным», «перечислительным», «присоединительным» и «отношением однородности»), [БАС] выделяет следующие значения союза *и*: «одновременности. *День был тих, и солнце сияло* (Гоголь. Старосветские помещики)»; «последовательности. *Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости* (Лермонтов. Бэла)»; «причинно-следственное. *Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться* (Лермонтов. Бэла)»; «условно-следственное. *Публика должна сознать свои права на литературу, и тогда литература неуклонно пойдет вперед* (Чернышевский. Оч. гог. периода)»; «сопоставительно-противительное... *Он хотел встать с дивана, и не мог, хотел выговорить слово — и язык не повиновался ему* (Гончаров. Обломов)»; «результативное... *Готовлюсь нежным быть, а свижусь — и простыну* (Грибоедов. Горе от ума)».

Бесспорно, примеры, приводимые в [БАС], содержат отмеченные значения. Нередки они и в собранном нами материале. Приведем часть этого материала, группируя его по тем значениям, которые выделены в [БАС]:

— «одновременность»:

- (1) *Туча серая сверху ходила / И все плакала, глядя на дом* (Н. Огарев. Старый дом...); *Горбуньей-девушкой лодка / Грустит и старится в тоске* (Н. Клюев); *Ковыль шелестел на потревоженной земле, и в траву падали августовские звезды* (И. Бабель. Конармия. Вдова); *Он хаёт телепатов и объявляет их шарлатанами* (РРР: 169).

— «последовательность»:

- (2) *Под навесом перед саклей послышались шаги, дверь скрипнула, и вошел хозяин* (Л. Толстой. Хаджи-Мурат); *Первая звезда блеснула надо мной и упала в тучи* (И. Бабель. Конармия. После боя); *А старушка посмотрела на меня дико и окошко поскорей закрыла* (М. Зощенко. Утонувший домик); *Секретарь смертельно побледнел и уронил свиток на пол* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

— «причинно-следственное отношение»:

- (3) *Тут мюриды стали стрелять в него, и он упал* (Л. Толстой. Хаджи-Мурат); *Таньке стало холодно, и она проснулась* (И. Бунин. Танька); *Стыдно ему стало, и он ушел от меня прочь, в публичный дом, должно быть* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); *Мы лягушками нынче объелись, / И у нас животы разболелись!* (К. Чуковский. Телефон); *На следующий день с утра зарядил дождь, и я опять остался дома* (Ф. Абрамов. Деревянные кони).

— «условно-следственное отношение»:

- (4) *Устройте исток воде — и исчезнет плесень и вонь* (Ф. Достоевский. Дневник писателя, 1881, январь); *Взять такого цыганенка, помыть его мылом, и он тут же помирает, не может вытерпеть чистоты* (А. Толстой. Похождение Невзорова, или Ибикус).

— «сопоставительно-противительное отношение»:

- (5) *С ней речь хотел он завести / И — и но мог* (А. Пушкин. Евгений Онегин); *Жизнь, как подстреленная птица, / Подняться хочет — и не может...* (Ф. Тютчев. О, этот Юг); *Я все ищу добра — и нахожу лишь зло* (А. Фет. Ничтожество); *Я знаю — она далеко, и чувствую близость ее* (И. Анненский. Тоска миража); *Какая мука — вспоминать, вспоминать и не вспомнить!* (А. Вознесенский. О).

— «результативное отношение»:

- (6) *Румяна потекли по твоим щекам, / И ты — как тирский красильщик* (М. Кузмин. Что за дождь!); *— Ну, уж вы там как хотите, — говорил Нерон, — но только чтоб — раз! — и нет маменьки* (М. Зощенко. Коварство).

Не может не насторожить само обилие разных значений союза *и*, зачастую противоречащих друг другу (ср. пары: «одновременность» — «последовательность»; «однородность» — «сопоставительно-противительное значение»).

Рассмотрение фактического материала убеждает в том, что все перечисленные выше значения (кроме, может быть, «причинно-следственного») выражаются, видимо, не союзом *и*, а другими средствами — лексическим составом, интонацией, порядком следования компонентов, их морфологическими характеристиками (ср. пары: *Он сел и запел* vs. *Он запел и сел*; *Он сел и запел* [последова-

тельность] vs. *Он сидел и пел* [одновременность]).

Показательно, что отмечаемые в [БАС] отношения между частями сочинительной конструкции сохраняются и в случае опущения союза *и* и замены союзной конструкции бессоюзной или последовательностью двух простых предложений. Ср.: *День был тих. Солнце сияло* [одновременность]; *Ему отвели квартиру. Он поселился в крепости* [последовательность]; *Душно стало в сакле. Я вышел на воздух освежиться* [причинно-следственное отношение]; *Публика должна сознать свои права на литературу. Тогда литература неуклонно пойдет вперед* [условно-следственное отношение]; *Он хотел встать с дивана — не мог, хотел выговорить слово — язык не повиновался ему* [сопоставительно-противительное отношение]; *Готовлюсь нежным быть, а свижусь — простыну* [результативное].

А. М. Пешковский считал, что было бы ошибкой видеть в союзе *и* выразителя распространительных, причинно-следственных, условно-следственных, противительных и т. п. отношений; это значило бы, что «в значение союза просто сваливается все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений» [Пешковский 1959: 142]. И это совершенно справедливо для всех перечисленных отношений, кроме причинно-следственных. Они требуют особого рассмотрения.

Итак, может ли союз *и* выражать причинно-следственные отношения?

Во многих случаях союзы *но* и *и* находятся, на первый взгляд, в дополнительном распределении: *но* указывает на ненормальное следствие, *и* — на следствие нормальное. Ср.:

- (7) а. Обещал прийти, *но* не пришел [= 'Обещал прийти; при нормальном ходе событий пришел бы; между тем, не пришел'].
 б. Обещал прийти, *и* пришел [= 'Обещал прийти; при нормальном ходе событий пришел бы; действительно, пришел'].

Оказывается, однако, что симметрия в употреблении союзов *но* и *и* мнимая: союз *но* действительно указывает на ненормальный ход событий и не может, естественно, указывать на нормальный ход событий (ср. неправильную фразу: **Обещал прийти, но пришел*). Что же касается союза *и*, то его постановка возможна в обоих случаях, ср.: *Обещал прийти, и пришел* [нормальное следствие] vs. *Обещал прийти, и не пришел* [ненормальное следствие]. А это значит, что в приведенных примерах союз *и* не выражает причинно-следствен-

ных отношений, не указывает ни на нормальное следствие, ни на ненормальное; соответствующие смыслы индуцированы не союзом *и*, а соотношением смысла частей, соединяемых этим союзом.

Значит ли это, что устранено последнее препятствие и мы можем без всяких оговорок принять точку зрения А. М. Пешковско-го (разделяемую В. А. Белошапковой [1976] и некоторыми другими исследователями), точку зрения, согласно которой союз *и* обозначает «чистую конъюнкцию», не осложненную дополнительными компонентами значения? Пожалуй, все-таки, нет. Дело в том, что есть бесспорные случаи, когда союз *и* (именно он!) привносит в смысл предложения причинно-следственную зависимость. Сравним три примера:

(8) Коля ушел домой, *а* Петя остался в школе.

(9) Коля ушел домой, Петя остался в школе.

(10) Коля ушел домой, *и* Петя остался в школе.

В (8) и (9) события (уход Коли домой и пребывание Пети в школе) описываются как независимые (Петя мог вообще не знать об уходе Коли); напротив, в (10) действия зависимы: Петя наверняка знал об уходе Коли и пребывание Пети в школе связано с уходом Коли, является нормальной реакцией на этот уход. И приписать это значение нормального следствия можно лишь союзу *и* — поскольку все остальные компоненты во фразах (8) — (10) совпадают.

Создается парадоксальное положение: одни примеры свидетельствуют о том, что союз *и* не выражает причинно-следственных отношений, другие примеры столь же убедительно свидетельствуют о том, что союз *и* (именно он!) выражает причинно-следственные отношения, указывает, что второй компонент (Y) — нормальное следствие из наличия первого компонента (X).

Единственный способ выйти из этого противоречия, который мы можем предложить, — признание способности указывать на нормальное следствие слабым, факкультативным компонентом значения союза *и*¹. Тем самым, толкование союза *и* приобретает следующий вид:

¹ Ср. разделение семантических компонентов, фиксируемых в толковании слова в Англо-русском синонимическом словаре, на постоянные, характеризующие его в любом случае употребления, и переменные — вероятные, но не обязательные; в толкованиях соответствующих слов им предшествуют в этом словаре компоненты 'скорее', 'иногда', 'чаще', 'может' [Апресян 1979а: 514].

X и $Y = 'X, Y$; возможно,
 X вызывает Y ,
 и это положение дел является нормальным'.

Комментарии к толкованию:

1. Предлагаемое толкование позволяет объяснить, почему между частями СК типа *Пришли Миша и Петя; Вечером я гулял и писал сочинение* нет причинной связи, а между частями СК *Вечером я гулял и не написал сочинение* эта зависимость, вероятнее всего, есть.

Ю. И. Левин (как и некоторые другие исследователи) справедливо отмечает, что союз *и* легко приобретает причинно-следственное значение, однако в толкование союза *и* он этот компонент значения не вводит, а пытается дать «негативное» толкование союза *и*, т. е. указать значение, заведомо не допускающее употребления союза *и*. Это толкование выглядит следующим образом:

$$X \text{ и } Y = \neg U_s(x, y),$$

что значит: 'неверно, что из X обычно (или всегда) следует не- Y ' или 'нет ничего необычного в том, что X сопровождается Y -м'. Поэтому, например, невозможно **было тепло, и я надел шубу*, ибо здесь имеет место $U_s(x, y)$ » [Левин 1970: 81]. Однако подобное, «отрицательное понимание» языковых единиц чуждо, нам кажется, языковой интуиции говорящих (говорящим свойственно, видимо, пытаться определить, что означает та или иная единица, а не то, что она не может означать). К тому же (и это, пожалуй, главное) имеется большой класс предложений, содержащих указание на необычное следствие, недопустимое, по мнению Ю. И. Левина, в конструкциях с союзом *и*, ср.:

(11) *Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России* (А. Пушкин. Путешествие в Арзрум); *В нас стреляли — И не дострелили; / Били нас — и не могли добить* (Э. Багрицкий. Фронт); *Он начал завязывать галстук и, не довязав, бросил. Потом схватил газету и, ничего в ней не прочитав, кинул на пол* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

2. Естественно, возникает вопрос, почему в толкование не введены (в качестве слабых, факультативных компонентов) также и некоторые другие компоненты значения, указываемые в словарях при толковании союза *и*, — «одновременность», «последовательность», «условно-следственное значение», «сопоставительно-про-

тивительное значение» (точнее — указание на ненормальное следствие) и др.? Причина этого, собственно говоря, уже указывалась выше: все эти компоненты значения выражаются другими средствами (вид, время и наклонение глаголов-сказуемых, порядок компонентов, соотношение лексического состава компонентов), мы не располагаем примерами, где бы эти компоненты значения выражались именно союзом *и*; между тем указание на нормальное (естественное) следствие передается в ряде случаев именно союзом *и* (см. выше примеры типа (10), и соответствующий компонент должен быть введен в качестве факультативного в толкование этого союза.

3. Там, где факультативный причинно-следственный компонент значения не имеет места, союз *и* обозначает «чистую конъюнкцию», не осложненную добавочными элементами смысла. Именно поэтому союз *и* может употребляться в таких условиях, где никакие другие сочинительные союзы невозможны — в частности, в случае термовой конъюнкции и в случае симметричных предикатов, ср.:

- (12) Палатка *и* спальник весят 5 кг [не *Палатка, но спальник весят 5 кг; не: *Палатка, а спальник весят 5 кг]; Пересекаются отрезки АВ *и* CD [не: *Пересекаются отрезки *и* АВ *и* CD; не: *Пересекаются отрезки АВ, а также CD; не: *Пересекаются отрезки как АВ, так *и* CD].

При отсутствии причинно-следственного значения компоненты равноценны (ни один из них не доминирует над другим) и мыслятся как действующие на описываемую ситуацию (или общую оценку) в одном направлении — в отличие от «противоборствующих» компонентов конструкции с союзом *но*. При этом происходит естественное взаимодействие смыслов компонентов, соединяемых союзом *и*: более сильный влияет на более слабый, передавая ему, в частности, свою оценку (положительную или отрицательную) или, по крайней мере, делая его нейтральным. Ср.:

- (13) Весною ищи поцелуя У женщины *милой и глупой*
(Н. Гумилев).

В описываемой ситуации универсально положительный признак («быть милой») смягчает отрицательный признак («глупость»); видимо, для лирического героя глупость женщины — не очень существенный недостаток, в противном случае была бы употреблена конструкция: ...*милой, но глупой* (или: ...*глупой, но милой*).

В заключение — одно замечание о распределении компонентов внутри некоего множества.

Рассмотрим следующий пример:

(14) На столе стояли *пять коробок с карандашами и ручками*.
 Во фразах типа (14) распределение компонентов внутри множества (т. е. распределение карандашей и ручек по коробкам) никак не задается. Но об этом мы уже говорили выше, в части I.

А также Союз книжный (ср. Грамматика 1970: 660).

Некоторые из имеющихся определений: сложный союз «с присоединительным значением» [МАС]; «союз присоединительный. Вместе с тем, равным образом, одновременно... *Дом, а также* надворные постройки ремонтируются» [Ожегов]; обладает способностью «выражать градационные и присоединительные отношения», но часто используется «в более широком значении — соединительном или сопоставительном» [Грамматика 1980, т. II: 172].

Примеры: *Имею вручить вам этот перочинный ножик с двенадцатью лезвиями, весьма пригодный для морского дела, а также для того, чтобы его потерять* (А. Толстой. Детство Никиты. Поднятие флага); *Он присвоил одну из этих свечей, а также и бумажную иконку* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

По значению близок основному соединительному союзу *и*, но, в отличие от этого последнего, не способен выражать причинно-следственные отношения. Тем самым, значение союза *а также* сводится, на наш взгляд, к «чистой конъюнкции»:

$$X, \text{ а также } Y = 'X, Y'$$

Некоторые синтаксические и сочетаемостные свойства союза *а также*:

1. Соединяет, как правило, члены предложения, но может использоваться и для соединения предложений, ср.:

Начальник производства доложил об итогах квартала, директор рассказал о перспективном плане предприятия, *а также* был рассмотрен вопрос о премировании передовиков¹.

2. Недопустим в случае термовой конъюнкции, а также в случае симметричных предикатов, ср.:

¹ Пример заимствован из Грамматики 1970.

*Палатка, а также спальный мешок весят вместе 5 кг.

*В этой точке пересекаются прямые АВ, а также CD [нужно: *прямые АВ и CD*].

1.3. Союз «компенсации» *зато*

Примеры: *Как ветер, песнь его свободна, / Зато как ветер и бесплодна. / Какая польза нам от ней?* (А. Пушкин. Поэт и толпа); *Эта заря, / Эта весна / Так непостижна, зато так ясна!* (А. Фет); *А Заремку я, знаешь, продал Медведеву, — недорого, зато без хлопот* (А. Толстой. Детство Никиты); ... *ребятишки <...> с ходу взлетали на широкоущую, неуклюжую, зато жаркую печку* (В. Астафьев. Царь-рыба. Уха на Боганиде); *В раю климат, зато в аду общество.*

Некоторые из имеющихся толкований:

«Употребляется при отношениях возмездительного противопоставления. *В то же время, однако*» [БАС]; «союз противительный. *Но, в то же время, однако*» [Ожегов]; «Употребляется при возмездительном сопоставлении; соответствует по значению словам: *однако, но в то же время*» [МАС].

В словарях и некоторых исследованиях [Грамматика 1970: 676; Левин 1970: 77–78; Перетрухин 1979: 128–129 и др.] справедливо отмечается, что первый из противоположно направленных компонентов возмещается (или компенсируется) вторым. В. Н. Перетрухин полагает, что эта компенсация может быть полной или частичной [Перетрухин 1979: 128–129]; на наш взгляд, *зато* вводит всегда указание на полную компенсацию. С этим связано и еще одно важное семантическое свойство союза *зато*, отмеченное Ю. И. Левиным: «значение события Y перевешивает значение X²а... Обычное употребление *зато* можно определить как „оптимистическое“: Y, характеризуемый Plus-ом, доминирует над X, характеризуемым Min-ом (зло побеждается добром)» [Левин 1970: 77]. «Пессимистическое» употребление союза Ю. И. Левин считает неканоническим (ср. также Перетрухин 1979: 128–129).

В. А. Белошапкина, напротив, признает типичным такое соотношение частей, когда первая часть содержит положительную оценку характеризуемого объекта, а вторая — отрицательную (см. Грамматика 1970: 676).

Предлагаемое толкование:

X зато Y = 'имеет место X;
воздействие X-а на ситуацию (или общую оценку) полностью компенсируется независимым от X-а и противоположно направленным Y-м; решающим для ситуации (или общей оценки) является Y'.

Комментарии к толкованию:

1. Последний элемент — 'решающим для ситуации (или общей оценки) является Y' — связан с элементом, касающимся компенсации X-а Y-м, и, возможно, является избыточным. Доминирование второго компонента (Y) проявляется в принципах сочетаемости конструкции, включающей *зато*, с другими языковыми единицами, ср.:

- (1) а. Он ленивый, *зато* умный — задание он выполнит.
- б. *Он ленивый, *зато* умный — задание он не выполнит.
- в. *Задание он не выполнит: он ленивый, *зато* умный.

2. Обычно компоненты, соединяемые союзом *зато*, оцениваются с точки зрения их желательности/нежелательности (см. все приведенные выше примеры). Однако сводить значение данного союза к противопоставлению желательного нежелательному все-таки, видимо, нельзя. События, признаки, объекты могут сопоставляться и по каким-то другим параметрам, в частности, по величине — см. (2), по наличию-отсутствию признака — (3), по принадлежности к разным полюсам шкалы одного признака — (4).

- (2) Озеро было узкое, *зато* длинное.
- (3) Робко, свечу потушив, подхожу я к окну... Меня не видать, *зато* сам я все вижу (А. Фет. Здравствуй!); Трезвый он не был ни страшен, ни особенно интересен, *зато* пьяный — был зловец и неистощим на дикие, буйные поступки (Ю. Казаков. Старики); ... в тени и холодке цвели последним накалом жарки, везде уже осыпавшиеся, *зато* марьины коренья были в самой поре (В. Астафьев. Царь-рыба. Капля).
- (4) Катер не отапливался и зимой промерзал насквозь, *зато* летом нагревался так, что хоть зажигай о стены спички (А. Первенцев. Огненная земля).

Фраза (4) приводится в работе С. А. Шуваловой как пример преодоления «возмездительного» значения (значения компенсации)

лексическим наполнением предложения (см. Шувалова 1984: 47). На наш взгляд, это все-таки компенсация (точнее, «псевдокомпенсация»), базирующаяся на наивном представлении, что недостаток чего-то (например, тепла) может компенсироваться его переизбытком в других условиях и в другое время.

3. Частица *зато* близка по значению союзу *но*, и они охотно сочетаются в одном высказывании (без заметного изменения смысла), ср.:

- (5) Он редко смеялся, *но зато* когда он смеялся, то отдавался весь своему смеху (Л. Толстой. Война и мир); Хлеба нет, *но зато* есть Хлебников! (О. Сулейменов. Жажда); Вот кабан.

Он дик и злобен, *но зато* вполне съедобен (Б. Заходер).

Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что в конструкциях с *зато* компоненты мыслятся как независимые друг от друга, в частности, они не могут быть связаны причинно-следственными отношениями — в отличие от близких по значению конструкций с союзом *но*, ср.:

- (6) а. Он много занимался, *но* не сдал экзамен.
 б. *Он много занимался, *зато* не сдал экзамен.
 (7) а. У него не было билета, *но* он сел на поезд.
 б. *У него не было билета, *зато* он сел на поезд.

В (6) и (7) один из компонентов желателен, другой — нет, и все-таки союз *зато* невозможен (на наш взгляд, именно потому, что компоненты связаны причинно-следственными отношениями).

Казалось бы, развиваемому положению противоречат примеры типа (8), где между компонентами можно видеть причинно-следственные отношения (вторая часть — ненормальное следствие первой), а между тем союз *зато* возможен:

- (8) а. Он больной, *но* веселый.
 б. Он больной, *зато* веселый.

Нетрудно, однако, заметить, что (8а) и (8б) существенно различаются по смыслу: союз *но*, охотно передающий причинно-следственные отношения, привносит их и в смысл (8а) (≈ ‘несмотря на болезнь, он веселый’); союз *зато* навязывает другую интерпретацию: (8) б. = ‘Он больной; это отрицательное качество компенсируется положительным — веселостью’.

Противоречащие примеры? Предлагаемому толкованию противоречат, казалось бы, примеры, которые уже отмечались в литературе [БАС; МАС] и в которых видят обычно «отношения пояснения, следствия»:

- (9) *Мужик работник был прямой. / Зато кто мимо ни проходит, / От всех ему: «Спасибо, исполать!»* (И. Крылов. Обезьяна); *Везде прославилась она / Девицей скромной и разумной. / Зато завидных женихов / Ей шлет Украина и Россия* (А. Пушкин. Полтава).

Как мы пытались показать, союзу *зато* не свойственно выражать причинно-следственные отношения. Возможно, нет их и в (9), возможно, и здесь *зато* указывает на компенсацию: содержание второй части (благодарность прохожих; завидные женихи) — компенсация за усилия, необходимые для того, чтобы быть хорошим работником или «девицей скромной и разумной». (Мы допускаем, что наше объяснение может показаться слишком натянутым и что примеры типа (9) требуют иного объяснения).

1.4. Союз *со* значением «неожиданности» *да и-1*

Наряду с союзом *да* в литературе выделяется составной союз *да и* [БАС; МАС; Ожегов; Грамматика 1980], и это выделение представляется правильным, поскольку значение конструкции с *да и не* равно сумме значений союза *да* и частицы *и*.

В большинстве исследований справедливо подчеркивается многозначность союза *да и*. В данном разделе будет рассмотрено одно из этих значений, которое мы определяем как «*да и неожиданности*».

Примеры: *Купит вон тот каналья повар <...> котла, обдерет его да и подает на стол вместо зайца* (Н. Гоголь. Мертвые души); *Стоял, стоял да и пойдя за водой к колодезю: слышь пить захотелось* (И. Тургенев. Смерть); *Сегодня он не мог стоять заутрени, присел на стульчик, да и свалился* (А. Толстой. Петр I); *... свалился с полки клубок, покатился клубок по полу, да и за дверь* (А. Ремизов. Посолонь. Зайчик Иванович);

В [МАС] отмечается, что союз *да и* «употребляется для указания на неожиданный переход от одного действия к другому, нарушающему или завершающему ход событий». Это определение схватывает основное значение союза *да и*, хотя и требует некоторых уточнений.

1. Следует, видимо, говорить не о «неожиданности перехода от одного действия к другому», а о «неожиданности другого действия», ср., например, предложение *Попросил он слова, да и говорит:*

«А я в колхоз больше не поеду!» (неожиданным является не переход от просьбы дать слово к процессу говорения, а само содержание речи).

2. Компонент неожиданности, несоответствия ожидаемому приписывается грамматиками и словарями (в том числе и МАС) не только союзу *да и*, но и другим союзам, в частности, рассмотренному ранее союзу *но*. В результате неясно, в чем заключается смысловое различие между союзами *но* и *да и*, интуитивно ощущаемое вполне отчетливо и способствующее тому, что союзы *но* и *да и* обычно не могут заменять друг друга (даже с изменением смысла), ср.:

- (1) а. Коля маленький, *но* сильный.
- б. *Коля маленький, *да и* сильный.
- (2) а. Я заболел, *но* не пошел к врачу.
- б. *Я заболел, *да и* не пошел к врачу.
- (3) а. Шел он по улице, *да и* упал,
- б. *Шел он по улице, *но* упал.

Одно из отличий «*да и* неожиданности» от союза *но* заключается в том, что союз *да и* может соединять только глаголы-сказуемые, относящиеся к одному субъекту, причем по времени действия они следуют друг за другом. Этим можно объяснить некоторые случаи невозможности употребления союза *да и* на месте союза *но*, напр., (1б), однако многие случаи, напр., (2б) и (3б) требуют другого объяснения. Попытаемся его дать и рассмотрим с этой целью следующую группу примеров:

- (4) Врач осмотрел больного, *но* не прописал ему никаких лекарств.
- » *но* не выписал ему больничный лист.
- » *но* он забыл дома стетоскоп.
- (5) Врач пришел к больному, *да и* растянулся посреди комнаты.
- » *да и* затынул «Подмосковные вечера».

В значении союзов *но* и *да и* в приведенных примерах имеется нечто общее, и это общее определяется обычно как неожиданность. Если согласиться с этим, то следует признать, что в (4) и в (5) мы имеем дело с двумя степенями неожиданности — низшей (выражаемой союзом *но*) и высшей (выражаемой союзом *да и*). То, что врач не прописывает больному лекарств и даже то, что он забыл дома стетоскоп, находится в рамках его профессиональной дея-

тельности, это все-таки не такая неожиданность, как распевание врачом «Подмосковных вечеров» в комнате больного. Конечно, указанное смысловое различие между (4) и (5) связано с различиями в их лексическом составе, однако при этом важно, что *но* может употребляться только в (4), при указании низкой степени неожиданности. Ср. странные фразы: Врач осмотрел больного, *да и* не прописал ему никаких лекарств <*да и* не выписал ему больничный лист>.

Между тем как *да и*, наоборот, возможен только в случае высокой степени неожиданности.

То, что в конструкциях с *да и* неожиданность выражается именно союзом, отчетливо проявляется в случаях, когда лексический состав компонентов сам по себе не указывает на неожиданность, ср.:

(6) Взял он письмо, *да и* вскрыл его.

Казалось бы, вскрыть полученное письмо — действие вполне обычное, однако наличие союза *да и* навязывает иную интерпретацию фразы (6), согласно которой вскрытие письма — полная неожиданность. Речь, вернее всего, идет о человеке, вскрывшем чужое письмо, и о важных последствиях этого поступка.

Возможны разные способы описания семантического различия между союзами *но* и *да и*. Один из них был указан выше. Он заключается в выделении двух «степеней неожиданности» — «низшей» (*но*) и «высшей» (*да и*). При рассмотрении союза *но* мы попытались показать, что его смысл правильнее определять не через понятие неожиданности, а через понятие несоответствия норме. Что же касается союза *да и*, то он, по нашему мнению, действительно указывает на неожиданность.

Как мы отмечали выше, при описании союзов *но*; *а*; *и*, у говорящих существует представление о нормальной/ненормальной последовательности событий или о нормальном/ненормальном сочетании событий, которые как раз и выражаются с помощью этих союзов. Для ситуации посещения врачом больного в серию нормальных исходов входят: прослушивание больного, прописывание ему лекарств, выписывание бюллетеня и т. д. (эти исходы описываются союзом *и*):

(7) Врач приходил к больному *и* внимательно прослушал его.

» *и* прописал ему лекарства.

» *и* выписал ему бюллетень.

Противоположные исходы оцениваются как ненормальные, а указание на них вводится союзом *но*, ср.:

(8) Врач приходил к больному, *но* не прослушал его.

» *но* не прописал ему лекарств.

» *но* не выписал ему бюллетень.

Нам кажется, что кроме этих «заранее предусмотренных исходов» возможны исходы непредусмотренные, совершенно неожиданные (напр.: исполнение врачом «Подмосковных вечеров» у постели больного), и вот они-то описываются с помощью союза *да и*, ср. (5).

Предлагаемое толкование:

X да и Y = 'X прерывается неожиданным и ненормальным в данной ситуации Y-м'.

1.5. Союзы, указывающие на отклонение от нормы по количеству (*и... и; ни... ни; как... так и; да-2; и то-2*)

Понятие нормы все чаще используется при описании значения языковых единиц. По нашему мнению, смысловой компонент 'норма' входит в значение не только «полнозначных» лексем, но и в значение лексем «служебных», «грамматических». Этот компонент был введен нами в значение некоторых рассмотренных ранее разделительных и соединительных союзов (*а то и; а может (быть) и; и; а; но* и др.).

В данном разделе будет рассмотрена еще одна группа сочинительных союзов, в значение которых входит компонент 'норма'.

И... и В литературе *и... и* рассматривается обычно как вариант союза *и*. [Грамматика 1980] справедливо, на наш взгляд, выделяет *и... и* как особый сочинительный союз [т. II: 618], однако по значению этот союз признается синонимичным (или очень близким) союзу *и*, с чем трудно согласиться. Ср. следующие примеры, где замена союза *и... и* союзом *и* привела бы к заметному изменению смысла:

(1) *Дарья Михайловна, по их словам, была и горда, и безнравственна, и тиранка страшная* (И. Тургенев. Рудин); *И пылок был, и грозен день, / И в знамя верил голубое* (И. Анненский. Еще один); *Прощай, ночная темнота, / Когда и темь, и буйволы / Одной чернели тучей* (В. Хлебников); *Приму ее под руку и волочусь, что щука — и чего сказать — не знаю, и перед*

народом совестно (М. Зощенко. Аристократка); *Но все-таки странное сочетание: и рыболов, и грибник* (РРР: 165).

В смысл союза *и... и* входит, по нашему мнению, компонент 'больше нормы'. Особенно отчетливо он выступает при указании на количество, ср.:

(2) Он принес *и* яблоки, *и* груши, *и* вино [$\approx$ 'Он принес много']. Поэтому союз *и... и* допускает постановку во фразе слов, указывающих на большое количество, ср.:

(3) Он принес *много* <уйму всего>: *и* яблоки, *и* груши, *и* вино, но не может сочетаться с указанием на малое количество — *немного, кое-что, только, лишь* и т. п. Ср.:

(4) *Он принес *немного*: *и* яблоки, *и* груши, *и* вино.

*Он принес *только* *и* яблоки, *и* груши, *и* вино.

В ряде случаев в конструкциях с *и... и* смысл 'больше нормы' модифицируется в смысл 'всё' (или 'все'). Ср.:

(5) *И* синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, *и* стрела, *и* лукавый кинжал
Щадят победителя годы
(А. Пушкин. Песнь о вещем Олеге).

В приведенном отрывке (5) содержится смысл 'всё', создаваемый именно союзом *и... и* — ведь сами вводимые союзом компоненты (вал, пращ, стрела, кинжал) — это лишь некоторые иллюстрации и опасностей. О коне Олега также сообщается, что все опасности ему нипочем, и передается этот смысл также с помощью союза *и... и* (*И* *холод* *и* *сеча* *ему* *ничего*). При замене этого союза союзом *и* (*Холод* *и* *сеча* *ему* *ничего*) смысл 'любая опасность ему нипочем' смягчается.

Подобная иллюстративность, упоминание говорящим лишь некоторых компонентов из множества имеющих свойственны многим употреблением союза *и... и* и подчеркиваются зачастую постановкой местоимений *всё, все*.

Ср.:

(6) Увы! теперь *и* дни, *и* ночи, / *И* жаркий одинокий сон, / *Всё* полно им... (А. Пушкин. Евгений Онегин); Нам внятно *всё* — *и* острый галльский смысл, / *И* сумрачный германский гений (А. Блок. Скифы); Людям хотелось бы *всё* сохранить: *и* розы, *и* снег (А. Герцен. Былое и думы); *И* море, *и* Гомер — *всё* движется любовью (О. Мандельштам); *Всех* их знал Никита: *и* воробьев, *и* пауков, *и* мух, *и* кур во дворе (А. Платонов. Ни-

кита)¹.

Итак, союз *и... и* кроме указания конъюнкции дает оценку этой конъюнкции говорящим. В целом можно предложить следующее толкование союза *и... и*:

и X и Y = 'в качестве описываемого выступают: X, Y; и это — больше нормы'.

Комментарии к толкованию

1. Во многих случаях употребления союза *и... и* можно видеть смысл 'много', ср.: *Он принес и яблоки, и фрукты, и вино* [= 'он принес много']. Мы, однако, предпочитаем толковать этот союз не через компонент 'много', а через компонент 'больше нормы' — по следующим причинам:

— компонент 'много' сам определяется через понятие нормы: *много* = 'больше нормы' [Апресян 1974: 74, 295];

— есть случаи, когда союз *и... и* допускает толкование 'больше нормы', но не может быть истолкован через компонент 'много', — в частности, при указании на два предмета. Так, фраза *Пришли и Коля, и Петя* означает: 'пришедших больше нормы', но не 'пришедших — много', и в связи с этим не допускает постановку наречия много, ср.:

(7) *Народу пришло много — *и Петров, и Семенов.*

Наличие в значении союза *и... и* компонента 'больше нормы' объясняет, почему именно этот союз (но не основной соединительный союз *и*) употребляется в вопросо-ответном высказывании при замене дизъюнкции конъюнкцией. На альтернативный вопрос *Тебе чай или кофе?* мы вряд ли ответим: *Мне чай и кофе*; правильным ответом будет конструкция с союзом *и... и*: *Мне и чай, и кофе* (или: *Мне и то и другое*).

Наличие в смысле союза *и... и* компонента 'это — больше нормы' препятствует использованию этого союза в так называемых симметричных предикатах, ср.:

(8) Миша *и* Катя целуются.

(9) *И Миша, *и* Катя целуются.

¹ Таким образом, рассматриваемые конструкции сближаются по значению с некоторыми разделительными конструкциями с союзом *ли... ли* (*ли... или*). Так, в предложении *Всё очужбинилось — дверь ли, стена ль* (И. Сельвинский. Улялаевщина) разделительный союз может быть заменен (без существенного изменения значения) соединительным союзом *и... и* (*Всё очужбинилось — и дверь, и стена*).

Фраза (9) может быть осмыслена как правильная, но при этом она указывает уже не на взаимное действие, а на два независимых действия [= Миша целуется с кем-то и Катя целуется с кем-то].

Особые случаи. В завершение рассмотрения союза *и... и* укажем интересные (и, кажется, не отмеченные исследователями) употребления союза *и... и*, где этот союз сближается по значению с разделительными союзами. Ср.:

(10) *И две, и три* тысячи предлагали мне за эту картину, но я отказывался.

(11) Барон здоров. Бог даст — лет *десять, двадцать, И двадцать пять, и тридцать* проживет он (А. Пушкин. Скупой рыцарь).

Союз *и... и* в (10) трудно квалифицировать как соединительный («соединения», «суммирования» здесь нет — предлагаемая цена не равна пяти тысячам), но этот союз не является и разделительным (компоненты — две тысячи и три тысячи — не возможны, а действительно имели место: на каком-то этапе их было две, а на следующем — три).

Несколько иное значение имеют конструкции с *и... и*, где описываются узувальные ситуации:

(12) Она возвращается *и в два, и в три* часа ночи; Она возвращается *и рано, и очень поздно*; В месяц он получает *и 200, и 250* рублей.

Союз *и... и*, видимо, является здесь разделительным, близким по значению союзу *то... то*.

Ни... ни Как справедливо отмечается в литературе, союз *ни... ни* — это «аналог» союза *и... и* с отрицательным значением [Грамматика 1980, т. II: 618].

Примеры: Голая степь; *ни* деревца, *ни* кустика по дороге (Л. Толстой, Кавказский пленник); Нет *ни* полета, *ни* размаху — Висят поломанные крылья (Ф. Тютчев. О, этот Юг); Спалена моя степь, трава свалена, *Ни* огня, *ни* звезды, *ни* пути (А. Блок. Опустись, занавеска линиялая); Я один у окошка, *Ни* гостя, *ни* друга не жду (С. Есенин. Черный человек); *Ни* себя, *ни* друзей не щадя, Здесь столетье сходило с ума (Н. Асеев. Декабрьский туман); Спят трещотки и псы соседовы, — *Ни* повозок, *ни* голосов (М. Цвет-

таева); И *ни* спичек, *ни* махорки — Все раскисло от воды (А. Твардовский. Василий Теркин. Бой в болоте).

В синтаксическом отношении приведенные примеры довольно однообразны, и это не случайно: союз *ни... ни* соединяет, как правило, члены предложения (исключения редки; например: *Ни нам ни до кого дела нет, ни до нас никому дела нет* (М. Салтыков-Щедрин. Круглый год. Первое марта). Члены, соединяемые данным союзом — это обычно существительные или предложные группы (исключения редки, например: *Ребятам не во что было ни одеться, ни обуться* (А. Платонов. Песчаная учительница)). В частности, союз *ни... ни* неохотно сочетается с личными формами глаголов, ср.;

(1) ³Он *ни* сдал экзамен, *ни* написал сочинение.

Предпочтительнее либо предложение с союзом *и* (*Он не сдал экзамен и не написал сочинение*), либо перестройка (1) таким образом, чтобы союз *ни... ни* соседствовал с существительными: *Он ни экзамена не сдал, ни сочинение не написал*.

Союз *ни... ни* синонимичен союзу *и... и*, но употребляется в отрицательном контексте, ср.: *Он не принес ни яблок, ни груш, ни вина* [= 'Он не принес яблоки, груши, вино, и это — много']. Как и союз *и... и*, союз *ни... ни* может указывать на всеобщность, которая в ряде случаев подчеркивается постановкой специальных слов. Для союза *и... и* это, как мы видели, слова типа *все, всегда* и т. п., для союза *ни... ни* — слова типа *никто, ничто, никогда* и т. п. Ср.:

(2) *Ничто* меня не берет — *ни* музыка, *ни* пение, *ни* вера, а водка меня берет! (А. Платонов. Город Градов).

Некоторые необычные или устаревшие употребления:

1. при некоторых членах СК нет элемента *ни*:

(3) Этот ход не имел ничего общего с комнатой сына, *ни* стоянием в комнате сына (А. Белый. Петербург).

2. элемент *ни* может вводиться союзом *и*:

(4) ...ей [корове] нужен был сейчас только один ее сын — теленок, и *ничто* не могло заменить его: *ни* человек, *ни* трава и *ни* солнце (А. Платонов. Корова).

3. вместо одного из элементов *ни* употреблено отрицательное местоимение:

(5) Я не знал *никаких* порядков города, <...> *ни* нравов людей, с которыми мне там придется встретиться (Н. Лесков. Полуношники).

4. *ни* непосредственно вводит предложение с союзным словом:

- (6) Я не знал — *ни кто* она, *ни с кем* водилась, *Ни где* бывала (М. Кузмин. Лазарь).

Как... так и П р и м е р ы: Все было опущено и запущено *как* у мужиков, *так и* у барина (Н. Гоголь. Мертвые души); Француз бывает самоуверен потому, что он почитает себя лично, *как* умом, *так и* телом непреодолимо-обворожительным *как* для мужчин, *так и* для женщин (Л. Толстой. Война и мир); Все сильно пьянствовали: *как* в собрании, *так и* в гостях друг у друга (А. Куприн. Поединок); ...издание, выпущенное «Советской Россией», *как* первое, *так и* дополнительное, разошлось мгновенно (Московская правда, 5 февр. 1985).

Некоторые из имеющихся определений

В словаре С. И. Ожегова союз *как... так и* определяется как «союз перечислительный». В. Н. Перетрухин полагает, что этот союз выражает «усиленную конъюнкцию», когда «нарочито подчеркивается равная степень реальности (при отрицании нереальности) и значимости каждого члена союзного ряда» [Перетрухин 1979: 111]. В Грамматике 1980 значение этого союза описывается несколько неопределенно: «Союзы *а также, как... так и* обладают способностью выражать градационные и присоединительные отношения, но часто используются в более широком значении — соединительном или сопоставительном» [т. II: 172].

На наш взгляд, «градационности», неравноценности частей в значении союза *как... так и* нет. Ср.:

- (1) а. Он выписывает *как художественные, так и математические журналы*.
 б. Он выписывает *как математические, так и художественные журналы*.

Между (1а) и (1б), видимо, есть некоторая разница в соотношении компонентов, однако объясняется она некоторым общим принципом порядка компонентов СК — первое место «более престижно», — и эта разница сохраняется и в случае союза *и*, ср.:

- (2) а. Он выписывает *художественные и математические журналы*.
 б. Он выписывает *математические и художественные журналы*.

Правда, в ряде случаев компоненты конструкции с союзом *как* ... *так и* не допускают перестановки (ср. правильную фразу *На борьбу с фашистами поднялись как взрослые, так и дети* и неправильно **На борьбу с фашистами поднялись как дети, так и взрослые*), однако это еще не доказывает, что союз указывает на неравноценность компонентов (то есть является «градационным»). По нашему мнению, здесь мы имеем дело с некоторым общим ограничением на порядок компонентов, действующим, в частности, и в конструкциях с союзом *и* (заведомо не относящимся к градационным!). Ведь фраза *На борьбу с фашистами поднялись дети и взрослые* также вряд ли допустима.

С другой стороны, значение союза *как*... *так и* нельзя сводить к «чистой» перечислительности или соединительности. Мы считаем, что союз *как*... *так и* синонимичен союзу *и*... *и*. Как этот последний, союз *как*... *так и* имеет в своем значении компонент 'больше нормы' и не может поэтому сочетаться со словами *мало*, *немного*, *кое-что*, *только* и т. п. Ср.: **Журналов он выписывает немного — как художественные, так и математические*; **Он выписывает только как художественные, так и математические журналы*.

Совпадая с союзом *и*... *и* по значению, союз *как*... *так и* существенно отличается от него по стилистическим характеристикам и сочетаемостным свойствам. Укажем некоторые из этих отличий.

1. В отличие от *и*... *и*, союз *как*... *так и* — книжный (предложения типа *Я купил как молоко, так и сметану* выглядят странно).

2. Союз *как*... *так и* соединяет обычно именные группы и нежелателен при сочинении предложений и предикатных слов. Ср.:

**Как план выполнен, так и число рабочих сократилось* (нужно: *и*... *и*).

**Он как доклад сделал, так и статью написал* (нужно: *и*... *и*).

?*Он как умен, так и опытен*.

?*Было как тепло, так и солнечно*.

Да-2 Некоторые из имеющихся определений: «Употребляется для соединения однородных членов предложения и целых предложений; соответствует по значению союзу «и» [МАС]; «Употр. для соединения или присоединения отдельных слов или целых предложений» [Ожегов]; «Союз *да*, имеющий оттенок разговорности, близок... к союзу *и*» [Грамматика 1980,

т. II, 625]¹.

Некоторые примеры сочинения членов предложения — (1) и предложений — (2) с помощью союза *да*:

- (1) Трясина кругом *да* камыш кудлатый (Э. Багрицкий. Трясина); А где-то в поле пусто, Тишь *да* благодать (А. Прокофьев. Прощание с романтикой); Вам ли, любящим баб *да* блюда, жизнь отдавать в угоду?! (В. Маяковский. Вам!); Кружит паучок По загару щек; Сабля *да* книга, — Чего еще? (Э. Багрицкий. Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым).
- (2) И только упряжь тонкая сияла, / *Да* мостовая праздничная глухо / Ленивые подковы отражала (О. Мандельштам. Лютеранин); Изредка выскочит дельфина колесо / *Да* встречается морской колючий еж (О. Мандельштам); Справа — курган, / *Да* слева курган; / Справа — нога, / *Да* слева нога (Э. Багрицкий. Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым); В Преображенском дворце пустынно, только челядь бегаёт на цыпочках, *да* по темным углам шепчутся старухи (А. Толстой. Петр I).

Вряд ли правильно усматривать особое («перечислительное») значение союза *да* в конструкциях с тремя (и более) однородными членами, как это иногда делается (ср. МАС). Видимо, мы здесь имеем дело с тем же значением союза *да*, что и в примерах (1)–(2). Ср.:

- (3) А ты все та же — лес, *да* поле, / *Да* плат узорный до бровей (А. Блок. Россия); Лицом он пошел в деда арапа. Но сны его были русские...: все снег, *да* снег, *да* ветер, *да* домовая возилась в углу (Ю. Тынянов. Пушкин. Детство); ... пахнет крепко сеном, *да* дегтем, *да* водорослями сухими (Ю. Казаков. Нишкины тайны); У нас в городе знаешь, кто не пьет? Тот, у кого денег нету, *да* тот, кому не подают, *да* еще Пушкин (Ф. Абрамов. Алька).

Каждое из предложений, помещенных в (1)–(3), допускает замену союза *да* союзом *и*, и все-таки существующее мнение о синонимичности соединительных союзов *да* и *и*, видимо, ошибочно. Во-первых, некоторое изменение в смысле при замене *да* на *и* в (1)–(3) все-таки происходит. Во-вторых, обратная замена (замена союза *и* на союз *да*) в ряде случаев невозможна, ср.:

¹ Все перечисленные источники указывают также другое значение союза *да* — «противительное». Оно было рассмотрено выше.

- (4) Он встал *и* сказал [не: *Он встал *да* сказал].
- (5) Прощай, Эхсил, обнимаю тебя, как поэта *и* друга (А. Пушкин. Письмо П. А. Катенину) [не: *... как поэта *да* друга].
- (6) а. Шел дождь, *и* капли с крыши Стекали по стене (К. Бальмонт. Дождь).
б. *Шел дождь, *да* капли с крыши Стекали по стене.
- (7) а. Буквально две минуты, *и* она в школе (PPP: 190).
б. *Буквально две минуты, *да* она в школе.
- (8) а. Они у Ладоги, *и* мы у Ладоги (PPP: 161).
б. *Они у Ладоги, *да* мы у Ладоги.

Союз *да* по значению существенно отличается от союза *и*, что и препятствует его использованию в (4)–(8). Он не может, в частности, использоваться в случае следственной зависимости — см. (6) и временной последовательности — (7).

Особенности значения соединительного союза *да*, фиксируемые в приведенных примерах, становятся более ощутимыми при сравнении фраз с союзом *да* с фразами, включающими союз *и* и союз *и... и*:

- (9) Он принес вино *и* фрукты.
- (10) Он принес *и* вино, *и* фрукты.
- (11) Он принес вино *да* фрукты.

Три приведенных примера существенно отличаются по значению. В первом примере, включающем союз *и*, нет количественной оценки принесенного.

Что касается примеров (10) и (11), то каждый из них содержит такие оценки, причем прямо противоположные: союз *и... и* привносит, как уже отмечалось, значение ‘и это много’; союз *да*, напротив, привносит значение ‘и это мало’. Тем самым, союзы *и... и* и *да* предстают как антонимичные союзы.

Различие в значении союзов *и*, *да*, *и... и* находит подтверждение в различии их сочетаемостных свойств:

— союз *и* допускает постановку как наречия *много*, так и наречия *мало*, *немного*. Ср.:

- (12) а. Он принес *много*: вино *и* фрукты.

б. Он принес *немного*: вино *и* фрукты;

— союз *да* (в отличие от союзов *и... и*; *и*) плохо сочетается с наречиями типа *много*, *уйма* (ср.: ?Он принес *много*: вино *да* фрукты); что же касается указаний на малое количество (*мало*, *только*, *лишь*,

одни и т. п.), то они в конструкциях с *да* не только возможны — они вполне обычны. Несколько примеров:

- (13) Два предмета *только* поразили и остановили меня: Альпы *да* старые готические церкви (Н. Гоголь. Письмо М. П. Погодину); В вечерней чистоте / *Лишь* небо *да* скворечник / На согнутом шесте (А. Белый. Поповна); В открытом море — *только* небо, / Вода *да* ветер (И. Бунин); Кто тут по ночам бродит? *Только* медведи *да* охотники (Ю. Казаков. Ночь).

Предлагаемое толкование:

$X \text{ да } Y =$ 'в качестве описываемого выступают: X, Y, и это — меньше нормы'.

Комментарии к толкованию:

Следует признать, что в отличие от союза *и*... *и*, достаточно определенно указывающего на отклонение от нормы по количеству, союз *да* не везде допускает подобную интерпретацию. Ср. следующие примеры, где указания на малое количество, видимо, нет:

- (14) Тесно и душно. В диком ущелье — / Тучи *да* снег (А. Пушкин); А у нас — тишь *да* гладь, / Божья благодать (А. Ахматова); Встречаемся по сумеркам украдкой *да* тайком (Н. Асеев); Ночью ветер злится / *Да* стучит в окно (А. Фет); ...в доме, куда ни повернись, везде дыра *да* прореха (Ф. Абрамов. Деревянные кони).

Более естественной интерпретацией приведенных примеров представляется указание на однообразие, монотонность компонентов, соединяемых союзом *да*. Особенно отчетливо этот смысл выступает в СК с тождественными словоформами, ср.:

- (5) В сыром ночном тумане / Все лес, *да* лес, *да* лес (А. Блок); Что вы лезете: Европа *да* Европа! Возьму и открою другую страну (В. Маяковский. Христофор Колумб); Снег *да* снег кругом.

На наш взгляд, однако, понятия малого количества и однообразия (к одному из которых сводимо обычно значение предложений с соединительным союзом *да*) — понятия близкие, и то и другое включает представление об отклонении от нормы. Совпадают они и по сочетаемым свойствам: союз *да*, указывающий на однообразие, также не сочетается с указаниями на большое количество (*много* и т. п.) и охотно сочетается с указаниями на малое количество, ср.:

- (6) А нынче *только* ветры *да* крики пастухов (А. Ахматова. Разлука); *Лишь* голуби *да* голубая / Вода. И мол. И волнолом (Э. Багрицкий. Голуби); Теперь над глиняным склепом его / *Лишь* ветер *да* лебеда (Н. Асеев. В те дни, как были мы молоды).

В связи со сказанным, мы считаем, что предложенное толкование союза *да* применимо также и к примерам типа (4)–(6), содержащим указание на однообразие.

Спорные случаи

Предлагаемое толкование, кажется, неприменимо к некоторым из конструкций с сочиненными сказуемыми. Возможно, мы здесь имеем дело с особым значением союза *да*: ‘Имеет место X, имеет место Y’:

- (7) Здесь Чичиков <...> скорее за шапку, *да* по-за спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо (Н. Гоголь. Мертвые души); Ходят двое чудаков / *Да* стреляют судаков (В. Хлебников); Взять бы этого Канта, *да* за такие доказательства года на три в Соловки! (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

И то-2 По отношению к данному союзу условность принятой нами классификации русских соединительных союзов особенно ощутима: по своей семантике союз *и то-2* занимает «промежуточное положение». Мы относим его к числу союзов, указывающих на отступление от нормы по количеству, однако с равным основанием его можно было бы включить в число союзов градационных или же выделить в особый подкласс соединительных союзов.

Примеры: Со страхом на него глядят они, *и то* / Украдкой, издали, сквозь аир и осоку (И. Крылов. лягушки, просящие царя); Я знаком только с одним семейством, *и то* вижу его довольно редко (А. Пушкин. Письмо Д. М. Шварцу, ок. 9 дек. 1824); Солнце светит и греет, а месяц только светит, *и то* в лунную ночь (К. Прутков); Наташа только один раз была в этом клубе, *и то* давно (А. Платонов. Фро); Кушала хлеб черный да капусту, *и то* чуть-чуть (А. Толстой. Петр I); ...любит разговоры слушать, сам говорит редко, *и то* вопросами: «А это что? А это почто?» (Ю. Казаков. Нишкины тайны); Я согласен на медаль. На медаль. / *И то*

не к спеху (А. Твардовский. Василий Теркин. О награде); Ребят крестить старухи носят за восемь верст, *и то* воровски ... Разве дело? (В. Белов).

Некоторые из имеющихся толкований союза (*да*) *и то*: «к тому же, и при этом еще» [Ожегов]; «к тому же, к тому же только. *Вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке*. Пушкин. *Капитанская дочка*» [МАС].

Таким образом, авторы словарей, избегая эксплицитных толкований союза *и то*, «прячутся» за синонимичные выражения, которые сами нуждаются в толковании. К тому же это не синонимы, а квазисинонимы.

С целью определить значение союза *и то* проведем эксперимент с приведенным в [МАС] примером из «Капитанской дочки», несколько приспособив его к условиям эксперимента, в частности, очистив его от оценочных элементов — частицы *только* и уменьшительного суффикса в существительном *рюмка*:

- (1) Вино подавалось у нас за обедом.
- (2) Вина подавали у нас по рюмке.
- (3) Вино подавалось у нас за обедом, *и то* по рюмке.

В (1) и (2) описываемые параметры употребления вина — периодичность (*за обедом*) и количество (*по рюмке*) никак не оцениваются, однако в (3), где соответствующие обстоятельства объединяются с помощью союза *и то* (*за обедом, и то по рюмке*), уже содержится оценка, указывается на то, что потребление вина — ниже нормы, вино подавалось: а) редко, б) в малых дозах.

Предлагаемое толкование:

X и то-2 Y = 'по признаку X описываемое — ниже нормы; отклонение от нормы усиливается благодаря тому, что по признаку Y описываемое также ниже нормы'.

Комментарии:

По значению союз *и то* сближается с рассмотренным выше союзом *да*, который также включает смысловой элемент 'ниже нормы' (точнее — 'меньше нормы'). Если союз *и то* соединяет указания на разнородные признаки, в частности, на разные параметры ситуации (в (3) — на периодичность употребления вина и на дозы), то союз *да* объединяет однородные компоненты (ср.: *Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хриплая охра* (О. Мандельштам. Армения).

Поэтому эти два союза, как правило, не взаимозаменяемы. Однако они могут свободно объединяться, и притом без заметного изменения смысла. Ср.:

- (4) Вино подавалось у нас за обедом, *да и то* по рюмке; Комнатенка в одно окно, *да и то* в сарай с дровами упирается (Ф. Абрамов. Алька).

Казалось бы, возможна более сжатая формулировка толкования союза *и то*:

X и то-2 Y = 'по признаку X и по признаку Y описываемая ситуации — ниже нормы'.

Однако при такой формулировке признаки X и Y полностью уравниваются, теряется «динамика» описания, где сначала вводится X, а потом уже Y, который «усугубляет» воздействие X-а на описываемую ситуацию. По распределению смыслов внутри конструкции союз *и то* напоминает союз *зато*, антонимичен этому союзу: в случае *зато* второй компонент Y компенсирует воздействие на описываемую ситуацию первого компонента (X-а), в случае *и то* — усугубляет это воздействие («антикомпенсация»). Ср.:

- (5) а. Мясо дают раз в месяц, *зато* по 2 кг на человека,
б. Мясо дают раз в месяц, *и то* по 2 кг на человека.

1.6. «Градационные» союзы (*не столько... сколько; скорее ... чем; не то чтобы ... но <a>; не только ... но и; не то что ... (а); (а) не то что; да и-2*)

Не столько... сколько Я пришла *не столько* за тем, чтобы уговорить вас меня не преследовать, *сколько* чтоб вас самого видеть (Ф. Достоевский.

Подросток); Говорит он *не столько* языком, *сколько* лицом и руками (А. Чехов. Гриша); Вообще он *не столько* походил на мастера-ового, *сколько* на семинариста (Г. Успенский. Нравы Растеряевой улицы)¹; Пфуль чуть взглянул *не столько* на князя Андрея, *сколько* через него (Л. Толстой. Война и мир); Низкие надои здесь объясняются *не столько* трудностями с кормами, *сколько* недостатками в руководстве животноводством (Известия, 31 янв. 1985).

Предлагаемое толкование:

не столько X, сколько Y = 'существует мнение, что в качестве

¹ Три первых примера заимствованы из картотеки [БАС].

описываемого выступает X;
 в действительности в качестве описываемого
 выступают X, Y;

Y проявляется с большей силой, чем X'

Комментарии к толкованию:

1. Компонент 'существует мнение, что в качестве описываемого выступает X' объясняет, почему обмен репликами (1) правилен, а (2) — нет. Ср.:

(1) — Коля очень грубый.

— Он *не столько* грубый, *сколько* прямой.

(2) — Коля очень грубый.

— *Он *не столько* прямой, *сколько* грубый. <— *Он *не столько* нахальный, *сколько* прямой>.

2. То, что компонент X не отрицается полностью, а только смещается говорящим на второе место, отчетливо проявляется в следующих примерах:

(3) Здесь заслуга *не столько* моя, *сколько* колена.

Он *не столько* умен, *сколько* хитер: хитрости 90%,
 а ума — 10%.

3. Из наличия компонента 'Y проявляется с большей силой, чем X' вытекает бóльшая коммуникативная значимость Y-а: именно он определяет сочетаемость предложения, включающего союз *не столько... сколько*, с другими единицами текста — ср. правильную фразу (4) и неправильную (5):

(4) Он *грустен* и испытывает *не столько* облегчение, *сколько* усталость.

(5) *Он *грустен* и испытывает *не столько* усталость, *сколько* облегчение [вступают в противоречие компоненты *он грустен* и *он испытывает облегчение*].

Скорее... чем Примеры: Но тут увидел он, что это был *скорее* ключник, *чем* ключница (Н. Гоголь. Мертвые души); *Скорее* железо могло простудиться и кашлять, *чем* этот на диво сформированный помещик (Н. Гоголь. Мертвые души); Он *скорее* сожаления достоин, *чем* насмешки (И. Тургенев. Отцы и дети); Они расстались ... *скорее* дружески, *чем* враждебно (М. Зощенко. Мишель Синягин).

По значению союз *скорее... чем* очень близок, казалось бы, рассмотренному ранее союзу *не столько... сколько* и отличается от него только порядком компонентов. Ср.:

- (1) Он *не столько* умен, *сколько* хитер.
 (2) Он *скорее* хитер, *чем* умен.

На наш взгляд, (1) и (2) все-таки несколько различаются по значению: и в (1) и в (2) говорящий считает, что в Коле ума меньше, чем хитрости; однако в (2) Коля признается еще менее умным, чем в (1), — хотя полностью наличие свойства «ум» не отрицается и в (2) (в противном случае были бы неправильны фразы типа (3), видимо допустимые:

- (3) Он *скорее* хитрый, *чем* умный — хитрости 90 %, а ума (только) 10 %).

Более отчетливо различие в значении союзов *не столько... сколько* и *скорее... чем* выступает в тех (достаточно многочисленных) случаях, когда эти союзы не взаимозаменяемы: союз *скорее... чем* возможен, а союз *не столько... сколько* — нет, ср.:

- (4) а. Здесь *скорее* прохладно, *чем* холодно.
 б. *Здесь *не столько* холодно, *сколько* прохладно.
 (5) а. Шар *скорее* красный, *чем* зеленый.
 б. *Шар *не столько* зеленый, *сколько* красный.
 (6) а. Петя *скорее* оптимист, *чем* пессимист.
 б. *Петя *не столько* пессимист, *сколько* оптимист.

Фразы (4б), (5б), (6б) с союзом *не столько... сколько* неправильны, поскольку в значение этого союза входит, как мы видели, конъюнкция компонентов X и Y, а она во фразах (4б)–(6б) невозможна (в одном и том же месте не может быть одновременно холодно и прохладно, шар не может быть одновременно красным и зеленым, а Петя — оптимистом и пессимистом).

С учетом сказанного мы могли бы предложить следующее толкование союза *скорее... чем*:

скорее X, чем Y = 'существует мнение, что в качестве описываемого выступает Y;
 правильное считать, что в качестве описываемого выступает X'

Комментарии к толкованию:

1. Существующее мнение не отвергается говорящим (как это происходит в случае заместительных союзов), но дополнитель-

но выдвигается другое мнение, на взгляд говорящего, более правильное. Тем самым, смысловое различие между градационными союзами *не столько... сколько и скорее... чем* огрубленно можно сформулировать так: *не столько... сколько* — это соединение двух компонентов (событий, признаков) в раз ной пропорции; *скорее... чем* — это соединение дв у х м н е н и й об этих компонентах, мнений, имеющих разную достоверность. Это объясняет, почему нельзя сказать **Это — не столько тройка, сколько пятерка* и можно сказать: *Это — скорее пятерка, чем тройка* (быть и пятеркой и тройкой одна цифра не может, но она вполне может п р и н и м а т ь с я и за то, и за другое: слушающим за тройку, а говорящим за пятерку).

Некоторые исследователи (см., напр., Русская грамматика 1979, т. 2: 810) относят союз *скорее... чем* к разделительным, т. е. видят в конструкциях типа *скорее X, чем Y* две возможности, из которых первая (X) более вероятна, чем вторая (Y).

На наш взгляд, союз *скорее... чем* принципиально отличается от всех разделительных тем, что в случае разделительных союзов оба предположения принадлежат говорящему, а в случае союза *скорее... чем* говорящему принадлежит лишь одно из двух мнений.

Соединительное (конъюнктивное) значение рассматриваемого союза отчетливо проявляется в примерах типа:

(7) — Она худая.

— Нет, она скорее стройная, чем худая.

В (7) речь идет не о двух возможностях ('возможно, она стройная; возможна, она худая'), а о двух мнениях (она стройная; она худая); Г считает, что если выбирать между этими мнениями, то правильнее считать, что она — стройная.

Не то чтобы... но <а> Примеры: Она была *не то чтобы* глупа, *а* так себе — дурковата (Т. Кузьминская. Моя жизнь ...; пример из картотеки [БАС]); Нет, *я не то чтобы* совершенно крестьян, — сказал Чичиков, — я желаю иметь мертвых (Н. Гоголь. Мертвые души); И вдобавок он был *не то чтобы* контрреволюционер, *но* он отличался исключительной отсталостью в политическом смысле (М. Зощенко. Огни большого города); Многие

забылось, *не то чтобы* забылось, а смолось в памяти, слилось с другими детскими воспоминаниями (В. Астафьев. Царь-рыба. Уха на Боганиде).

Сравним союз *не то чтобы...* но <a> с близким по значению союзом *скорее... чем*:

- (1) Коля *не то чтобы* трусливый, но осторожный.
- (2) Коля *скорее* осторожный, чем трусливый.

В обеих фразах мы имеем дело не с градацией событий или признаков, а с градацией мнений. Различие между ними связано с количеством сопоставляемых мнений: в (2) этих мнений два: 1) Коля трусливый, 2) Коля осторожный), в (1) — три, эта фраза имеет такой смысл: 'из двух противоположных мнений (Коля трусливый, Коля храбрый) правильное первое, а еще правильное третье мнение: Коля — осторожный'.

Если наше понимание союза *не то чтобы...* но <a> правильно, то он допустим (в отличие от союза *скорее... чем*) только при описании градуируемых событий или признаков. И это действительно так. Ср.:

- (3) Это *скорее* пятерка, чем тройка [не: *не то чтобы тройка, но пятерка]; Тут увидел он, что это был *скорее* ключник, чем ключница [не: *не то чтобы ключник, но ключница].

Предлагаемое толкование:

не то чтобы X, но <a> Y = 'из двух возможных мнений (X и не-X) правильное X; а еще правильное считать, что Y'.

Комментарии к толкованию: Некоторые исследователи [Серебряная 1972; Попов 1973] полагают, что в конструкциях с *не то чтобы...* а первый компонент «отвергается как несоответствующий действительности» [Серебряная 1972: 92]. При этом понимании остается неясным, почему говорящий вводит этот компонент, чтобы тут же его отвергнуть, почему он не удовлетворяется приведением истинного компонента Y. Сравним высказывания:

- (4) а. Коля осторожен.
- б. Коля *не то чтобы* труслив, но осторожен.

Фразы (4а) и (4б) явно различаются по смыслу: в (4б) Коля оценивается по признаку «храбрость — трусость», а в (4а) — нет.

Не только ... (но и) Примеры: ...жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня *не только* сносною, *но* даже *и* приятною (А. Пушкин. Капитанская дочка. Поединок); ...не было следа *не только* болезни, *но и* усталости (А. Пушкин. Путешествие в Арзрум); ...уже *не только* совершенно стемнело, *но* луна взошла (И. Тургенев. Три встречи); Присутствие *не только* Сони, *но и* любимой Наташи, даже мужа, раздражало графиню (Л. Толстой. Война и мир); Школы мне *не только* не нужны, *но* даже вредны (Л. Толстой. Анна Каренина); Я остановился ... неспособный *не только* соображать что-нибудь, *но* просто держаться на ногах (И. Бунин. Суходол); Никто не оказался *не только* убит, *но* даже ранен (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); ...в условиях тяжелого экономического кризиса <...> они *не только* не несут убытки, *но и* получают огромные барыши (Правда, 1 янв. 1985).

В некоторых исследованиях подчеркивается «большая важность» второго компонента конструкции: «Союз *не только... но и* подчеркивает, что, кроме обозначенного первым однородным членом, есть еще и другое, что говорящий при сопоставлении с первым считает более важным» [Земский и др. 1948: 48]. Эта трактовка в целом может быть принята. Однако правильнее, на наш взгляд, говорить не о большей важности второго компонента, а о существенном отклонении от нормы.

Толкование союза *не только... но и* можно в итоге сформулировать следующим образом:

не только X, но и Y = 'в качестве описываемого
выступают: X, Y;
Y — это существенное отклонение
от нормы'

Комментарии к толкованию:

Во многих случаях употребления союза *не только... но и* можно видеть полемику говорящего с существующим мнением, ср.:

- (1) ...предложение отправить Канта в Соловки *не только* не поразило иностранца, *но* даже привело в восторг (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Предстоящий отъезд *не только* не мешал ему веселиться, *но* еще поощрял его к этому (Л. Толстой. Война и мир).

Казалось бы, в (1) существовало мнение (или предположение), что имеет место не-Х, т. е. что отправка Канта в Сибирь поразит иностранца, а предстоящий отъезд помешает веселиться. На наш взгляд, полемика с существующим мнением выражается (там, где она есть) другими средствами, но не союзом *не только... но и*. Ср. примеры, где подобной полемики, видимо, нет и где первый компонент (Х) никем не ставится под сомнение:

- (2) Школа Марии Никифоровны всегда была полна *не только* детьми, *но и* взрослыми (А. Платонов. Песчаная учительница); Многие любят купаться *не только* летом, *но и* зимой. (Вряд ли существовало мнение, что школа полна не детьми, или что многие предпочитают купаться не летом).

Примеры типа (2) свидетельствуют также о том, что лишь второй компонент конструкции (Y) рассматривается как отклонение от нормы; первый компонент (X) — вполне нормален.

Не то что... (а); (а) не то что *Не то что* твоя,— самая замечательная личность — ничто (Ю. Олеша. Зависть) = ‘Твоя личность — ничто; предполагая, что это утверждение может вызвать недоверие С, Г делает более сильное утверждение: самая замечательная личность — ничто’.

В отличие от близкого по составу градационного союза *не то чтобы... а <но>*, рассматриваемый союз допускает перестановку частей, ср. (1) и (2):

- (1) Это человек, который *не то что* именем помещика, целым государством управит (Н. Гоголь. Мертвые души); *Не то что* тростью, вы и пальцем собаку уложите (А. Чехов. Волк); Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла. И *не то что* драка, а цельный бой (М. Зощенко. Нервные люди); Зайдите в Госмедторг. *Не то что* кружки Эсмарха, термометра купить нельзя (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); — Милый,— говорил Иван,— этой дороги *не то что* люди, волки не знают (Ю. Тынянов. Кюхля, Побег); ...*не то что* твоя,— самая замечательная личность — ничто (Ю. Олеша. Зависть); *Не то что* встать,— ему казалось, что он не может открыть глаз (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Брата своего Анисья *не то что* любила — обожала (Ф. Абрамов. Пелагея).

- (2) ...вы запаковываете пакеты во столько бумаг и тюков, что пробраться к ним трудно даже инфузории, *а не то что* вору (А. Чехов. Мой разговор с почтмейстером); Мне, говорит, до вашего ежика дотронуться противно, *не то что* его в руку взять (М. Зощенко. Нервные люди); Волею можно победить смерть, даже самую природу, *а не то что* такие человеческие установления, как государства, правительства (Ю. Трифонов. Нетерпение); ...можно было услышать стук сердца чужого, *не то что* голоса или шепот, или возню какую (В. Шукшин. Беспалый); Почерневшая река застонала, закипела — страшно в воду войти, *а не то что* плыть (Ф. Абрамов. Алька).

Предлагаемое толкование:

не то что X, а Y

Y, *а не то что* X = 'в качестве описываемого наверняка выступает X;
чтобы убедить в этом С, Г делает более сильное утверждение: в качестве описываемого выступает также Y'.

Комментарии к толкованию:

Компонент 'более сильное утверждение' достаточно неопределен: речь идет о более высокой степени проявления признака, о более широкой сфере его распространения и т. д. (см. выше в примерах (1)–(2): *любила — обожала; драка — цельный бой; взять в руку — дотронуться; управлять именем — управлять государством* и т. д.).

Да и-2
(*да и* градационное)

Примеры¹: (1) Своего портрета. у меня нет — *да и* на кой черт иметь его (А. Пушкин. Письмо Н. И. Гнедичу 13 мая 1823); ... что если бы в окно? Нет, нельзя; как же, и неприлично, *да и* высоко (Н. Гоголь. Женитьба); Нового ничего не произошло, *да*, кажется, *и* произойти не может (И. Тургенев. Фауст); ...до своих — верст десять еще будет, а приметы верной нет, *да и* ночью не разберешь (Л. Толстой. Кавказский пленник); ...почти не имелось никакой природы на первый взгляд, *да и* нужды в ней не было (А. Платонов. Город Градов); Кинулись ловить разбойников, одни

¹ Другое значение союза *да и* («*да и* неожиданности») описывалось выше.

следы нашли, *да и* те замело (А. Толстой. Петр I); Парень в этом роде / В каждой роте есть всегда, / *Да и* в каждом взводе (А. Твардовский. Василий Теркин. На привале); И таким-то дубакам ... уподобился местный житель, исконный рыбак, *да* еще *и* руку поднял на человека, *да и* не просто на человека, на брата, *да и* не просто руку, а ружье! (В. Астафьев. Царь-рыба); Командовать <...> было поздно, *да* он *и* не знал, что командовать (В. Конецкий. Третий лишний).

Обычно (см., напр., МАС) союз *да и* определяется в точности так же, как присоединительный союз *да и*, видимо, считается ему синонимичным. С таким толкованием трудно согласиться. Соединительный союз *да и* существенно отличается по значению от соединительного союза *да и*, как правило, они не взаимозаменяемы. Ср.:

- (2) ...в доме, куда ни повернешь, везде дыра *да* прореха [не: *да и прореха!] (Ф. Абрамов. Деревянные кони).
 (3) ...я еще совсем был ребенком, со мной были детские книги, *да и* тех я не читал [не: *да* тех я не читал!] (А. Герцен. Былое и думы).

Основные компоненты смысла соединительного союза *да и* правильно определяются в Грамматике 1980: союз *да и* «вводит информацию, которая заранее не предусмотрена говорящим, и поэтому подключается после того, как завершена предшествующая часть. При этом сообщаемое во второй части информативно может быть не менее важным, чем предшествующее сообщение (первая часть)» [т. II: 626].

Фактический материал (см. примеры (1)) подтверждает положение об «информативной важности второй части сообщения», более того, это положение следует, на наш взгляд, усилить: вторая часть не только «может быть не менее важной, чем первая» — она всегда информативно сильнее. В результате высказывание приобретает особую уверенность и категоричность. Это значение союза *да и* («*да и* градационное») мы определили бы следующим образом:

X, *да и* Y = 'в качестве описываемого наверняка выступает X; предполагая, что это утверждение может вызвать недоверие С-щего; Г делает более сильное утверждение (пришедшее ему в голову при произнесении утверждения X):
 в качестве описываемого выступает также Y'.

Комментарии к толкованию:

Из приведенного толкования следует, что мы считаем градационный союз *да и* близким союзу *не то что...*, (а) и отличающимся от него главным образом наличием дополнительного «присоединительного» компонента значения («второе более сильное утверждение приходит говорящему в голову в процессе произнесения первого утверждения»).

Семантическую близость градационных союзов *не то что...* (а) и *да и* можно показать на следующих примерах:

- (4) а. Он *не то что* именем помещика, целым государством управит.
 б. Он управит именем помещика, *да и* целым государством.
 (5) а. *Не то что* встать, — ему казалось, что он не может открыть глаз (М. Булгаков).
 б. Ему казалось, что он встать, *да и* открыть глаз не может.

Вполне вероятно, что различия в значении союзов *не то что...* (а) и *да и* являются более существенными, однако описать эти различия точнее, чем это сделано в наших толкованиях, мы затрудняемся.

В результате рассмотрения нескольких русских градационных союзов можно констатировать, что нам не удалось выделить единое общее основание градационности: компоненты X и Y, соединяемые всеми этими союзами, неравноценны, однако эта неравноценность имеет разную природу: а) *неравноценность самих событий (или признаков) по их удельному весу (он не столько умный, сколько хитрый [Ума — мало, хитрости — много]); б) неравноценность мнений по их достоверности (Он скорее оптимист, чем пессимист [правильнее считать его оптимистом, чем пессимистом]); в) неравноценность мнений по их силе (Нового ничего не произошло, да и произойти не может [оба мнения достоверны, но второе имеет более общий характер]).*

§ 2. ПРАГМАТИКА СОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Мы уже отмечали, что наличие разделительного союза существеннейшим образом сказывается на самой природе речевого акта: и цель высказывания, и отношения Г (говорящего) и С (слушающего) к сообщаемому и друг к другу в высказываниях, включающих разделительный союз, коренным образом отличаются от тех, кото-

рые мы наблюдаем в «обычных» высказываниях, высказываниях без разделительного союза. В связи с этим мы выделяли неопределенные утверждения (побуждения, обещания) как особые подклассы речевых актов, имеющие свои особые «условия успешности».

Высказывания с соединительными союзами в прагматическом плане не столь интересны. К ним, видимо, в полной мере применимы те требования, те «условия успешности», которые выделяются обычно для утверждений, вопросов, побуждений, обещаний (см. о них: Падучева 1985). Некоторую специфику имеют только высказывания с градационными союзами *скорее... чем; не то чтобы... а*, которые содержат элемент неопределенности и сближаются с неопределенными высказываниями, ср.:

- (1) Он *скорее* хитрый, *чем* умный; Он *не то чтобы* грустный, *а* какой-то вялый.

Круг соединительных союзов, используемых в разных типах речевых актов, на первый взгляд, существенно различен: в обследованных текстах наибольшим богатством и разнообразием применяемых союзов характеризуются утверждения. Что же касается прочих типов речевых актов (вопросов, побуждений, обещаний и т. д.), то здесь используется по большей части «основной» и «наиболее нейтральный» соединительный союз — *и*. Не следует, однако, преувеличивать значение этого факта: речь, за редкими исключениями, идет не об абсолютных запретах, а о некоторых предпочтениях. В принципе, почти все соединительные союзы вполне допустимы в любом из перечисленных типов речевых актов.

Ниже приводятся примеры использования соединительных союзов в вопросах (общих и специальных), в побуждениях и в обещаниях и формулируются некоторые замеченные нами ограничения на употребление этих союзов.

2.1. Вопросы

- (2) Он пригласил Колю *и* Петю? <*и* Колю, *и* Петю?>;
Кто сдал физику *и* химию? <*и* физику, *и* химию? >
- (3) Он ленивый, *но* <*зато*> умный?
- (4) Коля летом отдыхает в Крыму, *а* зимой на Кавказе?;
Почему он Колю любит, *а* Мишу ненавидит?
- (5) Он работает *не только* в будни, *но* и в воскресенье?

- (6) Он *не столько* умный, *сколько* хитрый?; Где *не столько* работают, *сколько* создают видимость работы?
- (7) Значит ли это, что я — ничто, а вы — большое нечто? (Ю. Олеша. Зависть); Ну, куда тебе возиться с женой *да* нянчиться с ребятишками? Эй, плюнь (А. Пушкин. Капитанская дочка); Нехороший, *но* красивый, / Это кто смотрит на нас? (Н. Заболоцкий. Торжество земледелия).

Менее естественным представляется употребление в вопросах «присоединительных» союзов *да и*, *только* и некоторых градационных союзов, ср.:

- (8) [?]Он <[?]Кто> не пришел, *да и* не мог придти?; [?]Он <[?]Кто> умный, *только* ленивый?; [?]Он <[?]Кто> *не то чтобы* веселый, *но* оживленный?

2.2. Побуждения

- (9) Пригласи *не только* Колю, *но и* Петю; *Не столько* работай, *сколько* создавай видимость работы; *Не то что* в рабочие дни — *и* в воскресенье работай; День и ночь сиди, а план выполни.
- (10) Попробуй меня, Фроим... *и* перестанем размазывать белую кашу по чистому столу (И. Бабель. Как это делалось в Одессе); Отдайте мне метель *и* вьюгу / *И* зимний долгий мрак ночей (А. Пушкин. Весна, весна...); Дельви́г, Дельви́г! пиши ко мне *и* прозой, *и* стихами (А. Пушкин. Письмо А. С. Пушкину 30 янв. 1823); А вы лучше подсядьте-ка к нам поближе, *да* поболтаемте (И. Тургенев. Рудин); Звени, звени, молодость, быстрая, *да* злая (Н. Асеев. Звени, молодость); Лучше скажи мало, *но* хорошо (Козьма Прутков); ...вторила Ульянка несложную свою девичью молитву: — Мати пресвятая богородица, покрой землю снежком, *а* меня женишком! (Б. Пильняк. Голый год. Заключение).

По разнообразию используемых соединительных союзов побуждения уступают лишь утверждениям. Кажется, невозможны в этом типе речевых актов лишь некоторые градационные союзы — те, где сопоставляются по степени достоверности несколько разных мнений, ср.:

- (11) [?]Будь *скорее* вежлив, *чем* добр.

2.3. Обещания

Из соединительных союзов в обещаниях чаще всего используются союзы *и; и... и; не только... но и; а*, ср:

- (12) Обещаю принести фрукты *и* вино <*и* фрукты, *и* вино; *не только* фрукты, *но и* вино>; Подарю Маше куклу, *а* Пете ружье.

Возможны (хотя и менее естественны) также и многие другие соединительные союзы, ср.:

- (13) Обещаю принести пирог, небольшой, *но* <*зато*> вкусный; Обещаю провести проверку на каждом заводе, *да и* в каждом цехе.

Градационные союзы *не столько... сколько; скорее... чем* вряд ли здесь возможны.

§ 3. СОЧИНЕНИЕ РАЗНОРОДНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Выше, при рассмотрении прагматики разделительных и соединительных союзов мы рассматривали лишь самый простой и самый обычный случай: компоненты СК относятся к одному и тому же типу речевых актов (утверждение + утверждение; побуждение + побуждение и т. д.).

В данном разделе мы охарактеризуем (по необходимости достаточно бегло) чрезвычайно интересное и сложное явление, когда сочинительный союз (соединительный или разделительный) объединяет разнородные речевые акты. Под разнородными речевыми актами мы здесь понимаем, главным образом, акты, имеющие разную иллокутивную функцию, ср., напр.: Отворите, отворите, не то — будут выломаны ворота (Н. Гоголь. Мертвые души) [побуждение + утверждение]; Я плюю на предрассудки, а Вы? [утверждение + вопрос]¹.

Часть случаев сочинения разнородных речевых актов легко объяснима с позиции так наз. косвенных речевых актов [Searle 1975]. К косвенным речевым актам относится, например, предложение «Вы не могли бы передать мне соль?», которое «име-

¹ Некоторые исследователи исходят из положения, что «одному предложению (хотя бы и сложному) соответствует один речевой акт», и в случаях, аналогичных приведенным, предпочитают говорить о различии «иллокутивных характеристик компонентов, соединяемых союзом» [Падучева 1985: 46–47].

ет буквальное значение общего вопроса, т. е. требует реакции в виде ответа Да/Нет, практически употребляется в значении просьбы, <...> т. е. имеет косвенную иллюкутивную функцию, отличную от прямой, которая вытекает из буквального смысла предложения» [Падучева 1985: 44].

Е. В. Падучева [1985: 47] показала, что могут сочиняться компоненты, один из которых имеет косвенную иллюкутивную функцию, согласующуюся с функцией другого. Приведем некоторые примеры:

- (14) — Революция — скажем ей «да», *но* разве субботе мы скажем «нет»? (И. Бабель) [формально: побуждение + вопрос; практически: два побуждения].
- (15) Я,— говорю,— лимонаду просил, *а* ты чего носишь, куриная твоя голова? (М. Зощенко. Лимонад) [формально: утверждение + вопрос; фактически: два утверждения; смысл фразы: 'Я просил лимонаду, а ты принес совсем другое' (из контекста ясно, что это — водка)].
- (16) Оно, конечно, Александр Македонский герой, *но* зачем же стулья ломать? (Н. Гоголь. Ревизор) [формально: утверждение + вопрос; фактически — два утверждения: 'Александр Македонский герой, но стулья ломать не нужно'].
- (17) Оставь в покое кошку, *и* почему ты до сих пор не спишь? (пример из: Падучева 1985) [формально: побуждение+вопрос; фактически — два побуждения].

Сюда же, видимо, относятся достаточно распространенные конструкции, где первая часть формально — побуждение, а вторая, присоединяемая союзом *и* (и только этим союзом!), — утверждение о гипотетическом будущем, ср.:

- (18) Зайди *и* приятно удивишься (А. Толстой. Похождение Невзорова, или Ибикус).
- (19) Покажите мне только богатого человека, *и* я отниму у него деньги (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).
- (20) Устройте исток воде — *и* исчезнет плесень и вонь (Ф. Достоевский. Дневник писателя, 1881, янв.).

Реально в (18)–(20) побуждения к действию С-щего Г-щим, пожалуй, все-таки нет, и уж наверняка нет его в высказываниях типа:

- (21) Зайди, *и* ты будешь неприятно поражен.
- (22) Опоздай ты на работу, *и* тебя тут же уволят.

Вряд ли в (22) Г побуждает С-щего опаздывать на работу, скорее наоборот. Вряд ли также герой М. Булгакова, произнося фразу *Расстреливайте, делайте со мной, что хотите, но я не встану* (Мастер и Маргарита), всерьез призывает расстрелять его.

Правильнее, видимо, квалифицировать примеры типа (18)–(22) как неопределенные утверждения, близкие по смыслу утверждениям с союзом *если*. Ср. (18) и (22) с (18а) и (22а):

(18) а. *Если зайдешь, то приятно удивишься.*

(22) б. *Если ты опоздаешь на работу, то тебя тут же уволят.*

Имеется, однако, большое число СК другого типа, где компоненты, объединяемые соединительными или разделительными союзами, бесспорно, выполняют разные иллокутивные функции: утверждение + вопрос (см. ниже (23)); утверждение + побуждение (24); побуждение + утверждение (25); утверждение + обещание (26); обещание + утверждение (27); обещание + вопрос (28) и т. д.

(23) *Я не держу тебя, / Но где ты свои проводишь вечера?* (А. Пушкин. Евгений Онегин); *Сквозь ресницы шелковые / Проступили две слезы... Иль то капли дождевые / Зачинающей грозы?...* (Ф. Тютчев); *Мне Коля нравится, а тебе?*

(24) *Еще не любишь ты, но верь: / Не полюбить уже не можешь* (И. Анненский. Весенний романс); *Ты мне верила, и всегда верь.*

(25) *Ты запомни меня, а тебя запомнят, кто после тебя народится* (А. Платонов. Свет жизни); *Тебя ругают, а ты делай свое дело; Не задергивай попа, а то он нам, чего доброго, девочку на пол опрокинет* (М. Зощенко. Роза-Мария).

(26) — *И вы можете сейчас же ехать с нами? — Это будет трудно, но я постараюсь* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); *Все тебя бросили, но <а> я тебе помогу.*

(27) *Обещаю подарить тебе эту книгу, но вряд ли она тебе понравится.*

(28) *Я подарю тебе велосипед, или он у тебя уже есть?*

В некоторых из приведенных неоднородных высказываний значение сочинительных союзов претерпевает, кажется, некоторые изменения в сравнении со значениями, отраженными в толкованиях этих союзов. Ниже рассматриваются два случая, когда эти изменения, вызванные объединением двух разнотипных высказываний, особенно ощутимы.

1. Значение «угрозы» или «предостережения» возникает в сочетаниях «побуждение + утверждение»; если вторая часть, вводимая разделительным союзом, содержит мотивировку соответствующего побуждения. Ср.:

- (29) Молчи, *или* мы тебя побьем (М. Зощенко. История одной жизни); ...живите как можно тише, *а то* худо будет (А. Герцен. Былое и думы); А вы, батюшка, подите спать, *не то* мусье заругает (Ю. Тынянов. Пушкин. Детство); *Или* ты уходишь, *или* я вызываю милицию <*Или* ты уйдешь, *или* я вызову милицию>.

В (29) союзы *или*; *а то*; *не то*; *или...* *или* следует признать разделительными, поскольку компоненты исключают друг друга: по мнению говорящего, будет иметь место что-то одно — либо X либо Y.

В. А. Белошапкина предложения типа (29) называет «предложениями альтернативной мотивации „от противного“» [Белошапкина 1970: 14].

В обосновываемых побуждениях типа (29), включающих разделительный союз, возникает дополнительный смысл, которого нет в утверждениях с теми же союзами. Это — значение предостережения или угрозы, подкрепляющее высказываемое побуждение. Может, впрочем, создаться впечатление, что значение угрозы вызывается лексическим составом второй части предложения («мы тебя побьем», «худо будет», «мусье заругает» и т. п.). Это однако не так — значение предостережения, угрозы сохраняется при любом лексическом составе соответствующего предложения. Ср.:

- (30) Уходи, *а то* он будет дарить тебе ценные подарки.

Значение предостережения, угрозы в (30) сохраняется; получение подарков (само по себе скорее желательное) в конкретной ситуации речевого общения оценивается Г-щим как нечто нежелательное, против чего следует предостеречь.

В целом эта добавочная часть прагматики обосновываемых побуждений с разделительным союзом может быть определена следующим образом:

‘если ситуация X (к созданию которой Г побуждает Z-а) не будет иметь места, то будет иметь место нежелательная для Z-а ситуация Y’.

Примечание. Мы говорим о побуждении к действию лица *Z*, а не слушающего, поскольку к действию побуждается не обязательно слушающий — возможно, это какое-то третье лицо, и тогда именно к нему, а не к слушающему относится угроза. Ср.:

- (31) Пусть он не бьет бабушку, а то я ему еще бороду отстригу (М. Горький. Детство).

Значение угрозы или предостережения обычно приписывают разделительным союзам, что, очевидно, неправильно. Во многих конструкциях с разделительными союзами этого значения нет (ср.: Коля напишет письмо или Миша отправит телеграмму). На наш взгляд, «угроза» («предостережение») — это прагматический элемент смысла, возникающий при определенном сочетании речевых актов — в случае альтернативы побуждения и утверждения. Ср. альтернативу побуждения (Уходи) и утверждения (Он будет дарить тебе ценные подарки) в примере: Уходи, а то он будет дарить тебе ценные подарки.

Из 8 групп разделительных союзов в описываемых конструкциях встречаются только две — союзы со значением «чистой» разделительности (особенно часты союзы *а то* и *не то*) и союзы со значением обязательности одного из компонентов. Ср.:

- (32) ...присылай мне чухонку Баратынского, *не то* проклянута тебя (А. Пушкин. Письмо Л. С. Пушкину ноябрь 1824 г.); Да смотрите ж, не болтайте, *А не то* поколочу (А. Пушкин. Утопленник); Я вызову этого умника, и пусть он меня застрелит, *либо* уж я постараюсь влить пулю в его ученый лоб (И. Тургенев. Рудин); Бить их лучше не надо, — попросил Семен, — *а то* я ваш дом ночью подожгу. (А. Платонов. Семен); Брысь! Слезай, *а то* милицию позову! (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Не спи! крепись! говорю добром! / *А то* — вечный сон! *а то* — вечный дом! (М. Цветаева. Кто спит по ночам); Крикнул так, что расступились: / Дайте мне, *а то* помру! (А. Твардовский. Василий Теркин, Гармонь); ...тебе надобно немного остыть. *Не то...* тебя в колодки успеют посадить (Ю. Тынянов. Кюхля. Кавказ); Да крепили бы хорошенько шатер, *не то* унесет... Шторм будет знатный (А. Толстой. Петр I); А ну, ищи лучше, куриная нога! *Или* я тебя сейчас из кассы выну (М. Зощенко.

Голубая книга); Вынимайте, говорит, меня из воды, *или*, говорит, я сама сейчас выйду и всех тут вас распатрону (М. Зощенко. История болезни); *Или* сделайте со мной что-нибудь, папаша, *или* я делаю конец моей жизни (И. Бабель. Отец).

Другие разделительные союзы в побуждениях, содержащих угрозу или предостережение, видимо, недопустимы — в силу особенностей своей семантики. Ср.:

- (33) *Может, спрашивай у него документы, *а может*, уйдет;
*Спрашивай у него документ, *а то и* уйдет; *То ли спрашивай у него документы, *то ли* уйдет; *То спрашивай у него документы, *то* уйдет; и т. п.

2. Значение «непреклонности» возникает в неоднородных высказываниях с союзами *а; но; скорее... чем*, где первая часть — утверждение о гипотетическом будущем, а вторая — обещание (клятва, намерение и т. п.), ср.:

- (34) Денег не пожалею, *а* уж найду преступника. Плюну ему в морду (М. Зощенко. Собачий нюх).
(35) У меня *скорее* лапы отсохнут, *чем* я прикоснусь к чужому, — напыжившись, воскликнул кот (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
(36) Умру, *а* закончу словарь свой (В. Даль).

В примерах типа (34)–(36) наблюдается существенное изменение основного соединительного компонента соединительных союзов. В самом деле, (36) не следует понимать в соответствии с основным значением союза *а* следующим образом: ‘Я умру; я закончу свой словарь’. Точно так же высказывание *Скорее умру, чем сдамся* вряд ли следует интерпретировать так: ‘Существует мнение, что я сдамся; правильное считать, что я умру’.

Видимо, рассматриваемые примеры с союзами *но; а; скорее... чем* близки между собой по смыслу и могут быть истолкованы следующим образом:

<i>Скорее умру, чем сдамся</i>	= ‘Г твердо обещает не каузировать событие Y, ни при каких условиях, даже если это приведет к нежелательному для него событию X’.
<i>Умру, а не сдамся</i>	
<i>Умру, но не сдамся</i>	

Сочинение разнородных высказываний представляет значительную трудность для молодой теории речевых актов. В самом деле, большинство исследователей исходит из предпосылки, что предложение и высказывание — единицы разного плана, что предложение, актуализируясь, переходит в высказывание (см. напр., Падучева 1985: 38–41). Одно предложение (даже сложное) соотносится с одним высказыванием. Между тем в рассмотренных примерах предложение соотносится с двумя высказываниями разного типа. Кроме того, не совсем ясно, соединяет ли здесь союз (языковая единица!) предложения или же высказывания.

Глава 5

ЗНАЧЕНИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Обоснование выделения заместительных союзов как особого класса давалось во Введении к гл. 2 части II.

Здесь мы рассмотрим семантику (разд. 1) и прагматику (разд. 2) пяти заместительных союзов: *не... а (а не)*; *не... но (но не)*; *добро бы... а то; если бы... а то; хоть бы... а то*.

§ 1. СЕМАНТИКА ЗАМЕСТИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Не... а (а не) Примерно с одинаковой частотой употребляются три варианта данного заместительного союза: *не... а* — см. ниже примеры (1); *а не* — (2); усеченный союз — (3).

Примеры:

- (1) *Во время перелета коростель не летит, а по земле бежит* (А. Чехов, Агафья); *Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок); *...красота не прихоть полубога, а хищный глазомер простого столяра* (О. Мандельштам. Адмиралтейство); *Сдавали тогда не комнаты, а целиком дачи* (PPP: 135).

- (2) *Я верю — боги в тишине, А не в смятении и не в буре* (Н. Гумилев. Возвращение Одиссея); — *Это извозчик отделался легким испугом, а не я, — ворчливо заметил О. Бендер* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); *Я считаю, что нужен товар, а не упаковка* (РРР: 262).
- (3) *Он не дворянин даже, сын дьякона* (А. Чехов. Рассказ госпожи NN); *Мы, увы, со змеями не схожи, Мы меняем души, не тела* (Н. Гумилев. Память); *И бог заплачет над моею книжкой! Не слова — судороги, слипшиеся комом* (В. Маяковский. А все-таки); *Смертный бой не ради славы, Ради жизни на земле* (А. Твардовский. Василий Теркин. Переправа); *Я не из гордости — из горести так прямо голову держу* (Б. Ахмадулина. Не уделяй мне много времени).

В русистике *не... а (а не)* как особый союз обычно не выделяется. Другие исследователи справедливо отмечают, что сочетание *не... а (а не)* «несводимо по своему синтаксису и семантике к своим составляющим» [Крейдлин 1979: 12]. В результате предложения с *не... а (а не)* не могут быть включены ни в одно из трех выделяемых обычно употреблений союза *а* и резко отличается от союза *а* по своим синтаксическим и сочетаемым свойствам, ср. правильные фразы (4а)–(5а), включающие союз *не... а*, и неправильные (или сомнительные) фразы (4б)–(5б), включающие союз *а*:

- (4) а. Пришел Миша, *а не* Петя.
 б. *Пришел <Пришли> Миша, *а* Петя.
- (5) а. Он *не* добрый, *а* злой.
 б. ?Он добрый, *а* злой.

О наличии особого союза *не... а (а не)* убедительно свидетельствует, на наш взгляд, сопоставление этого союза с союзом *но* в контексте отрицания, ср.:

- (6) Пришел Петя, *а не* Миша.
 (7) Пришел Петя, *но не* Миша.

Целью (6) является «зачеркивание», опровержение существующего мнения о том, что пришедший — Миша, и утверждение того, что пришедший — Петя; целью (7) являются два утверждения: 1) Петя пришел; 2) Миша не пришел. В связи с этим (6) может быть ответом на утверждение *Пришел Миша*, а (7) — ответом на утверждение *Пришли Петя и Миша*. Но не наоборот, ср.:

- (8) Пришел Миша.
 ?Пришел Петя, *но не* Миша¹.
- (9) Пришли Петя *и* Миша.
 ?Пришел Петя, *а не* Миша.

В случае союза *но* содержание одной части, взятое без отрицания, не исключает содержание другой части, а в случае союза *не... а (а не)* они полностью исключают друг друга. Отсюда невозможность взаимозамены союзов в примерах Дж. Хэрфорда [Hurford 1974]:

- (10) а. Я родился во Франции, но не в Париже.
 б. *Я родился во Франции, а не в Париже.
- (11) а. Я родился в Марселе, а не в Париже.
 б. *Я родился в Марселе, но не в Париже.

Союз *не... а (а не)* и другие союзы этого класса мы называем заместительными, поскольку основным смысловым признаком этого союза является «зачеркивание» данных, которые имелись в общей коммуникативной базе говорящего и слушающего, и замену их другими данными. Ср. диалог;

- (12) — Это сделал Коля.
 — Это сделал *не* Коля, а Петя.

Вообще говоря, второй из собеседников мог бы сделать свое утверждение, не выражая эксплицитно своего отношения к ранее высказанному мнению, ср.:

- (13) — Это сделал Коля; — Это сделал Петя.

Однако обмен репликами такого типа нехарактерен, нормой являются тексты, где второй собеседник эксплицитно «зачеркивает» существующее мнение, как бы «освобождая место» для своего утверждения. Основными средствами для этого являются:

- а) конструкции с союзом *не... а (а не)* — см. (12);
 б) конструкции с отрицанием *нет* — (14);
- (14) — Это сделал Коля.
 — *Нет*, это сделал Петя,
 в) конструкции, совмещающие союз с отрицанием *нет* — (15)²:

¹ Употребления типа (8), вообще говоря, возможны, но их следует признать архаичными, ср.: Наконец я слышу речь *не мальчика, но мужа* (А. Пушкин. Борис Годунов).

² Здесь возможны, видимо, и другие средства, более редкие — например, логическое ударение. Ср. диалог: (16) — *Это сделал Коля.* — *Это сделал Пётя!*

- (15) — Это сделал *Коля*.
 — *Нет*, это сделал *не Коля, а Петя*.

Предлагаемое толкование:

не X, а Y; = 'существует мнение (или предположе-
Y, а не X ние), что в качестве описываемого
 выступает X;
 это неверно: в качестве описываемого
 выступает Y'.

(Так, фраза *Стекло разбил не Коля, а Петя* может быть истолкована следующим образом: 'Существует мнение (или предположение), что человек, разбивший стекло, — Коля; это неверно: человек, разбивший стекло — Петя'.)

Комментарии к толкованию:

1. Наличие в значении союза *не... а (а не)* компонента 'существует мнение (или предположение), что в качестве описываемого выступает X' отчетливо проявляется в диалогах типа:

- (17) — Ей помог *Коля*;
 — Ей помог *не Коля, а Петя*.

Зачастую эксплицитного указания мнения, содержащегося в компоненте X, в предшествующем изложении нет. В этих случаях говорящий опирается на сумму знаний, имеющуюся у слушающего. Ср.:

- (18) После сдачи экзамена я испытал *не облегчение, а какую-то пустоту* [говорящий опирается на общее представление о том, что сдавшие экзамен испытывают облегчение].

2. В ряде исследований отмечается, что в конструкциях с *не... а (а не)* противопоставляется ожидаемое (но не имеющее места) неожиданному: «существовало некое ожидание, подсказанное опытом, однако наступило разочарование» [Степанов 1983: 34].

Этому пониманию противоречат фразы типа:

- (19) *Как все и ожидали* <*Как и следовало ожидать; Как обычно*>, пришел *не Коля, а Петя*.

3. Обычно между компонентами, соединяемыми союзом *не... а (а не)*, существуют ассоциативные связи, указанные в работе Г. Е. Крейдлина и Е. В. Падучевой [1974б] для предложений с союзом *а* и основанные: на антонимии — см. ниже (20), тезаурусной соотнесенности — (21), варьировании синтаксической роли («перевертыши») — (22), различии в степени проявления признака — (23), контекстной сопоставленности имен. Ср.:

- (20) Задача союза — заботиться о живых, а не валандаться с мертвыми (М. Зощенко. Последняя неприятность).
- (21) Это означает, что волна будет идти не по прямой, а по кривой (РРР: 172); И мне нравится не гитара, А дикарский напев зурны (Н. Гумилев. Я и Вы); И не пою я, а кричу, как ястреб (Э. Багрицкий. Тиль Уленшпигель).
- (22) Таким образом, не гимназия помешала идее, а идея помешала гимназии (Ф. Достоевский. Подросток); Товарищ критик, не я против быта, а быт — против меня! (Н. Асеев. Поэма).
- (23) Он не спит, а дремлет.

Однако, точно так же, как и союз *а*, союз *не... а* (*а не*) в принципе допускает сочетание именных групп с любой семантикой:

- (24) Я думаю сейчас не о Маше, а о предстоящей дороге <о море; о прочитанной книге; о человеческой неблагодарности; о перестройке; о союзе ИЛИ> и т. д. и т. п.

Не... но (но не) По справедливому замечанию В. Н. Перетрухина, синонимичен союзу *не... а* (*а не*) и имеет «явно книжный и устарелый характер» [Перетрухин 1979: 133].

Примеры: Он не змеєю сердце жалит, Но как пчела его сосет (Ф. Тютчев. Не верь, не верь поэту!); Она великая святыня, Она не бледная жена, Но венценосная богиня (Н. Гумилев. Осенняя песня); Пушкин вовсе не умер, как мамонт, но живет, жив и будет жить (Б. Пильняк. Рассказ о том, как создаются рассказы); Я должен объяснить ему, что это он виноват, — что не я, но именно он виноват! (Ю. Олеша. Зависть).

Добро бы... а то; Союзы разговорные.

если бы... а то; Примеры:

хоть бы... а то (1) *Ежели б* она села тут да разговоры слушала, *а то* ведь только слюни распустит (А. Чехов. Агафья).

- (2) Что тут веселого? *Хоть бы* люди были, *а то* дикари и животные (А. Чехов. Припадок).
- (3) И *добро бы* он один, Сережа, *а то* ведь нынешняя молодежь только и знает, что на настроение жалуется (Ф. Абрамов. Пелагея).

- (4) *Добро бы* лошадей привести надо, а *то* тут они (Ф. Абрамов. Безотцовщина).

Предлагаемое толкование:

- (Z). *Добро бы* X, а *то* Y = 'воздействие нежелательной ситуации Z было бы ослаблено,
 (Z). *Если бы* X, а *то* Y если бы имело место X;
 (Z). *Хоть бы* X, а *то* Y X не имеет места;
 имеет место Y;
 Y существенно хуже X-а.'

Комментарии к толкованию:

1. Нежелательная ситуация Z в примерах (1)–(4) не приведена — она содержится в предшествующем тексте. Так, для (1) это — приход Агафьи. То, что нежелательность ситуации выражается именно союзом, становится очевидным при сопоставлении союзов типа *добро бы... а то* с основным заместительным союзом *не... а (а не)*. Ср.:

- (5) а. Коля в Ленинград уехал [Z]. И *добро бы* на неделю, а *то* на месяц.

б. Коля в Ленинград уехал [Z]. И *не* на неделю, а на месяц.

В (5б) поездка в Ленинград никак не оценивается, а в (5а) она оценивается как нежелательная и выражается эта оценка именно союзом *добро бы... а то* (поскольку остальные компоненты в (5а) и (5б) совпадают).

2. В качестве примера интерпретации фраз с союзами *добро бы... а то; если бы... а то; хоть бы... а то* дадим интерпретацию приведенной выше фразы (1):

- (1) = 'Нежелательная ситуация (приход Агафьи) была бы прости-тельна, если бы Агафья села и слушала разговоры; Г считает, что этого не будет, а вместо этого Агафья слюни распустил, что, по его мнению, существенно хуже.'

§ 2. ПРАГМАТИКА ЗАМЕСТИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

В прагматическом аспекте представляют интерес как сами толкования заместительных союзов, так и их отношение к различным типам речевых актов.

В значении заместительных союзов прагматический компонент достаточно ощутим (хотя мы и не выделяем в толкованиях этих союзов особую прагматическую зону). Заместительные союзы

всегда содержат элемент полемики говорящего с существующим мнением (как правило, с мнением слушающего). Интересно, что этот полемический прагматический компонент значения заместительных союзов оказался очень удобным для использования в специальных коммуникативных целях — для выражения сравнения, причем такого, когда предмет X очень похож в каком-то отношении на предмет Y. Чтобы убедить в этом слушающего, говорящий утверждает буквально, что описываемый предмет — вообще не X, а Y, ср.:

- (1) Это *не человек, а машина*, и злая машина, когда рассердится (Л. Толстой. Анна Каренина); — Кота надо высечь, — сказал Иван Васильевич, — это *не кот, а бандит* (М. Булгаков. Театральный роман); Эх, Эривань, Эривань! *Не город — орешек каленый* (О. Мандельштам. Ах, ничего я не вижу).

(Подробнее об использовании заместительных союзов в языковой игре см. ч. V, § 6).

Существуют жесткие ограничения в использовании заместительных союзов в отдельных типах речевых актов.

Союзы *добро бы... а то; если бы... а то; хоть бы... а то* возможны, видимо, только в утверждениях и недопустимы во всех других типах речевых актов, ср.:

- (2) *Он уезжал *добро бы* на неделю, *а то* на целый месяц?
 (3) *Приходи *добро бы* в пятницу, *а то* в субботу.

Основной заместительный союз *не... а (а не)*, а также союз *не... но (но не)* употребляются не только в утверждениях — в том же значении они употребляются также в обещаниях и побуждениях, ср.:

- (4) Принесу *не красную, а черную* икру.
 (5) Принеси *не красную, а черную* икру; *Не говори с тоской:*
 Их нет, *но с благодарностью:* Были (В. Жуковский).

Что касается вопросов, то в общих вопросах союз *не... а (а не)* редок, но все-таки возможен (ср.: *В Ленинград поедет не Коля, а Петя?*), а в специальных вопросах (если это не переспрос и т. п.) — видимо, нет. Ср.:

- (6) *Куда поедет *не Коля, а Петя?*

Глава 6

ЗНАЧЕНИЕ БЕССОЮЗНЫХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Точно так, как мы делали при рассмотрении союзных сочинительных конструкций, мы относим к бессоюзным сочинительным конструкциям не только конструкции, включающие члены предложения, но и конструкции, включающие предложения, ср.:

- (1) И глубокая тишина *вечера, степи, глухой Руси* царила надо всем (И. Бунин. Суходол).
- (2) Сияет солнце, воды блещут. На всем улыбка, жизнь во всем (Ф. Тютчев).

Подобное «симметричное» описание союзного и бессоюзного сочинения, казалось бы, вполне естественное, является в действительности спорным и нуждается в обосновании. Дать такое обоснование мы не можем — хотя бы потому, что оно предполагает рассмотрение всех бессоюзных предложений, в то время как мы исследуем лишь часть этих предложений. Ограничимся несколькими пояснениями, не имеющими большой доказательной силы.

Следует прежде всего отметить, что наше понимание места бессоюзных конструкций в системе русского синтаксиса отнюдь не является чем-то новым. Напротив, большинство современных ис-

следователей определили бы его скорее как устаревшее традиционное представление. С наибольшей четкостью и определенностью это представление выражено в русистике в работах А. М. Пешковского.

А. М. Пешковский считает, что в бессоюзном соединении предложений интонация является аналогом союза и что здесь следует различать «те же две рубрики сочинения и подчинения», что и в союзном соединении предложений [Пешковский 1956: 470].

За послевоенные годы это классическое, существовавшее в русистике понимание сущности бессоюзных сложных предложений и их места в синтаксической системе неоднократно пересматривалось.

Н. С. Поспелов отметил, что смысловые отношения, существующие в бессоюзных сложных предложениях, не равны союзным; бессоюзные сложные предложения — это особый автономный тип сложного предложения. Само деление на сочинение и подчинение для них неправомерно, их следует делить на предложения однородного и неоднородного состава [Поспелов 1950].

И. Н. Кручинина [1973] и Н. В. Кирпичникова [1973] приходят, независимо друг от друга, к выводу, что бессоюзные сложные предложения (кроме тех, которые «имеют типизированные структурные особенности», ср.: Произойди первое свидание приятелей наедине, оно прошло бы иначе) неправомерно относить к сложным предложениям, их следует вывести в текст, это — последовательность предложений.

Мы присоединяемся к тем исследователям, которые считают, что бессоюзное сложное предложение существует как особая синтаксическая единица, что эта единица «имеет собственную синтаксическую форму» [Ширяев 1984: 59] и существенно отличается по синтаксическим и прагматическим свойствам от последовательности предложений [Ван Дейк 1978: 278 и сл.].

Бесспорно, бессоюзные сложные предложения и по форме, и по значению существеннейшим образом отличаются от союзных предложений — сложносочиненных и сложноподчиненных. Однако степень этого отличия — разная для разных типов бессоюзных предложений. На это чрезвычайно важное обстоятельство обратила внимание В. А. Белашапкина. Она отметила, что бессоюзные предложения открытой структуры (особенно предложения с отношениями соединительного перечисления) близки соответствующим

щим союзным сложносочиненным предложениям и могут быть ими заменены (*Воздух тут чистый, солнце, холодком от речки тянет — И воздух тут чистый, и солнце, и холодком от речки тянет*) [Белошапкина 1977: 209]). И далее: «в предложениях открытой структуры возможно объединение бессоюзия и союзной связи», поскольку здесь «противопоставление бессоюзия и союзной связи не является таким существенным, как противопоставление бессоюзия и союзной связи в сложных предложениях закрытой структуры» [Белошапкина 1977: 235].

Руководствуясь этими важными наблюдениями, мы считаем возможным говорить о бессоюзных сложносочиненных предложениях и относить к бессоюзным сочинительным конструкциям не только конструкции, включающие члены предложения, но и конструкции, включающие предложения, — точно так, как это делается при описании союзных СК.

Другое решение привело бы к асимметрии: а) в описании союзных и бессоюзных СК; б) в описании бессоюзных конструкций с однородными членами (которые бесспорно относятся к сочинительным!) и бессоюзных сложных предложений. Так, (3) следовало бы признать сочинительной конструкцией, а (4) — нет (поскольку это — сложное предложение). Что же касается примеров (5)–(7), то каждое из них допускает разные решения — в зависимости от того, считаем ли мы их сложными предложениями или же простыми предложениями с однородными сказуемыми. То же самое следует сказать о предложениях с однолексемными и кореферентными подлежащими — см. (8):

- (3) Глубокая тишина *вечера, степи, глухой Руси* царила надо всем (И. Бунин. Суходол).
- (4) *Сияет солнце, воды блещут* (Ф. Тютчев).
- (5) Неизвестные пьяницы в пивных *Проклинают, поют, хрюпят* (Э. Багрицкий. Ночь).
- (6) Пора *популярить изыски, утончиться* вкусам народа (И. Северянин. Мороженое из сирени).
- (7) Жизнь семьи, рода, клана *глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна* (И. Бунин. Суходол).
- (8) *Толпа вошла, толпа вломилась* В святилище души твоей (Ф. Тютчев. Чему молилась ты с любовью).

Интуитивно ощущается и формальная, и смысловая близость между всеми приведенными примерами: в каждом из них выделенные компоненты связаны друг с другом сочинительными (соединительными) отношениями. Все они включаются нами в бессоюзные сочинительные конструкции.

Прежде чем перейти к рассмотрению значения бессоюзных сочинительных конструкций, необходимо еще сделать несколько замечаний, касающихся отграничения этих конструкций от некоторых смежных синтаксических явлений.

Во Введении были рассмотрены те из «пограничных явлений», которые касаются сочинительных конструкций в целом. Среди сделанных замечаний есть такие, которые относятся и к бессоюзным конструкциям. Напомним, что конструкции типа *весенне-летний сезон; поезд Варшава–Москва; человек 10–15; Идет тихо-тихо* мы не признаем сочинительными (см. Введение).

Рассмотрим здесь лишь те из спорных случаев, которые являются «внутренним делом» сочинительных конструкций и касаются разграничения между конструкциями союзными и бессоюзными, ср.:

- (9) *Не друзей — приятелей зову я: С ними лучше время проводить* (М. Кузмин. Форель разбивает лед).
- (10) *Население Дона и Кубани не только не поддерживает нас — оно нам враждебно* (А. Толстой. Хождение по мукам).

Примеры типа (9)–(10) содержат лишь одну часть двухместного сочинительного союза (*не... а; не только... но и; не то что... а* и т. д.) и на этом основании включаются обычно в бессоюзные (ср. Грамматика 1980, т. II: 173). Признавая, что рассматриваемые конструкции являются, по существу, промежуточными между союзными и бессоюзными, мы все-таки склоняемся к тому, чтобы относить конструкции с «усеченными» двухместными союзами к союзным конструкциям: по смыслу они существенно отличаются от конструкций бессоюзных и сближаются с союзными конструкциями, в частности, способны выражать градационные и заместительные отношения, ср. (9)–(10).

Во многих исследованиях подчеркивается ограниченность сферы распространения бессоюзных предложений. Е. Н. Ширяев, обстоятельно исследовавший этот вопрос, отмечает, что «система

бессоюзного сложного предложения широко и последовательно развита в РР (разговорной речи. — В. С.), и часто бессоюзные сложные предложения в других сферах — это результат непосредственного воздействия РР на эти сферы» [Ширяев 1983: 30].

Что касается бессоюзного соединения членов предложения, то к нему также охотно прибегает разговорная речь — в частности, потому, что оно «менее обязывающе», чем союзное, не требует точности при перечислении, допускает большую свободу, даже некоторую небрежность речи. Отвечая на вопрос о том, кто был у нас на прошлой неделе, мы употребим, видимо, именно бессоюзную конструкцию, допускающую последующее нанизывание компонентов — гостей (по мере того, как мы о них вспоминаем).

Другой функциональный стиль, охотно использующий бессоюзное сочинение членов предложения, — художественная (в частности, поэтическая) речь. И это, на первый взгляд, несколько странно: ведь художественная речь, в отличие от спонтанной, несколько небрежной разговорной речи, представляет собой результат тщательнейшей обработки (и не только авторской). Дело, видимо, в том, что художественная речь прибегает к бессоюзному «нанизыванию» членов предложения с другой целью — для создания определенного художественного эффекта, используя при этом одно важное семантическое свойство бессоюзных конструкций: бессоюзные соединительные конструкции ощущаются (при том же количестве компонентов, что и соответствующие союзные конструкции!) как более динамичные, более насыщенные (лицами, предметами, признаками, событиями). Ср. два предложения:

- (11) Швед, русский колет, рубит, режет (А. Пушкин. Полтава).
 (12) Швед *и* русский колет, рубит *и* режет.

§ 1. СЕМАНТИКА БЕССОЮЗНЫХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

- (13) Горько пахло *осиновой корой, оврагами с прелой листвою* (И. Бунин. Последнее свидание); Ты *вероломством, лестью, ложью*, Как ризами, облечена (А. Блок. Встречной); В лесу *еловый мусор, хлам* И снегом все завалено (Б. Пастернак. Весна в лесу); К *великанам, карлам, арапам* император, по преданиям, питал особое любопытство (Ю. Тынянов. Пушкин. Детство);

- Германцы вцепились ему *в шею, в руки, в ноги* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
- (14) Приминяя прошлогоднюю траву, *струилась, текла снеговая, чистая, пахучая вода* (А. Толстой. Детство Никиты); *Только б слушать песни — сердцем подпевать* (С. Есенин. Я иду долиной).
- (15) *Чернели пятна от костров, зола белела, кости* (В. Хлебников); *Скамья погнила, беседка покривилась, пашни поросли сурепицей* (Ю. Тынянов. Пушкин. Детство); *Прошло немного времени — мы сговорились* (И. Бабель. В подвале).
- (16) Я отшучивался: *«Бессмертные творят, смертные производят себе подобных»* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева); *Открылась бездна звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна* (М. Ломоносов. Вечерние размышления...); *Нравиться — это дело юношей: я слишком стар* (И. Тургенев. Рудин); *Ты отстрадала — я еще страдаю* (А. Фет); *Нам скоротает век работа, Мне — молоток, тебе — игла* (А. Блок. Холодный день); *Звезды — невод, рыбы — мы, Боги — призраки у тьмы* (В. Хлебников. Годы, люди и народы...).
- (17) А ты все такой же, — вздохнул Федор. — *Женился, не переменился* (А. Чехов. Три года); *Коля вытер со лба пот, хотел перекреститься — не знает, с какого места начинать* (В. Астафьев. Царь-рыба. Бойе); *Хочет пить — не нравятся ей вина, Хочет есть — кусок не лезет в рот* (Н. Заболоцкий. Воспоминание).

Нетрудно заметить, что приведенные группы примеров различаются по смыслу. Если сопоставлять их с союзными СК, то окажется, что примеры типа (13)–(15) семантически близки конструкциям с союзом *и*, (16) — конструкциям с союзом *а*, *и*, наконец, примеры (17) — конструкциям с союзом *но*.

Это обстоятельство неоднократно отмечалось в исследованиях по русскому синтаксису и послужило основанием для выделения нескольких различных типов бессоюзных конструкций (конструкции «соединительные» («перечислительные»), «сопоставительные», «противительные»).

На наш взгляд, указанные различия в смысле (13)–(17) действительно существуют, но индуцированы они не бессоюзием как таковым, а порядком слов (ср. симметричный словопорядок в (16)),

интонацией, а также соотношением лексического состава компонентов, входящих в бессоюзную конструкцию.

При «нейтральном» лексическом составе частей «противительное», «сопоставительное» и другие значения этого типа усмотреть трудно. Рассмотрим группу СК, включающую бессоюзную — (21) — и союзные — (18)–(20) — конструкции:

- (18) Маша вернулась домой, *и* Петя пошел в кино.
 (19) Маша вернулась домой, *но* Петя пошел в кино.
 (20) Маша вернулась домой, *а* Петя пошел в кино.
 (21) Маша вернулась домой, *Петя пошел в кино.*

Каждое из союзных предложений (18)–(20) может быть заменено бессоюзным (21), но те особенности значения, которые индуцируются союзами *и*, *но*, *а* при этой замене теряются: бессоюзное (21) не имеет, видимо, «причинно-следственного», «сопоставительного» или «противительного» значения. Для него (как и для других бессоюзных СК типа (14)–(17)) можно указать лишь общее соединительное значение.

В строках А. Блока *Петроградское небо мутилось дождем, На войну уходил эшелон* можно увидеть и уступительное значение («Не смотря на дождь, эшелон...»), и сопоставительное значение, и, может быть, некоторые другие, однако при «обычном» прочтении мы вряд ли проводим такие сопоставления, видя в приведенных строках два одновременно происходящих события — «чистую конъюнкцию».

Соединительное значение бессоюзных СК близко к значению СК с союзом *и*. Ср:

- (22) Ко мне пришли *Миша, Петя и Коля.*
 (23) Ко мне пришли *Миша, Петя, Коля.*

Однако полного совпадения в значении (22) и (23) все-таки, видимо, нет: в конструкции с *и* указываются все участники ситуации, в бессоюзной конструкции — участники, первыми вспомнившиеся говорящему, возможно, не все. В случае союзной конструкции участники как бы находятся в центре кадра, не занимая его целиком; в случае бессоюзной — занимают весь кадр, заставляя нас подозревать, что часть участников не уместилась и находится за кадром.

Это подтверждается употреблением бессоюзных соединитель-

ных конструкций в случае заведомой неполноты перечисления. Ср.:

- (24) А что там в лесу, неясно себе представляя, — *ягоды, волки* (Ю. Тынянов. Пушкин. Детство).
 (25) В Москве живут *русские, украинцы, грузины, узбеки, латыши, эстонцы, молдаване*.

Постановка сочинительного союза привела бы к искажению смысла: из (26) можно заключить, что в Москве не живут представители других национальностей, например, белорусы:

- (26) В Москве живут *русские, украинцы, грузины, узбеки, латыши, эстонцы и молдаване*.

Итак, мы не сомневаемся, что по значению бессоюзные соединительные конструкции отличаются от союзных с союзом *и*, однако отразить это отличие в толковании — задача достаточно сложная. Поэтому мы склонны отстаивать сущность предлагаемого ниже толкования бессоюзных соединительных конструкций, но не конкретные формулировки, которые мы в этом толковании используем.

Предлагаемое толкование:

$X, Y =$ 'в качестве описываемого выступают: X, Y
и, возможно, что-то еще'

Комментарии к толкованию:

1. Под 'описываемым' понимается, как и в других разделах работы, либо ситуация (*Сияет солнце, воды блестят*), либо участник ситуации (*К берегу бежали Коля, Петя, Сережа*), либо признак ситуации (*Работали они быстро, дружно, с огоньком*).

2. Некоторые из бессоюзных соединительных конструкций имеют дополнительный смысл, не получивший отражения в приведенном выше толковании:

- (27) Удар, удар, звон разбитого стекла.
 (28) Давление растет: *100, 110, 130 атм.*
 Давление падает: *100, 90, 70 атм.*
 Давление скачет: *100, 110, 80 атм.*

В приведенных примерах порядок компонентов фразы отражает хронологический порядок событий. Эта иконичность, вообще ха-

ракторная для сочинительных конструкций, особенно ярко проявляется в случае бессоюзия. Однако формальным средством ее передачи является не бессоюзие как тип связи, а порядок слов.

3. Предлагаемое толкование неприменимо к тем бессоюзным конструкциям, в которых исследователи усматривают (и, на наш взгляд, вполне справедливо) разделительное значение (см. Ширяев 1986: 145–146). Однако это значение обусловлено прагматическими факторами — типом речевого акта: оно характерно не для утверждений, а для некоторых других типов речевых актов (вопросов, побуждений) и будет рассмотрено в следующем разделе работы.

§ 2. ПРАГМАТИКА БЕССОЮЗНЫХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Ранее было показано, что значение бессоюзных СК в утверждениях близко к значению союзных соединительных конструкций. Однако бессоюзные конструкции уже по самому набору компонентов, включаемых в СК, более «субъективны», больше «связаны» с самим говорящим, чем соответствующие союзные конструкции. Если говорящий фразу *Пришли Коля, Петя и Сережа* дает полный перечень пришедших, то говорящий фразу *Пришли Коля, Петя, Сережа*, возможно, указывает не всех участников ситуации, производя субъективный отбор или же просто перечисляя участников по мере того, как они возникают в его памяти.

Другое (и более существенное) воздействие прагматических факторов на значение бессоюзных СК касается разделительного значения СК. Для утверждений с бессоюзными СК это значение совершенно нехарактерно¹. Однако для других типов речевых актов (в первую очередь, для вопросов и побуждений) оно вполне обычно. При этом характер разделительных отношений в этих двух типах речевых актов существенно различен.

2.1. Разделительные отношения в вопросах

Примеры: (29) Кто этих мест жилец: *чудовище? титан?* (М. Волошин. Польша); Главное, было б что сказать, чем прикрыть-

¹ В работе Е. Н. Ширяева [1986: 145] приводится один подобный пример (*Дикая зима какая-то // Морозы двадцать градусов / тепло тает все //*), да и он, по нашему мнению, не вполне соответствует нормам литературного языка.

ся, а *поверят, не поверят* — наплевать (В. Распутин. Живи и помни); Сам не знает: *жив, убит?* (А. Твардовский. Василий Теркин. Теркин ранен); Сколько тебе надо — *четыре, шесть?* (РРР: 234); А знаменитого N вы *слушали, нет?* (РРР: 208); Ну, как, *ты ко мне придешь, я к тебе?*

Приведенные примеры бессоюзных разделительных конструкций представляют собой вопросы (прямые или косвенные). При этом разделительные отношения возникают лишь в одном типе вопросительных высказываний — в альтернативных вопросах, между тем как в общих и специальных вопросах между компонентами бессоюзной конструкции существуют соединительные отношения. Ср.:

- (30) Ты пригласил *Мишу*, // *Колю?* [разделительная конструкция, близкая по смыслу конструкциям с *или*: *Ты пригласил Мишу или ты пригласил Колю?*].
- (31) Ты пригласи́л // *Мишу, Колю?* [соединительная конструкция, близкая по смыслу конструкциям с *и*: *Пригласил ли ты Мишу и Колю?*].
- (32) *Кто* пригласил *Мишу, Колю?* [соединительная конструкция: *Кто пригласил Мишу и кто пригласил Колю?*].

2.2. Разделительные отношения в побуждениях

В побуждениях бессоюзные конструкции также имеют (в отличие от утверждений) разделительное значение. Ср. утверждение (33) с побуждением (34):

- (33) Он принесет *водку, коньяк* [= ‘Он принесет и то и другое’].
- (34) Принеси *водку, коньяк* [= ‘Принеси вино; возможно, это — водка, возможно, это — коньяк; возможно, это — и то и другое’].

Таким образом, значение побуждений, включающих бессоюзные СК, близко к значению *неразделительной* *дизъюнкции* в логике (‘либо X, либо Y, либо и то и другое вместе’) и существенно отличается от значения побуждений с союзом *или*. Это различие проиллюстрируем следующими примерами:

- (35) Принеси *водку или коньяк*.
- (36) Принеси *водку, коньяк*.

В чем смысловое различие между побуждениями (35) и (36)? Видимо, оно касается «объединительного компонента», заключающегося в возможности принести и то, и другое (и водку, и коньяк). Возможность принести и то и другое не исключается, как мы отмечали, и в примерах типа (35), однако в побуждениях с бессоюзными конструкциями «объединительный компонент» более ощутим и имеет статус полноценной третьей альтернативы (см. выше пример (34) и его толкование).

Это подтверждается и различиями в сочетаемостных свойствах (35) и (36): в то время как (35) допускает продолжения «... или то и другое (вместе)», «но не то и другое (вместе)», (36) не допускает этих продолжений, поскольку одно из них приводит к тавтологии — (37), а другое — к логическому противоречию — (38):

- (37) ??Принеси водку, коньяк или то и другое (вместе) [‘Принеси либо водку, либо коньяк, либо то и другое (вместе), либо то и другое (вместе)’].
- (38) ??Принеси водку, коньяк, но не то и другое (вместе) [‘Принеси либо водку, либо коньяк, либо то и другое (вместе), но не то и другое (вместе)’].

Глава 7
ОБЗОР
ОСНОВНЫХ
ЭЛЕМЕНТОВ ЗНАЧЕНИЯ
СОЧИНИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ

1. Предшествующие разделы работы были посвящены анализу значения отдельных сочинительных союзов, а также бессоюзных СК. Здесь тот же, в сущности, материал рассматривается под другим углом зрения — эксплицитное указание тех смысловых элементов, тех «семантических блоков», из которых «строится» значение любого из русских сочинительных союзов. Разумеется, некоторые повторения при этом неизбежны, но мы старались свести их к минимуму, ограничившись в данной главе простым перечислением соответствующих смысловых элементов и самыми краткими комментариями. Детальную аргументацию выделения тех или иных смысловых элементов и иллюстративный материал читатель найдет в соответствующих разделах предшествующих глав.

2. Мы рассматриваем в качестве основного, классифицирующего семантического признака сочинительных союзов отношение к реальной действительности, т. е. реальность / возможность / нереальность компонентов X и Y. По этому признаку русские сочинительные союзы могут быть разделены на три класса — соединительные, разделительные, заместительные.

Соединительные союзы и частицы (*и; а также; но; а; да; же; и то; а то; только; зато; да и; и... и; ни... ни; как... так и; не столько... сколько; скорее... чем; не то чтобы... но; не то чтобы... а; не то что... (а); (а) не то что*) указывают на то, что оба компонента (и X и Y) имеют место. Ср.: Миша читает и пишет; Коля не спит и читает книгу [= 'Коля совершает следующие действия: 1) не спит; 2) читает книгу'].

Разделительные союзы (*или; либо; а то; не то; а не то; или... или; либо... либо; а то и; а может (быть) и; ли... ли; ли... или; хоть... хоть; что... что; будь то... или; не... так; если не; если не... то; а может (быть); может (быть)... а может (быть); может... может; не то... не то; то ли... то ли; то... то*) указывают на то, что каждый из компонентов X и Y возможен. Ср. Придет Коля или Петя [= 'в качестве человека, который придет, возможен Коля, возможен Петя'].

Указание на возможность каждого из компонентов X, Y несколько трансформировано для разделительных «союзов неравноценности» (*а то и; а может (быть) и*) и получает для этих союзов следующий вид: 'в качестве описываемого либо действительно выступает, либо возможен X; возможен Y' — поскольку в ряде случаев (не всегда!) первый компонент конструкции X, а то и Y действительно имеет место, ср.: *Прогуляемся до реки, а то и выкупаемся*.

Для разделительных союзов «компенсации» (*не... так; если не; если не... то*) указание на возможность компонентов получает следующий вид: 'в качестве описываемого возможен X; при отсутствии X-а обязателен Y'; ср.: *Сдаст экзамен не на 5, так на 4*.

Заместительные союзы (*не... а (а не); не... но; добро бы... а то; если бы... а то; хоть бы... а то*) указывают на нереальность одного из компонентов и на то, что вместо него имеет место другой компонент. Ср.: *Придет не Миша, а Коля* [= 'существует мнение (или предположение), что придет Миша; это неверно: придет Коля'].

3. Кроме основного, классифицирующего признака, в значение русских сочинительных союзов и бессоюзных СК входят также многие другие семантические элементы. По своему отношению к основному признаку они могут быть разделены на две большие группы: 1) смысловые элементы «частные», присущие лишь одному

семантическому классу союзов; 2) смысловые элементы «общие», входящие в значение союзов разных семантических классов.

Ниже, в разд. 4 и 5 приводятся соответственно «частные» и «общие» смысловые элементы, входящие в значение русских сочинительных союзов, а также в значение бессоюзных СК.

Еще раз подчеркиваем то, что отмечалось уже неоднократно: некоторые смысловые элементы, включаемые нами в значение того или иного сочинительного союза, можно видеть также и в предложениях с другими союзами. Так, представление о компенсации можно видеть не только в предложении с союзом *зато* (Он молодой, *зато* старательный), но и в предложении с *но* (Он слабый, *но* ловкий), однако в этом последнем компенсации вытекает не из значения союза, а из общего смысла высказывания, и потому не включается нами в значение союза *но*.

4. «Частные смысловые элементы входят в значение только разделительных (или только соединительных) союзов, «уточняя», «дополняя» общее значение а) разделительности или б) соединительности.

а) Разделительные союзы

— Выше детально рассматривались прагматические элементы значения разделительных союзов и разделительных СК, в частности, признание Г-щего, что он не знает полной правды, что его утверждение — это лишь «полуправда», «движение к правде». Иногда — в значении союзов «подчеркнутой неуверенности» (*а может (быть); может (быть)... может (быть); может (быть)... а может (быть)*) — это обстоятельство становится предметом сообщения и входит в семантику разделительного союза: Г подчеркивает, что он не знает правды, но предполагает, что...? Например: Стекло разбил, может, Коля, а может, Петя. Естественно, что союзы «подчеркнутой неуверенности» не сочетаются, в отличие от других разделительных союзов, с указаниями на уверенность (Я знаю; уверен и т. п.). Ср.:

- (1) ??Я знаю: стекло разбил, *может, Коля, а может, Петя.*
- (2) Я знаю: стекло разбил *Коля или Петя.*

— В значение союзов *или... или; либо... либо* входит (в отличие от соответствующих одноместных союзов *или; либо*) указание на

«обязательность одного из компонентов»: ‘невозможно, чтобы не было ни X-а, ни Y-а’, ср.:

(3) Он получит *или тройку, или четверку*.

Показательно, что фраза (3) вряд ли допускает расширение типа: ‘Он получит *или тройку, или четверку. А может, и двойку схватит* — при допустимом Он получит *тройку, или четверку. А может и двойку схватит*.

— Союзы *ли... ли; ли... или; хоть... хоть; что... что; будь то... или* указывают на «равноценность» компонентов X и Y: ‘для описываемой ситуации различие между X-м и Y-м несущественно: она имеет место при любых условиях’:

(4) В пятницу *ли*, в субботу *ли* — уезжаем [ср. пример с *или*, где этого смысла нет: *В пятницу или в субботу — уезжаем*].

— В значение союзов *не то... не то* и *то ли... то ли* входит указание на «внешнее сходство»: ‘описываемое имеет некоторые внешние признаки X-а и некоторые внешние признаки Y-а’. Например:

(5) Он *не то* спит, *не то* бодрствует [ср. пример с союзом *или*, где этого смыслового элемента нет: ‘Он *спит или бодрствует*].

— Разделительный союз *то... то* (и только он один!) содержит указание на чередование компонентов во времени: ‘X и Y часто сменяют друг друга во времени’. Пример:

(6) Школьники изучали *то французский, то английский язык* [ср. фразу с *или*, лишенную этого смыслового элемента: *Школьники изучали французский или английский язык*].

б) Соединительные союзы

Если в случае разделительных союзов реально, как правило, имеет место один из возможных компонентов X, Y, а их совмещение (вообще говоря, не запрещенное) не обсуждается, то в случае соединительных союзов описывается именно совмещение компонентов X и Y. Естественно, что при этом общее значение совмещения, конъюнкции компонентов может осложняться добавочными смысловыми элементами, указывающими на взаимоотношение компонентов X и Y в рамках описываемой ситуации. Мы можем указать 4 таких семантических элемента:

— В значение союзов *но*, *да* и частицы *только* входит смысловой элемент ‘воздействие X-а на описываемую ситуацию (или на общую оценку) ослаблено наличием Y-а’, ср.:

(7) Он умен, *но* <да> ленив. Он умный, *только* ленивый.

— В значение союзов *но*, *да*, *зато* и частицы *только* входит указание на то, что из двух противодействующих компонентов один является для описываемой ситуации (или общей оценки) решающим. Для союзов *но*, *да*, *зато* это — второй компонент (Y), ср.:

(8) Он лентяй, *но* <зато> умница.

Для частицы *только*, напротив, решающим для описываемой ситуации (или общей оценки) является первый компонент (X), ср.:

(9) Он умница, *только* лентяй.

Доминирование одного из компонентов (недооцениваемое в русистике!) отчетливо проявляется в правилах сочетаемости конструкций с *но*, *да*, *зато*, *только*: фразы (8)–(9) допускают продолжение с заданием *он справится* и не допускают продолжения с заданием *он не справится*. Ср.:

(10) Он лентяй, *но* <зато> умница — с заданием *он справится*.

(11) Он умница, *только* лентяй — с заданием *он справится*.

(12) *Он лентяй, *но* <зато> умница — с заданием *он не справится*.

(13) *Он умница, *только* лентяй — с заданием *он не справится*.

— Наличие причинно-следственных отношений между компонентами X, Y, соединяемыми союзом *и*, остается спорным. С одной стороны, во многих случаях употребления союза *и* трудно усмотреть это значение, ср.: *Пришли Коля и Петя; Коля рисует и пишет; Коля ушел домой, и Петя тоже*. С другой стороны, в ряде случаев союз *и* (именно он!) выражает причинно-следственные отношения, ср.: *Коля ушел домой и Петя остался в школе* [при замене союза *и* союзом *а* или бессоюзной конструкцией этот элемент смысла исчезает, ср.: *Коля ушел домой, а Петя остался в школе; Коля ушел домой, Петя остался в школе*].

В качестве выхода из этого противоречия мы предлагаем признать способность выражать причинно-следственные отношения

необязательным, факультативным смысловым элементом. Он входит в значение одного сочинительного союза — союза *и*: 'возможно, X вызывает Y'.

— В значение союза *да и* входит указание на неожиданность второго компонента (Y): 'X прерывается неожиданным и важным по своим последствиям Y-м'. Пример:

- (14) Он взял письмо, *да и* распечатал его [ср. фразу с союзом *и*, где этого смыслового элемента нет: *Он взял письмо и распечатал его*].

5. «Общие» смысловые элементы не ограничены рамками какого-то одного семантического класса сочинительных союзов (и сочинительных конструкций). Ниже рассматриваются 4 таких элемента: 1) указание на неравноценность компонентов X и Y; 2) указание на возможность других компонентов; 3) указание на компенсацию; 4) указание на норму.

1) Указание на неравноценность компонентов X и Y — один из самых распространенных смысловых элементов. Он входит в значение не только соединительных, но и разделительных и заместительных союзов.

Неравноценность компонентов имеет различный характер.

В случае разделительных и заместительных союзов (*а то и; а может (быть) и; не... так; если не... то; добро бы... а то; если бы... а то; хоть бы... а то*), а также в случае соединительных союзов *не то чтобы... но <а>; не то что ... (а); (а) не то что; да и-2* указывается «различие компонентов по силе». Ср.:

- (15) Мороз 20, *а то и* 25° [Мороз в 25° всегда сильнее, чем мороз в 20°].
 (16) *Добро бы* 4 получил, *а то* 3.
 (17) Там ночью, *да и* вечером ходить страшно.
 (18) *Не то что* Коля — Петя эту задачу решить не мог [Петя более сильный ученик, чем Коля].

В случае соединительных союзов *не столько... сколько; скорее... чем* неравноценность компонентов имеет другую природу. Ср.:

- (19) Он *не столько* умный, *сколько* хитрый.
 (20) Это *скорее* ш, *чем* щ.

В отличие от компонентов фраз (15)–(18), компоненты фраз (19)–(20) — «ум» и «хитрость», буквы «ш» и «щ» — вряд ли правомерно сравнивать по силе. Их неравноценность — это либо неравноценность самих событий (или признаков) по их удельному весу, соединение двух компонентов в разной пропорции (так, в (19) хитрости — много, ума — мало), либо (для союза *скорее... чем*) неравноценность двух мнений по их достоверности (так, в (20) обсуждаемую букву правильнее считать буквой *ш*, чем буквой *щ*; естественно, что союз *не столько... сколько* здесь недопустим, ср.: **Это не столько щ, сколько ш*).

2) Указание на возможность других компонентов. Обычно в значении сочинительной конструкции (X и Y; X или Y; X, но Y и т. п.) входит указание на два компонента (X, Y) и отношение между ними. Наличие или отсутствие других компонентов, отличных от X и от Y, при этом не оговаривается. Поэтому конструкции типа *Придут Коля и Петя*; *Придет Коля или Петя* допускают как продолжения, указывающие на наличие других компонентов (ср.: *Придут Коля и Петя. Еще придет Миша*; *Придет Коля или Петя. А может, это будет Миша*), так и продолжения, отрицающие наличие каких-то компонентов кроме X-а и Y-а (ср.: *Придут Коля и Петя. И никто больше*; *Придет Коля или Петя. И никто другой*).

Имеются, однако, СК, в значение которых входит указание: 'возможно нечто, не являющееся ни X-м, ни Y-м'. Это конструкции: а) с разделительными союзами «подчеркнутой неуверенности» — *а может (быть)*; *может... может; может (быть)... а может (быть)*; б) с разделительными союзами «внешнего сходства» — *не то... не то; то ли... то ли*; в) в бессоюзных соединительных конструкциях. Ср.:

- (21) а. Его фамилия *может, Санин, а может, Сенин*.
 б. Его фамилия *не то Санин, не то Сенин*.
 в. Ко мне приходили *Санин, Сенин*.

Возможность наличия (кроме X-а и Y-а) какого-то третьего компонента не исключена, как уже отмечалось, и в других разделительных и соединительных конструкциях (*Его фамилия Санин или Сенин*; *Ко мне приходили Санин и Сенин* и т. п.), однако в рассматриваемых конструкциях эта возможность больше, и этот факт отражен нами в толковании соответствующих союзов и конструкций.

3) Указание на компенсацию входит в значение четырех союзов — разделительных союзов *не... так; если не; если не... то* и соединительного союза *зато*.

В разделительных конструкциях с перечисленными союзами компоненты X и Y действуют на ситуацию (или общую оценку) в одном направлении и наличие Y-а компенсирует отсутствие X-а, ср.:

(22) *Не 5, так 4* получит.

В соединительных конструкциях с союзом *зато* как раз наоборот, компоненты X и Y действуют на ситуацию (или общую оценку) в противоположных направлениях, и наличие Y-а компенсирует наличие X-а, ср.:

(23) Он *молодой, зато старательный*.

4) Указание на норму. На этом смысловом элементе мы остановимся несколько подробнее — по двум причинам: — это важный элемент смысла, входящий в значение многих сочинительных союзов (как соединительных, так и разделительных); — в русистике (да и в исследованиях по семантике сочинительных союзов в других языках) элемент ‘норма’ ранее не выделялся.

Между тем, понятие нормы всё чаще используется при описании значения других языковых единиц. Оно входит в значение качественных прилагательных и наречий (*большой* — ‘больше нормы’, *высокий* — ‘выше нормы’) [Апресян 1974: 295], лексем типа *портить, нарушать, ломать* (= ‘выводить из нормального состояния’) [Мартынова 1984], лексем *выдающийся, необыкновенный, уникальный* и т. п. [Вольф 1986: 99]; к понятию нормы может быть сведена «этическая оценка» сознательных действий [Арутюнова 1985].

По нашему мнению, понятия нормы, отклонения от нормы, соответствия (или несоответствия) норме имеют в языке гораздо более широкое распространение, в частности, входят в значение сочинительных союзов — разделительных (*а то и; а может (быть) и*), а также многих соединительных (*и; и... и; ни... ни; как... так и; но; а; да; же; только; и то; а то*).

Следует подчеркнуть, что понятие нормы используется в разных сочинительных союзах по-разному. Могут быть выделены минимум три разных аспекта использования понятия нормы. Они вкратце рассматриваются ниже.

В конструкциях с разделительными союзами *а то и*; *а может (быть)* и с точки зрения нормы оценивается каждый из компонентов X и Y в отдельности ('X — отклонение от нормы, Y — еще более сильное отклонение в том же направлении'), ср.:

- (24) Их 7, *а то и* 8 человек [7 человек — это много для описываемой ситуации (отклонение от нормы), 8 человек — еще больше]; Он придет в субботу, *а может быть и* в пятницу [в субботу — это скоро, в пятницу — еще скорее]; Доклад сделает Иванов, *а то и* Сидоров [докладчик Иванов — это в каком-то отношении отклонение от нормы, докладчик Сидоров — еще более сильное отклонение].

Принципиально иначе понятие нормы включается в значение соединительных союзов. Здесь, в отличие от примеров (24) с разделительными союзами, оценивается с точки зрения соответствия норме не каждый из компонентов X и Y в отдельности, а сама совокупность компонентов X и Y. Ср.:

- (25) Пришли *и* Миша, *и* Петя, *и* Коля [= 'Пришли Миша, Петя, Коля, и это — много' (оценивается совокупность, а не каждый компонент в отдельности)].
- (26) Я пошел за хлебом, *а* булочная на ремонт закрыта [совокупность событий оценивается как ненормальная].

На этом, однако, единство конструкций с соединительными союзами кончается.

Первая группа соединительных союзов (союзы *и... и*; *как... так и*; *ни... ни*; *да*; *и то*) указывает на то, что имеет место совокупность компонентов (X, Y), и это — отклонение от нормы по количеству. По направлению этого отклонения союзы *и... и*; *как... так и*; *ни... ни* противоположны союзам *да и* и *то*: в значение союзов *и... и*; *как... так и*; *ни... ни* входит элемент 'больше нормы', в значение союзов *да и* и *то* — 'меньше нормы'. Особенно отчетливо эти смысловые элементы выступают при указании на количество. Ср.:

- (27) Он принес яблоки *и* вино.
- (28) Он принес *и* яблоки, *и* вино.
- (29) Он принес яблоки *да* вино.

В примере (27) с союзом *и* принесенное никак не оценивается, поэтому (27) допускает постановку как наречий типа *много*, *уйму всего*, так и наречий типа *мало*, ср.:

(27) а. Он принес *много* <*мало*>: яблоки и вино.

В примере (28) с союзом *и... и* есть смысл 'много' (или 'больше нормы'), поэтому он может сочетаться с указаниями на большое количество (Он принес *много*: *и* яблоки, *и* вино), но не с указаниями на малое количество (ср.: *Он принес *немного*: *и* яблоки, *и* вино).

В примере (29) с союзом *да* есть смысл 'мало' (или 'меньше нормы'), поэтому он может сочетаться с указаниями на малое количество (Он принес *немного*: яблоки *да* вино) и не допускает постановку слов, указывающих на большое количество (ср.: ?Он принес *много*: яблоки *да* вино). Ср. также: ?Пьет *много*: по субботам, *и* то по 3 рюмки.

Вторую группу соединительных союзов, включающих смысловый элемент 'норма', составляют так наз. противительные союзы и частицы *а; но; да; же; только; и то; а то*, а также основной соединительный союз — *и*. В отличие от соединительных союзов *и... и; ни... ни; как... так и; да*, союз *и* и перечисленные «противительные» союзы и частицы дают не количественную оценку сочетания компонентов X, Y (типа: 'больше нормы' или 'меньше нормы'), а, так сказать, качественную, связанную с представлением (единым для всех говорящих!) о нормальном сочетании или нормальном ходе событий. Существующие принципы разграничения нормального и ненормального очень интересны для характеристики того способа мышления, который нашел отражение в языке, однако мы не будем здесь на них останавливаться подробно (см. раздел о значении союза *но*). Ограничимся приведением нескольких примеров.

— Мир, окружающий человека: а) стабилен, устойчив к изменениям; б) характеризуется полнотой проявления того или иного признака; в) характеризуется гармоничностью признаков одного объекта. Соответствующее (нормальное) положение дел может описываться с помощью союза *и*, ср.:

(30) Весь день шел дождь, *и к вечеру он не кончился*; Мозы бывают, *и часто*; Катя красивая *и умная*; Маша некрасивая *и глупая*.

Изменение существующего (или наметившегося) положения дел, неполнота проявления признака, сочетание противоположных полюсов признаков, относящихся к одному объекту, — ненормальность, и соответствующее указание вводится противительными союзами и частицами:

- (31) Весь день шел дождь, *но к вечеру он кончился*; Морозы бывают, *но редко*; Катя красивая, *но <да> глупая*.

— Нормально, когда утверждения оказываются правдой, а намерения, обещания, угрозы, побуждения, ожидания осуществляются в действительности: *Он сказал, что Катя уехала, и это была правда* [не: **но это была правда*]; ненормально, когда это не так:

- (32) Он сказал, что Катя уехала, *но это была неправда*; Он собирался в этот день поехать в Провал, *но не успел* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); Ждали три дня, *но она Не восстала ото сна* (А. Пушкин. Сказка о мертвой царевне).

Так, для целенаправленного действия возможны два исхода — успех и неуспех. Нормальным считается достижение цели (*Я пошел в булочную и купил хлеба*), а неуспех расценивается как ненормальность и соответствующее указание вводится противительными союзами и частицами, ср.: *Я пошел в булочную, но хлеб не купил; Я пошел в булочную, а она на ремонт закрыта*. И это — всегда, даже там, где достижение цели маловероятно (*Он даже клады искал, но ничего не нашел*) или вообще невозможно (*Он изобретал вечный двигатель, но, разумеется, ничего не изобрел*).

Глава 8

КОНСТРУКЦИИ С ТОЖДЕСТВЕННЫМИ СЛОВОФОРМАМИ (КТС)¹

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ученые неоднократно обращались к случаям повторения однокоренных слов (*весело-весело, давным-давно* и т. п.), называя это явление по-разному: редупликация, повтор, удвоение. обстоятельное описание подобных конструкций и тех «дополнительных модальных и экспрессивных значений», которые они выражают, содержится в работах разных исследователей, в первую очередь в работах Н. Ю. Шведовой [Шведова 1960; Грамматика 80]. Однако многие проблемы (особенно семантика конструкций) рассмотрены недостаточно подробно, а то и вообще не замечены, что делает целесообразным обращение к этой интересной теме.

Уточним область исследования. Мы будем говорить о полном, «буквальном» повторе. Таким образом, исключены из рассмотрения конструкции с частичной формальной, а также со смысловой редупликацией. Это сочинительные конструкции типа *Иногда мне снилось, что я умер, умираю, умру...* (Г. Газданов), а также конструкции типа *темным-темно; всего-навсего, худо-бедно, судьба-доля, хлеб-соль, диван-кровать* (см. о них, напр., Шведова 1960; Шанский 1968; Крючкова 2004).

---

¹ Работа ранее не публиковалась.

В целом КТС характерны для разговорной речи и для текстов художественной и публицистической речи. Что касается деловой речи, в частности, научной, то здесь они редки: точность и сжатость делового языка не допускают повторов, избегают эмоциональности, стремятся к строгой объективности, и конструкции с тождественными словоформами представляются несколько «вольными».

Чаще всего в КТС мы имеем дело с повтором одиночных тождественных словоформ:

Любит, любит кровушку

Русская земля.

(А. Ахматова. Не бывать тебе в живых)

Реже встречаются повторы групп с отрицательными и вопросительными частицами, а также предложные группы, ср.:

Не верь, не верь поэту, дева!

(Ф. Тютчев)

Давно ль, давно ль, о юг блаженный,

Я зрел тебя лицом к лицу...

(Ф. Тютчев)

О тебе, о тебе, о тебе,

Ничего, ничего обо мне!

(Н. Гумилев. О тебе)

Еще более редки повторы целых словосочетаний и даже предложений:

Что ни день, что ни день,

Всё желтее колосья.

Жаворонки поют.

(М. Басё. Пер. В. Марковой)

Несмотря на кажущееся единообразие (соединение двух тождественных словоформ или двух тождественных словосочетаний), конструкции с редупликацией крайне разнородны — и по синтаксическим свойствам, и по значению. Это отчетливо видно даже при беглом взгляде на фразы, включающие редупликацию:

- (1) Весело, весело было.
- (2) Весело-весело было!
- (3) Он рос и рос.
- (4) Снег да снег кругом.
- (5) Я верил и не верил.
- (6) Бывают аварии и аварии.

- (7) Мужик здоровый. (Ну) медведь и медведь
 (8) (Ну) упал и упал. Бывает.
 (9) Кто, кто приходил?
 (10) Кто да кто приходил?
 (11) (Ну) кто, кто, а Коля придет.
 (12) Кого-кого он (только) не знает!
 (13) И, зная толк в вине и в эле,
 Домой вернулись еле-еле.
 (Д. Минаев. Рифмы и каламбуры)
 (14) Колокольчик динь-динь-динь.

§ 1. РЕДУПЛИКАЦИЯ — МОРФОЛОГИЯ? СЛОВООБРАЗОВАНИЕ? СИНТАКСИС?

Даже самая общая («уровневая») характеристика этих загадочных единиц небесспорна. В них, или части из них, можно видеть морфологическое явление. Если *помягче* — смягченная форма сравнительной степени, то почему бы редупликацию *мягко-мягко, мягкий-мягкий* не считать ее противоположностью — «усиленной» формой сравнительной степени (= очень мягко, очень мягкий), относя тем самым в область морфологии? Так и делает В. В. Виноградов, который интерпретирует эти сочетания как «экспрессивные или усиленные формы слов, образованные посредством их повторения, или удвоения» [Виноградов 1975: 44]

Конструкции с повтором вопросительных местоимений можно квалифицировать как сочинительные (*Кто да кто придет?*) или как синтаксические фраземы (*Кто-кто, а Коля придет*). И т. д.

Большое внимание определению лингвистической природы КТС уделяет О. Ю. Крючкова. Она делит конструкции с повторами на две основных группы: «... в настоящее время прием словного удвоения осознается как способ образования новых слов, обладающих определенной продуктивностью в лексико-грамматических классах наречия, местоимения, междометия и в некоторых группах существительных. Удвоенные же частицы, прилагательные, предикативы, а также удвоенные существительные с префиксальным осложнением существуют, по всей видимости, в языковом сознании как единицы конструктивные, свободно производимые носителями языка в процессе речевой деятельности в соответствии со сложившимися моделями. Таковы образования типа *большой-*

большой, белый-белый, синий-синий, ходишь-ходишь, ехали-ехали, самый-самый и т. п.» (73).

Это осознание неоднородности природы КТС проявлялось и раньше в лексикографической практике. И в МАС'е, и в словарях Ушакова и Ожегова *едва-едва, еле-еле, чуть-чуть, динь-динь-динь* выделяются в отдельные статьи и представлены иначе, чем сочетания типа *большой-большой, белый-белый, ходишь-ходишь*.

Показательно, что устранение удвоения, например, в приведенном каламбуре Минаева (пример 13), возможно лишь при изменении порядка слов: *еле вернулись домой* (не: *Домой вернулись еле.*) Подобная картина — с наречием *едва-едва*, ср. сомнительную фразу *Домой вернулись едва*.

В отдельные словарные статьи в словарях выделяются нередко удвоенные звукоподражательные слова и междометия: *динь-динь (динь), ей-ей* и др. О. Ю. Крючкова отмечает, что они «передают звуки живой и неживой природы, а также... могут иконически обозначать длительность действия с различными оттенками (интенсивности, многократности, непрерывности...)» [Крючкова 2004: 79]. В данной работе мы их не рассматриваем, как и наречия типа *еле-еле, едва-едва*.

Наибольший интерес для нас представляют те КТС, которые по ряду существенных признаков сближаются с композитными или с сочинительными, однако существенно отличаются от них по значению. Это конструкции (1)–(12).

§ 2. ОСНОВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КТС

КТС крайне неоднородны не только по значению, но и в плане чисто синтаксическом. Это проявляется, в частности, в наличии/отсутствии сочинительного союза, контекстных ограничениях, интонации (внешним проявлением которой являются иногда знаки препинания). Интонационные характеристики некоторых типов КТС содержатся в работах Е. А. Брызгуновой (см., в частности, Грамматика 80: 219–222, 231).

«Обычные» русские союзные и бессоюзные сочинительные конструкции, как правило, взаимозаменяемы (разумеется, иногда с существенным изменением смысла). Однако КТС — очень «трепетны» в этом отношении: обычно союзные и бессоюзные конструкции не взаимозаменяемы, ср.: *Любит, любит кровушку русская земля* (не: **Лю-*

бит и любит кровушку русская земля); *Аварии, они разные: бывают аварии и аварии* (не: **Аварии, они разные: бывают аварии, аварии*). Интересно, что в целом конструкции с сочинительным союзом в языке художественной литературы встречаются гораздо чаще, чем в разговорной речи. Понятна причина этого различия: письменная речь компенсирует специальными знаками (сочинительными союзами) то, что в устной речи выражается интонацией.

Некоторые фразы известных писателей кажутся (особенно при прочтении вслух) немного странными. Много таких, в частности, у Льва Толстого и у Виктора Астафьева (примеры приводятся ниже).

Набор союзов, употребляемых в КТС, крайне ограничен — всего два: *и* и *да*, и они также обычно не взаимозаменяемы. Ср.: (*Ну*), *упал и упал*, не: *(*Ну*), *упал да упал*.

По употреблению сочинительных союзов КТС делятся на три группы:

- а) конструкции, где союз невозможен — (2), (9), (11), (12); в некоторых из них обязателен дефис — (2), (11), (12);
- б) конструкции, где союз (только соединительный!) возможен, но не обязателен — (1) (3), (4);
- в) конструкции, где союз обязателен, причем иногда допустимы оба союза *и* и *да*, ср. (10), а иногда лишь один определенный — (5), (6), (7).

Наша задача — возможно более полная инвентаризация этих конструкций и описание (сугубо предварительное) их семантических и синтаксических особенностей.

§ 3. ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ КТС

В этом разделе мы будем говорить также и о синтаксических характеристиках той или иной группы КТС, но основным для нас было значение той или иной конструкции, и в основу разбиения положен именно семантический принцип.

Ниже дается краткое описание каждой из перечисленных конструкций (см. выше (1)–(12)).

Оно строится по одному плану: 1) название конструкции (поскольку терминология не устоялась, в качестве названий групп часто приводятся конкретные фразы, их иллюстрирующие); 2) указание их синтаксических свойств; 3) примеры, иногда с краткими

комментариями; 4) значение конструкции. Хотя богатый иллюстративный материал содержится в работах Н. Ю. Шведовой, однако, поскольку КТС слабо изучены, мы считали полезным дать больше фактического материала — и из русской литературы предшествующего периода, и из современной художественной литературы и журналистики. Внимательный анализ большого материала может натолкнуть на наблюдения, ускользнувшие от нашего внимания, и наметить некоторые тенденции в использовании этих конструкций, которые представляются (даже после большой предварительной работы) не совсем ясными.

При внешнем сходстве (это «буквальное» повторение слова или словосочетания) значение конструкции в разных условиях обычно резко и (не побоюсь сказать) непредсказуемо меняется. Иногда это происходит за счет контекста, описывающего конкретную ситуацию. Ср. резкие смысловые различия между двумя фразами:

Был у нас в зоопарке медведь. Ну, медведь и медведь
(= обыкновенный медведь).

Был у нас в институте сотрудник. Ну, медведь и медведь
(= в каком-то отношении похож на медведя).

Иногда смысловые различия связаны с лексемным составом конструкции. В общем, что ни лексема, что ни контекст, то и разное осмысление интересующей нас конструкции. Попытаемся, однако, выделить основные типы КТС и дать краткое описание их семантики и синтаксических свойств. Некоторые из них (повторяю) отмечены в исследованиях Н. Ю. Шведовой, на которые я существенно опираюсь в этой части работы.

3.1. *Весело, весело было*

Здесь повтор словоформы используется исключительно для подчеркивания, для усиления смысла и не привносит дополнительного смысла (как это имеет место в других конструкциях, о которых мы будем говорить ниже).

Еще несколько примеров:

И скоро, скоро бури след

В душе моей совсем утихнет.

(А. Пушкин. Евгений Онегин)

И где-то, где-то города

Вдали маячат, как бывало.

(Б. Пастернак. Поездка)

А кто, кто виноват, что эти тряпки застили ей и жизнь, и мужа, и всё на свете? (Ф. Абрамов. Пелагея).

Здесь — простое усиление, допускающее устранение удвоения без резкого изменения смысла.

Высказывание обращено на слушающего, связано со стремлением сделать свое сообщение более весомым и убедительным. Естественно, часто употребляется в побудительных высказываниях, иногда в риторических вопросах. Ср.:

Не верь, не верь поэту, дева!

(Ф. Тютчев)

В поэтической речи это зачастую касается явлений природы:

Помедли, помедли, вечерний день,

Продлись, продлись, очарованье!

(Ф. Тютчев. Последняя любовь)

Тожественные слова или словосочетания нередко (в отличие от других конструкций с тождественными единицами) дистантны, ср.:

Не буди ж ты ее, не буди,—

На заре она сладко так спит!

Описываемые конструкции представляются не соответствующими одному из важнейших постулатов общения Грайса, а именно принципу экономии: дублирующая единица зачастую может быть опущена без заметного изменения смысла, ср.: *Приду, приду!*; *Но плакать... плакать больше он не может* (Н. Гумилев).

КТС, имеющие это значение, бессоюзны, однако в художественной литературе встречается (и не так уж редко) постановка союза и. Ср.:

Всякая рознь кончилась, все общественные органы говорят одно и одно, все почуяли стихийную силу (Л. Толстой. Анна Каренина).

Ей-богу, отпрошусь у Петра Алексеевича, не надо и не надо мне генерал-губернаторства (А. Толстой. Петр I).

Да, да, эта страна богата,...но покуда ею правят бояре, мы будем терпеть убытки и убытки... (А. Толстой. Петр I).

Понимаете ли вы, что видаться нельзя вам; что это гадость и гадость (А. Белый. Петербург).

Нету у меня и нету! Пусть Пушкин им сдает валюту. Нету! (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

*И не бесчестна я перед своею совестью — нет и нет!
Я — честная!* (С. Залыгин. Комиссия).

*И вот четвертый месяц я здесь. И знаете ли, нахожу,
что здесь очень и очень неплохо* (М. Булгаков. Мастер
и Маргарита).

Интересно, что употребление в подобных условиях сочинительного союза — черта языка литературы. Все приведенные фразы легко допускают опущение союза. В разговорной речи фразы с союзом не только неестественны, но, по моему мнению, просто невозможны. Исключение — две последних фразы, которые включают устойчивые сочетания (*нет и нет, очень и очень*) и, видимо, вполне допустимы.

Иногда (в противительных конструкциях) после первого из повторяющихся членов ставится частица -то:

Больной-то он больной, но на работу ходить все-таки должен.

Ходил-то ходил, да не добился ничего.

Интересны конструкции с распространением одного из повторяющихся членов (*поговорить, и поговорить серьезно; Мотовилиха — завод, казенный завод*). Г. Н. Акимова [1990: 127] считает, что данная конструкция «не укладывается в известные схемы синтаксических связей», т. е. не может быть отнесена ни к сочинению, ни к подчинению. К. Я. Сигал справедливо полагает: «Однопозиционный лексический повтор с распространением одного из компонентов не может быть ничем иным, как сочинительной конструкцией переходного типа» [Сигал 2004: 260]. Еще примеры:

Эх, ты, молодость, буйная молодость,

Золотая сорви-голова!

(С. Есенин. Несказанное...)

Свищет ветер, серебряный ветер

В шелковом шелесте снежного шума.

(там же)

А ты, душа... душа глухая...

Пьяным пьяна... пьяным пьяна...

(А. Блок. Я пригвожден к трактирной стойке)

— Кто там?

— И голос, ее голос, ответил мне: — Это я.

(М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Во фразах этого типа указывается объект, обращается на него внимание, а потом (с повторением указания на него) — некие его характеристики. Еще несколько примеров.

Душа моя — элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных.
(Ф. Тютчев. Душа...)

Но ты знаешь так много слов,
Слов любовных и беззаветных.
(Н. Гумилев. Песня Дриады)

...от травки до свежего хлеба и овощей было еще далеко — и как далеко! (В. Астафьев. Последний поклон).

Иногда эти характеристики, эти признаки делятся на части, и каждый раз указывается их носитель:

Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом стальным.
(А. Блок. Дым от костра...)

Мальчик ли я, Каифа? Знаю, что говорю и где говорю (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Устранение повтора вполне возможно (*Знаю, что и где говорю*), но теряется важная мысль, что одинаково существенно содержание высказывания и место, где оно произносится.

В поэтической речи встречаются необычные употребления, когда повторяется не главное слово, а определения, к нему относящиеся, ср.:

И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой кинжал!
(= твой разящий взор-кинжал).
(А. Блок. В эти желтые дни...)

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую.
(А. Блок. Я пригвожден к трактирной стойке).

(Обычное употребление: *Я коротаю жизнь мою, жизнь безумную, глухую*).

Немалые сложности связаны с интерпретацией конструкций с так наз. обратным повтором, напр.: *Боже мой, какое духовное убожество! Карты и сабля, сабля и карты...* (М. Шолохов); *Вокруг меня было темно и тихо, тихо и темно* (В. Войнович) — примеры из [Сигал 2004]. «Выделенные конструкции обладают следующими формальными особенностями: а) Бинарной структурой, каждая

часть которой — двухкомпонентная сочинительны конструкция с тождественным лексическим составом; б) контактным расположением сочинительных конструкций; в) различным порядком компонентов сочинительных конструкций (отсюда эффект «обратности» повтора; г) бессоюзной связью частей, каждая из которых в свою очередь структурирована одиночным соединительным союзом *и*» [Сигал 2004: 263]. Небольшое уточнение: здесь возможен также соединительный союз *да*, ср.:

Лазурь да глина, глина да лазурь,
Чего ж тебе еще?

(О. Мандельштам)

Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина полагают, что обратный повтор сочинительной конструкции изображает чаще всего монотонность или бессмысленность описываемых событий [Хазагеров, Ширина 1999: 279]. Мне кажется, что «монотонность или бессмысленность» создаются контекстом (напр.: *Боже мой, какое духовное убожество* в приведенном выше примере из Шолохова). При другом лексическом составе фразы этот смысл теряется. Ср.: *Мужество и бдительность, бдительность и мужество — вот чего требует от нас жизнь*.

Скорее уж «прямой порядок» *Карты и сабля, карты и сабля* указывал бы на «монотонность или бессмысленность описываемых событий». Ср. также пример из «Кражи» В. Астафьева:

— *Надело уж читать про буржуев. Всё про буржуев да про господ, про буржуев да про господ* («Кража»).

По сути, повтор одного слова, или двух функционально равноценны, ср. с приведенным примером два следующих: *Мужество, мужество — вот чего требует от нас жизнь; Бдительность, бдительность — вот чего требует от нас жизнь*

3.2. Весело-весело было

В предыдущем разделе рассматривались конструкции, где удвоение не связано с существенным изменением смысла. В конструкциях, к рассмотрению которых мы переходим, налицо существенное наращение смысла.

Примеры: ...*прежде чем наступит старость и смерть, будет еще тянуться длинная-длинная жизнь* (А. Чехов. Володя большой и Володя маленький).

Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания (А. Чехов. Студент).

По синему-синему небу плыли облака, словно кучи снега (А. Толстой. Детство Никиты. Весна).

Льетса в чашку длинный-длинный,

Тонкий, стройный кипяток.

(Н. Заболоцкий. Самовар)

Нежно-нежно, тонко-тонко

Что-то свистнуло в сосне.

[= очень нежно, очень тонко]

(М. Цветаева)

У Пелагеи часто-часто забилось сердце: куда это он клонит? (Ф. Абрамов. Пелагея).

Комната, рамы и вдруг эта ветка с зелеными, совсем-совсем крохотными масляными листочками (А. М. Ремизов. Весна-красна).

«Будучи идиоматичными в лексико-семантическом плане, образования типа *большой-большой, еле-еле* и подобные являются носителями регулярного словообразовательного значения, которое в очень обобщенном виде может быть определено как экспрессивно-усилительное» [Крючкова 2004: 64].

Мне кажется, что конструкции этого типа указывают на высокую степень качества. Они близки конструкциям с наречием *очень* и могут быть без существенного изменения смысла заменены конструкциями с наречием *очень*, ср.: *Сильно-сильно ударил = Очень сильно ударил*. И всё же эти два типа конструкций не вполне совпадают и по значению, и по синтаксическому поведению. В частности, в КТС недопустимо отрицание не: **не сильно-сильно ударил* — при возможном: *не очень сильно ударил*.

Иногда конструкция имеет смысл ‘совсем, абсолютно’. Ср. три примера из повести В. Астафьева «Последний поклон»:

Он белый-белый, этот конь;

Всё-всё на месте;

...никто-никто не знал, что делается в избушке.

Н. М. Штейнберг отмечает, что удвоение существительных и прилагательных французского языка в таких случаях указывает на достоверность, «заменяет эпитеты «настоящий», «подлинный», например, *rose-rose* — по-настоящему, чисто розовый, а не красновато-

лиловато-, оранжевато-розовый цвет» [Штейнберг 1969: 32; цитирую по: Крючкова 2004: 75]. С этим пониманием вряд ли можно согласиться. Сочетания типа *черный-черный, красный-красный, белый-белый* значат, по моему мнению, не «подлинно черный», «подлинно белый», а «насыщенно черный», «белоснежный».

Довольно жестки ограничения на употребление конструкции. В частности: недопустимо повторение прилагательных и наречий сравнительной или превосходной степени, а также прилагательных и наречий с префиксом НЕ. При правильном *Длинная-длинная палка* сомнительно: (*длиннейшая-длиннейшая, недлинная-недлинная, длинноватая-длинноватая*) палка или: **невысоко-невысоко (висит)*, при допустимом *совсем невысоко*.

В отличие от конструкций типа *Весело, весело было* конструкции *Весело-весело было*, как правило, включают дефис. Изредка (в художественной литературе) встречаются исключения, когда в КТС со значением высшей степени признака дефиса нет (1) или же употреблен сочинительный союз (2):

- (1) *Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любимой* (А. Пушкин. Капитанская дочка).

За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди!
(Ф. Тютчев. Из края в край...)

Мелко, мелко, как из сита,
В тарангас дождит туман.
(И. Анненский. Картинка)

- (2) *Девушка долго и долго ждала у окна.*
(В. Брюсов. Весна)

Писать надо, как жить: свободно и свободно (Ю. Тынянов. Кюхля, Кавказ).

О, светлая луна!,
Я шла и шла к тебе,
А ты всё далеко [= 'долго шла'].
(Басё)

Там буду скитаться годы и годы [= 'многие годы'].
(В. Хлебников. А я из вздохов...).

Зимой на заснеженных трассах можно встретить тысячи и тысячи любителей горнолыжного спорта («Правда», 4 февр. 1985) [= 'многие тысячи'].

Видимо, к рассматриваемому типу относятся также описываемые Н. Ю. Шведовой противительные или уступительные конструкции типа: *шуты-шуты, да оглядывайся; лето-лето, а холодно; старик-старик, а туда же* [см. Грамматика 80: 219]. Противительное или уступительное значения передаются здесь, видимо, не сочетанием повторяющихся словоформ, а сочинительным союзом.

3.3. Он рос и рос

Это конструкции с иконичностью, «фотографичностью»:

Возникло томное жужжанье;

Оно росло, росло, росло

И в шумный говор перешло.

(Е. Баратынский. Бал)

Мы выходили из гостиной на балкон, садились на теплые доски — и думали, думали (И. Бунин. Суходол).

...голос креп, креп и креп (А. Белый. Петербург).

Дни проходят,

И годы проходят,

И тысячи, тысячи лет.

(Б. Пастернак. Морской мятеж)

Обычно это бессоюзная конструкция, иногда компоненты соединяются соединительным союзом *и* или *да*, ср.:

Катятся и катятся валы на север, подходят под корму (Ю. Казаков. На Мурманской Банке).

...а поезд стоял и стоял, как приклеенный (А. Платонов. Сокровенный человек).

Всё бледней становилась она,

Сердце билось больней и больней.

(А. Фет. На заре ты ее не буди)

Воды не видно ни капли, а только лед, лед и лед (А. Чехов. На реке).

Милльоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами.

(А. Блок. Скифы)

Падает первый снег.

Я б насыпал его на поднос,

Всё бы глядел да глядел.

(Т. Кикаку. В пер. В. Марковой)

Мне бы жить и жить, сквозь годы мчась.

(В. Маяковский)

Ходит и ходит по чердаку бессонный кот (В. Белов.

Плотницкие рассказы).

*Конь слушает внимательно, кожей передергивает,
фыркает и несет Никишку дальше, всё вперед и вперед*

(Ю. Казаков. Никишкины тайны).

Многие из приведенных конструкций с повторяющимися глаголами содержат смысл 'долго', и это отличает их от рассмотренных ранее усилительных конструкций типа *весело, весело* или *терпи, терпи*. Ср. нормальную бессоюзную конструкцию *Терпи, терпи, недолго осталось* и едва ли допустимую фразу с союзом: **Терпи и терпи, недолго осталось*.

Интересны случаи, когда повторяются единицы, выражающие неопределенность:

Он говорил о том, какова будет деятельность «Четвертака»: столько-то и столько-то обедов, такая-то пропускная способность, такой-то процент питательности (Ю. Олеша. Зависть).

Конструкция с повтором (*столько-то и столько-то обедов*) указывает на множество или наличие нескольких вариантов — в отличие от сочетания *столько-то обедов*, где этого указания нет. Еще один подобный пример:

Владим Петрович / вот тут у вас сказано то-то и то-то / как вы считаете / диссертант ответил на ваши вопросы? [PPP 1978: 166] (= замечаний было несколько).

Есть лексические ограничения на употребление союзных конструкций с тождественными словоформами в этом значении: поэтому некоторые случаи использования конструкции представляются необычными. По значению они разнородны: ср.:

[Стива Облонский]: — *Извини меня, но я не могу и не могу этому верить...* (Л. Толстой. Анна Каренина) (= никак не могу).

— *Ах, не удалось это, голуби... А быть и быть сему... Так в Голубиной книге написано...* (А. Толстой. Петр I). (= 'наверняка быть').

Я тебе скажу, кто виноват во всем: ты и ты, одна ты (Л. Толстой. Анна Каренина). (= 'именно, только').

3.4. Снег да снег кругом

Всё снег да снег,— терпи и точка.

(Б. Пастернак)

Такая собачья должность — кричи да кричи, а по душам поговорить не с кем (И. Грекова. Кафедра).

На обед — каша да каша ('на обед постоянно бывает каша — и это плохо'); *На закуску — черная икра да черная икра* (тоже, видимо, плохо). При отсутствии повтора отрицательная оценка полностью исчезает, ср.: *На обед — каша, на закуску — редька.*

Часто группе с повтором предшествует частица *всё* (примеры см. выше), гораздо реже — частица *только*:

— *У нас только сад, сад, сад,— и больше ничего...* (А. Чехов. Черный монах).

3.5. Я верил и не верил

Интересны конструкции, где одному из тождественных элементов (как правило, второму) предшествует отрицательная частица *не*. Н. Ю. Шведова, кажется, первой обратившая внимание на эти конструкции, отмечает здесь следующие значения: а) значение «смягченного, неуверенного отрицания»: *Иногда Антипка что-то сомнителен покажется: пьян не пьян, а как-то дико смотрит* (Гонч.); б) «неясный или слабо, неполно проявляющийся признак» (*Выйдет замуж, и на купчиху-то не похожа: попадья — не попадья, барыня — не барыня*); в) «в составе противительной конструкции... — безразличие для последующего...» (*спал не спал, а вставай*); 4) «совмещение наличия и отсутствия» (*надеялся и не надеялся; похож и не похож; рад и не рад*) [Грамматика 80: 218–221].

Выделяемые значения конструкции в основном индуцируются, видимо, контекстом, и сами по себе достаточно неопределенны. Приведем еще два примера:

- (1) *Раз в два-три месяца она уезжала из С. и говорила мужу, что едет посоветоваться с профессором..., — и муж верил и не верил* (А. Чехов. Дама с собачкой).
- (2) *В те времена начальство Университетом не занималось, профессора читали и не читали, студенты ходили и не ходили* (А. Герцен. Былое и думы).

Смысл фраз не совсем ясен. (1) означает либо: «иногда верил, ино-

гда нет» либо: «всегда неполностью верил». (2) также допускает минимум два понимания: ‘профессора иногда читали, а иногда пропускали занятия’ или: ‘профессора небрежно читали лекции’; ‘Студенты иногда ходили на занятия, иногда пропускали их’ или: ‘часть студентов посещала лекции, а часть — нет’.

Конструкция близка по смыслу конструкциям с парными сочинительными союзами *не то... не то; то ли... то ли*. Но при замене теряется та многозначность, которую как раз и хотел, видимо, выразить Герцен. Возможно, Герцен не был озабочен точным смыслом своего высказывания, для него было важно подчеркнуть основной смысл — безалаберность и небрежность в университетском преподавании начала XIX века.

3.6. *Бывают аварии и аварии*

Предварительное осмысление: «Аварии бывают разные» (ср. сходную трактовку конструкций у Н. Ю. Шведовой: «значение различия, несходства в составе множества» [Грамматика 80, т. II: 221]). Но — в чем же заключается это различие? Попытаемся разобраться.

Кажется, объекты имеют разную оценку: есть положительно оцениваемые и отрицательно оцениваемые, ср.:

Бывают школьники и школьники (= школьники бывают успевающие и неуспевающие, дисциплинированные и хулиганы).

Различия в оценке проявляется даже в тех случаях, когда речь идет о заведомо отрицательных явлениях. Аварии, например, — события всегда нежелательные. И различие между ними заключается, видимо, в допустимости (неотвратимости) и недопустимости, непростительности.

Даже некоторые из заведомо нежелательных явлений оцениваются скорее положительно или не столь отрицательно, как остальные:

Бывают разбойники и разбойники. Есть среди них и Робин-Гуды;

*Бывают фашисты и фашисты (коммунисты и коммунисты).
Есть среди них и порядочные люди.*

Видимо, некоторая оценка содержится и в нейтральных контекстах типа *Бывают собаки и собаки*. Каковы здесь возможные продолжения? Вряд ли указание на породу. Фразы типа *Бывают собаки и собаки: овчарки и колли, пудели и водолазы* не совсем ес-

тественны. (Интересно, что в близких по значению конструкциях с прилагательным *разный* эти продолжения вполне допустимы: *Собаки бывают разные: овчарки и колли, пудели и водолазы*). Для конструкции *Бывают собаки и собаки* нормальны продолжения, включающие оценку: *злые и добрые, домашние и бродячие, громадные водолазы и крошечные болонки* и т. д.

Лексических ограничений, кажется, нет, или я не умею их сформулировать. Круг лексем, допустимых в этой конструкции достаточно широк: *Бывают дети и дети, статьи и статьи, экзамены и экзамены, ночи и ночи, девочки и девочки, идеи и идеи, революции и революции, жены и жены, ошибки и ошибки, друзья и друзья, письма и письма, негодяи и негодяи, умники и умники*.

Некоторые синтаксические особенности.

Конструкции возможны лишь как общие заключения и потому, видимо, требуют множественного числа повторяющихся существительных. Фразы *Бывает авария и авария, Бывает дурак и дурак, Бывает наводнение и наводнение* — выглядят странно. Естественное исключение — отсутствие множественного числа в парадигме: *Бывает отчаяние и отчаяние*. Но и они выглядят несколько странно.

Обязателен сочинительный союз, причем только *и* (Конструкции *Бывают аварии да аварии; Бывают аварии, аварии* имеют другое значение).

Вершина группы — глагол *бывать*, причем в форме 3-го лица мн. числа. Фраза с изменением формы глагола *Были аварии и аварии* (если признать ее допустимой) имеет, видимо, другой смысл: ‘было много аварий’. Ср. также странные фразы *Случаются аварии и аварии* (фраза грамматически правильна, но имеет другой смысл: ‘аварии случаются часто’).

Кажется, возможны зависимые: *Бывают несчастные случаи и несчастные случаи*.

3.7. Ну, медведь и медведь

Идет, переваливается. Ну, утка и утка.

Профессор какой-то завалищенький. Ну, бомж и бомж.

Этот бомж на вид такой солидный, интеллигентный. Ну, профессор и профессор.

Она такая артистичная! Ну, Брижит Бардо и Брижит Бардо.

Он тощий, с громадным носом. Ну, Бержерак и Бержерак.

У лешего наружность обыкновенная. Мужичок и мужичок. Вроде меня (Пауст.) [пример из: Грамматика 80].

Необходимо именно внешнее сходство. Поэтому несколько странных фразы типа: *‘Он такой грубый. Ну, медведь и медведь!’; ‘Она такая добрая! Ну ангел и ангел!’*

Конструкция непроницаема. Ср. странность конструкции: *Ну, медведь, и настоящий медведь* (при допустимом *Ну, медведь, настоящий медведь*).

Между тождественными словоформами, как правило, ставится сочинительный союз *и*.

3.8. (Ну), упал и упал

Сашку Ермолаева обидели. Ну, обидели и обидели — случается (В. Шукшин. Обида).

Парнишка и парнишка, как и все прочие парнишки (В. Астафьев. Кража).

Смысл конструкции: ‘Имеет место нечто (обычно нежелательное), чему субъект ситуации и/или окружающие не придают особого значения’. Обычные употребления: *Дорога плохая. Упал он. (Ну), упал и упал. Встал и дальше пошел* (или: ...*Мы ничуть не встревожились*). Описываются события в прошлом. Менее естественно выглядят употребления типа: *Дорога плохая. Упадет он. (Ну), упадет и упадет. Встанет и дальше пойдет*.

3.9. Повторы вопросительных местоимений

Повторы вопросительных местоимений мы выделяем в особый раздел, поскольку они необычны, не укладываются (или не совсем укладываются) в толкования, предложенные выше для существительных. Здесь можно выделить минимум четыре группы, различающиеся и семантическими, и грамматическими свойствами.

Куда, куда? Повторы вопросительных местоимений часто используются при простых переспросах: *Кто, кто? Куда, куда?* Интересно, что при переспросе повторение конкретного обсуждаемого предмета затруднительно, предпочтительно именно вопросительное местоимение. Ср. диалоги:

Вчера Машу встретила! — Машу, Машу? При более естественном *Кого, кого?*

Вчера Фолкнера читал. Реплика Фолкнера, Фолкнера? вряд ли допустима; допустимо: Фолкнера? или: Кого, кого?).

Особый интересный вид переспроса — конструкции с союзом *да*, выражающие настойчивые переспросы вида: *Пристал ко мне: куда да куда ты вчера ходил? С кем да с кем ты вчера по саду прогуливался?*

Видимо, эти вопросы неприятны говорящему, ср. обычное: *Допытывался: куда да куда ты вчера ходил?*— при странном: *Интересовался: куда да куда ты вчера ходил?*

Кажется, близка по значению конструкция с союзом *да*, включающая повелительную форму глагола: — *На меня стали бросаться: расскажи да расскажи им секрет самогона* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок). Здесь — не переспрос, а настойчивое требование дать информацию.

Кто да (и) кто? *Кто да кто приходил?; Что да что нужно, говори!* (В. Даль).

Это не переспрос, а желание знать всех участников ситуации. Н. Ю. Шведова видит здесь «значение множественности при мыслимом перечислении», и этому очень тонкому замечанию, видимо, не противоречит приводимый ею пример: *Кто и кто те люди, которые могли бы решить, действительно ли он так умнее всех* (Л. Толст.) [Грамматика 80, т. II: 221]. Не противоречат ему и примеры типа: *Кто и кто сейчас процветает?* — поскольку при невозможности перечислить конкретных людей, можно перечислить *классы* (банкиры, бизнесмены, политики и т. п.)

Конструкция ощущается как просторечная, однако изредка встречается и в художественной литературе (и не только при передаче народной речи), ср.:

— *А ко мне третьего дня все ваши приходили. — Кто да кто? — Марьяшка приходила, Хаврошка приходила* (Ф. Достоевский. Записки из Мертвого дома).

Князь Андрей, невеселый и озабоченный соображениями о том, что и что ему нужно о делах спросить у предводителя, подъезжал по аллее сада к отраденскому дому Ростовых (Л. Толстой. Война и мир).

Здесь КТС заменяет множество, а не один предмет.

**(Ну), кто-кто,
а Коля придет**

Нередко встречается удвоение вопросительных местоимений в конструкциях с противительными союзами (*а, но*):

Кто-кто, а Петя придет.

[Берлиоз] — Ваш рассказ чрезвычайно интересен, профессор, хотя он и совершенно не совпадает с евангельскими рассказами. — Помилуйте, — снисходительно усмехнувшись, отозвался профессор, — уж *кто-кто*, а вы-то должны знать, что ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Это синтаксическая фразема, ср. неправильную фразу: **Кто, а Петя придет.*

Ситуации, где употребляются эти конструкции, делятся на два типа:

1. Существует мнение, что из многих потенциальных участников обсуждаемой ситуации реальных нет или их очень мало; говорящий с ним не согласен или не вполне согласен, ср:

— *Думаю, завтра (почти) никто не придет.*

— *Ну, кто-кто, а Коля придет.*

2. — *Думаю, завтра Коля не придет.*

— *Ну, кто-кто, а Коля придет.*

Слушающий полагает, что Коля завтра не придет; говорящий с ним не согласен: он уверен, что Коля придет наверняка.

Поэтому в обычной ситуации вопроса, когда равно возможны разные исходы и нет столкновения разных мнений, конструкция выглядит странно:

— *Кто завтра придет?*

— *Кто-кто, а Коля придет.*

‘Потенциальных участников ситуации много; говорящий не считает нужным их указывать. Для него важно, что хотя бы один (или небольшая часть) наверняка или с большой вероятностью действительно будет участником ситуации)’

Есть представление об уверенности в данном участнике ситуации. Осюда особенности сочетаний глагола с наречиями: *Кто-кто, а Коля наверняка придет* — нормально, между тем как фраза типа: *Кто-кто, а Коля, возможно, придет* вряд ли допустима.

Синтаксические свойства.

1. Повторяются самые разные вопросительные местоимения и в разных морфологических формах, ср.:

Что-что, а ждать мы умеем.

Что-что, а Брест мы обороняли долго и мужественно.

Кто-кто, а Коля наверняка провалится на экзамене.

Кем-кем, а учителем я всегда устраюсь.

Куда-куда, а в МГУ я поступать не буду.

Куда-куда, а в театр мы всегда ходим с удовольствием.

Не совсем ясно, чем объясняется некоторая шероховатость фразы *Когда-когда, а в 7 часов он всегда дома.*

2. Возможно повторение местоимений в составе предложных групп (*К кому, к кому, а к нему я не пойду*) — но только в случае первообразных предлогов, ср. неправильные сочетания: **Благодаря кому, благодаря кому...*; **По отношению к кому, по отношению к кому...*

3. Местоименная группа, как правило, начинает предложение (или вторую часть сложного предложения):

Коля учится хорошо, и уж что-что, а физику он сдаст на отлично.

Коля учится очень плохо, но уж что-что, а физику он сдаст на отлично.

4. Обязателен противительный контекст, вводимый сочинительным союзом *а*.

5. Как правило, повторяющиеся местоимения соединяются дефисом, однако в ряде случаев возможно бессоюзное соединение компонентом:

Где, где, а в Москве я всегда найду работу.

Сколько, сколько, а 20 кг я всегда подниму.

При повторе предложных групп (типа *к кому, к кому*) дефис вообще недопустим (*к кому-к кому).

Кого-кого он (только) не знает Многоликая конструкция, конструкция с повторяющимися вопросительными местоимениями берет на себя, кроме перечисленных, еще и другие функции, в частности функцию усиления риторического вопроса. Известны многие способы оформления риторического вопроса, в том числе с использованием вопроси-

тельных местоимений в контексте отрицания не: *Кто его не знает?* (= Все его знают). *Куда он только не обращался!* *С кем он только не советовался!*

Весьма распространено удвоение местоимения в этих конструкциях (*Кто-кто его не знает?* (= Все его знают); *Куда, куда он только не обращался!*; *С кем, с кем он только не советовался!*)

Легко заметить, что удвоение местоимения не очень существенно меняет смысл — это обычное усиление (эмфаза), ср.:

...кого-кого он только не знает, каких губернаторов не вспомнит... (А. Ремизов. Неумный бубен).

Конструкция бессоюзная. Между частями возможен дефис (примеры см. выше).

Смысл конструкции приблизительно такой: 'он очень многих знает, очень многих губернаторов вспомнит'. И этот смысл сохраняется (с утратой эмфатического усиления) также и при отсутствии повтора местоимения, ср.: *...кого он только не знает...*

В этих конструкциях нет вопросительной интонации, при ее наличии резко изменяется смысл:

...кого, кого он не знает? — обычная (с некоторым усилением) вопросительная конструкция — переспрос (интересно, что здесь дефис недопустим).

Об игровом использовании сочинительных конструкций см. часть V, § 19.

Часть третья
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сравнение — один из самых частых элементов речи. Трудно перечислить все решаемые им задачи. Это не только познавательная (определить новое или малознакомое через общеизвестное), не только «ораторская» (убедить слушателя объединением двух общеизвестных понятий), не только художественно-изобразительная (заставить слушателя живо представить себе описываемое). Сравнение используется и для решения других задач. Исследование функций сравнения не входит в круг моих задач (впрочем, об использовании сравнения в языковой игре, в частности, в демагогических высказываниях, подробно говорится ниже, в части v). Не могу, однако, отказать себе в удовольствии упомянуть об одном интересном явлении, на которое меня натолкнуло перечитывание стихов Тютчева. Во многих (особенно ранних) стихах Тютчева сравнение — основной художественный прием, определяющий иногда саму композицию стихотворения. Оно делится на две части, в одной из которых говорится о природе, а в другой — о человеке (или наоборот). Для экономии места не будут приводить эти стихи (к тому же они общеизвестны). Напомню лишь отдельные контрастирующие строчки, начала строф:

- (1) *Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит
<...>
Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует...*
- (2) *Когда в кругу убийственных забот
Нам всё мерзит
<...>
Так иногда осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рожи голы...*
- (3) *Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом
<...>
Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия...*
- (4) *Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство
<...>
Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас!...*
- (5) *Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.
<...>
О, нашей мысли обольщенье,
Ты — человеческое я —
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?*

Суть тютчевского сравнения — более глубокая, чем уподобление, это «философское» сравнение, прослеживание гармонии, единства двух миров — мира природы и мира человеческих чувств.

Но — пора перейти к делу.

В соответствии с традиционной (до недавнего времени никем не оспариваемой) точкой зрения русские сравнительные конструкции относятся к подчинительным. Между тем есть целый ряд черт, сближающих сравнительные конструкции с сочинительными и противопоставляющих их подчинительным конструкциям.

В данной части исследуются некоторые особенности русских сравнительных конструкций, однако основное внимание уделяется именно слабо изученному вопросу о «статусе» сравнительных конструкций, об их месте в общей системе русского синтаксиса. Анализируются как особенности, сближающие сравнительные конструкции с сочинительными (и таких особенностей — много), так и особенности, которые решительно препятствуют включению сравнительных конструкций в класс сочинительных и склоняют к признанию сравнительных конструкций особым, третьим типом русских синтаксических конструкций.

Глава 1

СИНТАКСИЧЕСКИЕ
И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ¹

§ 1. ТИПЫ ОДНОРОДНОСТИ СРАВНИВАЕМЫХ ЧЛЕНОВ:
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ

Одна из особенностей (она сближает сравнительные конструкции с сочинительными) — это однородность членов (функциональная, лексико-семантическая). Это необходимое условие, которому должны удовлетворять сравниваемые члены.

Как и сочиненные, сравниваемые члены обычно характеризуются функциональной близостью². Ср. фразы (1) и (2), где сравниваемые члены функционально однородны («прямое дополнение») и вследствие этого согласованы морфологически (винительный падеж):

- (1) Я люблю *тебя и Сеню*.
(2) Я люблю *тебя, как Сеню*.

---

¹ Переработанные главы из книги [Санников 1989].

² А. Ф. Прияткина [1983: 80], не относя сравниваемые члены к однородным, признает, что «между сочинительными, пояснительными и сравнительными конструкциями существует структурная общность, имеющая семантическое основание», «синтаксический параллелизм».

Морфологическое согласование не является обязательным. Как и сочиненные, сравниваемые члены в общем случае представляют собой грамматические варианты выражения одного и того же актанта — ср. ниже фразы (3), сирконстанта (4)–(6), атрибута (7). Приводимые ниже примеры функциональной однородности сгруппированы в пары, где в рубрике *а* даются сочинительные конструкции, а в рубрике *б* — сравнительные.

- (3) а. Я часто пишу *товарищу и в институт*.
 б. Я чаще пишу *товарищу, чем в институт*.
- (4) а. Товары охотнее покупают *поштучно, а не крупными партиями*.
 б. Товары охотнее покупают *поштучно, чем крупными партиями*.
- (5) а. Лучше начать наступление *не десятого января, и даже не в феврале, а ранней весной*.
 б. Лучше начать наступление *ранней весной, чем десятого января <чем в феврале>*.
- (6) а. Я шел *полем, а потом по опушке леса*,
 б. Я охотнее хожу *полем, чем по опушке леса*.
- (7) а. Разные в Лебяжке существовали сказания, давние, праотцовские, все больше *шутливые или про любовь* (С. Залыгин. Комиссия).
 б. Мне больше нравятся песни *шутливые, чем про любовь*.

Даже сомнительные случаи, как правило, одни и те же для сочинительных и для сравнительных конструкций. Приведем один пример такого типа.

Кажется, возможно сочетание существительного в винительном падеже, обозначающего длительность действия, и существительного в творительном падеже, обозначающего время действия, ср.:

(8) [?]Он охотно работал *не только вечером, но и всю ночь*.

(9) [?]Он охотнее работал *вечером, чем всю ночь*.

Не все информанты считают эти фразы правильными, однако для нас важно другое: то, что при этом они оценивают обе фразы (и с сочинительной конструкцией (8), и со сравнительной конструкцией (9)) одинаково — или обе как правильные, или обе как неправильные, подтверждая и в этом частном случае близость между сочинительными и сравнительными конструкциями.

Но, пожалуй, самым интересным проявлением близости сочинительных и сравнительных конструкций является тот особый тип однородности, который мы назвали «лексико-семантической однородностью» (см. выше часть II). Представляется весьма показательным, что этот специфический тип однородности возможен не только в сочинительных, но также и в сравнительных конструкциях. Ср.:

- (10) а. Я охотно говорю *с художниками и о художниках*.
 б. Я охотнее говорю *с художниками, чем о художниках*.
С художниками я говорю так же охотно, как о художниках.
- (11) а. Читать *то нечего, то некогда*.
 б. Читать *чаще нечего, чем некогда*.
- (12) а. ...мы чаще смеялись *не с ней, а над ней* (Э. По. Длинный ларь, пер. Н. М. Демуровой).
 б. ...мы чаще смеялись *над ней, чем с ней*.

Можно выделить, таким образом, два типа сравнительных конструкций, и оба они имеют соответствие с конструкциями сочинительными: 1) сравнительные конструкции с функциональной однородностью членов, или функционально-сравнительные (Чаше вижу *Олю, чем Сеню*); 2) конструкции с лексико-семантической однородностью, или семантико-сравнительные (Я охотнее говорю *с поэтами, чем о поэтах*).

Что же касается третьего типа однородности (коммуникативная однородность), то этот тип, нередкий в сочинительных конструкциях (Мне подарили *книги, но неинтересные*), в сравнительных конструкциях, видимо, невозможен, ср.:

- (13) *Мне чаще дарят *книги, чем хорошие*.

Рассмотрим другие особенности сравнительных конструкций, также сближающие их с конструкциями сочинительными.

§ 2. О СМЫСЛОВОЙ БЛИЗОСТИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ И СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Эта близость может быть проиллюстрирована следующими примерами, первый из которых содержит сочинительную, а два других — сравнительные конструкции:

- (1) *Коля и Петя* бегают одинаково быстро.
 (2) *Коля* бегает так же быстро, как *Петя*.
 (3) *Коля* бегает быстрее, чем *Петя*.

Во всех приведенных фразах сравнивается скорость бега двух участников ситуации (*Коля, Петя*). Ср. также (4) и (5), близкие по значению:

(4) Он больше любит *отца, а не мать*.

(5) Он больше любит *отца, чем мать*.

Смысловая близость сочинительных и сравнительных конструкций отмечалась в работах Н. Н. Дурново, А. М. Пешковского, А. Ф. Прияткиной [1983]; она, видимо, была необходимой предпосылкой того, что некоторые союзы (этимологически, бесспорно, сравнительные) вошли в состав сложных сочинительных союзов (*как... так и; скорее... чем; не столько... сколько*), ср.:

(6) Успешно развивается *как промышленность, так и сельское хозяйство*; Виноват *не столько он, сколько я*.

В ряде случаев трудно даже сказать, имеем ли мы дело со сравнительной конструкцией или с же с сочинительной, ср.:

(7) Я назвал бы его *скорее лентяем, чем дураком*; Меня раздражает *не столько Петя, сколько его жена*.

Мы сознаем, что приведенные наблюдения не имеют большой доказательной силы, поскольку мы не умеем измерять степень смысловой близости. К тому же смысловая близость свойственна не только сочинительным и сравнительным конструкциям — подобная близость наблюдается также между сочинительными и подчинительными конструкциями — ср. ниже фразы (8а) и (8б):

(8) а. *Петя и Маша* пришли первыми.

б. *Петя с Машей* пришли первыми.

Однако подобная смысловая близость характерна лишь для ограниченного круга подчинительных и сочинительных конструкций. Для простого предложения нам, например, неизвестны другие случаи, кроме приведенного в (8). Между тем бóльшая или меньшая смысловая близость характеризует все сочинительные и сравнительные конструкции в целом.

С другой стороны, нельзя забывать о смысловой близости сравнительных конструкций к подчинительным (недаром же они обычно включались в разряд подчинительных). Ср. фразы (9а) и (9б):

(9) а. *Петя играет в теннис мастерски* [обстоятельственная связь].

б. *Петя играет в теннис, как мастер* [сравнительная связь].

§ 3. О ПРАВИЛАХ СОЧЕТАЕМОСТИ СРАВНИВАЕМЫХ ЧЛЕНОВ

В части II мы привели некоторые правила сочетаемости членов русской сочинительной конструкции и условия, которым должны удовлетворять сочиненные члены и их контекст. Оказалось, что эти правила приложимы (за немногими исключениями) также и к сравнительным конструкциям. Это, в частности, запреты на:

- сочетание существительных в именит. падеже и инфинитива (**Чтение лежа вреднее, чем курить*);
- сочетание именительного и творительного предикативного (**Он был чаще больной, чем здоровым*);
- сочетание некоторых разрядов местоимений (**Она чаще ходит по этой улице, чем кто-то*);
- сочетание некоторых вариантов управляемых слов (**Раньше придет конец войны, чем страданиям*; **Дом отойдет скорее племяннику, чем к брату*);
- сочетание слов, связанных видо-родовыми отношениями (**В лесу больше малины, чем ягод*).

В приведенных случаях (как и во многих других) запрет — один и тот же для сочинительных и для сравнительных конструкций. И даже «снимается» он обычно одинаково. Так, последняя фраза становится правильной при наличии у существительных некоторых зависимых, ср.:

В лесу больше *малины, чем других ягод*.

Не все правила сочетаемости сочиненных членов приложимы к сравниваемым членам, и наоборот. Однако подобных несовпадений, видимо, немного. Укажем одно из них.

Сравнительные конструкции могут включать вопросительное местоимение + «обычное» (не являющееся вопросительным) слово, ср.: *Кто работает лучше, чем Петя? Когда он работал лучше, чем сейчас?*

Что же касается сочинительной конструкции, то в ней вопросительное местоимение (если только речь идет о нейтральной фразе, не являющейся переспросом и т. п.) вообще не может сочетаться с «обычными» словами (ср.: **Кто и Петя мешают тебе работать?*).

Следует отметить, что в целом запреты на сочетаемость в сравнительных конструкциях «менее категоричны», в частности, потому, что компараты, в отличие от сочиненных членов, обычно

расположены не контактно, а разделены во фразе другими словами. Только один пример. Фраза со сравнительной конструкцией *КуриТЬ вреднее, чем чтение лежа*, видимо, более допустима, чем сочинительная конструкция *КуриТЬ и чтение лежа вредно*.

Тем не менее, в описании русского синтаксиса можно иметь один набор правил сочетаемости членов, который обрабатывал бы как сочинительные, так и сравнительные конструкции. Разумеется, в этом наборе особо отмечались бы правила с ограниченной сферой действия — приложимые, например, только к сочиненным, но не к сравниваемым членам, и наоборот.

§ 4. О СТРУКТУРНОЙ БЛИЗОСТИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ И СРАВНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Эта близость уже отмечалась исследователями (ср., напр., Грамматика 1970: 312). Она заключается в следующем: если для подчинительных союзов нехарактерно присоединение членов предложения, то для сочинительных и сравнительных союзов оно вполне обычно, ср.: *Люблю Олю и Сеню*; *Люблю Олю, как Сеню*.

Рассмотрим еще один важный структурный признак, сближающий русские сочинительные и сравнительные конструкции. Он заключается в том, что, в отличие от подчинительных, сравнительные связи (как и сочинительные), как правило, не употребляются самостоятельно, а «накладываются» на подчинительные связи.

Члены русских сравнительных конструкций — компараты — также считались и считаются синтаксически однотипными, а синтаксически обусловленная форма второго компарата — полностью зависящей от формы первого компарата.

На наш взгляд, существующее представление об однородности синтаксического и морфологического состава русских сравнительных конструкций слишком огрубляет языковую действительность.

Особенно резко противоречат существующему представлению о русских сравнительных конструкциях такие конструкции, где члены разнофункциональны, ср.:

Я охотнее говорю с поэтами, чем о поэтах.

Совпадение функций — лишь частный (хотя и самый частый)

случай соотношения функций сравниваемых членов. Сравнимые члены (подобно сочиненным) имеют двоякий статус: отчетливо ощущается сравнительная связь между членами конструкции и одновременно — связь каждого из сравниваемых членов с главным словом. Связи сравнительные и связи подчинительные «накладываются» друг на друга.

§ 5. СТРУКТУРНОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ СОЧИНИТЕЛЬНЫМИ И СРАВНИТЕЛЬНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

Всё, сказанное выше о близости сочинительных и сравнительных конструкций, делает естественным предположение, что сравнительные конструкции — это частный вид сочинительных. Такое понимание привело бы к существенному упрощению русского поверхностного синтаксиса.

Эта заманчивая идея должна быть, однако, отвергнута, поскольку она противоречит содержательной, лингвистической стороне дела, игнорирует глубокое структурное различие между сочинительными и сравнительными конструкциями. Это различие заключается в следующем: сочиненные члены непосредственно или через союз связаны между собой и образуют реально существующее в языке словосочетание (*Миша и Петя*); между тем в сравнительных конструкциях (типа: *Миша плавает, как Катя, Миша плавает быстрее, чем Катя*) сравнительный союз непосредственно связан только со вторым компаратом (*Катя*), но не с первым (*Миша*) — показателем этого является отсутствие в языке реальных сочетаний типа *Миша, чем Катя*.

Отсутствие непосредственной формальной связи сравнительного союза с первым компаратом особенно отчетливо выступает в двух типах конструкции: 1) при отсутствии первого компарата, ср.: *Зеленое взволнованное море / Еще огромней, чем всегда* (И. Бунин) [более обычной была бы конструкция с двумя компаратами: *Сейчас зеленое взволнованное море еще огромней, чем всегда*]; 2) при постановке второго компарата перед первым, ср.: *...как пламя рдеют поздние цветы* (И. Бунин).

Оба этих структурных типа невозможны в сочинительных конструкциях, где: 1) не может отсутствовать один из сочиненных членов; 2) союз (или часть разрывного союза) располагается всегда между сочиненными членами.

Таким образом, отмечая смысловую и структурную близость русских сравнительных конструкций — с одной стороны, к подчинительным, с другой — к сочинительным, мы не считаем возможным включать сравнительные конструкции ни в один из этих двух классов. Видимо, они образуют особый, третий класс русских синтаксических конструкций.

Глава 2
ФОРМАЛЬНОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
СОЧИНИТЕЛЬНЫХ
И СРАВНИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ

§ 1. СУЩЕСТВУЮЩИЕ СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Поскольку данная работа рассчитана на широкий круг лингвистов, мы ограничимся самым кратким и общим описанием предлагаемого способа формального представления русских сочинительных и сравнительных конструкций. Более детальное и аргументированное изложение можно найти в другой работе [Санников 1989].

Существующее достаточно упрощенное представление о сочинительных конструкциях в полной мере было унаследовано современными формальными описаниями русского синтаксиса. Все они исходят из предпосылки, что синтаксическая функция одного сочиненного члена равна синтаксической функции сочиненной группы в целом. Ср. замечание Ю. А. Шрейдера: «...отношение однородности является отношением типа эквивалентности, т. е. оно удовлетворяет условиям симметричности, рефлексивности и транзитивности» [Шрейдер 1964: 40]. Отсюда:

- в способе составляющих — объединение сочиненных членов в одну (не расчлененную синтаксически) составляющую: (*Пришли*) (*Коля и Петя*);
- в способе зависимостей — выбор «главного слова», которое счи-

тается представителем сочиненной группы во внешних связях этой группы (то есть в ее связях с другими словами фразы); в качестве «главного слова» может выступать, например, сочинительный союз:

Пришли Коля $\xleftarrow{\text{сочин.}}$ и $\xrightarrow{\text{сочин.}}$ Петя (см. Падучева 1974: 170-171).
 (предик. — дуга над «и»)

Существующие способы формального представления сочинительных конструкций имеют ряд недостатков, которые наиболее отчетливо проявляются в конструкциях с лексико-семантической однородностью. Так, в модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» (МСТ) (см. Мельчук 1974) фраза *Когда, кто, кого, куда и на какой срок командировал?* получило бы следующее представление:

Когда, $\rightarrow$ *кто*, $\rightarrow$ *кого*, $\rightarrow$ *куда* $\rightarrow$ и $\rightarrow$ *на какой срок командировал?*
 (обст. — дуга над «и»)

В приведенной фразе (полной по смыслу!) формально оказываются ненасыщенными все обязательные валентности слова *командировал*, поскольку слова *кто, кого, куда, на какой срок* формально входят в сочинительную цепочку и не подчиняются слову *командировал*. Более того, данная фраза оказывается формально бесподлежащей! Содержательная неадекватность подобного описания представляется нам достаточно очевидной.

К тому же при подходе, принятом в МСТ, три разных фразы

- (1) а. *Когда и кто послал?*
- б. *Когда и кого послал?*
- в. *Когда и кому послал?*

получают одну и ту же древесную структуру! Причем (1а) оказывается формально бесподлежащей.

Не следует думать, что мы здесь столкнулись с недостатком синтаксического представления именно модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст»: другие варианты способа зависимостей дают не лучшие результаты (см. Санников 1989: 33-34).

Далее, совершенно очевидно, что способ составляющих (НС—грамматики) также не позволяет дать удовлетворительного формального представления рассматриваемых сочинительных конструкций. Фразы типа *Когда и кого послал?*, *Когда и кому послал?*

получили бы одну и ту же скобочную структуру: (КОГДА И КТО) ПОСЛАТЬ_{прощ.} Еще хуже обстоит дело с представлением фраз типа *Когда и кто послал?*, где мы получаем частичное пересечение составляющих: слово КТО — подлежащее, но одновременно оно (как член сочинительной цепочки) должно вместе с наречием КОГДА входить в группу сказуемого.

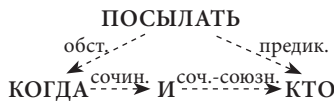
§ 2. ПРЕДЛАГАЕМЫЙ СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ И СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Как отмечалось, связи сочинительные (или сравнительные) и связи подчинительные «накладываются» друг на друга. Эта структурная особенность русских сочинительных и сравнительных конструкций учитывается предлагаемым ниже способом формального представления этих конструкций.

Рассмотрение нашего способа представления сочинительных и сравнительных конструкций начнем с тех конструкций, формальное представление которых вызывает наибольшие трудности. Мы имеем в виду конструкции, где члены — сочиненные, ср. фразы (2, *а-в*), или сравниваемые (3, *а-б*) — разнофункциональны, но однородны лексико-семантически:

- (2) а. *Когда и кто* посылал?
- б. *Когда и кого* посылал?
- в. *Когда и кому* посылал?
- (3) а. Командировать чаще *некуда, чем некого*.
- б. Командировать чаще *некуда, чем некому*.

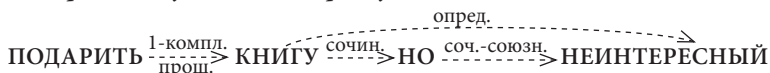
Для представления этих конструкций целесообразно использовать не дерево, а более сложный граф, где каждый сочиненный или сравниваемый член связывается: а) с другими членами сочинительной или сравнительной конструкции, б) с главным членом («хозяйном»), подчиняющим эту сочинительную или сравнительную конструкцию. Так, фраза (2а) получила бы при этом такую структуру:

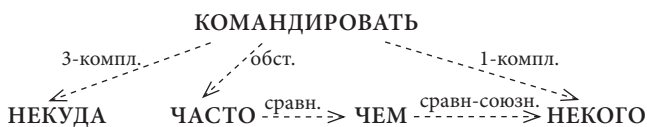
Здесь местоимение КТО входит в сочинительную конструкцию (КОГДА → И → КТО) и одновременно связано предикативным отношением с глаголом-сказуемым ПОСЫЛАТЬ.

Структуры фраз (2а)–(2в) различались бы между собой типом подчинительного отношения, связывающего глагол ПОСЫЛАТЬ с местоимением КТО: для фразы (2а) — предикативное, (2б) — 1-е комплетивное, (2в) — 2-е комплетивное.

Структура коммуникативно-сочинительных конструкций типа *Подарил книгу, но неинтересную*:

Фраза (3а), включающая сравнительную конструкцию, имела бы такую структуру:

Сравнительные конструкции с лексико-семантической однородностью членов (типа: *Побеждают чаще москвичи, чем москвичей*) интересны тем, что здесь отчетливо видно, что форма второго компарата определяется в сравнительных конструкциях не первым компаратом, а «хозяином» — личным глаголом. В связи с этим описываемые конструкции не могут быть обработаны с помощью того аппарата представления сравнительных конструкций, который предлагается в работе [Саввина 1976].

Естественно, возникает вопрос: стоит ли «городить огород», предлагать какой-то новый способ формального представления сочинительных и сравнительных конструкций ради конструкций с лексико-семантической однородностью, конструкций, бесспорно, периферийных?

Дело, однако, в том, что предлагаемый способ, видимо, был бы предпочтителен не только для представления конструкций с лексико-семантической однородностью, но и для представления «обычных» сочинительных и сравнительных конструкций, то есть конструкций с функциональной однородностью членов. Однотипность синтаксических функций сочиненных членов была бы выражена

эксплицитно, что особенно важно, когда функции сочиненных членов не совпадают, ср.:

- (4) Книги *мои и моего отца* (первый из сочиненных членов выполняет определительную функцию, а второй — атрибутивную).

Преимущества развиваемого подхода особенно отчетливо ощущаются при формальном представлении «обычных» сравнительных конструкций, где несовпадение функций компаратов — явление обычное. Ср.:

- (5) а. *Я люблю тебя, как Маша.*
 б. *Я люблю тебя, как Машу.*

Е. Н. Саввина, анализирувшая эти конструкции, обозначает «потенциальную синтаксическую функцию» второго компарата введением специальных отношений, соединяющих этот компарат со сравнительным союзом. Так, смысловое различие между фразами (5а) и (5б) передается двумя специально-союзными отношениями: предикативно-союзным и комплетивно-союзным.

Введение специально-союзных синтаксических отношений для сравнительных конструкций приводит к дублированию уже имеющих отношений (в примере (5) — предикативного и комплетивного) и к резкому (примерно в полтора раза) увеличению общего числа синтаксических отношений.

Это свидетельствует, на наш взгляд, о недостаточности того аппарата описания русского поверхностного синтаксиса, который применяется в модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст». Этот аппарат излишне широко использует введение разных отношений (дублирование отношений) для отражения некоторых сложных явлений русского поверхностного синтаксиса (таких как сочинение, сравнение, обособление).

При нашем подходе дублирования синтаксических отношений не происходит. Смысловое различие между (5а) и (5б) передается у нас эксплицитным указанием связи между глаголом в личной форме и вторым компаратом.

Подводя итог сказанному, сформулируем в полном виде предлагаемый способ поверхностно-синтаксического представления русских сочинительных и сравнительных конструкций.

1) С «хозяйном» связывается каждый из полнозначных сочиненных членов и каждый из компаратов. Кроме того:

2) Сочиненные члены связываются между собой сочинительным и сочинительно-союзным отношениями.

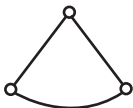
3) Сравнительный союз присоединяется сравнительным или обстоятельственным отношениями.

4) Второй компарат присоединяется к сравнительному союзу сравнительно-союзным отношением.

5) Из пп. 1–4 следует, что в синтаксическом представлении сочинительных и сравнительных конструкций используется не дерево, а граф более общего вида, в котором допускается вхождение двух стрелок в один узел.

Таким образом, близкие по смыслу и по структуре сочинительные и сравнительные конструкции получают у нас сходное синтаксическое представление.

Подобное представление русских сравнительных конструкций никем, как будто, ранее не предлагалось. Что же касается сочинительных конструкций, то здесь наше представление хорошо согласуется с лингвистической традицией. Достаточно указать, что А. М. Пешковский [1956: 60] изображал словосочетание *слабый, свежий ветерок* подобным же образом (прямые линии — подчинительные связи, кривая — сочинительная связь):

Главную задачу мы видели в том, чтобы обратить внимание исследователей на такие конструкции, для которых подобное представление является единственно адекватным и естественным, конструкции, где наложение сочинительных или сравнительных связей на подчинительные ощущается вполне отчетливо:

- (6) Мне *никто и никогда* не поможет,
Я говорю *с поэтами и о поэтах*.
- (7) Я охотнее говорю *с поэтами, чем о поэтах*.

Недостатки предлагаемого способа

На преимуществах нашего способа представления русских сочинительных и сравнительных конструкций мы останавливались

достаточно подробно. В завершение главы следует рассмотреть некоторые важные следствия применения этого способа, представляющиеся, как будто, крайне нежелательными. Их три, но они взаимосвязаны и заключаются в нарушении соглашений, принятых в способе зависимостей.

1) Нарушается принцип единственности синтаксического хозяина — второй сочиненный член (а также и все последующие) и второй компарат оказываются зависящими сразу от двух слов. В связи с этим:

2) Наше формальное представление сочинительных и сравнительных конструкций не соответствует дереву зависимостей, принятому в качестве формального средства изображения поверхностно-синтаксической структуры. В дереве «срастаются две ветви».

3) Некоторые отношения, считающиеся неповторимыми (предикативное, комплетивные, присвязочное и т. д.), при нашем подходе оказываются повторимыми. Так, в приведенной выше фразе (5а) оказываются два подлежащих, во фразе (5б) — два комплетива (два «прямых дополнения»).

Следует подчеркнуть, что принятие нашего способа представления сочинительных и сравнительных конструкций не противоречит идеологии способа зависимостей и отнюдь не означает отказа от трех перечисленных принципов («единственность синтаксического хозяина», «древесность», «неповторимость некоторых отношений»). Речь идет лишь об ограничении сферы действия этих принципов, которое происходит ровно в одном случае — в случае однородных членов (сочиненных или сравниваемых). Введение этого ограничения выглядит достаточно оправданным в содержательном плане: естественно считать, что во фразе *Когда и кто приходил? кто* — подлежащее и одновременно член сочинительной цепочки. Естественно также считать, что во фразе *Пришли Коля и Петя* — два подлежащих, а во фразе *Я люблю Катю больше, чем Машу* — два комплетива («прямых дополнений»), из которых второй (*Машу*) зависит также и от сравнительного союза и входит в сравнительный оборот.

Сравнительные конструкции нередко используются в языковой игре (см. ниже, часть v, § 20).

Часть четвертая
ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ
(условные
и уступительные)

Глава 1
КОНСТРУКЦИИ
С СОЮЗОМ
*ЕСЛИ*¹

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Если (и его соответствия в других языках) — один из основных подчинительных союзов. Анна Вежбицка признаёт его одной из единиц, лежащих «в основе человеческой коммуникации и мышления» [Вежбицкая 1996: 297]. Естественно, что этому союзу было уделено большое внимание в лингвистических исследованиях и в исследованиях по математической логике (см., напр., Quine 1940; Reichenbach 1947; Мендельсон 1971; Lakoff 1971; Ducrot 1972; Грамматика 1980, т. II; Колосова 1980; Разлогова 1988). Особенно детально значение и употребление русского союза *если* анализируют М. В. Ляпон [Грамматика 1980, т. II], А. В. Гладкий [1982], В. С. Храковский [1998]. И все-таки вопрос нельзя считать решённым. Достаточно указать, что само число значений, выделяемых для союза *если*, колеблется от 6 [БАС] до 1 [Гладкий 1982]. Тем не менее возвращение к значению этого союза может показаться неоправданным, особенно с точки зрения тех лингвистов, которые вслед за Анной Вежбицкой признают его универсалией-примитивом, т. е. семантически неразложимым словом, не нуждающимся в толковании.

Попытаемся показать, что русский союз *если* даже в его основном («условном») значении имеет достаточно богатое значение, и попы-

---

¹ По тексту статьи [Санников 2001].

таемся дать толкование этого союза. Кроме этой задачи, в данной главе предпринимается попытка решить и две других задачи, представляющих, на наш взгляд, не меньший интерес: 1) выделение других (отличных от «основного») значений союза *если*, их толкование; 2) исследование соотношения этих значений с основным, определение возможных путей их возникновения, выявление громадной роли прагматических факторов и конкретных употреблений, «расшатывающих» значение языковой единицы и приводящих нередко к созданию новых значений этой единицы, резко отличающихся от исходного. Особенно важно при этом, что эти вторичные значения не «порывают полностью» с основным, исходным значением, но сохраняют его компоненты, пусть в модифицированном виде.

§ 1. ОСНОВНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОЮЗА *ЕСЛИ*. УТОЧНЕНИЕ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Трудно найти русский союз более загадочный и «многоликий». Это бросается в глаза даже при беглом взгляде на приводимый ниже перечень примеров, иллюстрирующих основные употребления союза *если* (порядок подачи примеров не случаен и объясняется соображениями, которые будут ясны из дальнейшего изложения).

- (1) *Если вы приедете, мы пойдем за грибами.*
- (2) *Если бы вы приехали вчера, мы пошли бы за грибами.*
- (3) *Мороз если не 20, так 15 градусов.*
- (4) *Если москвичи приезжают на дачу на электричках, то новые русские — на иномарках.*
- (5) *Если я и побранил тебя вчера, то это для твоей же пользы.*
- (6) *Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо* (пример Дж. Остина).
- (7) *Если 12 делится без остатка на 8, то делится также и на 2.*
- (8) *Если 16 делится без остатка на 4, то слишком низкое давление воздуха в автопокрышках вызывает их быстрый износ.*
- (9) *Если бы молодость знала, если бы старость могла!*
- (10) «*Если покинешь меня*».

Уточним (точнее — ограничим) область исследования.

Мы не будем рассматривать «обрубки» типа (9)–(10), где опущено главное предложение (так, (10) — название итальянского фильма; в качестве главного предложения здесь выступает всё содержание фильма).

Абстрагируемся также от «изысков» логиков типа (7)–(8), которые крайне неестественны и не могут встретиться в обыденной речи (см. об этом часть I, гл. 2).

Что касается примера (6), то он иллюстрирует чрезвычайно сложное и интересное явление — так наз. иллокутивное употребление, о котором мы подробно говорили в гл. 3, части I. Рассмотрим обычные, «основные» значения и употребления союза *если*, фиксируемые примерами (1)–(5), причем в чисто лингвистическом плане¹.

§ 2. СТАТУС СОЮЗА ЕСЛИ

Прежде чем рассматривать семантику союза *если*, сделаем одно краткое замечание, касающееся статуса этого союза, его места в сложном предложении. В русистике сложноподчиненные предложения традиционно делятся на «двучленные», «расчлененные» (когда придаточная часть соотносится со всей главной частью в целом, напр. *Отец долго не приезжал, что всех беспокоило*) и «одночленные», «нерасчлененные» (когда придаточная часть, вводимая союзом, распространяет или замещает член главного предложения, выполняет функцию, близкую функции члена предложения: *Он сказал, что придет завтра*) [здесь придаточное выполняет роль прямого дополнения] (см., напр., Поспелов 1959; Белошапкина 1977: 219–233; Грамматика 1980). Традиционно союз *если* понимается как входящий в состав расчлененных, «двучленных» сложноподчиненных предложений (см., напр., Белошапкина 1977: 222–223; Грамматика 1980: 539). Для основной части условных конструкций (для «классических» конструкций) эта точка зрения, бесспорно, правильна. Однако есть интересные отступления, сближающие условные конструкции с конструкциями «одночленными», «нерасчлененными». Это конструкции с необычным соотношением содержания главного и придаточного: придаточное представляет собой антецедент к указательному местоимению, входящему в состав главного, содержание придаточного включено в содержание главного: *Если мы совсем не выпьем, это будет искусственно* (С. Довлатов. Чемодан). *Если человек мертв, то это надолго, если он глуп, то это навсегда!* (Т. Толстая. Соня). Это

¹ Некоторые случаи обыгрывания значения и особенностей употребления союза *если* приводятся в части V.

также конструкции, приводимые Ю. Д. Апресяном (правда, он рассматривает их в другом аспекте). Я имею в виду конструкции, где придаточное условное непосредственно, не через указательное местоимение, выполняет функцию, близкую функции члена предложения — подлежащего или дополнения, ср.: *Плановики считают <находят> странным <необъяснимым, удивительным>, если на местах не осваивают отпущенные средства* [Апресян 1995, т. II: 117, 132].

В другом своем значении — сопоставительном — союз *если*, бесспорно, без всяких оговорок — союз «двучленный», «расчлененный», конструкция двучленна: главное и придаточное предложения здесь семантически независимы, что подчеркивается и синтаксическим параллелизмом строения этих предложений, ср.:

Если вчера была отличная погода, то сегодня весь день льет дождь.

Что касается сферы действия союза *если*, то обычно это — целое предложение, реже — словосочетание, ср.: *Дожди там бывают если не каждый день, так через день.*

§ 3. «УСЛОВНОЕ» ЕСЛИ

Вводные замечания

Это значение можно считать (и считают) основным. В МАС отмечается, что союз *если* выражает условие — либо 1) «реально возможное», либо 2) «желательное, предполагаемое или противоречащее действительности», либо 3) являющееся «причиной или обоснованием того, что говорится в главном предложении». Неудовлетворительность этого определения достаточно очевидна: два первых компонента касаются то отношения сообщаемого к реальной действительности, то его оценки, а третий игнорирует как «привязку» описываемых событий к действительности, так и их оценку, и выделен по другому (точнее — третьему) принципу. Неясен также и основной компонент приведенного толкования — *условие*. Впрочем, по мнению некоторых ученых, этот компонент и не нуждается в уточнении и толковании, поскольку это — семантический примитив.

Если — семантический примитив?

В последнее время Анна Вежбицка и некоторые другие исследователи склоняются к мысли, что *если* — это семантически неразложи-

мое слово, не нуждающееся в толковании. Приводимое Вежбицкой соображение, что данное понятие «сопротивляется любым попыткам его декомпозиции», разумеется, не может считаться аргументом в споре о статусе единицы, оно может свидетельствовать лишь о неудовлетворительности имеющихся толкований союза *если* и о желательности новых попыток. Напротив, аргументы, препятствующие переводу *если* в ранг семантических примитивов, представляются достаточно вескими. Их, по меньшей мере, три.

1. Если выделение абсолютного большинства указываемых Анной Вежбицкой (см., напр., Вежбицкая 1996: 322–323; Вежбицкая 1999: 27–28) семантических примитивов (таких, как ‘я’, ‘ты’, ‘один’, ‘хотеть’, ‘хороший’, ‘часть’, ‘очень’) интуитивно не вызывает протеста, то выделение в качестве семантически неразложимого примитива союза *если* (*if*) довольно резко противоречит языковой интуиции (во всяком случае моей), не удовлетворяет принцип естественности (самопонятности, самоочевидности), который является одним из краеугольных камней концепции Вежбицкой. Еще в большей степени это относится к вычленению из *if* особого примитива *if... would* (*если бы*) [Вежбицкая 1996: 322–323], которое вызвало возражения даже сторонников Вежбицкой, таких, как авторы исследования [Типология 1998: 24–25 и др.], и от которого Вежбицкая сама отказалась в более поздней работе (см. Вежбицкая 1999: 27–28).

2. Не удовлетворяет *если* (*if*) и еще одному требованию, предъявляемому самой Анной Вежбицкой к семантическим примитивам, — принципу универсальности, переводимости на другие языки. Дело в том, что понятия ‘если’ нет в некоторых языках. Этот факт Вежбицка объясняет вслед за Мак-Конвеллом не отсутствием в этих языках гипотетических условных конструкций, а наличием других (грамматических и лексических) средств для их обозначения (см. Вежбицкая 1996: 302–303).

3. Некоторые исследователи склонны считать обстоятельством, препятствующим признанию той или иной языковой единицы семантическим примитивом, ее многозначность. По этому критерию *если* также «не проходит» в примитивы: в данной статье описываются другие значения союза *если* («сопоставительное» *если* и др.), которые никак уж нельзя признать примитивами. Казалось бы, это обстоятельство не представляется серьезным аргументом против

включения единицы в число примитивов: почему бы не считать, что *если* в его основном значении является семантическим примитивом, который трансформируется и снабжается «семантическими добавками» в других значениях союза? Дело, однако, в том, что в этих производных значениях отчетливо ощутима связь не с «единым и неделимым» исходным *если*, а с отдельными компонентами условного *если* (значит, они есть, значит, *если* — не примитив?).

***Если* — комбинация двух семантических примитивов?**

В принципе можно, оставаясь на позициях, близких Анне Вежбицкой, предложить иное, менее уязвимое, понимание значения союза *если* (*if*). Его суть заключается в следующем. Представляется возможным, не вводя особый семантический примитив *если* (*if*), описать значение условного союза комбинацией двух, уже имеющих в списке, семантических примитивов Вежбицкой — комбинацией примитивов ‘может быть’ и ‘когда’. Показательно в этом отношении замечание самой Вежбицкой, что в языке нгаринман смысл ‘если’ отличается от ‘когда’ употреблением в конструкции суффикса неуверенности *nga* (см. Вежбицкая 1996: 302–303).

Тем самым значение союза *если* (*if*) можно представить следующим образом:

Если X, (то) Y = ‘Может быть, имеет место X;

Когда имеет место X, имеет место Y’.

Аргумент в пользу такого понимания — то обстоятельство, что в случае нейтрализации первого из компонентов-примитивов, указывающего на возможность X-а, допустима замена союза *если* на союз *когда* без заметного изменения смысла фразы, ср.:

(1) *Если человек раздражен, он несправедлив.*

(2) *Когда человек раздражен, он несправедлив.*

Однако даже и это (более удовлетворительное, на наш взгляд) понимание значения союза *если* все-таки представляется нам упрощенным, игнорирующим некоторые важные смысловые компоненты условных конструкций.

Хотелось бы подчеркнуть, что, признав условное *если* семантическим примитивом (или же комбинацией двух примитивов), мы избежали бы сложностей в выработке толкования этого союза, но перенесли бы соответствующие сведения, лежащие в основе этого толкования, в правила употребления союза. Таким образом,

речь в значительной степени идет о различиях в интерпретации, о способах подачи лингвистической информации, а не о составе и объеме этой информации. Поэтому мы надеемся, что наши наблюдения над значением и употреблением союза *если* (в условном и в других значениях) могут представить интерес и для тех ученых, которые считают *если* семантическим примитивом.

Значение «условного» *если*

1. Любой из специалистов и неспециалистов на просьбу привести пример употребления условного союза *если* образует фразу типа:

(3) *Если пойдет дождь, (то) мы вернемся домой.*

Интуитивно значение союза *если* во фразах типа (3) не элементарно. Наше интуитивное понимание этой фразы включает четыре компонента, объединенных в две пары:

Если пойдет дождь (X), то мы вернемся домой (Y) ≈

- 1) Возможно не - X (дождя не будет), и тогда: 2) не - Y (мы не вернемся домой (раньше намеченного срока));
- 3) Возможно X (дождь будет), и тогда: 4) Y (мы вернемся домой (раньше намеченного срока)).

Однако эта красивая схема (Возможно не-X, и тогда не-Y; возможно X, и тогда Y) быстро обнаруживает свою ошибочность. Ср. пример (4), показывающий недопустимость включения в толкование союза *если* компонента 2 — не - Y:

(4) *Если ты не сможешь это сделать, тебя ругать не будут.*

Из (4) совсем не следует, что если собеседнику удастся достигнуть цели (сделать нечто намеченное), его будут ругать. Напротив — его похвалят!

(5) *Если родится мальчик, назовем его Андреем.*

В смысл фразы входит компонент 'Возможно не-X (возможно, родится не мальчик (а девочка)', но вряд ли входит компонент, указывающий на последствия этой возможности, компонент 'не Y' ('не назовем Андреем').

Всё это убеждает в недопустимости включения в толкование союза *если* компонента 2), сочетающегося с первой из двух возможностей ('Возможно не-X').

В результате возникает следующее понимание союза *если* в его основном, «условном» значении (предупреждаем, что это толкование не является окончательным!):

Если X, (то) Y = 'Возможно, имеет место не-X;
Возможно, имеет место X и тогда имеет место Y'.

2. Смысловой компонент 'возможно' не указывается грамматиками и словарями русского языка. Однако он интуитивно отчетливо ощутим. Именно этот компонент отличает главным образом союз *если* от союза *когда*. Рассмотрим две пары примеров с этими союзами (они приводятся в работе А. В. Гладкого [1982: 60–61]):

- (6) а. *Когда отец приходил домой, мы ужинали.*
б. *Если отец приходил домой, мы ужинали.*
(7) а. *Когда садилось солнце, все шло купаться.*
б. *Если садилось солнце, все шло купаться.*

По нашему мнению, именно указание на возможность, привносимое в (6б) союзом *если*, резко меняет смысл исходного предложения (6а) с союзом *когда* ((6б) = 'возможно, отец приходил домой, возможно, не приходил'), а в (7б) этот союз индуцирует странный смысл: 'возможно, солнце садилось, возможно не садилось', ставящий фразу на грань допустимого.

Определенный интерес представляет для решения рассматриваемого вопроса и учет этимологии и истории условных союзов. Конструкции с союзом *если* (также, как конструкции с *ежели*, *коли* и с древнерусским союзом *будеть (ли)*) по происхождению — вопросительные, включающие вопросительную частицу *ли* (*есть ли...?* и т. д.) (см. Лавров 1941). И все они сохраняют унаследованное от «предков» (общевопросительных конструкций) указание на две возможности ('возможно X', 'возможно не-X').

В более ранних работах и в данной работе (см. ч. II, гл. 2) мы отмечали компонент 'возможность' в значении союза *или* и других разделительных союзов. Теперь мы убеждаемся, что эти компоненты входят (иногда как факультативные) также в значение некоторых подчинительных союзов, в частности, союза *если*.

3. По причинам, которые были изложены выше, два основных компонента толкования (указание на две возможности) не симметричны, первый компонент «урезан»: говорящий указывает, что возможен не-X, но не задумывается о том, что из этого следует. А если задумается, то расширит фразу (ср. фразу *Если родится мальчик, мы назовем его Андреем* и ее возможные расширения: *...а если родится девочка — Олей*).

Естествен вопрос: если последствия отрицательного компонента толкования не учитываются, то нужен ли вообще «отрицательный» компонент толкования ('Возможно не-Х', напр., 'Возможно, дождя не будет' для фразы *Если пойдет дождь, мы вернемся домой*)? Нам кажется, что эта вторая возможность (последствия которой, повторяем, не рассматриваются говорящим!) всё-таки присутствует. Утверждая это, мы руководствуемся, кроме интуиции, объективными данными: в некоторых употреблении этот компонент значения усиливается. Так, во фразах типа *Если пришел, садись* вторая возможность (не - приход гостя) не только отчетливо ощутима, но и оценивается говорящим как более вероятная, более естественная, а реальное событие (приход гостя) оценивается хозяином как менее естественное. Отсюда возникновение дополнительного прагматического компонента значения (прозрачный намек гостю, что лучше бы он не приходил). Вторая возможность ощущается также во многих других случаях, ср., напр.:

- (8) *Уж если тебе привалило счастье, помоги немного и другим.*
- (9) *Коля приедет если не в пятницу, так в субботу.* Союз *если* отчетливо указывает здесь на две возможности: 1) возможно, Коля приедет в пятницу; 2) возможно, Коля не приедет в пятницу — и тогда он приедет в субботу.

4. Указание на две возможности содержится в придаточном: *Если будет дождь...* = 'Возможно, дождя не будет; возможно, дождь будет'. Что касается главного предложения (Y), то оно семантически зависимо, и основная сложность толкования условных конструкций заключается именно в определении характера отношений между X-ом и Y-ом.

Следует прежде всего отметить факт (впрочем, достаточно очевидный), что отношение между X и Y не симметрично (*Если пойдет дождь, раскрою зонт* ≠ *Если раскрою зонт, пойдет дождь*).

Лингвисты, в отличие от логиков (см. часть 1, гл. 2), всегда ощущали смысловую связь между частями условного сложного предложения, но затруднялись в ее определении.

А. В. Гладкий обозначал отношение между частями термином «сопутствование» («ситуация, выражаемая предложением B, сопутствует ситуации, выражаемой предложением A») [Гладкий 1982: 44].

Другие исследователи говорят здесь о с у п п о з и ц и и, определяя ее как такое нефактивное суждение, которое говорящий просит слушающего считать фактивным (см. Ducrot 1972; Типология 1998: 17–18).

Е. Э. Разлогова отмечает, что в условных (как и в причинных) конструкциях события, описываемые в главном и придаточном, связаны между собой во временном отношении: событие, описываемое в придаточном, имеет место раньше или одновременно с событием, описываемым в главном (см. Разлогова 1988: 99). Этому положению противоречат, казалось бы, примеры типа *Если в окнах нет света, значит, они вчера уехали*, характеризующиеся обратной временной последовательностью событий. Противоречия, в действительности, нет: смысл данного употребления можно описать приблизительно так: 'Очевидно, что в окнах нет света; из этого я заключаю: они вчера уехали'. Встречается также (правда, достаточно редко) о д н о в р е м е н н о с т ь событий, вводимых главным и придаточным, ср.: *Если ты будешь сейчас спать, я буду тихонько читать книгу* (пример В. С. Храковского).

Однако совершенно очевидно, что отношения между частями условной конструкции нельзя свести лишь к временным отношениям.

Нередко отмечается, что придаточное условное может содержать указание на «достаточное основание», обоснование, причину того, что описывается в главном: *Послушай, если уж не хочешь собак, купи у меня шарманку, чудная шарманка* (Н. Гоголь) (см. Грамматика 1980: 567, 572). Это замечание справедливо. Есть, однако, множество случаев, где содержание придаточного не может рассматриваться как достаточное основание или причина того, о чем говорится в главном. Вряд ли болезнь может рассматриваться как причина или обоснование о т к а з а Ярослава Смелякова обращаться к врачам, ср.: *Если я заболею, / К врачам обращаться не стану...* Этот пример может быть признан аномальным и потому недостаточно убедительным. Имеется, однако, множество примеров такого типа совершенно обычных, ср.: *Если ты не справишься с этой работой, тебя ругать не будут* (неудача вряд ли обосновывает воздержание от брани); *Если меня пригласят, я не приму приглашение* (вряд ли можно считать приглашение «достаточным основанием», обоснованием, причиной отказа принять приглашение).

Значит ли это, что следует принять противоположную существующую точку зрения, согласно которой связь между частями условной конструкции сводится лишь к отношению «сопутствования» или временной последовательности? Вряд ли. По нашему мнению, между частями условной конструкции существует глубокая смысловая связь, хотя определить ее характер достаточно трудно.

Обычно в предложении содержится указание на соответствие норме, на естественный ход событий:

(10) *Если он пошел в булочную, он купил хлеб.*

С этим компонентом смысла мы уже сталкивались при рассмотрении русских сочинительных союзов: одни сочинительные союзы (например, *и*) указывают на нормальный ход событий или нормальное сочетание событий (см. ниже (11а)); другие (в первую очередь, союзы *но* и *а*) — на ненормальный ход событий или ненормальное сочетание событий или признаков — (11б):

(11) а. *Он пошел в булочную и купил хлеб.*

б. *Он пошел в булочную, но не купил хлеба.*

Если-конструкция (10) соотносится с *и-конструкцией* — (11а).

Однако анализ других примеров вскрывает существенное различие между сочинительными союзами и союзом *если* в соотношении смыслов двух частей сложного предложения.

Рассмотрим следующий ряд сочинительных конструкций (примеры под рубрикой *а* указывают на нормальный ход событий или нормальное сочетание событий; примеры под рубрикой *б* — на ненормальный ход событий или ненормальное сочетание событий или признаков):

(12) а. *Меня пригласят, и я приму приглашение.*

б. *Меня пригласят, но я не приму приглашение.*

(13) а. *Морозы бывают, и сильные.*

б. *Морозы бывают, но несильные.*

Замена союзов выглядит, как правило, странно: **Меня пригласят, но я приму приглашение*; **Морозы бывают, и несильные*; **Морозы бывают, но сильные* (см. Санников 1989: 239–241).

Попытавшись переделать сочинительные конструкции (12) и (13) в условные с союзом *если*, мы убеждаемся, что *если-конструкции* соотносятся как с *и-конструкциями*, так и с *но-конструкциями*, допускают прямо противоположные продолжения (!):

(14) а. *Если меня пригласят, я приму приглашение.*

- б. *Если меня пригласят, я не приму приглашение.*
 (15) а. *Если морозы бывают, то сильные.*
 б. *Если морозы бывают, то несильные.*

Сочинительные союзы из двух возможных исходов выбирают один как более естественный, а другой как менее естественный. Союз *если* «абстрагируется от этих тонкостей», допускает два противоположных исхода.

Легко заметить, что в приведенных парах все-таки есть представление о некоей н о р м е. Высказывание *Если я заболею, обращусь к врачу* — естественно и не требует объяснения, однако Смеляков, заявляя *Если я заболею, к врачам обращаться не стану*, отчетливо сознает необычность («брედовость») своего поведения и поясняет далее: ...*Обращусь я к друзьям, / Не подумайте, что я в бреду, / Постелите мне стель...* и т. д.

Как же в примерах этого типа с союзом *если* содержание главного предложения (Y) соотносится с тем, что ощущается говорящими как естественное в описываемой ситуации? Отношения между ними бывают, кажется, трех типов: 1) обычно Y соответствует представлению о естественном (*Если я заболею, обращусь к врачу*); 2) реже Y не соответствует этому представлению (*Если я заболею, к врачам обращаться не стану*); 3) иногда Y — указание на один из множества равновероятных вариантов, ср.: *Если родится мальчик, назовем его Никитой* (Никита — одно из множества возможных мужских имен).

Какой из этих трех типов имеет место, определяется в каждом конкретном случае прагматическими факторами (чаще всего — представлениями говорящего и слушающего о действительности). Формальными показателями отнесения к первому типу (т. е. соответствия Y-а — естественному развитию событий в ситуации X) являются: 1) возможность подстановки во фразу модального слова *естественно* (ср. нейтральную фразу *Если я заболею, естественно, обращусь к врачу*); 2) недопустимость замены *если* союзами *хотя, пусть* (ср. *Хотя <*Пусть> *я заболею, я обращусь к врачу*). Второй тип (т. е. несоответствие Y-а естественному развитию событий в ситуации X) как раз наоборот, противится подстановке модального слова *естественно* (ср. странные фразы ?*Если я заболею, я, естественно, не обращусь к врачу*) и допускает замену *если* союзами *хотя, пусть* (ср. *Хотя* <*Пусть*> *я заболею,*

я не обращаюсь к врачу). Третий тип (Y — указание на один из множества равновероятных вариантов) с трудом допускает постановку модального слова *естественно* (ср. ?*Если родится мальчик, естественно, назовем его Никитой*) и совершенно не допускает замену *если* союзами *хотя, пусть* (ср. **Хотя <Пусть> родится мальчик, назовем его Никитой*).

Таким образом, представление о естественности/неестественности сочетания двух событий, передаваемое в сочинительных конструкциях самим сочинительным союзом, содержится и в большинстве условных конструкций, однако передается оно не союзом *если*, а выводится из смысла предложения, из знаний говорящего о мире.

Значит ли всё сказанное, что союз *если* всегда допускает оба противоположных исхода, которые сочинительными союзами четко делятся на соответствующий и не соответствующий норме? Видимо, нет. Рассмотрим следующие примеры:

(16) а. Если он не знает английский, он не сможет сделать доклад на английском языке, но не:

б. **Если он не знает английский, он сможет сделать доклад на английском языке.*

На первый взгляд, это ограничение представляется само собой разумеющимся, связанным со странностью и парадоксальностью смысла. Это не так: в отличие от условных, сочинительные и уступительные союзы допускают сочетание смыслов, подобное (16б).

Ср.:

(17) *Он не знает английский, но сможет сделать доклад на английском языке.*

(18) *Хотя <пусть> он не знает английский, он сможет сделать доклад на английском языке.*

Фразы странные, но грамматически правильные и вполне допустимы при описании некоторых ситуаций (напр., когда докладчику кто-то другой переведет текст доклада на английский).

И вот тут-то вскрывается глубокое отличие союза *если* от сочинительных союзов. Дело в том, что в (16а) и (16б) ощущается причинно-следственная зависимость компонентов, поэтому здесь допустима замена союза *если* на союз *поскольку* (пусть с некоторым изменением смысла). При замене запрет, естественно, сохраняется, ср.:

*Поскольку он не знает английский, он сможет сделать доклад на английском языке.

Там же, где достаточно заметной причинно-следственной зависимости компонентов нет, допустима замена союза *если* на союз *когда*. И вот здесь-то возможны противоположные исходы. Напомню приведенные выше примеры:

(19) а. *Если ты не справишься с этой работой, тебя будут ругать.*

б. *Если ты не справишься с этой работой, тебя ругать не будут.*

(20) а. *Если меня пригласят, я приму приглашение.*

б. *Если меня пригласят, я не приму приглашение.*

Итак, сочинительные и уступительные союзы предлагают один «раскрой» действительности: на соответствующее норме, естественное (в том числе и более естественное из двух или нескольких исходов) и не соответствующее норме, не-естественное (в том числе и крайне маловероятное); условные (*если, ежели* и др.) — другой, существенно отличный: деление на возможное и крайне маловероятное (в случае причинно-следственной зависимости компонентов).

6. С учетом всего, что было сказано в данном разделе, предлагается следующее толкование союза *если* в его основном, «условном» значении:

Если X, (то) Y = 'Возможно не-X;

Возможно X;

В ситуации X достаточно вероятны ситуации

Y, Y₁, Y₂,... Y_n;

После события X или одновременно с ним имеет место событие Y'

7. Вряд ли кого-то удивит утверждение, что кроме «классических-канонических» немало употреблений условного *если*, которые привносят в конструкцию дополнительный смысл. Это, в частности, интересные конструкции с наложением связей.

Я желаю всей душой, — / Если смерти, то — мгновенной, /если раны — небольшой (М. Исаковский).

Если и рос, то очень медленно, заметно отставая от сверстников (И. Грекова. Маленький Гарусов).

Здесь компоненты связаны условной связью, выражаемой условным союзом *если*, но одновременно они связаны определительной или обстоятельственной связью (*смерти мгновенной; рос очень медленно*).

С подобным наложением связей мы уже встречались при рассмотрении сочинительных конструкций и еще будем встречаться — при рассмотрении конструкций уступительных. Сравним три примера:

(21) *Я тебе всей душой желаю смерти, но мгновенной.*

(22) *Хотя я всей душой желаю тебе смерти, но мгновенной.*

(23) *Я тебе желаю всей душой если смерти, то мгновенной.*

Фразы (21) и (22) близки по значению (о различиях будем говорить ниже). (23) существенно отличается от них именно благодаря тому, что здесь сохраняется условный компонент значения, выражаемый союзом *если*: 'если тебе суждена смерть, желаю, чтобы она была мгновенной'.

Чаще всего это происходит в случаях расширения союза *если* за счет частиц *бы* и *не*. В пунктах 8 и 9 рассмотрим два из этих употреблений, наиболее частые.

8. **ЕСЛИ БЫ.** Конструкции с *если бы* очень интересны и требуют особого рассмотрения. Мы ограничимся тремя краткими замечаниями.

1) Неточно понимание (отразившееся в словарях и грамматиках русского языка), что при описании возможных событий в будущем конструкции с *если бы* синонимичны конструкциям с *если*. Сравним два следующих примера:

(24) а. *Если бы вы приехали завтра, мы пошли бы за грибами.*

б. *Если вы приедете завтра, мы пойдем за грибами.*

Мне кажется, что в (24а) вероятность приезда (по оценке говорящего) существенно меньше, чем в (24б).

2) Конструкции с *если бы*, те из них, которые указывают на не-реальность описываемых событий в прошлом, чрезвычайно интересны в плане прагматическом. Какой, казалось бы, смысл в описании того, что либо вообще не могло произойти, либо могло бы произойти, но не произошло и заведомо не произойдет никогда — «поезд ушел»? Мне кажется, конструкции с *если бы* этого типа решают две основных задачи: 1) дать говорящему возможность «выпустить пар» и/или 2) подействовать на слушающего

и заставить его скорректировать в будущем свои поступки. Анализ материала убеждает в разнообразии и богатстве целей, преследуемых при произнесении ирреальных высказываний. Чаще всего главная часть содержит обоснование своего высказывания, обоснование утверждения, побуждения, упрёка, мнения, содержащегося в придаточном с союзом *если бы*. Ср. след. примеры:

- (25) *Ты бы как сыр в масле катался, если бы не пил-то* (В. Шукшин. Мастер) — обоснование побуждения, просьбы не пить.
- (26) *Если б я сейчас выпил, я не был бы так расщеплен и разбросан* (Вен. Ерофеев. Москва–Петушки) — обоснование просьбы.
- (27) *...дело швах! О, каналья, каналья! Да ведь если бы с апреля месяца он начал бы формирование офицерских корпусов, мы бы взяли теперь Москву* (М. Булгаков. Белая гвардия) — обоснование упрёка.

Зачастую используется прием «доказательства от противного». Ср. два следующих примера обоснования утверждений путем использования конструкции с *если бы*:

- (28) *Нет, у меня нет и гордости. Если бы была гордость, я не поставил бы себя в такое положение* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Смысл высказывания: ‘если есть гордость, человек не ставит себя в такое положение; я поставил себя в такое положение; следовательно, у меня нет гордости’.

Интересный аспект употребления союза *если бы* вскрывает следующая шутка из кинофильма «Блеф»: — *Скажите, который час?* — *У меня нет часов.* — *А если бы были, то который был бы?* Шутка эксплуатирует одно свойство конструкций с *если бы*: обычно они по содержанию совпадают с конструкциями с *если* и отличаются от них только тем, что указывают не на возможные, а на ирреальные события. Ср. след. диалог, вполне обычный:

— *Скажите, в котором часу прибывает поезд из Варшавы?* — *Опаздывает из-за заносов.* — *А если бы не опаздывал, то в котором часу прибыл бы?* — В 9:25.

3) Очень интересны конструкции, где в первой части стоит союз *если бы* (*ежели бы*), а во второй — союз *а то*: *Ежели б она села тут да разговоры слушала, а то* ведь только слюни распустит (А. Чехов. Агафья).

Здесь первая и вторая части не связаны условной связью: пер-

вая часть эллиптическая, и условие относится к чему-то опущенному. Фраза имеет смысл: «Если бы она разговоры слушала, это было бы допустимо, но она только слюни распустит». Тем самым, части связаны противительной связью и были включены нами в часть II, где рассматриваются сочинительные конструкции.

9. *ЕСЛИ НЕ*. Рассмотрим еще один интересный класс употреблений союза *если*. Это союзы ... *если не; если не... то (так)*. Они очень близки по значению и взаимозаменяемы, порядок компонентов X и Y меняется при этом на обратный: Y, *если не X = если не X, то Y* (ср. ниже примеры (29) и (30)).

(29) ...ему следовало спать вовсе не здесь, а, может быть, в людской, *если не на конюшне* близ лошадей (Н. Гоголь. Мертвые души); Эта задача была потруднее, и Сережа застрял на ней *надолго, если не навсегда* (И. Грекова. Кафедра).

(30) Теперь должно было ехать, *если не в отставку, то в отпуск* (Л. Толстой, Война и мир); ...мы, *если не совсем, то хоть наполовину* забудем о текущем, о злобе дня сего (Ф. Достоевский. Дневник писателя, 1881, янв.); ...она права, — подумал он, — глаза у меня, *если и не византийские, то во всяком случае сумасшедшие* (И. Бунин. Митина любовь); ...квартира эта — № 50 — давно уже пользовалась *если не плохой, то во всяком случае странной* репутацией (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Несколько раз мы встречались в гостях у Косяциных и сделали *если не друзьями, то хорошими знакомыми* (В. Солоухин. Похороны Степаниды Ивановны).

Интерпретация этих союзов достаточно сложна. В очередной раз проявляется отсутствие резких границ между значением сочинительных союзов, с одной стороны, и подчинительных — с другой. В словарях — [Ушаков; БАС; МАС; Ожегов] — они определяются как синонимичные союзам *хотя (и) не... но; или... или*. В более ранней работе [Санников 1989] я квалифицировал эти союзы как сочинительные, синонимичные союзу *не... так*. Видимо, все-таки их правильнее квалифицировать как условные: исходный условный компонент значения в них достаточно ощутим.

Как отмечается в [МАС; Ляпон 1988], элемент *не* в конструкциях типа (27)–(29) обязателен, то есть можно было бы говорить о союзе *если не*. Другая важная особенность данных конструкций заключается в том, что союз соединяет обычно не предложения,

а члены предложения. По синтаксическому употреблению и по значению он ближе всего к «градационному» сочинительному союзу *а то и*. Ср. ниже (31) с (32)–(33):

(31) *Мороз если не 20, так 15 градусов.*

(32) *Мороз 20, а то и 15 градусов.*

(33) *Мороз 15, а то и 20 градусов.*

По значению и употреблению они, однако, различаются. Союз *а то и* указывает на разную степень отступления компонентов X и Y от нормы: в (32) мороз оценивается как несильный; напротив, во фразе (33) с обратным порядком компонентов он оценивается как сильный. Поэтому (32) допускает подстановку прилагательного *несильный* (*Мороз несильный — 20, а то и 15 градусов*), а (33) — прилагательного *сильный* (*Мороз сильный — 15, а то и 20 градусов*), но не наоборот (**Мороз сильный — 20, а то и 15 градусов*) (см. Санников 1989: 120–122).

Союз *если не* — в сущности, как справедливо отмечает М. В. Ляпон [1988], также союз градационный. От союза *а то и* он отличается, во-первых, своей односторонней направленностью: *если не* предполагает у м е н ь ш е н и е интенсивности описываемого признака (*Мороз сильный: если не 20, так 15 градусов*), но не его увеличение: фраза *Мороз если не 15, так 20 градусов* не совсем обычна. Во-вторых, в значении этого союза отчетливо ощущается у с л о в н ы й к о м п о н е н т, пусть существенно ослабленный.

Таким образом, значение «градационного *если не*» можно определить следующим образом:

Если не X, <то, так> Y = 'Возможно X;
 Возможно не-X;
 В ситуации не-X непременно имеет место Y;
 X — сильное отклонение от нормы;
 Y — менее сильное отклонение'

Нетрудно заметить, что толкование *если не* существенно отличается от предложенного выше толкования союза *если, и*, возможно, следовало бы говорить об особом значении этого условного союза — *если не* «градационное».

Упор в этой главе сделан на значении союзов и союзных условных конструкций. Бессоюзные конструкции требуют особого рассмот-

рения, и я ограничусь кратким замечанием, касающимся одного, достаточно распространенного типа условных бессоюзных конструкций:

— *Бог с ними... Дадут — дадут, а не дадут — и не надо* (Б. Можжев. Петька барин). (= 'если дадут, так хорошо, а если не дадут — и не надо').

В конструкции явно есть дополнительный смысл: 1) Г считает отрицательный вариант вполне (может, даже более вероятным); 2) не считает неудачу чем-то трагическим и зачастую указывает на шаги в случае этой неудачи: *Сын в МГУ решил поступать. Ну, поступит — поступит, а не поступит — на работу пойдет* (или: *я его в наш Институт устрою*).

Повтор в первой части обязателен, ср. недопустимость **Дадут, а не дадут — и не надо*. Продолжение, указывающее на противоположный исход, также обязательно. Конструкции без уточнения и продолжения выглядят странно. Ср.: *'Сын в МГУ решил поступать. Ну, сдаст — сдаст*

§ 4. «СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ» ЕСЛИ

Кроме основного, словари и грамматики русского языка выделяют т. наз. «сопоставительное» значение союза *если*, представленное в примерах типа:

- (1) *Если в Александровском округе климат морской, то в Тымовском он континентальный* (А. Чехов. Остров Сахалин, МАС).

«Загадочность» этого союза, поражавшая многих исследователей, заключается в отличии его значения от значения основного, условного союза *если*, отличии столь резком, что исследователи, по сути дела, интерпретируют этот союз не как подчинительный, а как сочинительный, синонимичный противительному союзу *а*.

Впрочем, вопреки существующим представлениям, эти два союза (сопоставительное *если* и *а*) не синонимичны и не всегда взаимозаменяемы. А. В. Гладкий различие между ними видит в том, что в сопоставительной конструкции *если X, то Y* первый элемент X — презумпция (нечто, известное не только говорящему, но и слушающему), а Y — сообщение, нечто новое для говорящего; в сочинительной конструкции *X, а Y* — два сообщения (см. Гладкий 1982: 47). Имеющийся в нашем распоряжении материал убежда-

ет в том, что в сопоставительной конструкции *если X, то Y* (точно так, как и в сочинительной конструкции *X, а Y*) мы обычно имеем дело с двумя сообщениями.

Отличия конструкций с «сопоставительным» *если* от противительных конструкций с *а* мы видим в другом. Их, этих отличий, минимум три, и все они унаследованы от «предка» — «условного» *если* и присутствуют, правда, в трансформированном, иногда в очень слабом виде («мерцают»), и в конструкциях с «сопоставительным» *если*. Эти «призрачные семантические блики» сказываются на употреблении «сопоставительного» *если*, и в какой-то форме (в толковании ли, в правилах ли употребления) мы должны их учитывать.

Это, во-первых, «условный компонент» (указание на две возможности), правда, существенно трансформированный и ослабленный. В сопоставительной конструкции (*Если X, то Y*) X — реальное событие, Y — тоже, однако наряду с Y существовала другая возможность. В ситуации, описываемой фразой *Если старшую дочь они назвали Светланой, то младшую Мартой*, другая возможность (пусть неосуществившаяся) — это назвать младшую дочь также русским именем. Конструкция отражает то обстоятельство, что в наивной языковой картине мира сходство считается, видимо, более естественным, чем различие.

В тех случаях, где «иначе и быть не могло», где Y — единственно возможно в ситуации X, сопоставительная конструкция с *если* затруднительна, ср. след. странные фразы:

(2) ?*Если 2 в квадрате — 4, то 5 в квадрате — 25.*

(3) ?*Если это — мой брат, то это — сослуживцы, Виктор и Андрей.*

(4) ?*Если солнце встает на востоке, то заходит — на западе.*

(5) ?*Если это ель, то это — сосна.*

Странность приведенных фраз — не смысловая странность, она связана именно с союзом *если*: постановка здесь союза *а* делает фразы допустимыми:

(2) а. *2 в квадрате равно 4, а 5 в квадрате — 25.*

(3) а. *Это — мой брат, а это — сослуживцы, Виктор и Андрей.*

(4) а. *Солнце встает на востоке, а заходит — на западе.*

(5) а. *Это ель, а это — сосна.*

Сопоставительное *если* употребляется обычно в ситуации, когда компоненты X и Y существенно различаются или даже пря-

мо противоположны по смыслу. Поэтому фраза *Если вчера у больного была температура 36,7, то сегодня 39,2* вполне естественна, а фраза *Если вчера у больного была температура 36,7, то сегодня 36,8* представляется несколько странной, предпочтительнее здесь употребление союза *а*, не ограничивающего разницу между компонентами: она может быть и максимальной (*Вчера у больного была температура 36,7, а сегодня 39,2*), и минимальной (*Вчера у больного была температура 36,7, а сегодня 36,8*).

Иногда это указание на существенность различия между X и Y дублируется, передается не только союзом, но также лексическим составом частей (*Если вчера была отличная погода, то сегодня весь день льет дождь*). Иногда такого дублирования нет, и тогда обычны пояснения. Сравним две фразы:

(6) а. *Старшего сына они назвали Петей, а младшего Колей.*

б. *Если старшего сына они назвали Петей, то младшего Колей.*

Фраза (6а), включающая союз *а*, совершенно обычна и не требует разъяснений — в отличие от фразы (6б), которая представляется слушающему несколько странной. Он понимает, что в каком-то отношении имена Петя и Коля для говорящего принципиально различны, и нуждается в соответствующем разъяснении. Без подобного разъяснения представляется странной и непонятной также и фраза (7):

(7) ³*Если старшего сына они назвали Роландом, то младшего Арнольдом*

— в отличие от фразы (8), которая представляется обычной, допустимой и без дополнительных разъяснений:

(8) *Если старшего сына они назвали Петей, то младшего Арнольдом.*

Фразы с *а* не требуют обоснований, а фразы с *если* предполагают существенное различие между компонентами и обоснование этого различия (там, где характер этого различия не совсем ясен). Фраза *Если старшую дочь они назвали Ольгой, то младшую — Мартой* наиболее естественна в ситуации, когда разница имен специально оговаривается как существенная, «принципиальная», напр., если ей предшествует текст: «Со временем они стали увлекаться всем немецким...»

Грамматика 80 отмечает, что кроме «несходства», «несоответствия» конструкция может обозначать «сходство», «соответствие»

(с. 610–611). Возможно ли, однако, употребление одной конструкции в прямо противоположных значениях? Кажется, в примерах из Грамматики 80, иллюстрирующих «сходство», «соответствие», можно видеть несходство. Здесь тоже есть некое «скрытое противопоставление». Недаром союз *если... то* заменим на союз *а*. Ср.:

Если он владеет мыслью, то формой он тем более владеет (Олеся) vs. *Он владеет мыслью, а формой он тем более владеет*.

Показательно, что многие конструкции с *если... то*, указывающие на сходство, выглядят странно:

Если Коля отличник, то Петя тоже учится хорошо (при нормальном: *Если Коля отличник, то Петя учится неважно*).

Если Коля получил пятерку, то Петя тоже получил пятерку.

Сложнее обстоит дело с примерами, где [Грамматика 80] отмечает «акцентируемую аналогию», например:

Если Горький недавно сказал о том, что эпоха столь напряженного героизма, как наша, не может быть описана приемами реализма, ... то то же, только издали предчувствуя социализм, понял Чернышевский (А. Луначарский). Здесь употребление союза *а* затруднительно. Не сохраняется ли, однако, и здесь элемент если не противопоставления, то сопоставления, сопоставления Горького и его предшественника Чернышевского, реального социализма и его предчувствия?

Отметим еще одно существенное отличие подчинительных конструкций с сопоставительным *если* от сочинительных конструкций с союзом *а* (также унаследованное от условных конструкций): в *если*-конструкции действие придаточного (X) имеет место раньше Y или одновременно с Y, в то время как в сочинительных конструкциях с союзом *а* допустим любой порядок частей. Отсюда шероховатость примера (9) — при полной естественности примера (10):

(9) *Если сегодня весь день льет дождь, то вчера была отличная погода*.

(10) *Сегодня весь день льет дождь, а вчера была отличная погода*.
Для «исправления» примера (9) необходимо изменить порядок компонентов, с тем, чтобы они удовлетворяли требованию временной последовательности, обязательному для условных конструкций с *если* и унаследованному от них сопоставительными конструкциями, ср.:

- (9) а. *Если вчера была отличная погода, то сегодня весь день льет дождь.*

Обратим внимание на одно важное обстоятельство. В (9а) считалось бы естественным сохранение хорошей погоды, тождество компонентов X (вчера) и Y (сегодня).

В результате можно предложить следующее толкование «сопоставительного» *если*:

*Если X, (то) Y = 'Имеет место X;
В ситуации X было естественно событие Z,
тождественное или по смыслу близкое X-у;
Имеет место событие Y, существенно отличающееся от X-а.'*

Несколько примеров из художественной литературы:

- (11) *Если я, выросший в деревне, отмечал потехи ради, чем разнится окрестная природа от среднерусской, он находил, что существенной разницы нет, а все дело в сентиментальных ассоциациях* (В. Набоков. Памяти Л. И. Шигаева).

Если церкви говорят нам об Евангелии, то зоологические сады напоминают нам о торжественном и нежном начале Ветхого Завета (В. Набоков. Путеводитель по Берлину).

Если немногочисленным нашим читателям угрожает голод только литературный, то перед нами стоит и физический (В. Ходасевич. Прежде и теперь).

... если отец умел хранить от сына опасные для себя тайны своего времени, то их уже не хранило само время (А. Битов. Пушкинский дом).

§ 5. УПОТРЕБЛЕНИЯ, ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ МЕЖДУ «УСЛОВНЫМ» ЕСЛИ И «СОПОСТАВИТЕЛЬНЫМ» ЕСЛИ

1. Условное и сопоставительное значения конструкций с *если* — это два полюса. Между ними множество промежуточных случаев. Одно из употреблений, промежуточных между «условным» *если* и «сопоставительным» *если*, занимает настолько большое место, что мы считаем возможным выделить его в качестве особого, третьего значения союза *если* — *если* «у с т у п и т е л ь н о е». Это значение описывается в следующем разделе статьи (§ 6). Здесь же, в пунктах 2 и 3, рассмотрим два более редких, хотя также достаточно интересных употребления промежуточного характера.

2. (1) Были два друга в нашем полку
 Пой песню, пой, <...>
 И *если* один говорил из них «да»,
 «Нет» — говорил другой (В. Гусев).

Мы имеем здесь дело с «условным» *если*: реакция одного из друзей была обусловлена реакцией другого, была противоположна этой реакции.

Интересно, однако, что приведенная фраза близка, с другой стороны, фразам с «сопоставительным» *если*, прежде всего, по синтаксической структуре (ср. характерный для сопоставительных конструкций параллелизм членов, правда, с изменением их порядка). Еще важнее другое: эта фраза и по смыслу может быть понята (пусть это понимание менее естественно) как сопоставительная, со значением: ‘один из друзей всегда говорил «да», другой — всегда «нет»’, — сообщение о покладистости одного друга и несговорчивости другого.

3. (2) *Если в Северном полушарии лето, то в Южном — зима.*

На первый взгляд конструкция (2) близка конструкции (1). Здесь также описываются повторяющиеся события, ощущаемые как резко различающиеся или противоположные: один элемент (неважно какой) берется за точку отсчета, по одному можно судить о другом.

Однако на этом сходство кончается: в (1) между компонентами действительно существует условно-следственная зависимость, а в (2) условно-следственная зависимость лишь «навязывается» компонентам в наивной языковой картине мира. В реальной действительности ее нет: Северное полушарие не определяет время года, стоящее в Южном, и наоборот. Тем самым, (2) — еще один шаг к превращению условной конструкции в сопоставительную. Следующий, казалось бы, небольшой шаг (введение временной характеристики описываемого события) превращает эту переходную конструкцию в чисто сопоставительную:

- (2) а. *Если в июле в Северном полушарии лето, то в Южном — зима*

где первая часть уже не допускает, в отличие от (2), «условного осмысления», указания на две возможности: (2а) ≠ ‘Возможно, в июле в Северном полушарии зима; возможно, в июле в Северном полушарии лето’).

4. Иногда неясно, идет ли речь о реальных событиях (и тогда мы имеем дело с сопоставительной конструкцией), или же о возможных (условная конструкция). Ср. ниже (3) (бесспорно, условная конструкция), с (4) (бесспорно, сопоставительная конструкция) и (5), которая может быть понята и как условная, и как сопоставительная конструкция:

(3) *Если Коля съест яблоко, то Катя — грушу.*

(4) *Если я съел яблоко, то Катя — грушу.*

(5) *Если Коля съел яблоко, то Катя — грушу.*

§ 6. ЕСЛИ «УСТУПИТЕЛЬНОЕ» — ОСОБОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЮЗА?

1. Кроме двух рассмотренных значений союза *если* (*если* «условное» и *если* «сопоставительное»), можно, в согласии с некоторыми словарями и грамматиками (см., напр., МАС), выделить еще одно, достаточно распространенное, которое также можно расценивать как промежуточное между «условным» *если* и «сопоставительным» *если*. Сравним два следующих примера:

(1) *Если Маша и побранила его вчера, то это для его же пользы.*

(2) *Если я и побранил его вчера, то это для его же пользы.*

При внешнем сходстве примеры не совпадают по смыслу. Первый пример можно понимать как обычную условную конструкцию: говорящий не уверен, что событие имело место в действительности¹. Во втором примере минимальное, казалось бы, изменение (замена третьего лица на первое) резко изменило картину: речь бесспорно идет о реальном событии в прошлом — подобно тому, что мы наблюдаем в сопоставительных конструкциях. Однако здесь нет смыслового и синтаксического параллелизма частей, столь характерного для сопоставительных *если*-конструкций.

Легко заметить, однако, что в (2) все-таки еще сохраняется (пусть в очень ослабленном виде) условный компонент. Говорящий не то чтобы не уверен в том, что речь идет о реальном событии, но затушевывает, смягчает его реальность, его важность (хотя брань реально имела место): субъект действия X сделал его неохотно, вынужденно, ответственность он пытается переложить на объект действия или на сложившиеся обстоятельства. Это особенно заметно, если сравнить (2) с соответствующей *хотя*-конструкцией, где реальность

¹ Отвлекаемся от других возможных (но менее естественных) пониманий фразы.

и преднамеренность брани не подвергается сомнению:

(3) *Хотя я и побранил его вчера, но это для его же пользы.*

Конструкция с уступительным *если* сближается по значению не с конструкцией с союзом *хотя*, а с конструкцией типа *пусть..., но...* (см. о ней Санников 2001), и может быть ею заменена без резкого изменения смысла.

2. Видимо, в случаях типа (2) мы имеем дело с особым, третьим значением союза *если*, которое может быть определено как *если* «уступки»:

Если X, (то) Y = 'Имеет место X;
 Было возможно не-X;
 Не следует преувеличивать важность наличия X-а,
 поскольку существенное значение имеет Y'.

Еще пример конструкций этого типа:

(4) *Если мы и победили в войне, то ценой неисчислимых потерь*
 (= 'Была возможна победа; было возможно поражение; мы победили; значение этого факта резко снижается, поскольку слишком высока цена победы').

Следует отметить, однако, что «чистые» конструкции такого типа встречаются не так уж часто. Обычны случаи типа (1), допускающие двойное понимание: либо говорящий не уверен, что брань имела место (и тогда это обычная условная конструкция), либо говорящий знает, что брань, действительно, имела место (и тогда мы имеем дело с «*если* уступки»).

3. Конструкция с *если* «уступки» имеет некоторые синтаксические особенности: 1) придаточное, как правило, препозитивно (ср. «корявость» фразы с обратным порядком частей: *Это для его же пользы, если я и обругал его вчера*); 2) *если* сопровождается обычно частицей *и*; 3) главное предложение включает обычно соотносительное слово *то* (ср. затруднительность опущения *то* во фразе (2) и особенно (4)); 4) в главной части обычно указательное местоимение *это*, соотносящееся со всем содержанием придаточного предложения.

4. Конструкции с *если* «уступки» чрезвычайно интересны также в аспекте коммуникативной значимости частей сложного предложения. Мы уже отмечали [Санников 1989: 151–152], что второй компонент, вводимый союзом *но*, доминирует, является решающим для описываемой ситуации. В конструкциях с «*если уступки*» (как и в конструкциях с союзом *пускай/пусть* (см. о нем ниже гл. 3) это соотношение еще сильнее меняется в пользу второй части: первая часть X (включающая *если* или *пускай/пусть*) объявляется мало-значимой для описываемой ситуации.

Глава 2
КОНСТРУКЦИИ
С СОЮЗОМ
РАЗ¹

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Этот «периферийный» союз достаточно интересен. Не случайно Л. Н. Иорданская посвятила ему отдельную большую статью [Иорданская 1988]. Я существенно опираюсь на эту статью, хотя акценты у меня и у автора этой интересной работы совершенно разные. Л. Н. Иорданская рассматривает союз *раз* в аспекте общей проблемы иллокутивного употребления языковых единиц. Вслед за другими учеными, она говорит об иллокутивном употреблении, когда союз «выражает отношение между смыслом придаточного предложения и актом речи, соответствующим главному предложению» (Иорданская 1988: 239; см. также Падучева 1985: 46–47). Ср. след. пример:

- (1) *Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо* (пример Дж. Остина).

Ср. также шутку: *Жена. Если тебе ночью захочется воды, то вон на столе стакан молока. Муж. Гм!.. А если тебе ночью захочется вина, то вон под столом жестянка с керосином* (В. Вересаев. Невыдуманные рассказы о прошлом).

Очевидно, что в (1) говорящие оговаривают условием не наличие мяса в холодильнике, молока на столе или керосина под столом

---

¹ По тексту статьи [Санников 2001].

(и то, и другое, и третье безусловно есть!), а с о в о й с о в е т. Пафос статьи Л. Н. Иорданской — показать широкое распространение этого явления, и союз *раз* интересует автора, как яркое проявление этого явления: по мнению Иорданской, это союз по преимуществу иллокутивный (см. Иорданская 1988). Чрезвычайно сложный и интересный вопрос об иллокутивном употреблении языковых единиц (в частности, союза *раз*) мы рассматривали в части 1, гл. 3. Здесь будут рассмотрены собственно значение и особенности употребления союза *раз*. При этом выявляется еще один аспект исследования: наблюдение над употреблением союзов (в частности союза *раз*) выявляет связь разных, казалось бы, далеко разошедшихся значений одного слова. Союз *раз* далеко оторвался от «родителей» — соответствующих «основных» единиц, и наблюдение над его значением и употреблением интересно в общетеоретическом плане: оно указывает один из путей возникновения новых значений языковых единиц и выявляет громадную роль прагматических факторов и конкретных употреблений, «расшатывающих» значение языковой единицы и приводящих нередко к созданию новых значений этой единицы, иногда резко отличающихся от исходного. Особенно важно при этом, что эти вторичные значения не «порывают полностью» с основными, исходными значениями, но сохраняют некоторые их компоненты, пусть в модифицированном виде. Приступая к исследованию значения союза *раз*, мы собирались оставаться строго в пределах синхронии, однако в ходе исследования обнаружилось, что объяснение загадочности этого союза, отмечаемой многими исследователями, объяснение странности в его употреблениях нужно искать в его истории. Зная «биографию» и «родственные связи» языковой единицы, легче описать ее значение и можно даже предсказать некоторые особенности ее функционирования. Не следует, впрочем, забывать предостережение Анны Вежицкой от злоупотребления этимологией при изучении значения современных слов, поскольку она (этимология) «может не только снабжать нас полезными отмычками, раскрывающими толкование слова, но и сбивать с толку, предлагая ложные ключи» [Вежицкая 1996: 83].

Казалось бы, не только по синтаксической функции, но и по значению союз *раз* (*Раз* в сердце завелась любовь, надо ее вон (А. Чехов. Чайка)) резко отличается от своих «предков» — существитель-

ного *раз* (*раз, два, три...; пять раз*) и наречия *раз* (*Иду я раз по Тверской...*). Можно, однако, восстановить «мостики», ведущие от одного значения к другому, и нашедшие отражение в значении союза *раз* и особенностях его употребления.

§ 1. О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЮЗА РАЗ

От существительного непосредственно к союзу?

Прямой переход существительного *раз* в союз представляется мало вероятным, поскольку предложения с существительным *раз* (даже сложные) по синтаксической структуре и по значению резко отличаются от предложений с союзом *раз*, ср. (2) и (3):

(2) *Я пять раз приходил к ним, но она уходила из дому.*

(3) *Раз я приходил к ним, она уходила из дому.*

Есть, однако, употребления с существительным *раз*, сближающиеся по значению с союзными конструкциями, — ср. (3), где *раз* — это, бесспорно, союз, со следующим близким по смыслу предложением с существительным *раз*:

(4) *Всякий раз, как я приходил к ним, она уходила из дому.*

Возможно, путь от существительного *раз* к союзу шел от конструкций типа (2) к типичным подчинительным типа (3) — через «промежточную станцию» — конструкции типа (4).

От существительного — через наречие — к союзу?

Вероятнее, однако, предположение, что путь от существительного *раз* к союзу шел через наречие *раз*. Отправной точкой были, возможно, сложные предложения с обстоятельственными группами *один раз* в первой части, типа: *Кто один раз увидел Италию, он любит ее всю жизнь*. Следующим шагом могло быть естественное опущение избыточного числительного *один* и преобразование существительного в наречие: *Кто раз увидел Италию, он любит ее всю жизнь*. Последующее изменение порядка слов (*Раз кто-то увидел Италию, он любит ее всю жизнь*) резко меняет грамматический статус языковой единицы — в сферу действия *раз* включается (кроме глагола) также и подлежащее! Важно, что для этого изменения порядка не нужно было «совершать революцию»: были глагольные конструкции, где наречие *раз* могло стоять перед глаголом, даже иногда в начале предложения. Это конструкции

с деепричастным или причастным оборотом, а также бессоюзные сложные предложения, в состав которых входило наречие *раз*, ср.:

- (5) *Раз* начавши разговор, он уж не прекращал его (А. Чехов. Степь).
- (6) Хребет невысокого кряжа был покрыт не густым, но высоким лесом, и, *раз* взобравшись туда, идти было удобно (Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, по: карт. БАС).
- (7) *Раз* порванные отношения не возобновлялись (Н. Чернышевский, по: Ушаков).
- (8) *Раз* украл, навек вором стал (= 'один раз, однажды') (В. Даль 1978–1980).
- (9) *Раз* прихожу в Институт, иду в аудиторию.

Возможно, именно бессоюзные конструкции типа (8), между частями которых существовала синтаксически не выраженная причинно-следственная зависимость, явились первым шагом по пути преобразования бессоюзных конструкций с наречием *раз* в подчинительные с союзом *раз*: наречие *раз*, начинавшее сложное бессоюзное предложение, приобретало синтаксическую функцию подчинительного союза. Показательно, что (8) допускает разное осмысление: первое, «далевское», в соответствии с которым перед нами бессоюзное предложение с существительным *раз* или с наречием *раз* (= «один раз, однажды»), и другое, тоже допустимое: мы имеем дело со сложноподчиненным предложением с союзом *раз* в причинном значении («поскольку украл»). В подобных употреблениях единица *раз* становилась, наряду с лексическим составом, дополнительным выразителем причинно-следственных отношений между частями, которые формально (синтаксически) не выражались ранее, она приобретала функцию подчинительного союза. После этого стали возможными и такие конструкции, где союз *раз* был единственным выразителем причинно-следственной зависимости между частями сложного предложения, конструкции типа *Раз он живет в Москве, я поселюсь в Петербурге* (при опущении союза *раз* эта зависимость утрачивается, ср.: *Он живет в Москве, (а) я поселюсь в Петербурге*).

Произошло «размежевание» омонимов и в отношении их места в предложении: наречие *раз* располагается, как правило, после своего хозяина — глагола (хотя возможна и препозиция), союз *раз* — в абсолютном начале придаточного предложения.

§ 2. ТОЛКОВАНИЕ СОЮЗА РАЗ

Мы не случайно остановились на возможных путях возникновения рассматриваемого союза. Дело в том, что его происхождение наложило отпечаток на его значение. В значении существительного *раз* и наречия *раз* имеется общий компонент — указание на минимальное количество, единичность, случайность, ср.: *Раз, два, три, четыре; Пять раз; Ни разу; Принудьте себя, сделайте ...раз в жизни доброе дело.* (А. Чехов. Жена); *Он разом нашелся* — «вдруг, мгновенно» (В. Даль 1978–1980); *Раз встречаю я его на Невском проспекте*; ср. также просторечное *Дал ему разá* («Ударил его (один раз!)»). И вот это указание сохраняется, пусть модифицированное, и в союзе *раз*. Рассмотрим след. пример:

(10) *Раз она выпивает, я на ней не женюсь.*

В придаточном *X* описывается явление, явившееся для говорящего неожиданным открытием, изменившим его первоначальные матримониальные намерения (легко заметить, что при замене союза *раз* союзами *если, поскольку, потому что* этот компонент значения утрачивается). В (10) наряду с неожиданностью (унаследованной союзом *раз* от его «предков» — существительного и наречия) естественно присутствует представление о другой возможности, не реализовавшейся, но имевшей бóльшую вероятность, — отсутствие у невесты пагубной склонности к спиртному.

Таким образом, хотя союз *раз* описывает (подобно причинным союзам) реальные события, однако в его значении отчетливо ощущается представление о двух возможностях (что характерно для условных конструкций!)

Этим объясняется «странность» союза *раз*, приведшая к тому, что одни исследователи относят союз к условным (см. Пешковский 1928: 555, 557; Грамматика 1960: 321; Ушаков; МАС), а другие — к причинным [Грамматика 1980: 581–582]. Впрочем, хотя в [Грамматике 1980] союз отнесен к причинным, там делается не вполне соответствующее этой классификации, но очень верное, в сущности, замечание: «Придаточная часть, вводимая союзом *раз*, передает информацию о реализующемся или реализованном условии» [Грамматика 1980: 581]. Л. Н. Иорданская доказывает, что союз *раз* не выражает ни условного, ни причинного значения, и не включает в его толкование ни указание на причинность, ни указа-

ние на условие. Ее толкование рассматриваемого союза (предполагающее два разных значения — неиллокутивное и иллокутивное) имеет след. вид [Иорданская 1988: 264]:

1. *Раз* 1 $Y, X =$ Говорящий считает, что в ситуации Y , которая имеет место, совершенно естественно то, что имеет место ситуация X ;
2. *Раз* 2 $Y, X =$ Говорящий считает, что в ситуации Y , которая имеет место, совершенно естественно то, что говорящий делает высказывание « X ».

Мы считаем, что союз *раз* занимает промежуточное положение, имеет и условное, и причинное значение («условно-причинный», точнее — «причинный с оттенком условного»), поскольку в его значение входят компоненты обоих типов союзов — как условных, так и причинных. Следует отметить, что специфика союза *раз* этим не ограничивается: в его значение входят некоторые важные, не отмеченные ранее, компоненты. Мы можем предложить следующее, сугубо предварительное толкование союза *раз*:

- Раз* $X, (то) Y =$ '1) Было возможно X и было возможно Z , существенно отличное от X -а или даже противоположное ему;
 2) Вероятность X -а существенно ниже вероятности Z -а;
 3) Вопреки ожиданиям, имеет место X ;
 4) В ситуации X естественен Y '.

Комментарии к толкованию

1. Даже там, где союз *раз* употребляется, казалось бы, в чисто причинном значении, ощущается представление о другой возможности, неосуществившейся, но более вероятной. Его отличие от «чисто причинных» союзов малоощутимо, но мне кажется, оно есть. Рассмотрим несколько примеров (попытавшись отвлечься от стилистических различий между союзами *если*, *поскольку* и *раз*):

- (11) *Раз вы не могли ничего добиться, вы, хорошенькая женщина, то что уж делать мне* (Пушк.) [пример из Грамматики 80].
- (12) *Уж если мы родились — ничего не поделаешь, надо немножко пожить.* (Вен. Ерофеев. Москва — Петушки).

В (11) и (12) речь идет о реальных событиях, но здесь отчетливо ощущается представление о другой возможности («была возможность добиться», «мы могли бы и не родиться»). При подстановке союза *поскольку* это представление стирается, между тем как союз *раз* сохраняет (пусть менее отчетливо, чем *если*) это указание на вторую возможность.

Еще пример:

(13) *Поскольку его пригласили, он придет на это заседание.*

(14) *Раз его пригласили, он придет на это заседание.*

В (14) присутствует, по моему мнению, смысл: ‘могли не пригласить’, почти не ощутимый (или, во всяком случае, менее ощутимый) во фразе (13).

Иногда этот «условный» компонент смысла усиливается, и тогда союз *раз* употребляется, как будет показано ниже (см. пункт 5), в чисто условном значении.

Второй компонент толкования отличает союз *раз* и от причинных, и от условных союзов. Это трансформированное указание на единичность, случайность, неожиданность события X, унаследованное союзом *раз* от его «предков» — существительного *раз* и наречия *раз*. Рассмотрим след. пример:

(15) *Раз пришел, садись.*

Вторая возможность (не-приход гостя) не только отчетливо ощутима, но и оценивается говорящим как более вероятная, более естественная, а реальное событие (приход гостя) оценивается хозяином как менее естественное, неожиданное. Отсюда возникновение дополнительного прагматического компонента значения, прозрачный намек гостю, что он мог бы и не приходить (сходное значение мы отмечали и для неоторых конструкций с союзом *если*: *Если пришел, садись*).

Мы сознаём, что в нашем толковании первый элемент (‘вопреки ожиданиям’) компонента 3 — избыточен: он, в сущности, дублирует компонент 2; этим дублированием мы хотели подчеркнуть важность этого компонента значения.

Основная часть третьего компонента значения придаточного с *раз* (‘имеет место X’) определяется в работах Е. В. Падучевой и Л. Н. Иорданской как *п р е з у м п ц и я*, или *п р е с у п п о з и ц и я* (суждение, про которое говорящий не допускает, что его истинность может быть

отвергнута), и как сообщение о данном (находящемся в общем поле зрения говорящего и слушающего) (см. Падучева 1977: 117; Падучева 1985: 113–115; Иорданская 1988: 251–258). Это положение справедливо. Проиллюстрируем его след. примером:

- (16) Замка ломать не пришлось, *раз* его не было.
 (17) Замка ломать не пришлось, *поскольку* его не было, в скобе торчала одна палка (В. Белов. Коч, по: карт. БАС).

В отличие от (17), где не только главное, но и придаточное содержит новое, неизвестное слушающему, во фразе (16) содержание придаточного, вводимого союзом *раз*, презумптивно, известно слушающему (поэтому продолжение *в скобе торчала одна палка* в (17) выглядело бы странно).

Раз говорит о реальных событиях, поэтому нежелательно: *Раз* **взобраться** на холм, можно видеть окрестности, нужно: *Если* **взобраться** на холм, можно видеть окрестности. Язык — формалист: запрещая инфинитивные предложения с союзом *раз*, он допускает употребление союза *раз* в неопределенно-личных предложениях (имеющих, в сущности то же значение, но оформленных как личные): *Раз* **взобрался** на холм, можешь видеть окрестности.

Главное предложение указывает на событие, естественное в ситуации, описываемой придаточным с *раз*.

С этим компонентом смысла мы уже сталкивались при рассмотрении русских союзов (сочинительных): одни союзы указывают на нормальный ход событий или нормальное сочетание событий (ср.: *Он пошел в булочную и купил хлеба; Морозы бывают, и сильные; Маша красивая и умная; Маша некрасивая и глупая*), другие — на ненормальный ход событий или ненормальное сочетание событий (ср.: *Он пошел в булочную, но не купил хлеба; Морозы бывают, но небольшие; Маша красивая, но глупая*). Замена союзов выглядит, как правило, странно: *Он пошел в булочную, но купил хлеба; Морозы бывают, и небольшие; Морозы бывают, но большие; Маша красивая, но умная; Маша некрасивая, но глупая* (см. Санников 1986; 1987; 1989).

Союз *раз* указывает на нормальный ход событий или нормальное сочетание событий, ср.:

- (18) *Раз* человек ошибся, он не может исправиться.

Естественным признаётся в языке развитие событий в том направлении, которое намечено в первой части сложного предложения (см. Санников 1989), т. е., в приведенном примере (18) признаётся естественность (даже, может быть, неотвратимость) дальнейших ошибок. Иное развитие событий союзом *раз* не предполагается (ср. странную фразу *Раз человек ошибся, он может исправиться*). В этом отношении союз *раз* существенно отличается от союза *если*, который не содержит этого компонента смысла и потому допускает противоположные продолжения, ср.:

(19) а. *Если человек ошибся, он не может исправиться.*

б. *Если человек ошибся, он (еще) может исправиться.*

6. Промежуточный характер союза *раз* («условно-причинный») обусловил возможность употреблений, где этот союз имеет условное значение и вводит указание не на событие, действительно имевшее место, а на событие возможное, ср.:

(20) *Раз человек ошибся, он не гарантирован от ошибок и в дальнейшем.*

Раз я кого-то полюбил, я всё для него сделаю.

Поэтому причинные союзы (*поскольку, так как*) выглядели бы здесь странно, между тем как замена союза *раз* условным союзом *если* вполне возможна, ср.:

(21) *Если человек ошибся, он не гарантирован от ошибок и в дальнейшем.*

Если я кого-то полюбил, я всё для него сделаю.

В связи с этим представляется излишне категоричным следующее замечание Л. Н. Иорданской: «Придаточное с *раз* всегда обозначает факт, имеющий место действительности и никогда не обозначает факт, представленный как возможность» [Иорданская 1988: 248].

Мы не считаем, однако, возможным выделять особое («чисто условное») значение союза *раз*, поскольку эта модификация происходит в строго определенных условиях — в случае генерализованной референции или при описании узуальных (повторяющихся) ситуаций.

Глава 3
КОНСТРУКЦИИ
С СОЮЗОМ
ПУСКАЙ / ПУСТЬ¹

*На́ небе звезды, и тихая грусть на земле
Тихое «пусть» прозвучало и тает во мгле.
Это — покорность!..*

(Н. Гумилев)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Иностранцы, да и сами русские, не раз отмечали безропотное принятие судьбы, «непротивление злу», пессимизм, свойственные русским и нашедшие отражение в русском языке. Реже обсуждаются слова, запечатлевшие другие особенности русского национального характера. На одно из них обратил внимание именно иностранец — немецкий канцлер Отто Бисмарк. Читал я где-то, что Бисмарк по пути в Петербург нанял ямщика, но усомнился, что его лошади («больше похожие на крыс, чем на лошадей») могут ехать достаточно быстро. «Ничего-о!» — отвечал ямщик и так понесся по неровной дороге, что Бисмарк забеспокоился: «Да ты меня не вывалишь?». «Ничего!» — отвечал ямщик. Тут сани опрокинулись, и Бисмарк упал в снег, ободрав лицо о пень. В ярости он замахнулся на ямщика стальной тростью, а тот загреб ручищами пригоршню снега, чтобы обтереть окровавленное лицо Бисмарка, и всё пригова-

---

¹ По тексту статьи [Санников 2004].

ривал: «Ничего... ничего-о!». В Петербурге Бисмарк заказал кольцо из этой трости с надписью *Ничего!* и признавался, что в трудные минуты он испытывал облегчение, говоря себе: «Ничего!». Когда «железного канцлера» упрекали за излишне мягкое отношение к России, он отвечал: «В Германии только я один говорю «*ничего!*», а в России — весь народ».

Значение слова *ничего* в его предикативном употреблении можно описать приблизительно так: 'Нечто нежелательное произошло потому, что нам не повезло. Не нужно огорчаться. Не нужно предпринимать особых усилий: жизнь непредсказуема, в будущем нам может повезти'. Этот не пессимистический, а скорее беспечно-оптимистический смысл слова подтверждается и типичными контекстами, в которых оно встречается: *Ничего! Прорвемся!*; *Ничего! Бог не выдаст, свинья не съест!*; *Ничего! Перемелется, мука будет!* и т. п.

2. Здесь мы хотели бы остановиться на значении и особенностях употребления другой единицы, семантически близкой предикативу *ничего!* Это подчинительный союз *пускай/пусть*, который, подобно выражению *Ничего!* и знаменитому русскому *авось*, ярко выявляет особенности русского национального характера, точнее — русского языкового сознания. Частица и в еще большей степени союз скорее оптимистичны! Только один пример:

Если пойдет дождь, мы промокнем до нитки.

Употребление здесь «оптимистического» союза *пускай/пусть* вряд ли допустимо:

??Пусть (даже) пойдет дождь, мы промокнем до нитки
vs. *Пусть (даже) пойдет дождь, мы этого не боимся.*

3. Прежде чем описывать значение и употребление союза *пускай/пусть*, необходимо сделать несколько вводных замечаний формального характера.

1) Признаками союза *пускай/пусть*, отличающими его от соответствующей частицы, можно считать, в частности: а) наличие противительного контекста, вводимого союзами *но, а* или особой интонацией; б) неспособность присоединять частицы, ср.: *Напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки — пусть-ка он их общелкает хорошенько* (Н. Гоголь. Ревизор), но не: **Пусть-ка на улице дождь, мы все равно пойдем гулять*; в) порядок следования частей (предпочтительна препозиция прида-

точного с союзом), ср.: *Пусть мне будет хуже, (но) я не изменю своего решения*. Если союз соединяет не предложения, а члены предложения, ограничение на порядок частей снимается, ср.: *у Веры пусть маленький, но приятный голос; у Веры пусть приятный, но маленький голос; у Веры приятный, пусть маленький голос* (отвлекаемся здесь от различий в значении, см. об этом [Санников 1989: 151–152]).

Тем не менее, по значению, да и по синтаксическому поведению, частица и союз *пускай/пусть* достаточно близки, ср. след. пример, где *пускай* занимает промежуточное положение и сложное предложение может быть разделено на два простых: *Пуškai другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь, – наша жизнь кончена* (Л. Толстой. *Война и мир*, т. 2) vs. *Пуškai другие, молодые, вновь поддаются на этот обман. Мы знаем жизнь, – наша жизнь кончена*.

Именно поэтому мы в ряде случаев, несколько расширяя тему исследования, говорим не только о союзе, но и о частице *пускай/пусть*.

2) Конструкции с *пускай бы (пусть бы)* существенно отличаются по значению от конструкций, не включающих элемента *бы*, ср.: *Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных, но даже и надворных советников, подвержены совершенной простуде, по причине частого сдерживанья шинелей* (Н. Гоголь. *Шинель*). Мы, очевидно, имеем здесь дело с особым союзом, который мы здесь не будем рассматривать.

3) Синонимичность единиц *пускай* и *пусть*, признаваемая словарями и грамматиками русского языка, требует, на наш взгляд, дополнительного обоснования. Смысловой и этимологической близости слов *пускай* и *пусть* (они происходят из форм повелительного наклонения глагола *пускать/пустить*) еще недостаточно для квалификации их как вариантов одного союза или как полных синонимов. Настораживает то, что они не всегда взаимозаменяемы, ср.: *Пусть дана плоскость s и прямая l , пересекающая s* (Учебник «Геометрия»); *Пусть истинна пропорция $a:b = c:d$* (Учебник «Математика», по картотеке БАС) — при недопустимости **Пуškai дана плоскость s ...* **Пуškai истинна пропорция $a:b = c:d$* . Это, казалось бы, позволяет согласиться с теми исследователями, которые определяют частицу и союз *пускай* как разговорные (см., напр., МАС;

Сл. синонимов 1975: 464). Но как тогда объяснить тот факт, что частица и союз *пускай* нередко встречаются в «высоких» (художественных, даже поэтических) текстах? Несколько примеров:

Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пуškai увижу милый взор,
Пуškai услышу голос милый.
(А. Пушкин. К Морфею)

Нет, не похож я на поэта!
Я обманулся, вижу сам.
Пуškai, как он, я чужд для света,
Но чужд за то и небесам.
(М. Лермонтов. Толпе)

Пуškai наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди!
(Н. Некрасов)

Пуškai на нас еще лежит вина,—
Все искупить и все исправить можно.
(А. Ахматова).

Мы склонны считать *пусть* и *пускай* полными синонимами (или вариантами одного союза) и видеть отличие (возможно, единственное) *пусть* от *пускай* лишь в том, что *пусть* закрепилось как штамп в математических и некоторых других научных текстах.

ЗНАЧЕНИЕ СОЮЗА ПУСКАЙ / ПУСТЬ

1. Одной из важных черт русского национального характера многие считают смирение, «непротивление злу». Смирение можно оценивать (и оценивают) по-разному. Достоевский считал, что именно смирение составляет основу величия России; к смирению, «непротивлению злу насилием» призывал Толстой. Однако Горький определяет неактивность, пассивность (вытекающие из смирения) как «нездоровое брожение старой русской крови, отравленной монгольским фатализмом и едва ли не химически враждебной Западу с его постоянным творческим трудом, с его активным и неукротимым сопротивлением злу жизни» (цит. по: Вежицкая 1996: 36). Можно ли, однако, говорить о пассивности, покорности русского народа и противопоставлять его Западу, учитывая опыт по-

следних столетий мировой истории? Не правильнее ли говорить все-таки не о русском национальном сознании, а о русском языковом сознании, которое, естественно, отстает в своем развитии? Итак, будем говорить о русском языковом сознании и его отражении в значении языковых единиц, конкретно — в значении частицы и союза *пускай/пусть*.

Трудно, казалось бы, найти единицу, которая так ярко выражала бы идею покорности, смирения. Ср. стихи Н. Гумилева, взятые нами в качестве эпиграфа к данному разделу; ср. также переключившиеся с ними стихи А. Блока и фразу из рассказа А. Чехова:

Волнуешься, — а в глубине покорный:

Не выгорит — и *пусть*.

(А. Блок. Жизнь моего приятеля).

Захотят убить меня? *Пусть*. Оттого, что я буду защищаться, убийца не станет лучше (А. Чехов. Хорошие люди).

Примерно так оценивается частица и союз *пускай/пусть* в словарях и грамматиках: «...употребляется для выражения примирения с чем-л., принятия чего-л.; ...допущения в значении: допустим, положим, готов согласиться» [МАС].

Многие употребления, казалось бы, подтверждают эту оценку, ср.:

Будучи и моложе, я не хотел сражаться с нашими литературными забияками. *Пусть* их единоборствуют!

(Н. Карамзин — Дмитриеву, 18 февр. 1825).

Пускай весь мир будет на тебя гневлив,
но ты и без счастья довольно счастлив.

(А. Кантемир, по карт. БАС).

Пускай заманит и обманет,—

Не пропадешь, не сгинешь ты,

И лишь забота затуманит

Твои прекрасные черты...

(А. Блок. Россия).

Соблазнительно было бы думать (в частности, на основании приведенных примеров), что в слове *пускай/пусть* отражается «непротивление злу», покорность, пассивность, свойственная русским. Однако это, видимо, не совсем так или совсем не так.

2. С самого началастораживает парадоксальный факт: конструкции с *пускай/пусть* обозначают (кроме смирения) также эмо-

ции прямо противоположного характера — побуждение, а то и повеление, угрозу, ср.:

Пусть он гений-разгений, я ему покажу, как людей обижать! Верно, что категоричность создается здесь не союзом, а контекстом, но важно, что союз *допускает* этот контекст, смыслового противоречия не возникает. Точно такая картина и с частицей *пускай/пусть*. Фраза *Пусть ищут другую квартиру* может обозначать и разрешение, и согласие, и категорическое требование (не касаемся здесь интересной особенности частицы *пусть*: это разрешение или требование передается через слушающего некоему третьему лицу, ср.: *Пусть он приходит завтра*; но не: *Пусть ты приходишь завтра*).

Покажем, что значение русского союза *пускай/пусть* гораздо богаче, чем простое выражение покорности или «примирения с чем-л., принятия чего-л.» [МАС].

3. Смирение предполагает нежелательность описываемого — смиряются с чем-то нежелательным. Во всех приведенных выше примерах союз *пускай/пусть*, действительно, вводит указание на событие, нежелательное для говорящего или субъекта действия. Тем не менее представляется излишне категоричным следующее утверждение Грамматики 1970: «Союз-частица *пусть (пускай)* несет экспрессивно-модальное значение допущения нежелательного или признания реально существующего факта» [Грамматика 1970: 720]. Вряд ли можно говорить о нежелательности или реальности первой части во вполне обычных фразах типа: *Пусть мне удастся поступить в Институт, (но) закончить его я все равно не смогу*.

Таким образом, союз *пускай/пусть* далеко не всегда вводит указание на событие, с точки зрения говорящего нежелательное, и тем самым, далеко не всегда можно видеть указание на смирение в конструкциях с этим союзом. Но самое главное: там, где это указание есть, о каком смирении идет речь, о смирении перед кем, чем?

4. Пусть — смирение перед противником, отказ от борьбы? Можно ли думать, что *пускай/пусть* исключает активные действия говорящего или описываемого субъекта и означает «непротивление злу насилием»? Видимо, нет. Когда князь Святослав говорит (у А. К. Толстого): *Пусть враги нас порубят, побьют, / Пусть обратно добычу отымут, / Но певцы о нас славу споют, / Ибо мертвые сраму не имут*, то это отнюдь не означает отказа от предстоящей борьбы. Напротив, это призыв к борьбе и стремле-

ние оправдать даже худший возможный исход этой борьбы. В этом (и многих других случаях) следует видеть также беспечность, даже бесшабашность, пренебрежение опасностью, желание оправдать эту беспечность доводами, зачастую неубедительными, достаточно надуманными. Событие, указание на которое вводится союзом *пускай/пусть* (даже гибель), объявляется не имеющим большого значения в описываемой ситуации. Показательна в этом отношении следующая сцена из романа А. Фадеева «Разгром»:

Почему он смотрел так пренебрежительно? — подумал Мечик, когда ординарец уехал. — *Пусть* он вытащил меня из огня, разве это дает право насмехаться? (по карт. БАС).

Речь идет о реальном (и достаточно важном для Мечика) событии. Возможный здесь союз *хотя* делал бы это событие более значительным. Говоря *пусть*, Мечик *п р и н и ж а е т* событие, оно как бы совершилось само, а ординарец — лишь орудие высшей силы и оно (орудие) не имеет права относиться к Мечику пренебрежительно.

Поскольку событие, указание на которое вводится союзом *пускай/пусть*, объявляется не имеющим большого значения, не имеет значения и степень его реальности. В стихах Есенина Пускай ты выпита другим, / Но мне осталось, мне осталось / Твоих волос стеклянный дым / и глаз осенняя усталость... речь может идти и о реальном, и о нереальном, предполагаемом событии, — в отличие от конструкций с *хотя*, указывающих на события реальные (Хотя ты выпита другим...) Именно поэтому союз *пускай/пусть* не сочетается с модальными словами, указывающими на степень реальности события, ср.: *Пускай он, вероятно <возможно, наверняка>, поступил <поступит> в Институт, учиться он не сможет — при допустимости соответствующих конструкций с союзом *хотя* и даже *правда*, ср: *Хотя* он, вероятно <возможно, наверняка>, поступил <поступит> в Институт, учиться он не сможет.

5. Пусть — отказ от своего мнения, согласие с собеседником? Тоже вряд ли. Ср.:

Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
 Чтоб, кроме вас, ему мир целый
 Казался прах и суета?

<...>

Нет! нет! *пускай* умен, час от часу умнее,
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос.

(А. Грибоедов. Горе от ума).

Эти обращенные к Софье слова Чацкого ни в коей мере не означают (как и слова князя Святослава) отказа от деятельности — Чацкий до конца будет бороться с Молчалиным за место в сердце Софьи. Нет тут и безропотного отказа от своего мнения — всего за несколько минут до разговора с Софьей Чацкий характеризует Молчалина как «жалчайшее создание». Это — отказ от высказывания своего мнения, отказ от спора. В других уступительных союзах — *хотя* и, тем более, *правда*, которые словари и грамматики ошибочно признают синонимичными союзу *пускай/пусть* (см., напр., Грамматика 1970: 720), этого смыслового компонента нет. При замене союза *пускай* союзами *хотя* или *правда* смысл приведенных фраз меняется, ср.: *Хотя <правда> в Молчалине ум бойкий, гений смелый...* В этом случае Чацкий искренне соглашался бы с чужой высокой оценкой дарований Молчалина или даже сам первый давал бы такую оценку.

Этот отказ от спора объясняется, видимо, не ленью: в этом случае Чацкий ограничился бы второй частью своего высказывания, воздержавшись от обсуждения умственных способностей Молчалина, сказал бы просто: *Есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та? Чтоб, кроме вас, ему мир целый казался прах и суета?*

Дело, нам кажется, в том, что реплика Чацкого, как и многие высказывания, включающие союз *пускай/пусть*, содержит элемент лукавства. Цель говорящего — ценой видимой уступки (изложение без комментариев чужого мнения) сделать собеседника более сговорчивым, способным принять точку зрения говорящего. Это своеобразный торг: я уважаю твое мнение, но и ты не отвергай с порога мое.

Союз *пускай/пусть* отличается от других уступительных союзов тем, что он полностью оправдывает свое название. В самом деле: о какой уступке и кому может идти речь во фразе *Хотя мне очень этого хотелось, я не смог поехать на юг?* Союз *хотя* очень близок здесь по значению к сочинительному союзу *но*, который никто не считает уступительным (ср.: *Мне очень этого хотелось, но я не смог поехать на юг*). А вот союз *пускай/пусть* действительно

является уступительным, его цель — уступка собеседнику, заключающаяся в уважении его мнения и в отказе от спора.

6. *Пусть* — примирение с судьбой? Нам кажется, что если и есть в значении союза *пускай/пусть* смирение, то этот смысловой компонент факультативен, проявляется обычно при описании событий в будущем.

И самое главное — это не смирение перед противником, не отказ от борьбы или безропотное принятие чужого мнения и отказ от своего, это — смирение перед судьбой, безропотное принятие того, что она посылает, призыв не принимать неудачи близко к сердцу. Князь Святослав не откажется от борьбы с печенегами, он смиряется не перед ними, а перед судьбой, их пославшей, и перед любым исходом предстоящей битвы.

Этот важный компонент смысла рассматриваемого союза проявляется и в следующих стихах Есенина:

*Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.*

Есенин говорит о себе, как о ком-то другом. Отчетливо проявляется мысль: «Всё может быть. Как уж судьба распорядится». При замене союза *пусть* союзом *хотя* этот смысл утрачивается.

Впрочем, правильное, видимо, говорить не о смирении перед судьбой, а о примирении с ней (особенно заметно это в конструкциях с частицами). Вот Пушкин размышляет о своей смерти:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

Это совершится и не по воле поэта, но ему приятно сознавать, что он сам это принимает и благословляет. Этим достигается гармония окружающего мира и человека, как будто от него что-то здесь зависело. Убрав союз *пусть* в стихах Пушкина, мы теряем этот важный компонент смысла, который можно расценивать скорее как оптимизм, преувеличение своей активной роли в мире (в то время, как исследователи, в особенности Анна Вежбицкая, настаивают, как мы уже говорили, на пессимизме, пассивномприятии мира, свойственном русскому национальному сознанию).

7. В заключение следовало бы дать толкование анализируемой языковой единицы, однако рассмотрев первый вариант своего толкования, я убедился, что оно, с одной стороны, недостаточно формализовано, а с другой — «безжизненно», игнорирует некоторые важные компоненты смысла рассматриваемого союза, о которых шла речь выше. Поэтому ограничусь приведением структурированного перечня выделенных компонентов смысла союза *пускай/пусть* (среди них есть не только семантические, но и прагматические). Это больше соответствует моему интуитивному пониманию значения этого союза и, надеюсь, окажется полезным при создании в будущем строго научного толкования:

Пускай/пусть X, (но/а) Y =

- ‘1) Реально существует (или возможно) событие X или:
- 2) существует мнение, что для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие X и степень его реальности;
Я не оспариваю это мнение, которое считаю ошибочным или сомнительным, и надеюсь, что будет проявлено внимание и к моему мнению;
- 3) При любых условиях считаю излишним обсуждать событие X и степень его реальности, поскольку для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие Y, не зависящее от наличия, возможности или отсутствия события X’.

Об использовании условных и уступительных конструкций для создания кеномического эффекта см. ниже, ч. V, § 21.

Часть пятая
РУССКИЙ
СИНТАКСИС
В ЗЕРКАЛЕ
ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Хотя, по мнению Шарля Балли, синтаксические средства являются (в отличие от «прямых», лексических) лишь «косвенными выразительными средствами» [см. Балли 1961: 298], однако возможности, тонкости и «причуды» синтаксиса широко используются для создания комического эффекта. Языковая игра (ЯИ) не только иллюстрирует некоторые синтаксические явления, но нередко особенно ярко высвечивает, подчеркивает их. Более того. Зачастую изучение этого «несерьезного» материала позволяет сделать «серьезные», лингвистически содержательные наблюдения, которые могли бы остаться незамеченными. Это, в частности, наблюдения над грамматическим и семантическим согласованием в русской фразе (в частности, согласование по масштабу, не замеченное предшествовавшими исследователями), наблюдения над сочетаемостью языковых единиц и т. д. ЯИ зачастую выходит за границы допустимого и тем самым помогает нам, лингвистам, точнее определить

---

¹ Переработанные разделы из книги [Санников 1999].

эти границы, определить н о р м у.

Трудно указать синтаксическое явление, которое не подвергалось бы обыгрыванию. Впрочем, синтаксические средства характеризуются в этом отношении крайней неоднородностью: наряду с «любимыми» средствами создания комического эффекта (такими, как сравнение, неоднородность сочиненного ряда) имеются структурно важные синтаксические средства, которые, тем не менее, не подвергаются обыгрыванию или подвергаются ему достаточно редко. Это связано с особенностями тех или иных языковых единиц, но, бесспорно, здесь есть и элемент случайности. Указанное обстоятельство определяет состав и строение данной главы. Анализируются явления, нашедшие отражение в большом числе языковых шуток, и наряду с этим затрагивается широкий круг важных проблем русского синтаксиса, которые по указанной выше причине представлены у нас довольно скупо и фрагментарно.

Глава 1

СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. ТЕМО-РЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Темо-рематическая структура фразы обыгрывается сравнительно редко:

- Ты женишься на мне, потому что я унаследовала от тети Норы виллу?
- Что за чушь? Я женился бы на тебе, от кого бы ты ее ни унаследовала.

В первой реплике в рему входит 1-й комплетив (Что наследуется?), а во второй — 2-й (От кого наследуется?).

Еще примеры — где с изменением актуального членения изменяется и синтаксическая структура, и порядок членов предложения:

- (1) — Какой здесь прелестный уголок! Вообще, я от природы без ума.
— Я и раньше замечала, что вы без ума *от природы* (Журн. «Сатирикон»).
- (2) [Чиновник — человеку, ошибочно объявленному умершим] — Для восстановления в живых вам нужно представить официально заверенную справку, удостоверяющую, во-первых, что *покойник не вы*, и, во-вторых, что *вы не покойник* (Вл. Дыховичный и М. Слободской. Воскресение в понедельник).

- (3) — Папа, там, во дворе Розочку насилуют на наших дровах!
— Это не наши дрова.

§ 2. НОМИНАТИВНЫЕ, ПРЕДИКАТИВНЫЕ И АВТОНИМНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Говорящие ощущают различия между номинативным, предикативным и автонимным употреблениями языковых единиц. Их обыгрывание заключается обычно в том, что в качестве номинаций используются группы, имеющие обычно предикативное или автонимное употребление. Чаще всего эти группы вводятся в предшествующем тексте или предполагаются общеизвестными. Нередко они заключаются в кавычки. Синтаксическая функция этих групп может быть различной — подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство. Приведем примеры.

- (1) *Ура, ура, ура! ... Приехал из России какой-то инженер с какой-то своей «не женой». Инженера мы не видели, а «не жена» говорила, что большевизм и до весны не дотянет* (Н. Тэффи. Из дневников ненаписанных).
- (2) *...представьте себе его положение: тут, с одной стороны, так сказать, семга и арбуз, а с другой стороны ему подносят горькое блюдо под названием з а в т р а* (Н. Гоголь. Мертвые души).
- (3) — *С каким я запасом-то в путь вышел, а кончил тем, что весь его по дороге растерял. Сперва «по возможности» действовал, потом на «хоть что-нибудь» съехал* (М. Салтыков-Щедрин. Сказки, Либерал).
- (4) — *Ого!*
— *Что это «ого»? Прошу вас взять назад это «ого». Я не могу допустить никаких «ого»* (И. Горбунов. Общее собрание общества прикосновения к чужой собственности).
- (5) *Выдающиеся события, метеорология, пророчества ... В Зоологическом саду умрут три зверя от «не тетки»* (А. Чехов. Календарь «Будильника» за 1882 год). Обыгрывается пословица *Голод — не тетка*.
- (6) *Я до такой степени свылся с ездой по тракту, что мне теперь как-то не по себе и не верится, что я не в тарантасе и что не слышно дар-валдая* (А. Чехов — Чеховым, 20 июня 1890). Выражение из песни: «...и колокольчик, дар Валдая, звенит

- уныло под дугой».
- (7) *На моем конском заводе плодились и размножались «ах, вы, кони мои, кони», мельницы не стояли без дела (А. Чехов. Добродетельный кабатчик). Шутливое новообразование по типу «Ах вы, сени мои, сени».*
- (8) *Знойное «после обеда». На кушетке в гостиной полулежит барышня лет восемнадцати (А. Чехов. Козел или негодяй?).*
- (9) [Разговор влюбленных] — *О, солнце мое! И я с вами. И впервые, вероятно, за время существования солнечной системы, с солнцем было поступлено так фамильярно: оно было поцеловано в сгиб руки у локтя (А. Аверченко. Актриса).*
- (10) *Он украдкой, будто случайно, прикоснулся к ее руке и спросил бархатным баритоном:*
 — *Ну, что же мы, мое солнышко, будем кушать?*
 — *Ах, вашему солнышку решительно всё равно. Что хотите (А. Аверченко. Женщина в ресторане).*
- (11) Я отвечаю спокойно,
 Что водка у нас —
 Социальное зло
 И мне выпивать непристойно.
 Они ж не пускают меня от стола:
 Чего нагоняешь, мол, страху?..
 И чайный стакан социального зла
 Я выпил с единого маху.
 (М. Исаковский. Записка председателя).
- (12) — *Подсматривать подло, а пересказывать низко, гнусно и мерзко... Полагаю, что вы, как честный и благородный человек...*
 — *Дайте рубль, тогда не скажу!* — сказал благородный человек. — *А то скажу.* (А. Чехов. Злой мальчик).
- (13) *Вон — справа, у окошка — сидят двое. Один такой тупой-тупой и в телогрейке. А другой такой умный-умный и в коверковом пальто ... Тупой-тупой выпьет, крикнет и говорит: «А! Хорошо пошла, курва!» А умный-умный выпьет и говорит: «Транс-цен-ден-тально!» (Вен. Ерофеев. Москва — Петушки).*
- (14) *Звонок в дверь. Малыш открывает дверь и видит на пороге жениха своей взрослой сестры. «Люба, — кричит он ей, — твоя «синица в руках» пришла!»*

§ 3. ЛОЖНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ СОБЫТИЯМИ

Нередко говорящие обыгрывают возможность установления ложной связи между двумя событиями, в действительности независимыми:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
 Боком одним с образцом схож и его перевод
 (А. Пушкин. К переводу Илиады).

Пушкин добивается комического эффекта, намекая, что неполное сходство физического недостатка Гомера и Гнедича обусловило неполную близость перевода «Илиады» с образцом. Еще примеры ложной связи между событиями:

- (1) *Своему приятелю Никита Никитич [Всеволожский] телеграфировал в Светлое Христово Воскресение из своего финляндского имения: «Христос Воскресе! Подробности письмом» («Исторические люди...»).*
- (2) *Богатые залежи мрамора, годного для памятников, естественно, породили в Афинах славных мужей и героев (Н. Тэффи. Древняя история).*
- (3) *Грибы имеют форму зонта потому, что растут в дождливую погоду (Эмиль Кроткий).*
- (4) — *Невеста в день свадьбы одевается во все белое, потому что это для нее самый радостный день.*
 — *Тогда я понимаю, почему жених одевается во все черное,— говорит Рабинович.*
- (5) Крестьянин приехал в город покупать корову. Торговец велосипедами уговаривает его: «Купите лучше велосипед! Подумайте, как глупо Вы будете выглядеть, когда въедете в деревню верхом на корове!» — «Да, но я боюсь, что еще глупее я буду выглядеть, когда буду доить велосипед!».
- (6) — *Бабушка, дай напиток, а то так есть хочется, что даже ночевать негде!* — причинные связи устанавливаются между семантически независимыми единицами: нейтральной была бы сочинительная конструкция *Бабушка, дай напиток, поесть и переночевать.*

Говорящие в ряде случаев обыгрывают неопределенность диалога: вторую реплику можно понимать и как связанную с первой, и как независимую:

- (7) *Генрих IV и Сюлли прогуливались по Монмартрским холмам. Поворотясь спиной, король смотрел между ног на Париж: «Посмотри, Сюлли, сколько домов рогоносцев!» Сюлли принял такое же положение и сказал: «Государь, я увидал Лувр!»* (Энцикл. весельчака).

§ 4. ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Комическое впечатление производят фразы, где в роли подлежащего — субъекта высказывания выступают животные, мертвые, растения, неживые предметы:

- (1) [Алкивиад] бегал как сумасшедший, развивая невероятную скорость и сокрушая все на своем пути. Бесхвостая собака еле попевала за ним и на пятнадцатом перегоне сохла (412 г. до Р. Х.). Над ней стоит памятник, на котором Спартанцы начертали лаконически: «*Странник, я сохла*» (Н. Тэффи. Древняя история).
- (2) Э п и т а ф и я. Прохожий! Я дома, ты — в гостях!
- (3) Рисунок: лев показывает носорогу на легковую машину с туристами: — *Открой-ка мне эту жестянку с мясными консервами!*
- (4) [В «Книге о пародии» В. Новикова упоминается эпизод из жизни поэта Ивана Мятлева, который, желая обезопасить себя от пропажи шляпы, вложил внутрь шляпы стихи, написанные от ее имени]:
- Я Мятлева Ивана,
А не твоя, болвана.
Свою ты прежде поищи!
Твои, я чай, пожиже щи.
- (5) ...ему [Николаю Аполлоновичу] принес посыльный записочку; *неизвестный почерк* ему назначал свидание в Летнем саду. А подписано было «С» (А. Белый. Петербург).

В целом, подобные случаи все-таки достаточно редки. Даже существительные, обозначающие средства и каналы связи, в роли говорящих необычны. Ср.:

- (6) Позвонила взволнованная дама, стала требовать Римского, ей посоветовали позвонить к жене его, на что *трубка, зарыдав, ответила*, что она и есть жена и что Римского нигде нет (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). [Телефон

(и телефонная трубка) могут *молчать, звонить, хрюкать, шипеть, но не рыдать*].

Необычно (и производит комическое впечатление) использование имен, имеющих конкретно-референтный статус, вместо имен с родовым статусом:

- (7) ...однажды Гаррис оскорбил патриотические чувства Джорджа, предложив ввести в Англии гильотину. «Это гораздо гигиеничнее», — заметил Гаррис. «А мне плевать, — вспыхнул Джордж. — Я англичанин и *хочу умереть на виселице*» (Джером К. Джером. Трое на четырех колесах) [нейтральным было бы высказывание: *Англичане предпочитают умереть на виселице*].

§ 5. СКАЗУЕМОЕ

Необычно использование в качестве сказуемого так наз. служебных слов — частиц, междометий и т. п.:

- (1) — *На Западе — не торгоши, не циники, не подлецы. — Эге!*
— *Ничего не — эге. А двухтысячелетняя христианская цивилизация, это тоже — эге? А французская революция — это эге? А Паскаль, Ренан — эге?* (А. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус).

Смысловое различие между именительным предикативным и творительным предикативным хорошо иллюстрируют след. (однотипные) шутки:

- (2) [Разговор бродяги с судьей]: — *Ваша честь, этот человек имеет на меня зуб. Когда я был слепым, он таскал медяки из моей миски, а когда я был хромым — удрал вниз по улице с коробкой моих карандашей.*
- (3) [Паниковский — Шуре Балаганову]: — *Поезжайте в Киев и спросите там, что делал Паниковский до революции. Обязательно спросите! ...Поезжайте и спросите! И вам скажут, что до революции Паниковский был слепым* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

Любопытно, что замена творительного падежа на именительный (когда я был слепой, когда я был хромым) не приводит к замене временного признака на постоянный (как это обычно происходит — см., напр., Селиверстова 1982: 143–146; Булыгина, Шмелев 1997: 60). В приведенных примерах такая замена изменила бы

значение фраз и снизила бы комический эффект: слепота и хромота из воровских ухищрений превратились бы в естественное состояние, может быть, результат болезни.

- (4) [Разговор «пикейных жилетов»] Три минуты он беззвучно двигал губами, а потом добавил: — Гувер — это голова. И Гинденбург — голова. Гувер и Гинденбург — *это две головы* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

В составе именного сказуемого количественные числительные, видимо, не могут сочетаться с существительными с переносным значением (фраза *Гувер и Гинденбург — это два гения* допустима).

Конструкции типа *всё молчало*, близкие по значению к безличным, допустимы и при описании людей — но в с определенными ограничениями. Ср.:

- (5) [К художнику Лугину является привидение] *...дверь отворилась настежь, в ней показалась фигура, в полосатом халате и туфлях: то был седой, сгорбленный старичок <...> он сел у стола против Лугина, вынул из-за пазухи две колоды карт ... «Что вам надобно?» — сказал Лугин с храбростью отчаяния. Под халатом вздохнуло* (М. Лермонтов. Штосс).
- (6) *Всё стояло, всё молчало, всё выжидало: немного подальше зашептало; немного поближе захохотало* (Ф. Достоевский. Двойник).

В последнем примере три первых конструкции (до двоеточия) выглядят достаточно естественно и привычно — в отличие от двух последних. Причин, видимо, две: 1) семантика глаголов (*зашептать* и *захохотать*); 2) наличие во второй части фразы пространственных характеристик (*немного подальше — немного поближе*):

§ 6. МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ

Значительные возможности для ЯИ возникают в связи с моделями управления слова.

Неграмотное нарушение модели управления особого интереса не представляет — за исключением случаев, когда это нарушение используется в стилистических целях, напр., для создания речевого национального колорита. Приведем два примера из «Одесских рассказов» И. Бабеля:

- (1) — *Папаша, — ответил Король пьяному отцу, — пожалуйста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей.*

(2) — *Что сказать тете Хане за облаву?*

— *Скажи: Беня знает за облаву.*

Достаточно редки примеры необычного выражения зависимого члена предложной конструкции (вместо отглагольного существительного ставится инфинитив):

(3) — *Об чем я думаю? Об выпить рюмку водки, об дать кому-нибудь по морде, об иметь немножко удовольствия с моей супругой* («Чукоккала». И. Бабель).

(4) — *Скажите, Максудов, а ваш роман пропустят? — Ни-ни-ни! — воскликнул пожилой литератор, — ни в коем случае! Об «пропустить» не может быть и речи* (М. Булгаков. Театральный роман).

Необычное заполнение валентности можно проиллюстрировать следующими примерами (с краткими комментариями):

(5) — *Вы только поглядите, старичок какой! Фигура какая самобытная, интересная! Как это мы будем такими старичками бросаться?* (А. и Б. Стругацкие. Сказка о тройке).

Бросаться X-ом. X — обычно указание на социальный статус (профессия, звание и т. п.) — *бросаться опытными специалистами, учителями, женихами*, но не возрастные характеристики (**бросаться старичками, старушками*), не названия животных (**бросаться кошками*) и, тем более, не названия предметов (**бросаться утюгами, помидорами*); последние сочетания грамматически правильны, но относительно другого смысла.

(6) Фалалей никак не мог догадаться солгать, просто сказать, что видел ... например, карету, *наполненную дамами и Фомой Фомичем* (Ф. Достоевский. Село Степанчиково...).

Фраза, бесспорно, аномальна, но эта аномальность, видимо, не связана со смыслом и имеет чисто синтаксическую природу: предикат *наполняться* (или *заполняться*, более обычный в этом значении в современном языке) характеризуется чрезвычайно жесткими сочетаемостными ограничениями; при нейтральном использовании он недопустим в контексте существительного в ед. числе (ср. приведенный пример (6), а также: **Фургон наполнен (заполнен) Мишей, Петей, Ваней и Катей* <**директором, экскурсоводом и туристами*>) Здесь обязательно множ. число существительного, напр.: *Фалалей ... видел карету, наполненную дамами; Фургон (до отказа) наполнен учениками старших классов <спортсменами и крестья-*

нами, едущими на базар», причем это существительное — не личное местоимение (ср.: *Фургон наполнен нами <ими>).

(7) [Разговор детей]: «Кто с вами живет?» — «Азор и бабушка. Азор у нас уже пять лет, а бабушку держим еще дольше».

Подчеркивается зависимость, неравноправие объекта (держат обычно животных, слуг, вряд ли преподавателей и гувернеров, ср.: *Держим преподавателя французского языка).

(8) Троглодитов. Чиновника государственной службы так осрамить!.. Отечеству служил верой-правдой <...> до геморроя дослужился... (Н. Евреинов. Кухня смеха).

Дослужиться до X-а. X — указывает обычно на повышение социального статуса описываемого лица, получение им за длительную и плодотворную трудовую деятельность более высокого чина, звания, ордена и т. п. (Дослужился до генерала, ведущего научного сотрудника, Владимира I степени). Однако почетные звания и ученые степени в этой конструкции вряд ли возможны (ср.: ?Дослужился до академика, до доктора филологических наук), да и не до всякого ордена можно дослужиться: так можно дослужиться до ордена Трудовой славы, до Героя социалистического труда, но не до ордена Боевого красного знамени и не до Героя России.

(9) Милый друг Виктор Александрович, в настоящее время я лежу в постели и занимаюсь кровохарканием (А. Чехов — В. А. Гольцеву, 11 дек. 1901).

(10) Уже крокодил
У Фомы за спиной.
Уже крокодил
Поперхнулся Фомой.
Из пасти у зверя
Торчит голова...

(С. Михалков. Фома).

Интересны в рассматриваемом отношении глагол *нуждаться* и его синоним — сочетание *испытывать недостаток*. Ср. след. шутку:

(11) [Об умершей жене] — Анджела ни в чем не испытывает недостатка. Я имею в виду памятник, мессы, надгробные цветы (И. Тердзольи и Э. Вайме. Ночь в Венеции).

Глагол *нуждаться* и сочетание *испытывать недостаток* вполне допустимы при описании животных (*Кошки нуждаются в витаминах*), растений (*Огурцы нуждаются в поливе*), предме-

тов (Земля нуждается в удобрениях; Часы нуждаются в ремонте; Солнце нуждается в дополнительных исследованиях). Даже могила нуждается в уходе. Только умершие ни в чем не нуждаются — умершие, но не трупы. Поскольку *труп* — существительное неодушевленное (ср. *вижу труп*, не: *трупа*), оно может сочетаться с глаголом *нуждаться*. Фраза *Трупы нуждаются в погребении*, видимо, допустима.

С глаголом *застревать* сочетается, в частности, указание на часть тела (*колючка застряла в волосах; стрела застряла в ноге*), но не указание на живое существо. Ср. след. шутку:

(12) — Миссис Джоунс, пожалуйста, не отдадите ли вы мою стрелу?

— Конечно, мой милый, — отвечает старушка. — А где же она?

— Я думаю, она застряла в вашей кошке.

А. Измайлов отмечает в стихах С. Надсона интересный пример, когда прямое и косвенное дополнения поменялись местами:

У Надсона в «Мечтах королевы» ... в душевной нише она стоит королева и мечтает о юноше. «О, ты знаешь, с каким бы блаженством всех их я тебе одному предпочла» ... Королева зарпортовалась и говорит совсем не то, что хотела бы сказать .... Не всех их — тебе одному, а уж, конечно, тебя одного всем им, — иначе и мечтать не о чем (А. Измайлов. Пятна на солнце).

Интересно, что ошибка королевы (точнее, ошибка С. Надсона) не бросается в глаза и без подсказки Измайлова могла бы остаться незамеченной.

(13) *На днях, увидя в окошко осень, селя в тележку и прискакал во Псков (А. Пушкин — В. А. Жуковскому, 6 окт. 1825).*

(14) *Лет тридцать тому назад, в вербное воскресенье, в день именин старухи-вербы, старик сидел на своем месте, глядел на весну и удил... (А. Чехов. Верб).*

Нормальным было бы «уменьшение масштаба»: *увидя падающие листья; глядел на расцветающую природу* (подробнее о согласовании по масштабу см. ниже, с. 506—512).

(15) *Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растет, а у меня не растет», — частенько говаривал Пушкин, показывая*

ногтями на Захарьина. И всегда был прав (Д. Хармс. Анекдоты из жизни Пушкина).

Ситуация показывания одним человеком на кого- или что-либо предполагает какое-то орудие (*указкой, палкой*) или часть тела (*рукой, пальцем*), но «уменьшение масштаба», упоминание здесь ногтей или суставов пальца нарушает согласование по масштабу.

Нередко встречается необычное употребление единиц измерения:

- (16) [Железнодорожный служащий спрашивает у знаменитого тенора]:— *И сколько же Вам платят?*— *Одна нота, вот такая,*— *певец взял один из высоких звуков, которые принесли ему славу,*— *стоит пятнадцать фунтов стерлингов.*— *Маэстро, а я в год зарабатываю четыре ноты!*
- (17) *Молодой человек входит в большой ювелирный магазин на улице Риволи.* — *Сколько стоит это кольцо?* — *Десять тысяч.* — *Черт! А вот это кольцо?* — *Два черта, месье!*
- (18) [Гаишник — водителю]: *На этом участке максимальная скорость — 60 км. Вы превысили скорость на 100 рублей.*

Встречается иногда обыгрывание неинформативности зависимых членов, в частности, использование неопределенных местоимений:

- (19) Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.
- (20) *Назвался кой-чем — полезай кой-куда* [шутливая переделка пословицы *Назвался груздем — полезай в кузов*].
- (21) *Пусти кой-кого кой за что, так он и кой-что на кой-что* [«Пусти свинью за стол, так она и ноги на стол»].

§ 7. СИММЕТРИЧНЫЕ ПРЕДИКАТЫ

Симметричные предикаты типа *равняться* (ср. *А равняется В = В равняется А*) строго симметричны лишь при равноценности, равнозначимости сопоставляемых объектов. В противном случае уравнивание объектов аномально и производит комический эффект:

- (1) *Был самолюбив. Давая свой адрес, говорил: «Памятник Пушкину стоит как раз против дома, где я живу»* (Эмиль Кроткий).
- (2) *Старый генерал Шестаков ... не знавший в лицо императрицы Екатерины II, был впервые представлен ей. Екатерина долго милостиво с ним беседовала и, между прочим, в разговоре заметила, что совсем его до сих пор не знала. «Да и я, матушка-царица, не знал вас», — наивно и добродушно ответил старый воин. — «Ну, меня-то, бедную вдову, где же знать!» — со смехом сказала императрица* (Всемирн. остроумие).
- (3) Пишу письмецо для вас
 Прямо из самого Рима.
 Рим — это, знаете, город такой,
 Около города Пармы.
 (А. Архангельский. Письмо тете. Пар. на И. Уткина)
- (4) — *Вы Берлиоза знаете?* — *спросил Иван многозначительно.*
 — *Это... композитор?*
Иван расстроился.
 — *Какой там композитор? Ах да, да нет! Композитор — это однофамилец Миши Берлиоза!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

§ 8. КОМИТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Комитативные конструкции обыгрываются не так уж часто. Отмечается, в частности, недопустимость комитативной конструкции *X с Y-ом*, если *X* и *Y* резко отличаются по своему статусу или по роли в описываемой ситуации, ср.:

- (1) *Маленький червячок, плача, спрашивает мать: — Мама, мама, а где наш папа?* — *Замолчи. Папа ушел с мужиками на рыбалку* (Анекдоты от Никулина).
- (2) Поэт. *Моя муза помогла мне изыскать пятьсот восемь пар великолепнейших рифм, ваше величество...*
 Король. *Ваша муза вечно отстаёт от событий. Вы с ней только и умеете что просить то дачу, то домик, то корову. Черт знает что! Зачем, например, поэту корова?* (Е. Шварц. Голый король).

- (3) *Если встречается Кошка с Собакой,
Дело обычно кончается дракой.
Если Собака с Кошкой встречается,
Дело, как правило, тем же кончается!..*
(Б. Заходер. Сказка про всех на свете).

§ 9. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ И АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

1. Определения (особенно согласованные) используются в ЯИ довольно часто: вместо одного, нейтрального определения используется другое (иногда мало информативное или даже приводящее к тавтологии):

- (1) *Всё это дело вышло из-за, царствие ему небесное, мертвого трупа ... Разгоняю я народ, а на берегу на песочке утопленный труп мертвого человека* (А. Чехов. Унтер Пришибеев).
- (2) *Наталья Петровна (Верховскому). Да, я должна вам отдать книги (передавая книги) Синяя мне понравилась, а желтая — нет.*
Верховский. *Я буду носить только синие* (В. Шкваркин. Весенний смотр).

Внешний несущественный признак (цвет книги) принимается в (2) за основной.

Интересно употребление прилагательных, указывающих обычно на отрицательный признак, в прямо противоположном значении:

— Ваша мама ужасная красавица, — покраснев, говорит Люня. — Моя мама тоже ужасная красавица, но ваша еще ужаснее (Н. Тэффи. Летом).

Эту особенность данного прилагательного использует Г. Сапгир в стихотворении «Людоед и принцесса», где реплики людоеда включают прилагательные-антонимы, но имеют одно значение, синонимичны:

*Аппетит, — говорит, — ужасный...
Аппетит, — говорит, — прекрасный...*

2. Рассмотрим несколько случаев нарушения чисто синтаксических правил построения русской определительной конструкции. Одно из подобных нарушений заключается в совместном использовании в одном словосочетании несочетающихся прилагательных или местоимений, ср.:

- (3) [Впечатления маленькой девочки] *В небольшой, полутемной клетушке около стола стоял огромный, раза в три больше моего человеческого роста, мужик в кожаном армяке* (Н. Тэффи. Ведун).
- (4) [Прохожий вступает за старушку] — *Нельзя же так кричать и командовать на глазах у публики. Это унижает ейное старушечье достоинство* (М. Зощенко. Гримаса нэпа).
- (5) [Врач — больному] *...вы неожиданно стали поправляться. И теперь, говорит, если вы не заразитесь от своих соседних больных, то, говорит, вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением* (М. Зощенко. История болезни).
- (6) — *А мы как раз проектировали с Громовым: я оставляю дома все свои деньги, Громов всю свою жену, забираем тебя и идем в наш старый притон «Золотой якорь»* (А. Аверченко. Подходцев и двое других).

Необычны некоторые сочетания двух прилагательных, ср.:

- (7) *Преддиванный стол, покрытый бывшей белой скатертью, украшался разбитым стаканом с высохшими остатками чаю* (А. Аверченко. Люди).

Прилагательное *бывший* может определять существительное (*бывший актер*) или целое именное словосочетание (*бывший | белый офицер*), но не другое прилагательное.

3. Нередко нарушаются правила сочетаемости того или иного конкретного определения с определяемым существительным. Так, прилагательное *чужой* может сочетаться с существительным *вещь*, но не с близким по смыслу существительным *предмет*, ср. ниже (1); прилагательное *любимый* — с параметрическим существительным *цвет*, но не *объем*, *размер*, ср. (2); прилагательное *средний* — с существительным *упитанность*, но не с существительным *начитанность* — ср. (3):

- (1) — *Ты, — говорит, — чужие предметы руками не тронь, а то, говорит, я сам за себя не отвечаю* (М. Зощенко. Чертовинка).
- (2) [Разговор ослика Иа-Иа с Винни-Пухом о лопнувшем воздушном шарике] «...какого цвета он был, когда... когда он был шариком?» — «Красного». — «Подумать только! Красного... Мой любимый цвет, — пробормотал Иа-Иа про себя. — А какого размера?» — «Почти с меня». — «Да? Подумать только,

почти с тебя!.. Мой любимый размер!» (А. Милн. Винни-Пух и все-все-все, пересказ Б. Заходера).

- (3) *Человек средней упитанности и начитанности* (Э. Кроткий).
...застаю за секретарским столиком кудреватую девицу выше-среднего возраста (Л. Леонов. Русский лес, 10; пример взят из: [Земская 1959: 276]).

Сочетания *среднего возраста*; *выше-среднего роста* вполне нейтральны.

- (4) *И был тот помещик глупый, читал газету «Весть» и тело имел мягкое, белое и распычатое* (М. Салтыков-Щедрин. Сказки. Дикий помещик).

- (5) [О поэте-колхознике]

Вечера у розы
 Проводил не раз,
 Пропливая слезы
 Из колхозных глаз...

(М. Исаковский. О некоторых деревенских поэтах)

Глаза могут быть *детские*, *стариковские*, *мужицкие*, *крестьянские*; может быть, *женские*, *дворянские*; но не *колхозные*, *совхозные*, *школьные*, *студенческие*.

- (6) Лишь горелки привлекли
 Взоры жителей столицы:
 Чуть касаяся земли
 Пробежали две девицы.
 «Знаешь, что я предложу?
 Дернем ставку небольшую -
 Я за рыжую держу». — Ну, а я за... вороную.
 (Журн. «Шут»).

- (7) *При сем письмо к Жуковскому в треугольной шляпе и в башмаках* (А. Пушкин — П. А. Плетневу, 7 мар. 1826).

О стиле письма Пушкин говорит, как о человеке.

- (8) *Самым старым лицом здесь была утлая бабушка Норк.*
Ей было уже восемьдесят три года (Н. Лесков. Островитяне).

В основе этого приема лежит сравнение: употребляя вместо выражения *дряхлая бабушка* выражение *утлая бабушка*, Лесков вызывает в представлении читателей сравнение бабушки со старыми, пришедшими в негодность предметами (напр., с утлой лодкой).

- (9) [После бомбежки] Она очнулась — где Сережа? ... Кто-то видел, как тушили горевшего мальчика (Т. Толстая. Спи спокойно, сынок).

Тушить горящий столб, дерево, манекен — можно; горящее животное или человека — нельзя: допустимы лишь описательные формулировки типа *сбивали пламя*.

- (10) *Гадкие, низкопробные мальчишки* (И. Ильф. Записные книжки).

- (11) ...*появились также на Невском беспокойные выкрики противоправительственных мальчишек, несшихся, что есть дух от вокзала к Адмиралтейству и махавших красного цвета журнальчиками* (А. Белый. Петербург).

- (12) *Водолаз Филиппов ... был ужасно здоровый дьявол. А студент был, конечно, мелковатый, непрочный субъект* (М. Зощенко. Рассказ о студенте и водолазе).

- (13) *Подошла к трамвайной остановке женщина. Лицо совсем раздетое: как ругалась в кухне с соседками из-за коптящего примуса, таким лицо и осталось. Нужно же одевать лицо, когда выходишь на люди!* (В. Вересаев. Невыдуманные рассказы о прошлом).

- (14) *Я никогда не забуду того талера, которым вы спасли от голода меня и мою покойную обезьяну!* (А. Чехов. Признательный немец).

Нужно: *сдохшую* или *умершую*.

- (15) *Дети от 0 до 5 лет* (В. Ардов).

Столь же странно выглядят выражения типа *Моей дочери 5 лет, а сыну 0 лет*, тогда как сочетания типа *Температура от 0 до 5 градусов; Вчера было 5 градусов, а сегодня 0; Расстояние от 0 до трех метров* вполне допустимы.

Любопытна в этой связи шутка И. Иртеньева:

Когда родился я на свет,
 Не помню от кого,
 Мне было очень мало лет.
 Точней, ни одного.

Аномально присоединение *то*-местоимений, которые могут указывать на “несоответствие, отклонение от некоторой нормы, от позитивного сценария событий” [Николаева 1983: 344], где описывается как раз полное соответствие норме:

- (16) *С какой-то грустью смотрел я на покойника* (пример из указанной работы Т. М. Николаевой).

Другой распространенный вид обыгрывания неопределенных местоимений — невежественное (или шутовское) употребление их по отношению к общеизвестным предметам или лицам, ср. (17)–(18):

- (17) Раньше / уважали / исключительно / гениев.
Уму от / массы / какой барыш?
Скажем, / *такой* / Иван Тургенев
Приезжает / в *этакий* Париж...
(В. Маяковский)

- (18) Я пришел к тебе с приветом,
я прочел твои тетради:
в прошлом веке *неким Фетом*
был ты жутко обокраден.
(И. Губерман).

4. Чаще всего в ЯИ используется аномальное присоединение градуирующих прилагательных и наречий к словам, не предполагающим градуирование: гениальность не может быть *средней*; нельзя быть *немножко беременной* и т. д.:

- (19) [Сваха]: — *У меня есть на примете очень хорошая невеста, но вы вряд ли захотите на ней жениться... — Но почему? Старая? — 16 лет. — Очень некрасивая? — Писаная красавица. — Значит, бедная? — Первые богачи в селе. — Так в чем же дело?! — Видите ли, она немножко, чуть-чуть беременна...*
- (20) Здесь мило всё, и нет банальности,
И, если часто здесь бывать,
Не ниже средней гениальности
Поэтом может всякий стать.
(Ю. Волин. Чукоккала)
- (21) [О. Бендер] — *Отъём или увод денег варьируется в зависимости от обстоятельств. У меня лично есть четыреста сравнительно честных способов отъема* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).
- (22) *И он, оказалось, уже имел две семьи и был сравнительно счастлив* (М. Зощенко. Бедная Лиза).

- (23) *Вот какую сравнительно небезынтересную историйку рассказал мне один работник городского транспорта* (М. Зощенко. Поучительная история).
- (24) *...хороша ли картина о попе и собаке? Картина, на наш взгляд, глубоко так себе* (В. Ардов. Литературная штамповка, или Пиши как люди!).

Интересно, что другие слова, указывающие на полноту качества, в (21) и (22) возможны (*почти* < *вполне, совершенно* > *честный* ; *был почти* < *вполне, совершенно* > *счастлив*), а в (23) — нет (**почти* < **вполне, *совершенно* > *небезынтересный*).

5. Иногда обыгрывается присоединение наречий типа *очень, совсем* и т. п. к прилагательным, в значение которых уже входит значение высшей степени признака. При этом возникает «чистая тавтология» (см. Апресян 1995: т.2: 623–624). Особенно любил этот прием М. Зощенко. Приведем примеры.

- (1) Шофер-грузин в клетчатых носочках и *особо желтых* ботиночках (И. Ильф. Записные книжки).
- (2) Уважаемый старик
 Был *неистово велик*,
 Цель такого старика
 Велика и широка!
 (Н. Асеев. Юбилейная шутка (о Л. Толстом))
- (3) *Очень превосходный* оратор, говоря о прогрессе женского движения, воскликнул: «Женщина всюду и всюду вытесняет мужчину!» (Н. Тэффи. Причины и следствия).
- (4) — Завтра в три часа приведу вам самого страшного комиссара с *самой пограничной* станции (Н. Тэффи. Воспоминания).
- (5) Около него [жениха] сидела невеста с заплаканными глазами и с выражением *крайней невинности* на лице (А. Чехов. Свадьба с генералом).
- (6) Имея сильнейшее поползновение вступить в *самый законнейший* брак... (А. Чехов. По-американски).
- (7) Раздеваю пальто. Стою в рубашке, как сукин сын. А холод *довольно собачий*. Дрожу и прямо зубами лязгаю (М. Зощенко. Прелести культуры).
- (8) Тут у нас накопилось *слишком громадное* количество разных фактов (М. Зощенко. Голубая книга. Коварство).

6. Необычный выбор единицы измерения используется для создания комического эффекта довольно часто — и не только для выражения временных и пространственных отношений. Несколько примеров:

Это был изумительный сыр, острый и со слезой, а его *аромат мощностью в двести лошадиных сил* действовал с ручательством в радиусе трех миль и валил человека с ног... (Джером К. Джером. Трое в лодке, не считая собаки, в пер. М. Донского и Э. Линецкой).

— Фаничка провезла большущий бриллиант, так вы не поверите — в собственном носу. — Ну, ей хорошо, когда у нее *нос на пятьдесят карат*. Не всякому такое счастье (Н. Тэффи. Воспоминания).

В СССР был объявлен конкурс на лучший политический анекдот. Первая премия — двадцать пять, вторая — десять, третья — пять лет.

§ 10. ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

1. Языковая игра может заключаться в нарушении правил сочетаемости обстоятельств с главным словом.

Точная датировка в случае отсутствия знаменательных событий или же при описании ничтожных бытовых событий необычна и потому производит комический эффект.

(1) *Выдающиеся события, метеорология, пророчества ... В сей день в 132 г. в Португалии ничего особенного не произошло* (А. Чехов. Календарь «Будильника» за 1882 год).

(2) *Однажды, рассердившись на мужа, Ксантиппа вылила ему на голову ведро с помоями (397 г. до Р. Х.)* (Н. Тэффи. Древняя история).

Обстоятельства времени необычны и в некоторых других контекстах, ср.:

(3) *Увидя, как колотят его персов, восточный деспот [Ксеркс] кубарем свалился с трона и, потеряв мужество (480 г. до Р. Х.), воротился в Азию* (Н. Тэффи. Древняя история).

(4) *Известная киноактриса попросила выписать ей загранпаспорт.*

— *Замужем?* — спросил чиновник, заполняя анкету.

— *Временами.*

- (5) *Первые двадцать лет мы с женой были очень счастливы.*
 — *А что же случилось потом?*
 — *Мы встретились...*
- (6) — *У Вашей оперы есть будущее,* — *сказал критик, когда композитор окончил играть.* — *Уверяю Вас, что ее поставят тогда, когда уже не будут ставить ни «Лоэнгрина», ни «Кармен», ни «Пиковую даму».*
 — *О, я Вам очень благодарен,* — *промолвил композитор.*
 — *...но не раньше!* — *закончил свою мысль критик.*
- (7) *Кухарка Дарья зазналась уже давно, лет десять тому назад* (Н. Тэффи. Катенька) [Глаголы с начинательным значением типа *заважничать, загордиться, зазнаться* плохо сочетаются с обстоятельствами времени].

2. В конструкциях с глаголами передвижения (*уезжать, отправляться, приезжать, возвращаться* и т. п.) типа *Уехал X-ом, Вернулся X-ом* определяемое существительное — это обозначение общественного транспорта (*Вернулся поездом, автобусом, самолетом, может быть, картой, экипажем, дилижансом, но не мотоциклом, велосипедом, инвалидной коляской, лошастью, рикшей*). Прилагательные *утренний, дневной, вечерний, ночной* в сочетании с существительным могут указывать в этой конструкции на время действия. Ср.: *Сегодня вечерним поездом я уезжаю в Ригу; Завтра утренним поездом я приезжаю в Ригу*. Интересно, что объединить два приведенных предложения в одно сложносочиненное предложение нельзя — **Сегодня вечерним поездом я уезжаю в Ригу и приезжаю туда утренним поездом*. Видимо, один и тот же поезд нельзя называть то утренним, то вечерним, следует сказать: *Сегодня вечерним поездом я уезжаю в Ригу и утром буду там* или: *Сегодня вечерним поездом я уезжаю в Ригу. Поезд прибывает туда утром*). Ср. также след. шутку: *Сегодня вечерней лошастью я возвращаюсь в мою милую Одессу* (К/ф «Неуловимые мстители»). И наконец, известная шутка:

- (8) *Уехал поездом, вернулся ослом.*

3. Комический эффект (и дискредитацию описываемого) вызывает также сочетание наречий типа *вдумчиво, внимательно* не с глаголами восприятия (как это обычно бывает), а с глаголами,

относящимися к «более низкой сфере», — с глаголами типа *есть, пить* — см. ниже (9)–(10), сочетание наречий типа *умно, в поте лица, от чистого сердца* — в применении не к чему-то положительно оцениваемому (*благодарили <угощали>*), как это обычно бывает (*трудиться, зарабатывать* и т. п.), а с глаголами типа *играть, бежать, танцевать* и тем более *драться, воровать* — см. (11)–(13); наречий типа *целиком, полностью* по отношению к людям (14)–(15):

- (9) [Просительница] Меня с мужем-то и надо, батюшка, согласовать, несогласно мы живем, нет, *пьет он очень вдумчиво* (В. Маяковский. Баня).
- (10) Я подумал, что конец,/ Распрощался матерно.../ Малосольный огурец/ Кум жевал *внимательно* (А. Галич. Поэма о Сталине).
- (11) Судья: — Это преступление было совершено настоящим мастером своего дела, и проведено оно было *очень умно и тонко*. Покрасневший от смущения подсудимый: — Не надо, господин судья, вы мне льстите.
- (12) Деньги же эти — трудовые, *в поте лица моего выпонтированные* у нашего друга Полторацкого (А. Пушкин — С. А. Соболевскому 15 июля 1827).
- (13) Дрались, конечно, *от чистого сердца*. Инвалиду Гаврилову последнюю башку чуть не оттяпали (М. Зощенко. Нервные люди).
- (14) В позабытой стороне,
В Заболоцкой волости
Эх, понравилась ты мне
Целиком и полностью.
(М. Исаковский)
- (15) ...декадент помолчал минуту и затем стал *обращаться непосредственно к Богу*. «Господи! — восклицал он, хватаясь за голову. — За что? За что мне такая пытка?!» (Н. Тэффи. Забытый путь).

Обычно *обращаются непосредственно* к кому-то, чей социальный статус существенно (обычно на две или более ступени) выше: *Лаборант обратился непосредственно к директору* лучше, чем *Директор обратился непосредственно к лаборанту*; ср. также несколько странную фразу: *Рабочий обратился непосредственно к своему бригадиру*. Однако, как показывает (15), при использовании наречия *непосред-*

ственно существует верхний предел: можно обращаться непосредственно к губернатору, президенту, даже к царю, но не к Богу.

4. Говорящие обращают внимание на нежелательность в одном предложении двух обстоятельств одного семантического типа, ср.:

(16) В этой толпе самая читающая *в мире в метро* публика (М. Жванецкий. Я прошу мои белые ночи).

5. Употребление обстоятельств места достаточно причудливо, и не всегда легко найти семантические основания тех или иных запретов, ср.:

(17) Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявили прогресс, то он стал и *пошел перед прогрессом* — так, что уже Тарелкин был впереди, а *прогресс сзади!* (А. Сухово-Кобылин. Смерть Тарелкина); Шел домой. Уже прохладней. Солнце *садится куда-то в санатории* (М. Жванецкий. Коротко о себе) [Возможно, в силу стереотипности словосочетания *Солнце садится в...* оно допускает заполнение лишь указаниями на естественные объекты (*в тучи, в лес, в море*)].

6. Нередко встречается аномальное присоединение градуирующих наречий к словам, не предполагающим градуирование. Письмо можно *распечатать* или *не распечатать*, но его нельзя *немножко распечатать*:

(18) *Городничий*. Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, *этак немножко распечатать* и прочитать, не содержится ли в нем донесения (Н. Гоголь. Ревизор).

(19) И, кроме того, *очень отчаянно* душилась. Духами или одеколоном. Ей это было всё равно (М. Зощенко. Хитрость, допущенная в одном общежитии).

Наречия, указывающие на высокую степень, не сочетаются с числительными, ср.:

(20) Я очень ясно представлял себе его самого [летчика] в бронированной кабине истребителя, *очень одного*, в огромном небе,

а под ним маленькую Европу и он поглядывает на нее, как охотник на кролика (В. Конецкий. Последний раз в Антверпене). Замена сочетания *очень одного* сочетанием *очень одинокого* устранила бы лингвистическую аномальность фразы, но привела бы к существенным стилистическим потерям.

7. Аномальны некоторые указания на инструмент действия

(21) [Давка в помещении] А меня вдруг стиснуло, как северягу и понесло вправо. «Батюшки, — думаю, — дверь бы не расширить». — Граждане, — кричу, — легче, за ради бога! *Дверь, говорю, человеком расколоть можно* (М. Зощенко. Кинодрама).

Анна Вежбицка в универсальном определении «инструментально-го падежа» предполагает «намеренность (т. е. желание)» X-а («X хотел, чтобы нечто произошло с Y-ом») или же ненамеренность, случайность, произвольность X-а [Вежбицка 1985: 317–319]. А. Д. Кошелев показал, что здесь возможен и неодушевленный агент (и, тем самым, отсутствие намеренности/ненамеренности): *Вода своими каплями долбит камень; Вулкан покрыл город пеплом* (см. Кошелев 1996: 152). Тем самым, аномальность в приведенном примере из рассказа Зощенко вызвана не отсутствием намеренности, а чем-то другим. Дело, видимо, в том, что инструментом может быть предмет (*Иван убил Петра молотком*), «непредметная сущность» (*Иван убил Петра взглядом / мыслью/ своим равнодушием / коронным ударом справа*) [Кошелев 1996: 152], часть тела (*Расколлот дверь головой*), но не человек или животное «в целом». Плохо: **расколоть дверь <разбить стекло> человеком, собакой, Петей*.

Еще одно близкое по смыслу ограничение обыгрывается в след. шутках:

(22) [Лозунг] Одернут немедленно должен быть всякий,
Кто кусает прохожих посредством собаки.

(В. Ардов. Лозунгофикация).

(23) Мужчина забивает гвоздь *при помощи молотка*, а женщина *при помощи мужчины* (Ф. Кривин).

Как мы уже указывали, в качестве инструмента может использоваться часть тела, но не человек или животное «в целом». Любопытно при этом, что предложные образования (типа *при помощи X; посредством X*) здесь все-таки менее аномальны, чем творительный инструментальный, который предполагает непосредственный кон-

такт инструмента с объектом: фразы ...*кусают прохожих собакой; женщина забивает гвоздь мужчиной* совершенно недопустимы при указании инструмента. Если они и могут быть употреблены, то в другом значении, в сравнительной конструкции ('кусают как собака').

8. Известно, что в обстоятельственных (а также и атрибутивных) группах семантика единиц, входящих в группу, может не соответствовать ее функции (*Две остановки я читал газету*). В языковой шутке эта возможность усиливается для создания комического эффекта, ср.:

(24) Как жаль, что я не встретился с этой женщиной *20 килограмм тому назад*.

В качестве единицы времени в (24) берется килограмм, и, тем не менее, высказывание далеко не бессмысленно, оно передает смысл, который в нейтральной речи можно было бы передать громоздким выражением типа *Как жаль, что я не встретился с этой женщиной раньше, когда она весила на двадцать килограмм меньше*.

Еще примеры:

(25) На одном из приемов к светской даме подходит галантный мужчина: — Мадам Валуа, если не ошибаюсь? — Вы опоздали, мосье. Мадам Валуа я была *четыре мужа тому назад*.

(26) *Сто тысяч сигарет тому назад*
таинственно мерцал вечерний сад:
а нынче ничего нам не секрет
под пеплом отгоревших сигарет

(И. Губерман).

(27) ...та самая «нелегкая», которая понесла меня к Федоровым, ... заставила меня снять пальто, понесла в гостиную, забрала в мягкий угол дивана ... и сунула в руки альбом с хозяйскими тетками. *На девятой тетке* раздался звонок, и влетела оживленная, раскрасневшаяся хозяйка (Н. Тэффи. Нелегкая).

(28) Я стремился / за 7000 верст вперед, / а приехал / *на 7 лет назад* (В. Маяковский. Небоскреб в разрезе).

В романе Саши Соколова «Между собакой и волком» есть интересные строчки, указывающие на то, что существительные типа *жизнь* иногда не могут (в нейтральном употреблении) служить единицей измерения времени:

- (29) И граммофон наяривал за речкой,
И пахло репами, как жизнь тому назад.

Фраза *пахло репами, как двадцать (тридцать, сорок, ...)* лет назад была бы нейтральной.

- (30) [Налетчик Бенья Крик] ...попросил у Эйхбаума руки его дочери Цили. Старика хватил легкий удар, но он поднялся. *В старике было еще жизни лет на двадцать* (И. Бабель. Король).

- (31) *Мужчина собирается познакомить своего приятеля с женщиной: «Она некрасивая, но если ты выпьешь побольше, ты перестанешь это замечать». Приятель соглашается, но увидав женщину, в ужасе кричит: «Нет! Мне столько не выпить!».*

Анафорическое местоимение *столько* соотносится в (31) с указанием не на конкретное количество потребляемого вещества (типа: *бутылка, литр, два стакана* и т. п.), а на воображаемое, с учетом ситуации, с учетом степени безобразия обсуждаемого лица.

- (32) — *Черт бы его побрал, этот лифт! Часто поднимаюсь пешком. — Что, не работает? — Работает. Но на кабине надпись: «Только на 4 человека», и каждый раз приходится ждать еще троих.*

Особенно интересен пример (32). Мы здесь имеем дело с некоторым общим соглашением в языке, согласно которому в некоторых контекстах точное указание количества преобразуется в указание на некий минимум или максимум (подробнее см. Санников 1999: 418–419). Смысл фразы (32) — ‘...не более четырех человек’. Еще несколько подобных примеров:

- (33) *Что милее ста рублей? — Двести.* (В. Даль).

- (34) *В игре «Секретарь» задан был вопрос: «Что может быть неприятнее полученной пощечины?» — «Две», — сказано в ответ* (Рус. лит. анекдот).

- (35) *В Англии одного человека обвинили в двоеженстве, и он был спасен своим адвокатом, который доказал, что его клиент имел трех жен* (Г. К. Лихтенберг, по: «Ларец острословов»).

§ 11. ОБРАЩЕНИЕ

1. В обращении нередки «бытовые» оценочные характеристики (*Иди сюда, негодяй <миленький; моя птичка>*). В случае отрицательной оценки (и только в этом случае!) они могут предваряться личными местоимениями, ср.: *Иди сюда, ты, негодяй!* при затруднительности:

[?]Иди сюда, ты, миленький; [?]Иди сюда, ты, моя птичка.

Многие характеристики, особенно торжественно-патетические, в обращении выглядят не совсем обычно и, естественно, используются зачастую как инструмент юмора — от добродушного подшучивания до злой иронии:

— ...разве Вы писали мне недавно? Я ничего не получил, великая художница земли русской, и Вы напрасно наказываете меня — пишете так коротко (А. Чехов — художнице А. А. Хотьинцевой, 11 дек. 1897).

2. ЯИ подчеркивает, что официальные обращения связаны с социальным строем, его символикой, меняются вместе с ними:

Покупатель спрашивает у продавца: «Товарищ, у тебя есть бритвенные лезвия?» — «Если ты назвал меня «товарищем», брейся серпом!»

Утреннее сообщение по Всесоюзному радио: — Уважаемые товарищи! Сообщаем, что общероссийский эксперимент, длившийся семьдесят два года, закончен... Здравствуйте, дамы и господа!

3. Некоторые нарицательные существительные сближаются по синтаксическому использованию с собственными, например, обычны в обращениях. Это существительные *мама, папа, бабушка, дедушка, сынок, дочка, брат, сестра, дядя, тетя, доктор, профессор, коллега, приятель, друг* и некоторые другие, ср. *Скажи(те), Коля <мама, коллега, доктор>*, но не: **Скажи(те), слесарь*; **Скажите, президент*. В результате возможно смешение, например, в детской речи, существительных нарицательных (в первую очередь это существительные *мама* и *папа*), и собственных:

[Андрей С. (4 года) спрашивает про старшую сестру]:

— Я понимаю, что папу зовут Володя, маму Светлана, а как зовут Олю?

4. Обращения, включающие указание на место рождения или место жительства, вполне обычны (*Ну, как дела, москвич <сибиряк>?* или (реже): *Ну, как дела, Москва <Сибирь>?*). Однако тут есть ряд ограничений. Одно из них касается говорящего — он не земляк собеседника (не *москвич <не сибиряк>*). Ср. в песне военных лет разговор друзей — калужанина и костромича:

— *А ну-ка, дай жизни, Калуга!*

— *Ходи веселей, Кострома!*

Обращение *Ходи веселей, Кострома!* было бы странно, если бы оба друга были костромичами.

Другое ограничение касается лексических особенностей именной группы, используемой в качестве обращения: затруднительно как расширение, так и сужение намечаемых ею географических рамок. Аномально использование здесь существительных, образованных от названий стран, ср.: *³Ну, как дела, немец <африканец>?* (скрытое противопоставление сделало бы фразу более допустимой, ср. *Ну, немец, как тебе в России?*; *Ну, африканец, как тебе на Севере?*). С другой стороны, сужение географических рамок тоже делает конструкцию аномальной. Ср. след. шутку Стивена Ликока в «Очерках обо всем»:

Друзья почему-то не хотели, чтобы мы обращались к ним таким образом: «Как дела, ты, из квартиры 6, Гровнер-сквер?» или — «Ну-ка, давай, ты, с Марлборо, верхний этаж, квартира шесть...»

Ср. также: *³Как дела, ты, с Ленинского проспекта; ³Куда идешь, Лиговка?*

5. Выделенным является обращение говорящего (пишущего) к самому себе, хотя встречается оно очень часто, уже и в древнерусской литературе, например, в «Житии протопопа Аввакума»:

Любилъ протопопъ со славными знатца; люби же и терпеть, горемыка, до конца! (по: Виноградов 1980: 29).

6. В некоторых условиях неуместно любое обращение, ср.:

К о р о л ь. И девушки здесь! Фрейлины. Ку-ку!

П е р в а я ф р е й л и н а (пожилая энергичная женщина, баском). *Ку-ку, ваше величество.* (Е. Шварц. Голый король).

Обращение к королю (*ваше величество*), казалось бы, не только возможно, но и обязательно в любой ситуации. Шварц показывает, что это не так.

[Римский папа Борджиа Александр VI с сыном хотели отравить двух кардиналов, но, перепутав бокалы, сами выпили отраву]. *Кардиналы им говорят: «Что, дескать, с вами, папа с сыном?» А папа, к черту, под стол сползает* (М. Зощенко. Голубая книга).

Последний пример показывает, что в обращениях затруднительны комитативные группы — как, видимо, и сочинительные (плохо: «*Что, дескать, с вами, папа и сын?*»).

§ 12. ПРИЛОЖЕНИЕ

Эта синтаксическая конструкция обыгрывается нечасто.

Комическое впечатление производят громоздкие (трех- и более сложные) приложения, ср.:

- (1) *Я знал, что никакая сила — даже бельгийские полицейские — свиньи — овчарки не помешают ему выполнить обещанное точно и в срок* (В. Конецкий. Последний раз в Антверпене).

Говорящие задумываются о том, какой из двух членов конструкции — первый или второй — коммуникативно более важен, и решают (видимо, правильно), что здесь трудно отдать предпочтение чему-то одному:

- (2) *Женищина-милиционер прежде всего — женищина.*
Женищина-милиционер всё-таки прежде всего милиционер
 (И. Ильф. Записные книжки).
- (3) *...однако, в этом бедняжке-театре более чем холодно. В собачьей конуре не холодней* (А. Чехов. Месьть).

В данной конструкции существительное *бедняжка* сочетается, видимо, только с названиями лиц (*бедняжка-студент*), может быть, животных (*Бедняжка-кошка не заметила собаку*).

- (4) *Великий Конде, утомленный собеседником, постоянно говорившим о «господине своем отце» и о «госпоже своей матери», позвал своего лакея и сказал ему: «Господин мой лакей, скажите господину моему кучеру запрягать госпож моих лошадей в госпожу мою карету».*

Обыгрывается то обстоятельство, что при всём уважении к родителям их нельзя именовать *господами*, как нельзя именовать *товарищами* мифологических персонажей:

- (5) *Фабрика военно-походных кроватей имени товарища Прокруста* (И. Ильф. Записные книжки).

Необычное использование некоторых конструкций с приложением встречается в фольклоре:

- (6) *Говорил собака Калин царь да таковы слова:*
 — *Ай же старья казак да Илья Муромец!..*
 — *Не служи-тко ты князю Владимиру.*

— *Да служи-тко ты собаке царю Калину.*

(Былина об Илье Муромце, по: Успенский 1995: 26).

Аномальность последней строки этого текста Е. В. Падучева объясняет тем, что «пейоративная номинация Калина-царя попадает в прямую речь самого Калина-царя, и он оказывается автором номинации» [Падучева 1996: 262].

Еще один сходный пример. А. Чудаков в книге «Ложится мгла на старые ступени» отмечает, что у поморского сказителя Бориса Шергина героиня исторической песни Марина Мнишек именовалась исключительно как Маринка-блядь, причем даже в тех случаях, когда к ней обращался ее возлюбленный Дмитрий Самозванец: «Моя коханая Маринка-блядь!».

§ 13. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ

1. В «чистом виде» синтаксическая омонимия встречается редко, обычно она сочетается с лексической омонимией или полисемией. Механизм шуток, обыгрывающих синтаксическую омонимию, прост: синтаксическая конструкция «прикидывается» чем-то одним, заманивая слушателя на проторенный, но ложный путь, а потом, с расширением контекста, маска сбрасывается. Примеры:

Рина Зеленая изобрела прекрасное средство от бессонницы:

— *Надо считать до трех. Максимум — до полчетвертого* (Журн. «Крокодил») — омонимия обстоятельства времени и комплетива, указывающего на объем, границы действия.

2. Говорящие осознают, что связи слов в предложении различаются по силе, что среди них есть связи обязательные и факультативные. Так, для глагола *есть* две связи — предикативная (*кто ест*) и комплетивная (*что ест*) — обязательны, а остальные (*когда, где, как, почему, в присутствии кого* и т. п.) — факультативны. В случае омонимии, естественно, предпочтительна сильная связь. Поэтому в предложении *Художник рисует зиму* мы понимаем *зиму* как комплетив (*что рисует*), хотя, вообще говоря, элемент *зиму* можно было бы понимать и как обстоятельство, указание на продолжительность действия ('в продолжение зимы'). Нередки, однако, исключения из этого правила, и вот они-то и подвергаются обыгрыванию, ср.:

- (1) *Один немец, член нашей Академии наук, переводя что-то с русского на немецкий, фразу «он женился на Красной горке»*

перевел таким образом: «*Er heiratete die m-lle Krasnaja Gorka*» (А. Чехов. Красная горка).

Приведем примеры синтаксической омонимии разного типа (иногда с краткими комментариями).

- (2) [Мальчика спрашивают о сестре]: — *Что же твоя Иришка с петухами ложится?* — *Она с петухами не ложится — они клюются: она одна в свою кроватку ложится* (К. Чуковский. От двух до пяти) — омонимия комитативной конструкции, указывающей на совместное действие или состояние, и обстоятельства времени.
- (3) Я — в пирожковую:
 «Дайте нам с другом
 С мясом, с капустой, с повидлом и луком».
 А иностранец по имени Билл
 Был с нами рядом и всех удивил:
 «Дайте,— сказал он, пожалуйста, с луком,
 С мясом, с капустой, с повидлом и с другом...»
 (А. Кушнер, по: [Береговская 1984]) — омонимия комитативной и атрибутивной конструкций.
- (4) — *Ты что это там, Маничка, так громко читаешь!?* — *Историю, мама. — Так читай про себя. — Да в Истории, мамочка, про меня ничего не написано* (Журн. «Сатирикон»).
- (5) — *Внемли, о дитя! Этой трагической саге, этой страшной истории с хвостиком тысяча лет!* — сказала она [Мышь]. «*Истории с хвостиком?*» — удивленно переспросила Алиса, с интересом поглядев на мышкин хвостик (Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).
- (6) [Обвиняемый — защитнику]: «*Я знаю, что существуют очень веские доводы против моей невиновности, но у меня есть пятьдесят тысяч долларов*». «*Как ваш защитник, — перебил его юрист, — могу вас заверить, что с этой суммой вы в тюрьму не попадете*». Так оно и вышло. Ко времени вынесения приговора у фермера не осталось ни цента. Омонимия обстоятельственной группы со значением обоснования (= 'благодаря наличию этой (крупной) суммы') и комитативной группы (= 'имея при себе эту сумму').

- (7) — *Гольдберг, за вами рубль!*
— *Где?!*
- (8) *Как плохо, что победы всегда за нами!* (Г. Малкин).
- (9) [Разговор начинающего поэта с критиком]: — *Как Вы находите мои стихи?* — *Обычно, перелистывая номера старых журналов* (D. Buttler).
- (10) — *Хорошо ли в Армении с мясом?*
— *С мясом в Армении хорошо, а без мяса в Армении очень плохо!*
- (11) — *Что было раньше — яйцо или курица?* — *Раньше было все!*
- (12) [При дворе прусского короля Фридриха II]: *Самым ужасным преступлением здесь считалось опоздание на официальные приемы, чем Вольтер особенно грешил ... когда однажды он появился в разгар какого-то званого обеда, король молча встал из-за стола и написал мелом на мраморной плите каминна: «Вольтер — первый осел». Прочитав написанное, Вольтер дописал внизу: «Фридрих Второй»* (Музей остроумия).
- (13) *Дикари — миссионеру: — Но, пан миссионер, домой еще рано, оставайтесь лучше у нас на обед!* (D. Buttler).
Ср. также стихи Э. Успенского:
- (14) Людоеда людоед
Приглашает на обед.
На обед попасть не худо,
Но отнюдь не в виде блюда.
- (15) *«Куда вы попадете, если воткнете нож между четвертым и пятым ребром?» — спрашивает профессор на экзамене у студента-медика. — «В тюрьму», — отвечает, не задумываясь, последний* (З. Фрейд 1925).
- (16) — *Вы прелестно играете... Скажите, это скрипка Страдивариуса? — Нет, моя собственная!* Подчеркивается многозначность атрибутивной конструкции с родительным падежом существительного: она может указывать и на создателя, и на владельца. Однако, автором шутки, кажется, не замечено другое: вторая реплика также может пониматься по-разному. Прилагательное *моя* также может указывать здесь не только на владельца, но и на мастера, изготовившего скрипку.
- (17) *Хозяин пообещал гостям, что их развезёт. И их развезло.*
Омонимия личного и безличного оборотов.

- (18) — *Вы уверены, что вот этот щенок будет подходящим подарком для моей маленькой племянницы?*
— *Безусловно, мадам. Он очень добр и доверчив, ест всё подряд и особенно любит детей.*
- (20) *Какой-то господин, участник похоронной процессии, обратился к соседу: «Вы не скажете, кто покойник?» — «Точно не знаю. Думаю, что как раз тот, что едет в передней карете» (Жюль Ренар, по «Ларец острословов»). Шутка основана на двузначности конструкции Кто X?: 1) ‘Кем был покойник (имя, профессия и т. п.)?’; 2) ‘Кто из едущих — покойник?’ (или: ‘Где покойник?’).*
- (21) Стало сердце покалывать скверно,
стал ходить, будто ноги по пуду;
больше пить я не буду, наверно,
хоть и меньше, конечно, не буду.
(И. Губерман).
- (22) — *Видимо, я очень похож на Христа. Вчера в автобусе одна старушка по ошибке даже сказала мне: — Господи, ну, куда ты прешь?! — омонимия вводного выражения и обращения.*
- (23) *Каков стол, таков и стул (Пословица).*
- (24) *Солдат стоит на боевом посту. Из темноты появляется человек. Солдат: «Стой, стрелять буду!». Человек: «Стою». Солдат: «Стреляю». Подчеркивается, что в принципе синтаксическая конструкция типа Стой, стрелять буду! допускает два прямо противоположных понимания: 1) ‘Стой! Если не выполнишь приказ, я выстрелю’; 2) ‘Стой. Если выполнишь приказ, я выстрелю’.*
- (25) *Командированный посылает домой телеграмму: «Пришлите деньги», потом: «Пришлите деньги, выселяют из гостиницы», и, наконец: «Вашу мать выселили из гостиницы». Ситуация заставляет переосмыслить, казалось бы, однозначный (и совершенно приличный) текст последней телеграммы, увидеть в сочетании *вашу мать* не указание объекта действия, а ругательство.*
- (26) — *Сколько яблоко стоит? — Рубль. — И находятся такие дураки, что покупают? — Нет, дураки спросят и дальше идут (В. Вересаев. Невыдуманные рассказы о прошлом).*
В шутке обыгрывается то обстоятельство, что реплика *И на-*

ходятся такие дураки, что покупают? допускает два осмысления: 1) «Неужели находятся люди настолько глупые, что покупают?» и 2) «Неужели среди дураков есть такие, которые покупают?».

- (27) [Семейная сцена] — *Я была душой, выходя за тебя замуж! — Да, но я был тогда так увлечен тобой, что этого не заметил.*

В (27) обыгрывается функция деепричастного оборота — он может, в частности, указывать на простую одновременность несвязанных между собой событий, но может также содержать обоснование того, что описывается в основной части предложения.

- (28) Профессор. *Расскажите мне хотя бы пару случаев из биографии Джона Мильтона.*

Студент. *Пожалуйста: когда он женился, то написал «Потерянный рай», а когда его жена умерла — то «Возвращенный рай».*

В (28) обыгрывается склонность конструкций с *когда* устанавливать, наряду с временной, также и причинно-следственную зависимость между частями сложного предложения, ср.: *Когда пошел дождь, мы спрятались в телефонной будке.*

- (29) — *Знаешь, дорогая, работника, который чинил нашу крышу, задавил автомобиль.*

— *Господи, да что же это делается! Даже на крыше уже нельзя чувствовать себя в безопасности от этих машин!*

Обыгрывается связь между определительными и обстоятельственными (временными) отношениями.

- (30) [В школе] — *А как ты объяснишь выражение: «в поте лица твоего есть хлеб твой?»*

— *Это значит — есть хлеб до тех пор, пока не прошибет пот!..* (Журн. «Сатирикон», 1908).

Обыгрывается библейское выражение «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3, 19).

- (31) *Иван Никитич кашлянул, высморкнулся и чокнулся с хозяином. — Желая вам зла-погибели и бед всяческих ...избежать! — сострил купчик* (А. Чехов. Корреспондент).

Эксплуатируется вариативность в модели управления глагола *желать*: он может управлять и существительным в форме род. падежа, и инфинитивом глагола.

(32) — *Много у вас в городке жуликов?*

— *Не знаю... До вашего приезда я не видывал ни одного*

(Журн. «Сатирикон»).

Обстоятельство времени может быть чисто хронологической ве-
хой (и тогда высказывание (32) имеет смысл «до такого-то време-
ни») или же оно указывает на изменение ситуации, связанное с ли-
цом, упоминаемым в обстоятельственной группе (т. е. включение
собеседника в число жуликов).

(33) *Начальник. Я с вами, любезнейший, больше служить не могу!..*

Подчиненный. Но что же, ваше-ство, мы будем делать без вас?!..

Омонимия обстоятельственной и комитативной конструкций.

(34) *Василий Иванович говорит своим бойцам: «Гласность, ре-
бята, это вот что такое. Вот вы меня критикуете, кри-
тикуете, и ничего вам за это не будет — ни валенок, ни
шинелей, ни портянок».*

(35) *Во дни чрезвычайного упадка наших денег, совершенно
несправедливый русский человек встретился с Салтыко-
вым [Щедриным] в Париже и горько жаловался ему на низ-
кий курс. «Я этого не нахожу, — патриотично заметил
Михаил Евграфович» ... — «Помилуйте! — воскликнул
собеседник, — ведь нам дают всего только полтинник за
рубль!». — «Так ведь все-таки дают полтинник, это пре-
восходно! Вот, когда за наш рубль будут давать в морду,
тогда курс будет плохой» (Омонимия фраземы *давать в
морду* и комплетивной конструкции).*

В рассказе Стивена Ликока «Ответ поэту» читатель советует поэту,
как преодолеть основные его (поэта) затруднения:

(36) *Как-то раз вы выразили недоумение по следующему поводу:*

Путь держит за море любовь моя.

Как же случилось это?

*Полагаю, что всё было очень просто: она купила билет и ехала
вотдельной каюте. Вряд ли она путешествовала третьим клас-
сом или на палубных местах. [Омонимия придаточного причи-
ны (почему так случилось?) и придаточного образа действия].*

Внешние проявления чувств, причем таких противоположных,
как смех и слезы, также многозначны. Непонимание этого обыгры-
вается в след. шутке:

- (37) [На юбилее] *Затем начальник сделал рукой жест, означавший, что он от волнения не может говорить, и заплакал, точно ему не дарили дорогого альбома, а, наоборот, отнимали...* (А. Чехов. Альбом).

Часто встречается омонимия слова и словосочетания, или двух словосочетаний, или даже двух предложений:

- (38) Парик на лысину надев,
Не уповаю я на дев
И ничего не жду от дам
Хоть жизнь подчас за них отдам.
(Д. Минаев)
- (39) Звуки плыли, таяли,
Кольхалась талия
Ты шептала: «Та я ли?!»
Повторяла: «Та ли я?!»
(И. К. Прутков. «Та ли?!»)
- (40) Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.
(Д. Минаев)

(Уже в XIX в. здесь был обнаружен малоэстетичный «сдвиг» — *с калом бурым*).

Каламбуры этого типа редки, поэтому приведем и один достаточно смелый, услышанный мной от школьного друга Николая Нельзина:

- (41) Ах, у Веры, ах, у Инбер
Что за щечки, что за лоб!
Всё глядел бы, всё глядел бы
На нее б.
(К. Симонов?)

- (42) — *Гальку намыло!* [после шторма на море]. Омонимия с антигуманным призывом: *Гальку — на мыло!* (каламбур-экспромт Л. П. Крысина).

Приведем еще три примера *панторифмы*, или *голорифмы* (родственных каламбуру). Они взяты нами из работ Л. Тимофеева, Н. Романовой и А. Филиппова):

- (1) Слышен свист и вой локобилей,
Дверь лингвисты войлоком обили.
- (2) Угар и чад. В огне ведро мадеры.
«Уга!» — рычат во гневе дромадеры.
- (3) Далеко в Ригу поезд летит,
Дали ковригу — поест ли Тит?

3. Многие омонимы ощутимы (или особенно ощутимы) в устной речи, а в письменном тексте (из-за междусловных интервалов) мы иногда их и не заметили бы. Вряд ли кто, читая стихи Пушкина, увидел в них двусмысленность:

Проклятье, меч и крест и кнут (На Фотия);

Партер и кресла, всё кипит...;

Но с рассудком вновь заспорит... (Евгений Онегин);

Но с бочкой странствуя пустою... (Послание Лиде);

Но с пламенной, пленительной, живой... (Голицыной).

А вот внимательный читатель (А. Крученых), «перетряхивая тогу зеваки-Пушкина», находит и в этих, и еще в 7000 (!) случаях из стихов Пушкина невольные, «незаконнорожденные» каламбуры:

Проклятье, меч и крест и кнут [«Бедные меч и крест — они икают!»].

икра à la Онегин (*Партер и кресла, всё кипит...*);

носатые стихи: *Но с рассудком вновь заспорит...*; *Но с бочкой странствуя пустою...* [у Лиды нос бочкой, да еще пустою!..]; *Но с пламенной, пленительной, живой...* (Голицыной) [у Голицыной пламенный нос].

И т. д. (подробнее см. Санников 2002).

4. Нередки и случаи противоположного характера: омонимия возникает именно в письменном тексте, в частности из-за отсутствия знаков препинания и других тексторазграничителей. Кроме классического «Казнить нельзя помиловать» приведем пример из романа «На горах» Мельникова-Печерского, где отсутствие тексторазграничителей приводит к двусмысленности:

[Эпитафия на чугунном столбике]: *Господи! в селениях твоих подаждь ему успокоение от супруги его Ольги Ивановны.*

В статье [Санников 2005] я, на основании детального сравнительного анализа основных московских и петербургских газет сентября

2003-го и августа 2004-го года отметил тенденцию к снижению интереса в СМИ к языковой игре, особенно к каламбуру, тенденцию, которая продолжалась и в начале 2005-го. Однако мой прогноз о дальнейшем охлаждении СМИ к использованию языковой игры (особенно в заголовках статей) оказался неверным: многие газеты (особенно «Московский комсомолец») и сейчас охотно (пусть не всегда удачно) используют ЯИ.

§ 14. СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОМПРЕССИЯ

Мы нередко опускаем высоковероятное подлежащее, дополнение, определение, обстоятельство: *Он любит* (= *Он любит некую женщину*); *Он пьет* (= *Он пьет спиртные напитки*); *Он снимает шапку* (= 'с себя'); *У него давление* (= *У него ненормальное давление*). Это явление, именуемое «семантической компрессией» («стяжением», «конденсацией», «универбацией») — см. [Журавлев 1982: 60–62], заключается в том, что из слов, входящих в некоторое словосочетание, остается одно, «вбирающее в себя значение всего словосочетания» [Шмелев 1964: 14]. По школьной терминологии: член предложения опущен, но он подразумевается. Значения этих опущенных компонентов (их можно было бы называть нулевыми) различны, они определяются контекстом. Несколько примеров обыгрывания этого явления.

- (1) Жена моя в гробу!
 Рабу
 Устрой, господь, твою
 В раю.
 Подчас она хитрила
 (Нельзя же без того!)
 Но искренно любила...
 Соседа моего.

(Беранже. Плачущий муж, в пер. В. Курочкина).

Говорящий вводит нас в заблуждение: делает вид, что дополнение при глаголе *любить* опущено (и, тем самым, заставляет нас подставить на свободное место высоковероятное здесь существительное *мужа*), а потом «срывает маску» — вводит другое дополнение (*соседа моего*), резко меняя смысл и добиваясь определенного комического эффекта.

- (2) Любимый призыв советской милиции: *Граждане, не нарушай те!*
- (3) [О низкопробном журнале]:
 Пять очерков, стихи и даже пьеса
 (Сплошной алмаз, украсивший журнал!)
 О том, конечно, как один профессор
Сначала не хотел, потом признал.
 (А. Архангельский. Подписка принимается).
- Опущено дополнение *революцию*, что было характерно для литературных штампов 20–30-х годов.
- (4) *Завтра в Ялту прибудет Вукол со своими почками* [вм. *со своими больными почками*] (Письмо А. Чехова В. А. Гольцеву 20 янв. 1899).
- (5) — *Ведь это свинство: мы пьем, а ты не пьешь!*
 — *Почему же свинство? У меня почки...*
 — *А у нас нет почек? А у юбиляра нет почек? У всякого человека есть почки. Это уж, брат, свыше...*
 — *Ну, я только одну...* (А. Аверченко. Чад).
- (6) «*Восемь лет, как жизни нет*», — как выразился один философ в общественной уборной [вм. *нормальной жизни*] (И. Ильф. Записные книжки).
- (7) *На курорт он ездил только с женой. Если не со своей, то с чьей-либо* (Э. Кроткий).
- (8) *Лектору после лекции на тему «Есть ли жизнь на Марсе?» задают вопрос: «А когда будет жизнь в Одессе?»* [вм. *нормальная жизнь*].
- (9) — *Скажите, такая женщина — может ли возбудить в мужчине сильное чувство?*
 — *О, да. Чувство отвращения.*
- (10) *В лесу думаете что? Волки, уй, какие волки! Серые, страшные, с зубами* [вм. *с большими зубами*] (Парнас дыбом, пар. на С. Юшкевича).
- (11) *В разгар бурной вечеринки студент подходит к скромно сидящей в сторонке девушке, представляется и говорит: «Я вижу, что ни мне, ни вам эта компания не совсем подходит. Не отвезти ли вас домой?» — «Чудесно! А где вы живете?»*
- (12) *Парижский адвокат зашел со своей женой в ночной клуб на Монмартре. Одна из девиц, сидевшая возле бара, улыбнулась*

ему, как старому знакомому.

— Ты что, ее знаешь? — насупилась жена.

— Да, — ответил адвокат, — по профессиональным делам.

— Чьим профессиональным делам, твоим или ее? — уточнила жена.

(13) — Вы слышали? Андропов сломал руку!

— Кому?

(14) [Девушка делится с подругой]:

— Я люблю и любима.

— Поздравляю.

— Не с чем — это разные люди.

Опущение дополнений при глаголах в высказывании *Я люблю и любима* предполагает кореферентность опущенных единиц. Именно нарушение этого принципа производит комический эффект.

(15) [Кристофер стреляет в шар, на котором висит Винни-Пух]:

Он очень тщательно прицелился в шарик и выстрелил. «Ой-ой-ой!» — вскрикнул Пух. «Разве я не попал?» — спросил Кристофер Робин. «Не то, чтобы совсем не попал, — сказал Пух, — но только не попал в шарик!» (А. Милн. Винни-Пух и все-все-все, в пересказе Б. Заходера). В нейтральной речи конструкция с опущенным комплетивом (*не*) *попал в...* обозначает попадание/непопадание в цель.

(16) Ф. И. Тютчев <...> говорил: «Надо сознаться, что граф Блудов — образец христианина: никто так, как он, не следует заповеди о забвении обид... нанесенных им самим (Рус. лит. анекдот).

(17) [Разговор при приеме на работу] — Почему вы ушли с последнего места работы? — По причине усталости. — Какой усталости? — Не знаю. Просто они сказали, что очень от меня устали.

(18) — Вы давно знакомы со своей женой?

— С детства. Помню, когда я качал ее на руках, она любила шлепать меня по лысине (естественное понимание — муж знает жену со своего детства).

Сходным образом опускается иногда высоковероятное подлежащее:

(19) — Меня уже много раз уговаривали выйти замуж, — сказала деревенская девушка. — Кто же тебя уговаривал? — Да папа с мамой». Первая фраза, фраза с опущенным подлежащим, нейтральна, если опущено слово типа *женихи, молодые люди*.

(20) — *Если ты мне откажешь, — сказал он, — я умру. Она отказала. Через шестьдесят лет он умер.*

Разделение смысла языковой единицы на части пресуппозитивную («презумпция») и асертивную, основную справедливо не только по отношению к слову, но и по отношению к целому предложению. В (20) смерть влюбленного находится в пресуппозиции. В асертивной части — указание на ее близость, преждевременность. И, точно так, как это имеет место в слове, пресуппозиция не находится в сфере действия отрицания. Если бы герой анекдота сказал нечто типа: *...я не умру, но жизнь моя будет разбита*, он отрицал бы не возможность своей смерти, а ее близость, отрицал бы асертивную часть смысла предложения. Еще пример обыгрывания пресуппозитивной части значения языковой единицы:

(21) — *Кто это поклонился тебе сейчас?*

— *Мой поклонник... Представь себе, 65 лет — и ни одного седого волоса.*

— *Но ведь он совершенно лыс?!*

— *Я и говорю: ни одного седого волоса* (Журн. «Новый Сатирикон», 1916). Обычное понимание фразы *У него ни одного седого волоса* включает презумпцию ‘У него есть волосы’.

§ 15. СОГЛАСОВАНИЕ

Л. Л. Иомдину принадлежат вдохновенные слова о согласовании, к которым я полностью присоединяюсь: «...согласование как свойство естественного языка представляется нам необыкновенно интересным само по себе ... оно тесным образом связано с целым рядом других свойств, характеризующих не только синтаксический уровень языка, но и его морфологический, семантический, а частично и прагматический уровни, а тот факт, что, с виду такое обыденное и простое, это свойство таит в себе массу нерешенных проблем, в полном смысле слова бросает вызов исследователю» [Иомдин 1990: 5].

Язык не всегда «учитывает последствия принимаемых решений». Вот пример из области согласования, кажется, никем не отмеченный (на него наше внимание обратил Л. Г. Митюшин). Известно, что в русском языке (в отличие от многих других языков) составные числительные, оканчивающиеся на *один*, требуют постановки существительного в ед. числе, хотя по смыслу это — множе-

ственное число: *Я купил двадцать одну книгу* (не: *книги*). Результатом явились сложности в согласовании количественной именной группы с ее зависимыми. Если фразы типа *Я купил двадцать одну интересную книгу; На полке стояла двадцать одна книга* не кажутся странными, то дальнейшее расширение конструкции, напр., за счет придаточного с *который*, весьма затруднительно. Ср.: *Я купил двадцать одну книгу, которую? которые? мне доставят завтра*. Единственный выход — отказаться от конструкции с *который* и разделить фразу на две (*Я купил двадцать одну книгу. Мне доставят их <эти книги> завтра*). Однако и этот результат не назовешь стилистическим шедевром.

15.1. Согласование по лицу и роду

1. В отличие от глаголов и существительных, необходимость которых не ставится говорящими под сомнение, прилагательные и оценочные наречия воспринимаются иногда как роскошь или даже излишество. Вольтер, например, упрекал писателей за злоупотребление прилагательными: «Если б можно было им внушить, что прилагательное злейший враг существительного, хотя и согласуется с ним в роде, числе и падеже!» (Энцикл. весельчака).

2. Говорящие обращают внимание на тонкости согласования по роду и согласования по полу в русской фразе. Существительные типа *врач, староста, зануда* могут обозначать лиц и мужского, и женского пола (*врач Иванова, староста Петров*), однако говорящие воспринимают это как языковую странность и нередко обыгрывают, ср.:

— *Наконец-то наш город зажил по грамматике!*

— *?!*

— *Был у нас городской голова, теперь избрали вместо него женщину. Теперь у нас городская голова!.. Прелестная головка!*

(Журн. «Новый Сатирикон»).

Наряду с такими словами «общего пола» (типа *староста, невежда*) существуют слова типа *москвич, актер*, которые указывают всегда на мужской пол (лицо женского пола обозначается словами *москвичка, актриса*) (см. Панов 1966: 70–71; Булыгина, Шмелев 1997: 364). Интересно, что есть третья группа — слова типа *поэт*, которые могут обозначать лиц не только мужского, но и женского пола (ср. *поэт Ахмадулина*) — несмотря на наличие слова *поэтесса*, обо-

значающего лиц женского пола. Однако возникают трудности при согласовании слов типа *поэт*, обозначающих лиц женского пола, с глаголами и прилагательными — нежелательно: *замечательная поэт Ахмадулина сказала*; нежелательно: *замечательный поэт Ахмадулина сказал*. Предпочтительнее здесь постановка прилагательного в мужском роде, а глагола — в женском: *замечательный поэт Ахмадулина сказала*. Если же фамилия поэта-женщины не указывается, то и этот вариант нежелателен: *замечательный поэт сказала*. Евгений Евтушенко в известных строках игнорирует это обстоятельство:

За медом на Черемушкинском рынке
 Поэт стояла...

— и становится легкой добычей пародиста, который, продолжая игру с правилами согласования по роду и полу, делает объектом игры уже самого автора пародируемых стихов — Евгения Евтушенко (формальная “зацепка” у пародиста была: существительные на *-о* обычно указывают на средний род):

Евтушенко писало,
 что стояла поэт.
 Евтушенко считало,
 что родов больше нет.
 Евтушенко старалось
 доказать — все равно
 у народа осталось
 Евтушенко одно.

(пример заимствован нами из «Книги о пародии» Вл. Новикова).
 Еще несколько примеров:

- (1) Да мы, уж коль такое дело,
 Не хуже тех, что в старину...
 И мы напишем, как *Отелло*
 Зазря прихлопнуло жену.

(А. Иванов. Хлопцы и Шекспиры, пар. на Михаила Годенко).

- (2) — *Ишь, какая Спиноза нашлась!*
 (3) *Его превосходительство откинулось на спинку удобного кресла и сказало разнеженным голосом: «Ах, вы знаете, какая прелесть это искусство!..»* (А. Аверченко. Люди, близкие к населению).
 (4) *Его превосходительство — бывший глава министерства — со скучающим видом бродило из одной комнаты в другую, не зная,*

что с собой делать, куда себя девать (и так на протяжении всего рассказа: *его превосходительство... сказало, подмигнув гувернантке: «Когда же ты придешь ко мне», ...побледнело, как мертвец, встретив сопротивление, ...побагровело* и т. д.) (А. Аверченко. Грозное местоимение).

- (5) *Ангел Пери* [Софья Лихутина] *в этот день оставался один; мужа не было: он заведовал — где-то там — провиантами; непричесанный ангел порхал в своем розовом кимоно...* (А. Белый. Петербург).
- (6) По бедоносиков. *Даже Лев Толстой, даже эта величайшая медведица пера, если бы ей удалось взглянуть на наши достижения в виде вышеупомянутого трамвая, даже она заявила бы перед лицом мирового империализма: «Не могу молчать...»* (В. Маяковский. Баня).
- (7) *Следующий свидетель оказался свидетельницей — это была Повариха Герцогини* (Б. Заходер. Алиса в стране чудес).

3. Аномальны и некоторые другие случаи, где в роли подлежащего выступает существительное общего рода, ср.: *Следующий выступающий поэт оказался поэтессой*. И дело здесь не в том, что в роли именной части составного сказуемого выступает существительное, однокоренное с существительным-подлежащим: фразы типа *Следующий свидетель <следующий поэт> оказался <был> женщиной* также вряд ли допустимы. Правильнее перемена местами подлежащего и сказуемого (*Следующим свидетелем была женщина*), однако и она не всегда устраняет аномальность, ср.: *Следующим выступающим поэтом была женщина*.

4. Любопытно отметить, что в отношении грамматического согласования наши предки были бóльшими «формалистами»: в Древней Руси фразы типа *...бежати ... съ своєю воеводою Жирославомъ* (Лет. Ипат., л. 14); *Дружище наше старое Феодор Ртищев* («Житие протопопа Аввакума»); *Идет Иванище сильное; Купчишко пришло* — были вполне обычными и стилистически нейтральными (см. Санников 1978: 161–163).

5. Еще с большими сложностями связано согласование в тех случаях, когда вместо конкретного лица упоминается его учреждение или служебное положение: ни согласование по форме, ни согласование по смыслу (с учетом пола и числа описываемых лиц) не может удовлетворить, ср.:

- (8) [О заседателе Дробяжкине] ... в показаниях крестьяне выразились прямо, что земская полиция был-де блудлив, как кошка (Н. Гоголь. Мертвые души).
- (9) — Пускай ее, — кричат ребята, — опосле нас она и мужа не захочет!.. — Нет, — говорю я ребятам довольно вежливо, — кланяюсь вам, взвод, но только удивляет меня слышать от вас такую жеребятину (И. Бабель. Конармия. Соль).
- (10) Увидишь: / начальство / едет пьяненький
в казенной машине / и в дамской компанийке.
(В. Маяковский)
- (11) [О чиновниках гражданской палаты] *Фемида просто, какова есть, в неглиже и халате, принимала гостей* (Н. Гоголь. Мертвые души).

Подчеркнем, что сочетания *полиция была блудлива, начальство ехало пьяненькое* также выглядят странно.

Видимо, неточностью следует признать употребление множ. числа глагола у В. Хлебникова:

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.

(В. Хлебников)

Еще несколько примеров обыгрывания согласования по роду:

- (12) Киев так понравился <князю> Олегу, что в порыве восторга он приказал ему: «Будь матерью городов русских!» ... Киев же, несмотря на свою явную принадлежность к мужскому роду, не посмел ослушаться грозного князя и стал матерью (О. Л. Д'Ор. Русская история).
- (13) [Больной в сумасшедшем доме]: «Не смотрите на меня. Мне стыдно. Я голая женщина». Между тем он был одет и был мужчина с усами ... *Женщина с усами закурил трубку*» (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).
6. Трудности возникают также при согласовании с псевдонимами: *Кончеев в своих критических обзорах не раз, — свысока и в сущности столь же недобросовестно, — задевал Мортуса (который, кстати сказать, был в частной жизни женщиной средних лет, матерью семейства, в молодости печатавшей в «Аполлоне» отличные стихи)* (В. Набоков. Дар).

7. При согласовании сказуемого с комитативными группами сказуемое обычно стоит во множ. числе, ср. *Я с моим сыном пришли первыми*, однако след. фраза из поэмы Маяковского «Облако в штанах» выглядит необычно:

- (14) ... дай твоих губ неисцветишую прелесть:
я с сердцем ни разу до мая не дожили,
а в прожитой жизни
лишь сотый апрель есть.

8. Метафорическое употребление существительных также вызывает сложности при согласовании их с зависимыми словами. Н. Д. Арутюнова отмечает, что, поскольку в метафоре нет перевоплощения, должно быть соблюдено «поверхностное семантическое согласование»: можно сказать о мужчине *Вдруг из кухни выползла эта рыжая змея и начала всех жалить* — «предикат метафоризируется вслед за субъектом» [Арутюнова 1979: 152–153]. На первый взгляд, этому положению противоречит пример из рассказа И. Бабеля «Король», где один и тот же глагол (*стоять*) употребляется то в мужском роде (*стоял*), то в женском (*стояла*):

- (15) [Налетчики подожгли полицейский участок, где усердствовал новый пристав — «новая метла чисто метет»] *Участок исправно пылал с четырех сторон ... Под шумок разбежались арестованные ... Пристав — та самая метла, что чисто метет, — стоял на противоположном тротуаре и покусывал усы, лезшие ему в рот. Новая метла стояла без движения.*

В действительности, противоречия в (15), видимо, нет: в первой части фразы глагол (*стоял*) согласуется с существительным *пристав* и только во второй ее части — с существительным *метла*. Тем не менее фраза производит комический эффект.

9. И, наконец, отметим обыгрывание согласования прилагательных и глаголов с иноязычными словами, в частности, с географическими названиями:

- (16) *Узким ручьем шумел (шумела? шумело?) Оккервиль, бился в гранитные берега, берега крошились, как песчаные, оползли в воду* (Т. Толстая. Река Оккервиль).

В существующей практике в подобных случаях руководствуются видовым существительным: Оккервиль — *река*, значит, предпочтительнее, чтобы Оккервиль *билась в гранитные берега*. Тем не менее, Толстая выбирает мужской род (*бился*), — возможно, потому, что

в описываемом ею месте река течет *узким ручьем* (а *ручей* — существительное муж. рода).

15.2. Семантическое согласование элементов фразы

Ранее мы рассматривали некоторые случаи нарушений морфологической согласованности компонентов предложения. Здесь мы остановимся вкратце на ограничениях, имеющих, на наш взгляд, скорее семантическую природу.

Согласование по оценке или по числу.

Язык требует не только формальной (грамматической), но и смысловой согласованности единиц текста.

- (1) *Еще при Ольге стал княжить ее сын Святослав. Это был очень храбрый князь: он потерпел поражение от самого Цимисхия, императора Византийского* (О. Д'Ор. Русская история).

Поражение (от кого бы то ни было) не согласуется с храбростью. Интересно, что, сделав небольшие изменения, мы снижаем аномальность высказывания: *Это был очень храбрый князь: он воевал с самим Цимисхием, императором Византийским, хотя и <правда> потерпел поражение.*

- (2) *Все уже было, в общем-то, решено, и не сегодня завтра он собирался стать ее четвертым мужем* (Т. Толстая. Сомнамбула в тумане).

Обратим внимание на то обстоятельство, что фраза *Не сегодня завтра он стал бы ее четвертым мужем* нейтральна. Казалось бы, дело в лексическом значении глагола *собираться*: именно употребление этого глагола делает фразу аномальной. Однако фраза *...не сегодня завтра она собиралась в четвертый раз выйти замуж* — нейтральна! Это яркое проявление требования оценочной согласованности элементов фразы. Если для женщины выйти замуж — событие со знаком плюс и порядковый номер брака не имеет большого значения, то для жениха вступление в брак — тоже событие со знаком плюс, но богатое прошлое невесты расценивается в русской языковой картине мира как явление отрицательное. А такая противоположность оценочных характеристик должна эксплицитно выражаться в языке: нейтральной была бы фраза типа *Он собирался стать ее мужем, пусть четвертым.*

- (3) *Тут, под молодым дубом, лежит мертвое тело, покрытое с головы до ног новой белой холстиной. На груди большой деревянный образок* (А. Чехов. Мертвое тело) — обыгрывается рассогласование по размеру лексического значения прилагательного *большой* и уменьшительного суффикса в слове *образок*.

Некоторые конструкции предполагают множественное число входящего в них существительного, которое лишь в шутку может быть заменено на единственное. Поясним сказанное примерами.

- (4) *При Александре I в официальных придворных объявлениях приглашались на приемы люди таких-то званий, а также знатные особы обоего пола. Жуковский не имел определенного звания по службе при дворе. Он шутил, что в торжественно-праздничные дни и дни придворных выходов он был знатною особою обоего пола* (Рус. лит. анекдот).
- (5) [На пожаре] — *Пожаррные, приготовьсь! Разойдитесь! Господин Оптимов, разойдитесь, ведь вам же плохо будет!* (А. Чехов. Брожение умов).
- (6) [Атрепренер Гуськин говорит об организуемом им концерте]: — *...послезавтра у них концерт. Такой концерт, что я бы сам валом валил на такой концерт. Событие в анналах истории* (Н. Тэффи. Воспоминания).
- (7) *Если молодой человек обоего пола полюбил лицо обратного пола, то нехорошо, когда он (м. ч-к об. пола) разлюбит его (л. обр. пола).* (В. Ардов. Слова-паразиты и лектор-паразит).
- (8) [Профессор Преображенский] *Если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха* (М. Булгаков. Собачье сердце).

- (9) И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен.

(А. Твардовский. Василий Теркин)

— обыгрывается известный штамп военных годов: *Противник был частично истреблен, частично рассеян* (или: *Войска противника были...*).

- (10) [Разговор с проигравшим] — *Под стол! Ничего не знаю! ... — Нет же, нет, нет! Почему?! Я человек, звучу гордо, не полезу, хоть убейте!..* (Т. Толстая. Сомнамбула в тумане) — общие высказывания

типа обыгрываемого здесь горьковского *Человек — это звучит гордо!* недопустимы по отношению к конкретному лицу.

Согласование по масштабу

*И Батюшкова мне противна спесь:
Который час, его спросили здесь,
А он ответил любопытным: вечность!*
(О. Мандельштам)

1. В этих стихах удивляет многое. Не странно ли, что Батюшкова упрекает в «противной спеси» Мандельштам, поэт, который сам привык к космическим масштабам, сам «дышал звезд млечной трухой, колтуном пространства дышал» и которому принадлежат строки:

*И покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.*

С тем же, что у Батюшкова (и Мандельштама), космическим масштабом мы встречаемся в сказке П. Ершова «Конек-горбунок»:

*Против неба, на земле
Жил старик в одном селе.*

Вспоминается в этой связи и стихотворение С. Орлова:

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.*

Зарыть в X. Обычно X — материал типа: земля, песок и т. п., не *в холм, поляну, степь, Украину и, тем более, не: *в восточное полушарие, *в земной шар.

2. Аномальность приведенных примеров вполне оправдана (так, космический масштаб, заданный Ершовым с первых строк сказки, передает ощущение неразрывной связи жизни крестьянина со Вселенной), однако она отчетливо ощущается. Ее причина — нарушение правила семантического согласования, не привлекавшего внимания исследователей, — согласования по масштабу. На материале языковой игры укажем некоторые виды нарушения согласования по масштабу в русской фразе.

Казалось бы, в приведенных и в приводимых ниже примерах мы имеем дело с преувеличением, гиперболой (или с обратным тропом — литотой). Сходство, действительно, есть. Важнее, одна-

ко, принципиальное отличие: гипербола действует в пределах некоторой системы измерения, в наших же случаях — меняется сама система измерения. Сравним наши примеры с высказыванием, содержащим гиперболу:

— *Ваня! Ты абсолютно ничего не делаешь по дому, зарабатываешь копейки, вечно пьяный, только и знаешь, что бегаешь по бабам.*

— *Тысячу раз тебе говорил, сотни тысяч раз говорил и в миллионный раз повторяю: не смей преувеличивать!*

Известно, что в отличие от логики, где высказывание может быть либо истинным, либо ложным, в языке эта граница расплывчата, много промежуточных случаев. Так, с любым обвинением в адрес Вани можно согласиться (*Да, он палец о палец не ударит, единственное его занятие — преследование юбок!* и т. д.), а можно его отвергнуть (*Неправда, он иногда помогает по дому!*). В наших же примерах авторов нельзя обвинить не только во лжи, но и в преувеличении, нельзя сказать: *Ну, Ершов преувеличивает, говоря, что его старик живет против неба на земле!* Ершовский старик, действительно, живет против неба, на земле, а орловского солдата, действительно, зарыли в шар земной. Аномальность заключается не в преувеличении, а в нарушении масштаба изображения.

Каждый класс ситуаций имеет пространственные и временные границы — верхние и нижние. Говорящие интуитивно ощущают эти границы, но иногда намеренно переходят их для достижения определенного (чаще всего комического) эффекта. И это позволяет нам, лингвистам более определенно провести сами эти границы. Поясним сказанное несколькими примерами, снабдив их самыми краткими комментариями. Сначала приведем случаи нарушения пространственных границ описываемого, затем — временных.

3. Нарушение масштаба пространства

- (1) *Генрих <саксонский король> отправился в кабинет папы <...> В лютую зиму, в вьюгу и холод пришлось переправляться через Альпы — потому что кабинет папы находился по ту сторону Альп* (О. Дымов. Средняя история).

Вообще говоря, приведенное высказывание истинно и абсолютно точно: конечная точка движения короля Генриха — именно кабинет папы римского. Однако точность (обычно желательная) оказы-

ваются здесь неуместной именно из-за резкого несовпадения масштаба пространственных характеристик событий — длительности пути (через заснеженные Альпы) и мизерности конечного пункта (кабинет папы). Увеличение масштаба (напр.: *Генрих отправился во дворец папы*) делает фразу менее аномальной. Еще лучше — указание родового наименования (*в резиденцию папы*), города (*в Канносу*), страны (*в Италию*).

(2) ...пароход «Дир», на котором мы плыли летом в Потти и терпели муки, приказал долго жить: разбился о южный берег Крыма (А. Чехов — А. С. Суворину, 17 дек. 1888).

(3) В Варшавском университете (факт). На экзамене профессор анатомии спрашивает студента: «Где помещается сердце?» — «В грудной клетке». — «Нет!» — «На диафрагме». — «Нет!» — «Другого ответа не знаю». Профессор поясняет: «Сердце помещается в сердечной сумке». Студент (нервно): «Позвольте, г. профессор, если меня спросят, где вы, г. профессор, находитесь теперь, — то как, по-вашему, я должен ответить: «в своем кабинете» или — «в своих штанах?» (Журн. «Сатирикон», 1913).

(4) — А почему у вас две кровати? — осведомился гость.
— Эта комната так велика, что мне иногда, когда я бываю по делам в южной ее стороне, трудно достигнуть северной стороны, в особенности, если хочется спать. Поэтому я поставил на каждой стороне по кровати (А. Аверченко. Подходцев и двое других).

(5) Иван Кузьмич
Коренной москвич,
А его подруга Дарья
Из другого полушарья.
(С. Маршак)

(6) Офицер. Перед тобой север, справа — восток, слева — запад.
Что сзади тебя?
Н о в о б р а н е ц. — Ранец, ваше-скородие! (Журн. «Сатирикон», 1908).

Глаголы, обозначающие физические действия конкретных существ (*Коля идет <гуляет>*), неохотно сочетаются с обозначениями крупных географических единиц, и чем крупнее единица, тем сильнее ощущается аномальность. Нормальные фразы типа *Коля идет <гу-*

ляет> по улице; нормально *идти, гулять по городу, по Москве*, но фразы *бежать по городу, бежать по Москве* уже ощущаются как несколько необычные. Еще более аномальными являются фразы типа *Он идет <бежит, гуляет> по Московской области* и, тем более, *Он идет <бежит, гуляет> по России <по Европе, по северному полушарию>*. Фраза, начинающая известную песню *Гулял по Уралу Чапаев-герой, Он соколом рвался с врагами на бой*, не аномальна, но глагол *гулять* имеет здесь другое значение. Использование здесь глагола *гулять* в его основном значении необычно: *Однажды Чапаев с роскошной блондинкой гулял по Уралу*.

Приведем примеры обыгрывания этого явления в художественной литературе:

- (7) Но папочка и мамочка уснули вечером,
А Танечка и Ванечка — в Африку бегом
<... >
Вдоль по Африке гуляют,
Фиги-финики срывают.
(К. Чуковский. Бармалей).
- (8) Ожила Мартышка!
Не узнать Мартышку —
Как она по Африке
Носится вприпрыжку!
(Б. Заходер. Мартышкин дом).
- (9) А в отчаявшемся том государстве —
Как войдешь, так сразу наискосок,—
В бесшабашной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший королевский стрелок.
(В. Высоцкий. Про дикого вепря)
- (10) Узлы пересыпанной пухом ноши,
Треск подмытых водой ворот...
Кто-то ругался, что забыл калоши,
А самому *Нева забиралась в рот.*
(В. Горянский. Наводнение).
- (11) *Из-за перелома степи, на урете неба и земли, показались телеги и поехали поперек взора Копенкина, увозя на себе маленьких деревенских людей мимо облаков* (А. Платонов, Чевенгур).
- (12) С утра на полдень едет он,
Дорога далека.

Свет белый с четырех сторон,
А сверху — облака.

(А. Твардовский. Страна Муравия):

- (13) *Марий был очень свиреп, любил простоту обихода, не признавал никакой мебели и сидел всегда прямо на развалинах Карфагена* (Н. Тэффи. Древняя история).

Любоваться развалинами Карфагена можно, а сидеть можно лишь на рухнувшей карфагенской колонне, но не на развалинах Карфагена.

4. Нарушение масштаба времени

Приведем теперь несколько примеров нарушения временных масштабов изображаемого.

- (1) В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь форточку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

(Б. Пастернак. Про эти стихи).

В стихотворении Пастернака задается космический масштаб (но не пространственный, как в п. 3, а временной).

- (2) *В августе бобиль пошел в тень, лег животом вниз и сказал: — Захар Павлович, я помираю, я вчера ящерицу съел...* (А. Платонов. Чевенгур).
- (4) *Молодцеватый квартальный, проходивший мимо крыльца, поглупел и вытянулся в струнку, когда Аполлон Аполлонович Аблеухов <...> с каменным лицом, напоминающим пресс-папье, быстро вышел из подъезда* (А. Белый. Петербург).
- (3) *Ровно в шестнадцать часов сорок минут Васисуалий Лоханкин объявил голодовку. Он лежал на клеенчатом диване, отвернувшись от всего мира <...> Поголодав минут двадцать в таком положении, Лоханкин застонал, перевернулся на другой бок и посмотрел на жену* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).
- (5) *«Надо, — думаю, — в самом деле пить бросить». Взял и бросил. Не пью и не пью. Час не пью, два не пью. В пять часов вечера пошел, конечно, обедать в столовую* (М. Зощенко. Лимонад).

В конструкциях типа *Голодать (не есть) некоторое время X; Не пить (спиртные напитки) некоторое время X* для каждого глагола есть своя минимальная единица измерения времени («временной квант»).

Для ситуации «поглупение» — годы, может быть, месяцы, для ситуации голодания это день, неделя, может быть, месяц (разумеется, без перерывов!), для ситуации «бросить пить» — год, месяц, неделя, — но никак уж не минуты и не часы.

(6) — *Лиза, пойдём обедать!* — *Мне не хочется, я вчера уже обедала* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

В ситуации «обед» частица *уже* действует в интервале суток, нейтральное высказывание — *Я сегодня уже обедала*.

(7) — *Где твоя жена?*

— *Ты спрашиваешь про Аярову или Гридину?*

— *Про Ковровскую.*

— *Не знаю, что с ней. Позавчера в 7 с половиной вечера жила еще с Зенитовым* (Журн. «Сатирикон», 1911).

В ситуации «жить с кем-то» временной квант для нейтральных высказываний — год, сезон, может быть, месяц.

Интервал между просьбой или предложением и реакцией на них — разный для разных ситуаций, но не может быть слишком большим, ср.:

(8) [Переписка двух друзей] *«Прости, дорогой Аркадий, что я долго не отвечал тебе. Дело в том, что когда мы в прошлом году встретились случайно в театре Корша, ты спросил у меня, не могу ли я тебе одолжить сто рублей <...> К сожалению, у меня тогда не было таких денег, а теперь есть и, если тебе надо, я могу прислать». Я ответил ему: — «Три года тому назад однажды в ресторане Малоярославец ты спросил меня, который час? К сожалению, у меня тогда часы стояли. Теперь я имею возможность ответить тебе на твой вопрос. Сейчас четверть второго»* (А. Аверченко).

(9) *Санитары везут на каталке больного. — Куда вы меня везете, — спрашивает больной. — В морг. — Но ведь я же еще не умер! — Но ведь мы еще и не доехали!*

В шутке (9) повторное использование частицы *еще* подчеркивает несопоставимость масштабов человеческой жизни и езды по больничному коридору.

(10) *Двое осужденных водворяются в тюремную камеру.*

— *Тебе сколько дали? — спрашивает один.*

— *Десять лет. А тебе?*

— *Пять лет.*

— *Значит, ты выйдешь первым. Занимай тогда койку поближе к двери.*

15.3. Согласование в случае «несобственных значений» морфологических форм

Значительный интерес представляет согласование во фразах, включающих морфологические формы в «несобственных значениях». В этих случаях говорят обычно о *т р а н с п о з и ц и и* форм (*они* вместо *он*; вежливое *вы* и т. д.). Таким образом, в большинстве случаев мы будем говорить об обыгрывании, необычном использовании таких форм, которые и в нейтральном употреблении не совсем обычны (напр., «докторское *мы*»: *Как мы себя чувствуем?*). При этом одна необычность не исключает, как правило другую, и мы, тем самым, имеем дело с «необычностью в квадрате». Следует подчеркнуть, что необычность в морфологии отражается в синтаксисе: он вынужден на них реагировать. В частности это сказывается на особенностях согласования. Так, «вежливое *вы*» и по правилам поверхностного согласования отличается от «основного» *вы*: требует множественного числа глаголов и кратких прилагательных (*Вы невежливы*), но единственного числа существительных и полных прилагательных (*Вы — грубиян; Вы такой невежливый*) (см. Булыгина, Шмелев 1997: 330–331).

В данном разделе работы мы будем рассматривать значение и употребление не только личных форм глагола, но и личных местоимений — поскольку, по справедливому замечанию Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, «функция элементов, связанных с лицом, не зависит от того, в каком конкретном месте высказывания этот элемент локализован, т. е. является ли он автономным словом или словоизменительным аффиксом» [Булыгина, Шмелев 1997: 319].

Категория лица

Морфологическая категория лица, в сущности, является прагматической. В ней отражаются отношения между участниками речевого акта: 1-е лицо — говорящий (или — во множественном числе — говорящий + другие), 2-е лицо — слушающий (слушающие), 3-е лицо — все остальные (и всё остальное).

Обыгрыванию чаще всего подвергаются морфологические формы не в их основных, а в «несобственных значениях», когда одно лицо используется «вместо» другого. Ср. пример Е. В. Красильни-

ковой [1990]: *Ей по-человечески говорят, а она не понимает*, где 3-е лицо ед. числа употреблено вместо 2-го, а 3-е лицо мн. числа — вместо 1-го, и эта двойная транспозиция не делает фразу аномальной [*Я тебе по-человечески говорю, а ты не понимаешь*].

3-е лицо вместо 1-го

1. Говорящий «прячется» за кого-то, как бы снимает с себя ответственность за свои поступки, как это делает Пушкин в письме к П. А. Вяземскому:

Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил <...> Прирути ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино (конец апр. — начало мая 1826).

Поцелуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина (А. Пушкин — Л. С. Пушкину, 20–23 дек. 1824).

Этот прием любил использовать (особенно в письмах) А. Чехов. Вот три примера из его писем к О. Л. Книппер-Чеховой, 1901–1902 гг. (третье лицо везде перемежается с первым):

...крепко целую тебя и шепчу тебе на ухо разные глупости.

Не забывай своего мужа. Он ведь сердитый, дерется; Горький садится писать новую пьесу, как я уже докладывал тебе, а Чехов еще не садился; Не забывай своего мужа, вспомни-най о нем хоть раз в сутки. Обнимаю тебя, мою пьяницу.

Твой муж в протертых брюках, но не пьющий.

Очень любил этот прием и великий художник М. В. Нестеров. В своих письмах он не только говорит о себе в третьем лице, но иногда как бы и вступает в спор с самим собой. Ср. отрывок из его письма С. Дурылину (17 апр. 1930 г.):

Перейду к Вашему молчаливому другу. Он хотя и киснет, но искра жизни где-то еще, очевидно, в нем теплится. Хвастается, что не сегодня-завтра начнет писать двойной портрет с братьев Кориных. Я говорил ему, что трудная тема, а он своё: «Ну так что же, что трудная, зато интересная»... Подумайте, разве тут какие резоны помогут? «Хочу, и больше ничего». И я махнул рукой, пусть пишет...

Употребление 3-го лица вместо 1-го давно используется в русской литературе (например, протопопом Аввакумом) — иногда с другими целями. В. В. Виноградов отмечает: «Изредка из своего хро-

нологического далека он [протопоп Аввакум] созерцал себя как посторонний объект восприятия, и переполняется жалостью к этому страдальцу ... «Одинъ бѣдной горемыка-протопопъ нарту здѣ лаль...»; «И протопопа Аввакума, бѣднава горемыку, в то время с прочими остригли...»; «Увы, Аввакумъ, бѣдная сиротина, яко искра огня, угасаетъ и яко неплодное древо посѣ каемо бываетъ...» [Виноградов 1980: 29].

Труднее объяснить «перескок» со 2-го лица на 3-ье в письме Аввакума Иллариону, архиепископу Рязанскому: *А ты хто? Вспомяни-тко, Яковлевич, попѣнок! В карету сядешь, растопыришься, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи унеятки любили. Ох, ох, бедной!* (цитирую по: Лихачев, Панченко, Понырко 1984).

Хотя Д. С. Лихачеву очень хочется видеть в смехе Аввакума «религиозный смех», «проявление доброты к своим мучителям», а «злой» смех считать «нарушением правил» (см. Лихачев, Панченко, Понырко 1984: 63–69 и др.), однако, по нашему мнению, именно «злой» смех особенно характерен для Аввакума (что вполне понятно). Чего стоят, например (приводимые самим Лихачевым!) след. высказывания Аввакума:

Плюнул бы ему в рожу ту и в брюхо то толстое пнул бы ногою!; <...> государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их [никониан], что Илия пророк, всех перепластал во один день. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю.

2. В повествовании и (реже) в разговорной речи при указании на себя или на собеседника говорящий может использовать определительные конструкции с союзными словами *который* или *кто*. Ср. диалог из рассказа Стивена Ликока «Неотразимая Винни» (пер. С. Займовского), где собеседники, начав с 1-го и 2-го лица, переходят затем к описательным выражениям, а затем и к местоимениям *он, она*, что выглядит особенно аномальным при повторах:

— О нет, — воскликнул незнакомец, помогая вспыхнувшей девушке подняться, — умоляю, не преклоняйте предо мной колелен! Если я сделал что-нибудь, заслуживающее благодарности той, которая, кто бы она ни была, останется навсегда в душе человека, у которого так мало таких воспоминаний, он будет этим щедро вознагражден! Если она это сделает, он

будет благословен!

— *Она сделает! Он будет благословен! ... одинокая и побежденная жизнью, она просит оставить ее...*

— *Он оставит!* — *вскричал незнакомец. — Он оставит! Он уже оставляет!*

1-е лицо вместо 2-го

1-е лицо вместо 2-го используется достаточно часто с различными целями. Отметим, прежде всего, особое употребление *мы*, типа *Как мы себя чувствуем?* Это употребление называют по-разному: «сочувственно-интимное» [Аванесов — Сидоров 1945: 154], «солидарное» [Булыгина, Шмелев 1997: 327], «докторское, родительское» [Красильникова 1990: 9], «инклюзивное» [Апресян 1995, т. II: 153] и т. д. Важно, разумеется, не название, важно описать значение и особенности употребления этого *мы*. *Мы* инклюзивное «маркирует более высокий статус говорящего в текущей ситуации» [Апресян 1995, т. II: 153], оно естественно в ситуации «врач и пациент», «учитель и ученик» (*Ну, как у нас дела?*); «родители и дети» (*Ну, как мы сегодня спали?*; *Сейчас умоемся и за стол!*) и т. п. Впрочем, даже и здесь существуют жесткие ограничения: по отношению к детям-подросткам или гостям подобные выражения вряд ли допустимы. Ю. Д. Апресян отмечает, что «солидарность с адресатом, испытываемая говорящим, настолько велика, что он готов поставить себя в положение адресата и разделить все его переживания» [Апресян 1995, т. II: 153]. Языковая игра показывает, что всё-таки — не все: расширение сферы употребления этой конструкции нередко ощущается как необычное и производит комический эффект. Тем самым языковая игра может помочь «нащупать границы» нейтрального использования конструкции. Сравним два примера. Набор действующих лиц в них один и тот же — милиционер и «гражданин», тем самым оба примера удовлетворяют требованию, о котором говорилось выше: в текущей ситуации говорящий (милиционер) имеет более высокий статус.

- (1) [Капитан милиции — задержанному] — *Ну, как — будем сознаться или еще поиграем в молчанку?* (В. Ардов. Сигнал).
- (2) *В секретарскую спокойной деловой походкой входила милиция в числе двух человек. Увидев их, красавица [секретарша] зарыдала ..., тыча рукою в дверь кабинета. — Давайте не будем*

рыдать, гражданка, — спокойно сказал первый (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В (1) использование *мы* нейтрально (или почти нейтрально), между тем как в (2) оно производит комический эффект. Дело, видимо, в том, что кроме требований, связанных с распределением социальных ролей, конструкция должна, видимо, удовлетворять каким-то другим, которые я затрудняюсь сформулировать. Возможно, комический эффект в (2) вызван тем, что сопереживание, выражаемое данной конструкцией, не должно быть слишком преувеличенным: трудно представить себе милиционера, рыдающего в описываемой Булгаковым ситуации. В примере (1), описывающем ситуацию, более соответствующую деятельности милиции, эта же конструкция выглядит почти нейтральной.

В классической ситуации «врач — пациент» тоже не всегда «инклюзивное *мы*» допустимо. Фраза *Мы, кажется, любим <любители> выпить?* допустима в нейтральном употреблении, а фраза *Мы, кажется, пьяницы?* — вряд ли.

«Инклюзивное *мы*» интересно еще и тем, что, кроме сочувствия говорящего, оно дает слушающему еще один «козырь» — формальное основание понимать высказывание буквально, спекулируя на этом сочувствии:

К итальянскому судье привели бродягу, обвиняемого в мелкой краже. Судья, разбирая дело, был в затруднении, как обращаться к бродяге — на вы или на ты. Первое казалось ему слишком уважительным, второе — некорректным. Судья решил обратиться на мы: «Итак, похоже, что мы украли часы», — сказал он. «Вы, может быть, и украли, Ваша честь, — ответил обвиняемый. — Я же их не крал» (Н. Романова, А. Филиппов. «Русский язык в СССР», 1991, N 10).

Рекорд злоупотребления конструкцией установлен, кажется, главным героем фильма «Ирония судьбы, или с легким паром», который, встретив в лифте собаку, спрашивает у нее (пьяно-заискивающим голосом): «Мы не кусаемся?».

Приведем еще один пример обыгрывания значения местоимения *мы*, очень интересный во многих отношениях:

[Разговор жены, артистки, с мужем]:

— Я у тебя никогда ничего не брала.

— Так ли? А когда мы еще не были известной артисткой, то

на чей счет мы жили? А кто, позвольте вас спросить, вытянул вас из нищеты и осчастливил? (А. Чехов. Mari d'elle).

Во-первых, обратим внимание на поверхностное расогласование глагольного и именного компонентов предложения: мн. число глагола-связки + ед. число имени (*мы еще не были известной артисткой*). И замена множ. числа единственным вряд ли сделало бы фразу нейтральной: в устах мужа фраза *Когда мы еще не были известными артистками...* выглядит странно.

Во-вторых, в приведенном примере замена 2-го лица 1-м имеет целью не преувеличенное сопереживание, как в предыдущих примерах, а приписывание собеседнице мании величия (*Мы — Николай П...*) и осуждение собеседницы. Впрочем, подобное осуждение, передаваемое заменой 2-го лица на 1-е, нередко в разговорной речи, ср.:

[Отец — сыну]: — *Мы, ведь, всё сами знаем. Зачем нам дураков-родителей слушать?* Отец говорит от лица сына, который как бы включается при этом в некую социальную группу, группу «независимо мыслящих детей».

Интересны случаи, когда 3-е лицо употребляется одновременно, в одной фразе, вместо 1-го и 2-го:

[Отец — сыну]: — *Ах ты, поросенок! Скажите, пожалуйста, какие он отцу слова говорит! Отец на них работает, отец их воспитывает, одевает, обувает, ночей не спит да думает, как бы им хорошо было, а они...* (Н. Тэффи. Семья разговляется).

Говорящий после прямого обращения к сыну как бы призывает в свидетели кого-то отсутствующего (*Скажите, пожалуйста...*) и описывает ситуацию с позиции этого свидетеля, говоря о себе и своих домочадцах в 3-м лице.

1 – е л и ц о в м е с т о 3 – г о

Докладчик: *«На сегодняшнее число мы имеем в Германии фашизм».*

Голос с места: *«Да это не мы имеем фашизм! Это они имеют фашизм! Мы имеем на сегодняшнее число советскую власть»* (И. Ильф. Записные книжки).

Категория числа

1. Е. В. Красильникова (со ссылкой на Е. Кржишкову [1966] и М. А. Шелякина [1979]) отмечает, что в случае, когда однозначно заданы сведения

о предметах (в частности, о их количестве) возможна транспозиция форм числа — употребление мн. числа вместо единственного, и наоборот [Красильникова 1990: 84]. Ср.:

Похлопочи о «Северных цветах», пришли нам своих стихов и проз, да у Языкова нет ли чего? (А. Пушкин — П. А. Вяземскому, серед. окт. 1831) [Множ. число существительного *проза* употреблено по аналогии с близким по смыслу существительным *стихи*].

2. В так наз. д и с т р и б у т и в н о м значении (когда какой-нибудь предмет присущ каждому лицу или предмету порознь) встречается «смешанное употребление единственного и множественного числа» [Виноградов 1972: 133]. Преобладающим является ед. число, которое в ряде случаев незаменимо на множественное. Ср.: «Да прикажи в городе купить колокольчиков — моим коровам *на шею*» (не: *на шеи*) (Тургенев, по Виноградов 1972); «Советники надели *на нос очки*» (не: *на носы*) (пример из Зализняк, Падучева 1984). Обыгрывание этого явления находим у Чехова:

Мы шли по аллейке, усыпанной желтым песком, и счастливыми грудями вдыхали в себя ароматы июньского утра (А. Чехов. Исповедь, или Оля, Женя, Зоя).

Комический эффект усиливается благодаря каламбурному совпадению двух значений существительного *грудь, груди*.

3. Известно, что существительное в ед. числе может служить для обозначения собирательного образа (*Студент сейчас пошел не тот* и т. п.). Говорящие обращают внимание на то, что такое существительное имеет специфические сочетаемостные свойства. Ср.:

- (1) [Перечень популярных литературных персонажей]: ...*Доктор с озабоченным лицом, подающий надежду на кризис; чаша имеет палку с набалдашником и лысину* (А. Чехов. Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.).
- (2) *Общественное положение демоническая женщина может занимать самое разнообразное, но большую часть она — актриса* (Н. Тэффи. Демоническая женщина).

Аномальность здесь связана не с употреблением имени в ед. числе (в общих суждениях этого типа имя может стоять и в ед., и во множ. числе *Студент сейчас пошел не тот / Студенты сейчас пошли не те*), аномально совместное употребление наречия (*часть; большей частью*) и единственного числа имени. Дело

в том, что в примерах этого типа наречия *часто, редко, большей частью* и т. п. по смыслу относятся не к глагольному, а к именному компоненту предложения и синонимичны присубстантивным кванторам *многие, большинство, некоторые* и т. п.: *Лингвисты часто обладают математическими способностями* = *Многие лингвисты обладают математическими способностями* (см. Булыгина, Шмелев 1997: 40–41). Наши примеры (с доктором, часто имеющим лысину, и с демонической женщиной) помогают сформулировать ограничение на употребление подобных «смещенных» наречий. Они недопустимы (в нейтральном употреблении) в случае генерализованной референции, передаваемой ед. числом. Причина понятна: на глубинном уровне произошло бы рассогласование по числу (*многие доктор; многие демоническая женщина*). Именно это делает фразы аномальными.

Вы и ты

Еще одна сложность использования категории числа связана с этикетом: вежливость требует обращения к малознакомому лицу во множественном числе, на *Вы*. В распределении *ты*- и *вы*-конструкций немало, однако, неясностей. Они-то и подвергаются обыгрыванию.

Резкий переход на «ты» возможен не только после брудершафта, но, например, на определенной стадии любовных отношений, ср.:

[Мальчик подслушивает объяснение в любви] — *Я день и ночь о вас думаю... Ваш образ все время стоит передо мной. Скажите же... А вы... А ты... Любишь меня? «Вот еще, — поморщился за ширмой Мишка, — на «ты» говорит. Что же она ему, горничная, что ли?»* (А. Аверченко. Человек за ширмой).

При мысленном обращении к малознакомому лицу мы также «переходим на *ты*», ср.:

Г о р д н и ч и й (в сторону) *Славно завязал узелок! Врет-врет и нигде не оборвется! ... Ну да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать.* (Вслух) *Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши?* (Н. Гоголь. Ревизор).

Местоимение *ты* обычно при обращении к животным, растениям, морю, солнцу и другим природным явлениям. Это употребление *ты* (Ю. Д. Апресян называет его «внедиалоговым») «используется при мысленном обращении к любым объектам, исключая»

щим реальный диалог» [Апресян 1995, т. II: 152]. Здесь обращение на *Вы* выглядит необычным и производит впечатление преувеличенной вежливости, ср.:

Газетной бумагой закрою пропасть окна.
Не буду смотреть на грязь небосвода!
Извините меня, дорогая природа,
Сварю яиц, заварю толокна.

(Саша Черный. Северные сумерки).

[Разговор с котом Бегемотом] — *А простите... это ты... это вы... — он сбился, не зная, как обратиться к коту, на «ты» или на «вы», — вы — тот самый кот, что садились в трамвай? — Я, — подтвердил польщенный кот и добавил: — Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [У Булгакова здесь обыгрывается также шутливое допущение, что брудершафт — обязательное условие обращения на «ты» к живым существам].

Невозможность реального диалога является также причиной того, что, несмотря на трепетно-почтительное отношение к Богу и к покойнику, мы позволяем себе «тыкать» их. *«Спи спокойно, дорогой коллега»* — говорим мы лицу, с которым были на «вы», или даже вообще не были знакомы.

Они вместо *он*

Известно, что употребление *они* вместо *он* — яркая просторечная черта. Вот как Чехов в письме 25 апр. 1887 г. описывает черкаских девиц:

Видел богатых невест. Выбор громадный, но я всё время был так пьян, что бутылки принимал за девиц, а девиц за бутылки. Вероятно, благодаря моему пьяному состоянию здешние девицы нашли, что я остроумен и «насмешники».

Употребление *они* вместо *он* — показатель крайней почтительности. В Конечкий описывает буфетчицу на корабле, которая говорит о капитане *они*: «*Они*» — *она так показывает свои знания шестка, свою смиренную подчиненность капитанскому величию. Спросишь: «Где капитан?» — «Они сказали, что кушать не будут» («Путевые портреты с морским пейзажем»)*. Необычны (и произ-

водят комическое впечатление) случаи, когда это значение резко противоречит общему смыслу высказывания и содержащимся в нем оценочным характеристикам:

[Разговор Воланда и Коровьева («длинного клетчатого») со Степой Лиходеевым]: — ...кое-то из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний — именно вы!

— **Они, они!** — козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, — вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Странно также, когда говорят они о близких людях, например, о муже:

[Красноармеец приходит к Горбушкиным]:

— Извините, граждане. Не пужайтесь... Я от следователя послан... Гражданин Горбушкин... который тут?

Горбушкин показывает рукой на жену. Жена показывает на мужа. Замешательство.

Ж е н а . Вот они... Они — Горбушкин (М. Зощенко. Преступление и наказание).

В устах жены подобная почтительность, допустимая по отношению к постороннему человеку, приобретает оттенок отстранения, отчуждения: жена как бы открещивается от мужа и его дел.

3 мн. вместо 3 ед. в глаголах

1. Что касается глагола, то здесь конструкции со множ. числом 3-го лица вместо единственного могут употребляться и в литературном языке. Т. В. Булыгина [Булыгина, Шмелев 1997: 344–345] отмечает, что эти конструкции указывают на «отчуждение» и иллюстрирует свое понимание, в частности, примером из «Евгения Онегина»:

...лишь вошел... ему

Она навстречу. Как сурова!

Его не видят, с ним ни слова;

У! как теперь окружена

Крещенским холодом она!

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Мне кажется, что отчуждение навеяно не конструкцией, включающей множ. число вместо единственного, а лексическим соста-

в ом фразы (*не видят; ни слова; крещенский холод*). Там, где сама лексика не отчуждает, этого отчуждения нет или оно смягчено, замена пушкинской лексики другой, положительно окрашенной (исключающей отчуждение!), видимо, возможна: *...она навстречу! Как ласкова! Его усаживают, расспрашивают...*

Нет отчуждения и в очерке Н. Ильиной об А. А. Реформатском: *Вырезки [из газет] делались [А. А. Реформатским] для себя, для меня, для учеников ... Работа по вырезыванию велась обычно вечером (отдых после трудового дня), затем меня звали к себе либо появлялись на пороге моей комнаты. Протягивалась пачка вырезок: «Это тебе должно быть интересно».*

Налицо любовное подтрунивание над торжественной церемонией передачи вырезок (нейтральной была бы фраза: *он звал меня к себе либо появлялся на пороге моей комнаты*). Отчуждения (с обеих сторон), видимо, нет. Еще пример — из рассказа А. Аверченко «Вечером», где описывается разговор с маленькой девочкой:

Подперев руками голову, я углубился в историю французской революции и забыл всё на свете. Сзади меня потянули за пиджак. Потом поцарапали ногтем по спине. Потом под мою руку была подсунута глупая морда деревянной коровы. Я сделал вид, что не замечаю этих ухищрений.

Таким образом, я полагаю, что «отчуждения» в конструкциях с мн. числом глагола вместо единственного нет. Однако некоторый дополнительный смысл они содержат. Ср. фразы (1) и (2), явно отличающиеся по смыслу:

- (1) *Встречает меня, усаживает за стол, угощает.*
- (2) *Меня встречают, усаживают за стол, угощают.*

Следует обратить внимание на один существенный момент: в отличие от (1), фраза (2) может описывать две разных ситуации: 1) угощающий — один; 2) угощающих — несколько. Но даже если угощает один человек, его действия оцениваются в (2) как «более интенсивные», чем в примере (1). На значение конструкции накладывает отпечаток ее происхождение (по форме — это мн. число): речь идет об одном лице, но оно как бы множится. При этом сама описываемая ситуация приобретает дополнительную значимость, граничащую с торжественностью. Еще один пример — из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова:

Попал он [Никанор Иванович Босой] к профессору Стравинскому не сразу, а предварительно побывав в другом месте. От другого этого места у Никанора Ивановича осталось в воспоминании мало чего. Помнился только письменный стол, шкаф и диван ...

*— Откуда валюту взял? — задумчиво спросили у Никанора Ивановича ... Всякому терпению положен предел, и за столом уже **повысили** голос, **намекнули** Никанору Ивановичу, что ему пора заговорить на человеческом языке.*

В этом и подобных случаях описываемое лицо (следовательно) теряет индивидуальность, выступает от лица всех чекистов, даже конкретные детали разговора — повышение голоса, употребляемые выражения (*пора заговорить на человеческом языке*) обобщаются — что и выражается постановкой множественного числа вместо единственного.

2. Иной смысл имеет замена единственного множественным в примерах типа:

(3) *На днях мне из Думы звонили. Шурин (он там гардеробщик) на свадьбу дочери приглашал.*

В статье, посвященной «лингвистической демагогии», Т. М. Николаева описывает распространившуюся в последние годы манеру говорить на «они»: *Мне звонили из «Союза композиторов»* (хотя звонил один человек). Т. М. Николаева считает, что речь здесь идет «о непрестижном представителе престижной в целом корпорации» [Николаева 1988: 159]. Мне кажется, что ни сама корпорация, ни ее представитель не расцениваются с точки зрения престижности/непрестижности. Я могу, видимо, сказать: *Мне звонили из ВЦП. Мартемьянов звонил*, — хотя для меня как раз наоборот — учреждение непрестижно и неуважаемо, а его представитель — уважаем. Конструкция типа *Мне звонили из ВЦП* удобна в случае, если нет необходимости указывать, кто именно звонил. Употребляя ед. число (*Мне звонил из ВЦП...*) мы были бы вынуждены, иногда без всякой необходимости, расширить фразу, указав субъект действия (*Мартемьянов*, или: *кто-то*, или: *один человек* и т. п.). Конструкция *Мне звонили из ВЦП* содержит еще один важный смысловой компонент, определяющий правила ее употребления: звонящий выступает как представитель данной организации, по делам организации. Поэтому (3) производит комический эф-

фект. Аномальность уменьшается при замене мн. числа единственным: *Мне шурин звонил из Думы (он там гардеробищиком работает)*...

Мн. число существительных вместо единственного

Еще один интересный случай обыгрывания категории числа касается существительных. Неоднократно отмечалось (см., напр., Потебня 1886; Арбатский 1972; Крысин 1988; Красильникова 1990), что мн. число существительных может использоваться вместо единственного. Е. В. Красильникова приводит много примеров подобного употребления, которые, на мой взгляд, делятся на две группы, принципиально различных: 1) *Кто это кошельки раскидывает?* (лежит один кошелек); 2) *Вот люди ходят по «Пекинам» (ресторан) / там по ипподромам*. В первом примере речь идет об одном предмете, во втором — о нескольких (имена единичных общеизвестных предметов или лиц употребляются тут в значении: 'предметы или лица типа X'). Для создания комического эффекта используется обычно второе из указанных употреблений. Именно о нем мы и будем говорить.

- (1) [Опискин]: *Что ж делали до сих пор все эти Пушкины, Лермонтовы, Бородины. Удивляюсь. Народ пляшет камаринского, эту апофеозу пьянства, а они воспевают какие-то незабудочки!* (Ф. Достоевский. Село Степанчиково...).
- (2) — *Что еще за параллель такая, — смутно отзывался Митрич. — Может, такой никакой параллели и вовсе нету. Этого мы не знаем. В гимназиях не обучались. Митрич говорил сущую правду. В гимназии он не обучался. Он окончил Пажеский корпус* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).
- (3) *Вот вы там все по Швейцариям ездите, а своего родного не замечаете* (П. Романов. Русская душа).

Примеры такого типа дали основание А. А. Потебне [1886] говорить о множественном «несправедливого пристрастия». Сходную оценку дают Ю. Д. Апресян [1995: 142] и Е. В. Красильникова: «Мы можем констатировать характерную отрицательную окраску таких употреблений ...: недовольство, упрек, неприязненное, отчужденное отношение к факту, предмету, лицу, но иногда это просто шутовское «поддевание»» [Красильникова 1990: 85]. Настораживают три обстоятельства: 1) в некоторых из приводимых Красильни-

ковой примеров «отрицательная окраска» описываемого не ощущается, ср.: *Какой человек / по Ленам где-то плавает* (Я увидел бы здесь скорее восхищение); 2) там, где «отрицательная окраска» есть, не создается ли она другими средствами: местоимениями *всякий, там* (*всякие там «Мелодии»*), общим смыслом высказывания? 3) описываемая конструкция возможна и в случае положительной оценки, ср.:

- (4) — *Господи, какая цивилизация! Виды эти, разные Везуви... окрестности! Что ни шаг, то и окрестности!* (А. Чехов. В Париж!)
- (5) — *И вы, греки, хорошие ... Ну... вообще. Приятный такой народ. Классический. Маслины вот тоже. Периклы всякие* (А. Аверченко. Дюжина ножей в спину революции).
- (6) *Люди открывают Северные полюса, перелетают через Атлантические океаны, изобретают говорящие кинематографы, Днепрострой возводят* (В. Катаев. Внутренняя секреция).
- (7) *Б а я н. Вам мировая революция нужна, вам выход в Европу требуется, вам только Чемберленов и Пуанкаров сломить, и вы Мулен Руж и Пантеоны красотой телодвижений восхищать будете* (В. Маяковский. Клоп).
- (8) Не надо, хлопцы, ждать шекспиров,
Шекспиры больше не придут.
Берите циркули, секиры,
Чините перья и за труд.
(Михаил Годенко)

Это употребление может быть нейтральным или даже торжественно-возвышенным, а может (в сходных, казалось бы, контекстах) окрашиваться иронией.

Вспомним два следующих примера:

- (9) Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.
(М. Ломоносов)
- (10) Товарищи ученые, *Эйнштейны драгоценные,
Ньютоны ненаглядные, любимые до слез!*
Ведь лягут в землю общую останки наши бранные,

Земле — ей все едино: апатиты и навоз.

(В. Высоцкий)

Дело, видимо, в том, что Ломоносов говорит о потенциальной возможности, а Высоцкий — о реальности, о современных ученых; налицо грубое преувеличение (вряд ли советские ученые в целом допускают сравнение с Эйнштейном и Ньютоном).

Итак, употребление мн. числа при указании единичных общеизвестных предметов или лиц не придает ни этим предметам (или лицам), ни высказыванию в целом отрицательную окраску. Я бы определил смысл этой транспозиции несколько иначе — как снижение. По своей природе рассматриваемое явление родственно сравнению, описываемые конструкции включают смысловой компонент 'предметы или лица типа X'. Имеется, однако, и существенное различие. Оно касается оценки второго компарата (того, с чем сравнивают). Употребляя во множ. числе имя единичного общеизвестного предмета или лица, мы лишаем его уникальности и, тем самым, снижаем — независимо от оценки этого предмета или лица. Фразу *Франция еще родит Наполеонов* может сказать и противник Наполеона, и его горячий поклонник, однако в обоих случаях Наполеону отказано в уникальности. Точно так же в приведенном выше примере (9) Ломоносов прославляет Российскую землю (она может рождать аж многих Платонов и Ньютонов), но одновременно происходит некоторое снижение реальных ученых (Платона и Ньютона) — поскольку им отказано в исключительности. Это снижение усиливается до презрительного пренебрежения в случае сопоставления (так, в примере (5) Перикл поставлен в один ряд с маслинами) или в случае контраста, когда имя во множ. числе употреблено в контексте единственного числа: уникальность одного подчеркивает многочисленность (и, тем самым, некоторую заурядность) другого, ср.:

Недаром такие речи ведутся:

Был бы «Ревизор», а *Мейерхольды найдутся!!*

(А. Архангельский)

Категория залога Обыгрывание категории залога — явление не слишком частое, но крайне интересное. Многие ученые отмечали, что в русском языке, в отличие от других европейских, безличные предложения (*Его убило молнией; Меня знобит*) занимают большое место и на-

блюдается их дальнейший рост, вытеснение личных предложений безличными (см., напр., Пешковский 1956: 345; Вежбицкая 1996: 55–76). При этом как будто действует какая-то неизвестная сила. Если субъект и есть, то он (напр., трамвай в примере *Ego переехало трамваем*) лишь орудие этой силы. Если это — человек, он не несет ответственности за результат, за успех или неуспех. Вежбицка отмечает, что английская конструкция *He succeeded* букв. ‘Он преуспел <в этом>’ отличается от соответствующей русской *Ему это удалось* тем, что в английской часть ответственности за успех или неуспех перелagается на человека, а в русской действующее лицо освобождено от ответственности за конечный результат [Вежбицкая 1996: 72–73]. Нередки шутки, где это свойство русского языка усиливается и доводится до абсурда. Приведем (с краткими комментариями) несколько примеров.

- (1) *...в небольшом сквере, трехлетний ребенок, весь в красном, шатко ступая шерстяными ножками, поплелся к тумбе, беспалой ладошкой загреб снег, лежавший аппетитной горкой, и поднес его ко рту, за что сразу был схвачен сзади и огрет* (В. Набоков. Защита Лужина).

Аномальность усиливается и доводится почти до абсурда там, где субъект действия — вполне определенное лицо:

- (2) — *Позвольте быть вам проводимой мной. Где вы живете?— Ишь, чего захотели. Никогда я не скажу вам* (А. Аверченко. Страшный человек).
- (3) Ах, дядюшка! Но вы его поймете
И не осудите профессии недуг,
Тем более, что очень часто тетей
в Семен Сергеича швыряется утюг.
(А. Архангельский. Октябрины)

Нейтральной была бы активная конструкция (*...тетя швыряет в Семен Сергеича утюг*) — точно так, как в отрывке из биографического очерка Натальи Ильиной «Реформатский»:

- (4) *А газеты? Их выбрасывать разрешалось, но лишь после того, как они были прочитаны, размечены и сделаны вырезки. Вырезки делались для себя, для меня, для учеников ... Протягивалась пачка вырезок: «Это тебе должно быть интересно».*
- (5) [После свиста кота Бегемота, от которого «в роще посыпались сухие сучья с деревьев... снесло у пассажиров несколько

кепок в воду»]: — *Свистнуто, не спорю, — снисходительно заметил Коровьев, — действительно свистнуто, но, если говорить беспристрастно, свистнуто очень средне!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

От непереходного глагола обычно не образуется страдательное причастие (*исхожено, заработано, сказано, но не схожено, работано, свистнуто*; в (5) нейтральным было бы выражение типа *Действительно, свист был* или: *ты свистнул*).

- (6) [О «великом лгуне» Мишеньке Эртеле] В. И., *фурьерист, с бордой Грозного, клал руку на голову Мише:*
— «Что, Мишенька?» — «Гыы, Владимир Иванович», — *картавил Миша.* — «Всё лжётся?» — «Гыы-ыы» — *гырчал Миша.*
(А. Белый. Начало века. Мишенька Эртель).

Иную природу имеет комический эффект в стихах Б. Заходера по повести А. Милна «Винни-пух и все-все-все»:

«Собака кусается»... Что ж, не беда.
Загадочно то, что собака,
Хотя и кусается, но никогда
Себя не кусает, однако...

Заходер обращает внимание на омонимичность форм на *ся*; одни из них обозначают возвратность (*моется = моет себя*), а другие — нет. Эта же омонимия обыгрывается в каламбуре К. Елисеева [по: Новиков 1989: 249]: *Талант, не зарывайся!* Сталкиваются два выражения: *зарывать талант в землю* и *Не зарывайся* («Не будь самонадеян») и две залоговых формы — страдательная и возвратная.

§ 16. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

16.1. Общие, альтернативные и специальные вопросы

1. Н. К. Рябцева отмечает: «Представление о том, что такое вопрос, целостно и едино. Это следует уже из того, что носители языка не осознают многозначность данного слова» [Рябцева 1991: 73]. Говорящие, однако, хорошо осознают функционально разные типы вопросов и обыгрывают их.

2. Общие, альтернативные и специальные вопросы существенно отличаются, в частности, по возможности постановки модальных слов типа *наверное, возможно* и т. п. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев

утверждают, что эти модальные слова, как показатели гипотетичности, несовместимы с показателями иных иллокутивных типов, например, вопросительности (см. Булыгина, Шмелев 1997: 294). Это утверждение нуждается в уточнении. Слова типа *наверное* допустимы в некоторых видах общих и альтернативных вопросов (*Это, наверное, мрамор?*; *Это, наверное, мрамор или гранит?*), но не в вопросах специальных.

4. Говорящие тонко чувствуют неудовлетворительность общего вопроса, включающего отрицание. На такой вопрос нельзя ответить, и это подчеркивает приводимая ниже шутка. Она иллюстрирует одну важную особенность вопросо-ответного диалога, касающуюся трактовки молчания. Ср.:

(1) — *Я не мог не жениться на ней. Ведь как она поставила вопрос: «Ты женишься на мне? У тебя нет возражений?» Тут уж я никак не мог выкрутиться. Скажи «да» или «нет», ее устроил бы любой ответ.*

— *Почему же ты не промолчал?*

— *В том то и дело, что промолчал. Тогда она сказала: «Молчание — знак согласия!», и на этом все было кончено (Смех...).*

6. Нередко обыгрывание а л ь т е р н а т и в н ы х вопросов:

(2) *Что более вам нравится? запах розы или резеды? — Запах селетки (А. Пушкин — П. А. Вяземскому).*

В (2) обыгрывается свойство альтернативных вопросов задавать область (цветы) и даже ее наиболее вероятные элементы (*роза, резеда*). Аномалия возникает не при нарушении исходного предположения о вероятных элементах (ответ *Запах фиалки* не аномален), а при нарушении задаваемой вопросом о б л а с т и — как это имеет место в (2), где область «цветы» заменяется совсем другой областью — «продукты». Интересно, что область вопроса может задаваться не только альтернативными элементами, содержащимися в самом вопросе, — она может быть задана предшествующим текстом или самой ситуацией:

(3) *...муж бережно освобождает жену из своих объятий и, глядя на ее неестественно полный живот, спрашивает меня:*

— *Как ты думаешь, что у нас будет? Этот вопрос муж Митя задавал мне много раз, и я каждый раз неизменно отвечал:*

— *Окрошка, на второе голубцы, а потом крем. Или: — Завтра? Кажется, пятница (А. Аверченко. Здание на песке).*

При ответе на альтернативный вопрос спрашиваемый может отвергнуть обе альтернативы:

- (4) *Филиппу на его вопрос: как желают спартанцы встретить его в своей стране — врагом или другом? — они отвечали: «Ни тем, ни другим»* (Всемирн. остроумие).

Другой необычный ответ на альтернативный вопрос дается в след. шутке, где не только принимаются обе альтернативы, но к ним добавляется еще одна:

- (5) — *Что будете пить, вино или водку?*
— *И пиво!*

16.2. Псевдовопросы

1. Многие вопросы (недоуменные, риторические и т. п.) не являются, собственно говоря, вопросами. Они не содержат компонента 'незнание', который Н. К. Рябцева считает прототипическим [Рябцева 1991: 76], и, естественно, не требуют ответа. Е. В. Падучева отмечает, что вопрос *Кто может объять необъятное?* (Козьма Прутков) равнозначен отрицательному суждению *Никто не может объять необъятное* (см. Падучева 1996: 306). Буквальное понимание подобных псевдовопросов вызывает комический эффект:

- (1) [Влюбленный в телефонистку Обуялов]: *«Слушайте. Клянусь вам, что я погибаю. Что у вас в груди — сердце или камень?»* Обуялов прислушался. Ответа не было. Его больше не слушали. *Вопрос о содержимом грудной клетки телефонистки так и остался невыясненным* (Е. Петров. Беспокойная ночь).
- (2) [Бендер и Воробьянинов обсуждают стоимость сокровищ, спрятанных в стульях]:
— *Теперь, значит, стоит полтора ста тысяч.*
— *Неужели так много?* — *обрадованно спросил Воробьянинов.*
— *Не меньше. Только вы, дорогой товарищ из Парижа, плюньте на все это.*
— *Как плюнуть?*
— *Слюной, — ответил Остап, — как плевали до эпохи исторического материализма. Ничего не выйдет* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Вопрос Воробьянинова *Как плюнуть?* — по форме специальный вопрос, по существу — выражает недоумение. Между тем, ответ Бендера (*Слюной!*) ориентирован именно на буквальный смысл во-

проса. Интересно, что так наз. коммуникативного провала, тем не менее, не происходит: собеседники отлично поняли друг друга.

- (3) [На похоронах] — *Кого мы хороним?! — воскликнул я, обведя присутствующих горестным взглядом. На этот вопрос любой из присутствующих мог бы ответить, что “хороним мы Игнатия Фомича Зябкина, а если я не знаю такой простой вещи, то лучше бы мне и не взбираться на могильный холм”... Но все промолчали, потому что поняли: такая фраза говорится ораторами для разгона. — Кого мы потеряли?! — зывал я (промолчали и на этот вопрос), — Игнатия Зябкина мы потеряли — вот кого!* (А. Аверченко. Пантеон советов молодым людям).

Вот еще пример, из рассказа А. Аверченко «Здание на песке», где описывается разговор новобрачных, прерываемый репликами их приятеля:

- (4) [Муж — жене Липочке]:
— *А чьи это губки?*
Из угла я говорю могильным голосом:
— *Могу заверить тебя честным словом, что губы, как и все другое на лице твоей жены, принадлежат именно ей!*
— *Друг мой... я тебя не понимаю... Он, Липочка, кажется, сегодня нервничает. Не правда ли?.. А где твои глазки?*
— *Эй, — кричу я. — Если ты нащупаешь ее нос, то по левой и правой стороне, немного наискосок, можешь обнаружить и глаза!.. Не советую даже терять времени на розыски в другом месте!*

В эмоциональных вопросах такого типа нарушаются все без исключения условия успешности вопроса (см. о них, напр., Падучева 1985: 25). Говорящий знает ответ и, тем самым, не нуждается в получении информации от слушающего. Еще примеры обыгрывания вопросов этого типа:

- (5) *Одинокий мужчина каждый вечер слышит, как за стеной кто-то спрашивает: «А чья это у нас попка?» Однажды он не выдерживает: «Выясните вы, наконец, чья там у вас жопа, и не мешайте людям спать!» (Анекдот).*
- (6) *Матушка [попадья] поняла только одно: отец Федор ни с того ни с сего остригся, хочет в дурацком картузе ехать неизвестно куда, а ее бросает.*

— Не бросаю, — твердил отец Федор, — не бросаю, через неделю буду назад. Ведь может же быть у человека дело? Может или не может?

— Не может, — говорила попадья (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

- (7) Окончив сообщение, Дирак обратился к аудитории: «Вопросы есть?» — «Я не понимаю, как вы получили это выражение», — спросил один из присутствующих. «Это утверждение, а не вопрос, — ответил Дирак. — Вопросы есть?» (Физики продолжают шутить).

В (7) физики обращают внимание лингвистов на существование особой, довольно распространенной категории вопросов, формально близких к утверждениям и вводимых сочетаниями типа *я не понимаю, как...*

Маскировка утверждений, просьб или требований под вопрос встречается довольно часто. Вопросы типа *Вы не могли бы открыть окно?* по существу являются побуждениями. И все-таки они, как справедливо отмечается в [Падучева 1985], «сохраняют нечто от семантики вопроса». Это «нечто» может усиливаться и обыгрываться говорящими. На этом строится целый рассказ М. Зубкова:

- (8) *Вот подходит недавно один:*

— Слушай, ты не мог бы одолжить трешку?

— Мог бы, — говорю. И иду своей дорогой.

— Куда ты? — спрашивает.

— В булочную, — отвечаю.

— Мне трешка нужна, — говорит.

— Мне тоже, — говорю.

— Так ты не можешь одолжить, что ли? — спрашивает.

— Почему? Могу, — отвечаю.

— Так чего же не одалживаешь? — спрашивает.

— Так ты же не просишь, — отвечаю.

Г-щий в (8) не понимает (или делает вид, что не понимает), что высказывание *Ты не мог бы одолжить трешку?* — не вопрос, а высказывание *Мне трешка нужна* — не утверждение: и то и другое — про сь б а.

Высказывание, по форме являющееся вопросом, может иметь и другие (противоположные по смыслу!) значения — побуждение или запрет:

- (9) Жена в ярости бьет пьяного мужа:
 — Будешь пить, скотина? Будешь пить, скотина?
 — На-ли-ва-ай... Уговорила...
- (10) Двое, сойдя на полустанке, идут лесополосой. Вдруг один хватывает нож и грозно спрашивает:
 — Деньги есть?
 — А тебе зачем? — отвечает другой, достав из-за пояса топор.
 — Да разменять думал.

В (10) первый вопрос (*Деньги есть?*) — это, в сущности, требование, а второй (*А тебе зачем?*) — отказ его удовлетворить. Однако, именно то обстоятельство, что в обоих случаях все-таки остается нечто от семантики вопроса, позволяет грабителю перестроиться и выдать свое требование за невинный вопрос.

- (11) — Сколько лет человеку, родившемуся в 1946 году?
 — Мужчине или женщине?

Под видом альтернативного вопроса предлагается (как нечто само собой разумеющееся) утверждение (точнее, ассерция выдается за пресуппозицию): «Женщины убавляют себе возраст».

- (12) Кто-то спросил меня, глядя на X: «Как правильнее сказать: «осведомитель» или «доносчик»?» (С. Лец. Непричесанные мысли).

Под общим высказыванием на лингвистические темы в (12) скрывается замаскированное оскорбление. Актуализирует его обстоятельственная группа: *глядя на X*.

Неверное понимание слушающим сути задаваемого ему вопроса обыгрывается в (13)–(15):

- (13) Жертву дорожного происшествия доставили в госпиталь.
 В приемном отделении, записывая его данные, сестра спрашивает:
 — Женаты?
 — О нет, нет! Я попал под автомобиль.
- (14) — Тебе повезло на охоте за тиграми?
 — О да, страшно повезло! Я не встретил ни одного.
- (15) — Мама, Марь Иванна, наша учительница, не знает кто такая лошадь, никогда ее не видела.
 — Откуда ты это взял?
 — Как же, я нарисовал лошадь, а она спрашивает: «Это кто?»

16.3. Экзаменационные вопросы

Интересны так наз. экзаменационные вопросы. В отличие от других вопросов, они задаются лицом, знающим ответ, а между тем требуют полного ответа и не допускают ссылок на чужое мнение, ср.:

- (1) *Учитель. Семенов, что вы скажете о центробежной силе?*
Ученик. Совершенно согласен с мнением автора учебника физики, господин учитель.

Экзаменационные вопросы различаются между собой по степени сложности: альтернативные сложнее, чем общие (требующие ответа *да* или *нет*), но легче, чем специальные (включающие вопросительное местоимение). Эти различия подчеркиваются в след. шутке:

- (2) *Три студента — американский, английский и русский обсуждают, где легче сдавать экзамены.*

Американец говорит: — У нас просто сдают. На экзамене задают вопросы типа: в каких единицах измеряется сила тока?

Англичанин: — У нас еще легче. Дают вопрос — в каких единицах измеряется сила тока, и к нему три ответа: кг, ампер, литр. Тут и выбираешь.

— А у нас приходишь на экзамен, — говорит русский, — и тебя спрашивают: а не в амперах ли измеряется сила тока?

16.4. Пушкин-вопрос

Особый и достаточно интересный тип вопроса — вопрос типа «А уроки за тебя отец будет делать?». Его можно было бы назвать «Пушкин-вопрос», поскольку он зачастую принимает форму «А уроки за тебя Пушкин делать будет?». Он выражает одновременно и возмущение тем, что адресат до сих пор не совершил некое действие, и грубое требование это сделать. Обычно социальная роль говорящего выше социальной роли слушающего (об асимметричных ролевых отношениях см. Крысин 1989: 147 и след.), но возможно, видимо, и обратное: призыв к отцу *А игрушку мне Пушкин купит?* груб, но возможен. Обыгрывание «Пушкин-вопроса» встречаем у Булгакова и Вен. Ерофеева:

- (1) *Никанор Иванович <...> совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по не-*

сколько раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платит будет?» или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

- (2) ...как немножко напьюсь, так сразу к нему <возлюбленному> подступаю: «А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?» (Вен. Ерофеев. Москва — Петушки).

§ 17. АНАФОРИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

1. Анафорическое отношение — особый вид отношений между словами, настолько особый, что само его рассмотрение в главе, посвященной синтаксису, остается спорным. Анафорическое отношение — это отношение между словами или словосочетаниями, непосредственно (синтаксически) не связанными между собой: «в смысл одного выражения входит отсылка к другому» [Лингв. ЭС 1990].

В. Вересаев с негодованием писал:

«Иван Петрович подошел к столу. Он был очень весел.»

Прочитав что-нибудь подобное, всякий считает себя обязанным притвориться идиотом и спросить: — Кто был весел? Стол?

Гомер нисколько не стесняется говорить: «он побежал», раз по смыслу понятно, о ком идет речь, хотя бы в предыдущей фразе дело шло о столбе («Записи для себя»).

Следует признать, что негодование Вересаева не вполне обосновано: львиная доля случаев обыгрывания анафорических отношений всё-таки содержит некоторую неточность в указании antecedента — первого члена анафорического отношения. Приведем лишь несколько примеров из множества имеющихся.

- (1) *Не успела доярка слезть с трибуны, как на нее забрался председатель колхоза.*
- (2) *«Кася повесила скворца в комнату профессора. Каждый вечер она подставляла к нему стул и влезала на него». Господи, помилуй — на кого?! На скворца, на стул или на профессора?» (Журн. «Новый Сатирикон», 1914).*
- (3) *Сейчас во всех колхозах формируются гурты бычков-кастратов для нагула. На днях их пригласили на бюро райкома КПСС для утверждения. Среди них и пожилые и молодые, коммунисты и беспартийные («Вперед», орган Михайловского РК КПСС Курской обл., 27 апр. 1961).*

- (4) — Я ни разу не спала со своим мужем, пока мы не поженились, — доверительно сообщила женщина случайной знакомой. — А вы? — Не знаю, право. А как его зовут?
- (5) [А. Измайлов издевается над след. фразой Гончарова]: «Если б не эта тарелка да не прислоненная к постели только что выкуренная **трубка**, или не сам хозяин, лежащий **на ней**, — то можно было бы подумать, что тут никто не живет». Позвольте вас спросить, где лежал Обломов, если следовать правилам принятого синтаксиса и признавать, что указательное местоимение всегда согласуется с последним из стоящих перед ним существительных того же рода? на постели или на трубке? («Пятна на солнце»).
- (6) Думая напугать увивавшегося вокруг него мальчугана, кузнец сунул ему под нос кусок раскаленного металла. «Если вы дадите мне полдоллара, я его лизну», — сказал парнишка. Кузнец вытащил монету и отдал ее мальчику. Тот, ни слова не говоря, взял монету, лизнул ее, положил в карман и, весело насвистывая, побежал прочь.
- (7) Он [Васенька] стал что-то очень глупо острить насчет моего зонтика, но Жан сразу поставил его на место (конечно, Васеньку, а не зонтик), и мы поехали наслаждаться воздухом (Н. Тэффи. Из весеннего дневника).

2. Нередко авторы вносят уточнения там, где они излишни, — с целью дискредитации описываемого лица:

- (8) Примите дар — певца поблекнувший портрет.
Он стоил три рубля (портрет, а не поэт).
(И. К. Прутков)
- (9) Отдай Лике почтовую бумагу, а то она, т. е. бумага, заплеснет (А. Чехов — М. П. Чеховой, 16 мар. 1891).

3. Интереснее случаи, затрагивающие другие структурные особенности членов анафорического отношения.

Обыгрывается, в частности, затруднительность замены некоторых именных групп анафорическими местоимениями, ср.:

(1) Не говори о человеке дурно. Ведь и ты — он (С. Лец) — нужно повторить существительное: ведь и ты человек.

(2) Выдающиеся события, метеорология, пророчества ... В Рыбинске недоумение. Восх. сол. 5 ч. 21 м. Зах. его же 6 ч. 45 м. (А. Чехов. Календарь «Будильника» за 1882 год).

- (3) Он [Чичиков] отвечал, что уже имел счастье нечаянным образом познакомиться; попробовал еще кое-что сказать, но кое-что совсем не вышло (Н. Гоголь. Мертвые души).

Интересно, что замена в (3) неопределенного местоимения анафорическим не уменьшила бы аномальности фразы (^{??}...но оно совсем не вышло), — ср. пример, где замена неопределенного местоимения дейктическим словом, видимо, допустимо:

- (4) В одном обществе очень пригоженькая девица сказала Кульковскому:
— Кажется, я вас где-то видела. — Как же, сударыня! — тотчас отвечал Кульковский, — я там весьма часто бываю (Рус. лит. анекдот).

Единицы, входящие в состав фраземы, также не могут заменяться анафорическими местоимениями, ср.:

- (5) ...голос его прервался: беднягу душили рыдания, и душили они его добрых минуты две (Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).
(6) — Всё бы ничего, но вот Герцогиня, Герцогиня! Она придет в ярость, если я опоздаю. Она именно туда и придет! (Там же).
(7) — Мне бы, — говорит, — перед смертью на лоно природы поехать, посмотреть, какое это оно. Никогда ничего подобного в своей жизни не видел (М. Зощенко. Голубая книга. Деньги).

Кажется, использование анафорических местоимений связано с категорией одушевленности. Ср. пример (8), где местоимение он допустимо (пусть не очень естественно), и (9), где это вряд ли возможно:

- (8) — Это был Коля?
— Он.
(9) — Это был понедельник?
— Он.

Впрочем, этот вопрос достаточно сложен, и он требует особого рассмотрения. Оказывается, в частности, что влияние категории одушевленности проявляется, видимо, в вопросительных, но не в утвердительных высказываниях. Ср. приведенное выше недопустимое (9) и нейтральное высказывание (10):

- (10) Это был понедельник. Он принес много неожиданностей.

4. Нередко обыгрывается повторение именной группы вместо замены ее местоимением, ср.:

- (11) «Эвона... Земляк-то, земляк што докладывает», — умилялся Матвей Моржов; и взяв двумя пальцами огурец, огурец и откусывал (А. Белый. Петербург).
- (12) *Господин Голядкин ясно видел, что настало время удара смелого, время посрамления врагов его. Господин Голядкин был в волнении. Господин Голядкин почувствовал какое-то вдохновение...* (Ф. Достоевский. Двойник).

5. Интересный пример, где анафорическое местоимение (*его*) не имеет antecedента, содержится в письме А. Пушкина Н. Гнедичу (27 июня 1822):

...не предвижу конца нашей разлуки. Здесь у нас молдованно и тошно; ах, боже мой, что-то с ним делается — судьба его меня беспокоит до крайности — напишите мне об нем, если будете отвечать.

Вместо antecedента дается н а м е к на него, понятный адресату: Пушкин неоднократно обыгрывал сочетания *кюхельбекерно и тошно*, *молдованно и тошно*, восходящие к фамилии его лицейского товарища Кюхельбекера; его-то судьба как раз и беспокоит Пушкина.

Сложности в определении antecedента обыгрываются и в след. шутке:

- (13) *Воспитание детей было очень суровое. Чаще всего их сразу убивали. Это делало их мужественными и стойкими* (Н. Тэффи. Древняя история).

6. Кроме «классических» анафорических слов (*он, она, оно, они*), в анафорической функции используются (особенно при пересказе, в том числе в художественном повествовании) и д е й к т и ч е с к и е слова (*этот — тот; здесь — там; сегодня — вчера — завтра* и т. д.) (см. Апресян 1995, т. 2: 630 и сл.). Как и анафорические слова, они не имеют строгой референциальной закреплённости — хамелеоны, меняющие расцветку с изменением обстановки, что может приводить к недоразумениям. Именно сложность в определении antecedента и подвергается обыгрыванию. Несколько примеров.

- (14) *В одном нашем российском провинциальном городе, над магазином детских кроватей, была вывеска, изображавшая ребенка в люльке, под которой была подпись: «Сих дел мастер»* (Энцикл. весельчака).
- (15) *Что посеешь, то и пожнешь.* (Этим доказывается пустота и бес-

- смысленность хлебопашеского занятия)* (Журн. «Сатирикон»).
- (16) Доктор. *Гм! Я никак не могу поставить точного диагноза. Думаю, что всё это из-за пьянки.*
 Пациент. *О, я вас понимаю, доктор. Прикажете прийти в другой раз, когда вы будете трезвым?*
- (17) — *Мадам! На этой неделе вы сбили уже пять человек. Это уже слишком. — А сколько можно?*
- (18) Егор Лигачев (видный коммунистический деятель):...*Тут меня обвиняют, будто я брал взятки... Это невероятно, товарищи, но это факт!* (1989 г.).

Обыгрывные дейктических слов путем их нагнетания (и отсутствия референциальной соотнесенности) любил Пушкин:

Душа моя Павел,
 Держись моих правил:
 Люби *то-то, то-то*,
 Не делай *того-то*.
 Кажись, это ясно.
 Прощай, мой прекрасный.

(В альбом Павлу Вяземскому)

Черноокая Россети
 В самовластной красоте
 Все сердца пленила *эти*,
 Те, те, те и те, те, те.

О, какие же здесь сети
 Рок нам стелет в темноте:
 Рифмы, деньги, дамы *эти*,
 Те, те, те и те, те, те.

7. Дейктические слова в собственно дейктической функции обыгрываются редко, ср.:

- (19) [Коньков объясняет старичку, как он оказался в чужой квартире]: *«Па-азвольте! Меня сам Данилов пригласил...» Старичок похлопал его по плечу и той же рукой показал наверх: «Там Данилов! Там! Поняли?». «Умер?» — догадался Коньков и сразу взял себя в руки, чтоб не малодушничать... «Наверху он! — надрывался старичок. — Наверху живет. В третьем этаже» (Н. Тэффи. Страшный ужас).*

(20) *В переполненном автобусе девушка взялась за руку, как она полагала, своей спутницы. И вдруг она обнаруживает, что держится за руку незнакомого мужчины. Придя в великое замешательство, она восклицает:*

— *О, простите, я взялась не за ту руку!*

— *Пожалуйста, вот вам моя другая рука, мисс.*

(21) [Мартышка — гостям, которых накануне она пригласила «на завтра»]:

— *Что вы! Приглашенья / Я не отменяла.*

Но ведь я сказала: / Завтра приходите,

А теперь — сегодня, / Так что погодите.

(Б. Заходер. Мартышкин дом).

(22) *На улице пьяный спрашивает прохожих: — Скажите, где здесь противоположная сторона?*

Ему показывают. — Как?! А там говорят, что здесь!

Интересны случаи, когда в ситуации непосредственного общения в роли дейктических выступают «обычные», знаменательные слова. Вернусь к примеру, который я уже приводил в другой связи:

(23) *Н а т а л ь я П е т р о в н а (Верховскому). Да, я должна вам отдать книги (передавая книги) Синяя мне понравилась, а желтая — нет.*

В е р х о в с к и й . Я буду носить только синие (В. Шкваркин. Весенний смотр).

Нейтральными были бы конструкции типа *Эта мне понравилась, а эта — нет*. Внешний несущественный признак (собственно, дейктическое употребление) принимается за основной и обыгрывается.

§ 18. ПОВТОРЫ

1. Повтору свойственна универсальность: он используется не только в комических, но и в серьезных текстах. По удачному выражению Е. А. Земской, повторяющаяся единица «выступает как скрепа — выразитель единого значения, усиливающего единство текстового ряда» [Земская 1992: 168]. Повтор может смешить, но он может также убеждать, огорчать, даже раздражать. Рассказывают, что один петербургский адвокат (Ф. Н. Плевако?) выступал по делу об убийстве мальчика. Убийца (25-летний горбун) признался, что он убил дразнившего его мальчика. И адвокат добился для

убийцы оправдательного приговора! Свою речь он построил так. «Господа! Господа! Господа! Господа!..» — и так несколько минут. И реакция зала менялась — сначала легкое недоумение, потом смех, потом негодование, крики: «Это издевательство! Вон!» И тогда адвокат закончил свою речь: «Так вот, господа. Вы пришли в бешенство оттого, что я две минуты повторял вежливое обращение к вам. А мой подзащитный 25 лет выслушивал, как ему кричали «Горбун!», без конца напоминая ему о его несчастье».

2. При повторе используются самые разнообразные языковые единицы — фонетические, морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические (см. Санников 2002: 43–47). Мы, естественно, коснемся только этих последних. Несколько примеров.

(1) *Почему ты всё дуешь в трубу, молодой человек?*

Полежал бы ты лучше в гробу, молодой человек.

(О. Мандельштам, Газелла) — нагнетание обращений.

(2) *...пора, наконец, дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздно вращается на устах слово: добродетельный человек, потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом, и всем, чем ни попало; потому что изморили добродетельного человека <...> потому что лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека* (Н. Гоголь. Мертвые души).

При нейтральном употреблении бо́льшая часть словосочетаний *добродетельный человек* была бы заменена анафорическими местоимениями. Здесь, и в некоторых других случаях, мы видим прием, противоположный тому, который мы рассматривали в предыдущем разделе: там обыгрывалось з л о у п о т р е б л е н и е анафорическими местоимениями, приводящее к недопониманию, здесь — п р е н е б р е ж е н и е этим синтаксическим средством (для создания определенного художественного эффекта).

(3) Нет, мы империя добра,
А не империя мы зла,
Как мы тут слышали вчера
От одного тут мы козла.

(И. Иртеньев) — повторение подлежащего.

- (4) ...газеты говорят об одном розданном миллионе. Велико дело миллион, но соль, но хлеб, но овес, но вино? (А. Пушкин — Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной, 4 дек. 1824).
- (5) Но управляющий сказал, что меньше, как за 5000, нельзя найти хорошего управителя. Но председатель сказал, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющий сказал: «Где же вы его сыщете? разве у себя в носу?» Но председатель сказал: «Нет, не в носу, а в здешнем же уезде, именно — Петр Петрович Самойлов...» (Н. Гоголь. Мертвые души).
- (6) Сразу видно — нахал,
Сразу видно — скотина.
Но — изящный,
Но — вежливый,
Но никогда — чересчур.
(И. Северянин?)
- (7) Все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо, а хорошее воспитание получается в пансионах, а в пансионах, как известно... (Н. Гоголь).
- В (3)–(6) — нагнетание противительных конструкций с одним и тем же союзом.
- (8) — Надо ж купаться же ж! Освежиться надо же ж! (А. Аверченко. Купальщик).
- (9) Будь с нами б Пушкин, бард свободы,
Дух декабризма б не погиб.
За ним рванулись дружно б роты
и эскадроны б и полки б.
(А. Иванов. Если б да кабы б).

В (8)–(9) — нагнетание частиц.

- (10) Вдруг Сережа приходил,
неумытый приходил,
всех он позже приходил.
— Подавайте! — говорит, —
Чашку чая, — говорит, —
мне побольше, — говорит.

В последнем примере из Д. Хармса — нагнетание глаголов-сказуемых (*приходить, говорить*).

Повторы, столь частые в прямой речи, в косвенной речи выглядят странно, ср.:

- (11) Кристофер Робин сказал, что не может быть такого имени — Посторонним В., а Пятачок ответил, *что нет, может, нет, может*, потому что дедушку же так звали! (А. Милн. Винни-Пух и все-все-все, в пер. Б. Заходера).

§ 19. ПОРЯДОК СЛОВ

1. Говорящие подчеркивают, что иногда изменение порядка слов не изменяет смысла — см. (1), а в других случаях такое изменение связано с изменением смысла фразы или ее части — (2)–(5):

- (1) *Что о печь головой, что головой о печь* (В. Даль).

- (2) Друзья и клад

Один мудрец сказал, хотя и не в стихах:

«Найди друзей — найдется клад в друзьях».

Я то же повторю обратными словами:

«Найди ты клад — друзья найдутся сами».

(А. Илличевский).

- (3) Издателю журнала с эпиграфом «С нами Бог»

В чем разноречит он с читателем своим?

Он пишет: «С нами Бог!», тот говорит: «Бог с ним».

(А. Илличевский).

- (4) У них: «Живи как хочешь».

У нас: «Как хочешь, так и живи» (А. Трушкин).

- (5) А.: *И понимаешь/ он так скучно убеждает/ что жить хорошо//*
 Б.: (смеется) *А хорошо жить еще лучше* (пример из: Земская, Китайгородская, Розанова 1983).

2. Только вводная конструкция свободно вклинивается внутрь других конструкций. Остальные случаи резко аномальны. Однако в определенных условиях они вполне оправданны, нормализация порядка слов привела бы к смысловым и/или стилистическим потерям. Особенно показателен в этом отношении следующий пример:

Екатерина наклонилась над ним тем, чем брала его за душу, за мясо, — грудями.

И он подчинился.

Которые целовал еще два месяца назад господин камергер Монс, Вилим Иванович (Ю. Тынянов. Восковая персона).

Возвращение придаточного определительного (*которые целовал...*) их «хозяину» (*грудям*) существенно изменило бы смысл и сделало

бы менее неотвратимым (может быть, даже странным) уступчивость Петра.

3. В отличие от частиц, русские подчинительные союзы ставятся в абсолютном начале придаточного предложения. Ср. примеры, где обыгрывается нарушение этого правила:

Но на черта ли мне Москвы сугробы?

Поеду в Америку

справлять гардероб.

Не столько

людей посмотреть *чтобы*,

сколько себя

показать *чтоб*.

(Н. Адуев. Пар. на В. Маяковского).

Скрипела старуха,

телега *словно*

кха,

кхо

кхе

кхи.

Великолепно мною уловлены

старухины все грехи.

(«Парнас дыбом», пар. на В. Маяковского).

4. Русские предлоги (кроме предлога *ради*) располагаются перед существительным, с которым они связаны. Нарушение этого правила встречается редко с целью подчеркнуть пренебрежение нормами современного языка. Ср. пародию А. Измайлова на Вячеслава Иванова:

Эрота выперенных и стремных *крыльях на*

От мирных пущ в волшебке мечты лечу далече

<...>

Биюся в кольцах корч, желанием пронзен.

Змий, жду тебя, змею, *одре на одиноком*.

В приведенном примере резко нарушаются и другие правила порядка слов: родительный принадлежности поставлен перед определяемым существительным (*Эрота... крыльях на* вм. *На крыльях Эрота*), определение — после определяемого слова (*одре на одиноком* вм. *на одиноком одре*).

5. Для многих устойчивых сочетаний характерен строгий порядок элементов, его нарушение аномально и производит комический эффект, ср.:

Пряхина <...> приложила кулак ко лбу и закричала резким, высоким голосом: — Меня сживают со свету! Бог господь! Бог господь! Бог господь! (М. Булгаков. Театральный роман).

Обыгрывание порядка следования членов сочинительной конструкции описывалось выше.

§ 20. ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ

Существительные охотно образуют отдельное предложение (*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*) — но только если они выполняют функцию подлежащего, а не какую-то другую. Ср. следующие строки пародиста под странным псевдонимом — «Человек без...», где в отдельные (парцеллированные) предложения выделяются сказуемое и прямое дополнение:

- (1)   Верблюды. Слоны. Газель.
                           Мужчины. С ним мамзель.
                           Газель. Верблюды. Слоны.
                           Сидят. Едят. Блины.

Б. Ю. Норман [1987] отмечает «причудливую» парцелляцию в стихотворении «Читатель стиха» Ильи Сельвинского:

- (2)   И снова идешь среди воя собак
                           Своей. Привычной. Поступью. Тигра.

§ 21. ВКРАПЛЕНИЕ ЧУЖЕРОДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Немного выходя за рамки данного исследования, приведу несколько примеров необычных высказываний, но это — не синтаксическая неправильность или необычность: синтаксически высказывания вполне обычны. Необычно включение в высказывание других высказываний или элементов высказываний, принадлежащих другим авторам, другим языкам, жанрам, стилям и т. д. Это цитация — (1)–(2), битекстуальность (включение другого, обычно известного, текста) — (3)–(5), включение элементов другого стиля — (6), профессионализмов — (7), жаргониз-

м о в (в том числе элементов воровского жаргона) — (8), элементов чужого языка (макароническая речь) — (9)–(10).

Большое число подобных примеров с подробными комментариями приводится в книге: Санников 1999, 2002. Здесь я ограничусь приведением лишь нескольких примеров,

- (1) *И дикий тунгус, и сын степей калмык — все будут говорить: майора Топтыгина послали супостата покорить, а он, вместо того, Чижика съел!* (М. Салтыков-Щедрин. Сказки. Медведь на воеводстве).

Любопытно, что (с некоторым расширением) это цитирование использовал и В.Набоков:

- (2) — *Слава? — перебил Кончеев. — Не смешите. Кто знает мои стихи? <...> В будущем, может быть, отыграюсь, но что-то уж очень много времени пройдет, пока тунгус и калмык начнут друг у друга вырывать мое «Сообщение», под завистливым оком финна* (В. Набоков. Дар).

- (3) — *Пушкин, по его же собственному признанию, был вдохновлен нянькой на свои лучшие произведения. Вспомните, как отзывался о ней Пушкин: «Голубка дряхлая моя... голубка дряхлая моя... сокровища мои на дне твоём таятся...»*
— *Rardon, — вмешался молодой человек <...> — это как будто к чернильнице...* (Н. Тэффи. Нянькина сказка про кобылью голову).

- (4) — *Садись, товарищ, с нами! В ногах правды нет. <...>*
— *Но правды нет и выше!*

(Вен. Ерофеев. Москва-Петушки).

[Соединение пословицы и Пушкинских строк: *Нет правды на земле / Но правды нет и выше*].

- (5) *Выхожу я как-то на дорогу
В старомодном ветхом шушуне,
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
Впрочем, речь пойдет не обо мне.
На другом конце родного края,
Где по сопкам прыгают сурки,
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки. И т.д.*

(И. Иргеньев).

В (5), как и во многих других случаях, мы имеем дело, собственно говоря, не с битекстуальностью, а с политекстуальностью: в основной текст включены строки из стихов Лермонтова, Есенина, советских песен (и даже — в следующих строфах — из стихов Пастернака).

(6) *Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что аудиенция закончена* (М. Зощенко. Ночное происшествие).

(7) [Признание в любви студента-математика]:

Наташа, родная, желанная!

Изранил меня *треугольник страстей*

Заела любовь *многогранная*.

(М. Исаковский. Формула любви).

(8) [Пародия А. Иванова на стихи Г. Касмынина]:

Всё путём!

Льды на реке ломает март.

Апрель как вор в законе,

И льдины стаей битых карт

Разбросаны в затоне.

Геннадий Касмынин

В свои права вошла весна,

Вокруг светлей и чище.

И стаи воробьев, шпана,

Спешат на толковище.

Ворона, словно человек,

Разинула едало.

Сорóка, падла, будто век

Свободы не видала.

Всех обогрел весенний свет,

Длинные, как сроки, тени...

И вот уже сидит поэт

И бóтает по фене.

(9) — *Как условлено, так и сделано. Доне муа того кельк-шозу, который в той железной щикатулке лежит!* (А.Аверченко. Спермин).

(10) *Ардальон Панкратьевич (нос свеклой, глаза — тусклые) вошел в палату и (кислым голосом):*

— *Мать, поднеси чарочку.*

Ардальоновы девы всполохнулись, закивали туловищами, учили политес с конверзационом:

— *Пуркуа, фатер, спозаранку водку хлещете?*

(А. Флит, пар. на А. Толстого, цитирую по: Новиков 1989).

Комический эффект усилен в (10) характерным для петровских времен смешением трех языков — русского просторечья с немецким и французским.

§ 22. СИНТАКСИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ

НУ + инфинитив

Тряпка упала на пол и ну валяться!

Разговорная конструкция *ну + инфинитив* может включать лишь глаголы, обозначающие намеренное действие в прошлом (или узальное действие), ср.: *Пришла <приходит> с работы и ну ругаться; Собака прыгнула на пол и ну валяться!* К числу таких глаголов относится глагол *валяться* в значении ‘лежать, переваливаясь с боку на бок’, но не в значении ‘неподвижно лежать не на месте’.

За поэтом поэт

Утром рано

Звонит в телефон –

На обед сзывает поэтов он [издатель Блох]

И когда пришел

За поэтом поэт,

И когда собрались они на обед...

(Стихи, написанные при участии Н. Гумилева).

Сфера употребления конструкции *за X-ом X* достаточно ограничена: она указывает на движение с небольшими интервалами большого количества однотипных предметов или лиц (*волна за волной; матрос за матросом поднимались на борт*; может быть: *покупатель за покупателем подходили к прилавку*).

Сочетания с предлогом от

Обыгрывается многозначность сочетаний с предлогом *от*. Ср. два следующих примера:

- (1) С папою римским тут в лифте столкнулся
 Прямо в разгаре рабочего дня,
 Я отвернулся, и он отвернулся,
 Я — от смущения, он — от меня.

(И. Иртенъев)

Обыгрывается то обстоятельство, что сочетания с предлогом *от* могут указывать (при одном глаголе!) на причину или же иметь пространственное значение.

- (2) *Мальчик спрашивает: «А где мама от этой девочки?»*

Г. А. Золотова определяет подобные именные сочетания с предлогом *от* как дестинатив — «обозначение предмета или имени другого предмета, связанного с ним отношениями часть/целое и вместе с тем функциональной предназначенности; ср.: *пружина от капкана — пружина для капкана, колесо от велосипеда — колесо для велосипеда*». [Золотова 1988: 77]. Соглашаясь с этим определением, отметим, однако, что приводимые Г. А. Золотовой сочетания с *от* и сочетания с *для*, видимо, не синонимичны. В недавно вышедшем «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» мы нашли понимание соотношения предлогов *для* и *от*, близкое к нашему: они квалифицируются как неточные антонимы (см. Нов. слов. син.: 77–79). В нейтральном употреблении в конструкции *X от Y-а X* — это часть *Y-а* или некоторое дополнительное устройство, нечто второстепенное, обслуживающее, но в момент речи утратившее контакт с целым, для которого оно предназначено. В магазине мы покупаем *ремешок для часов* (не *от часов*), на руке приятеля любимся *ремешком часов* (не *для*, не *от часов*), а вот на улице находим именно *ремешок от часов*. Важно также, что *X* и *Y* — артефакты: *пуговица от рубашки, крышка от чайника, ручка от чемодана, обложка от книги*, может быть *крыша от дома* (если она от него отделена, например, бурей), но не *ствол от дерева, хвост от ослика*. Таким образом, приведенное высказывание резко аномально. И тем не менее оно не бессмысленно, его аномальность подчеркивает специфику детского понимания роли родителей в жизни.

Вот и + пов. накл.

Я читал, что написано на могиле Чехова. А. А. сказала: «Вот и помирай после этого!» («Чукоккала». Б. Пильняк).

Пример подчеркивает, что синтаксическая фразема «*Вот и V_{пов,ед} после этого*» предполагает целенаправленное, добровольно совершаемое действие V.

Автокоррекция

Одно из отличий спонтанной разговорной речи от языка художественной литературы (нарратива) — возможность автокоррекции, поправок (*Я видела его вчера — нет, позавчера*) (см. Падучева 1996: 309). Уточнения, автокоррекция в тщательно обдуманной и отработанной художественной (авторской) речи необычны и производят сильный эффект, иногда комический — (1); иногда это способ добиться правдоподобия описываемого — (2)–(3):

(1) [О картине «Сапожник» Кочетова]:

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... *шиллом* -
ТЬфу! — кистью — я хотел сказать.

(Д. Минаев).

(2) [Федор Константинович наблюдает за прохожими на улице]:
Немедленно затем пересек улицу Александр Яковлевич, — нет, ошибка, — даже не очень похожий на него господин (В. Набоков. Дар).

(3) Ну, а в комнате белой, как прятка, стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена -
Не Елена — другая — как долго она вышивала?

(О. Мандельштам. Золотистого меда струя...)

В (3) — необычный, «отрицательный» способ задания имени. Мандельштам делает вид, что он забыл имя Пенелопы. В обыденной речи подобные обороты нередки (ср.: *Приходил товарищ Андрея — не Антон — другой, тот, который с длинной шеей*).

Вводные слова и словосочетания

Единицы типа *видишь ли, понимаешь* и т. п., казалось бы, уместны при любом обращении на *ты*. Однако, их использование на похоронах приводит к комическому эффекту:

(1) — *Спи спокойно, дорогой товарищ! Память о тебе, видишь ли, надолго сохранится в наших сердцах. Понял, нет?*

Необычно употребление (как чего-то само собой разумеющегося, вводного) чего-то информативно важного, иногда неоспорного:

- (2) [Пересказ «Травиаты»] ...*при всем том я вас очень люблю! Вот вам мой патрет на память, а я, между прочим, помереть должна...*(И. Горбунов. Травиата. Рассказ купца).
- (3) *Вот, значит, помер у ней муж. Она сначала, наверно, легко отнеслась к этому событию. «А-а, — думает, — ерунда!..» А потом видит — нет, далеко не ерунда!.. Женихи по свету не бегают пачками* (М. Зощенко. Голубая книга. Деньги).
- (4) *Стыдно ему стало, и он ушел от меня прочь, в публичный дом, должно быть* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Необычно, когда вводное замечание даже не просто корректирует, а кардинально меняет смысл:

- (5) Когда я пьян
(А пьян всегда я),
Тогда я вспоминаю Вас
(Гусарская песня).

Аномально и производит комический эффект включение вводных замечаний при воспроизведении поэтических текстов:

- (6) ...*в свое время прекрасно выразился наш славный поэт ... Вот его слова:*
— *Жизнь моя, — воскликнул он, — иль ты приснилась мне!*
— *Словно, говорит, я весенней, гулкой ранью*
Проскакал на розовом коне.
(М. Зощенко. Голубая книга. Неудачи).

Вот еще пример — обыгрывание текста «Евгения Онегина»:

- (7) [Онегин читает письмо Татьяны, «в письмо вставляя целый ряд / непозволительных цитат»]
Кто ты? мой ангел ли хранитель?
(Я ваш, сударыня, сосед.)
Или коварный искушитель?
(Вас искушать охоты нет.)
Никто меня не понимает
(Кому понятна ерунда!) и т. д.
(Д. Минаев. Евгений Онегин нашего времени)

Прямая и косвенная речь

Нередки случаи совмещения элементов прямой и косвенной речи, объясняющиеся безграмотностью или волнением, ср.:

[О. Федор в письме жене рассказывает о стычке с Воробьяниновым] *«Какой, говорю, срам на старости лет, какая, говорю, дикость в России теперь настала: чтобы предводитель дворянства на священнослужителя, аки лев, бросался и за беспартийность упрекал! Вы, говорю, низкий человек... и охотник за чужим добром, которое теперь государственное, а не его».* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Синтаксические контаминации

Интересны и синтаксические (фраземные) контаминации вроде: *как корова ветром сдула*; *взялся за гуж — полезай в кузов*; *не плюй в колодец — вылетит, не поймаешь* (примеры взяты из: Норман 1987). Еще несколько примеров:

- (1) *Комиссар отмяк, расчувствовался и велел мне передать, что «искусство действительно имеет за собой» и что я могу провезти всё, что мне нужно, — он будет «молчать, как рыба об лед»* (Н. Тэффи. Воспоминания). [Из: *молчать, как рыба* + *биться, как рыба об лед*].
- (2) *7 раз примерь, а покупай лишь то, что действительно хорошо* (Журн. «Новый Сатирикон»).
- (3) *Его нужно мести из Института каленой метлой* (Л. Крысин) [из: *каленным железом* + *грязной метлой*].
- (4) *Мне глубоко наплевать* [из: *Мне наплевать* + *Мне глубоко безразлично*].
- (5) *Это выведенного гроша не стоит* [из: *выведенного яйца* + *ломаного гроша*].
- (6) *Имеющий уши да развесит* [контаминация из фраземы *развесить уши* и библейского выражения *Имеющий уши да слышит*].

Примеры из [Земская, Китайгородская, Розанова 1983]:

*Что с воза упало / то не вырубишь топором;
Сколько волка ни корми / насильно мил не будешь;
Большому кораблю море по колено.*

Несколько примеров из [Падучева 1982б]:

сменить гнев на милость победителя;
забить козла отпущения;
краеугольный камень преткновения;
отдать концы в воду.

Громоздкие синтаксические конструкции

Говорящие осознают и обыгрывают некоторые опасности, поджидающие любителей громоздких синтаксических конструкций. Андрей Белый вспоминает одну ошибку в устном выступлении А. Веселовского:

Джордано Бруно, стоя одною ногою во мраке средневековья, — и далее, далее, далее (нагромождения придаточных предложений, во время которых оратор забыл, что «ногою»), — другою приветствовал он зарю возрождения (А. Белый. На рубеже двух столетий).

Посягательство на цельность фразеологизма

Н. А. Еськова обратила мое внимание на интересный вид ЯИ: включение во фразему дополнительных элементов. Вот несколько примеров из ее работы «Об одном способе «игры» с фразеологизмами» (в печати):

- (1) *А они [математики] заявляют ей со своей математической колокольни* (Литературная газета, 1976).
- (2) *Крик антисоветской души* (Литературная газета, 1959).
- (3) *...судно тем временем достраивают, шпаклюют на скорую (и жуликоватую) руку..* (Литературная газета, 1980).
- (4) *...бросил незаслуженную тень на коллег по профессии..* (Литературная газета, 1961).

Замечу, что в плане семантическом приводимый Еськовой богатый материал крайне неоднороден. Так, в (1) мы, в сущности, имеем дело с тавтологией, единственная цель которой — создание иронической окраски. В (2)–(3) внесение прилагательного привносит еще и дополнительный смысл. В (4) мы имеем дело с интересным случаем синтаксического смещения: вместо обстоятельства-наречия употребляется прилагательное, вклинившееся во фразему (нейтральным было бы высказывание: *... незаслуженно бросил тень на коллег по профессии*).

Сокращение фразеологизмов

Игровые истоки можно видеть в некоторых текстовых и графических сокращениях (типа *И так далее, И тому подобное, И т. д., И т. п.*). Ограничусь приведением лишь нескольких примеров (подробно см. Санников 1964).

Вещь б/у (Вещь, бывшая в употреблении).

[В меню советских столовых]: *Суп на м/б; б/м* (Суп на мясном бульоне, без мяса).

Особенно силен комический эффект в художественном (особенно поэтическом) тексте:

[Бендер приходит снять комнату по объявлению] — *Это у вас «Сд. пр. ком. в. уд. в. н. м. от. ин. хол.»? А она на самом деле «пр.» и имеет «в. уд.»?* (И.Ильф, Е.Петров. Золотой теленок).

*Люблю тебя, печати место,
Когда без сургуча, без теста,
А так, как будто угольком,
«М. П.» очерчено кружком!*

(Козьма Прутков).

А он всё бьет — здоровый черт! Я вижу — быть беде.

Ведь бокс — не драка, это спорт отважных и т. д.

(В.Высоцкий. О сентиментальном боксере).

О синтаксической связности

Говорящие подшучивают над синтаксической несвязностью фразы, особенно у писателей, например, у Бориса Пастернака. «Избегайте пастернакипи», — предостерегал в 1928 году молодых поэтов И. Сельвинский. М. Л. Гаспаров («Записи и выписки», М., 2001) приводит любопытные высказывания на эту же тему:

[Крестьянин о поэме Пастернака]: *Связанных слов нисколько нетути. Добрый человек скажет одно слово, потом завяжет его, еще скажет, опять завяжет. Передние, средние и задние — все завяжет в одно. А в этом стиху слова, как сквозь решето, сыпятся и разделяются друг от дружки* (А. М. Топоров, «Крестьяне о писателях»).

«Синтаксис у него какой-то развратный» — писал Набоков о Пастернаке.

Глава 2

СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Можно выделить три основных типа ЯИ с использованием сочинительных конструкций: 1) обыгрывание соотношения компонентов сочинительной конструкции; 2) обыгрывание порядка компонентов сочинительной конструкции; 3) обыгрывание значения сочинительных союзов. Они будут рассмотрены соответственно в трех пунктах раздела.

1.1. Соотношение компонентов сочинительной конструкции

1. Сочинительные конструкции с соединительными союзами (*и; и... и; да... да*) дают зачастую не полный перечень описываемых элементов, а носят и л л ю с т р а т и в н ы й характер (см. Санников 1989: 196). Это свойство сочинительных конструкций обыгрывается в след. шутке:

В старину <...> один критик по поводу прелестной «Тамары» Лермонтова издевался над строками: «На голос невидимой пэри шел воин, купец и пастух». — «А по какой причине, — вопрошал он, — столь несправедливо обойдены гражданские чиновники?» (А. Измайлов. Пятна на солнце).

Однако при иллюстративном употреблении, естественно, не могут опускаться основные компоненты, как это делается в след. двустийшии С. Шевцова:

Идеальный писатель
В его трудах нас всё пленило:
Бумага, почерк и чернила!

2. Говорящие отмечают интересную особенность сочинительных конструкций в составе названий. Они непроницаемы и нечленимы. Ср.:

— *Мистер Баркер, но «Ромео и Джульетту» вы, конечно, читали? — «Джульетту» я, к сожалению, не читал, а вот «Ромео» читал и даже несколько раз!*

3. В бессоюзных конструкциях отношения между частями достаточно неопределенны и могут пониматься по-разному, ср.:

(1) *Пограничник — проходящему человеку: — Стой, стрелять буду! — Стою! — Стреляю!*

Обыгрывается факт, что, хотя бессоюзные конструкции этого типа понимаются обычно как дизъюнктивные («Стой, или я буду стрелять»), формально не исключено иное понимание конструкции, понимание ее как конструкции конъюнктивной.

(2) [О членах судебной палаты]: *Всю дорогу палата занималась тем, что ела, решала важные вопросы, ела, читала и ела* (А. Чехов — Чеховым, 29 апр. 1890).

Повторение одной словоформы (*ела*) в пределах сочинительной конструкции аномально (нейтральная конструкция — *палата... ела, решала важные вопросы и читала*, но при этом утрачивается важный смысл — преобладание чревоугодничества над другими занятиями «палаты» и постоянное чередование того и другого).

В ряде случаев обыгрывается опущение одной из частей сочинительной конструкции:

(3) *«Что это? Дом отдыха или...» Он не окончил, так как сознавал сам, что это давно уже не дом отдыха, а это самое «или» и есть* (И. Ильф. Записные книжки).

(4) *Французенку спросили: какие у нее три самых больших удовольствия. — «Кофе — до и сигарета — после»* [третий (и основной) компонент опущен].

4. Языковая игра высвечивает ограничения на сочетаемость частей сочинительной конструкции: морфологические — (1)–(4);

синтаксические — (5); семантические — (6)–(25); возникающие в случае зевгмы (объединение разных значений лексемы, подчиняющей сочинительную цепочку) — (26)–(32):

- (1) *Напишите мне нечто о Карамзине, ой, ых*
(А. Пушкин — Л. С. Пушкину, 1823).
- (2) *Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях — и ничего больше* (И. Бабель, Как это делалось в Одессе).
- (3) *И вдруг подходит [«аристократка»] развратной походкой к блюду [с пирожными] и цоп с кремом, и жрет* (М. Зощенко. Аристократка).
- (4) *Вы — умы, а мы — увы!*
- (5) *...мог бы отчет написать о седении мосье Реттере ... чернявом, проседом, седом (в Новодевичьем — крест)* (А. Белый. Начало века. Эмилий Метнер).

Аномально в примере (5) столь синтаксически разнотипное и столь скупое, в нескольких словах, изображение всех этапов жизни человека — от чернявого молодого человека до креста на Новодевичьем кладбище.

- (6) *В Малинниках застал я одну Анну Николаевну с флюсом и с Муром* (А. Пушкин — А. Н. Вульффу, 16 окт 1829).
- (7) *В молодости своей он был и капитан и крикун, употреблялся и по штатским делам, мастер был хорошо высечь, был и расторопен, и щеголь и глуп* (Н. Гоголь. Мертвые души).
- (8) *Я нанял себе дачу около города Сум на реке Псле. Место поэтическое, изобилующее теплом, лесами, хохлами, рыбой и раками* (А. Чехов — Я. П. Полонскому, 25 мар. 1988).
- (9) *Загорелась война. Казаки вооружились своими пиками, пищалями, саблями и татарами* (О. Д'Ор. Русская история).
- (10) *...успокою совсем
Старцев, покрытых сединами,
С тем, чтоб согреть их холодную кровь
Фетом, балетом, паитетом.*
(В. Курочкин, по: Черняева 1957).
- (11) *Так, между домом, лавкой, Библией, поркой, женой, Машихой, — прошло сорок лет* (Б. Пильняк. Голый год, Ордынин-Город).

- (12) *Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: Иностранец из Лондона и Парижа* (Н. Гоголь. Мертвые души).
- (13) *Подпоручик ничего себе, но — сволочь* (М. Зощенко. Виктория Казимировна).
- (14) *Не спросясь мужа, Эллочка взяла деньги из обеденных сумм. До пятнадцатого осталось десять дней и четыре рубля* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).
- (15) *Сержанту Иванову удалось объединить пространство и время; он сказал солдатам: «Копайте от забора и до обеда»* (при опущении союза аномальность становится гораздо менее ощутимой: *Копайте от забора до обеда*).
- (16) *«Моя вдова не затрапезная, — обиженно сказал Кузя ... — у нее был муж полковник и такая грудь, что вы таких грудей не видывали! А волосы! А губки!»* (А. Аверченко. Шутка Мецената).
- (17) *Наряду с множеством недостатков у Варвары были два существенных достижения: большая белая грудь и служба* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).
- (18) *Ничего не читал. Он был не читатель, а писатель* (Э. Кроткий).
- (19) *...кто имеет двадцать пять лет отроду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук* (Н. Гоголь. Невский проспект).
- (20) *А посмотрели бы, что у него в саду! Чего там нет? Сливы, вишни, черешни, огородинка всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница* (Н. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).
- (21) *Индейцы босые, а если и обуты, то во что-то не поддающиеся ни чистке, ни описанию* (В. Маяковский, по [Береговская 1984]).
- (22) *Я за ним на квартиру, а там голая гражданка в мыле и в ванне.* (М. Булгаков, Черный маг).
- (23) *Хорошо любить жену
И гитарную струну,
Маму, папу, тетю, — ну,
И Советскую страну.*
(А. Архангельский. Пар. на Н. Асеева).
- (24) *Софья Сергеевна. Я так торопилась уйти, что все потеряла: и носовой платок, и Дарью* (В. Шкваркин. Весенний смотр).

- (25) Мария Михайловна (Ставит карточку на стол) ...*Это знакомые: муж и жена. Он на бумажной фабрике работал, а у нее постоянно зубы болели* (В. Шкваркин. Весенний смотр). Аномальность достаточно оправдана: Мария Михайловна указывает наиболее запомнившиеся ей признаки своих знакомых.
- (26) *Кассир закрыл дискуссию и окошечко кассы* (D. Buttler).
- (27) *Шел дождь и два студента.*
- (28) *Его рвет секретами и вином* (Г. Лихтенберг, по: «Ларец остро-словов»).
- (29) *Агафия Федосеевна носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот с желтенькими цветами* (Н. Гоголь).
- (30) [Получивший чужую золотую медаль] — *Вместо него я получил золотую медаль и зонтиком по шее от его мамы на выпускном вечере* (Ф. Искандер, по: Походня 1989).
- (31) Член совета *принес извинения за прискорбный случай минувшей ночи и шикарную — метр на метр — коробку шоколада — для моей супруги* (В. Конецкий. Последний раз в Антверпене)
- (32) *Я потерял на одной неделе жену и зонтик.*
- (33) *Я чересчур люблю маму и бабу Нину и блины вот такие* (Андрей С., 4 г.).
- (34) *Эту страну я люблю, когда в ней нет гражданских войн, голода, грязи, хамства, очередей и меня* (А. Кнышев. Уколы пера).
- (35) *Бернард Шоу написал для начинающего актера письмо такого содержания: «Искренне рекомендую Вам молодого актера. Он играет Гамлета, Шейлока, Цезаря, на флейте и в бильярд. Лучшие всего он играет в бильярд»* (Музыканты шутят).
- (36) [Поговорка о косоглазых]: *У нее один глаз смотрит на вас, а другой на Арзамас.*

В (36) нарушено согласование по масштабу, о котором мы говорили выше, в разд. 4 данной части.

1.2. Значение сочинительных союзов

Весьма распространенный тип языковой игры с использованием сочинительных конструкций — обыгрывание значения сочинительных союзов. Это явление представляет большой интерес для лингвиста, поскольку ярко оттеняет некоторые компоненты значения союзов.

Зато (1) ...а там весна — совсем не красна, **зато** голодная (В. Астафьев. Царь-рыба).

(2) *Генерал, человек образованнейший, состояния не оставил, но зато весь был изранен* (Ф. Достоевский. Село Степанчиково...).

(3) *Я пою плохо, зато долго.*

Приведенные примеры высвечивают наличие в значении союза *зато* смыслового компонента: 'содержание второй части, вводимой союзом, полностью компенсирует содержание первой' — высвечивают путем нарушения данного смыслового соотношения частей сочинительной конструкции: голод не может, разумеется, рассматриваться как компенсация за некрасивость, длительность пения не компенсирует его плохого качества, а раны похороненного генерала не могут компенсировать его родственникам отсутствие наследства. Впрочем, идея компенсации в (1)–(3) все же есть в преобразованном виде: употребляя союз *зато* (а не союз *и*, например), говорящий признаётся, что он пытался найти компенсацию за нежелательные события, описываемые в I части, но никакой компенсации нет (кроме событий, которые только в шутку можно расценивать как компенсацию).

(4) *Лежат на витрине две курицы: импортная и советская. Импортная говорит: — Боже, какая ты худая и синяя! То ли дело я: аппетитная, вся в целофанчике, с фирменными наклейками. — Зато я своей смертью умерла.*

Сталкиваются две «точки зрения» — курицы и человека (потребителя). Естественная смерть курицы для человека (в отличие от самой курицы) отнюдь не может быть компенсацией за ее нетоварный вид.

(5) *Комедии у нас плохие, зато их мало* (А. Кнышев. Тоже книга).

В (5) обыгрывается возможность разного понимания второй части, вводимой союзом *зато*, поскольку по-разному можно понимать антецедент местоимения *их*: 1) *Комедии у нас плохие, зато комедий мало*; 2) *Комедии у нас плохие, зато этих плохих комедий мало*.

Но (1) *Мать Катеньки, бедная, но неблагородная вдова, всю зиму шила дамские наряды* (Н. Тэффи. Катенька).

(2) ...за десять дней написал очерк про Закопане ... и

рассказ. *Рассказ небольшой, но преподанный* (Ю. Казаков — В. Ко-нецкому, 18 мар. 1962).

Свойство союза *но* — соединять противоположные полюса разных шкал (*бедная, но благородная; красивая, но глупая*). В (1)-(2) обыгрывается необычное соединение одинаковых (низших) полюсов двух шкал. В (2) содержится дополнительно шутливое утверждение, что большие рассказы хуже маленьких.

Соединение компонентов, относящихся к разным полюсам одной шкалы, выглядит странно:

(3) *Бestia, я вам скажу! Честнейший человек, благороднейший, но мерзавец в своем роде, архаровец...* (А. Чехов. Рыцари без страха и упрека).

(4) *Простой парень из-под Казани. Разделся, влез и заткнул что надо в ледяной воде ... Врачи долго боролись за жизнь солдата, но он остался жив* (М. Жванецкий. Когда нужны герои).

Употребляя союз *но*, указывающий на не н о р м а л ь н ы й ход событий (см. Санников 1989: 161–165), Жванецкий (вслед за Львом Толстым) объявляет смерть пациента естественным результатом усилий врачей.

(5) [Телеграмма жены с юга] *Но люблю я только тебя.*

В (5) обыгрывается другой компонент значения союза *но* — *смысловое* доминирование второй части конструкции (см. Санников 1989: 149–152). Доминирование второй части выступает в (5) в предельно отчетливой, утрированной форме: первая часть вообще опущена, отправительница телеграммы пытается убедить мужа в том, что содержащаяся в ней информация настолько малозначаща, что даже не заслуживает упоминания.

У М. Жванецкого встречается обыгрывание того же смыслового компонента (доминирование второй части конструкции), но способом, противоположным тому, который мы наблюдали в (5), — не опущением первой части, а ее повторением:

(6) *Вчера раков давали. Большие, но по 5 рублей. Но большие. Но по 5 рублей. Но о-чень большие и т. д.*

Герой никак не может решить, какой из двух признаков описываемой ситуации (величина раков или их дороговизна) важнее, и без конца меняет их местами, нанизывая всё новые *но*.

Субъективность оценок подчеркивается в шутке Жванецкого, где универсально положительный признак (ум), расценивается как отрицательный:

И тут я сказал себе: «Стой, Сигизмунд. Она чудная женщина со всеми удобствами, с горячей водой, в прекрасном районе, но умна угнетающе» (М. Жванецкий. Для вас, женщины).

Способом усиления противопоставительного значения союза *но* является его выделение в отдельную строку или повторение:

Петербургские окна.

Синё и темно.

Город

сном

и покоем скован.

НО

не спит

мадам

Кускова.

(В. Маяковский. Хорошо)

Сразу видно — нахал ,

сразу видно — скотина,

Но — изящный, но — вежливый,

но — никогда чересчур.

(И. Северянин?)

А (1) *В Москве на Мясницкой сто́ит человек и читает вывеску магазина: «Коммутаторы, аккумуляторы». — Комму... таторы, а кко-му... ляторы — и говорит: — Вишь, и тут омманывают простой народ!..* (Б. Пильняк. Голый год).

Человек не знает, что такое *ляторы* и что такое *таторы*, и возмущается неравноправием, исключительно исходя из значения союза *а*, из его способности противопоставлять друг другу компоненты конструкции, точнее — указывать, что их сочетание — ненормальность (*Кому — таторы, а кому — ляторы*).

(2) *У Веры маленький голосок, а какой противный!*

(М. Булгаков).

Так же, как в примере (1) с союзом *но*, необычно соединение одинаковых (низших) полюсов двух шкал (что сводит противопостав-

ление на нет). Ср. сходные примеры с противительными союзами у В. Даля:

- (3) *Быть было ненастью, да дождь помешал; Сперва ты меня повози, а там я на тебе поезжу* (В. Даль. Пословицы русского народа).

Противопоставленность компонентов первой и второй частей сложносочиненного предложения (*сперва ты... — там я*) снимается из-за употребления конверсивов (*Х возит Y-а — Y ездит на X-е*), что делает аномальным употребление союза *а*. Еще один сходный пример:

- (4) *Они, как говорится, полюбили друг друга. Петр женился на Марии, а она, в свою очередь, вышла за него замуж* (З. Паперный. Тарелка).
- (5) — *Всю ночь глаз не сомкнула: ты храпел, а собака лаяла...*
— *А что же ты хотела, чтобы собака храпела, а я лаял?*

Используется способность конструкций с *а* указывать на нежелательное, с точки зрения говорящего, распределение признаков двух описываемых предметов или лиц, ср.: — *Всю ночь глаз не сомкнула: мы бедные, а все кругом богатые. — Да, хотелось бы, чтобы было наоборот.*

- (6) *Всё пропьем, а родной завод не опозорим* [Лозунг некоторых советских рабочих] — интересный пример лже-противопоставления: первая часть исключает вторую.

А не (не... а) (1) *Всем козам коза, мать, а не коза.*

Обыгрывание значения основного заместительного союза *не... а* (*а не*) настолько распространено, что подобные случаи его использования стали уже фигурой речи и не осознаются как языковая игра, хотя первоначально примеры типа (1), без сомнения, были языковой игрой: говорящий (буквально) уверяет нас, что описываемое животное не является козой, а является матерью (противоречия первой части своего же высказывания — о том, что это типичная коза, «всем козам коза»). Разумеется, оба — и говорящий, и слушающий — понимали, что это — игра. Предложения типа (1) близки к сравнительным, но отличаются от них большей категоричностью и экспрессивностью: чтобы убедить адресата в том, что *X* в каком-то отношении похож на *Y*, говорящий идет на

крайнее преувеличение: утверждает, что это вообще не X, а Y. Еще несколько примеров:

- (2) *Это просто старый бабий башмак, а не человек, насмешка над человеком, сатира на человека!* (Н. Гоголь. Женитьба).
- (3) *...да посмотрите вы на графа — конфетка, а не человек* (А. Толстой. Похождение Невзорова, или Ибикус).
- (4) *...такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место* (М. Зощенко. Аристократка).

Не то что   Да ведь за этикие деньги *не то что* жениться, в Сибирь пойти можно! (А. Чехов. Трагик).

Не то чтобы... а   [Приятель — Пискареву, который «дипломатично» намекает ему, что у него умерла жена] — *Почему же сразу не говорить? Умерла ведь? — Гм... Как тебе сказать? — пожал плечами Пискарев. — Не то чтобы умерла, а так... Ну вот ты уж и плачешь! Все ведь умрем!* (А. Чехов. Канитель).

В соответствии со значением союза, фраза получает следующее толкование, производящее комическое впечатление: ‘из двух противоположных мнений (она умерла; она жива) правильное всего считать, что она — так...’.

Скорее... чем   *Это была уже бесформенная старушка, скорей безобразная, чем красивая* (М. Зощенко. Мишель Сиягин).

Значение союза *скорее... чем* связано с борьбой двух мнений, с колебаниями в оценке описываемого предмета, признака, события. Аномальность фразы заключается в том, что признаки *безобразная* и *красивая* настолько различны, что исключают возможность колебаний. Нейтральны были бы выражения типа: *Это была уже бесформенная, безобразная старушка; Это была уже бесформенная старушка, безобразная, а не красивая.*

Еще пример: Многие люди *скорее* умрут, *чем* станут думать (Б. Рассел).

И

(1) *Надпись в тюрьме. Милиционер и уголовник, будьте взаимно вежливы* (З. Паперный. Не хлебом единым).

Социальные роли участников ситуации различны (об асимметричных ролевых отношениях см. Крысин 1989: 147 и след.), но необычность фразы (1) заключается, видимо, не в этом: многие фразы с асимметричными ролевыми отношениями нейтральны (ср.: Продавец и покупатель, будьте взаимно вежливы). Дело, видимо, в резком различии оценочных характеристик существительных милиционер и уголовник.

- (2) *В работе много нового и интересного. К сожалению, то, что ново, — неинтересно, а что интересно — не ново.*

Соотношение признаков (*новое; интересное*) — полное несовпадение. Однако, как мы уже отмечали, начало высказывания (*В работе много нового и интересного*) допускает и противоположное продолжение (*Буквально все новое интересно, а интересное — ново*) — полное совпадение признаков, а также и другие, промежуточные, например: *многое из нового интересно; почти все новое интересно* и т. д. Это свидетельствует о том, что в общем случае союз *и* (как и союз *или*) не определяет соотношение компонентов сочинительной конструкции, говорящий вообще о нем не задумывается, оно, как мы видели, может быть любым. Казалось бы, этому утверждению противоречит тот факт, что аномальность (вызывающая комический эффект) наблюдается лишь в приведенной фразе, все остальные продолжения нейтральны. Дело здесь, однако, не в значении союза *и*, а в оценочной характеристике высказывания и его частей: первая часть высказывания (*В работе много нового и интересного*) содержит положительную оценку работы (индуцированную не союзом, а прилагательными *новый, интересный*), но потом, продолжая фразу, мы меняем положительную оценку на отрицательную, что и производит комический эффект.

Или (1) — *Я помню, что-то было: или вышла замуж, или переломила ногу* (Н. Гоголь. Женитьба).

(2) — *Что лучше: теща или пиво?*

— *Хорошо и то, и другое. На столе и в холодном виде.*

(3) *Объявление. Ищу учителя музыки, который научит или отучит соседскую девочку играть на пианино.*

(4) *Генерал — полковнику: — Поставьте здесь шлагбаум или толкового майора!*

Аномальность этих примеров заключается в слишком большой неравноценности альтернатив, неравноценности для описываемых лиц. Для самого же говорящего альтернативы примерно равноценны. Именно это различие в оценке и производит комический эффект.

В ряде случаев сочинительные конструкции с *или* используются как демагогический прием: собеседник ставится перед выбором из двух заведомо неравноценных альтернатив: чтобы добиться согласия на нечто, говорящий предлагает собеседнику выбирать между этим «нечто» и чем-то совершенно неприемлемым. Ср.:

(5) — *Девочка, ты хочешь на дачу или чтобы тебе оторвали голову?* (К/ф «Подкидыш»).

Другим видом альтернативного демагогического вопроса являются конструкции типа:

(6) *Дайте простой и ясный ответ на следующий рыбацкий вопрос: «Что, рыбалка делает из человека вралю или рыбачат одни только вралю?»*

В (6) ассерция (утверждение) маскируется под пресуппозицию, т. е. под бесспорную и не нуждающуюся в обсуждении предпосылку. Мысль: «Все рыбаки непременно вралю» маскируется альтернативным вопросом, выдается за нечто само собой разумеющееся.

Частью... частью После него [Пизистрата] унаследовали власть сыновья его Гиппий и Гиппарх, названные так в честь знакомых лошадей (526 г. до Р. Х.). Но их вскоре **частью** убили, **частью** изгнали из отечества (Н. Тэффи. Древняя история).

Союз недопустим, если число компонентов, соединяемых союзом *частью... частью...*, равно двум.

А то Ограбленный бандитами человек заявляет: «Немедленно верните деньги, **а то будет как вчера**». Испуганные бандиты возвращают деньги, а потом спрашивают: «А как было вчера?» — «А вчера так и не вернули».

В данном значении союз *а то* употребляется обычно в высказываниях типа *Уходи, а то худо будет <побьют, заругают>*. Поэтому может создаться представление, что значение угрозы, предостережения привносится второй частью высказывания (*побьют, зару-*

гают). Приведенный анекдот показывает, что это не так: вторая часть высказывания (*будет как вчера*) сама по себе нейтральна. Ср. также высказывания типа *Уходи, а то он будет дарить тебе ценные подарки*, где также сохраняется значение угрозы, предостережения; получение подарков (само по себе скорее желательное) в конкретной ситуации речевого общения оценивается Г-щим как нечто нежелательное, против чего следует предостеречь. И выражается это предостережение не лексическим составом второй части высказывания и не самим союзом *а то*: это прагматический элемент смысла, возникающий при определенном сочетании речевых актов — в случае альтернативы побуждения (*Верните деньги*) и утверждения (*а то будет как вчера*).

Не... а (а не)

- (1) *Пьяницу-мельника <...> она умела сделать золотом, а не человеком* (Н. Гоголь. Иван Федорович Шпонька...)
- (2) *...буду безукоризненно нежный, не мужчина, а — облако в штанах* (В. Маяковский. Облако в штанах).
- (3) *В ладони прыснули — «Не храм, а срам!..»* (А. Вознесенский. Мастера).

Предложения типа (1)–(3) близки к сравнительным, но отличаются от них большей категоричностью и экспрессивностью: чтобы убедить адресата в том, что X в каком-то отношении похож на Y, Г утверждает, что это вообще не X, а Y. Прием использования заместительного союза *не... а (а не)* для целей сравнения стал настолько устойчивым, что уже в середине XIX в. сам становится предметом обыгрывания. Любопытный пример двойной игры со значением союза *не... а (а не)* находим в повести А. Вельтмана «Не дом, а игрушечка». Один домовой обещает другому хороший дом («не дом, а игрушечку»), а потом уверяет, что его обещание следовало понимать буквально и пытается отделаться игрушечным домиком.

§ 2. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

1. Сравнительные конструкции используются в языковой игре очень часто. На наш взгляд, не обоснованно несколько скептическое отношение к роли сравнения в ЯИ, которое мы встречаем у З. Фрейда. О вкусах не спорят: Фрейд, как мы уже отмечали, — поклонник контаминации, что же касается сравнений, то он сомнева-

ется даже, следует ли вообще относить их к остротам [Фрейд 1925: 109]. Разумеется, комический эффект производят не «обычные» сравнения типа *Оля высокая, как ее мать* и не «избитые» сравнения типа *быстрый, как ветер; стройная, как тополь*, а сравнения неожиданные и смелые. Приведем некоторые примеры, отвлекаясь от синтаксической структуры предложений, которая может быть самой разной (она детально анализируется в грамматиках, а также в специальных исследованиях, в частности, в работах Е. Н. Саввиной, А. Ф. Прияткиной, В. В. Туровского; несколько замечаний на эту тему будет сделано в п. 3).

- (1) *Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке* (Н. Гоголь. Мертвые души).
- (2) *В окне помещался сбитеник с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно было бы подумать, что стояло два самовара, если бы один самовар не был с черною как смоль бороною* (Н. Гоголь. Мертвые души).
- (3) *До чего народ доходит — самовар в упряжке ходит* [Шутка по поводу появления в России первых паровозов].
- (4) *...через губернский город летел отроившийся рой мужиков и осьттал всю базарную площадь* (М. Салтыков-Щедрин. Дикий помещик).
- (5) *... говорил он плавно, мягко, словно змей полз* (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).
- (6) *Он слишком погрузился в негу своей семейной жизни и не может из нее выбраться. Он подобен мухе, увязшей в меду* (Ф. Тютчев, по: Рус. лит. анекдот).
- (7) *С шиком, канашка, шельмец этакой! Ай да мужчина! Настоящий Вальтер Скотт!* (А. Чехов. Перед свадьбой).
- (8) *Васильевский остров прекрасен,
Как жаба в манжетах*
(Саша Черный. Под сурдинку).
- (9) *...родственники [невесты] еще плотнее обсели бедного кроткого Громова, — так что он, затертый ими, как бриг северными льдами, накренился на бок и тихо примерз к своей сведенной молью невесте* (А. Аверченко. Подходцев и двое других).
- (10) *Этот бывший артиллерийский офицерик [Наполеон] носился по всей Европе, как собака, которой привязали к хвосту гремящую жестянку-честолюбие* (А. Аверченко. Новая история).

- (11) *Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни* (О. Мандельштам).
- (12) Парень. *Мордой он уже и Пушкина превзошел. Висят баки, как хвост у собаки, даже не моет — расстрепать боится* (В. Маяковский. Клоп).
- (13) *Кошка шлепнулась, как сырое тесто* (Ю. Олеша. Три толстяка).
- (14) *Мы ехали в поезде по Крыму. Когда моя соседка увидела зеленую траву, она так обрадовалась, как будто она была коровой, всю зиму проводившей в мрачном уединении хлева* (И. Ильф. Записные книжки).
- (15) *Дверь её [Сони] комнаты осталась открытой, света она не потушила, и там еще стояло облачко пудры, как дымок после выстрела, лежал наповал убитый чулок, и выпадали на ковер разноцветные внутренности шкапа* (В. Набоков. Подвиг).
- (16) *Попался навстречу негр в колониальной форме, — лицо, как мокрая галоша* (В. Набоков. Порт).
- (17) *Дождь внезапно усилился и понесся через асфальт, по всей плоскости которого запрыгали свечки, свечки, свечки* (В. Набоков. Дар).
- (18) «Он мною живет, как червь яблочком» (слова Ю. Олеша, сказанные им об одном пародисте) [Рус. лит. XX в.: 357].
- (19) — *Мама, слышишь? — кот кипит, как самовар* (В. Ардов. Почки).
- (20)

Лодка-молодка

По улице Горького — что за походка! —
Девчонка плывет, как под парусом лодка.

Юлия Друнина

По улице Горького — вижу я — ах ты!
Девчонки плывут, как под парусом яхты.
Одна-то, одна! Не сойти бы с ума.
Вот это форштевень! Вот это корма!
Такой не опасны ни буря, ни штиль.
Какой у нее — представляете! — киль.

(А. Иванов)

- (21) *Доктор ... положил на низкий столик, на стеклянный медицинский квадратик длинную, тонкую, отвратительно тонкую, тоньше комариного писка иглу* (Т. Толстая. Чистый лист).

- (22) [Об одном «морском волке»]:
 Стоит он могучий, как дуб,
 Развешены рыжие баки,
 И трубку не вырвать из зуб,
 Как кость у голодной собаки.
- (23) *Даже очень хорошая остропа должна быть, как шприц: одно-разового пользования* (Л. Лиходеев).
- (24) *Домашнее хозяйство подобно кроссворду: жена — по вертикали, муж — по горизонтали* (А. Кнышев. Тоже книга).
- (25) *Мужская свобода тоже кое-чего стоит. Когда мужчина холост, все женщины палят по нему, как развеселившиеся охотники по дикой утке* (Б. Шоу, по: «Ларец острословов»).
- (26) Прямые лысые мужья
 Сидят, как выстрел из ружья.
 (Н. Заболоцкий. Свадьба).
- (27) Вся равнина покрыта
 Сыпучей и мягкой известкой,
 И деревья, как всадники,
 Съехались в нашем саду.
 (С. Есенин. Черный человек).
- (28) В нас что ни год — увы, старик, увы,
 темнее и тесней ума палата,
 и волосы уходят с головы,
 как крысы с обреченного фрегата.
 (И. Губерман).
- (29) Андрей С., 3 года — про жирафа на картинке: *Похож на подъемного крана.*

2. Необычны и даже несколько шокирующи сравнения «высокого» (Бога, небесных тел и т. д.) с «низким», обыденным. Ср. молитву набожного валлийского мальчишка Гуилима в повести Дилана Томаса «Портрет художника в щенячестве» (пер. с англ.):

— *Господи, Ты всегда и везде. Ты видишь наши сердца и утробы. Ты нас видишь, когда солнце зайдет. Ты нас видишь, когда на небе ни звезды, и в могильной тьме, и в глубоких-глубоких глубинах. Ты всечасно за нами следишь, Ты нас видишь и по темным углам и на широких просторах, и под одеялом, когда мы громко храпим, и в страшной чер-*

ной тени, в страшной черной тени. Все-то Ты видишь.

О Господи, Ты прямо, ей-богу, как кот.

Особенно «повезло» здесь луне (примеры заимствуем из работы Н. А. Кожевниковой, см. [Очерки истории...1995]):

*Луна катится в зимних облаках,
Как щит варяжский или сыр голландский.*

*А в небесах луна, как таз,
Суконкой вытертый, сей час*

Над темным городом всплывала.

(Д. Минаев);

Посреди небесных тел

Лик луны туманной,

Как он кругл и как он бел,

Точно блин с сметаной.

(М. Лермонтов).

Через сто лет Б. Пастернак использует то же сравнение: *Луна скользит блином в сметане.*

3. Из случаев обыгрывания структурных признаков сравнительных конструкций отметим три следующих:

1) Конструкции, где опущен первый компарат («то, что сравнивается»):

Возвращаясь домой, мужчина видит на двери табличку: «Осторожно! Злая, как собака!»

2) Конструкции с необычным соотношением первого и второго компаратов — они синонимичны, ср.:

«То Лермонтова глаза».

Стоусто небо застонало,

И в небесах зажглись, как очи,

Большие серые глаза.

(В. Хлебников. На родине красивой смерти Машуке)

3) Конструкции с необычным оформлением второго компарата, ср.:

(1) *А где-то пляшет океан,*

Над ним белесый встал туман,

Как дым из трубки моряка,

Чей труп чуть виден из песка.

(Н. Гумилев. Мой час)

(2) *Девочка с восхищением про свою тетю: она очень красива, красива, как наша собака* (А. Чехов. Записные книжки).

Какие принципы строения сравнительной конструкции нарушены в двух последних примерах? В. Туровский отмечает, что второй компарат («то, с чем сравнивают») должен иметь, за некоторыми исключениями (см. Туровский 1988). Действительно, убрав последнюю строчку в стихотворении Н. Гумилева, и тем самым изменив статус существительного *моряк* из конкретно-референтного в родовой, мы получим нормальную сравнительную конструкцию (...*белесый встал туман, как дым из трубки моряка*). Однако этого можно достичь и не изменяя статус существительного, ср.: ...*белесый встал туман, как дым из трубки моряка, сидящего на песке*. Дело, очевидно, не в конкретно-референтном статусе существительного (он, вопреки утверждению В. Туровского, совершенно обычен не только для первого, но и для второго компарата), дело в том, что в (1) совмещены два временных плана — момент в прошлом, когда моряк покуривал трубку, и описываемый момент, когда он мертвым лежит на песке. Аномальность примера (2) также связана не с конкретно-референтным статусом существительного (ср. правильную фразу, где второй компарат обозначает конкретное лицо: *Моя тетя очень красива, красива, как наша прима-балерина <как наша бабушка в молодости>*). С другой стороны, перевод статуса второго компарата в родовой делает фразу (2) не менее аномальной (ср. странные фразы: *Моя тетя очень красива, красива, как собака <как королевский пудель; как болонка>*). Аномальность (2) связана с антропоцентризмом языка: сравнение человека с животными считается дискредитирующим и допускается лишь в редких случаях и по строго определенным параметрам (*Маша грациозна, как лань; Она гибка, как змея, а он мудр, как змей* и т. п.).

4. Нередко обыгрывается двусмысленность сравнений, возможность понимать их по-разному:

- *Звонок будильника всегда действует на меня, как выстрел.*
- *Тотчас вскакиваешь?*
- *Нет, лежу, как убитый*

5. Особый вид сравнений — иронические сравнения (типа: *Неподкупен — как Иуда, Храбр и честен — как Фальстаф* (Н. Некрасов. <На Ф. В. Булгарина>). Сравнительная конструкция ис-

пользуется здесь как экспрессивный заменитель отрицательной конструкции. Вот как Высоцкий передает простую мысль: «Мы не нужны в Париже»:

Ваня, мы с тобой в Париже
 Нужны, как в бане пассатижи...
 А в общем, Ваня, мы с тобой в Париже
 Нужны, как в русской бане лыжи...
 И всё же, Ваня, мы друзьям в Париже
 Нужны с тобой, как зайцу грыжа.

(«Письмо Ване Бортникову из Парижа»).

§ 3. КОНСТРУКЦИИ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ МЕТАФОРУ ИЛИ МЕТОНИМИЮ

1. Если включение в главу, посвященную синтаксису, сравнительных конструкций ни у кого, видимо, не вызовет возражений, то рассмотрение здесь метафоры и метонимии может представиться странным. Дело, однако, в том, что «основным принципом построения метафоры является принцип сравнения» [Левин 1998: 457], многие исследователи определяют ее как «скрытое» или «сокращенное сравнение». Для нас важнее, однако, другое: кроме лексико-семантического аспекта эти виды тропов чрезвычайно интересны и в синтаксическом плане. В данной главе они рассматриваются, по преимуществу, именно в этом аспекте.

2. Метафору считают «сокращенным сравнением», однако, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «переход от сравнения к метафоре изменяет синтаксический тип предложения»: метафора — член предложений тождества (*Он — шляпа!*) (см. Арутюнова 1979: 155–156). Н. Д. Арутюнова прослеживает соотнесенность разных видов тропов (метонимии и метафоры) с синтаксической функцией: метонимия обслуживает идентифицирующую функцию (*Шляпа обернулась и посмотрела на меня*), метафора — предикативную функцию (*Он ужасная шляпа*) (см. Арутюнова 1979: 150–152). Ср. также:

- (1) П. Н. — *длинноносый трепет в студенческом сюртучке и при шаге, с белой перчаткой в руке и с испуганными вороньими глазками* (А. Белый. Начало века. Эллис).
- (2) *Дарвин ... торжественно потянул рукоятку тормоза. Поезд застонал от боли и остановился...* (В. Набоков. Подвиг).

Н. Д. Арутюнова отмечает далее, что метафорическая *шляпа* допускает вторичное идентифицирующее использование, но требует при этом указательного местоимения: *Эта шляпа всегда все путает* [Арутюнова 1979: 152]. Кажется, метафора допускает (как и метонимия) и первичное идентифицирующее использование, и притом без указательного местоимения, ср.:

- (3) *...потом было музыкальное отделение. Какая-то кобыла по-французски выла, а бульдог ей аккомпанировал* (Н. Тэффи. Предел).

Интересно, что первичное идентифицирующее использование метафоры связано нередко с иронией, ср.:

- (4) *Греков протянул руку. — Привет надежде русского вокала* (М. Чулаки).

Интерпретируя этот пример, С. И. Походня справедливо отмечает: «словосочетание *надежда русского вокала*, употребленное даже относительно талантливого певца, имеет явно ироничный оттенок <...> То же самое произошло и со стереотипным словосочетанием *инженер человеческих душ*, которое ныне употребляется в русской речи, пожалуй, чаще иронически, чем как поэтическая метафора» [Походня 1989: 22]. Отметим, что словосочетание *инженер человеческих душ* употребляется иронически не только «ныне», но уже и в 20-х годах XX века, ср.:

- (5) [О поэте] *...между нами говоря, этот инженер человеческих душ, как нарочно, оказался на редкость несостоятельным и ограниченным субъектом* (М. Зощенко. Бедная Лиза).

3. Вторичное идентифицирующее использование метафоры не допускает последующей замены анафорическим местоимением, ср.:

- (6) *Разочарованные, опечаленные [отъездом Клинкава], оба друга с опущенными головами побрели в буфет.*
 — *Выжили человека... Добились... Скотами были, скотами и останемся. Не могли уберечь эту кристальную душу.*
 — *Слушай! — закричал вдруг Подходцев. — Вот она!*
 — *Кто?*
 — *Кристальная душа-то! Пожарскую котлету лопают. Действительно, за буфетным столиком сидел путешественник Клинков* (А. Аверченко. Подходцев и двое других).

4. «Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. В метафоре сокращено противопоставление, но оно может быть восстановлено: *Едешь, бывало, перед эскадроном, под тобой чорт, а не лошадь*» [Арутюнова 1990: 188]. Может быть, здесь полезно уточнение. Метафора не отвергает, а делает вид, что отвергает принадлежность объекта к некоему классу: и пишущий, и читающий понимают, что перед эскадроном ты едешь всё-таки не на чёрте, а на лошади, пусть похожей на чёрта. Ю. И. Левин писал: «В метафоре описываемый объект и объект, с которым данный сравнивается, как бы слиты» [Левин 1998: 457].

«На вход метафоры поступают разные виды идеального — эмоции, экстралингвистические знания, житейский опыт носителей языка, иногда случайные впечатления, наблюдения, оценки. Метафора в известном смысле всеядна: она принимает любые разновидности идеального и не переваривает только материальные сущности. Выражение «перенос значения» в применении к метафоре недостаточен: он сильно ограничивает представление о ее рациионе. Итогом процесса метафоризации, изживающим метафору, являются категории языковой семантики — признаковые значения. Метафора, таким образом, обнажает процесс переработки в языковое значение различных «субпродуктов» идеальной (интеллектуальной, эмоциональной, перцептивной) деятельности человека. Изучение метафоры позволяет увидеть то сырьё, из которого делается значение слова. Метафора, т. е. столкновение признаков гетерогенных субъектов, есть стадия в переработке сырья, этап на пути от представлений, знаний, оценок и эмоций к языковому значению» [Арутюнова 1979: 173].

5. Особого рассмотрения заслуживают яркие метафоры типа *посох терпения* (= «терпение»). Они особенно характерны для восточных литератур. Поэтому наиболее естественно выглядят эти метафоры в текстах художественной литературы с восточной тематикой. Так, часто и удачно использует этот прием Л. Соловьев в «Повести о Ходже Насреддине». Несколько примеров:

- (1) *Облачившись в халат усердия и вооружившись посохом терпения, мы посетили все эти места* (Очарованный принц, Вступление).

- (2) *Гюльджан вздохнула, на ее ресницах повисла слеза. Ходжа Насреддин понял: глина ее сердца размягчена, — время вертеть гончарный круг своей хитрости и лепить горшок замысла (Очарованный принц).*
- (3) *...пастух, конечно, рассказал об этом лавочнику; тот немедленно закрыл свою лавку и, приплясывая от нетерпения, побежал в чайхану с горячим, обжигающим язык и десны орехом новости во рту (Очарованный принц).*

Этот тип метафор, именуемый обычно к а т а х р е з о й, не чужд и западным литературам, однако для современной русской речи, даже художественной, он не характерен (особенно «зоологические метафоры» типа *ослы терпенья*) и расценивается теоретиками художественной речи как «неудачное развитие тропа» (*пусть акулы империализма не протягивают к нам свои лапы*) (КЛЭ). Этот прием пародировал В. Маяковский: *Сквозь щупальцы мирового империализма красной нитью проходит волна* (ЛЭС), — хотя и сам иногда им не брезговал:

Каждый поёт / по своему / голоску!

Разрежем / общую курицу славы

и каждому / выдадим / по равному куску.

(«Послание пролетарским поэтам»)

В целом, зоологическая метафора признаётся слишком непривычной, расценивается теоретиками как недостаток (см. ЛЭС, 152).

История зоологической метафоры чрезвычайно убедительно иллюстрирует громадную роль пародии в истории языка (в первую очередь, поэтического). Дело в том, что старшие символисты отнюдь не брезговали метафорами этого типа, всеми этими *посохами* (или *ослами*) *терпенья*. Вот Брюсовский перевод стихотворения М. Метерлинка «Моя душа больна весь день» (цит. по: Рус. лит. XX в.):

И под кнутом воспоминанья

Я вижу призраки охот,

Полузабытый след ведет

Собак секретного желанья.

Блестящие пародии Вл. Соловьева на декадентов оказали воздействие не только на развитие русской литературы, но и на развитие русской художественной речи. И в одной из этих пародий, влияние которой ощутимо, по наблюдению В. П. Григорьева, до сих пор

[Григорьев 1979: 228], основным структурным элементом является именно рассматриваемая фигура речи:

На небесах горят паникадила,
А снизу — тьма.
Ходила ты к нему, иль не ходила?
Скажи сама!
Но не дразни гиену подозренья,
Мышей тоски!
Не то, смотри, как леопарды мщенья
Острят клыки!
И не зови сову благоразумья
Ты в эту ночь!
Ослы терпенья и слоны раздумья
Бежали прочь.
Своей судьбы родила крокодила
Ты здесь сама.
Пусть в небесах горят паникадила,—
В могиле — тьма.

В результате метафоры такого типа, по мнению некоторых исследователей, не получили развития в последующей русской поэтической традиции. О. Б. Кушлина пишет: «Прием, вышученный в зародыше, был вычеркнут из резерва изобразительных средств поэзии русской» [Рус. лит. XX в.: 35]. Впрочем, «слухи о кончине» зоологической метафоры, видимо, сильно преувеличены: В. П. Григорьев [1979] отмечает широкое ее употребление в художественной речи — у Маяковского, Олеси, Цветаевой, Л. Мартынова. О. П. Ермакова приводит многочисленные примеры, показывающие, что эта модель «остаётся живой и представляет собой незакрытую структуру» не только в художественной речи, но и в политических контекстах: *журавль славы* (С. Антонов); *райская птица удачи* (журн. «Огонек»); *Дикий и точный конь страха вынес и выбросил меня из здания школы* (Ф. Искандер); *...прорастает удав преступности* (А. Солженицын) [Ермакова 1996: 56–59].

6. Метонимия состоит в переносе наименования с одного объекта на другой, ассоциируемый с данным. В лингвистическом отношении метонимия интересна как необычный вид сравнения

и (что более важно) как необычный вид сочетаемости языковых единиц. Так, в (1)–(2) необычно сочетание глаголов речи с подлежащими — неодушевленными существительными. Примеры:

- (1) *«Пошла ты баба! — закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином, — ишь куда полезла, корявая!»* (Н. Гоголь).
- (2) — *И тебе не жалко, что ты дурачок!*
— *Жалко... — угрюмо отвечает козлиная борода* (А. Чехов. Мертвое тело).
- (3) *Вечер. По улице идет пестрая толпа, состоящая из пьяных тулупов и кацавеек* (А. Чехов. Ряженые).
- (4) *Желаю вам получить Станислава и жениться на тех таинственных голубых глазах, о которых Вы писали мне* (А. Чехов — Ф. А. Червинскому, 18 авг. 1891).
- (5) *Куприн женится на т-ле Давыдовой, дочери «Мира божьего» [= дочери издательницы журнала «Мир божий» А. А. Давыдовой]* (А. Чехов — М. П. Чеховой, 8 февр. 1902).
- (6) *Сосредоточенно побежали там [на Невском проспекте] лица <...> Носы протекали во множестве: орлиные, утиные, петушиные, зеленоватые, белые; протекало здесь и отсутствие всякого носа. Здесь текли одиночки, и пары, и тройки-четверки; и за котелком котелок: котелки, перья, фуражки; фуражки, фуражки, перья; треуголка, цилиндр, фуражка; платочек, зонтик, перо* (А. Белый. Петербург).

§ 4. ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ (УСЛОВНЫЕ И УСТУПИТЕЛЬНЫЕ)

4.1. Условные конструкции

1. Обыгрывание условных конструкций встречается реже, чем обыгрывание конструкций сочинительных и сравнительных. Приведем некоторые примеры.

- (1) *Во что верую? В Бога, если он есть* (С. Лец).
Вера в Бога ничем не может быть обусловлена: Лец не верит в Бога.
- (2) *Изя, если ты еще раз дернешь дедушку за нос, я закрою крышку гроба!*
- (3) *Жена. Если тебе ночью захочется воды, то вон на столе стакан молока.*

Муж. Гм!.. А если тебе ночью захочется вина, то вон под столом жестянка с керосином (В. Вересаев. Невыдуманные рассказы о прошлом).

- (4) *Да я за то, батюшка, вам плюну в лицо, коли вы честный человек. Да вы после этого подлец, коли вы честный человек. Осрамить перед всем миром девушку!* (Н. Гоголь. Женитьба).

Фраза (4), совершенно неправильная грамматически и содержащая противоречие, отнюдь не бессмысленна: 'если вы считаете себя честным человеком, то должны признать, что вы совершили подлый поступок'.

2. Условные конструкции нередко используются в шуточных тавтологических высказываниях:

- (5) *Кабы знал, так бы ведал* (В. Даль).

- (6) «Пройдет ли мой недуг?» — лев у осла спросил.
Осел отвечивал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был» —
Два раза два — четыре.

(А. Пушкин. Нравоучительные четверостишия).

- (7) Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем,
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — всё вернем.

(А. Твардовский. Василий Теркин).

- (8) — *Лелик, если мама говорит «ноу», то это значит — «ноу»!*
(С. Довлатов. Соло на IBM).

3. Необычны условные конструкции, где вместо потенциально возможного следствия указывается единственно возможное:

- (9) *Ныне люди таковы: унеси что с чужого двора — вором назовут* (В. Даль. Пословицы русского народа).

Интересен противоположный случай: части условной конструкции не связаны условно-следственной зависимостью (и вообще никак не связаны). Это, например, загадки Сфинкса у Вен. Ерофеева в книге «Москва — Петушки»:

- (10) — *Если всех девиц в Петушках 428 — определи, сколько среди них осталось нетронутых беспартийных брюнеток? «На кого, на кого он [теперь] намекает, собака? Почему это брюнет-*

ки все в целости, а блондинки все сплошь изнасилованы? Что он этим хочет сказать, паразит?»

— Я не буду решать и эту загадку, Сфинкс.

- (12) *— Если учесть, что стоимость пустого графина в шесть раз больше порции вымени, а цену хереса знает каждый ребенок, — узнай, какой счет был предъявлен лорду Чемберлену, премьеру Британской империи, в ресторане Курского вокзала?*

— Как то есть «Курского вокзала»?

— Так то есть «Курского вокзала»!

— Так он же поскользнулся-то — где? Он же в Петушках поскользнулся.

Позднее этот прием стал основным в «Ненаглядном пособии по математике» Г. Остера. Ср.:

- (13) *Сколько весил Коля, когда уходил с дня рождения Толи, если известно, что подарок он унес с собой?*

- (14) *Узнай, сколько колючек торчало из кактуса до того, как Федя присел на него отдохнуть, если во время этого события кактус расстался с третьей частью своих колючек.*

- (15) *Через сколько минут закончится ужин, если толщина ножки стола — 9 см?*

4. Условные конструкции, по форме представляющие собой утверждение, в действительности могут использоваться в качестве побуждения или запрета, сопровождаемого угрозой:

- (1) *— ...хочешь мы завтра приволокем тебе Веру Дулову?*

— Конечно, — отвечает, — если вы хотите, чтобы я ее, вашу Веру Дулову, удавил струною от арфы, — тогда, пожалуйста, волоките (В. Ерофеев. Москва—Петушки).

Добавление *если* превращает ответ, по форме — согласие, в категорический отказ.

Нередко конструкции с *если* — инструмент иронии:

- (2) *Экскурсовод: — Если милые дамы минутку помолчат, мы услышим ужасающий рёв Ниагарского водопада.*

5. Необычно сокращение условной конструкции, сведение ее к придаточному предложению (2), а то и к одному условному союзу (3):

- (3) *«Если покинешь меня» (название фильма).*

- (4) *Во время Пелопонесской войны афиняне, уверенные в сво-*

ем превосходстве, заявили в послании спартанскому полководцу Лисандру: «Если мы войдем в Спарту, то все предадим огню и крови», на что Лисандр ответил: «Если».

6. Интересные и не совсем обычные употребления мы встречаем также в довольно распространенных в разговорной речи фразах типа: *Если он поэт, то я папа римский!*, представляющих собой тип «доказательства от противного». «Если верно утверждение X, то верно и утверждение Y». Между самими фактами причинно-условной связи нет. Это вид демагогических высказываний, имеющих целью повлиять на слушателя, поставив его перед альтернативой: «либо ты признаёшь меня папой римским, а обсуждаемое лицо поэтом, либо ты отказываешься признать его поэтом».

Если истинно утверждение: «Он поэт», то истинно утверждение: «Я папа римский».

7. Нередко условные конструкции используются и в демагогических высказываниях, см. ниже (4), и в намеках — (5):

(5) *На бракоразводном процессе женщина просит оставить дочку ей, поскольку она ее родила. Мужчина категорически не согласен: «Ваша честь! Если вы опустили монету в автомат для продажи воды, то кому принадлежит стакан воды — вам или автомату?»*

(6) *Джентльмен всегда поправит галстук, если мимо канавы проходит женщина.*

8. Способность конструкций с сопоставительным *если* обозначать градацию обыгрывается в следующем примере:

(7) [Купец третьей гильдии узнаёт, что встретившееся ему многотысячное траурное шествие — в честь Достоевского] — *Боже ты мой, если какого-то Достоевского толико почитают, что же это будет, когда господин Гейнце помрут?* (А. Измайлов. Плутарх Российской, или ридикюль остроумия).

4.2. Уступительные конструкции

Приведем несколько случаев (достаточно редкого) обыгрывания уступительных конструкций.

(1) *Он славный человек, хоть и женится* (А. Пушкин — Л. С. Пушкину, 14 мар. 1825).

В комических целях Пушкин использует свойство союза *хотя* /*хоть* (X *хотя* Y ; *хотя* $X - Y$) указывать на то, что сочетание X и Y — не нормально.

(2) *Взяли [в гувернантки] немку. Всё шло недурно, хотя она сильно была похожа на лошадь. Отпустишь ее с детьми гулять, а издали кажется, будто дети на извозчике едут* (Н. Тэффи. Нянькина сказка про кобылью голову).

(3) *Хоть* теперь ты ех-писатель,
Ех-чиновник, ех-делец
И казны ех-обиратель,—
Всё же ты не ех-подлец.

(Эпиграмма Н. Щербины на Кукольника)

(4) *Хоть* вы и Валтасар,
Хоть вы и Навуходоносор,
Но вы балда, сэр,
Вам в ухо дано, сэр!

(М. Светлов, С. Кирсанов. «Литературные шушу(т)ки»)

(5) — *Так вам нужно жениться — очень просто! Могу вам предложить девушку — пальчики оближете! ... Хотя брат шарлатан, но она такая брюнетка, что даже удивительно* (А. Аверченко. Рыцарь индустрии).

(6) *Хотя* он был слесарем, но борода у него была черная, глаза маленькие и злые (О. Л. Д'Ор. Пар. на М. Горького).

В (5) аномально соединение с помощью союза *хотя* двух не связанных событий; нейтральным было бы продолжение типа: ...*но (сама) она очень хороший человек.*

(7) *Пряхина [актриса] приложила кулак ко лбу и закричала резким, высоким голосом: «Меня сживают со свету! ... Да взгляни же хоть ты, пречистая мать, что со мною делают в театре!»* (М. Булгаков. Театральный роман).

Пример (6) хорошо иллюстрирует основной смысловой компонент частицы *хотя* (*хоть*) в одном из ее значений — указание на тот минимум, которым согласен довольствоваться говорящий или описываемое лицо. Этот компонент обыгрывается также и А. Толстым:

(8) *Хозяин харчевни выскочил навстречу гостям ...*

- Не мешало бы нам перекусить *хоть* сухой корочкой, — сказала лиса.
- *Хоть* коркой хлеба угостили бы, — повторил кот ...
- Эй, хозяин, — важно сказал Буратино, — дайте нам три корочки хлеба.
- Веселенький, остроумненький Буратино шутит с вами, хозяин, — захихикала лиса (А. Толстой. Золотой ключик).
- (9) — *Что мой прах!* — уныло усмехнулся Хацкин. — *Пусть мой прах пропадает. Я и не претендую, чтобы он находился на ваших ногах* (переключка с «Интернационалом») (Н. Тэффи. Монархист).

В последнем примере использование общего фразеологизованного суждения в конкретной ситуации (с заменой множественного числа на единственное) необычно и вызывает комический эффект.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Место распространенного определения по отношению к определяемому слову в русской фразе¹

Под распространенным определением мы понимаем определение, которое состоит из причастия, прилагательного или порядкового числительного с относящимися к ним словами, например: *распадающийся на две отдельные части, произвольно выбранный, выбранный нами, взаимно однозначный, равный единице, пятый по счету*. Говорящий или пишущий каждый раз без особых затруднений делает выбор между препозицией и постпозицией распространенного определения, руководствуясь при этом интуицией, языковым чутьем, т. е. какими-то им самим неосознанными языковыми правилами.

Нашей целью было составление правил, функционально в какой-то мере соответствующих этим языковым правилам. В первой части работы выделяются основные факторы, влияющие на выбор места распространенного определения; во второй делается попытка установить возможно более точно соотношение между этими факторами и дать правила расположения распространенного определения в русской фразе.

---

¹ Статья из ВЯ, № 1, 1963.

Исследование проводилось на математических текстах (10 авторов). Производилась сплошная выборка материала на первых 20–60 страницах текста (текст введений и предисловий как менее показательный не использовался). Всего нами собрано 1300 распространенных определений. Так как предлагаемые правила устанавливаются на основе изучения только математических текстов, они нуждаются в экспериментальной проверке на материале других видов научной литературы. Предварительная проверка (проведенная на весьма ограниченном материале) позволяет предполагать, что все правила, за исключением некоторых специальных математических штампов, применимы к научным текстам иного содержания (химическим, физическим, лингвистическим и т. д.).

В работе введены символические обозначения некоторых наиболее употребительных грамматических терминов: *A* — распространенное определение; *P* — личное или возвратное местоимение; *P*₁, *P*₂, *P*₃, *P*₄, *P*₅, *P*₆ — личные или возвратные местоимения в форме им., род., дат. и т. д. падежей; *S* — существительное или количественное числительное; *S*₁, *S*₂, *S*₃, *S*₄, *S*₅, *S*₆ — существительные или количественные числительные в форме им., род. и т. д. падежей.

Прежде чем перейти к рассмотрению места распространенного определения, необходимо сделать существенные оговорки. Во-первых, нашими правилами не учитывается возможность того, что место распространенного определения может иметь смысловозначительное значение. Подобное явление (вообще сравнительно редкое) представлено в наших материалах лишь одним примером: «Приводим еще один вывод правила умножения, *не использующий теоремы Лапласа*». В случае постпозиции фраза допускает двоякое толкование: *Приводим еще один вывод..., не использующий, так же, как остальные выводы, теоремы Лапласа*, или: *Приводим еще один вывод..., не использующий, в отличие от остальных выводов, теоремы Лапласа*. В случае же препозиции распространенного определения *Приводим еще один не использующий теоремы Лапласа вывод...* остается только первое из указанных выше значений. Во-вторых, нами не рассматривались распространенные определения, заключенные в скобки. Например: «Геометрическим местом точек... называется фигура (*состоящая из одной или нескольких линий*), все точки которой этим свойством обладают». Распростра-

ненное определение носит характер вводного замечания и должно рассматриваться именно как вводное словосочетание.

В анализируемых текстах распространенное определение ставится перед определяемым словом или (почти втрое чаще) — после определяемого слова. Препозитивное А ставится непосредственно перед определяемым словом, кроме тех случаев, когда перед определяемым словом стоит определение, образующее с определяемым словом несвободные сочетания (сложные термины). Например: *переменные величины, натуральные числа, общий множитель*. В этих случаях А ставится перед определением. Например: «Все *рассматриваемые нами* переменные величины так или иначе „упорядочены“». Постпозитивное А ставится непосредственно за определяемым словом. Исключение составляют примеры, где за определяемым словом следуют зависимые (управляемые) слова. В этих случаях А следует поставить за последним словом в цепи зависимых слов. Например: «Это — условная вероятность выпуска лампочки вторым заводом, *вычисленная в предположении, что данная лампочка стандартна*».

§ 1. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР МЕСТА РАСПРОСТРАНЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Изучение математических текстов позволяет указать три основных фактора, которые влияют на выбор места распространенного определения: количество слов в составе распространенного определения; особенности распространенного определения и определяемого слова, благодаря которым в случае препозиции между определением и определяемым словом возникает нежелательный стык; наличие в предложении относящихся к определяемому слову управляемых слов, или управляющих слов, или слов, раскрывающих содержание определяемого слова. Кроме того, некоторые (строго определенные) словосочетания всегда, независимо от условий, занимают постоянное место по отношению к определяемому слову, одни из них всегда постпозитивны, другие — препозитивны.

При выделении факторов, оказывающих влияние на выбор места А, мы пользовались методом подбора минимальных (отличающихся лишь одним фактором) пар предложений, в одном из которых А препозитивно, а в другом — постпозитивно. Необходимо отметить, что применение этого метода, требующее иногда

длительных поисков и не всегда возможное в фонологии при выделении фонем¹, связано с еще большими трудностями в синтаксисе. Однако для большинства указываемых ниже факторов удалось выделить минимальные пары.

1. Выбор места *A* во многом зависит от величины *A*, т. е. от количества слов, которые входят в его состав². Распространенное определение, состоящее из двух слов, тяготеет к препозиции; распространенное определение, включающее в свой состав три слова и более, — к постпозиции. Наглядное представление о влиянии величины *A* на выбор места *A* дают два следующих предложения: «*Рассмотренная нами задача очень проста*»; «*В задаче, рассмотренной нами в начале настоящего параграфа, найти вероятность*».

Приводим данные, касающиеся величины препозитивных и постпозитивных *A* в изучаемых текстах³.

	Препозитивные <i>A</i> (314 примеров)	Постпозитивные <i>A</i> (875 примеров)
Из 2 слов	253	153
» 3	46	232
» 4	9	173
» 5	2	106
» 6	2	64
» 7	2	35
» 8	0	27
» 9	0	24
» 10	0	19
свыше 10	0	42

Средняя величина постпозитивных *A* в наших материалах — 4,67 слова, в то время как средняя величина препозитивных *A* — всего лишь 2,25 слова.

¹ См., например, Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959. С. 45–77.

² Под словами понимаем отрезки текста между двумя пробелами или между пробелом и знаком препинания, кроме предлогов и отрицания *не*. Так, например, в распространенном определении *не рассмотренный нами в начале этой главы* — пять слов.

³ Случаи, когда к определяемому слову относятся несколько *A*, не учитывались.

2. Иногда мы находим такое сочетание особенностей распространенного определения и определяемого слова, которое в случае препозиции распространенного определения приводит к возникновению нежелательного стыка. Например: «В полученных только что неравенствах, *соединенных с равенствами*, на деле ни в одном случае равенства быть не может».

При постановке *A* в приведенных примерах перед определяемым словом мы получаем нежелательный стык — в первом случае «неблагозвучный» (*соединенных с равенствами неравенствах*), во втором — «осмысленный» (*одни из участвующих в этом, явлении величин*). В силу того, что препозитивные *A* пунктуационно не отделяются от определяемого слова, граница между ними ощущается недостаточно отчетливо, и это затрудняет понимание. Под стыками мы понимаем не только сочетания двух слов, стоящих рядом, но также и сочетания слов, разделенных другими словами. Стыки первого типа в данной работе называются непосредственными, стыки второго типа — опосредованными. Наши материалы позволяют отметить следующие нежелательные стыки¹:

а) Непосредственный или опосредованный стык слов с общим корнем. Например: «Переходим к примерам числовых колец, *не лежащих целиком в кольце R*».

б) Непосредственный или опосредованный стык определяемого слова и некоторых видов формул. Имеются в виду математические выражения (буквенные или цифровые), содержащие хотя бы один из следующих знаков: +, -, >, <, =, ≠, × и др.

в) Непосредственный стык двух существительных. Например: «Геометрическое изображение подсказывает... как исходные понятия, так и вопросы, *подлежащие последующему рассмотрению*». При перестановке *A* (в принципе вполне возможной: в *A* всего три слова) получаем несколько тяжеловесную конструкцию, где рядом стоят два существительных (*подлежащие последующему рассмотрению вопросы*). Материал показывает, что при прочих равных условиях распространенное определение, где последнее слово является существительным, гораздо реже ставится в препозиции, чем распространенное определение, где последнее слово относится к другой части речи. В этом отношении показательны два следую-

¹ Примеры везде даны в том виде, какой они имеют в тексте. Нежелательный стык получаем при перестановке *A*.

щих примера: «Не все требования 1—v, *входящие в определение кольца*, являются... необходимыми»; «Переменная величина... по самой своей природе связана с временем, как, например, *рассмотренная нами выше величина*».

Особенно нежелателен стык существительного (в любой форме) с существительным в форме род. падежа. Например: «В партии из 1000 изделий, *еще не подвергнутых браковке*, будет примерно 16 непригодных», или (в еще большей степени) стык отглагольного существительного с существительным в форме твор. падежа: «При этом неизвестным элементом, *требующим уточнения*, может служить не только положение цели». При постановке А в приведенных примерах в препозиции понимание затрудняется в силу того, что между словами можно увидеть связь управления [*браковке изделий* (1-й пример), *уточнения элементом* (2-й пример)], тогда как в действительности эти слова между собой непосредственно не связаны.

Это в полной мере относится также и к тем случаям, когда второе существительное имеет форму, омонимичную форме род. падежа (или твор. падежа). Например: «Проведя через точки деления *плоскости, параллельные основанию*, мы разрежем пирамиду». Если последнее слово в А не является существительным, то препозиция А не приводит к двусмысленности: «Изменение... условий влечет за собой изменение *интересующей нас вероятности*».

г) Последний из нежелательных стыков, который мы можем указать, — это стык личных местоимений 3-го лица *его, ее, их*, омонимичных притяжательным местоимениям, с существительными. Например: «Окружность... является, с одной стороны, объединением точек, *ее составляющих*». В случае препозиции А («составляющих *ее точек*») выбор одной из омонимичных форм несколько усложняется.

3. Наличие в предложении слов, связанных с определяемым словом (управляемых, управляющих или раскрывающих его содержание), способствует препозиции распространенного определения.

а) Довольно часто определяемое слово является звеном в цепи зависимых слов. Например: «Это уравнение задает в каждой точке области значение *углового коэффициента касательной* к проходящему через эту точку *графику решения уравнения*». В этих случаях А может, как уже отмечалось раньше, стоять или непосредственно

перед определяемым словом, или за последним словом в цепи зависимых слов. Предпочтительнее препозиция *A*: в данном случае яснее ощущаются синтаксические связи; уже само расположение *A* указывает, к какому слову оно относится. Влияние, которое оказывает наличие или отсутствие цепи зависимых слов на выбор места *A*, ярко проявляется при сравнении двух следующих примеров: «Будем вести индуктивные рассуждения, основываясь на *условиях*, сформулированных в пункте 1.5»; «Мы можем считать, что формулированная в начале § 4 *задача о расширении области вещественных чисел* получила положительное решение».

б) Иногда при определяемом слове имеется управляющее или управляемое слово, предполагающее ту же форму *A*, что и определяемое слово. Например: «Алгебраические операции... обладают многими привычными нам *свойствами* операций над числами». При постановке *A* в постпозиции возникает двусмысленность: «Алгебраические операции обладают многими *свойствами* операций над числами, привычными нам».

Особенно затрудняется понимание в тех случаях, когда в цепи зависимых слов есть три слова (и больше), к которым формально может относиться *A*: «Упорядочение кардинальных чисел не зависит от выбора *представителей классов множеств*, имеющих данную мощность». Понять приведенную фразу трудно даже специалисту. Мы предлагаем в примерах, аналогичных данному, заменять *A* придаточным предложением и ставить перед определяемым словом указательное местоимение (*тот, такой*): «Упорядочение... не зависит от выбора представителей классов (*тех*) множеств, которые имеют данную мощность».

в) Препозиции *A* способствует также наличие при определяемом слове слов, раскрывающих его содержание. Например: «...мы относим те операции, которые выражаются символами известных из школьного курса основных элементарных *функций: степени, показательной функции, логарифма и тригонометрических (прямых и обратных) функций*».

4. В текстах встретилась большая группа распространенных определений, занимающих постоянное место по отношению к определяемому слову. Одни из них всегда (независимо от указанных факторов) постпозитивны, другие всегда препозитивны.

Приводим список словосочетаний, которые всегда находятся в постпозиции:

- 1) *больший* + S₂ (P₂)
- 2) *взвешенные* + *в* + S₆ (P₆)
- 3) *взятые в отдельности*
- 4) *вместе взятые*
- 5) *изображающий* + S₄ (P₄)
- 6) *кратный* + S₃ (P₃)
- 7) (не) *меньший* + S₂ (P₂)
- 8) *называемый* + S₅ (P₅)
- 9) *наибольший* + *по* + S₃ (P₃)
- 10) *не содержащее* + S₂ (P₂)
- 11) *обратный* + S₃(P₃)
- 12) *отличный* + *от* + S₂ (P₂)
- 13) *превосходящий* + S₄ (P₄)
- 14) *превышающий* S₄ (P₄)
- 15) *равный* + S₃ (P₃)
- 16) *разнящийся* + *на* + S₄ (P₄)
- 17) *содержащий* + S₄ (P₄)
- 18) (не) *соизмеримый* + *с* + S₅ (P₅)
- 19) *сопряженный* + *с* + S₅ (P₅)
- 20) *умноженный* + *на* + S₄ (P₄)
- 21) *эквивалентные между собой*
- 22) *эквивалентный* + S₃ (P₃)
- 23) (не) *являющийся* + S₅ (P₅)

Примеры: «*Всякое натуральное число, большее единицы, может быть представлено в виде произведения...*»; «*Всякое число, умноженное на ноль, должно дать ноль*».

В наших материалах отмечены также фразеологизмы, которые в отличие от словосочетаний, рассмотренных выше, всегда препозитивны. Сюда могут быть отнесены следующие фразеологизмы: *более или менее* + A; *как угодно* + A; *сколь угодно* + A; *только что* + A; A + словосочетание *друг друга* в разных формах (*друг другу, друг от друга* и т. д.). Сюда же следует отнести A, имеющие в своем составе словосочетание *нужный* + S₃ и относящиеся к существительному в род. падеже, которое является именной частью составного сказуемого. Приведем некоторые примеры: «Однако ни Лейбниц,

ни Крамер не дали *более или менее законченной* теории определителей»; «Первый подошедший к остановке трамвай будет *нужного пассажиру маршрута*».

§ 2. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ФАКТОРАМИ.

СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА

РАСПРОСТРАНЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

1. Мы рассмотрели основные факторы, оказывающие влияние на выбор места A . Как правило, в каждом конкретном случае расположение A объясняется воздействием не одного, а нескольких факторов. Возникает необходимость установить возможно более точно соотношение между факторами. Ниже указывается один из возможных способов учета этих факторов, разнородных по силе и по направленности, — подчеркиваем: один из возможных.

Предлагаемая система проста. Вместе с тем она довольно точна, и это делает возможным переводение ее в какую-нибудь другую систему (в частности, наши правила можно использовать при построении алгоритма независимого синтеза русского текста).

2. Как уже отмечалось, одни из факторов способствуют препозиции A (условно обозначаем их знаком $-$), другие способствуют постпозиции A (обозначаем их знаком $+$). Как первые, так и вторые далеко не равноценны между собой по силе воздействия на выбор места A . Поэтому мы обозначаем их не просто знаками — или $+$, а отрицательными или положительными числами, отличающимися по абсолютной величине. Числа -1 , -2 , -3 и т. д. обозначают факторы, способствующие препозиции A ; числа $+1$, $+2$, $+3$ и т. д. обозначают факторы, способствующие постпозиции A . Произведя действие сложения над этими числами, являющимися частными характеристиками A , получаем общую характеристику A — отрицательную или положительную. В первом случае A следует поставить перед определяемым словом, во втором — после определяемого слова. Впрочем, как будет показано дальше, в этой операции не всегда есть необходимость.

Количественные характеристики, закрепленные за каждым фактором, отражают их сравнительную силу и связаны со степенью их воздействия на выбор места A . Устанавливались они эмпирически, путем подбора, рассмотрения множества разных вариантов. Был выбран тот из вариантов, благодаря которому мы получили

максимальное число случаев совпадения расположения *A*, требуемого нашими правилами, с тем расположением, которое есть в рассматриваемых текстах.

3. Все факторы, в зависимости от силы воздействия на выбор места *A*, можно разделить на две группы: сильные факторы и слабые факторы. Сильные факторы оказывают решающее воздействие на выбор места *A*. Достаточно одного сильного отрицательного фактора, чтобы *A* ставилось (всегда, независимо от прочих условий) перед определяемым членом предложения. При наличии же сильного положительного фактора *A* во всех без исключения случаях расположено после определяемого члена. Так, например, всегда постпозитивны в изучаемых текстах *A*, имеющие в своем составе формулы (103 примера). Слабые факторы характеризуются тем, что ни один из них не оказывает решающего воздействия на выбор места *A*: чтобы решить вопрос о месте *A*, необходимо учесть все эти факторы в их совокупности.

Ниже приводим две таблицы, в первой из которых даются сильные факторы, во второй — слабые факторы. В правом столбце второй таблицы даются эмпирически устанавливаемые числовые характеристики, выражающие степень воздействия соответствующих факторов на выбор места *A*.

Сочетание сильного положительного и сильного отрицательного фактора делало бы равно нежелательной как препозицию, так и постпозицию *A*. Естественно, в наших материалах примеров с такими сочетаниями нет. В качестве примера можно привести искусственно сконструированное предложение: «Произведем упорядочение представителей классов множеств, *подробно рассмотренных нами в пятом разделе первой главы работы*».

Постпозиция *A* нежелательна, так как она приводит к двусмысленности (5-й сильный фактор); препозиция также нежелательна, поскольку в состав *A* входит восемь слов (1-й сильный фактор). Конструкцию с *A* необходимо заменить синонимичной конструкцией с придаточным определительным; перед определяемым словом следует поставить указательное местоимение: «Произведем упорядочение представителей классов *тех множеств, которые* подробно рассмотрены нами в пятом разделе первой главы работы».

Таблица 1

Сильные факторы

Факторы	Место А
1. Наличие в А более 7 или более слов ¹	Постпозиция
2. Нежелательный стык:	
а) стык слов с общим корнем;	»
б) стык формулы и определяемого слова;	»
в) стык личных местоимений 3-го лица <i>его, ее, их</i> и существительных;	»
г) стык отглагольного существительного и существительного в форме твор. падежа	»
3. В состав А входит одно из определенных словосочетаний	»
4. В состав А входит один из определенных фразеологизмов	Препозиция
5. Определяемое слово входит в цепь зависимых слов, из которых два (или больше) предполагают ту же форму А, что и определяемое слово	»

Таблица 2

Слабые факторы²

Факторы	Характеристика
1. В состав А входят 2 слова	-4
2. В состав А входят три слова и больше	$2n - 5^2$
3. Стык двух существительных	+2

¹ Это наблюдение вызвало интерес В. Ингве. Приводимые мной данные подтверждали на материале русского языка его популярную в те годы теорию — «гипотезу глубины», согласно которой объем нашей непосредственной памяти ограничен семью единицами, в частности, семью словами.

² Частная характеристика тем больше (по абсолютной величине), чем больше слов в А: для А, состоящего из трех слов, она = +1, из четырех слов = +3, из пяти слов = +5. Для А, состоящего из n слов, характеристика считается равной $2n - 5$.

4. Стык существительного или количественного числительного с существительным в форме род. падежа (или с существительным, имеющим форму, омонимичную форме род. падежа)	+3
5. Определяемое слово входит в цепь зависимых слов	первое управляющее или управляемое слово = -1, каждое из последующих = -2
6. Определяемое слово входит в цепь зависимых слов, одно из которых предполагает ту же форму А, что и определяемое слово	-3
7. Имеются слова, раскрывающие содержание определяемого слова	-6

4. Приведем примеры, иллюстрирующие применение указанных правил определения места А. «Функция, получаемая из постоянных и из независимого переменного путем действий сложения и умножения, является полиномом». Проверяем по первой таблице наличие сильных факторов: а) отмечаем, что есть сильный фактор, способствующий постпозиции, — в А больше семи слов; б) убеждаемся, что сильных факторов, препятствующих постпозиции (сильных отрицательных факторов) нет. А следует поставить после определяемого слова. Проверять наличие слабых факторов нет необходимости.

5. Особого рассмотрения заслуживают случаи, когда к одному слову относятся несколько распространенных определений — однородных или неоднородных.

Однородные А занимают одинаковое место в предложении (оба препозитивны или оба постпозитивны); между ними стоит или может быть поставлен один из следующих союзов: *и, но, или, то есть*. Например: «Математический анализ, зародившийся в XVII в. и бурно развивавшийся в течение всего XVIII в., долго довольствовался

этим определением». Неоднородные A занимают различное место в предложении (одно из них перед определяемым словом, другое после него). Например: «Свойство натурального ряда лежит в основе одного *широко распространенного* метода доказательств, *называемого методом математической индукции*».

Предлагаются следующие несложные правила, определяющие размещение нескольких A , относящихся к одному слову: **а)** описанным выше способом определяем общую характеристику каждого из A , относящихся к одному слову; **б)** если это однородные A , складываем характеристики и получаем при этом характеристику, которая является общей для всех однородных A . Так, в первом из приведенных примеров общие характеристики $+3$ и $+11$. Сложив их, получаем характеристику, общую для обоих однородных A , она равна $+14$. В случае, когда однородные A имеют характеристики, отличающиеся знаком (одна положительная, другая отрицательная), однородные A также занимают одинаковое место. Например: «*Всякое кольцо, обладающее единицей и содержащее обратный элемент для любого элемента, отличного от нуля, будет нулем*». Характеристика первого $A = -2$, характеристика второго $A = +13$. Сложив эти характеристики, получаем характеристику, общую для обоих. Она равна $+11$. Распространенные определения следует поставить после определяемого слова; **в)** если A , относящиеся к одному слову, неоднородны, то одно из них следует поставить перед определяемым словом, другое — после него. В препозиции располагается A , больше тяготеющее к препозиции, чем другое A («более отрицательное» из двух). Например: -2 в паре $(-2; +6)$, -5 в паре $(-5; -1)$, $+2$ в паре $(+2; +8)$. В предложении «*Параллельный оси u -ов отрезок AB , соединяющий две какие-нибудь точки A и B этой области, целиком лежит внутри этой области*» в препозиции ставится A , имеющее характеристику $+3$, в постпозиции — A с характеристикой $+5$ (т. е. сильнее, чем первое, тяготеющее к постпозиции).

6. В заключение необходимо указать, насколько соответствует расположению A , предписываемое нашими правилами, тому расположению, которое встречается в тексте. Руководствуясь предлагаемыми правилами, в 1238 примерах из 1300 имеющихся распространенное определение следует поставить именно там, где оно расположено в тексте. Случаи, когда наши правила требуют изменения

места А, сравнительно редки (62 примера, или 4,77%)¹. Законно поставить вопрос, происходит ли в этих случаях улучшение или ухудшение текста? Если ухудшение, то не настолько ли резкое, что это ставит под сомнение возможность пользоваться нашими правилами?

При ответе на эти вопросы приходится руководствоваться только языковым чутьем, и эта субъективность в оценке примеров еще усилилась бы, если бы сравнительная оценка конструкций, имеющих в тексте, и конструкций, построенных по правилам, производилась создателем этих правил. Нам представлялось более правомерным прибегнуть к опросу. Пятнадцати информантам предлагалось выбрать для каждого из рассматриваемых предложений то расположение распространенного определения, которое является «лучшим», или указать на «равноценность» обеих конструкций (понятия «лучший», «равноценный» намеренно не уточнялись).

Относительно большинства примеров мнения расходятся, что уже само по себе указывает на возможность использования обоих вариантов — как того, который имеется в тексте, так и того, который рекомендуется нашими правилами. Определив для каждого из 62 примеров мнение большинства, получаем следующие цифры: а) в 38 случаях изменение места А, рекомендуемое нашими правилами, привело бы к ухудшению текста; б) в 9 случаях — к улучшению текста; в) в 15 случаях оба варианта равноценны.

Для каждого из случаев, когда предлагаемые правила ухудшают текст, можно, как будто, выделить добавочные факторы, оказавшие влияние на выбор места распространенного определения. Учет этих факторов привел бы к некоторому уточнению правил, однако это было бы связано со значительным их усложнением².

---

¹ С привлечением новых текстов их количество, бесспорно, возрастет. Впрочем это увеличение не будет значительным. При проведенной нами проверке процентное содержание случаев, когда правила требуют иного размещения распространенного определения, увеличилось менее чем на 2 % (с 4,77% до 6,67%).

² Автор выражает глубокую благодарность И. А. Мельчуку, рекомендовавшему тему исследования и давшему ряд ценных советов, Г. А. Бариновой, Л. Н. Иорданской, В. А. Ицковичу, Л. П. Крысину и И. П. Мучнику за сделанные ими важные замечания, а также всем нашим информантам.

УКАЗАТЕЛЬ
РАССМАТРИВАЕМЫХ
СОЮЗОВ
И ЧАСТИЦ¹

- а* 179–181, **265–276**, 322–323,
326
або 187
а может (быть) 217
а может (быть) и 214
а не 165 335, **329–333**, 563, 567
а не то 200
а не то что **315–316**, 318, 564
а так 282–283
а также 290–291
а то 199–200, 242, 282–283,
324–325, 566
- а то и* 183, 209–214, 242
будь то... или 42, 209
вон 100
вот 100–102
да 276, 303–307, 320
да и 294–297, 316–318
добро бы... а то 333–335
если 44, 50–51, 59–64, 67–68,
407–433, 578–581
если бы 421–423
если бы... а то 333–335,
422–423

---

¹ Бессоюзные конструкции рассматриваются на с. 337–347.

- если не... (то<так>) 423-424
 же 193-194
 зато 291-294, 560
 и 41-46, 119-122, **284-290**,
 322, 564-565
 и... и 297-300
 и то 280-282, 307-309
 или 43, 45-48, **187-198**,
 231-238, 240-241, 323-324,
 565-566
 или... или 200-203
 как 567-573
 как... так и 302-303
 ли... ли (ли... ли<иль,ль>)
 41-42, **204-208**, 228
 либо 198-199, 228
 либо... либо 203-204
 может (быть)... (а) может
 (быть) 194, **217-219**,
 228-229
 не... а 165, 181-182, **329-333**,
 563, 567
 не... но 333
 не... так 215-217, 238, 242
 не столько... сколько 155, 165,
309-310, 321
 не то **200**, 324
 не то... не то 156, **219-222**,
 229, 238
 не то что... (а) **315-316**, 318,
 560
 не то чтобы... но<а> **312-313**,
 319-320
 не только... но и 155, 165,
314-315
 ни... ни 300-302
 но 44, 57-58, 119-122, 179,
244-265, 296-297, 322-323,
 326, 560-562
 но не 333
 потому что 53-54, 63-64, 67,
 69
 пускай (пусть) 445-454
 раз 54-57, 59, 64-66, 70,
435-443
 скорее... чем **310-312**,
 319-321, 326, 564
 так 283
 то... то 43, 156-157, 183,
223-226
 то ли... то ли 156, **222-223**,
 238
 только **278-280**, 320
 хоть... хоть 42, **208-209**, 241
 хоть бы... а то 333-335
 хотя (хоть) 68, 581-583
 что... что 42, **207-208**
 это 99-100

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1936 — *Р. И. Аванесов*. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // РЯШ. 1936. № 4.
- Акимова 1990 — *Г. Н. Акимова*. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
- Апресян 1967 — *Ю. Д. Апресян*. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1971 — *Ю. Д. Апресян* О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики (ответ Н. Ю. Шведовой) // ВЯ. 1971. № 1.
- Апресян 1974 — *Ю. Д. Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 1978 — *Ю. Д. Апресян*. Языковая аномалия и логическое противоречие // *Tekst. Język. Poetyka. Wrocław etc.* 1978. С. 129–151.
- Апресян 1979а — *Ю. Д. Апресян*. Английские синонимы и синонимический словарь // *Англо-русский синонимический словарь*. М., 1979. С. 500–543.
- Апресян 1979б — *Ю. Д. Апресян*. К понятию глагольного управления // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1979. Bd 3.
- Апресян 1980 — *Ю. Д. Апресян*. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ текст» // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1980. Bd 1.

- Апресян 1995 — Ю. Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. 1–II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Апресян и др. 1978 — Ю. Д. *Апресян*, И. М. *Богуславский*, Л. Л. *Иомдин*, Л. П. *Крысин*, А. В. *Лазурский*, Н. В. *Перцов*, В. З. *Санников*. Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения. М., 1978.
- Апресян, Иомдин, Перцов 1978 — Ю. Д. *Апресян*, Л. Л. *Иомдин*, Н. В. *Перцов*. Объекты и средства модели поверхностного синтаксиса русского языка // *International Review of Slavia Linguistics*. 1978. Vol. 3. № 3.
- Арбатский 1972 — Д. И. *Арбатский*. Множественное число гиперболическое // *РЯШ*. 1972. № 5.
- Арутюнова 1970 — Н. Д. *Арутюнова*. Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке // *Филологические науки*. 1970. № 3. С. 44–58.
- Арутюнова 1976 — Н. Д. *Арутюнова*. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1979 — Н. Д. *Арутюнова*. Языковая метафора (Синтаксис и лексика) // *Лингвистика и поэтика*. М.: Наука, 1979. С. 147–173.
- Арутюнова 1983 — Н. Д. *Арутюнова*. Сравнительная оценка ситуаций // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1983. № 4.
- Арутюнова 1985 — Н. Д. *Арутюнова*. Об объекте общей оценки // *ВЯ*. 1985. № 3.
- Арутюнова 1990 — Н. Д. *Арутюнова*. Феномен второй реплики, или О пользе спора // *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. М.: Наука, 1990.
- Арутюнова, Ширяев 1983 — Н. Д. *Арутюнова*, Е. Н. *Ширяев*. Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983.
- Бабайцева 1979 — В. В. *Бабайцева*. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М., 1979.
- Бабалова 1980 — Л. Л. *Бабалова*. Об употреблении союзов И, А, НО в сложном предложении // *Русский язык за рубежом*. 1980. № 4. С. 57–62.
- Бакалова 1981 — З. Н. *Бакалова*. Соотносительность сложносочиненных предложений с союзами А и НО в семантической сфере несоответствия // *Синтаксические связи в русском языке*. Владивосток, 1981. С. 35–51.

- Балли 1955 — Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Балли 1961 — Шарль Балли. Французская стилистика. М., 1961.
- Баранов и др. 1993 — А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Баринова 1973 — Г. А. Баринова. Фонетика // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 40–150.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965. 2-е изд. Т. I–VI (А–З). М.: Русский язык, 1991–1994.
- Безменова, Герасимов 1984 — Н. А. Безменова, В. И. Герасимов. Введение // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984. С. 5–24.
- Белошапкина 1967 — В. А. Белошапкина. Сложное предложение в современном русском языке: Некоторые вопросы теории. М., 1967.
- Белошапкина 1970 — В. А. Белошапкина. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М., 1970. С. 13–29.
- Белошапкина 1977 — В. А. Белошапкина. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Бендикс 1983 — Э. Г. Бендикс. Эмпирическая база семантического описания // НЗЛ. XIV. М., 1983. С. 75–107.
- Бергельсон, Кибрик 1981 — М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. № 4. С. 343–355.
- Береговская 1984 — Э. М. Береговская. Экспрессивный синтаксис. Смоленск, 1984.
- Богуславский 1985 — И. М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов. М., 1985.
- Богуславский 1988 — И. М. Богуславский. О прагматике синтаксиса, или один способ разрешения синтаксического конфликта // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 70–123.
- Богуславский 1996 — И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Брутян 1983 — Л. Г. Брутян. Лингвистический анализ языковых выражений конъюнкции. Ереван, 1983.

- Брызгунова 1981 — *Л. А. Брызгунова*. Звуки и интонация русской речи. 4-е изд. М., 1981.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 14. Л., 1973.
- Булаховский 1952 — *Л. А. Булаховский*. Курс русского литературного языка. 5-е изд. Т. 1. Киев, 1952.
- Булыгина 1980 — *Т. В. Булыгина*. Грамматические и семантические категории и их связи // *Аспекты семантических исследований*. М., 1980.
- Булыгина 1981 — *Т. В. Булыгина*. О границах и содержании прагматики // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1981. № 4. С. 333–341.
- Булыгина 1982 — *Т. В. Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*. М., 1982. С. 7–85.
- Булыгина, Шмелев 1988 — *Т. В. Булыгина., А. Д. Шмелев*. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // *Логический анализ языка. Знание и мнение*. М., 1988. С. 46–63.
- Булыгина, Шмелев 1990 — *Т. В. Булыгина., А. Д. Шмелев*. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. М.: Наука, 1990. С. 94–106.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Т. В. Булыгина., А. Д. Шмелев*. Языковая концептуализация мира (На материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Валгина 1978 — *Д. С. Валгина*. Синтаксис современного русского языка. 2-е изд. М., 1978.
- Ван Дейк Тойн — 1978 — *Ван Дейк Тойн А.* Вопросы прагматики текста // *НЗЛ. VIII*. М., 1978. С. 259–336.
- Ванников 1979 — *Ю. В. Ванников*. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979.
- Вежбицка 1983 — *А. Вежбицка*. Из книги «Семантические примитивы»: Введение // *Семиотика*. М., 1983. С. 225–252.
- Вежбицка 1985 — *А. Вежбицка*. Речевые акты // *НЗЛ. XVI*. М., 1985. С. 251–275.
- Вежбицкая 1996 — *Анна Вежбицкая*. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Вежбицкая 1999 — *Анна Вежбицкая*. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

- Вейнрейх 1970 — У. Вейнрейх. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970. С. 163–249.
- Вейнрейх 1981 — У. Вейнрейх. Опыт семантической теории // НЗЛ. х. М., 1981. С. 50–176.
- Вендлер 1985 — З. Вендлер. Иллокутивное самоубийство // НЗЛ. хvi. М., 1985. С. 238–250.
- Виноградов 1941 — В. В. Виноградов. Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941.
- Виноградов 1969 — В. В. Виноградов. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. М., 1969.
- Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972.
- Виноградов 1975а — В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 254–294.
- Виноградов 1975б — В. В. Виноградов. О формах слова // В. В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 33–50.
- Виноградов 1980 — В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы» // В. В. Виноградов. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980. С. 176–239.
- Виноградов 1990 — В. А. Виноградов. Классификативность и экзосемия // Res philologica. М.; Л.: Наука, 1990. С. 126–133.
- Виноградова 1984 — В. Н. Виноградова. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
- Витгенштейн 1985 — Л. Витгенштейн. Философские исследования // НЗЛ. XVI. М., 1985. С. 79–128.
- Вольф 1980 — Е. М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1980.
- Вольф 1986 — Е. М. Вольф. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // ВЯ. 1986. № 5. С. 98–106.
- Вязовик 1981 — Т. П. Вязовик. Указательные местоимения, включающие частицу *вот* // РЯШ. 1981. № 1.
- Гаврилова 1979 — Г. Ф. Гаврилова. Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов, 1979.

- Гаврилова 1983 — Г. Ф. Гаврилова. Сложносочиненные односубъектные единства и их функционирование в составе полипредикативных сложных конструкций // Сложные элементарные и полипредикативные предложения. Калинин, 1983. С. 66–74.
- Гаврилова 1984 — Г. Ф. Гаврилова. Сложносочиненное предложение и связный текст // РЯШ. 1984. № 2. С. 93–97.
- Гак 1971 — В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. М., 1971.
- Галкина-Федорук и др. 1958 — Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1958.
- Гвоздев 1965 — А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. М., 1965.
- Гвоздев 1973 — А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Синтаксис. 4-е изд. М., 1973. Ч. II.
- Гирке 1985 — В. К. Гирке. К вопросу о функциях слов *и, тоже* и *также* // НЗЛ. XV. М., 1985. С. 81–100.
- Гладкий 1968 — А. В. Гладкий. Об описании синтаксической структуры предложения // Computational Linguistics. VII. 1968. P. 21–44.
- Гладкий 1979 — А. В. Гладкий. О значении союза *или* // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 13. С. 196–214.
- Гладкий 1982 — А. В. Гладкий. О значении союза *если* // Семиотика и информатика. М., 1982. Вып. 18. С. 43–75.
- Глинкина 1978 — Л. А. Глинкина. Глава «Подлежащее» // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис: Простое предложение. М., 1978. С. 7–40.
- Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гончаров 1985 — А. М. Гончаров. Однородные ряды номинативов с союзами *не... а, а не* // РЯШ. 1985. № 2.
- Грайс 1985 — Г. Д. Грайс. Логика и речевое общение // НЗЛ. XVI. М., 1985. С. 217–237.
- Грамматика 1960 — Грамматика русского языка. Т. I–II. М.: Изд. АН СССР, 1960.
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.

- Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. I–II. М.: Наука, 1980.
- Григорьев 1979 — В. П. Григорьев. Поэтика слова. М., 1979.
- Гридина 1996 — Т. А. Гридина. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
- Гудиева 1974 — Р. К. Гудиева. Разнофункциональные компоненты предложения, связанные отношением сочинения, в современном русском языке: Автореф. канд. дис. Баку, 1974.
- Гуревич 1983 — В. В. Гуревич. О семантике неопределенности // ФН. 1983. № 1. С. 54–60.
- Даль 1978–1980 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Русский язык, 1978–1980.
- Дргинавичене 1985 — И. Ю. Дргинавичене. Семантика противительных связей: На материале сложных бессоюзных конструкций // Функциональные аспекты слова и предложения. М., 1985. С. 78–86.
- Дровникова 1980 — Л. Д. Дровникова. Своеобразие союза «не только... но и» в современном употреблении // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1980. С. 73–84.
- Ермакова 1996 — О. П. Ермакова. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 32–66.
- Еськова 2004 — Н. А. Еськова. Популярная и занимательная филология. М.: Флинта — Наука, 2004.
- Еськова — Н. А. Еськова. Об одном способе «игры» с фразеологизмами (в печати).
- Ефимов 1961 — А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. 2-е изд. М., 1961.
- Жиляева 1978 — Т. Г. Жиляева. О формах взаимодействия вводных слов с составом сложносочиненного предложения // Проблемы грамматической семантики. Ростов н/Д, 1978. С. 93–97.
- Журавлев 1982 — А. Ф. Журавлев. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. С. 45–109.
- Зализняк 1967 — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк, Падучева 1974 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. О контекстной синонимии единственного и множественного числа

- существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974.
- Земский и др. 1948 — А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев. Грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1948. Ч. II. Синтаксис.
- Знаменская 1977 — А. В. Знаменская. Союз И ТО в современном русском языке // Науч. тр. Курского пед. ин-та. Т. 179. 1977. С. 132–140.
- Знаменская 1980 — А. В. Знаменская. Сложносочиненные предложения с союзом ТАК в современном русском языке // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 207. 1980. С. 50–59.
- Золотова 1973 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова 1982 — Г. А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова 1988 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь. М.: Наука, 1988.
- Ильенко 1978 — С. Г. Ильенко. Семантические особенности предложения и их взаимодействие с его формальной устроенностью // Семантика и формы языковых явлений. Л., 1978. С. 3–7.
- Ильенко 1982 — С. Г. Ильенко. К вопросу об общей типологии сложного предложения // Переходность в системе сложного предложения современного русского языка. Казань, 1982. С. 10–17.
- Ильенко 1984 — С. Г. Ильенко. Синтаксическая концепция «Русской грамматики» 1980 г. и место в ней сложного предложения // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. Л., 1984. С. 4–16.
- Иомдин 1979 — Л. Л. Иомдин. Еще раз о синтаксическом согласовании в русском языке // Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 122. М., 1979.
- Иомдин 1980а — Л. Л. Иомдин. О русских существительных так называемого общего рода // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 5.
- Иомдин 1980б — Л. Л. Иомдин. Еще раз о синтаксическом согласовании в русском языке // Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 122. М., 1980.
- Иомдин 1990 — Л. Л. Иомдин. Автоматическая обработка текста на естественном языке: Модель согласования. М.: Наука, 1990.

- Иорданская 1988 — *Л. Н. Иорданская*. Семантика русского союза РАЗ (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // *Russian Linguistics*. 1988. Vol. 12. P. 239–267.
- Исаченко 1960 — *А. В. Исаченко*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 1–2. Братислава, 1960–1965.
- Исламова 1983 — *Д. Ф. Исламова*. Сложносочиненные предложения фразеологизированной структуры в современном русском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1983.
- Ицкович 1982 — *В. А. Ицкович*. Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
- Камынина 1983 — *А. А. Камынина*. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения: Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983.
- Киклевич 1982 — *А. К. Киклевич*. Типология сочинительных конструкций в языке и речевой деятельности // *Вестн. Белорус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология*. Минск, 1982. № 2. С. 53–56.
- Кирпичникова 1973 — *Н. В. Кирпичникова*. К изучению грамматической природы бессоюзного сложного предложения в современном русском языке // *Славянская филология* / Под ред. К. В. Горшковой и А. Г. Широковой. Вып. 9. М., 1973. С. 200–206.
- Киселева 1967 — *Н. М. Киселева*. Противительные союзы в простом предложении современного русского языка: Автореф. канд. дис. М., 1967.
- Ковтунова 1976 — *И. И. Ковтунова*. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Колосова 1980 — *Т. А. Колосова*. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.
- Колосова 1983 — *Т. А. Колосова*. О сигналах неразвернутости некоторых имплицитных сложных предложений // *Синтаксис предложения*. Калинин, 1983. С. 3–11.
- Колосова, Черемисина 1984 — *Т. А. Колосова, М. И. Черемисина*. О принципах классификации сложных предложений // *ВЯ*. 1984. № 6. С. 69–80.
- Кошелев 1996 — *А. Д. Кошелев*. Референциальный подход к анализу языковых значений // *Московский лингвистический альманах*.

- Вып. 1. Спорное в лингвистике. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Красильникова 1990 — *Е. В. Красильникова*. Имя существительное в русской разговорной речи: функциональный аспект. М.: Наука, 1990.
- Крейдлин 1974 — *Г. Е. Крейдлин*. Служебные слова в русском языке: Автореф. канд. дис. М., 1979.
- Крейдлин 1975 — *Г. Е. Крейдлин*. Лексема *даже* // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975. С. 102–115.
- Крейдлин, Падучева 1974а — *Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева*. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9. С. 31–37.
- Крейдлин, Падучева 1974б — *Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева*. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзами *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 10. С. 32–37.
- Кручинина 1973 — *И. Н. Кручинина*. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения // ВЯ. 1973. № 2.
- Кручинина 1984 — *И. Н. Кручинина*. Textoобразующие функции сочинительной связи // Русский язык: Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст. М., 1984. С. 204–210.
- Крылова 1970 — *О. А. Крылова*. Понятие многоярусности актуального членения и некоторые синтаксические категории: Сочинение, подчинение, обособление и присоединение // ФН. 1970. № 5.
- Крысин 1986 — *Л. П. Крысин*. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Крысин 1988 — *Л. П. Крысин*. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М.: Наука, 1988.
- Крысин 2004 — *Л. П. Крысин*. Русское слово, своё и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Крючков, Максимов 1977 — *С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов*. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. 2-е изд. М., 1977.
- Крючкова 2004 — *О. Ю. Крючкова*. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 2(8). М., 2004.

- Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Левин 1970 — Ю. И. Левин. Об одной группе союзов русского языка // МП и ПЛ. Вып. 13. М., 1970. С. 64–88.
- Левин 1980 — Ю. И. Левин. Семиотический эксперимент в фольклоре // Семиотика и информатика. Вып. 16. М., 1980.
- Левин 1998 — Ю. И. Левин. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Левицкий 1981 — Ю. А. Левицкий. Семантика русских сочинительных союзов // Проблемы структурной лингвистики. М., 1981. С. 83–91.
- Левицкий 1984 — Ю. А. Левицкий. Сочинение в синтаксической системе языка: Автореф. докт. дис. М., 1984.
- Леденев 1971 — Ю. И. Леденев. «А то» и «а не то»: Из материалов для словаря неполнозначных слов и их омонимов // Русский язык. Вып. III. Ставрополь, 1971. С. 49–59.
- Лейкина 1979 — Б. М. Лейкина. Некоторые функции слова и // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. 4. Л., 1979. С. 38–46.
- Лекант 1979 — П. Я. Лекант. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. 2-е изд. М., 1979.
- Леонтьева 1965 — Н. Н. Леонтьева. Анализ и синтез русских эллиптических предложений // НТИ. 1965. № 11.
- Леонтьева 1967 — Н. Н. Леонтьева. Устранение некоторых видов избыточной информации в естественном языке // МП и ПЛ. Вып. 10. 1967.
- Леонтьева 1981 — В. Т. Леонтьева. Вторичная союзная связь как способ грамматикализации ремы // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1981. С. 97–110.
- Лингв. ЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Лингвистический процессор 1992 — Лингвистический процессор для сложных информационных систем / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Наука, 1992.
- Лингвистическое обеспечение 1989 — Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП–2. М.: Наука, 1989.
- Лихачев, Панченко, Поньрко 1984 — Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.

- Ляпон 1986 — *М. В. Ляпон*. Смысловая структура сложного предложения и текст. М., 1986.
- Ляпон 1988 — *М. В. Ляпон*. Семантические модификации служебного слова в условиях фразеологизированной конструкции // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 161–172.
- Макаев, Кубрякова 1969 — *Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова*. О статусе морфологии и единицах ее описания // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
- МакКоли 1981 — *Дж. Д. МакКоли*. О месте семантики в грамматике языка // НЗЛ. х. М., 1981. С. 235–301.
- МакКоли 1983 — *Дж. Д. МакКоли*. Логика и словарь // НЗЛ. хiv. М., 1983. С. 177–200.
- Мартемьянов, Дорофеев 1983 — *Ю. С. Мартемьянов, Г. В. Дорофеев*. Опыт терминологизации общелитературной лексики: О мире тщеславия по Ф. де Ларошфуко // Вопросы кибернетики: Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983. С. 38–103.
- Мартынова 1984 — *Л. Л. Мартынова*. Ссемантико-синтаксическая характеристика пропозициональных структур с оценочным значением: На материале португальского языка: Автореф. канд. дис. М., 1984.
- МАС — Словарь русского языка. 2-е изд. Т. I–IV. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Мельчук 1974 — *И. А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М.: Наука, 1974.
- Мендельсон 1971 — *Э. Мендельсон*. Введение в математическую логику. М., 1971.
- Морозкина 1979 — *О. Б. Морозкина*. Семантические условия употребления союзов И, А, НО // Сложное предложение. Калинин, 1979. С. 60–69.
- Моррис 1983 — *Ч. У. Моррис*. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983. С. 37–89.
- Мушанов 1964 — *Ю. А. Мушанов*. Зависимость выбора слова от предварительных знаний о предмете (на материале союзов и частиц) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964.
- Николаева 1969 — *Т. М. Николаева*. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.
- Николаева 1978 — *Т. М. Николаева*. Современное состояние и перспективы // НЗЛ. VIII. М., 1978. С. 5–39.

- Николаева 1982 — *Т. М. Николаева*. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева 1988 — *Т. М. Николаева*. «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности / Сб. науч. трудов проблемной группы «Логический анализ языка». М., 1988. С. 154–165.
- Николаева 2000 — *Т. М. Николаева*. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Нов. слов. син. — *Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, М. Я. Гловинская, Т. В. Крылова*. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Новиков 1989 — *Вл. Новиков*. Книга о пародии. М., 1989.
- Норман 1976 — *Б. Ю. Норман*. Однородные члены предложения в свете современной грамматической теории // РЯНШ. 1976. № 2.
- Норман 1987 — *Б. Ю. Норман*. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.
- Одинцов 1982 — *В. В. Одинцов*. Лингвистические парадоксы. 2-е изд. М.: Просвещение, 1982.
- Ожегов 1990 — *С. И. Ожегов*. Словарь русского языка. 22-е изд. М.: Русский язык, 1990.
- Падучева 1964 — *Е. В. Падучева*. Опыт логического анализа значения союза *или* // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1964. № 6. С. 145–148.
- Падучева 1974 — *Е. В. Падучева*. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева 1977 — *Е. В. Падучева*. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977. С. 91–124.
- Падучева 1982 — *Е. В. Падучева*. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982.
- Падучева 1985 — *Е. В. Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Панов 1963 — *М. В. Панов*. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в. (Основные позиционные

- изменения в фонетике и морфологии.) // ВЯ. 1963. № 1.
- Панов 1966 — М. В. Панов. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. М.: Наука, 1966.
- Панов 1981 — М. В. Панов. Введение // Современный русский язык. М., 1981.
- Парти 1983 — Б. Х. Парти. Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика. М., 1983. С. 285–305.
- Пеллетье 1986 — Ф. Дж. Пеллетье. Или // НЗЛ. XVIII. М., 1986. С. 318–335.
- Пельц 1983 — Е. Пельц, Семиотика и логика // Семиотика. М., 1983. С. 137–150.
- Перетрухин 1979 — В. Н. Перетрухин. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж, 1979.
- Перцов 1996 — Н. В. Перцов. Грамматическое и обязательное в языке // ВЯ. 1996. № 4. С. 39–61.
- Пешковский 1928 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд. М.; Л., 1928.
- Пешковский 1956 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
- Пешковский 1959 — А. М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959.
- Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Пирс 1983 — Ч. С. Пирс. Из работы «Элементы логики. Grammatica speculativa» // Семиотика. М., 1983. С. 151–210.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Попов 1964 — А. С. Попов. Однородные члены предложения, имеющие разную форму и разную функцию, в современном русском языке // Краткие очерки по русскому языку. Воронеж, 1964.
- Попов 1970 — Ф. В. Попов. Не а как сочинительный союз // Уч. зап. Курского пед. ин-та. Т. 72. 1970. № 3.
- Попов 1973 — Ф. В. Попов. О семантико-стилистических особенностях сочинительных союзов с *не то что (бы)* в первой части // Филологические науки: Вопросы синтаксиса русского языка. Тамбов, 1973. С. 150–153.
- Попов 1975 — Ф. В. Попов. Отрицательно-утвердительные союзы в современном русском языке // РЯШ. 1975. № 5.

- Попова 1950 — *И. А. Попова*. Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 355–390.
- Поспелов 1950 — *Н. С. Поспелов*. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
- Поспелов 1959 — *Н. С. Поспелов*. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // ВЯ. 1959. № 2.
- Потебня 1886 — *А. А. Потебня*. Значение множественного числа в русском языке // Филологические записки. Воронеж, 1886.
- Прияткина 1970 — *А. Ф. Прияткина*. Конструктивные особенности союза *а* в простом предложении русского языка // Исследования по современному русскому языку. М., 1970.
- Прияткина 1971 — *А. Ф. Прияткина*. К изучению союзных связей «вторичного» характера // Современный русский язык. Владивосток, 1971. Т. XII.
- Прияткина 1977а — *А. Ф. Прияткина*. Об отличии союза от других связующих слов // РЯШ. 1977. № 4. С. 102–106.
- Прияткина 1977б — *А. Ф. Прияткина*. Союзные конструкции в простом предложении: Автореф. док. дис. М., 1977.
- Прияткина 1977в — *А. Ф. Прияткина*. Союзы в простом предложении. М., 1977.
- Прияткина 1983 — *А. Ф. Прияткина*. Осложненное простое предложение. Владивосток, 1983.
- Разлогова 1988 — *Е. Э. Разлогова*. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988. С. 98–107.
- Реформатский 1955 — *А. А. Реформатский*. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Реформатский 1975 — *А. А. Реформатский*. Фонологические этюды. М., 1975.
- Рогожникова 1983 — *Р. П. Рогожникова*. Сложные предложения с союзными частицами // Синтаксис предложения. Калинин, 1983. С. 48–57.
- Розенталь 1974 — *Д. Э. Розенталь*. Практическая стилистика русского языка. 3-е изд. М., 1974.

- Романова 1980 — *Н. П. Романова*. О границах между сочинительными и подчинительными союзами // Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980. С. 3–11.
- РРР 1973 — Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973.
- РРР 1978 — Русская разговорная речь: Тексты. М.: Наука, 1978.
- РРР 1981 — Русская разговорная речь. М.: Наука, 1981.
- РРР 1983 — Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Рус. лит. XX в. — Русская литература XX века в зеркале пародии. М.: Высшая школа, 1993.
- Русская грамматика. Т. 1–2. Прага, 1979.
- Русский язык 1979 — Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
- Саввина 1976 — *Е. Я. Саввина*. Фрагмент модели поверхностного синтаксиса русского языка. III: Сравнительные конструкции (сравнительные и отсоюзные синтагмы) // НТИ. Сер. 2. 1976. № 1. С. 38–43.
- Санников 1963 — *В. З. Санников*. Место распространенного определения по отношению к определяемому слову в русской фразе. ВЯ. 1963. № 1.
- Санников 1964 — *В. З. Санников*. О русских графических сокращениях // О современной русской орфографии. М.: Наука, 1964. С. 58–87.
- Санников 1978 — *В. З. Санников*. Согласованное определение // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М.: Наука, 1978. С. 148–186.
- Санников 1979 — *В. З. Санников*. Сочинительные и сравнительные конструкции: их близость, их синтаксическое представление // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 4. 1979. S. 413–431; Bd. 5. 1980a. S. 221–241.
- Санников 1980a — *В. З. Санников*. О чередованиях в синтаксисе // Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 137. М., 1980.
- Санников 1980б — *В. З. Санников*. О формальном представлении русских сочинительных и сравнительных конструкций // Формальное описание структуры естественного языка. Новосибирск. 1980. С. 20–38.
- Санников 1981a — *В. З. Санников*. Правила сочетаемости членов русских сочинительных конструкций (СК) // Lingvistica Silesiana. № 4. Wrocław etc., 1981. S. 111–131.

- Санников 1981б — В. З. Санников. Есть ли чередования в синтаксисе? (К проблеме синтморфологии) // Wiener Slawistischer Almanach. 1981. Bd 8.
- Санников 1985 — В. З. Санников. Семантика и прагматика союза *или* // Семиотика и информатика. Вып. 24. М., 1985. С. 117–141.
- Санников 1986 — В. З. Санников. Значение союза *но*: нарушение нормального положения вещей // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1986. № 5.
- Санников 1987а — В. З. Санников. Прагматика неопределенных утверждений // Научно-техническая информация. Сер. 2. М., 1987. № 9. С. 32–37.
- Санников 1987б — В. З. Санников. Смысловой компонент ‘норма’ в значении русских сочинительных союзов // Вопр. кибернетики. М., 1987.
- Санников 1989 — В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). М.: Наука, 1989.
- Санников 1990 — В. З. Санников. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке // ВЯ. 1990. № 5. С. 50–61.
- Санников 1999, 2002 — В. З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999; 2-е изд, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Санников 2001а — В. З. Санников. Семантика и прагматика союза ЕСЛИ // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 68–89.
- Санников 2001б — В. З. Санников. Еще раз о союзе РАЗ // Жизнь языка. Сб. ст. к 80-летию Михаила Викторовича Панова / Отв. ред. С. М. Кузьмина. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 109–116.
- Санников 2004 — В. З. Санников. О значении союза *пускай/пусть* // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 239–245.
- Санников 2005 — В. З. Санников. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // ВЯ. 2005. № 4. С. 3–20.
- Саркисян 1974 — С. Г. Саркисян. О семантических особенностях противительно-разделительной связи // РЯШ. 1974. № 5. Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983.
- Серебряная 1972 — Ф. И. Серебряная. К вопросу о структуре градационного ряда // РЯШ. 1972. № 2.
- Серебряная 1976 — Ф. И. Серебряная. К вопросу об изучении сочинительных союзов: Построения с союзом *а* и с производными

- с опорным *a* // Сб. науч. тр. Ташкентского пед. ин-та. 1976. Т. 186. С. 149—162.
- Серебряная 1984 — Ф. И. Серебряная. О коммуникативном членении сложноподчиненных предложений с союзом *не только... но и* // Вопросы теории и истории языка. Ташкент, 1984.
- Сигал 2004 — К. Я. Сигал. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования: Дис. ... док. филол. наук. М., 2004.
- Скобликова 1971 — Е. С. Скобликова. Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
- Сл. синонимов 1975 — Словарь синонимов / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1975.
- Собинникова 1969 — В. И. Собинникова. Сложные предложения с союзом *a to* в русских и украинских говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Т. 4. Воронеж, 1969.
- Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981.
- Стародумова 1974 — Е. А. Стародумова. Функции ограничительного слова «только» в современном русском языке // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1974. С. 32–51.
- Степанов 1981 — Ю. С. Степанов. В поисках прагматики: Проблема субъекта // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. № 4. С. 325–332.
- Степанов 1983 — Ю. С. Степанов. В мире семиотики // Семиотика. М., 1983. С. 5–36.
- Сусов 1980 — И. П. Сусов. Семантика и прагматика предложения. Калинин, 1980.
- Сэпир 1985 — Э. Сэпир. Градуирование: Семантическое исследование // НЗЛ. XVI. М., 1985. С. 43–78.
- Тарский 1948 — А. Тарский. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948.
- Типология 1998 — Типология условных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 1998.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–IV. М., 1935–1940.
- Толстой 1968 — Н. И. Толстой. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1968.

- Трубецкой 1967 — *Н. С. Трубецкой*. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Туровский 1988 — *В. В. Туровский*. КАК, ПОХОЖ, НАПОМИНАТЬ, ТВОРИТЕЛЬНЫЙ СРАВНЕНИЯ: Толкования для группы квазисинонимов // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- Урысон 1981 — *Е. В. Урысон*. Поверхностно-синтаксическое представление русских аппозитивных сочетаний // Wiener Slawistischer Almanach. 1981. Bd. 7.
- Урысон 1982 — *Е. В. Урысон*. Направление синтаксической зависимости в русских аппозитивных конструкциях // Bulletin de la société polonaise de linguistique. Fasc. XXXIX. 1982. P. 91–107.
- Усова 1986 — *Н. В. Усова*. Противительные конструкции с союзом «но» в современном литературном языке: Автореф. канд. дис. Томск, 1986.
- Успенский 1995 — *Б. А. Успенский*. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Уханов 1983а — *Г. П. Уханов*. К вопросу о значении союзов // Проблемы современной русской лексикологии. Калинин, 1983. С. 92–106.
- Уханов 1983б — *Г. П. Уханов*. Ряды однородных придаточных и структурные схемы сочинения // Синтаксис предложения. Калинин, 1983. С. 71–93.
- Фасмер 1964–1973 — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., Т. I–IV. 1964–1973.
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
- Хазагеров, Ширина 1999 — *Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина*. Общая риторика: Курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов-н/Д, 1999.
- Хегай 1981 — *В. М. Хегай*. Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке: Автореф. канд. дис. М., 1981.
- Холодов 1970 — *Н. Н. Холодов*. Соотносительные предложения с союзом «только», синонимичным союзу «но» // РЯШ. 1970. № 6. С. 83–88.
- Холодов 1975 — *Н. Н. Холодов*. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Ч. I–II. Смоленск, 1975.

- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. СПб., 1998. С. 7–96.
- Чейф 1982 — У. Чейф. Данное, контрастность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // НЗЛ. XI. М., 1982. С. 277–316.
- Черемисина 1971 — М. И. Черемисина. Некоторые вопросы синтаксиса. Сравнительные конструкции современного русского языка. Новосибирск, 1971.
- Черемисина 1973 — М. И. Черемисина. Союз как лексическая единица языка: Лексема или функция // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1973.
- Черемисина 1979 — М. И. Черемисина. Моносубъектные конструкции: Понятие и типы // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1979.
- Черемисина 1981 — М. И. Черемисина. Об «однородных сказуемых» // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981. С. 3–14.
- Черняева 1957 — В. М. Черняева. Приемы речевого контраста в стихотворной сатире 60-х годов // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. Вып. 44. Сер. филол. Горький, 1957.
- Чеснокова 1978 — Л. Д. Чеснокова. Семантика сочинительных связей в структуре простого предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978. С. 146–153.
- Чикурова 1981 — М. Ф. Чикурова. Противительные структуры, их логико-семантическая база и структурные варианты // Вопросы лингвистической семантики. Тула, 1981. С. 122–134.
- Шанский 1968 — Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
- Шахматов 1941 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М.; Л., 1941.
- Шведова 1960 — Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Шведова 1971 — Н. Ю. Шведова. Согласование и координация: Их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. ст. к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971.
- Шведова 1973 — Н. Ю. Шведова. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. М., 1973.

- Ширяев 1980 — *Е. Н. Ширяев*. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // ФН. 1980. № 2. С. 49–54.
- Ширяев 1983 — *Е. Н. Ширяев*. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке: Автореф. док. дис. М., 1983.
- Ширяев 1986 — *Е. Н. Ширяев*. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
- Шитов 1983 — *В. А. Шитов*. Раритетные структуры в сфере однородного соподчинения // Синтаксис предложения. Калинин, 1983. С. 94–99.
- Шмелев 1964а — *Д. Н. Шмелев*. О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
- Шмелев 1964б — *Д. Н. Шмелев*. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев 1969 — *Д. Н. Шмелев*. Проблемы семантического анализа лексики: На материале русского языка: Автореф. док. дис. М., 1969.
- Шмелев 1976 — *Д. Н. Шмелев*. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
- Шмелев 1977 — *Д. Н. Шмелев*. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
- Шрейдер 1964 — *Ю. А. Шрейдер*. Свойства проективности языка // НТИ. Сер. 2. 1964. № 8. С. 38–41.
- Штейнберг 1969 — *Н. М. Штейнберг*. Редупликация в современном французском языке. Л., 1969.
- Шувалова 1984 — *С. А. Шувалова*. О соотносительности смысловых отношений и союзных средств в сложносочиненном предложении // Сложное предложение в конструктивно-семантическом аспекте. Калинин, 1984. С. 44–52.
- Щерба 1928 — *Л. В. Щерба*. Русская речь: Новая серия. 2-е изд. М., 1928.
- Щерба 1965 — *Л. В. Щерба*. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. Ч. I–II. М., 1965.
- Щерба 1974а — *Л. В. Щерба*. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

- Щерба 1974б — Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 265–304.
- Якобсон 1983 — Р. Якобсон. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 102–117.
- Allwood, Andersson, Dahl 1977 — J. Allwood, L.-G. Andersson, O. Dahl. Logic in linguistics. L. etc.: Cambridge Univ. press, 1977.
- Anscombre, Ducrot 1977 — J. C. Anscombre, o. Ducrot. Deux «mais» en français // *Lingua*. 1977. Vol. 43. N 1. P. 23–40.
- Bar-Hillel 1971 — Y. Bar-Hillel. Out of the pragmatic wastebasket // *Linguistic Inquiry*. 1971. Vol. 2. N 3. P. 401–406.
- Boguslawski 1977 — A. Boguslawski. Problems of the Thematic-Rhematic Structure of Sentences. Warszawa, 1977.
- Carroll 1978 — John M. Carroll. On coordination reduction // *Lingua*. 1978. Vol. 46. N 1. P. 49–60.
- Comrie 1986 — B. Comrie. Conditionals: A typology // *On conditionals*. Cambridge, 1986.
- Cooper, Ross 1975 — W. Cooper, J. Ross. World Order // *Papers from the Parasession of Functionalism*. Chicago, 1975.
- Dougherty 1970 — R. Dougherty. A grammar of coordinate conjoined Structures. I–II // *Language*. 1970. Vol. 46. P. 850–898; 1971. Vol. 47. P. 298–339.
- Ducrot 1972 — O. Ducrot. Dire et ne pas dire. Paris, 1972.
- Ehrentzanz 1973 — J. Ehrentzanz. Sometimes, Or=And // *Linguistic Inquiry*. 1973. Vol. iv. N 2.
- Gazdar 1980 — G. Gazdar. A cross-categorial semantics for coordination // *Linguistics and philosophy*. 1980. Vol. 3. N 3. P. 407–409.
- Gazdar, Klein, Pullum, Sag 1985 — G. Gazdar, E. Klein, G. Pullum, I. Sag. Generalized Phrase Structure Grammar. Cornwall, Basil Blackwell. 1985.
- Genaust 1975 — H. Genaust. Voici and voilà (eine textsyntaktische Analyse) // *Textgrammatik*. Tübingen, 1975.
- Grice 1975 — H. P. Grice. Logic and conversation // *SaS*. N. Y., 1975. Vol. 3. P. 41–58.
- Grosu 1972 — A. Grosu. The strategic content of island constraints // *Working papers in linguistics*. 13. 1972.

- Hansson 1974 — *B. Hansson*. A program for pragmatics // Logical theory and semantic analysis. Dordrecht, 1974. P. 163–174.
- Hiž 1962 — *H. Hiž*. Questions and answers // *J. Philos.* 1962. Vol. 58. P. 107–117.
- Hudson 1976 — *R. A. Hudson*. Conjunction reduction, Gapping, and Right-node Raising // *Language*. 1976. Vol. 52. N3. P. 535–562.
- Hurford 1974 — *J. R. Hurford*. Exclusive or inclusive Disjunction // *Foundations of Language*. 1974. Vol. 11. N 3. P. 409–411.
- Jackendoff 1983 — *R. S. Jackendoff*. *Semantics and cognition*. L.; Cambridge, 1983.
- Johnson-Laird 1970 — *Ph. W. Johnson-Laird* // *Journal of Linguistics*. 1970. Vol. 6. N 1. P. 111–114.
- Katz, Fodor 1963 — *J. J. Katz, J. A. Fodor*. The structure of a semantic theory // *Language*. 1963. Vol. 39. N 1.
- Küstner 1982 — *A. Küstner*. Some principles of coordination. 1—II // *Prague bull. of math. linguistics*. 1982. N 37–38.
- Lakoff 1971 — *R. Lakoff*. If's, and's and but's about Conjunction // *Studies in Linguistic Semantics*. N. Y. etc., 1971. P. 114–149.
- Lakoff 1972 — *G. Lakoff*. Linguistics and natural logic // *Semantics of natural language* / Ed. D. Davidson, G. Harman. Dordrecht, 1972. P. 545–665.
- Lakoff 1975 — *G. Lakoff*. Pragmatics in natural logic // *Formal semantics of natural language* / Ed. E. L. Keenan. Los Angeles, 1975. P. 253–286.
- Lakoff, Stanley 1966 — *G. Lakoff, P. Stanley*. Phrasal conjunction and symmetric predicates. Cambridge, 1966.
- Lakoff, Ross 1970 — *G. Lakoff, J. R. Ross*. Two Kinds of And // *Linguistic Inquiry*. 1970. Vol. 1. N 2. P. 271–272.
- Le groupe λ -1 1975 — Le groupe λ -1: Car, parce que, puisque // *Revue Romane*. 10. 1975. P. 248–280.
- Leech 1983 — *G. N. Leech*. *Principles of pragmatics*. L.; N. Y., 1983.
- Martin 1973 — *R. Martin*. Le mot *puisque*: notions d'adverbe de phrase et de presupposition sémantique // *Studia Neophilologica*. XLV. 1973.
- Morris 1938 — *Ch. W. Morris*. Foundations of the theory of signs // *International encyclopedia of unified science*. Chicago, 1938. Vol. 1. N 2.
- Nikula 1983 — *H. Nikula*. Ebenen des Textes und ihre wechselseitigen Beziehungen: Syntaktische Reichenfolgebeziehungen und semantischpragmatische Interpretation // *Sprache und Pragmatik*. Stockholm, 1983. S. 105–135; цит. по: [PЖ].

- Prucha 1983 — *J. Prucha*. Pragmalinguistics: East Europ. approaches // Amsterdam. Philadelphia, 1983.
- Quine 1940 — *W. V. Quine*. Mathematical logic. N. Y., 1940.
- Reichenbach 1947 — *H. Reichenbach*. Elements of symbolic logic. N. Y., 1947.
- Rohrer 1973 — *Ch. Rohrer*. On the relation between disjunction and existential quantification: The formal analysis of natural languages. The Hague — P., 1973. P. 224–232.
- Schachter 1977 — *P. Schachter*. Constraints on coordination // Language. 1977. Vol. 53. N 1. P. 86–103.
- Searle 1969 — *J. R. Searle*. Speech acts: An essay in the philosophy of language. L. etc., 1969.
- Tesnière 1976 — *L. Tesnière*. Eléments de syntaxe structurale. 2-ème ed. P., 1976.
- Wierzbicka 1969 — *A. Wierzbicka*. Dociekania semantyczne. Wrocław etc., 1969.
- Wierzbicka 1979 — *A. Wierzbicka*. Ethno-syntax and the philosophy of grammar // Studies in language. 1979. Vol. 3. N 3. P. 313–381.
- Wierzbicka 1980 — *A. Wierzbicka*. Lingua mentalis. Sydney etc., 1980.
- Wierzbicka 1987 — *A. Wierzbicka*. Boys will be boys: 'radical semantics' vs. 'radical pragmatics' // Language. 1987. Vol. 63. № 1. P. 95–114.
- Wierzbicka 1996 — *A. Wierzbicka*. The semantics of «logical concepts» // The Moscow Linguistics Journal. 1996. № 2.
- Wierzbicka 1999 — *A. Wierzbicka*. A semantic basis for linguistic typology // Типология и теория языка: К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. М., 1999. С. 26–35.